

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Н. А. Богомолов

РУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
НАЧАЛА XX ВЕКА
И ОККУЛЬТИЗМ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА НАЧАЛА XX ВЕКА И ОККУЛЬТИЗМ

Н. А. БОГОМОЛОВ

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
НАЧАЛА XX ВЕКА
И ОККУЛЬТИЗМ**

Исследования и материалы

Новое литературное обозрение
Москва
1999

*Посвящаю эту книгу
памяти моего отца*

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
Научное приложение. Вып. XVIII

Художник серии *Н. Пескова*

В оформлении книги использованы рисунки О. Бердслея

Богомолов Н. А.

Русская литература начала XX века и оккультизм. — М.: Новое литературное обозрение, 1999. — 560 с.

О связях русской литературы с разного рода оккультными и эзотерическими учениями (спиритизм, теософия, антропософия, масонство, розенкрейцерство и т. п.) известно давно, однако, как правило, исследователи ограничивались изложением узкого круга определенных фактов. В предлагаемой читателям работе анализ ведется по нескольким направлениям: воссоздание жизненных обстоятельств, связывавших крупнейших русских поэтов (А. Белый, Вяч. Иванов, М. Волошин, В. Брюсов, М. Кузмин и пр.) с деятелями русского «оккультного возрождения», прежде всего — с загадочной А. Р. Минцловой; анализ различных текстов, где нашли отражение эзотерические доктрины (в том числе статья Блока «О современном состоянии русского символизма», лирика Н. Гумилева, М. Кузмина, Вл. Ходасевича); наконец — публикация документов, показывающих значимость данных проблем для истории культуры и общественной жизни. Использован большой архивный материал.

ПРЕДИСЛОВИЕ

РУССКИЙ МОДЕРНИЗМ И ОККУЛЬТИЗМ

Предварительные наблюдения

Уже вполне общим местом стало представление о том, что возникновение европейского модернизма, особенно во Франции, не просто хронологически совпало с так называемым «оккультным возрождением», а в значительной степени было им определено. Интерес к самым разнообразным формам экстранаучного познания оказался чрезвычайно велик прежде всего во Франции, где авторитетные оккультисты были одновременно и незаурядными писателями. Любой самый поверхностный обзор тем и идей, господствовавших во французской литературе эпохи декаданса, непременно касается описаний оккультной практики, прямого переноса в художественное творчество эзотерических представлений об истории человечества, современном состоянии его и пр., и пр. Эта сторона литературы исследована достаточно подробно¹ и потому специально говорить о ней мы не будем.

Гораздо интереснее и плодотворнее, с нашей точки зрения, попытаться осмыслить то влияние, которое оккультизм оказывал на организацию художественного мира как отдельных произведений, так и целостного творчества того или другого автора. Выявить воздействие той или иной доктрины на творчество поэта, как нам кажется, и входит прежде всего в задачи литературоведа. Однако из работ зарубежных авторов, касающихся интересующей нас проблемы, нам известна лишь одна, решающая подобные задачи, — книга американской исследовательницы Энид Старки «Артур Рембо»², где творческий путь Рембо рассматривается как попытка последовательной реализации представления о том, что поэзия является оккультной силой, способной переустроить мир, а отказ от поэзии стал следствием разочарования в этих способностях. В частности, весьма убедительным представляется ее анализ прославленного сонета «Глас-

ные» как своеобразного алхимического шифра, использованного автором для чего-то вроде попытки найти философский камень поэзии, обращающий повседневный металл в благородный. И тут, конечно, подразумевалась алхимия высшего порядка, не ограничивавшаяся сравнительно низменными целями личного обогащения, а делающая метаморфозы вещества залогом духовной трансмутации.

При этом следует сказать, что для наших целей существенна не глубокая внутренняя убежденность в верности оккультных и эзотерических доктрин разного рода и соответственное вчитывание в различные тексты посторонних им представлений о тайном знании и пр., а попытки вычленивать реальное поэтическое содержание, порожденное как самими этими доктринами непосредственно, так и соответствующей терминологией, отдельными фрагментами целостных систем, дальними отголосками когда-то услышанного или прочитанного.

Следует оговорить те термины, которые будут более или менее систематически употребляться на страницах книги, поскольку значения их изменчивы и не совпадают у разных авторов. Мы считаем возможным присоединиться к тому определению, которое дает Леонид Геллер, удачно в компактном виде формулируя: «*Эзотеризм* — слагающая всех мировых культур — это полученные в откровении и предназначенные для посвященных знания о Боге, мире и человеке. В кругу нашей культуры к области эзотерического относятся герметизм, оккультизм и часть гностического наследия. *Герметизм* — это система представлений о мире, восходящая к греко-египетской традиции и закрепленная в собрании текстов (*Corpus Hermeticum*), приписывающихся Гермесу Трисмегисту. *Оккультизм* — практические способы воздействия на мир, использующие соучастие сверхъестественных сил <...> Гностические взгляды долгое время считались различными вариантами христианской ереси, но уже Харнак отличил *гносис* (эзотерический способ познания) и *гностицизм* (выросшие на христианской почве учения II-го века)»³. При этом далее он пишет: «Границы этих традиций и систем очень текучи. Так, исследователи различают герметизм ученый, философский и «популярный» или прикладной (астрология, алхимия, магия). Но и гностицизм обращается к магии — недаром отцом всех гностических ересей считается Симон Волхв. И наоборот, оккультные «прикладные» науки свою практику поддерживают мировоззренческими концепциями (такова алхимическая традиция, таков нео-оккультизм Элифаса Леви). С другой стороны, скрещиваются сами «теоретические» концепции. Уже в *Corpus Hermeticum* находятся тексты, родственные гностическим»⁴, — и т. д.

Даже по этому краткому изложению, опирающемуся в основном на французские исследования, видно, что безусловно точная терминология для определения тех вопросов, с которыми нам придется

столкнуться на протяжении изложения, вряд ли возможна, да и нужна. Потому для нас своего рода направляющим стало отношение к терминологии издателей и сотрудников сборников «Оккультизм и Йога», которые вводили в круг своего внимания самые различные явления, от эзотерических концепций космической и человеческой истории до вегетарианства и вообще систем правильного питания, от Элевсинских мистерий до полтергейста, от алхимии до расплывчатой убежденности, что все в мире должно быть хорошо и правильно, почему охотно цитировали в книгах пассажи из произведений П. Проскураина, А. Адамова или Г. Медынского.

В связи с этим мы и сочли уместным употребить в заглавии нашей книги и в отдельных ее частях термин «оккультизм», хотя отдаем себе отчет, что кое-где он понимается излишне вольно, вбирая в себя и то, что следовало бы в точном смысле назвать эзотеризмом. Но в интересующий нас период распространения подобных теорий в русском и европейском обществе становится уже трудно говорить об эзотеризме в подлинном смысле этого слова, поскольку священные тайны выбалтываются на каждом шагу, становясь достоянием не только посвященных, но и профанов, более или менее наслышанных о соответствующих проблемах. Следует также учитывать, что в индивидуальном словоупотреблении это слово могло обрастать даже у убежденных оккультистов неприятными коннотациями. Так, в одном из своих писем Е. И. Рерих говорила: «...я не люблю слово оккультизм. Слово это заклеено обывательским к нему отношением и, так сказать, набило оскомину. Понимаю, что трудно всюду изъять его, но, где возможно, я старалась бы избегать этого термина вчерашнего дня. Сокровенное Учение, Сокровенное Знание или даже Тайноведение звучит уже лучше»⁵.

Приблизительно о том же писал Андрей Белый, объясняя М. К. Морозовой в большом письме: «Когда говорят *«оккультизм»*, то разумеют прежде всего оккультическую литературу XIX столетия (второй половины), т. е. сочинения талантливых и неталантливых синкретистов, смешавших воедино <так!> все исторические памятники *«Geheimwissenschaft»*; обыкновенно такие книги все шарлатанского духа: пишущие или рассчитывают на легковерьье, или сами ни аза не смыслят в том о чем пишут, или думают, что смыслят, опираясь на рудиментарные, неразработанные способности своей души, открывающие им *кое-что* из написанного <...> Поэтому даже лучшие представители совр<еменного> оккультизма бессознательные шарлатаны <...> Таких честных шарлатанов *«мало»* (St[anislas] Guaita, d'Alveydre); далее идут уже явно шарлатаны вроде Eliph[as] Lévi, Папюса. И они доминируют <...> Во-вторых: под *«оккультизмом»* разумеют то особое течение 15-го, 16-го и 17-го столетия, которое породило с одной стороны новую философию, новую науку, новую мистику. *«Оккультисты»* это те, кто стоял на рубеже между нашей эрой

и средневековой схоластикой»⁶. Далее он развивает свою концепцию оккультизма как точной (в известном смысле) науки, что нас интересует пока что в гораздо меньшей степени, но само отношение показательно. Восприятие понятия «оккультизм» как отчасти противоречивого было характерно для многих авторов, но в то же время оно удачно передает круг интересов, которые волновали многих русских писателей начала века, потому мы и выносим его в название книги.

Для русского символизма как самого раннего этапа модернизма с самых первых его шагов было чрезвычайно существенно внимание к разным формам сверхчувственного познания или их имитациям, точно так же, как оккультисты со вниманием относились к литературе, в которой можно было увидеть отражение их идей. Так, известная оккультистка С. Тухолка писала: «Оккультизм есть наука о скрытых силах природы и о скрытых сторонах нашей жизни. Но впереди науки часто идут поэты. Благодаря вдохновению индуктивному познанию <так!> им удается приподнять завесу над тайнами, о которых еще и не подозревают ученые. Пусть догадки их неполны и иногда неточны. Когда молния на мгновение осветит ночную темь, то вы менее рассмотрите пейзаж, чем при постоянном свете фонарей, но пока терпеливые труженики науки еще не осветили тайн мира, поэзия может дать нам ценные указания. <...> некоторые фантазии Эдгара По находят полное подтверждение в доктринах Оккультизма, хотя он вовсе не был знаком с последним»⁷.

Хорошо известен постоянный интерес Валерия Брюсова к спиритизму, возникший еще в долитературную (или, точнее, допечатную) эпоху и первоначально привычно вписывавшийся в традиционную систему ценностей русского общества восьмидесятых годов, для которого спиритизм являлся характернейшим явлением⁸. Однако в силу разных обстоятельств, о которых мы говорим далее, уже с первых опытов «декадентского» творчества спиритизм осознается в качестве одного из важнейших конституирующих принципов самого понятия «декадентство».

С особой полнотой Брюсов объяснил свое убеждение в важности спиритизма для новой русской литературы в предисловии к поэме своего давнего, еще с середины девяностых годов, соратника А. Л. Миропольского, которое было озаглавлено «Ко всем, кто ищет» и служило ответом, в частности, Мережковским, для которых христианский мистицизм был чрезвычайно интересен, тогда как спиритизм воспринимался как нечто абсолютно не имеющее отношения ни к литературе, ни к какому бы то ни было серьезному мирозерцанию. Об этом прямо свидетельствует текстуальное совпадение — статья начинается словами: «Я хочу говорить здесь о спиритизме. Когда мне случалось поминать о нем в беседе с людьми, причастными новому искусству, мне возражали: “Это неинтересно”»⁹. Меж тем несколько ранее Брюсов записывал в дневнике: «Спорили долго, совер-

шился ли уже страшный суд в мире феноменальном. Бред и нелепость. Я заговорил о спиритизме. М<ережковск>ий завопил: “Это — неинтересно”»¹⁰.

То, что сделано это было именно в предисловии к поэме Миропольского, вовсе не казалось современникам случайностью, ибо сам А. А. Ланг (таково было истинное имя писателя, скрывавшегося под псевдонимами А. Л. Миропольский или А. Березин) хорошо был известен как преданный адепт спиритизма, деливший с Брюсовым не только первую скандальную литературную известность в качестве участника «Русских символистов», но имевший славу сильного медиума, рано познавшего состояние транса. Как и Брюсов, он печатался в журнале «Ребус», а в воспоминаниях сохранились колоритные подробности его спиритических опытов.

И далее спиритизм, по крайней мере до середины девятисотых годов, становился существенной составной частью увлечений московского литературного круга. Так, Н. И. Петровская, писательница малоизвестная, но фигура литературной жизни совершенно незаурядная, вспоминала о начале девятисотых годов: «С. Кречетов весьма интересовался спиритизмом и его терминами жонглировал в гостиных очень искусно. У нас еще при аргонавтах и словно в пику им собирався раз в неделю небольшой и замкнутый кружок: Ланг-Миропольский, Саша Койранский, покойный композитор Ребиков, студент Б. Попов и забеглый аргонавт А.*Печковский <...> В. Брюсов о наших сеансах знал, но как будто ими не интересовался»¹¹.

Спиритизм был увлечением преимущественно московским, тогда как для Петербурга было гораздо более характерно желание подставить на место спиритизма, понимавшегося как позитивистский способ общения с потусторонним, какую-либо форму мистицизма, как собственно православного, так и иноконфессионального или вообще внеконфессионального. Отчетливо видно различие между московским и петербургским отношением к мистицизму в целом ряде примеров, из которых ограничимся несколькими. Так, в уже цитированной выше неизданной дневниковой записи Брюсова говорится: «В воскресенье обедал с Перцовым и говорил о христианстве. Он увлечен этим религиозным движением больше, чем я думал. Впрочем, как всегда увлекался всем, чем Д<митрий> С<ергеевич> <...> После говорили о церкви, близки ли они <Мережковские> к ней. Шла речь о том, должно ли причащаться. — «Я думаю, если б я умирала, меня причастил бы ты», — сказала Зиночка <З. Н. Гиппиус> Д<митрию> С<ергеевичу>. Он же колебался, не лучше ли позвать священника, но после решил, что и его может причастить Зиночка. Говорили, кто спасется <...> Все это не в шутку, а просто серьезно»¹². И речающий вывод можно усмотреть в дневниковой реплике чуть более позднего времени, уже после возвращения в Москву в середине февраля: «В четверг был у Ю. Бартенева и встретил там Н. В. До-

секина. Я ужаснулся, когда и он стал говорить о конце мира и антихристе. Впрочем, человек умный и образованный»¹³. Вместе с тем отметим, что, видимо, и среди самих московских символистов постепенно произошли некоторые изменения в отношении к спиритизму: во всяком случае, предисловие ко второму варианту своей книги Миропольский просил написать уже не Брюсова, а Андрея Белого, человека гораздо более широких взглядов на мистицизм.

Еще один пример напомним лишь вкратце, поскольку он связан с гораздо более изученным материалом: для первоначального этапа развития петербургского извода символизма был весьма характерен феномен Александра Добролюбова, который первоначально стилизовал свой внешний облик и поведение под крайних французских декадентов, с тем чтобы через краткое время решительно обратиться к православной мистике, а потом, перешагнув через нее, стать не только последователем, но и создателем мистики сектантской¹⁴.

И не только опыт Добролюбова здесь, конечно, существен. Сознательное выстраивание своих отношений с православием как отношений проблемных, принципиальный адогматизм даже в следовании обрядности был в высшей степени характерен для петербургского символизма и близких к нему людей. Отсылая читателя к слишком хорошо известной истории взаимоотношений В. В. Розанова с церковью, характерной в высшей степени (при страстной любви к Богу и представляющемуся истинным церковному устройению, самому быту церкви — решительное неприятие ее нынешнего устройства), позволим себе привести пример, относящийся к несколько более позднему времени, чем то, о котором шла речь, но показательный явленной в нем решительностью. 30 марта 1911 года Антон Владимирович Карташев, человек из ближайшего окружения Мережковских, в будущем — министр вероисповеданий Временного правительства, обратился с предложением к Вячеславу Иванову:

«Дорогой Вячеслав Иванович

Не покажется ли Вам благовременным мое желание, чтобы все мы, любящие Церковь и в то же время верящие в пророческое движение в ней [Мейер, Тернавцев, Вы, я, еп<ископ> Михаил — несчастный, Философов, Мережковские, Каблуков, Знаменский и несколько молчащих, но мудрых женщин — С. П. Ремизова, Т. Н. Гиппиус, Н. В. Власова], встретили эту Пасху в церкви вместе, а затем где-ниб<удь> на нейтральной почве (т. е. не в семье), напр<имер>, у меня в квартире в складчину (ради принципа) разговелись вместе, вложив в это разговенье пророческий смысл.

Хлопоты по помещению нас в одной церкви я беру на себя».

Ответ Иванова нам неизвестен, да и не столь, вероятно, важен, а существеннее процитировать второе письмо, написанное через неделю, 7 апреля:

«Дорогой Вячеслав Иванович

Проводя все время теперь, и утра и вечера, в хождении по церквям, никак не нахожу момента совершить экскурсию к Вам.

Положение теперь таково. Мейер отказался пойти в церковь *вместе* (Догадываюсь, что он тайно пойдет туда один). Но разговеться вместе согласен, хотя и не пылает жадой. Мережковские не пойдут в церковь. По крайней мере, в этом году пойти не могут под давлением особых переживаний, налагающих на них, так сказ^{ать}, обязательство выразить всю силу своей верности «миру». Расходясь с ними в этих переживаниях, я не без ударения тяну к церкви, будучи вообще всегда (даже и в удалениях своих) верен ей, равно как и «миру», для выражения любви к которому у меня нет особой сложной символики.

Но они согласны прийти ко мне на символическое разговенье, ибо признают меня, пришедшего из церкви, как и я их, не ходивших. Так же мы взаимно относимся и к Мейеру.

С М^{ережковски}ми придет еще и Ольга Александровна Флоренская (сестра духовн. профессора), всецело по-женски им преданная, и Татьяна Гиппиус, согласная со мной, но примирительно остающаяся с ними. Со мной из церкви придут Наталья Гиппиус и Сераф.П. Ремизова. Вот все лица. Каждое с установившимися связями с несколькими другими.

Как воспринимаете все это Вы?

Эту встречу пасхи я бы считал знаком взаимного обязательства твердо стать на реальном теле церкви. Хотя и в пророческом дерзновении. Словом, нужно это взять только с взаимным признанием друг в друге принадлежности к церкви. Если этой уверенности нет, лучше ничего не делать. Я, по крайней мере, человек реальный и простой»¹⁵.

Не истолковывая этих писем подробно, отметим наиболее существенное для нас: отношения человека с Богом становятся не традиционно установленными, догматически и церковно зафиксированными, но представляющими серьезную внутреннюю проблему; значительное количество серьезно верующих людей, считающих себя христианами, как будто бы ставят условия Богу и церкви.

Вообще отношения разного рода оккультных практик к церкви (и наоборот), прежде всего к церкви православной, представляет собою весьма серьезную проблему, которая вряд ли может быть решена однозначно. Конечно, официальная точка зрения церкви как института известна: оккультизм во всех изводах безусловно греховен и подлежит осуждению. Но для людей, к оккультизму причастных, их интересы представлялись тесно соприкасающимися не только с догматической и обрядовой стороной православия, но даже несколько более. Характерен к этому отношению рассказ Андрея Белого о видной деятельнице Антропософского общества Софии Штинде:

«...образ ее передо мной стоит не только, как сильной ок<культист>-ки, но, главным образом, как Наставницы, Утешительницы в скорбях, Молитвенницы и, что ли, *епископа* перво-христианских общин, когда епископ был *первый в любви*, а не *первый в звании*; трудная наша жизнь; и есть в нашем Обществе ну право же *угодники и святые...*»¹⁶ Разного рода течения и группы, тесно связанные с оккультной практикой, воспринимают в одном ряду с христианством и иными религиями. Так, тот же Белый в 1921 г., готовя план занятий в вольфильском «Кружке сознания» (или же «духовной культуры»), помещал в разделе «История духовной культуры» на равных правах христианство, иудаизм, буддизм — и теософию, антропософию, толстовство¹⁷.

В этом контексте неудивительно, что разного рода религиозные, квазирелигиозные, оккультные искания множатся и вряд ли могут быть приведены к какому-либо общему знаменателю. Мы без труда обнаруживаем в поле зрения людей искусства того времени и сектантство разных изводов (причем следует учитывать, что, наряду с абсолютно серьезными и предельно честными по отношению к себе и современникам опытами Добролюбова или Л. Семенова, в истории литературы встречаются и явно игровые опыты Н. Клюева, и рассчитанно провокационные затеи Пимена Карпова¹⁸, которые, однако, тоже могли восприниматься и воспринимались как некое откровение народного сознания). Характерна в этом отношении жизненная судьба М. Кузмина, который во второй половине 1890-х гг. испытывает стремительную эволюцию религиозных взглядов: от традиционного православия он решительно и надолго отрекается, сперва находясь на грани обращения в католицизм, потом ему на выбор предлагаются «пашковцы» или проповеди о. Алексея Колоколова, от которых он отказывается, чтобы затем заинтересоваться старообрядчеством, не переходя в него, но обдумывая такую возможность¹⁹. Русская действительность конца XIX и самого начала XX века заставляла человека, серьезно и сознательно относящегося к религиозным проблемам, искать какого-то выхода, который не мог быть одинаковым для всех. Нас интересует более всего очень часто выявлявшаяся ориентация на самые разнообразные эзотерические учения, среди которых особо значимое место занимает теософия²⁰.

Не очень сложно понять, что теософия как сумма «тайных наук» должна была отвечать интересам многих ищущих. Особое значение приобретало стремление ее стать тем квазирелигиозным образованием, которое должно примирить все существующие религии и, соответственно, позволить выбирать из каждой то, что в данный момент данному человеку наиболее близко. Конечно, некоторые указания теософических авторитетов, как Блаватская, Безант, Штейнер, воспринимались как чрезвычайно значимые и рассчитанные на то, чтобы с ними считались, но особое значение придавалось той общей оккультной устной традиции, которая не была кодифицирована и

потому приобретала характер частного убеждения, позволяла варьировать как теософские догматы, так и обряды, и предания. Но специальный смысл в этом контексте приобретали и убеждения глубоко православные; они могли трактоваться, и трактовались как отвечающие убеждениям теософов и потому способные стать элементами эзотерического знания.

Характерен в этом отношении пример с письмами руководительницы русского отделения Теософического общества Анны Алексеевны Каменской к тому же Вяч. Иванову. Далее мы будем подробнее говорить о том, что в 1907—1910 гг. Иванов находился под сильнейшим идеологическим, духовным и психическим давлением А. Р. Минцловой, доходившим до попыток прямого вмешательства в творчество. Так, узнав о планировавшемся в мае 1909 года выступлении Иванова в христианской секции Религиозно-философского общества на тему «Евангельский смысл слова “Земля”»²¹, она начинает наставлять его, указывая, в каких контекстах можно обнаружить пересечение евангельских слов с оккультными доктринами: «...сегодня, открывая Евангелие, мне попалось следующее место, о котором напоминаю Вам, т. к. Вы говорили мне о *земле* в Евангелии, — Гл. Иоанна III 30—32 <далее следует греческий текст указанных стихов>.

Все это место, глубоко окрашенное тем отблеском алой Розы — я привожу Вам, т. к. Вы хотели знать, где упоминается слово *Земля* в Евангелии. — — —

Любимый мой, целую Ваши руки, Ваши глаза, видящие больше, чем кто бы то ни было на земле, сейчас — — — Хочу еще несколько слов Вам сказать — — — беспорядочно и смутно, Вы из них возьмете то, что надо Вам, Вячеслав. Ибо не знаете все же, *как много* отдаете Вы *всем*, кто с *Вами*. — — — Самое глубокое, глухое, плотное состояние материи было на Сатурне...» — и далее следует изложение сугубо теософских положений, которые должны были быть восприняты, с ее точки зрения, одновременно с евангельскими словами²². Хотя Минцлова находилась с Русским Теософическим обществом в достаточно напряженных отношениях, с Каменской она была хорошо знакома, и, возможно, именно через нее Иванов познакомился с последней.

В октябре 1909 года Каменская начала читать книгу Иванова «По звездам» и моментально отреагировала на прочитанное. 15 октября она сообщала ему в письме: «Дорогой Вячеслав Иванович!

Ваша книга меня так заинтересовала, что мне хочется написать статью о ней. В особенности меня заинтересовала «Русская идея», с которой, за исключением лишь одного места, я совершенно согласна и вижу в ней глубоко-теософическое понимание нашей национальной жизни».

Ответ Иванова нам неизвестен, однако уже на следующий день Каменская обращается к нему с новым письмом, где поясняет причины своего глубокого интереса:

«Дорогой Вячеслав Иванович,

И я радуюсь сближению и более глубокому взаимопониманию. Чем больше живешь *важным* и *единственно трудным*, тем менее начинают удовлетворять слова, и чувствуешь, что не в них дело, дело в том важном, что объединяет... Важно это главное, а не частности. И потому я от души приветствую Вашу «русскую идею» и многие страницы последних глав.

Я не согласна с противопоставлением Христианства с другими религиями (стр. 232—233); из всякого противопоставления рождается некоторый антагонизм и чувство превосходства, т. е. грех против единства. Я глубоко верю, что России суждено исполнить великую мировую миссию именно потому, что она *не* ставит узко-национальных задач, а мечтает о «всечеловеке».... Ей остается встать на широкую теософическую почву и осуществить свою миссию через родное ей Христианство — научиться видеть своего Христа во всех религиях мира, т. е. признать *единую религию*, вселенскую, богомудрие веков, для которого нет ни магометанства, ни христианства, а только Христова Любовь, всепроникающая, созидающая и всепобеждающая. Там, где эта Любовь звучит, там всегда и трагизм, и высшая радость. Нам остается понять и осуществить *единство религиозное*, самое глубокое и трудное из всех.... Так я понимаю миссию России. В Вашей статье звучат такие родные, призывные ноты, что верю — мы подходим к торжественному часу Совершения, и Грядущего встретит воскресшая русская душа»²³.

Вряд ли можно сомневаться, что Иванов не смог бы согласиться с подобным толкованием своей статьи, но характерно именно такое стремление теософов осмыслить в своем духе почти любое мистическое искание того или иного крупного художника и мыслителя. В свою очередь, эти мыслители и художники время от времени старались сопрячь свои интенции с теософскими. Точки соприкосновения в первую очередь вырабатывались в учении о символах, которое занимает весьма значительное место в теософии. Так, «архаическому символизму религий мира» целиком посвящена вся вторая часть второго тома «Тайной Доктрины». Но и в более конкретном смысле символика оккультная перекликалась с литературной. В качестве образца этих пересечений приведем фрагменты из письма А. Р. Минцловой к Вяч. Иванову от 26 июля 1909 года, писавшегося под сильнейшим впечатлением от чтения той же книги «По звездам», которая уже упоминалась выше.

«Любимый, дорогой, я только что прочла Вашу статью «Поэт и Чернь» — — То, что Вы сказали здесь о Сократе — об *истинной* причине смерти его, приговора толпы над ним — это есть глубокая оккультная истина, точная и верная, как все то, что знаете Вы и говорите Вы. Да, именно потому, что не знал музыки Сократ, он *должен* был умереть. «Учитель» *должен* знать музыку, идя к толпе. Как пре-

красны, как волшебны Ваши слова о «символах», Ваше учение о «символах»... Я скажу Вам дальше о символах — — —

Растения, звери, камни — это символы, ознаменованние иных миров, вселенных, к которым нет дороги больше, теперь, иначе как через эти знаки, знак любви и тоски, тихо оброненный на Землю уходящей вселенной, погружающейся в сон — — и иногда, во сне этом встают сновиденья и, окрыляясь, стремятся к земле, как невозможности — эти грезы, это дыхание засыпающей вселенной — завораживают мир земной, зачаровывают его в образы-символы Сущего вовеки — Растения — это различные безумные символы жизни из Предвечной Вселенной, где рождалась жизнь — — и гроздьями пурпурными брызнула окрест, во все стороны, во все «Царства Вечности» — <...>

И вот по этим знакам и письменам, начертанным Рукою Бога во вселенной — лежит теперь Ваш путь, путь истинного Р. К. — — И только так идут к высшим ступеням этого братства, держась твердо и верно за руку того, кто ведет по земле, до порога вечности, там, где с распростертыми объятиями ждет Та, кто уведет дальше, в высоту — —»²⁴

Понятно, что при таком соотношении базовых представлений символизм и оккультизм, а теософия в особенности, находили множество точек пересечения. В своем акмеистическом манифесте «Наследие символизма и акмеизм» Н. Гумилев сформулировал это предельно остро: «Русский символизм направил свои главные силы в область неведомого. Попеременно братался он то с мистикой, то с теософией, то с оккультизмом»²⁵. Действительно, существуют свидетельства о том, что сильнейшее воздействие всякого рода оккультных доктрин и практики испытывали не только названные выше Брюсов и Вяч. Иванов, но и М. Волошин, и Андрей Белый (предельно кратко сформулировавший: «Эзотеризм присущ искусству»²⁶), и К. Бальмонт, и Эллис, и ряд менее значительных фигур.

Но, как ни парадоксально, едва ли не большее воздействие оккультизм и пр. оказали на постсимволистскую культуру. Помимо очевидных эзотерических корней творчества Кандинского или Малевича, Михаила Чехова или Бориса Поплавского, даже те авторы, которые, по всеобщему убеждению, уже при вступлении в литературу всячески противостояли попыткам «познать непознаваемое», подобно Гумилеву, Мандельштаму, Кузмину, Ходасевичу²⁷ и др., на деле вступали с эзотеризмом в сложные отношения, которые заслуживают пристального внимания и специального исследования.

Видимо, следует особо оговорить достаточно сложный вопрос об истинности и ложности разного рода институций, существовавших в эти годы в России. Там, где речь идет о неформальных кружках, не претендующих на какую-либо связь с другими, аналогичными, — дело обстоит просто: они существовали, и на этом вопрос исчерпывается. Существеннее определить отношение к тем организациям,

которые так или иначе должны были зависеть от аналогичных русских или иностранных, — то есть прежде всего об отделениях различных формализованных организаций (в первую очередь Теософического общества) и о мистических орденах — масонах, мартинистах, розенкрейцерах, тамплиерах и пр. В фундаментальном исследовании истории русского масонства второй половины XIX и первой половины XX века А. И. Серков исходит из того, что для институализации орден должен был быть введен в общую систему, связывающую все орденские ложи воедино²⁸. Однако не случайно он, затрагивая историю послереволюционного времени, фактически ограничивается изучением русского зарубежного масонства. На территории СССР все организации, как орденского типа, так и отдельные кружки, вынуждены были существовать в глубочайшем подполье и потому преимущественно были обречены на замкнутое существование, лишенное каких бы то ни было контактов с сомышленниками и сочувственниками из других подобных же организаций. Такая ситуация более или менее напоминает деятельность русского масонства после запрещения в 1822 году²⁹, когда, по словам авторитетного исследователя-масона, «ложи мартинистской системы <...> которые по своему замыслу являются маленькими ячейками, — продолжали существовать во многих русских городах непрерывно, равно как и розенкрейцерские и отчасти иллюминаты»³⁰. Нам в настоящее время неизвестно, действительно ли, как утверждают некоторые авторы, деятельность этих лож была непрерывной и традиция, таким образом, не угасала³¹, или же это лишь иллюзия страстных адептов, однако вряд ли можно подвергнуть сомнению, что само по себе стремление не просто предаваться уединенным размышлениям или действиям, а объединять усилия для некоего коллективного действия, направленного на выявление духовных потенций участников и ориентированных на ритуал или же на единение вокруг оккультного деяния, уже является свидетельством той активности, которая и интересует нас в связи с русской литературой. Здесь следует особо сказать о личности Б. М. Зубакина, самостоятельно, сколько мы можем судить, нарекшегося розенкрейцером высших степеней посвящения и организовавшего какое-то подобие розенкрейцерской ложи.

В последнее время деятельности этого очевидно незаурядного человека оказалось посвящено несколько заметных публикаций³². Однако до сих пор историки, о нем пишущие, не могут прийти к мнению, был ли он действительно розенкрейцером или мистическим шарлатаном. Как кажется, если стать на нашу точку зрения, то эта проблема отодвинется на задний план: Зубакин несомненно должен включаться в число русских оккультистов, — другое дело, что вопрос о его причастности к какому-либо институализированному ордену остается под вопросом.

Несомненно свидетельствует об этом изложение одного из его ранних публичных выступлений: «В последние годы в Европе воскрес и распространился в широких кругах интерес к оккультизму, причем весьма многие имеют о нем превратное представление, чуть ли не отождествляя его с колдовством. Б. М. Зубакин в своей лекции «Правда об оккультизме», прочитанной в Петрограде в морском манеже, задался целью всесторонне осветить темный для многих вопрос об оккультизме. Он и с филологической точки зрения рассмотрел слово «оккультизм», и познакомил в исторической перспективе с формами проявления его в разные эпохи, у разных народов, и уяснил сущность его. По определению энциклопедического словаря, оккультизм есть наука о тайном, сокровенном; оккультисты же определяют оккультизм как науку, соприкасающуюся с религией или как расширение рамок науки до границ религиозных верований. Зародившийся в глубокой древности, оккультизм, то всплывая на поверхность жизни, то на время ныряя в ее глубины, непрерывной цепью тянется на протяжении веков, достигая наибольшего расцвета в сумеречные времена, когда ему приходится играть роль корректива религиозных верований; таким образом мы встречаем пифагорейцев в античном мире, иесеев и саддукеев у евреев, иллюминатов в первые века христианства. В настоящее время оккультизм обязан своим расцветом крушению материалистического мировоззрения. Так называемые положительные науки пошатнули религиозные верования людей, не сумев их заменить собою. Ярые поклонники материализма, подобно герою «Бесов», пытались, убрав с алтарей иконы, заменить их Молешоттом, Бюхнером, воскуривая перед ними фимиам, но не могли не почувствовать, в конце концов, что их внешне заполненные алтари по существу пусты, что в их храмах нет Божества, а почувствовав это, не могли не устремиться на поиски того наиболее существенного, духовного, чего им недоставало. Однако перейти от крайнего материализма к прежним бесхитростным верованиям, вытесненным им, как-то не хватало решимости, и вот все они устремились к оккультизму, перебрасывающему мост между как бы враждующими наукой и религией. Этот европейский оккультизм, выросший на развалинах крайнего материализма, несколько разнится от древнего оккультизма, колыбелью которого был Египет.

Современный оккультист, приученный материализмом пользоваться логическими рассуждениями и экспериментальным методом, вооружившись ими, входит в область оккультизма и достигает там весьма незначительных результатов, тогда как в древности оккультист, отказавшись от грубых восприятий внешних чувств, прибегал к интуитивным восприятиям и, научившись концентрировать свои мысли, развив путем непрерывных упражнений волю, достигал поразительных результатов: так, например, не вдаваясь в рассуждения, можно ли подниматься в воздух, и не стремясь подыскивать объяс-

нений этой возможности, он соответственным направлением мыслей и напряжением воли достигал поднятия своего тела в воздух. Каждая форма миропонимания требует своих особых средств восприятия и методов проявления в жизни: поэтому у материализма не может быть одних и тех же методов и способов восприятия, не может быть одинаковых путей...»³³

Поэтому, сколь бы скептическим ни было наше отношение к его поискам и мистификациям, в известного рода оккультной репутации, поддерживаемой убеждениями других людей, мы ему отказать не можем, и, когда речь пойдет о сколько-нибудь полном обзоре мистических орденов в России, исследователи будут вынуждены включить и его, и руководимые им ячейки в поле своего внимания.

При этом, несомненно, следует иметь в виду, что в конечном счете исследование русского оккультизма должно восприниматься как часть изучения всей мировой культуры, в которой со времени первой мировой войны отчетливо определились две тенденции: к созданию культуры массовой, болезненно воспринимавшейся близкими старой цивилизации, и культуры катакомбной, потаенной. И если о массовой культуре написано чрезвычайно много, начиная с основополагающих трудов Х. Ортеги-и-Гассета, то в исследовании культуры подспудной остается еще множество белых пятен. А между тем уже современники осознавали, что их деятельность во многом определяется самим состоянием нынешней цивилизации. Так, вскоре после возвращения из Берлина Андрей Белый писал Иванову-Разумнику: «...во всем мире теперь — время злое: все революционное, свободное, новое должно естественно опускаться под землю; и потому, — катакомбное бытие есть естественное бытие людей, которые живут ритмом будущего. Такова жизнь — в Германии, Франции, Англии; такова жизнь в России. Характерно: вчера я прочел письмо Фробениуса (автора ряда томов об африканской культуре в связи с Атлантидой, Шпенглер в некотором роде его ученик), — прочел письмо Фробениуса, адресованное одному молодому, московскому ученому; в этом письме идет речь все о том же: человечество изжило себя; и взоры немногих «ведущих» обращены на Восток; как ни тяжела жизнь в России, однако: там совершается «нечто», на что обращены взоры запада; и все лучшие люди Германии, немногие избранные, должны чутко прислушиваться к дующему на всю Европу ветру с Востока...»³⁴

В приведенном отрывке имеет смысл обратить особое внимание на сочетание широкого общекультурного размышления с отчетливо слышными оккультными (антропософскими в данном случае) обертонами. Видимо, для Белого такая связь являлась совершенно естественной и закономерной. И потому вряд ли можно всерьез говорить об оккультных корнях нацизма или попытках использования тайных наук сталинской охранкой как о явлениях, всерьез связанных с дей-

ствительной эзотерикой. Грань между шарлатанством, дешевой популярностью, «базарным оккультизмом» и оккультизмом серьезным, хранимым малым количеством «ведающих», посвященных, должна была ощущаться наиболее преданными адептами очень сильно, и мы будем стараться эту грань не пересекать. «Оккультный истеблишмент» (не только описанный в «Утре магов» или явленный в деятельности К. Хаусхофера, но и освященный именами Г. Гурджиева и П. Успенского) нас интересовать практически не будет.

Обширность материала и его практическая неизученность, однако, вынуждают нас отказаться от систематического очерка влияний, которые оказывал оккультизм (в самом широком смысле этого слова) на русскую литературу конца XIX и начала XX веков. Вместе с тем мы считаем необходимым опубликовать ряд документов, которые или совсем не были прежде введены в научный оборот, или же использовались частично, причем часто вовсе не с той целью, которая интересует нас. Все сказанное диктует нам особенности построения предлагаемой вниманию читателя книги.

Она состоит из трех частей, первая из которых связана с жизнью и оккультной деятельностью Анны Рудольфовны Минцловой. Большая, монографического типа ее биография соединена здесь с рядом разработок, показывающих, как круг идей, которые развивала Минцлова, а также особенности ее жизненного поведения влияли на жизнь и творчество выдающихся русских поэтов: Вяч. Иванова, Андрея Белого, М. Кузмина, А. Блока.

Вторая часть книги посвящена анализу оккультного субстрата, содержащегося в творчестве самых различных авторов, преимущественно постсимволистского поколения — Кузмина, Гумилева, Хлебникова, Ходасевича.

Наконец, третья часть — публикации различных материалов, связанных с историей русского оккультизма и эзотеризма.

Совершенно очевидно, что даже в таком значительном объеме, который отведен нашей книге, нам не удалось сказать даже о вполне очевидных вещах: оккультном пласте в поэзии Волошина и Бальмонта, о деятельности Эллиса, о влиянии масонства на русскую литературу начала века, о многочисленных и разнообразных попытках сочинения художественных произведений, связанных с эзотерическими традициями, о многом другом. Наиболее, может быть, значительное упущение — намеренный отказ от попыток представить оккультизм в его русском изводе как более или менее целостную систему, обладающую собственными принципами организации, внутренней иерархией, авторитетными авторами, кругом воззрений, — и как систему, находящуюся в достаточно сложных отношениях с религией, прежде всего — с православием.

Однако такая направленность потребовала бы от автора непрерывной ангажированности — то ли церковной (и тогда книга превра-

тилась бы в обвинительный акт оккультизму³⁵), то ли богословской (и тогда потребовала бы от автора знаний, далеко выходящих за пределы его интересов), то ли оккультно-эзотерической (и тогда заставила бы автора изменить свое мироощущение радикальным образом). Меж тем мы убеждены, что вполне возможно изучение реальных воздействий определенного рода доктрин на творчество любого писателя без непременно оценочного запала. Оккультизм, как и любая другая идеология, может и должен быть изучаем не только изнутри, но и извне, и при этом без непременно осуждения или восхваления. Для нас достаточно констатировать, что он существовал в сознании многих русских литераторов (причем не только второстепенных, кем можно пренебречь, но и писателей самого первого ряда), воздействовал на смысловой строй их произведений, представлял каким-то образом перестраивать личность, и следы такой перестройки мы можем обнаружить с полной уверенностью. Исходя из этого мы и занимаемся историей оккультизма в России, пытаемся восстановить духовный облик и жизненный путь некоторых его видных деятелей, обнаружить следы его воздействия на творчество различных авторов. Осуждение же или восхваление оставляем на долю тех, для кого оккультизм является животрепещущей темой, входящей в состав собственной личности (при этом все равно на каких основаниях — глубокой поглощенности его проблемами или столь же глубокого и решительного его отвержения). Будем обращаться с мистикой и эзотеризмом позитивистскими методами, учитывая, однако, и их ограниченность. Надеемся, что эта «неслиянность и нераздельность» будет ощущаться на страницах книги, не оскорбляя ни религиозных убеждений читателей, ни их мистических чувствований.

МАЛЕНЬКАЯ МОНОГРАФИЯ

ANNA-RUDOLPH

История русской литературы начала XX века представляет собою сложный конгломерат разнонаправленных тенденций, которые почти невозможно привести к единому знаменателю. Одной из причин такой невозможности является потаенность многих существенных обстоятельств, скрытых от постороннего глаза не только временем, но и утаенных намеренно. Конечно, деятелям искусства всегда было что скрывать от современников и от потомков, но в начале века это приобретает характер особенно систематический.

Прятать можно было собственные интимные отношения, нежелательные с пристрастной точки зрения знакомства, казавшиеся когда-то невинными, а позже ставшие смертельно опасными публикации, поступки, которых со временем можно было стыдиться. Но были и такие обстоятельства, которые по самой сути своей оказывались потаенными, и говорить о них было невозможно в силу принципиальной скрытости от постороннего взгляда.

Тайные союзы и общества, оккультные науки давно привлекали внимание писателей. Масоны и розенкрейцеры, тамплиеры и спиритуалисты, друиды и шаманы, сатанисты и иллюминаты, индийские гуру и участники Элевзинских мистерий, атланты и пришельцы издавна становились героями произведений литературы и искусства. Но особое внимание тайные науки и тайные общества стали привлекать в конце XIX века, когда заговорили об оккультном возрождении, и нет ни одного сколько-нибудь серьезного исследования о французском символизме и декадентстве, которое обошлось бы без более или менее обоснованных суждений об эзотерических корнях этой литературы.

Вряд ли можно сомневаться, что сильнейшее влияние французской литературы на становление русского символизма оставило хоть

сколько-нибудь затененными его оккультные корни, которые пока, в известных нам исследованиях лишь названы, но не проанализированы должным образом¹. Сильнейшее как прямое, так и опосредованное влияние на русскую литературу оказывала практика европейского оккультизма в различных его изводах, но еще существеннее оказывались собственно русские ответвления разного рода эзотерических учений.

Теоретически говоря, известно это достаточно давно, и трудно представить себе исследование о творчестве Андрея Белого, где не было бы сказано о влиянии на него теософии и антропософии, чего не скрывал и сам Белый², и уже сейчас существует ряд серьезных работ, посвященных влиянию антропософии на его сочинения³. Общим местом стали указания на оккультные источники многих стихотворений М. Волошина, хотя нам не известно ни одно исследование, где бы это влияние было прослежено сколько-нибудь систематически. Столь же часто говорится об эзотерических интересах Брюсова, хотя здесь также не существует удовлетворительных штудий⁴. В очень малой степени проанализирован постоянный интерес Бальмонта к литературе подобного рода⁵. Список этот можно было бы продолжать довольно долго, однако в данный момент нас интересуют не библиографические указания, а скорее само общее представление о том, что разного рода оккультная литература и практика составляли обширнейший круг интересов русских поэтов начала XX века, и для сколько-нибудь полного анализа их творчества настоятельно необходимо прежде всего выявление тех влияний, которые они испытывали.

В предлагаемой вниманию читателей работе предпринимается попытка впервые в сколько-нибудь систематическом виде представить жизнеописание одной из значительнейших деятельниц русского и международного оккультного движения, без упоминания которой не обходятся почти никакие серьезные мемуары и исследования о русском символизме, но роль которой выглядит гораздо менее значительной, чем была на самом деле. И связано это прежде всего с теми обстоятельствами, о которых уже шла речь: признаваться в серьезном влиянии Анны Рудольфовны Минцловой мемуаристам становилось неловко, исследователи же, следуя отчасти их памяти, отчасти собственным представлениям о символизме, в которых оккультные доктрины, как правило, не занимали сколько-нибудь значительного места, предпочитали не говорить об истинных масштабах ее воздействия на русскую литературу.

Да и для автора данной работы было неожиданностью количество столь явственных свидетельств, говорящих о том, насколько сильно Минцлова влияла не только на творчество самых разных авторов, но и на их мировоззрение: как она могла перестроить жизненную стратегию человека, сделав его (чаще всего, правда, на краткое время) адептом своего более чем эклектического мировоззрения. Но

влияние это было очевидно, проявлялось в самых разнообразных ситуациях, отражалось не только на статьях, но и в стихотворных строках, которые до сих пор нередко кажутся блестящим поэтическим озарением, тогда как на деле являются отголосками бесед с Минцловой, ее гипнотизирующих слов. Потому начать разговор о ее жизни уместно с одного мемуарного образа Минцловой, хорошо знакомого русскому читателю.

1

Всем известно, что трехтомные мемуары Андрея Белого — ценнейший источник, без которого немислим никакой очерк русской литературы начала века, но в то же время не менее широко известно, что верить им ни в коей степени нельзя. Лучше всего определил это Ходасевич, когда назвал рецензию на «Между двух революций» — «От полуправды к неправде»⁶. Лавировать между двумя возможностями понимания текста Белого приходилось всегда. Правда, сейчас это в значительной степени облегчено едва ли не идеальным изданием, осуществленным А. В. Лавровым⁷, но все же есть такие вещи, от которых не избавляет самый образцовый аппарат.

Прежде всего это относится к тому, что не искажено, а просто обойдено молчанием, тогда как на самом деле представляет собою весьма существенные для Белого подробности. И вот с попытки такого восстановления ряда важнейших обстоятельств мы начнем. Но для того, чтобы эти обстоятельства стали ясны, придется проделать значительную работу, которая, однако, представляется чрезвычайно занимательной.

В начале двадцатых годов, находясь в Германии, Белый всерьез взялся за обширные мемуары, которые должны были не только рассказать о его отношениях с Блоком, как только что напечатанные в журнале «Эпопея», но и вообще восстановить картину собственной биографии и русской культурной жизни первых лет нашего века. По предложению Н. Н. Берберовой пишушуюся книгу Белый назвал «Начало века». В отличие от текста одноименной книги, появившейся в печати лишь в 1933 году, в этой так называемой «берлинской редакции», по точной характеристике А. В. Лаврова, «Белый еще стремится, реконструируя минувшее, оставаться равным самому себе и называть все вещи своими именами; стремится он и к тому, чтобы воскрешаемая им история символизма воспринималась как живая и действенная история, а не как “музей-паноптикум”»⁸. При сравнении двух вариантов выясняется, что Белый не просто меняет оценки и добавляет или вычеркивает какие-то подробности, но и вообще обходит некоторые события, десять лет назад представлявшиеся ему настолько существенными, что заслуживали специального рассказа.

В книге «Между двух революций» среди множества теней, проходящих по ее страницам, есть довольно выразительная карикатура на Анну Рудольфовну Минцлову, заканчивающаяся словами: «Встреча с Минцловой — недоуменнейшее воспоминание, в результате которого у меня отложилось недоверие и ненависть ко всему тому, что заводит речь о таинственных братствах, хранящих в подспудных шкафах свою магию и эликсиры; от них бегу прочь»⁹. Но при этом Минцлова воспринимается читателями как типично второстепенная фигура, не заслуживающая специального внимания и интересная разве что как восковая фигура из «музея-паноптикума»¹⁰.

В «берлинской» же редакции «Начала века» Белый уделяет фигуре Минцловой не «страничку-две», а делает ее центром большого фрагмента своих воспоминаний, человеком, который во многом определяет и жизненные, и литературные, и идеологические позиции его самого в весьма насыщенные годы — с конца 1908-го по середину 1910-го¹¹.

И вслед за ним могли бы признаться в таком же влиянии Минцловой не какие-нибудь незаметные в истории русской культуры люди, а Бальмонт, Волошин, Вяч. Иванов, Кузмин, Сомов, Э. Метнер и другие. Что же было в ней, почему ею не просто интересовались, а верили в нее как в учителя, пророка, целительницу, носительницу высших откровений? Ответить на этот вопрос не так просто, но, кажется, все же возможно.

Анна Рудольфовна Минцлова происходила из семьи обрусевших немцев, многие члены которой были небезразличны для русской культуры. Дед ее, Рудольф Иванович, был прославленным библиографом, преподавал немецкий язык наследнику, будущему Александру III, тридцать пять лет проработал в Императорской публичной библиотеке¹². Отец, Рудольф Рудольфович, — известный московский адвокат и владелец громадной библиотеки, которая после его смерти была куплена Н. А. Рубакиным¹³. Брат Минцловой, Сергей Рудольфович, был библиофилом и писателем, очень в свое время небезызвестным¹⁴.

В одном из писем к Рубакину Минцлова вспоминала о своем отце, потерявшем под конец жизни рассудок: «...но состояние его не безнадежно, т. к. сохранилась вполне *личность* больного — его бред, его галлюцинации, все это — его обычные качества, доведенные лишь до крайней степени — быть может, безумие и есть эта утрировка личности? Словом, его бред отрицания, его идеи, все это — его прежнее «я», только доведенное до крайности. Очень характерно, что в его бред ни разу не входила мысль о Боге, о рае и аде — и т. д. Он остался верен себе. В бреде о смерти, о казни, ожидающей его, — он твердит о том, что должно быть правосудие, что казнь его — должна последовать за судом над ним и т. д., и т. д.»¹⁵.

За этим описанием отчетливо видна личность типичного русского интеллигента-атеиста, пронизанного материалистическими прин-

ципами. Но следующее поколение, и прежде всего сама Анна Рудольфовна, подвергло эти принципы серьезнейшему сомнению. Заслуживает внимания ее рассказ в письме к М. В. Сабашниковой от 20 сентября 1905 г.: «Боль сердца у меня давно, и она более чем естественна, ведь я пережила за последние 3—4 года невероятные вещи <...> Три года мой отец был в лечебницах душевнобольных. Три года я видела ужасы, я слышала голоса, слова, не передаваемые ничем, от которых должен был бы умереть человек...»¹⁶

Следует отметить, что от отца, деда и брата была ею унаследована постоянная и страстная любовь к книгам. Она рассказывала Рубакину: «23-го Августа семья брата переезжает в город, а я тогда на их место, к отцу, с которым уже я останусь до конца. А пока на эти 3 недели — до 20 Августа, я переезжаю в меблированную комнату <...> Я переезжаю завтра. Книги ушли вчера — и я последняя оставляю свой пост хранительницы книг — как капитан тонущего корабля! Как ужасно слышать стук заколачиваемых ящиков с книгами — совершенно как гроб с дорогим существом забивают гвоздями! Я выросла в тени этой библиотеки, я люблю книги, как живые существа, — в них душа есть, и даже участь их сходна до конца с человеческой — их так же съедают черви... Простите за письмо. я немного взволнована, но *Вы*, я думаю, поймете меня вполне — я просталась с книгами...»¹⁷ Восстановить круг чтения Миншловой, как всякого человека с библиофильскими наклонностями, оказывается практически невозможно, однако упоминания о самых разнообразных (преимущественно оккультных) сочинениях в ее письмах весьма часты и нередко позволяют сделать довольно далеко идущие выводы. Так, например, она рассказывала Вяч. Иванову: «Я купила для Вас здесь книгу Scott-Elliot «Погибшая Лемурия» с картами. Послать ли Вам ее сейчас?»¹⁸ И чуть позже: «Книгу об Лемурии не посылаю пока, потому что здесь стали делать какие-то затруднения на почте при отправке книг в Россию, так глупо! <...> Когда я стала читать книгу о Лемурии, — я должна признаться, я поразились той перемене, которая произошла во мне с 1903 г., когда мы с Бальмонтом восхищались этой книгой... Сейчас мне это кажется очень бледным и слабым, только карты интересны»¹⁹. Из этого мимолетного воспоминания можно узнать об одном источнике космогонических представлений К. Д. Бальмонта, — естественно, сложным образом связанном с другими.

К сожалению, мы практически ничего не знаем о том, где и как Миншлова приобщилась к оккультизму, поскольку о годах ее молодости (или хотя бы относительной молодости) сохранились лишь немногие разрозненные свидетельства, к тому же указывающие на столь обширные области для возможных разысканий, что привести их в систему очень сложно. Так, в 1898 году она писала Борису Николаевичу Хавскому: «По всей вероятности, я не буду в Декабре в Петербурге и даже в Европе. Быть может, в Египте, в Алжире, в Тунисе. Быть может,

на Крите или в Сицилии, в Англии и, наконец, возможно, что зимовать я буду в Норвегии и весной лишь вернусь в Петербург. Пока еще все это неопределенно и туманно. Возможно, что и в Париже я буду, но когда — не знаю»²⁰. Известно (и из воспоминаний Белого, и из ее собственных писем), что она близко дружила с Владимиром Ивановичем Танеевым, а через него входила и в московский ученый круг. Об интересе к ней Тимирязева мы знаем опять-таки от Белого, но ассистент Тимирязева А. Н. Строганов и его жена были ближайшими друзьями Минцловой на протяжении многих и многих лет.

Впервые отчетливо проследить судьбу Минцловой и получить хотя бы разрозненные сведения о ее эволюции как оккультистки мы в состоянии лишь с самого конца прошлого века. Летом 1899 года в Крыму с ней знакомится Брюсов и записывает об этом в дневнике: «Встретился здесь и с Бальмонтскими знакомыми: девица со змейкой (у нее есть живая змейка, с ней она и спит) и с ее, кажется, компаньонкой, Анной Рудольфовной, довольно странной пророчицей, поклоняющейся стихам. Первая — не больше как декадентствующая *demi-vierge*, второй я не успел оценить»²¹. Как видим, Минцлова уже знакома с Бальмонтом, но как и где это знакомство произошло, — нам неизвестно.

Вообще о довольно тесных отношениях Минцловой с Бальмонтом и его женой мы знаем немного, но очевидно, что эти отношения представляли собою известную проблему. Так, 14 ноября 1905 г. она делилась с М. Волошиным своими впечатлениями от новых стихов Бальмонта: «Ек. Ал. в восторге от М. Горького, К. Д. в страшной дружбе с ним, К. Д. пишет ужасные стихи, на гражданские мотивы — стихи, где нет ни слова, ни звука, ни рифмы, хотя бы слегка напоминающих прежнего, любимого мной Бальмонта... Точно не он уже пишет, а поручил за себя писать стихи какому-нибудь дворнику или лакею...»²² Как кажется, это подтверждает ее слова о том, что ее отношение к искусству действительно очень высоко, и от него зависит многое в ее отношениях с писателями. Так, весьма характерно, что после долгой размолвки (о которой речь впереди) с Брюсовым, она пишет ему несколько восторженных, хотя и с несколькими оговорками, писем после чтения «Огненного ангела», произведшего на нее очень сильное впечатление.

Возвращаясь к самому концу XIX века, скажем, что из сохранившихся писем Минцловой этого времени к Брюсову никаких интересных подробностей о взаимодействии литературы и оккультизма узнать не удастся, однако, когда в октябре она приезжала в Москву, Брюсов записал (в печатное издание дневников этого фрагмент не вошел): «Гостила в Москве Минцлова. Она оказалась менее интересной, чем при беглом знакомстве. Эти обычные речи о демонах, вампирах, духах — я уже слишком слышал. Интереснее ее физическая организация, неверный глаз, редкие ощущения... Что до нее, она вся-

чески радовалась мне, прославляла мои стихи, будь помоложе — влюбилась бы»²³.

В начале 1900 года она довольно регулярно участвует в спиритических сеансах с Брюсовым и А. А. Лангом-Миропольским. Описание одного из таких сеансов, данное как речь самой Миншловой, сохранилось в дневнике М. Волошина: «В Брюсове есть большая сила. Мы с ним не видимся. Но он относится ко мне с большой нежностью. Сила его злая, но это жизнь ее сделала такой. Мы были раз с ним вместе на спиритическом сеансе у Ланга. Когда Брюсов посмотрел на написанные фразы, то скомкал бумагу и сказал: «Это продолжение того, что они начали вчера говорить». (Они с Лангом занимались каждый день). Потом появилась рука и начала медленно спускаться. Он с таким гордым торжеством показал: «Вот, Вы видите». Когда его жена начала пугаться и говорить, что она устала, то <он> таким неожиданным, злым, ироническим голосом сказал, показывая на меня: «Вот пусть она прикажет стульям подвинуться». И я совсем чужим голосом (мне казалось, точно я передразниваю его) приказала стулу — и стул пошел сам к Иоанне Мат<еевне>. Тут с ней истерика, и я велела зажечь свечу»²⁴.

В конце года обнаруживаем ее имя среди посетителей Мережковских (с которыми, впрочем, отношения явно не заладились). Окончательно конец этим отношениям положил конфликт Мережковских со Штейнером осенью 1905 года, когда они в Париже, выслушав его лекцию, весьма резко отреагировали на нее. Как описывала позднее М. В. Сабашникова, «...Мережковский явился с целым грузом предубеждений против Рудольфа Штейнера. Зинаида Гиппиус, восседая на диване, надменно лорнировала Рудольфа Штейнера как некий курьезный предмет. Сам Мережковский, очень возбужденный, устроил Рудольфу Штейнеру нечто вроде инквизиторского допроса. «Мы бедны, наги и жаждем, — восклицал он, — мы томимся по истине». Но при этом было ясно, что они вовсе не чувствуют себя такими бедняками, но, напротив, убеждены, что владеют истиной. «Скажите нам последнюю тайну», — кричал Мережковский, на что Рудольф Штейнер ответил: «Если Вы сначала скажете мне предпоследнюю»»²⁵.

Но пока что, в самом начале века, интерес к Мережковскому у Миншловой существен, что зафиксировано и мемуарами Белого: «Помню — у Брюсова в 1901 году, при моем разговоре с Д. С. Мережковским присутствовала в своем черном мешке она: голову с космами желтыми выставляла, к глазенкам приставив пенснэ; и вливала в то, что с Д. С. обсуждали: беседа текла у подножия каменной «бабы», глядящей в степи, от кургана; окаменелое прошлое — слушало; было жутко от взгляда; здесь — рок сидел.

Я кого-то спросил в этот вечер:

— Кто это?

Ответили:

— Анна Рудольфовна Миншлова....

И я подумал:

— А, дочь адвоката!

И — не вполне убедил ся <так!>; осталось в моем подсознании; может быть, это явление «Командора», вернее «Командорши» среди нас; в это время бывал у А. С. Гончаровой я, первой завезшей в Москву теософию; мне передали дословно все то, что я сказал Мережковскому, что Мережковский ответил мне:

— Откуда же вы знаете?

— Миншлова передавала....

Подумал:

— Опять эта Миншлова....

Тут же спросил:

— Чем она занимается?...

— Да ведь она оккультистка....»²⁶

Вместе с тем ее интерес к литературному миру, судя по всему, до поры до времени является чисто созерцательным, хотя свои пристрастия она обозначает вполне отчетливо. Конечно, ее интересы были чрезвычайно разнообразны, как то описано в письме к Брюсову от 25 января 1900 года: «Всех авторов, о которых Вы говорите, я читала, исключая Потебню, и читала с глубоким вниманием, хотя все же не как Библию. Библию я раз 20 перечла от начала до конца, а со Сведенборгом, например, я познакомилась только впервые в Париже, где очень увлеклась им. Фихте я не всего прочла. Неужели Вы любите Гюго? Боже мой! Меня это так огорчило и рассердило, что я и сказать Вам не могу. Вы, с Вашим изяществом и полным отсутствием всего вульгарного, Вы любите этот вульгарный большой барабан из кожи сентиментального осла?! Вы, может быть, любите и его «Les Misérables»? Остается тогда признать, что *les extrémités se touchent* — и, всплеснув руками, умолкнуть. <...> Я теперь читаю многотомное сочинение Vulau «Geheime Geschichten und Rätselhafte Menschen». Есть интересные вещи. Затем прочла небольшую только что изданную юношескую повесть гр. Алексея Толстого «Упырь» с предисловием Вл. Соловьева «о фантастическом элементе в творчестве». Повесть мне понравилась очень. Одновременно с этим я прочла «Avatar» Th. Gautier, читаю Keats'a (полное собрание сочинений), Leopardi, Одиссею и хочу приняться за сочинения Джордано Бруно, полное собрание которых вышло на латинском языке. Играю Вагнера, занимаюсь астрологией и хиромантией, наслаждаюсь раз в неделю лихорадкой и страстно жду весны и солнца»²⁷ (следует отметить, что Миншлова обладала в высшей степени развитой способностью читать «поверх текста», выискивая в нем то, что невозможно было обнаружить обычному читателю²⁸, что заставляет расширять круг ее источников практически до бесконечности). Но для наших целей существенно отметить, что все более и более в ее письмах отражаются интересы человека *fin de siècle*. Так, например, 2 октября того же 1900 года она пи-

сала Брюсову: «Большое спасибо Вам, Валерий Яковлевич, за «Метод медиумизма». Там очень хорошо сказано то, что я всегда думала об этом предмете, и на этот счет не может быть двух мнений, я думаю. Но у меня к Вам есть еще просьба — если у Вас имеется еще экземпляр Вашей статьи «О поэзии Вл. Соловьева» — пришлите мне ее, пожалуйста. Меня в высокой степени интересует то, что Вы думаете о Вл. Соловьеве. Надо Вам сказать, что у меня был (и есть) прямо культ этого человека, и все, что о нем говорится, меня волнует глубоко. Ваши взгляды и мнения, Вы сами знаете, для меня имеют большое значение (даже если я и не соглашаюсь с Вами), и поэтому легко себе представить, как мне интересна эта Ваша статья»²⁹. В орбите ее интересов, помимо специфически оккультной литературы, стихи Бальмонта, Брюсова, Ал. Добролюбова, со вниманием читается только что вышедшая «Книга раздумий», где помимо произведений тех же Бальмонта и Брюсова были опубликованы стихи Коневского и художника Модеста Дурнова³⁰. Одним словом, Миншлова в своих литературных интересах погружается в мир русского «декадентства», чему способствует и то, что ее медиумические и теософские интересы были готовы разделить многие авторы этого круга.

Летом 1901 года ее постигает несчастье: психически заболевает отец, и заботы о нем отнимают много времени³¹. Видимо, как раз в это время Миншлова начинает сама пробовать свои силы в литературе, и прежде всего — в переводах. Существенным обстоятельством оказывается то, что первый из ее переводов, о котором нам достоверно известно, был из Новалиса. Она была фактически первым человеком, попытавшимся сколько-нибудь представительно ввести этого столь почитаемого европейскими мистиками писателя в русскую культуру. Печатно об этом, если доверять разысканиям М. Вахтеля³², было упомянуто лишь единожды, и сами тексты переводов неизвестны, однако круг произведений, переведенных Миншловой, более или менее точно восстанавливается по письмам ее к Брюсову³³.

Можно предположить, что Брюсову ее переводы не показались удачными, и потому он не только отказался сам сотрудничать с нею, как Миншлова надеялась (первоначально Брюсов обещал ей перевести стихи, являющиеся составной частью переведенных ею текстов), но и вообще, видимо, никакого энтузиазма не выказал. Кажется, к любым попыткам литературной деятельности Миншловой он относился после этого с явным сомнением.

Несомненным свидетельством тому является эпизод, относящийся к началу 1904 года, когда Брюсов поручил ей написать некую заметку о теософических проблемах для «Весов» (не очень понятно, может ли она быть отождествлена с неподписанной заметкой о лекции Р. Штейнэра во втором номере нового журнала). Миншлова отвечала ему. «Ваше желание, столь решительно высказанное, Валерий Яковлевич, очевидно, повлияло на меня — вот Вам заметка, состав-

ленная мной, одобренная (весьма) несколькими лицами, теософами и не-теософами. Делайте с ней что хотите, но попрошу *очень* о следующем: 1) не подписывать моим именем ее; если непременно нужна подпись, поставьте «А. М.» — хотя тайны я не делаю из своего имени, но не хочу еще его увидеть в печати. 2) не изменяйте ничего в моей заметке и, если найдете что-нибудь неудобное в ней, не печатайте ее совсем»³⁴. Но Брюсов не внял этим просьбам, и 24 января Минцлова писала: «Дорогой Валерий Яковлевич, сейчас у меня был Батюшков — и я немедленно же хочу Вам написать несколько слов. Нет, неужели Вы действительно могли думать, что я могу «обидаться» из-за какого-нибудь мнения, замечаний и т. д., из-за какой-то заметки, которой я не придаю *никакого* значения, написанной, как письмо, в полчаса — и написанной *только* потому, что мне очень хотелось сделать то, что Вы сказали мне? Право же, Вы меня принимаете за кого-нибудь другого, а не за меня! Я должна сказать Вам, 1) что все Ваши мнения и замечания я считаю очень ценными, очень важными и значительными, т. к. я высоко ставлю Вашу личность. И во 2) ...мне даже и нечего сказать во 2), кажется, после этого..... Пусть эту заметку переделает, отделает, сделает как угодно Батюшков, я решительно никаких претензий не имею, тем более «обиды». Только пусть она будет напечатана *не* от меня, а от имени Батюшкова, т. е. под его именем. Я очень люблю П. Н. Батюшкова и считаю его знающим и образованным, очень даже, человеком. Но — мы с ним все-таки разные люди, я вообще не знаю никого, с кем вполне совпали бы мои мысли и стремления, и потому писать *вместе с ним* — я считаю невозможным. Я буду рада, если моя заметка пригодится ему, я уверена, что он напишет хорошо, — тем лучше — но это не буду я, и имени моего, ни даже букв А. Р. — не выставляйте»³⁵.

Опять-таки не очень понятно, была ли тут причинно-следственная связь, но нельзя не отметить, что через некоторое время Брюсов подверг решительной критике минцловские переводы «Портрета Дориана Грея» и «Замыслов» Оскара Уайльда, изданные «Грифом»³⁶. Брюсов писал: «Мы сравнили русский текст «Intentions» с подлинником, и каждая страница давала нам доказательства, что переводчица была совершенно не подготовлена к принятой ею на себя роли <...> Прежде всего, переводчица оказалась неспособной справиться с собственными именами, этим пробным камнем всякого перевода. <...> Во всех тех случаях, когда для верной передачи текста требовались кое-какие сведения по истории искусства и литературы, переводчица совершенно терялась. <...> и сам по себе перевод исполнен г-жей Минцловой плохо и небрежно <...> своеобразие уайльдовского языка пропало в переводе. Блестящий, выработанный стиль превращен в газетную прозу. <...> В общем, перевод «Intentions», сделанный г-жей Минцловой, — даже не «разыгранный Фрейшиц перстами робких учениц», а грубый гипсовый слепок с мрамора, дающий понятие толь-

ко об общих очертаниях статуи, но совершенно не воспроизводящий изящества ее частей. <...> «Портрет Дориана Грея» мы с подлинником не сравнивали, но перевод показался нам ничем не лучше, чем в «Замыслах» <...> Два новых перевода Уайльда, выпущенные «Грифом», принадлежат к числу отрицательных явлений русской литературы³⁷. После этой рецензии довольно активная переписка Минцловой с Брюсовым прекратилась до 1909 года, и о сколько-нибудь значительных встречах их нам почти ничего не известно. Отметим, что в равной степени неприязненно о тех же двух переводах написали брюсовские «Весы», где рецензию дал М. Ф. Ликиардопуло³⁸.

Об уровне литературного таланта Минцловой, помимо ее переводов, свидетельствует небольшая заметка, любопытная во многих отношениях. Прежде всего, она извещает современного читателя об обстановке, в которой проходил лондонский Теософический конгресс летом 1905 года, в котором Минцлова принимала участие. Существенно отметить пристальное внимание, уделяемое ею (вслед за А. Безант) искусству, и прямую ненависть к «натурализму», что будет немаловажно в свете наших дальнейших рассуждений. Немаловажна и сама природа подобного рода заметок, какой она представлялась не только самой Минцловой, но и многим русским теософам (скорее даже теософкам) и впоследствии. Для них весьма важной была спонтанность письма, его непосредственность, позволяющая для посвященного проникнуться духом происходящего. Однако для непосвященного такое повествование выглядело дилетантской болтовней, не заслуживающей внимания. Позволим себе процитировать эту заметку, опубликованную не в самом известном из русских журналов (отметим, кстати, что тут же были напечатаны и ее переводы), полностью:

«Вчера закрылся Теософический Конгресс. Это было что-то совершенно удивительное, неправдоподобное. Я пережила сказку и до сих пор не могу вернуться к действительности. Три дня, с утра до ночи, я провела в здании Конгресса, в грандиозном Royal Palace Hotel, в Кенсингтонских садах. Там собрались люди со всех концов света, говорили речи на всех языках, и на русском даже — этого непременно хотела Miss Besant, председательствовавшая на Конгрессе, так как она считает, что в это мрачное, кровавое время именно и надо выступать со словами любви и братства, духовного родства и близости. И действительно, в эти три дня вся эта разноязычная толпа любила друг друга, все сблизилось, какое-то дуновение любви пронеслось над нами.

Люди разных национальностей подходили друг к другу с лаской и тихими, кроткими словами. Французы и немцы, шведы и норвежцы, русские и финляндцы, индусы, испанцы, итальянцы, венгры, голландцы, японцы — все слилось в одном благоговейном чувстве. Dr. Steiner из Берлина читал лекцию об оккультизме Гете, и, вслед за ним, была лекция француза — *L'espace et l'hyperespace*, и лекция индуса Punnenda Narayana Sinha — «О сущности божества» — «That

Thon Art». Это было глубоко прекрасно. В чалме, в национальном своем костюме он взошел на эстраду и заговорил торжественно и тихо, как молитву. Он говорил так отвлеченно, что немногие поняли его (он говорил по-английски). Это были вершины, утесы человеческой мысли и созерцания. Рассказать об этом нельзя — надо дословно услышать это.

Были лекции о четвертом измерении, об астрологии, о древних, умерших религиях, о розенкрейцерстве, и блестящий «Essai sur l'alter-nance», теория ритма в природе, периодичности, смены... Над всем этим, на недосыгаемой высоте парят лекции Miss Besant, целая серия лекций, действующих, как электрический ток, поднимающих на страшные высоты все души, всех, кто слышит ее... Весь наш парижский кружок, представители рабочих союзов, доктора мистической философии — все взволнованы и потрясены ее речами. Такой власти слова я никогда не видела, а я слыхала всех русских знаменитых ораторов на своем веку; той силы и мощи, которой дышат слова этой старой, больной женщины в длинном белом халате, не достиг никто из ныне живущих людей. Сегодня я увижу ее в последний раз. Какие слова она говорила о «радости», о роли «радости» в жизни, об обязанности человека быть счастливым! Она отводит огромное место и дает необычайное освещение искусству, она считает, что роль его, назначение — неизмеримо высоки, и что близко время, когда в искусстве не будут уже довольствоваться изображением Мадонн с детьми и пересказыванием старых легенд, что тайны мира и души, нетронутые россыпи драгоценных камней откроются людям, зазвучат в музыке, загорятся в стихах, запечатлеются в картинах... Натурализм! Как смеют люди называть себя «натуралистами», ссылаясь на природу (Nature), изображая гниение, пятна, грязь, отвратительность! Разве природа поступает так? Разве на закрывает она разлагающийся труп землей и цветами, не укрывает его травами? Чем ужаснее, чем дольше разлагается труп, тем ярче розы, тем прекраснее травы, тем ласковее, нежнее закрывает природа его пятна, его ужас... Не смейте называть себя «натуралистами», вы, позорящие ее творения, обнажающие раны и струпья ее!

30 июнь 05»³⁹.

С этим текстом связано одно обстоятельство, послужившее причиной резкого недовольства автора. В письме к М. В. Сабашниковой от 29 сентября 1906 г. из Берлина Миншлова рассказывала: «Да, я Вам, кажется, не рассказала о том, что проделало со мной «Искусство»? Ек. Ал. почему-то понравилось мое письмо к ней с конгресса, из Лондона, и она, по усиленной просьбе редакции, взяла и отдала его в «Искусство», и написала мне об этом... — По-моему, письмо было ужасное, написанное в самых залах конгресса, в лихорадке этих удивительных дней, и написано *только* для Ек. Ал., но... во всяком случае, раз Ек. Ал., которую я люблю больше всех женщин в мире, так сдела-

ла, значит — так надо, и я не протестовала. И вот, недавно я получаю № «Искусства» с моим «Письмом из Лондона». Если бы не М. А., бывший со мной в ту минуту, я бы, право, умерла от злости и стыда. Из моего письма г. Тароватый напечатал не все целиком, а выбрал все, что похуже. Mrs. Besant упорно называется Miss Besant, 1 японец размножился в «японцев», и все письмо так размещено, что нельзя разобрать, что говорю я, что Mrs. Besant. Но все глупо до крайности.... Я была совсем больна от злости, несколько дней»⁴⁰.

Трудно сказать, что послужило первопричиной перемещения интересов Минцловой в несколько иную сферу русского символизма, было ли это вызвано чистой случайностью или же имело под собою более глубокие причины, но очевидно, что такое изменение произошло. 18 ноября 1903 года на лекции Бальмонта об Оскаре Уайльде в московском Литературно-художественном кружке она познакомилась с М. Волошиным, но по-настоящему дружественные отношения завязались у них после возвращения Минцловой с этого конгресса, летом 1905 года, когда, живя в Париже, Волошин занес в дневник: «Я воскрес. Волна мистики, предчувствий и жизни. А<нна> Р<удольфовна> М<инцлова>»⁴¹. Скорее всего, именно Минцлова ввела Волошина в тот круг интересов, который с такой отчетливостью выявился в его статьях типа «Пророки и мстители» или «Тайная доктрина средневекового искусства» (Сабашникова вспоминала: «Вообще она много рассказывала нам об оккультных течениях времен Французской революции и о средневековых процессах ведьм»⁴²). Впрочем, воздействие личности и идей Минцловой на творчество Волошина — тема для особого исследования, которое сейчас ведут К. М. Азадовский и В. П. Купченко⁴³.

Но о самой сути тех представлений, с которыми вошла Минцлова в тот круг, где и приобрела особое влияние, следует сказать хотя бы несколько слов.

→ Как то чаще всего и бывает в областях, связанных с оккультизмом, Минцлова исходила из самых разнообразных источников, как книжных, так и устных. Она была членом Международного Теософического общества, участвовала в его конгрессах, с начала века входила в круг учеников Р. Штейнера, тогда еще не сформулировавшего концепцию антропософии в сколько-нибудь завершенной форме, а бывшего главой Германской секции Теософического общества⁴⁴. Сохранившиеся воспоминания и свидетельства показывают, что Минцлова владела разными формами сверхчувственного знания: была хироманткой, знала графологию, лечила наложением рук, проповедовала иогическую систему дыхания (известно, что ею занимался, по ее советам, Андрей Белый), считала себя носителем некоего Учения, от которого сохранились только фрагменты и потому восстановить его вряд ли возможно.

Собственно говоря, не так уж сложно понять, почему в кругу русских символистов учения оккультистов нашли хорошую питательную

почву. В одном из писем к Иванову (26 июля 1909 года) Минцлова говорила: «Любимый, дорогой, я только что прочла Вашу статью «Поэт и Чернь» — — <...> Как прекрасны, как волшебны Ваши слова о «символах», Ваше учение о «символах»... Я скажу Вам дальше о символах — — — — Растения, звери, камни — это символы, означивание иных миров, вселенных, к которым нет дороги больше, теперь, иначе как через эти знаки, знак любви и тоски, тихо оброненный на *Землю* уходящей вселенной, погружающейся в сон — — и иногда, во сне этом встают сновиденья и, окрыляясь, стремятся к земле, как невозможности — эти грезы, это дыхание засыпающей вселенной — завораживают мир земной, зачаровывают его в образы-символы Сушего вовеки — Растения — это различные безумные символы *жизни* из Предвечной Вселенной, где рождалась *жизнь* — — и гроздьями пурпурными брызнула окрест, во все стороны, во все «Царства Вечности» — Камни и... (я *не принимаю* слова «минералы», оскорбительного для слуха?) Да! Камни, и металлы, и камни самоцветные — — все они суть разные символы *света* — из еще Превысших вселенных — — — в драгоценных камнях замкнута вся красота, все *силы Света* — как в растениях замкнуты все *силы и свойства жизни* — — И в зверях все силы и свойства Божества *символами* отображаются... В человеке же — мгновение, возможность брака вселенского, неизъяснимого, несказанного — все, что есть в мире, — заключено в теле человека — — В человеке есть *тайна* вселенной — — — мгновение счастья и слияния земли с *иными* вселенными, откуда пришли гонцы — символы — растения, камни — звери — — — и звезды тоже пришли, как благовестие, оттуда, куда *не может* обратиться сейчас не только взгляд, но и мысль человеческая,»⁴⁵

Напомним, что в главной книге Е. П. Блаватской разделы о символизме занимают громадное пространство. Нет сомнения, что символизм теософов и символизм символистов — разные, но тем не менее точки пересечения между ними оказываются вполне явными⁴⁶. Несколько позднее об этом будет писать прославленный впоследствии (особенно в англоязычном мире) П. Д. Успенский, который говорил: «С развитием художественного чувства связано понимание языка символов. <...> Рост *чувства символов* является следующей важной чертой, ведущей человека в будущее. Наше время, за исключением отдельно стоящих, но очень близких внутренне оккультистов-мистиков и художников-символистов, плохо понимает роль и значение языка символов. <...> Символы и только символы могут выражать и передавать ощущения высших миров. Символизм образует новый язык, непонятный для непосвященных. На этом языке говорят с нами люди давно прошедших тысячелетий. И на этот язык никто не может наложить свою руку»⁴⁷. И несколько далее: «В сущности, искусство и есть род мистики, потому что искусство можно определить почти теми же словами, как мистику, т. е. как интуитив-

ное познание путем творчества внутренней сущности или души вещей и явлений. Для понимания художественных произведений мы всегда, сознательно или бессознательно, применяем мистический метод. Ничего более верного, да и вообще ничего другого у нас нет»⁴⁸.

С этим, несомненно, связано и то, что оккультные (говоря в самом широком смысле) переживания являлись для символистов тем непосредственным открытием окна в Вечность, о котором они могли только мечтать. В октябре 1900 года Брюсов записывает в дневнике: «В спиритических сеансах испытал я ощущение транса и ясновидения. Я человек до такой степени «рассудочный», что эти немногие мгновения, вырывающие меня из жизни, мне дороги очень»⁴⁹. Если для рассудочного Брюсова были ценны прежде всего «мгновения», «миги», о которых так тонко писал в свое время Вл. Ходасевич, то для символистов младшего поколения, гораздо более откровенно стремившихся к жизнетворчеству, оккультизм предоставлял возможности еще более значительные.

Миншлова, насколько можно понять из сохранившейся переписки, предлагала своим собеседникам, готовым ей поверить, три возможных пути движения к заветной цели — постижению той сверхчувственной реальности, которая стоит за происходящим в дольном мире. Первый путь — путь восточного эзотеризма, преимущественно индийского.² Второй — путь собственно христианский и третий — розенкрейцерский. В письмах к Вяч. Иванову уже в самом начале их знакомства она довольно подробно излагает преимущества и недостатки каждого из этих путей: «Я хочу говорить к Вам сейчас о Йоге Востока, о тех суровых, тяжких требованиях и условиях, которые ставятся ученику (Chela) на этом пути. Буду говорить очень немного — я знаю теперь, что я говорю с тем, кто *знает* уже многое.... Пусть встают слова мои перед Вами, как далекая, радостная весть о великой, забытой победе... Я только перечислю Вам те стадии *Йоги*, которые должен пройти ученик. <...>

О том, что ученик всецело, всей полностью и радостью своей отдастся своему Гуру (Учителю) в Восточной Школе — это Вы знаете уже.

А теперь — то, что должен пройти Chela по пути Йоги, *в начале* Йоги...

1. *Yama*. Заключает в себе все запреты, отречения, через которые подлежит пройти ученику. α. не убивай. β. не лги. γ. не укради. δ. не расточай. ε. не пожелай — — Каждое из этих требований заключает в себе бесконечность, мириады велений, властных и грозных и современному Европейцу почти недоступных сейчас.... Для того, чтобы вступить на ступень знания — необходимо пройти через ступень *полного* очищения, καθαρσιξ. <...>

Все это — на первой стадии пути к Soma.

2. *Asana*. Буквально: Строгое соблюдение священных обрядов, целый мир ритуалов — — — —

3. *Nyoma*. Принятие известного положения тела во время молитвы, медитации... Есть гиратические, священные, навек ненарушимые позы, жесты, движения.... Тело человека есть храм нерукотворный.

Надо знать *все* тайны его. В изгибах рта, в линиях рук есть тайны, о которых понятия, самого отдаленного даже понятия не имеют в Европе... «Im Geiste... lag des Leibes Keim... Im Leibe... liegt des Geistes Keim».... (из одной друидической молитвы).

4. *Дыхание Йоги*. Одна из великих тайн Йоги. Достижение полной власти над телом своим, изучение законов ритма в дыхании — вдыхание, задерживание дыхания, выдыхание, по строгим, много десятков тысячелетий установленным законам.... Но об этом говорить трудно — —

5. *Pratyahara*. Обуздание чувственных восприятий. Под строгим контролем Гуру ученик проходит эту стадию, т. к. здесь (как и в упражнениях над дыханием) смерть сторожит ученика при малейшей неосторожности. В течение нескольких мгновений дня *chela* учится закрывать себя, ограждать себя от внешних, чувственных восприятий, становится глух и слеп и нем для окружающей земной жизни, во время этого упражнения. Создав тишину вокруг себя, человек освобождается.

Иные впечатления, *иные* восприятия чувств являются тогда, когда стихнет шум мира для тебя — — —

6. *Dharana*. Это состояние — уже по ту сторону, и о нем страшно трудно говорить.... Есть известные чувственные восприятия, безусловно незнакомые Европейцам, но хорошо известные в Йоге.... *Dharana* — это сосредоточивание на известных, строго определенных представлениях форм, предметов, очертаний, *на земле* не существующих, в физическом мире их нет... Но они *существуют*, это знают те, кто прошел через это состояние. Пентаграмма и друг<ие> знаки тайной науки относятся сюда — —

7. *Dhyana*. Медитация, созерцание без внешних представлений.

Душа ученика исполняется вся *одной* мыслью, взятой на самых дерзновенных крутизнах безумия — — Потом он тихо отодвигается, отстраняет от себя и эту единственную мысль — она падает.... Тогда раскрываются широко перед ним высшие миры. Он властно входит туда.... Содержание мысли исчезает, уходит, как дым. Остается лишь сама мысль, без предметов мысли — —

8. *Samaddhi*. Об этом состоянии говорить невозможно. Это — высшая точка экстаза. Даже сейчас, теперь, когда я далека от него, от одного прикосновения имени этого, слова — глубокая дрожь охватывает меня. Я не могу продолжать дальше. Довольно..... Бледными, глухими словами я хотела дать Вам хотя бы самое слабое представление об этой школе. А теперь я ухожу — — —»³⁰

Далее следует описание второго пути: «Я хочу говорить с Вами сейчас о «христианском» пути, ведущем непосредственно, прямо к Христу. Вступают на этот путь лишь те, кто чувствует себя неразрывно

связанным, обрученным Христу, кто любил Его безумной любовью, кто молился ему ночи напролет, безумствовал о Христе —

Для вступления на путь этот не надо предварительных условий (кроме тех, общих, о которых я Вам говорила в одном из первых писем). Здесь особенное значение имеют сны. Надо овладеть полностью, до конца сновидениями своими. Из беспорядочных, хаотичных и грубых снов можно сделать легкие, стройные сновидения, через καθαρσιξ. дня достигается не передаваемая словами красота ночей. Из области физического, окружающего мира сны переходят тогда в иные области. Сначала в область чувства, затем дальше....

Начинают раскрываться цветы Лотоса — — — Потом является состояние «сна без грез». В глубоком сне покоится физическое тело человека, сознание освобождается тогда, и человек может идти туда, куда зовет его Голос, голос Учителя. Первые шаги в высших мирах, в астральном и друг<их> делаются именно в этом состоянии. Учитель приходит, берет руку ученика, и они идут вместе, в миры, полные тайн, красоты и ужаса. Есть ночи, когда в астральной сфере встречаются странные образы и проходят мимо.... То ученики бродят, со своими Учителями, оставив физическое тело свое на земле на время — — —

Потом является непрерывность сознания, во сне. Оставаясь в полном сознании все время сна, ученик уже никогда не порывает связи с высшими мирами — — —

В Христ<ианском> Посвящении есть 7 стадий, которые должны быть пройдены учеником. Ев<ангелие> от Иоанна и Apocalypse — руководящие нити для него. Каждая стадия сопровождается яркими, чувственными ощущениями физическими — и сновидениями. Всегда одни и те же, они указывают на ту стадию, где находится ученик.

1. *Омовение Ног*. Великое смирение царит везде в природе, благодарение от высших нисшим <так!>. Растение благодарит камень, оно склоняется к нему. Животное склоняется к растению, человек с лаской склоняется к животному. Тот, кто выше всех, склоняется перед теми, кто ниже его, и омывает ноги им. Величайшее смирение необходимо для ученика. Внешний симптом: шум журчащей воды у ног ученика, всегда, везде, шепот и плеск воды, бьющейся о ноги его и тихо говорящей ему слова, слышимые ему одному. Сны его в это время все имеют отношение к омовению ног.

2. *Бичевание*. Переносить все страдания физические, все муки и боль, находить наслаждение в них. Внешний симптом: по всему телу ощущение мучительной, яркой боли, как бы от уколов, от покалывания иглками по телу. Сны — —

3. *Возложение тернового венца*. Все духовные муки и страдания, боли души, оскорбления и уничтожения нравственные, предательство со стороны тех, кто ближе всех — — через все это должен пройти ученик. Так надо.... Внешний, сопровождающий признак: давящая, мучительная головная боль. И сны, страшные, чудовишные сны.

4. *Распятие*. Надо стать равнодушным к телу своему, относиться к нему, как к совершенно постороннему чему-то, как к дереву Креста, который мы берем на плечи и несем. И тогда именно тело становится великим, могучим орудием, с помощью которого, через которое мы можем достигнуть бесконечно многого. В это мгновение достигается полная власть над кровообращением <так!> тела — —

И крик посвящаемого на кресте значит *не только*: «Боже мой, Боже мой, зачем ты оставил меня?!» По одному из толкований Каббалы — в тексте еврейском есть легкое изменение, благодаря которому этот крик, до сих пор раздающийся в посвящениях, значит также: «Боже мой, Боже мой, *за что ты меня так возвеличил?!*» Говорить об этом — бесконечно трудно... Знак внешний: стигматы на теле, страстные раны. И сны —

5. *Мистическая смерть*. Завеса храма (тела человеческого) разодрана, тьма спускается на него. Он умирает для земных ощущений. Перед ним проходит все черное и страшное, что существует в мире. Он нисходит во Ад — и поднимается в Рай, говоря языком христианства.

6. *Положение во Гроб*. Теперь тело его есть земля, весь мир есть тело ученику. Он соединяется, сливается с землей, он вступает в брак с ней. Она накрывает его краем одежды своей. Он погребен. Он слиян теперь со всей планетой нашей и творит ее. Он уже не человек, он планетный дух —

7. *Воскресение*. Встреча с Христом, лицом к лицу. Об этом говорить нельзя — — <...> В Христ<ианском> Посвящении знания нет, оно не нужно здесь, совсем — — —»¹

Наконец, последний путь представлен так (хотя здесь — в наименее полной форме): «Милый мой, глубоко и радостно любимый, я хочу сейчас закончить то, что начала. Мне надо сказать Вам теперь о третьем пути — Розы и Креста. Все то, что пишется и писалось об этом великом братстве, единственном, где *никогда* не было изменников — все это ложь и вымысел. В литературе и истории экзотерических — нельзя найти ничего об этом — —

Но о пути этом, о главном русле его можно теперь говорить немногим. В книгах *Robert'a Sludd'a* есть указания об этом пути — очень темные и смутные, конечно, но все же есть.

Розенкрейцерство явилось в XIV веке, когда оказалось необходимым это новое направление, для Европы в особенности.

Оно — не противоречит первым двум путям. Есть моменты, когда Р. К. и Восточная Йога встречаются на этом пути, сближаются — —

В Р. К. школе главную роль играет самопознание человека <...> И есть два самопознания — одно, что именуется «само-зеркальностью», самоотражением — созерцание Нарцисса, связывающее его на низшую <так!> ступень, к разлечению, тогда как путь человека идет вверх, ввысь, к богам — —

Но есть иное самопознание, дающее власть и силу безграничную: это само-отречение. Все качества, все свойства души — многогранны.

Не останавливайся на *одном* аспекте души своей, качеств своих. Ищи других. По позитивным свойствам найти негатив его. К недостаткам своим найти противоположное, полюсы их — —

Здесь большая дисциплина души в обуздании себя. Молчание в течение дней, часов, недель, лет — — для выработки *силы* речи. Работа над голосом своим.... В течение нескольких недель отказаться от слова *я* — — — Познай себя самого, да! Но прежде всего *победи* себя самого, овладей собой, всей полностью своей.

1) Первая ступень Р. К. — — *Studium*. Изучение планетных систем, изучение космоса и тайн его. Усвоение себе стройного мышления, строгой, неумолимой логики, совершенных линий мысли. Для Р. К. *знание* — есть главное, первое — *conditio sine qua non*.

2) *Immaginatio*. Развитие воображения, фантазии, способности *видеть* в мире все то, незримое, что сокрыто от большинства людей. Здесь, тихими, несмелыми еще руками начинает ученик приподнимать завесу мира, всматриваться в то, что окутано символами, узнавать бессмертные, вечные лики, дремлющие под покрывалами Майи.

Путем известных, строго выработанных приемов и упражнений ученик начинает *видеть*, что тайна в глубинах каждой вещи, каждого творения. В цветке он видит тайну его, душу его — потому что везде, во всем есть душа — только не все мы и не всегда умеем находить ее и увидеть ее — в растении, в звере, в камне.

От символа, уподобления путь идет к проникновению, к *видению* непосредственному. Все ярче и ярче встают картины, образы — то пламень *Immaginatio* горит, вздымаясь к небу. Является момент, когда все вещи, все творения мира тихо говорят ученику свое настоящее, извечное имя, и он слышит их. Это — первые аккорды «музыки сфер», о которой учил Пифагор. Учение это сохранилось — —

3. Изучение оккультных знаков и письмен.... Это — безграничная область. Как слабый, бледный намек я возьму тайну буквы *м*. В древних учениях, преданиях волнистая линия *м* обозначала собой мудрость и волну морскую. Один из символов мудрости всегда была — вода, влажное начало. Есть тайная связь между мудростью и устами человеческими. Изгиб *м* напоминает изгиб верхней губы человека. Линия *м*, извивающаяся вокруг рта человека, замыкающая очертание рта — она повторяется смутным намеком в линии руки, на концах пальцев.

Эта линия ревниво смыкает тайну руки, как линия губ хранит тайну рта. У женщины эта же линия связана с тайной пола ее. — И поэтому при словах, где есть буква *м* — у некоторых, очень утонченных натур является очень определенное, иногда мучительное ощущение: до боли, в организме. Буква *м* отзывается глухо в концах пальцев и губах того, кто слышит ее, и священники католические, торжественно и властно произносящие: «*Dominus vobiscummm*» — в

храме, полном курений, где замирает рыдание органа — — они хорошо знают, *что* они делают, какую страшную зыбь поднимают они из глубин, из темных глубин тела человеческого...

4. Внесение Ритма в жизнь. Ритм дыхания (как в Восточной Йоге).

5. Чувство стройности, соответствие, согласие Микрокосма с Макрокосмом. Каждый орган человека есть отзвук, намек, воспоминание о чем-нибудь ином в мире, в макрокосме. Эта связь, это единение и соответствие выявляется при известных методах концентрации. Тогда ученик постигает тайную, истинную связь своего тела с миром (макрокосм > с микрокосмом). Эти методы приводят человека непосредственно к творческим силам, принимавшим участие в сотворении тела его — —

6. Пребывание в состоянии погружения в макрокосм.... Это есть то же, что *Dhyana* в Восточной Йоге, священный транс — —

7) «Gottseligkeit» Samaddhi — в Восточной Йоге — — неизреченное, непередаваемое, то, о чем говорить уже нельзя — — Пока довольно...»⁵²

Среди сохранившихся писем (преимущественно черновики или неотправленных) Иванова к Минцловой нет ответа на этот начальный цикл суждений, но представляет интерес то, что отвечала ей Л. Д. Зиновьева-Аннибал 8 февраля: «Из трех путей ваших писем я не нашла того, которому моя молчащая в вере внутренность могла бы всецело почувствовать свое «да».

Для христианского у меня нет видящей любви, осязающей, — к Христу воплотившемуся: меня может проникнуть в восторге и тишине лишь Дух. И мне так мелко, но непреодолимо мешает плоть и несомненность Христа. Ему могу молиться лишь когда становлюсь как дети. И это бывает.

➤ Путь Розенкрейцеров мне страшен каким-то Духом, от которого внезапно пятится моя душа непреодолимо. Быть может, еще по незнанию.

Путь Восточный был бы путем моим, но только последнего, самого глубинного моего духа. Еще моя глубина не выявила себя, еще мне сухо, не растворенно, не дионисично на нем, — моей душе *водяной* и огненной.

Эти две стихии чувствую своими: вода — мое течение, покорствующее Необходимости Божественного выявления, и огонь — мое поклонение Святому Духу, третьему лицу, отцу моих молитв, погружений и испулений»⁵³.

Минцлова, получив это письмо, отвечала на него 18 февраля: «Дорогая моя, прекрасная, любимая, мне хочется сказать Вам несколько слов, отозваться на Ваше яркое, чудесное письмо. Ваше «глухое, глубокое чутье» говорит правду: Вам излишни слова и движения, потому что там, внутри Вас — вечное движение, где пенятся и бьют-

ся слова... И сейчас Вам не нужен учитель, не нужен Путь.... Вы придете к Нему сами. Есть 3 возможности найти путь. В одной восточной легенде говорится об этом. Брама, создав мир и людей, дал им возможность вернуться в лоно его. Он дал им радость и алость жизни, он дал им ярость и боль, через них они могли идти к нему. Но людям были трудны эти пути, они забывали идти. И когда другие боги робко указали Бrame на это — он тихо усмехнулся и сказал: «У меня есть еще путь, которым придут люди. Но я оставил его у себя, я не дал его людям... Этот путь — самый верный... Если люди не придут ко мне через алость и радость жизни, через ярость и боль — они придут, *наверное* придут через *усталость* жизни, коснувшись устами горьких трав». Вы придете к пути через Алость и Радость жизни! Вы одна из немногих, избранных Дионисом, светоч пиршественный. И Вам не нужны те страшные, горькие травы, которых касаются Розенкрейцеры, как Вы верно угадали своим прозрением — это самый страшный, самый опасный из путей, путь *знания*, т. к. нигде нет таких бездн, обрывов и круч, как на этом пути именно — —

Будьте верны себе, глубинной душе своей. Будьте с Вяч<еславом> Ив<ановичем>. Кроме любви и бесконечной радости о Вас — — мне кажется, я так мало, мало даю Вам, дорогая, пламенная, вечно горячая и огнеподательница другим.... Я благословляю Вас. Я с Вами часто. Целую Вас, Лидия моя!»⁵⁴

В этой письменной переключке заметно, что Миншлова определенно боится спугнуть Зиновьеву-Аннибал, а через нее — и Иванова. Однако обстоятельства довольно скоро решительно переменились, и со временем Иванов совершенно определенно выбрал путь розенкрейцерский. Что сыграло здесь роль — внешние или внутренние обстоятельства, мы с достоверностью не знаем, но и о тех и о других необходимо сказать несколько слов, поскольку отношения Минцловой именно с Ивановым представляют, пожалуй, самую драматичную и напряженную страницу во всей ее жизни.

Но сперва скажем кое-что о том, почему именно розенкрейцерство было столь дорого Минцловой⁵⁵.

Вообще вопрос этот, конечно, не может быть освещен здесь полностью, равно как и ответ на него не может быть дан совершенно однозначный. Розенкрейцерство в начале XX века становится символом наиболее глубоко утаенного и мистически наполненного пути к индивидуальному и социальному совершенствованию, стать на который могли только в высшей степени избранные люди. Известный теософ (кстати сказать, находившийся в контакте и с Минцловой, и с Ивановым) Д. Странден в одной из печатных своих работ утверждал: «... можно предполагать, что древнее герметическое мирозерцание окажется, быть может, той нейтральной почвой, на которой осуществится со временем примирение враждующих в настоящее время религии и науки. Таким образом, этот древний синтез рели-

гии, философии и науки послужит базой, на которой создастся новый, еще более грандиозный синтез — гармоническое и целостное знание, построенное на всей совокупности опытных данных, добытых человечеством. Такое примирение веры с знанием, религии с философией и наукой, античного гуманистического мирозозерцания с христианской мистикой или, выражаясь символически, К р е с т а с Р о з о й, было исконною мечтою возникшего в средние века Ордена Розенкрейцеров, являвшегося духовным наследником древней герметической и восточной мудрости, с одной стороны, и гностического, иоанновского христианства первых веков — с другой. <...> И, быть может, уже близок тот час, когда истинные последователи Креста и Розы выступят уже не как отдельные единицы, а как духовно сплоченная рать, как сеть объединенных общим идеалом братских общин, способных дружно работать не только над личным самосовершенствованием, но и над созиданием социального храма возрожденного человечества. Да наступит же скорее этот час!»⁵⁶

Но, как кажется, на Минцлову должно было скорее повлиять не подобное несколько рационализированное объяснение, разными способами истолковывавшееся в открытой печати⁵⁷, а, с одной стороны, сказочное, легендарное начало, связывавшееся в оккультной литературе с представлением о розенкрейцерстве⁵⁸ (не случайно, видимо, Андрей Белый так часто повторяет слова о розенкрейцерских «сказках» Минцловой), а с другой — интенции Р. Штейнера, который как раз в первой половине 1907 г. весьма активно проповедует розенкрейцерство. В письме к М. В. Сабашниковой-Волошиной из Мюнхена от 21 мая 1907 года Минцлова рассказывала: «Недавно свершилось очень важное событие в оккультном мире. Езотерич<еская> школа разделилась на восточную и западную. Восточная — в руках Mrs. Besant, а вся христианская мистика и Розенкрейцерство — отныне во главе этой школы Д-р. Это течение высвободилось от всего, загромаждавшего его доселе, и теперь поток с страшной силой ринулся вперед, свободный и властный — — —»⁵⁹.

И буквально через несколько дней в довольно сумбурном письме к ней же, написанном сразу после окончания мюнхенского теософического конгресса, где Минцлова принимала участие как один из очень немногих представителей от России, она сообщала: «Весь Конгресс носил *очень* яркий, резко выраженный оттенок. Громадная зала, обитая алым сукном, цвета крови. Посреди — — две колонны. Кругом залы — картины, изображение «седами печатей» Апокалипсиса.... После каждой почти речи Д-ра или Mrs. Besant — — дивная, волшебная музыка, звуки органа....

Два дня тому назад начался курс лекций Д-ра, «о Розенкрейцерстве»... Он гродится две недели. Лекции эти я буду иметь — но с условием — *не* передавать их никому — На программах, на билетах входных стоит ярко знак того течения, которое вводит Д-р в европей-

скую жизнь — Крест, обвитый розами, алыми, как кровь — — — Сначала на всех страшно действовала эта обстановка, этот алый цвет, разлитый повсюду.... Но постепенно, понемногу что-то странное свершалось.... и эти 4. дня Конгресса — — это была сплошная сказка... Все эти 700 людей разных стран и народов *действительно* сблизилась, подошли друг к другу на несколько мгновений — — Рушились какие-то перегородки, сломались какие-то старые, старые преграды, загромождавшие путь — — »⁶⁰. Совершенно очевидно, что в ее представлении лекции Штейнера о розенкрейцерстве и вся обстановка конгресса слились практически до неразличимости, теософия и розенкрейцерство стали чем-то единым. И вряд ли случайно, что в более позднее время именно с этой ветвью оккультного учения она старалась сблизить и Вяч.Иванова, и Андрея Белого, а через них — и ряд других людей. Но наиболее существенна здесь была фигура Иванова, с которым Миншлову связали долгие и сложные отношения.

2

Нам неизвестно, откуда Миншлова узнала творчество Вяч. Иванова, но документами зафиксировано, что уже к осени 1906 г. она уже очень высоко ценила его. Когда в сентябре Волошин решил отправиться в Петербург и сообщил об этом Миншловой, она откликнулась таким пассажем: «Милый, дорогой Максимилиан Александрович. Я вчера вечером получила Ваше письмо. Страшно рада за Вас, бесконечно, глубоко рада, что все так сложилось и случилось! В. Иванов, конечно, самый большой из всех нынешних писателей, и самый интересный (для меня), и быть с ним вместе — это страшно важно для Вас обоих. Кроме того, в Петерб<урге> Сомов, и будет Бенуа, с которым Вы близки. — Все это так удивительно хорошо!»⁶¹

Сама Миншлова прибыла в Петербург 10 ноября 1906 года и на следующий день встретилась с Волошиным, а еще через день познакомилась через него с Ивановыми. Волошин так описывал первую встречу: «...пришел Вяч[еслав] Иван[ов]. Он читал стихи. Потом он говорил о Христе и Люцифере. Он очень понравился Ан[не] Руд[ольфовне]. Она говорит, что редко ей с кем бывало так легко и свободно, как с ним»⁶².

Через несколько дней с ней познакомился и М. Кузмин, записавший в дневнике 19 ноября: «Когда мы читали «Руно», письмо от Сабашниковой, зовущей меня сегодня. Там были Сомов, Иванов, старуха Волошина и Миншлова, ясновидящая», а 29 ноября: «Миншлова говорила, что я был кем-то очень близким Цезарю Борджиа, потом кавалером де Грие и потом в какой-то русской секте, изуверской и развратной»⁶³.

Именно этим временем можно датировать начало наиболее тесных ее контактов с литературным миром, потому остановимся здесь

на этом более подробно. И прежде всего напомним, какой изображали ее различные мемуаристы, оставившие выразительные ее портреты, относящиеся к последнему четырехлетию жизни. Думается, есть смысл привести хотя бы некоторые.

Вот тот самый весьма выразительный шарж Андрея Белого, который запомнился Е. А. Бальмонт (прекрасно Минцлову знавшей, хотя в известных мемуарах об этом практически умолчавшей): «Большоголовая, грузно-нелепая, точно пространством космическим, торричеллиевой своей пустотою огромных масштабов от всех отделенная, — в черном своем балахоне она на мгновение передо мною разрослась; и казалось: ком толстого тела ее — пухнет, давит, наваливается; и — выхватывает: в никуда! <...> Я помню, бывало, — дверь настезь; и — вваливалась, бултыхаясь в черном мешке (балахоны, носимые ею, казались мешками); просовывалась между нами тяжелая головища; и дыбились желтые космы над нею; и как ни старалась причесываться, торчали, как змеи, клоки над огромнейшим лбиной, безбровым; и шурились маленькие, подслеповатые и жидко-голубые глазенки; а разорви их, — как два колеса: не глаза; и — темнели: казалось, что дна у них нет; вот, бывало, глаза разорвет: и — застынет, напоминая до ужаса каменные изваяния степных скифских баб среди сожженных степей»⁶⁴. И — с несколько другими акцентами — в более ранних мемуарах: «...Минцлова же скорее упала, чем села, в глубокое кресло, роняя свои очень пухлые руки на спинку скрипевшего кресла под нею; откинув на спинку большую свою, одутловатую голову, с желтыми, перепутанными волосами, роняя пенснэ и глядя перед собою большими и выпуклыми голубыми глазами, всегда стекловидными, напоминавшими мне не раз (и не мне лишь) глаза Е. П. Блаватской (в ней было всегда это сходство); какая-то толстая, грузная, в черном своем балахоне, напоминающем не платье, а очень просторный мешок»⁶⁵.

Вот явно неприязненный портрет, оставленный Евгенией Герцык: «Теософка, мистик, изнутри сотрясаемая хаосом душевных сил, она невесть откуда появлялась там, где назревала трагедия, грозила катастрофа. Летучей мышью бесшумно шмыгнет в дом, в ум, в сердце — и останется. С копной тускло-рыжих волос, безвозрастная, грузная, с астматической одышкой, всегда в черном платье, пропитанном пряным запахом небывалых каких-то духов; а глаза, глаза! — близоруковыпуклые, но когда загорались, то каким же алмазным режущим блеском. Незванная пришла к Вячеславу Иванову, своей мягкой, всегда очень горячей рукой обхватила его руку, зашептала...» И рядом с ним возникают впечатления из письма ее сестры, поэтессы Аделаиды Герцык: «Каменное, как изваянное, лицо Анны Рудольфовны с невидящими глазами. Он <Вяч. Иванов> хотел, он властно требовал, чтобы она открыла мне о смерти, о жизни. <...> И он сел у ее ног, прижался к ней весь, и она, холодная, огненная, как мрамор белая, острым шепотом стала говорить. Она так дрожала вся, что это передалось мне»⁶⁶.

Но и портрет, нарисованный М. В. Сабашниковой, безусловной поклонницей и многолетним другом Минцловой, передает те же характерные особенности внешности: «Теперь <в 1905 г.> ей было 45 лет. Бесформенная фигура, чрезмерно большой лоб, подобный тем, которые можно видеть у ангелов старогерманских художников, выпуклые голубые глаза, очень близорукие, — тем не менее они всегда как будто смотрели в необъятные дали. Ее рыжеватые волосы с прямым пробором, завитые волнами, всегда в беспорядке, пучок грозил распастся, постоянно вокруг нее сыпался дождь шпилек. Нос грубой формы, все лицо несколько одутловато. Своеобразнейшей ее чертой были руки — белые, мягкие, с длинными узкими пальцами. Здороваясь, она задерживала поданную руку дольше обычного, слегка ее покачивая. При нашей первой встрече в Москве именно эта привычка показалась мне особенно неприятной, равно как и ее манера говорить: голос, пониженный почти до шепота, как бы скрывающий сильное волнение, учащенное дыхание, отрывистые фразы, часто лишь отдельные, как бы выталкиваемые бессвязные слова. Большею частью на ней было поношенное черное шелковое платье, на пальце — аметист»⁶⁷.

Обратим внимание на константные признаки, подчеркиваемые портретистами: внешняя неуклюжесть и мешковатая одежда (но в сочетании с неведомыми изысканными духами); особенно заметные горячие и пухлые руки (как предвестие сведений об особом их значении в подчинении «пациентов»); экзальтированный и гипнотизирующий шепот; мгновенно меняющиеся глаза (проницательный Белый точно подчеркивает их сходство с глазами Блаватской, Минцловой специально культивировавшееся). За всем этим отчетливо просматривается стремление выглядеть человеком не от мира сего, наделенным не сразу и не всякому понятной силой воздействия на окружающих, основанной на собственном самоотвержении. Характерны в этом отношении слова Эллиса, зафиксированные Волошиным: «Ан. Руд. — вот в ней есть то... Софьи Перовской. Она может... Я вижу, как она на костер бы всходила, торопилась бы, улыбалась конфузливо своими слепыми голубыми глазами... и шпильки она бы растеряла... нагнулась бы подбирать их пред костром. И взошла бы...»⁶⁸

Наиболее отрефлектированное воспоминание о Минцловой как о необыкновенно сильной личности находим в берлинском «Начале века», где она предстает не просто в человеческой своей ипостаси, но обретает черты какого-то явления высшего порядка. Вряд ли можно сомневаться, что на самом деле впечатление Белого (а вероятно — и Иванова) в начале знакомства было именно таким. «В годах лишь увидел — все это: у «тетушки», Анны Рудольфовны Минцловой, раз обозвавши ее (да простит меня Бог, — для словечка, для красного: на язычок был остер я) «мистическою коровою»: «мировою коровою»; это название разыгралось космически: что-то было действительно в ней от животных Видения Иезекииля; считали же Кеплер, Толстой, что

планеты — животные; Минцлова медленно мне распухала в годах, перерастая естественный человеческий образ до лика планетного: «ком» — был планетой, отдельной от всех; ее *черный* мешок, из которого выбарахтывалась, представлялся пространством космическим, отделившим ее; когда видел людей, к ней простершихся, когда видел ее, вырывавшуюся из мешка им навстречу, казалось: нет, мирового пространства осилить нельзя; и взаимно простертые руки, стремление схватиться, стремление толстой женщины, бударахаясь, выпрыгнуть из мешка, вызывало во мне впечатление гармонии сфер, посылавших друг другу любовные песни, или... картину какого-то бултыханья подслеповатого человека, смешно вырывавшегося навстречу робеющему заиканию встречного: серафическая картина, уподобляемая истерике, или истерика, переходящая в пение серафических песен; но от великого до смешного был шаг; от хохота — к грому восторгов.

В годах изменялася подслеповатая «*теософская тетушка*» с мощной всклокою желтых волос, пошатнув представление «*теософической дамы*» — коли среди «*дам*», хотя редко (как в царстве слоновом слон белый) заводится «*эдакое вот*», то — развести с удивлением руки? Заняться пророчествами Блавадской <так!> (которая, кстати сказать, напоминала «*корову мистическую*»); она тоже ходила в мешке; и — вращала колесами глаз. Что-то было в глазах А. Р. Минцловой, серых бездоннейших, — от глаз Е. Блавадской; пятитысячелетний Сфинкс выступал из тумана «*мешков*», предлагая глазами, колесами голубыми, — загадки и тайны; и не дивился бы я ничему из того, что я мог бы узнать о ее странной жизни; сказали бы: «Сумасшедшая!» — верил бы. «Посвященная!» — верил бы... «Пресвятая?» — «Быть может...» Что может преступнее быть — преступления образа человеческого в образ черных вселенных? Что «*вверх*» или «*вниз*», если «*вверх*» или «*вниз*» мы берем не в обычном масштабе? Масштабы терялись при созерцании подслеповатой мистической тетушки, вылепетывающей теософические словечки, и вылепетывающей в беседе «*en deux*» просто Бог знает что: от ее полувнятного слова образовались солнца; и — да: если бы вы увидели почтенных людей, уже седых, к теософии склонности никакой не имеющих, руки целующих ей, чуть не став на колени, то вы бы поверили мне: где вступали в сношение с Минцловой, там начинались законы иного созвездия: в мысли, в науке, в искусстве, в морали; границы «*безумие*», «*здоровость*», «*вверх*», «*вниз*» кавардаком срывались в космос иных измерений.

В А. Р. прорезалась сквозь «*тетушкин*» лик, большинству столь понятный (не многим она открывалась: сидела в «*мешке*» совершенным инкогнито), мировая планета, ударившаяся о землю, зажата в черный мешок, именуемый «*платье Минцловой*», «*Анна Рудольфовна*» было сплошным псевдонимом; и я до сих пор развожу свои руки вопросом — чем было «*все это*»: безумием, выдумкой, бредом, прозрением, ложью, всем вместе?»⁶⁹

° В ближайшее окружение семьи Ивановых Миншлова входит в качестве исповедника и советчика в первой половине 1907 года, когда дионисийское кружение их жизни становится наиболее отчетливым.

Она почти не была свидетельницей того узла отношений, который завязался весной—летом 1906 года между Ивановыми и С. М. Городецким, хотя несомненно что-то знала, а больше чувствовала. Но кризис, связанный с попытками введения Сабашниковой (а через нее отчасти и Волошина) в жизнь Ивановых, проходил на ее глазах, и тут она чувствовала себя вполне в своей стихии.

Так, в «Истории моей души» М. Волошина находим записанную им беседу Миншловой с ним по поводу уже начавшихся отношений: «Я должна сказать тебе грубые слова... которые я никому не говорила. Я не могу говорить их Аморе <М. В. Сабашниковой>. <...> У ней была боязнь, что она из тех, которые должны жить в атмосфере страсти, которые привлекают, но сами ничего не дают и не отпускают. <...> Ко мне ты можешь прийти только тогда, когда ты навсегда выберешь дорогу. Одну из дорог. Или одну, или другую»⁷⁰.

Нам уже приходилось цитировать исповедальное письмо Зиновьевой-Аннибал к Миншловой от 2 марта 1907 года⁷¹, повествующее о взаимоотношениях троих людей, но еще ранее, 17 января, Миншлова обращалась к Иванову с не вполне ясными и в то же самое время характерными словами: «Пишу Вам очень поздно — или очень рано, не знаю. Но сейчас, в этот смутный, бледный час, когда уже уходит ночь, а день еще не пришел — мне очень хочется заговорить с Вами, Вячеслав Иванович.

Вы поставили мне вопрос.... Вы спрашиваете меня.... И я не могу не ответить Вам! Но сейчас, пока я еще не видела Вашей руки и руки Лидии Дмитриевны (я только Городецкого руку видела) — я могу сказать Вам лишь очень немного, пересказать Вам те глухие впечатления, которые поднимаются во мне от прикосновения руки Вашей, от близости Вашей. Слушайте же, если хотите!

Сейчас, в эту минуту, когда я думаю о Вас, я вижу Ваш образ — образ Титана, с голосом, как бы всегда обращенным к женщине, с неуловимой, безжалостной чертой чувственности и детской беспомощности, лик полубога — — и прошлое Ваше, неясными, смутными картинками встает передо мной. За Вами лежит длинный, тяжелый путь жизни. У Вас были страшные страдания и великие радости. Вы были близки к смерти не раз, к самоубийству. Вас спасло что-то. Вероятно, любовь.

Вы разбили не одну жизнь, Вы сломали многое, Вы преступили многое. Вы давали много счастья и горя — —

Теперь о настоящей минуте.... У Вас страшный момент, быть может, самый страшный и решительный во всей Вашей жизни. Не ломайте ничего сейчас. Болезнь Л<идии> Д<митриевны> отчасти связана с этим. У нее *была* (прошла теперь) возможность смерти. Вы

не знаете, сколько я выстрадала за нее... 2—3 раза за это время смерть подходила к ней, и я молилась за нее. Вам я не говорила ничего об этом, потому что Вы не могли ничего здесь сделать, и — — главное, потому, что молчание — это страшная сила в борьбе. Тот, кто говорит словами — теряет власть. А в те минуты мне нужна была вся сила и власть моя, чтобы на расстоянии помочь Л. Д., бороться за нее — —

Не ломайте ничего сейчас, я повторяю еще раз! И по отношению к тому, другому, кого Вы любите — не будьте нетерпеливы и несправедливы. Какое-то недоразумение глубокое было у Вас, было между Вами и продолжается еще — оно рассеется, оно пройдет само собой — — Мне очень трудно писать сейчас, в эту минуту все смешалось и потемнело перед глазами — —

До свидания. Не удивляйтесь моему постоянному молчанию. Я — немая и незрячая в жизни — — Вы себе представить не можете, Вы не знаете и никогда не узнаете вполне, какой восторг пробуждают Ваши стихи во мне, как безгранично я люблю Вас. Я не умею говорить»⁷².

Характерные жалобы «я не умею говорить», «у меня нет слов» и пр. повторяются на протяжении многих и многих писем, которыми Минцлова засыпала своих корреспондентов, посылая иногда по несколько весьма объемистых писем в день. И нельзя сказать, что она была не права: действительно, письма эти представляют собою чисто весьма несвязный поток сознания⁷³. Но вряд ли можно сомневаться, что ее талант лежал в той особой области полугипнотического воздействия на собеседника, которая с трудом может быть воссоздана ныне. Отчасти она восстановима, скажем, по записи Э. К. Метнера, сделанной им по горячим следам разговора с Минцловой: «18/1 910. У А. Р. М. — Сказано: Коля — гений, огромная сила, мудрость, красота. Но ломкость: ему опасна та чрезмерная пластическая работа, которую он производит над собой и своим творчеством. Ему надо бы много жить. Но он не сильного здоровья: лимфатичен, анемичен, может погибнуть от истощения... Что касается меня, то я, как это ни странно, оказываюсь скорее полнокровным, вернее — полносочным: моя опасность — умереть от преизбытка, от удара, от грозового скопления и неразрезания сил, которых у меня бесконечно много, больше, чем даже у Коли; эти силы я трачу зря, идя неправильным путем, но какой путь был бы для меня правильным, сказать трудно, м<ожет> б<ыть>, вовсе и не музыка; это еще вопрос, кот<орый> к 40 г<одам>, с кот<орых> начнется для меня настоящая жизнь, конечно, будет разрешен; во всяком случае, я полон творчества; (?). <...> Найдено, что я и Коля — одно; что мы страшно похожи. Хотелось бы видеть наши руки (лицо руки); ведь если линии и говорят о недолгой жизни, то это только мистико-эмпирическая данность, предопределение, и что против этого можно идти и бороться, можно нарушить естественный ход, предопределявший (не медицински, а мистически) долгую жизнь, и умереть скоро, и обратно — мистическое предопре-

деление снято, борясь с элементами необходимости и создавая, выковывая себе долгую жизнь (опять-таки вовсе не только гигиеной)... — оба мы близки Гете и Парацельсу. —

29/1 910 (Пятница). Разговор с А. Р. М.: Я — Вельзунг — Зигфрид. Все, что я подозревал в себе (наполеонизм, волчье — Вольфинг — ге-теанство — активность — единственность — арийство — *das auserwählte Geschlecht* — *das königliche Priestertum* — *das heilige Volk*), — все налицо, и даже гораздо больше, величайшая гениальность, однажды воплощенная... личность, способная в чем-то спасти мир; так что я и знаю, и не знаю, кто я. Я окружен многими тайнами и трагичностями, моя судьба исключительна; я не жил еще, я безумно молод и телом, не только духом; я падал, но оттого, что проходил пояс огня, как Зигфрид, и я иду к Брюннгильде, и эта Брюннгильда — не только идея, но и женщина; <...> поворот в судьбе начнется около июня нын<ешнего> года; как сложится — трудно сказать; конечно, меня в чем-то сломали, и я как-то потерял или не нашел себя, что очень странно (вообще я бесконечно странный); если бы не сломали, то я был бы главным лицом в Байрейте; но это все равно, так же, как и *Musaget* — не главное, хотя, конечно, дирижировка была бы лучшим орудием. Но я бы мог еще *все* предпринять, так как безумно молод и могу жить долго; гениальных людей убивают; иначе: они по природе долговечны. Была осмотрена моя рука; найдены долголетие и несравненная гениальность и мудрость; я должен быть ободрям; я содрогнулся бы, если бы узнал до конца, кто я, но надо, чтобы чистым нашел себя; во время беседы неоднократно была мне оказана та почать, которою отвечают на благословение высших духовных лиц; причем, когда я хотел ответить тем же, это не дозволялось. Я — одновременно и жрец и жертва. До сих пор — только жертва, отныне должен стать жрецом. Чтобы стать жрецом, надо топнуть ногой о землю; надо попирать, надо стать эгоистом временно...»⁷⁴

И тут же Минцлова делает внезапные вылазки в потаенные сферы сознания, вмешиваясь в трагически напряженные отношения Метнера с женой: «Сказано мне, что Аня недопустима не только оттого, что еврейка, но и... тут прямо сообщена наша никому не известная тайна. Я успокоил снова, как и прошлый раз, сказав, что преодолено. — О Бугаеве, что он довел Л. Д. Блок до распутства, не взяв ее, когда она хотела отдаться, и насильно овладев ею, когда она противилась. <...> Возможность свидания А. Р. М. с государем, с вел<иким> кн<язем> уже виделась»⁷⁵.

Трудно в этих разговорах не увидеть поразительной способности Минцловой находить наиболее чувствительные точки психологии человека. Видимо, нечто подобное было и в ее беседах с Ивановым.

Судя по всему (хотя свидетельств этому у нас практически нет), ее вмешательство в отношения между Ивановыми и Сабашниковой вызвало отрицательную реакцию прежде всего у Ивановых. Об этом,

как кажется, говорят зафиксированные Волошиным в дневнике слова ее, сказанные 26 сентября 1907 года: «У Вячесл<ава> нет силы. У него была. Он мог прямо войти, минуя всю земную ступень. Но он устремился в земную страсть, так же сильно и прекрасно, как он еще делает. И он глубоко ушел. Теперь ему надо пройти другой физической дорогой. <...> Он губит, ломает людей. Нельзя говорить так — пусть ломаются, если сами плохи. Никто не имеет права ломать и разрушать, делать *опыты* над людьми. Он сломал Городецкого. Он сеет разрушение вокруг себя»⁷⁶.

Но еще 20 февраля она писала Сабашниковой об Иванове: «Дорогая моя, тот, кого Вы выбрали учителем себе — — божественно прекрасен и велик. Это — главное, что я могу сказать Вам сейчас. Очень, очень многое я должна сказать Вам еще. Да, я знаю, Вы *теперь* иначе будете слышать меня и поймете меня. И как только у меня будет возможность, я напишу Вам, дитя мое, радость моя, моя светлая девочка. Быть может, так надо, так должно быть — мое молчание сейчас, быть может — необходимо оно... Более чем когда-либо я верю звездам, их указаниям — — —

Вы знаете мое отношение к Вяч. Ив. Это — светлый бог. И странная, глубокая тайна для меня его отношение ко мне. Высшее склоняется к Нисшему <так!> и спрашивает тайну его — — —

Я никогда не видала столь совершенного существа. То, что теософия именует «Etherleib», — до такой степени высоко совершенно у него — — Etherleib, начало, таинственно властвующее над сочетаниями слов, над царством слов. У *всех* людей Etherleib неправильно, неверно, нестройно стиснуто по физическому телу, отчего страдания, уклоны творчества. У Вяч. Ив. Etherleib — почти совершенен, полностью»⁷⁷.

А Волошина-Сабашникова осенью рассказывает о Минцловой в письме к Иванову: «Меня торопят с письмом, но я хочу еще написать об А. Р. Это единственный близкий мне человек, но я не могу говорить с ней о себе, а о тебе мы не говорим почти. Хотя я чувствую, что она часто, часто думает о тебе. Однажды она сказала, что самое ужасное было бы для нее, если бы с ней что-нибудь теперь случилось, что она не увидится с тобой. Ей очень плохо. У меня есть причины бояться того, что мы скоро ее потеряем. При других она весела и остроумна; не сводит глаз с Ньюши, болезнь которой считает роковой, ласкает ее, дружит; когда она, А. Р., у себя (я сплю в одной комнате с ней), я вижу, какие ужасы она переживает. Страшен ее путь. За это время она стала еще больше. Какой поверхностный взгляд был у меня летом, когда я вдруг перестала ее видеть. Рядом с ней чувствуешь «небо отверзтым». В ней есть истинное блаженство и тишина, но она измучена и она на краю того, что мы называем гибелью. Ее сила громадна, она одна. Отчего ты не ответил ей? Когда я спросила ее: «Отчего Вы не позовете его, если такое значение придаете этому свиданию?» — она отвечала, что считает, что позвала тебя»⁷⁸.

Как видим, даже в период внешнего расхождения с Ивановыми Минцлова не перестает претендовать на близкую связь с ними обоими, а общие знакомые по-прежнему стремятся их сблизить.

Примирением и началом нового этапа взаимоотношений Иванова с Минцловой стала смерть Зиновьевой-Аннибал через несколько дней после только что процитированного письма, 17 октября 1907 года. Минцлова по призывной телеграмме Иванова кинулась в Загорье и с этого момента на некоторое время едва ли не полностью подчинила его своему влиянию.

Уже к концу ноября относится запись ее слов в дневнике Волошина: «Над Вячеславом» страшная опасность. Над ним стоит смерть. Он может умереть теперь же. У него припадки отчаяния и гнева... недоверия. Ему нельзя видеться с Маргаритой. Теперь он хочет видеть ее из долга. Но земная страсть слишком сильна в нем. Он может переступить. И тогда он убьет себя»⁷⁹.

И самый конец 1907-го — самое начало 1908 года становятся наиболее решительной ее попыткой вывести Иванова из кризиса, внушив ему мысль о необходимости посвящения, вступления непосредственно на путь мистического ученичества.

При этом, видимо, ее стремление было настолько сильно, что не только сам Иванов, но и люди, его окружающие, подпали на какое-то время под влияние Минцловой, переживая (пусть и не в той степени, как он) нечто схожее.

Конечно, ее посвящение было лишено внешних признаков, обрядности и пр., а должно было стать, видимо, чем-то подобным описанному значительно позднее: «Смешно читать и о высочайших степенях посвящения, которых можно достичь в современных оккультных школах. Высшие степени достигаются лишь внутренним усовершенствованием, которое никакая современная эзотерическая школа дать не может. Посвящения происходят наедине между Вел<иким> Учителем и учеником, и результатом их является следующая ступень восприятия высших энергий или лучей. Поэтому такие Посвящения происходят всегда неожиданно и часто просто в спальне или рабочей комнате ученика. <...> Эти Праздники духа не имеют ничего общего с бутафорией посвящений, описанных в некоторых оккультных книгах»⁸⁰. Основным средством для посвящения Иванова были избраны напряженные, требующие глубокой внутренней работы и сосредоточенности медитации. Гораздо позднее через это проходивший Андрей Белый вспоминал: «И — вот: я в Бобровке с Петровским <...> в сумерках мы, расходясь, отдаемся строжайше заданной трезвой духовной работе: его и меня отослала ведь Анна Рудольфовна — в тишь: отдаваться работе; сидели — отдельно: темнело, синело, чернело за окнами; мы ж — отдавались словам; нам загаданным; Минцлова — передала нам слова, проходившие душами очень немногих длиннейшею цепью столетий; и вот — разверзались образы, тихо сходявшие в три

измерения — из скольких? — Рамзесу Второму, пророку Илье, Маккавеям, апостолу Павлу, Плотину, блаженному Августину, прекрасному Абельяру, Агриппе, Джордано, быть может, трезвейшему Новикову, доктору Штейнеру, Анне Рудольфовне Минцловой, нам: точно ключ, отворяющий тайну подхода к духовным мирам, — крепко действовала на меня медитация Минцловой: в тихой, в пустынной Бобровке.

Да, первая данная мне медитация — действовала: красотой своею; была так по форме мягка, так ласкательна, так фантастична: как сказка! Отдался я ей непосредственно: так отдаются мелодии Шумана — а была ведь обставлена рядом суровых условий (на время ее, — я был должен молчать: если б мать умерла, и меня б потревожили словом в минуты теченья ее, — я бы должен, отбросив и смерть моей матери, — только беззвучно повертывать спину от всех «т р е в о л н е н и й» случайных); впоследствии только узнал: медитация эта — ответственна; сопровождалась упражнением с дыханием; дыхательные упражнения — лезвие: иль люди срываются в них к сумасшествию, или... к чахотке; иль — быстро взбираются к горному снегу «п у т и п о с в я щ е н ь я». Я понял позднее, что все методы Минцловой — сказочкой милою — подвести: к очень-очень рискованным опытам Йоги»⁸¹.

О том, что переживал Иванов, мы знаем из его собственных записей, ныне подготовленных к печати Г. В. Обатниным (поэтому здесь они цитироваться не будут). Описания видений М. Кузмина, также подверженного в эти месяцы влиянию Минцловой, уже несколько раз оглашались в печати⁸². Приведем только записи гораздо более скромных, житейски ограниченных видений, которые испытывала в это время М. М. Замятнина, друг семьи Ивановых и их домоправительница: «Во время пересмотра дня почувствовала себя на высоте птичьего полета, над землей, подо мной вилась река, на берегу виднелись дома, затем подо мной внизу видела поля, леса и цепи высоких гор. И так долго не могла вернуться к анализу дня, т. к. никак не могла спуститься на землю»⁸³; «Озеро яркой синевы, кругом горы ослепительной белизны. Вдали озера оснащенный небольшой корабль. Над кораблем, поверх гор, яркий просвет лазури в форме синего ока. Видеть это было неожиданно <1 нрзб> среди разговора и при открытых глазах (в столовой у рояля, я отошла от рояля и прикрыла глаза, видение продолжалось). Поражена была особенной яркостью красок»⁸⁴.

Минцлова руководила всем этим процессом посвящения Иванова и медитаций его и ему близких людей из Москвы. 2 января 1908 года она туда уехала, и с ней случился обморок (вероятно, эпилептический припадок), после чего выехать в Петербург она не могла. Множество писем этого месяца создают чрезвычайно выразительную картину того давления, которое Минцлова, постоянно усиливая, оказывала на Иванова. Она все время подводила его к мысли, что

является лишь посредницей между ним и покойной женой, которая сама должна ввести его в новый мир духовного опыта. И сразу после возвращения ее из Москвы, 2 февраля Замятнина записывала: «Приехала Ан<на> Руд<ольфовна>».

Я себя чувствую совсем другой, чем месяц тому назад при ее отъезде. Удалось немного поговорить. Хочу страстно, чтобы Ан<на> Руд<ольфовна> не б<ыла> мною недовольна, и Вяч<еслав> тоже. Вяч<еслав> сказал мне, что на Ан<ну> Руд<ольфовну> я произвела хорошее впечатление. Счастлива. Вяч<еслав> все время строго следит за мной, несмотря на присутствие Ан<ны> Руд<ольфовны>.

Вечером б<ыла> общая молитва четырех нас. Перед молитвой Вячеслав сообщил Вере и мне радостную весть, что он назван учеником, и просил за него молиться.

За молитвой видела Радугу и оленя. Затем строения со стеной, сложен<ной> из треугольников. Затем колонну⁸⁵ высокую, покрытую гирляндой. Отчет Вячеслав сегодня предложил, чтобы я отдала Анне Руд<ольфовне>, что я и исполнила⁸⁶.

И с этого времени при всех своих странствиях и духовных переживаниях (частью действительных, частью, очевидно, вымышленных) Минцлова не оставляет мыслью Иванова, пытаюсь поддержать в нем убеждение, что теперь он является одним из избранных, «великих посвященных» (если использовать название книги Э. Шюре, входившей в круг чтения этой группы людей, в том числе и Иванова⁸⁷). Она же должна выполнять при нем роль своеобразного передаточного механизма, связывающего его с действительными учителями человечества, которые обнаруживаются то в Италии, то в Германии, то в Финляндии.

Странную, поглощающую жизнь Иванова и Минцловой этих месяцев — со смерти Зиновьевой-Аннибал до лета 1908 года — рисует любопытный документ — письмо В. К. Шварсалон, падчерицы Иванова, к М. М. Замятниной:

«Дорогая Маруся

Анна Рудольфовна просила меня Вам написать. Ей тяжело то отношение, которое ей кажется что она замечает у Вас к ней. Она говорит, что чувствовала всю эту зиму, что Вы относились к ней недоброжелательно, но что то, что она делала тогда, она считала своим высшим долгом и поэтому не должна была обращать внимание ни на что другое.

В ней возникло опасение, что Вы намеренно не торопите Вячеславов отъезд из Петербурга и боитесь, что он опять будет с ней, рады тому, что они не вместе.

Ей кажется, что Вы ее считаете желающей насильно быть близ него и преследующей какие-либо цели. Она просит Вам сказать, что оставалась она с ним в П<етербурге> эту зиму только потому, что считала это своим высшим долгом, и потому, что он ее все время молил о том, чтобы она осталась на башне не только до весны, но и осенью.

А. Р. думает, что Вы боитесь, что в Крыму будет такая же жизнь, как в Петербурге, с целыми ночами, проведенными в разговорах и т. д. Она просит Вас успокоить на этот счет и сказать, что она уже раньше решила твердо, что жизнь тут будет совсем иная, что по ночам она говорить с Вячеславом совсем не будет и что вообще будет его оставлять очень много одного (у нее здесь много знакомых: Строгановы и т. д., и много дел), а при свиданиях вести больше легкий разговор и веселый.

Она говорит, что когда приехала к нам, то поставила себе срок год, который она сочла своим долгом посвятить Вячеславу одному, хотя ей было страшно трудно и стоило массы жертв, чтобы это сделать, но теперь уже она думает, что, может быть, такой работы для Вячеслава не нужно будет, и что вместо года достаточно было полгода, и, следовательно, что такой строгой жизни, как прошлую зиму, не будет эту зиму вообще.

Она даже говорит, что, может быть, если не нужна будет Вячеславу, то уедет в конце лета, т. к. ее страшно зовут со всех сторон. Все это пишу Вам, дорогая Маруся, не прибавляя ни слова от себя, ни о чем не судя и стараясь как можно точнее приводить слова А. Р. Ей тяжело такое отношение между Вами и ей, и ей все кажется, что во всем этом, как и в том, что Вячеслав не едет, кроется какое-то недоразумение, что-то невыясненное. Я не хочу сейчас говорить ни слова от себя, поэтому просто целую Вас и обнимаю. В.»⁸⁸.

Письмо это связано с довольно любопытным эпизодом, в котором проявился характер отношений, формировавшихся Минцловой на протяжении приблизительно полугода в конце 1907-го и начале 1908 года. Все семейство Ивановых (равно как и Минцлова) было приглашено в Судак к сестрам Герцык, но уезжали они постепенно. Первой отправилась В. К. Шварсалон, потом Минцлова, а Иванов, Замятнина и Л. В. Иванова еще оставались в Петербурге. Внешние причины этого Замятнина описывала в послании пасынку Иванова С. К. Шварсалону: «Вчера и Анна Рудольфовна уехала в назначенный день. Вячеслав остался для разборки маминых <Л. Д. Зиновьевой-Аннибал> писем и бумаг, но еще раньше этого кончает свою книгу «По Звездам», над которой все время со дня их отъезда и ночь и день работает. Т. к. для всех считается, что он уехал в Крым, то у нас никто Вячеслава не беспокоит и он буквально все время может работать, за исключением не более двух часов в день — время обеда, продолженно разговором с Кузминым и Гюнтером, которые оба живут у нас. Кузмин переводит драму Гюнтера, и они тоже весь день работают»⁸⁹.

Но по-настоящему серьезные внутренние причины (безусловно, связанные с долгими и выматывающими разговорами Минцловой) Замятнина описывала в письме к Шварсалон от 15 мая: «Голубушка, прежде всего не волнуйся и постарайся успокоить и А<нну> Р<удоль-

фовну», и сестер <Герцык> в том, что Вячеслав еще не едет. Он чувствует себя хорошо и так сильно и усидчиво работает, кажется, за всю зиму думает теперь наверстать.

Он кончает «По звездам». Теперь дописывает еще большую статью, в которую превратились «Спорады», долженствующие войти в книгу. Дня через два, три книга будет совершенно кончена и отослана в типографию, так что я рассчитываю, что через пять дней самое позднее мы сможем выехать, т. к. теперь мы уж будем ждать Вячеслава.

Представляю себе, к<a>к все в Крыму вы огорчены таким запозданием, и мне ужасно горько, что внешним поводом к<a>к бы являюсь я виной тому. Но, Верушка, ты не можешь представить, как действительно хорошо и важно, что Вячеслав остался сам с собой совершенно один на несколько дней. Он очень успокоился, напряжен<ные> нервы его отошли. Дня два после вашего отъезда нервы были очень натянуты, но с работой они успокоились. <...>

Общество наше составляют исключительно Мих<аил> Ал<ексеевич> и Гюнтер, но и с ними Вячеслав бывает по очень малу. Поговорит немного, прослушает сонату и опять за работу. Бодро чувствует себя, замечательно, работой увлечен. Но работает не так, чтобы застрять надолго, а так, чтобы скорее кончить и ехать. Кто любит Вячеслава, не должен за него теперь беспокоиться⁹⁰.

Еще повторяю, что для Вячеслава было страшно важно и необходимо остаться одному после этой зимы. Найти себя самому. Ты понимаешь, я думаю, всю важность этого. Сама увидишь, как придет и обо многом лично поговорит с тобой»⁹¹.

Такая ультранапряженная и нервная жизнь не могла не сказаться на стиле и духе взаимоотношений в доме Иванова. Отчасти это касалось переживаний ближайших к нему людей — В. К. Шварсалон и М. М. Замятниной — к Минцловой. Видя, что многочасовые беседы и разного рода опыты паранормальных восприятий выводят его из душевного равновесия, они постепенно, но вполне решительно становятся в оппозицию к ней. Если еще в начале года, напомним, Замятнина говорила: «Хочу страстно, чтобы Ан<на> Руд<ольфовна> не б<ыла> мною недовольна, и Вяч<еслав> тоже», — то к маю она уже откровенно связывает его неустойчивое душевное состояние с воздействием ее бесед. Менее заметно это (по тем документам, которыми мы располагаем) в В. К. Шварсалон, но позднейшие ее воспоминания о лете 1908 года в Судаче свидетельствуют, что недовольство зрело уже тогда.

Отчетливо было выражено отрицательное отношение к Минцловой у сестер А. К. и Е. К. Герцык, в доме которых она прогостила с мая по октябрь. Конечно, это было связано с откровенной влюбленностью Е. К. в Иванова, которая явно чувствуется по всему духу: современных записей, и воспоминаний. На этом фоне неприязнь к Минцловой у нее обретает черты прямой ревности: «Не люблю пря-

ного ее духа, падкого в воображении на все сладостно-жесткое (как Макс загорается от орудий пыток), на все сентиментально-романтическое. Вяч. понимает и говорит, что были у них минуты величайшей опасности падения, и мистического, и просто физического (безумие, ненормальность), и он ее останавливал. Надо это помнить и жалеть ее. <...> Не могу через нее идти к мистике, даже если б она согласилась»⁹². В конце концов к 1910 году это привело к резкому неудовольствию с обеих сторон, которое Герцык так описывала в письме к Иванову от 14 января 1910 г.: «...у меня было на днях страшно тяжелое впечатление. У нас была Анна Рудольфовна, и Евгения Антоновна, и брат мой были потрясены той глубокой ненавистью, которую она проявляла ко мне, тем, как она вся менялась, когда я входила в комнату, не поднимала глаз и теряла самообладание от чувства враждебности»⁹³.

Трудно говорить в данном случае с полной уверенностью, однако следует отметить, что в памфлетных повестях Кузмина («Двойной наперсник» и «Покойница в доме»), где Минцлова является явным прототипом персонажей, она изображена в виде явной искательницы брака с человеком, похожим на Иванова. Чуткий ко всякого рода слухам и сплетням, Кузмин, имевший все возможности близко наблюдать отношения Иванова и Минцловой, вероятно, ощущал определенную эротическую напряженность в них. Кстати, следует отметить, что и Кузмин также очень быстро перешел от постоянного подчинения наставничеству Минцловой, отразившемуся в его стихах конца 1907-го и начала 1908 года, к чрезвычайно скептическому отношению, нашедшему отражение в повести «Двойной наперсник»⁹⁴.

А как же сам Иванов? Почему он на довольно долгое время подпал под сильнейшее влияние Минцловой?

Прежде всего, это, конечно, связано с личным воздействием, которое наиболее трудно восстанавливается. Нет сомнения, что Минцлова обладала способностью то ли гипнотизировать, то ли завораживать некоторых своих собеседников потоком слов, то ли каким-то иным способом подчинять своей воле. Долгие дневные и ночные беседы ее с Ивановым, от которых не сохранилось ничего, кроме отрывочных впечатлений и записей современников, создавали атмосферу сильнейшей духовной напряженности, позволяли соединить в единый устный текст разнороднейшие представления, характерные для того извода оккультизма, к которому принадлежала Минцлова. Как можно судить по ее письмам, в ее восприятии и непосредственном речевом изображении разновеликие события становились равноправными: космогонические теории и мелкие бытовые подробности, случайности повседневной жизни и розенкрейцерские легенды, встречи с мимолетными попу. ликами и мировые заговоры — все это и многое другое образовывало в ее сознании некий цельный текст, складывавшийся из случайностей, осмысливавшихся как продиктованные высшей необходимо-

стью. И для Иванова, как раз в это время — в начале 1908 года — работавшего над «Двумя стихиями в современном символизме»⁹⁵, где прямо заявлено: «...символ прорезывает все планы бытия и все сферы сознания и знаменует в каждом плане иные сущности, исполняет в каждой сфере иное назначение. <...> В каждой точке пересечения символа, как луча нисходящего, со сферой сознания он является знаменем, смысл которого образно и полно раскрывается в соответствующем мифе. Оттого змея в одном мифе представляет одну, в другом — другую сущность. Но то, что связывает всю символику змеи, все значения змеино-символа, есть великий космогонический миф, в котором каждый аспект змеи-символа находит свое место в иерархии планов божественного всеединства»⁹⁶, — такое понимание природы сущего не могло не быть до известной степени близким, должно было представлять аналогию его собственным воззрениям.

Во-вторых, Минцлова рассчитанно воздействовала на честолюбие Иванова и как поэта, и как общественно значимой фигуры. Постоянное восхищение его стихами дополнялось убежденностью в том, что именно Иванову суждена роль мистического руководителя современного эзотерического движения, по масштабу деятельности сравнимого только с Р. Штейнером. Вообще вопрос об отношении Иванова к Штейнеру является весьма дискуссионным, поскольку мы обладаем слишком малым количеством прямых свидетельств⁹⁷, однако в данном случае, как нам представляется, речь должна идти не о совпадении или различии их позиций, а лишь о том месте, которое, по мнению Минцловой, занимал Штейнер в современном мире. Он представлялся ей единственным реальным мистическим вождем значительных человеческих масс, путь и цель которого могут быть соотнесены с задачами тех «братьев», за которыми стоят великие учителя человечества. Но, исполняя эту свою миссию, Штейнер слишком часто оказывается ниже своих великих задач. Исповедуясь в давней любви и преданности Штейнеру, Минцлова в то же время довольно часто подчеркивает, что его роль в современном мире хоть и велика, но далеко не однозначна. Приведем отрывок из ее письма к Иванову, где она размышляет о Штейнере в контексте предполагающегося ухода своего из мира вместе с другими «братьями» (подробнее об этом «уходе» см. ниже): «Сегодня я слышала 1. лекцию Д<окто>ра, об Ев<ангелии от> Луки — — И... странно и неожиданно для меня, я услышала впервые — что Д-р Steiner говорил очень хорошо, просто — — — но без тех подземных ключей, которые вдохновляли его слова раньше.... Эта, первая, вступительная лекция его — была ужасна.... по значению и смыслу своему.... Чувствовалось все время в словах его — — что *ушли* совсем те, великие, глубокие источники Красоты — — и Роза-Крест — померкла... Шт<ейнер> говорил, что *ненужны* совсем «Urkunden und Quellen» — — Что нужно одно только, сейчас: «Das Lesen <I нрзб> der Akasha-Chronik». — А т. к. он один это мо-

жет — в Германии и в Европе вообще — — — и т. к. *вся* его школа основана им затем <?> чтобы *закрывать* источники личного творчества в учениках и *все* строить на — на *внешней* свободе и на внутреннем рабстве человека — — ученика его — — значит... *Все* остальное — уничтожается, кроме слепой, тупой покорности и послушания, Ему, Д-ру St<einer'y> — — — Вячеслав... И *это* — тот, на кого мы оставляем Землю, уходя.....

Но иначе нельзя, нельзя... Всегда Р. К. были глубоко «не-практичны», не приспособлены к Земле и условиям Земли... И, конечно, Шт<ейнер> больше всех нас приспособлен к Земле, к условиям Земным... С ним — толпа и успех»⁹⁸. Иванов же был предназначен стать реальной альтернативой Штейнеру в великом деле мистического водительства, внесения в мир тех откровений, которые являются существеннейшим этапом на пути к «древней мудрости», доступной лишь избранным. Вряд ли возможно определить, как реагировал Иванов на эти излияния, но постоянные уверения в великом избранничестве не могли быть пренебрегаемы, тем более что они основывались не только на его пути истинного ученика, но и на регулярных уверениях в его значении как поэта, на этот раз уже не только для узкого круга ценителей истинной поэзии, но и для многих людей. Об этом наглядно свидетельствует письмо Миншловой от 3 января 1909 года: «Любимый, дорогой Вячеслав, хочу Вам рассказать о том, что я услышала сегодня про Вас — Это мелочи, конечно, но почему-то мне было это *так* радостно услышать и узнать — — —

М. И. Сизова (сестра М<ихаила> И<вановича> — — помните ту суровую и нелепую девочку, которую мы с Вами видели у Кл<еопатры> Петр<овны> — давно — 1 1/2 года тому назад?) <...> она мне сегодня рассказала, о чем я не знала совсем — что в конце ноября этого — (т<о> е<сть> когда я уже была в Петербурге) — в аудитории женских курсов в Москве была прочитана лекция об А. Белом и Брюсове — женщиной, некоей Шиль (она же «Сергей Орловский») — и в этой лекции (М. И. Сизова рассказала мне ее подробно, но я ее не помню теперь) — — лектор сказал что-то *очень* похвальное Брюсову и Белому (не помню — что именно). И затем окончил лекцию следующей цитатой, *дословной*: «Когда у Моммзена спросили — кто, по его мнению, мог бы заместить его? Моммсен <так!> ответил: «Только один человек в мире: он живет в Петербурге сейчас, пишет стихи и зовут его Вячеслав Иванов» — <...>

И затем сегодня у меня была одна дама из Владикавказа — — и рассказывала мне, какой культ у них там, в этом стиснутом между горами городе — *Ваших книг*, Вашей личности, Вашего имени — — оказывается, у них в магазине книжном в две недели расхватили «По Звездам» (которых было очень немного у них). «Кормчие Звезды» — рвут друг у друга (они *были* во Владикавказе год тому назад, теперь нет боль-

ше) — — — — Из ее рассказов вырастает что-то очень большое..... Мы не знаем, что делается там, в провинции глухой и далекой — — — оказывается, по рассказам — (и слышно, что не лживы эти слова, простые и огненные, как пожар в лесу) — — — — оказывается, все девушки во Владикавказе и Тифлисе, все гимназистки — влюблены в Вячеслава Иванова — — или Бальмонта — — — — — Все новые книги русской литературы — — пожираются там, поглощаются там неутомимыми, жадными душами, сгорающими каким-то дивным огнем, конечно, непонятным никакому другому народу — — — —»⁹⁹.

Наконец, не в последнюю очередь играло свою роль то, что Минцлова расчетливо использовала страстную и мистически окрашенную любовь Иванова к покойной жене. Памфлетно изобразил это Кузмин в повести «Покойница в доме»¹⁰⁰, но и для других, гораздо более близких обоим людям такое отношение выглядело существенной причиной зачарованности Иванова. Так, В. К. Шварсалон в своем дневничке 1909 года фиксировала (в прямой связи с Минцловой): «Лучший способ привлечь В<ячеслав>а — сказать ему, что кто-нибудь любит Маму»¹⁰¹. В наиболее решительный период ивановского «ученичества» именно покойная Зиновьева-Аннибал, согласно письмам Минцловой, должна была «ввести» его в круг избранных, тогда как она сама оставалась лишь посредницей между ними.

Умело пользуясь этими пристрастиями и слабостями Иванова, Минцлова создавала особую атмосферу, в которой чувствовала себя достаточно уверенно. При этом, сколько мы можем судить, она использовала тактику постоянной смены направлений воздействия и столь же постоянного усиления давления. Как только исчерпывалось одно волевое усилие, тут же Минцлова совершала следующее, более важное для судеб Москвы, Петербурга, России, всего мира, — категориями меньшего порядка она практически не оперировала.

Иронические формулировки наши вовсе не означают, что Минцлова сознательно мистифицировала своих знакомых. Вероятнее всего, она сама совершенно искренне верила в то, что ее слова если не истина в последней инстанции, то где-то близко от нее. И потому она производила на свежего человека столь сильное впечатление, заставляя его невольно поверить в истинность хотя бы каких-то ее утверждений. Потом чаще всего наступало разочарование (Белому, например, понадобилось, как мы увидим далее, чуть более года — да и то с большими перерывами, — чтобы понять суть приемов воздействия Минцловой на окружающих), но на первых порах даже вполне трезвые и не расположенные к оккультизму люди подчинялись ее влиянию. И Иванов здесь был исключением лишь по длительности отношений (почти четыре года), но отнюдь не по степени их интенсивности. К тому же Минцлова и пророчила ему будущее гораздо более значительное, чем кому-либо другому из круга ее знакомых.

Итак, лето 1908 года Иванов и Минцлова проводят вместе в Судаке в гостях у семейства Герцык. Записные книжки Е. К. Герцык этого времени зафиксировали некоторые подробности отношений Иванова со своей духовной наставницей. Такова, например, примечательная запись от 7 октября: «За ужином Вяч. и Анна Руд[ольфовна]: «Отчего вы никогда не любили и не отдались мужчине? Зачем в вас все неполно? И зачем вы другому позволяете то, чего не захотели сами? Теософия все позволяет, все терпит: любовь, искусство, страсти <...> Религия выше, благородней теософии, потому что теософия ничем не рискует, всякий же основатель религии говорит *alea jacta est*, он выбором пути отрекается от всего знания. Теософия служит тому, что неизбежно совершается, религия служит невозможному. Поэтому для религии каждый человек — тайна и божественные невозможности в нем. Оккультизм знает и презирует людей. <...> Вся теософия — духовный американизм... Не в Индии и не Европе возникла, а в Америке американизированная Блаватская основала ее. Ее книги — груда механически подобранных знаний, — в них духа, огня, религии, мистики — ни следа...» А[нна] Р[удольфовна] в слезах ушла»¹⁰². Уже здесь чувствуется определенное внутреннее напряжение, создающееся в разговорах, особенно протекающих на глазах других людей. Характерно, что завершается беседа, описанная Герцык, существенным продолжением: «После этого опять бесконечная беседа у него с Анной Рудольфовной, и я слышала рядом шаги, шаги взволнованные, и голоса, а сама лежала в тишине... <...> Он зашел проститься усталый, догоревший. Всегда там, за стеной, и гнев и восторг»¹⁰³. Для взаимоотношений Иванова и Минцловой в высшей степени характерно, что беседы наедине приводят к примирению и подчинению Иванова влиянию ее личности.

После возвращения из Судака, в ноябре—декабре этого же года Минцлова находится в Москве, где переживает разного рода трагедии, связанные с иной стороной ее деятельности. Она ощущала себя не только предназначенной для индивидуальных контактов с различными людьми (вовсе не обязательно с литераторами — среди ее знакомых и «пациентов» находим самых разнообразных персонажей), но и чувствовала себя обязанной организовывать оккультные общины. Чаще всего это были не формализованные общества, а своего рода свободные содружества заинтересованных в тех проблемах, которые волновали ее саму. Возможно даже, что истинные тайные общества волновали ее гораздо менее. Так, получив от Иванова известие, что ему сделано предложение стать масоном, Минцлова специально наставляет его: «Вы пишете о приглашении в м. ложу? Это, вероятно, Ковалевский, да? Я не могу дать Вам запрета ни веления на это — Дело в том, что я знаю эту ложу. Ее значение — большее,

чем французской *Grand Orient* (где Макс состоит) — — все же *очень* поверхностное. Та книга, которую Вы видели у меня (английская), это и есть именно учебник для этого *rite écossais* — — Но, во всяком случае, я ничего против этого не имею и не могу иметь. Поступите так, как захотите *Вы* — мой брат дорогой! Если Л<идия> найдет это ненужным — она воспротивится этому *сама*. Мне кажется, что т. к. это — больше внешнее, то это не может иметь связующего отношения к внутреннему Вашему — (оно *не* должно быть связано *ничем*, никаким обществом, это я знаю). Об этом я умоляю, я настаиваю — — *не говорите ни слова там, никому из них*, о том, что Вы знаете об «оккультн<ом> масонстве». Не говорите о лицах, которые принадлежат к нему — не говорите обо мне *ни слова*, и о Steiner'e — — — Это излишне совсем. Но это — крайне важно и необходимо в то же время. Поступите, *как захотите* — — но *если* Вы захотите — — то исполните великий завет мой и мольбу — — — молчите о том, что Вы знаете раньше них, о том, что Вы узнали через меня — — — Вот все, что я могу сказать Вам об этом сейчас — —»¹⁰⁴. Однако кружки нерегулярные, членство в которых никаким образом не было формализовано, Минцловой представлялись чрезвычайно необходимыми, — правда, лишь в том случае, если они находились под ее непосредственным руководством.

В тех же случаях, когда руководство это по тем или иным причинам ослабевало, она начинала осмыслять случившееся как козни каких-либо коварных сил, причем особое значение придавалось некоему «восточному оккультизму», которому приписывались не только самые злостные намерения, направленные на уничтожение усилий самой Минцловой, но и просто действия криминального характера. Так, в ряде писем к Иванову ноября 1908 г. она сообщала о такой истории: «За мое отсутствие в Москве теперь поднялась целая... черная банда оккультистов самого низменного разряда, которые теперь¹⁰⁵ начали самую страшную, самую энергичную деятельность в Москве. Деятельность, доходящую в нескольких случаях — до самого простого, *буквального* (не аллегорического!) *убийства*, насилия и т. д. Я не имею права оставить это так теперь, когда ко мне обратились с мольбами о помощи. Я должна вмешаться в это теперь — — активно. Я чувствую свою ответственность, свою вину перед теми, кто попал в когти дьяволов теперь — когда я говорю о своей «вине», то говорю, конечно, не в смысле самотерзания и «психологии» — когда я говорю «*теа сипра*», за этим *немедленно* должно следовать *действие*, соответственное и помогающее — Все те преступления, которые теперь здесь совершаются — они все стоят <1 нрзб> *вне* всякой возможности вмешательства законов и полиции земной — Помощи здесь ждать нельзя ни с: кого извне, кроме — — Случилось так, что *одна* сейчас в Москве из представителей «белой школы» — — Против нас сейчас толпа сильных, темных, абсолютно незнающих, но практически

сильных оккультистов — за ними стоят еще другие, приближающиеся — —»¹⁰⁶ }«— Приехав сюда, я застала здесь, в Москве, такую полосу безумия и тьмы, какие бывают редко все же — — —

Для Эдгара Поэ здесь был бы неисчерпаемый источник. Для примера, расскажу Вам *первое* дело, в которое мне приходится вмешаться *активно* — — —

Когда я была здесь этой осенью (проездом из Крыма в Петербург), ко мне обратились с отчаянной просьбой — очень серьезный случай тяжкого одержания, как мне показалось (по рассказам). Но я — отложила это, отстранила от себя в ту минуту это дело, т. к. я всем сердцем моим, всей душой рвалась в Петербург, к 17 — — —

Это было огромное, властное устремление и порыв, в котором большую роль играло мое личное стремление — — Тогда, без меня, за эти 3. недели моего отсутствия и т. к. была *очень* большая крайность — — — обратились к одному из тех <так> называемых оккультистов, которыми теперь кишит Москва и которые проникли без меня — — и в район <так!> моих действий (*началось* это, как теперь я установила точно — с момента моего «обморока», в конце января, в Москве — и моего отъезда в Петербург 1-го февраля этого года). Огромная поверхность была взволнована уже раньше, *моим* прикосновением — затем я оставила их (*из-за* высшего еще, и не по своему хотению и разумению одному, — но и по велению и зову из высших миров). Но, тем не менее —¹⁰⁷ я *должна* теперь помочь тем, кто пострадал от моего отсутствия —¹⁰⁸ — (и каждому, конечно, кому можно помочь и спасти — — но *здесь* для меня *лично* — есть уже какой-то закон, необходимость неотвратимая).

В *этом* деле (с которого я начинаю свою деятельность) — является следующее положение вещей: когда без меня (и *вследствие* моего отказа) обратились к одному из здешних мастеров оккультизма — — он пришел в семью и изрек следующий приговор: «Эта женщина — неотвратимо должна погибнуть от самоубийства, которое внушает ей дух, «одерживающий» ее — Спасти ее *нельзя*» (*Это неверно*, утверждаю я¹⁰⁹, А. Р.). Но, т. к. ей грозит страшная участь в будущих мирах — — — *если* она покончит с собой *таким* образом, под давлением духа темного — — то можно «спасти» ее теперь одним — *убить* ее..... И *за это* именно берутся теперь люди, наиболее близкие ей — тот, кто *направляет* их — — умывая при этом руки свои, как Пилат — указал им и на *способы*, которыми можно «убить» человека, не подвергаясь и не подпадая ни под какую статью «Уложения Законов» — —

Муж этой дамы — — — под давлением этих личностей — *согласился* на убийство жены своей (которую он очень, очень любит) — — привести же в *исполнение* это решение — взялся один из друзей их, друг и жены, и мужа — студент Московск<ого> Унив<ерситета>, тип Савонароллы <так!>, но в самой яркой степени — — —

А самой жертве *все равно*, что будет с ней — — — —

И вот именно этому, глухому, ритуальному убийству — я хочу помешать теперь — — По моем приезде, на днях, ко мне явился муж этой дамы — рассказал все, очень наивно и убежденно — — —

Сейчас я беру на себя эту душу, одержимую кем бы то ни было!

Это уже устроено и условлено, назначен день, когда она придет ко мне — перед тем (завтра) — — я поеду к тому оккультисту, который лечит ее теперь — как врач, который должен переговорить с врачом, раньше лечившим болезнь — —

Поговорю с ним, увижу то, что надо мне — — — *если он захочет и пришлет мне вызов — я призову его к барьеру — увы! я боюсь, что это не удастся мне, т. к. они все избегают прямой борьбы — — —* С моим приездом — *все* они, царившие без меня — попрятались в какие-то щели — — <...>

Добиться *с глаза на глаз* свидания с одним из вожаков этого темного, но очень сильного движения — — как *врач*, по врачебной этике, я *должна* увидеться с тем, кто лечил *до* меня больную, к которой пригласили меня — — — —

Аналогичных случаев — много у меня сейчас — Милый, милый, пишу Вам эти смутные, тяжелые строки, как первые указания того, *что* со мной сейчас — — — Напишу еще, и еще, на сколько хватит сил и умения»¹¹⁰.

И — как заключение: «Несмотря на всю тоску мою о Вас, на все бесконечное стремление к Вам — я должна сейчас сделать *все*, чтобы помочь гибнущим здесь —

— В силу очень страшных и исключительных обстоятельств — я сейчас оказываюсь *одна* на посту сторожевом, в авангарде — — из «белых» — одна в России сейчас, т. к. схимники молчат в гробах своих и не вступают в активный бой на земле — — —

Все (без исключения) «белые» силы захвачены борьбой жаркой и последней битвой на западе сейчас — — —

Я — единственная в эту минуту — против толпы наступающей, и не могу уйти.... *Не могу* дозволить допустить здесь убийства, насилия на глазах всех, болезни, которые могу предотвратить, с чем могу бороться — — —»¹¹¹.

И все эти ужасы проецируются Минцловой с полной отчетливостью на ту «китайскую опасность», тот «панмонголизм», которые были предсказаны Вл. Соловьевым в «Трех разговорах» (естественно, в ее собственной, весьма односторонней интерпретации). Несколько днями позже она с тревогой сообщает Иванову: «Теперь все более и более выясняется положение, крайне серьезное — — — Я была вчера у главного из здешних «сил», «Dans l'outré de lion» (хотя это — не лев, это истинная, несомненная — *гуена*).

Переговорила.... С большой поспешностью он уступил мне, передал мне «лечение» в двух, самых страшных из здешних случаев — — Но мне не удалось того, что я хотела — он уклонился от открытого, пря-

мого объяснения со мной — — — Сейчас пока — затишье, отступление по всей линии здесь — — — Теперь ждут сюда на днях главного «руководителя» и мага — — По словам всех, это — огромная сила и знание *практической* магии, с применением ее в нисшей <так!>, темной сфере.

Высших знаний, как говорят, у него *совсем* нет — — Он придет на днях в Москву. А за ним, по-видимому, стоят еще какие-то большие силы «с Востока», «с Крайнего Востока», как говорят здешние оккультисты. Я боюсь, что этот «Восток» — Китай... Тогда, тогда, это ужас сплошной, невообразимый — —

Пророчество Влад. Соловьева относительно «нашествия желтой расы» — это есть предчувствие именно этого, страшного момента, когда вдали смутно начинают вырисовываться эти зловещие, мертвенные лики Китайского оккультизма (Ur-Turania) — —

Ну, посмотрим, что будет дальше!»¹¹²

Как кажется, дальше ничего особенного не последовало, и слова о «нашествии желтой расы», «восточной опасности» и пр. так ничем и не подтверждались, даже в воспаленном воображении Минцловой¹¹³, однако нетрудно заметить (см. об этом ниже более подробно), что именно эта сторона ее проповеди нашла отражение во многих страницах «Петербурга» Андрея Белого.

Как реальное противодействие этой предчувствуемой опасности Минцлова пыталась развернуть разнообразную деятельность, выливавшуюся в разные формы, но направленную прежде всего на провозглашение тех идей, которые в данный момент представлялись ей наиболее существенными для собственных целей. Вряд ли можно сомневаться, что реальных действий за этим или не последовало вообще, или последовали лишь какие-то очень незначительные, но именно тогда ее деятельность начала приобретать характер, более существенный для выяснения роли оккультных представлений в истории русской литературы начала века.

Но сначала приведем несколько цитат из ее писем к Иванову, которые повествуют о тех кружковых предприятиях, что затевались ею в Москве в конце 1908 года.

9 ноября, только приехав в Москву, она первым делом трансформирует один из уже существовавших кружков, проводя своеобразную «чистку» его: «Милый, любимый, теперь происходит — что-то невообразимое по силе и значению оккультному. Сегодня удалось расцепить, разорвать наконец тот «circulus vitiosus», который темной силой своей сковывал многих здесь, в Москве — — это был очень страшный момент —

— Дело здесь в том, что *этот* кружок — как духовная волна, течение, *всегда* образующееся при собрании «двоих или троих» — — — этот кружок *перерос* членов своих, и получился ужасающий раскол,

какое-то разложение, гниение заживо, со всем ужасом и тьмой этого внутреннего разложения при внешнем судорожном сцеплении. Надо было «отделить плоть от костей». Надо было тихо, тихо и ласково разомкнуть обезумевший круг совсем ошалевших людей — отпустить их прочь, на свободу из этого объятия, которое стало слишком тяжелым и неприемлемым для них — — —

Вячеслав, я не знала сама, как мучительно и страшно это — — —

Все эти люди все время последнее (с год уже) враждовавшие друг с другом, сделавшие много зла друг другу — — теперь, когда кружок этот — *внешне* уже и не существовавший давно — *закрылся*, теперь, сегодня — после всеобщего и трудного обсуждения и голосования, закончившегося моим решением — — все они, сразу, *реально* почувствовали вдруг такую боль утраты и потери чего-то огромного — Это была страшная сцена из «Потерянного Рая» какой-то забытой земли — —

Вдруг, неожиданно совсем раздался по комнате тихий плач, рыдания и слезы — — Это было мучительно, невыносимо — — Но... *так надо* — — — —

Есть мгновение, когда меч должен подняться из голубой влаги и сверкнуть над головой в минуты опасности последней — — —»¹¹⁴.

Несколькими днями позже, 17 ноября она рассказывала: «У меня за эти 10 дней моего пребывания здесь — — какая-то невероятная, почти горячечная деятельность. Образовалось на днях 2. кружка здесь еще — — —

Они уже *знают*, что я веду их — — — Что-то безумное есть во всем этом — — А сегодня, в понедельник, — вечер, когда всегда читает М. А. Эртель — и к нему собирается 30—40 человек — — сегодня он не мог быть (и в прошлый понедельник не было), по очень страшной причине — в эту ночь внезапно умерла его мать от первого приступа грудной жабы — — — <...>

Было очень тяжело, т. к. это было столь неожиданно, что мы не успели известить всех сегодня — и на «понедельник» приехало человек 10—12 (в том числе и Герцыки, Евг<ения> Ант<оновна> и Жена). И т. к. все *очень* горячо просили прочесть, дать им что-нибудь — и большинство приехало и пришло очень издалека — мне пришлось прочесть лекцию Доктора «О трех путях» — — Народ был самый пестрый — несколько студентов, 2—3 дамы в туалетах нарядных — две три курсистки — и наши, т. е. Мария, К<леопатра> П<етровна>, еще 2—3 из наших прежних, Герцыки — — Как странно меняется настроение людей... Здесь, где всегда происходили нескончаемые разговоры по понедельникам, вопросы и ответы М. А. Эртеля — — сегодня царил глубокая тишина и молчание безусловное — — Потом остались еще 2 студентов и одна курсистка, говорили горячо и страстно все время, умоляли пустить их ко мне, придут опять ко мне, на мои дневные «приемы» — — — —

Сейчас во имя тех великих инструкций, которые я получила теперь — я *должна*, перед тем как выступить совсем открыто со Знаменем Розы и Креста — дать еще подготовительный курс к Р. К. в виде лекций Штейнера, из которых я *имею право* выбросить весь балласт, оставить необходимое и дополнить то, что надо — — —

Затем, с конца ноября до 15 Декабря — с Вами, в Петербурге — к 20 января (после Германии) — в Москве, торжественное и полное выступление публичное в открытой лекции — — Затем с Февраля — журнал, во всяком случае, приготовления к нему, переезд в Петербург. Начать хлопоты о разрешении журнала и т. д. — надо именно с 2—3 Января 1909 — —

Вот все, что намечено и решено теперь — —»¹¹⁵

Еще через день, 19 ноября, мы узнаем еще об одном контакте Минцловой: «Сегодня с утра у меня большие разговоры с группой «сведенборгианцев», желающих примкнуть ко мне — — —»¹¹⁶

Но не только организацией (или, по крайней мере, воображаемой организацией) кружков занимается в это время Минцлова. В конце письма от 17 ноября мы уже процитировали ее фразу о «журнале». Действительно, она в это время задумывает оккультный (с серьезным литературно-художественным отделом — или даже наоборот: литературно-художественный, но основанный на оккультной «идеологии») журнал, во главе которого должен был, по всей видимости, стоять Иванов¹¹⁷. Журнал не состоялся, да вряд ли и мог состояться в силу целого ряда причин, однако на долгое время сделался ареной устремлений ряда литераторов, среди которых наиболее значительным, наряду с Ивановым, должен был, видимо, стать Андрей Белый.

4

С конца 1908 года начинается то сближение Минцловой с ним, о котором в поздних мемуарах Белого сказано очень мало. Потому представляется существенным восстановить его хотя бы в тех подробностях, которые нам сейчас доступны. В свое время Мария Карлсон посвятила «мистическому треугольнику» Иванова, Белого и Минцловой солидную статью, основанную, однако, почти исключительно на материалах «берлинской редакции» «Начала века»¹¹⁸. Не отрицая выдающегося значения этого текста, имеет смысл все же дополнить его и некоторыми другими доступными материалами.

Знакомство их относится еще к отроческим годам Белого, потом на протяжении долгого времени Минцлова довольно регулярно проходит через его жизнь, привлекая некоторое внимание, но не очень интересую. Так, еще в начале 1908 года Белый более чем иронически пишет Блоку: «Да: Ауслендер говорит, что Кузмин дружит с Ан-

ной Рудольфовной Минцловой — этой «дойной коровой» с мокрым носом. *C'est épatant!*»¹¹⁹

Но и Минцлова не была в это время особенно снисходительна к Белому, хотя само появление имени (прежде решительно отсутствовавшего в письмах ее к Иванову) свидетельствует о пристальном интересе. В конце ноября 1908 года Мережковские (с которыми Минцлова, напомним, враждовала с давних пор) появляются в Москве. И уже 2 декабря она сообщает Иванову донесшиеся до нее впечатления о лекции Мережковского: «Вы, конечно, уже знаете о том, *как* себя держит Андрей Белый здесь. На лекции Мережковского он вел себя постыдно и обрушивался на оппонентов как безумный, кричал, что они говорят «мертвые слова» — но «живого слова» он сам ни одного не сказал... Потом весь этот ужас, вся эта гадость здесь — с Свентицким — нет, дальше *так* идти не может, это несомненно...»¹²⁰ Через день она вновь возвращается к этому эпизоду: «Посылаю Вам вырезку из «Русских Ведомостей» о лекции Мережковского — о том, *что* это было — — На самом деле — расскажу при свидании, т. к. мне говорили многие очевидцы. А. Белый *совсем* сошел с ума, это общий голос — пусть судит Бог его —»¹²¹.

Наконец, 5 декабря Минцлова посылает ему особенно подробный отчет, связанный с поведением Белого и ощущениями от пребывания Мережковских в Москве: «Теперь, особенно в эти дни, *очень* страшные (перед солнцеворотом), в Москве творится что-то чудовищное. В день *по 8—10* человек отравляется (кроме других самоубийств), сейчас царят здесь *яд* и тьма непроглядная — Скарлатина и тиф, как брат и сестра, гуляют по Москве. Что же касается душевного состояния — об этом и сказать нельзя! Да простит Бог Мережковским за то, что они сочли возможным еще и с своей стороны влить несколько капель яда в эту страшную чашу, уже переполненную до краев и без того! Об А. Белом я не могу, не должна теперь говорить больше. Он погиб. По рассказам всех видевших его теперь, за эти дни — мне кажется, у него начало «Пляски св. Витта». У него уже началось самое страшное — эти нервные подергиванья рук и ног... И бред непрерывный — словом, беспросветный ужас теперь — —

Сама я, конечно, не слышала Мережковских — мне было бы невозможно взять у более важного и неотложного несколько часов, чтобы присутствовать при уличном скандале — иными словами нельзя назвать то, чем сопровождалась все «чтения» Мережковских — — Потому, что я сама о них знаю и что рассказывают очевидцы теперь — *все* глубоко оскорбленные и возмущенные — я вижу особенно ясно *один* недостаток Мережковских, на который я до сих пор обращала мало внимания — Говоря с людьми, они совершенно забывают об их существовании — — Они кричат: «Я знаю» — — и никогда не думают о том, что знает их собеседник — отсюда их грубость и жестокость, они не исходят из того, *что* в другом человеке. А это — необходимо, чтобы

говорить с людьми — — Необходимо прикоснуться краем души к тому, что *знает* другой — — и тогда только можно ему говорить о том, что «Я знаю»... Иначе получается какой-то сумасшедший дом, где каждый кричит свой бред, не обращая внимания на бред соседа — — И сейчас это, уже и раньше бывшее здесь очень сильно, еще усугубили Мережковские — Получается какая-то колония «Злых и дурно воспитанных сумасшедших», как выражается один из моих старых друзей — — »¹²².

Как видим, Белый получает в процитированных письмах оценки сугубо уничижительные, что связано, по всей вероятности, с тем, что он воспринимается Минцловой как союзник Мережковских в литературной борьбе. Помимо собственной неприязни к Мережковским и их проповеди, она, очевидно, ориентировалась и на то, что довольно долгое время Белый и Иванов воспринимались как противники, что связывалось с полемикой вокруг «мистического анархизма». Во всяком случае, Белый неоднократно говорит о том, что именно в это время он чувствует себя далеко отстоящим от Иванова. Но в сознании Иванова после появления в печати «Пепла» (начало декабря 1908 г.) Белый превращается в носителя чрезвычайно близкой ему самому идеи. Рецензия Иванова на «Пепел», в которой прямо было заявлено: «... “Пепел” знаменует какой-то поворот в творчестве А. Белого, образует в развитии его какую-то эпоху, — потому что свидетельствует о коренной перемене, происходящей в художнике, о начавшемся перемещении центра его художнического сознания от полюса идеализма к полюсу реализма»¹²³, — уже наглядно свидетельствует о том, что между двумя художниками наметилось решительное сближение. И произошло оно даже ранее, чем появилась рецензия.

С января 1909 года начинается то, что впоследствии Белый описывал следующим образом: «Собственно говоря, “*странный*” период открылся сближением с Анной Рудольфовной Минцловой, меня заразившей своими розенкрейцерскими мечтаниями: я бы назвал этот период погружением в “*оккультизм*”»¹²⁴.

Сближение это, как кажется, может быть объяснено сразу несколькими причинами, помимо уже названных.

Прежде всего, здесь, конечно, чувствуется неутолимое честолюбие Минцловой, стремящейся играть весьма значительную роль в жизни всего мира, и прежде всего — в культурной жизни России. Понимая, что собственные ее потенции как деятеля культуры чрезвычайно незначительны, она пытается так или иначе укорениться в ней, используя силы других людей. Идея журнала, о которой упоминалось выше, требовала значительных усилий и подобранного коллектива авторов. В этих новых условиях Белый выглядел естественным союзником и сотрудником. В то же время в сознании самого Белого происходят определенные изменения, которые он описывает следующим образом: «...вышел «*Пепел*», и критики за него меня встретили бранью <...> Это все мне казалось не просто; нечто вроде мании преследования испы-

тывал я; мне хотелось поближе придвинуться к проблемам оккультного знания и конкретного духовного знания. Так и я оказался в стихии теософических дум: К. П. Христофорова подарила мне «Doctrine Secrète» Е. Блаватской; и я погрузился в них, изучая стансы «Дзиан»; незаметно я стал посещать теософский кружок Христофоровой (с теософами уже раньше встречался, — а именно: в 1901 и 1902 годах, когда А. С. Гончарова, покойная ныне, влияла усиленно на меня) <...> Меня занимали не лекции, а атмосфера покоя, распространяемая некоторыми из теософов; и поражала всегда меня А. Р. Минцлова...»¹²⁵ И на все это накладывается «...большое раздумье и охлаждение к учению Мережковского»¹²⁶.

На этом фоне в январе 1909 года происходит примечательное событие, которое приблизительно на год определит дух и смысл контактов Минцловой, Иванова и Андрея Белого. Но сперва оно кажется лишь незначительным эпизодом в литературных отношениях времени и лишь потом осознается (Белым, во всяком случае) как весьма значимое.

Итак, Белый приезжает в Петербург и 17 января 1909 года читает в Тенишевском училище лекцию «Настоящее и будущее русской литературы». На лекцию его, больного, привозит З. Н. Гиппиус, а возит — пришедший послушать и поговорить с ним Вяч. Иванов.

По воспоминаниям Белого, случай этот послужил поводом к жестокой обиде Мережковских и серьезному охлаждению. На самом деле, конечно, причины лежали значительно глубже и коренились не только в литературных отношениях, но и в самом духе общения, пронизывавшем деятельность Мережковских — с одной стороны, Иванова и Белого — с другой.

Для Мережковских это время — время чрезвычайной общественной активности. Они пытаются стать во главе какого-либо издания, осенью 1908 года начинает регулярно заседать петербургское Религиозно-философское общество, где они играют первенствующую роль. Выход за пределы «декадентства», заявленный много ранее, теперь на глазах изумленной публики осуществляется вяве и вызывает весьма резкую реакцию.

Для Иванова же аналогичный процесс был гораздо более сложным и медлительным, чему содействовали многие обстоятельства и личной жизни, и творчества, и идеологических исканий. Существенное место среди последних занимает и его отношение к оккультизму. При этом важно, что, если Мережковские открыто движутся к выходу в широкую публику, Иванов все время стремится круг своих слушателей и сомышленников ограничить. Не случайно именно он оказывается председателем организованной в марте 1909 г. Христианской секции Религиозно-философского общества¹²⁷, хотя основными занятиями руководят Мережковские и Философов. Именно замкнутость, эзотеричность характеризует его устремления в это время, но замкнутость, предусматривающая сближение с наиболее близкими

по духу людьми. Среди них одним из наиболее значимых теперь осознается Андрей Белый¹²⁸.

Новый дух отношений, сложившихся между Ивановым и Белым хорошо рисуется так и не отправленным письмом Иванова к Минцловой от 11 января 1910 г., где в связи с довольно незначительным происшествием говорится следующее: «Писать мне Борису Николаевичу по этому поводу как-то неуместно... <...> (Видите ли? Я ему не пишу вообще — по слишком *глубоким* и *светлым* причинам, говорить с ним я могу только о большом и — святом: мне было бы тяжело нарушать *такое*¹²⁹ молчание суетою)»¹³⁰.

И дух этот был задан Ивановым, который первым пошел на сближение.

Вот как описывает состоявшуюся в тот же вечер беседу Белый в «Начале века» (в «Между двух революций» акценты значительно изменены), начиная с реплики Иванова: «...ведь образы «*Пепла*» — действительность, страшная; все это — так... Твой же «*Пепел*» рисует картину систематического отравленья России, гипнотизируемой навождением; «*Пепел*» — правдивое перечисление мороков, под которыми Враг к нам подходит.... <...>

А. Р. Минцлова строго молчала: лишь два колеса ее глаз останавливались на гравюре, но с видом таким, что мне стало отчетливо: тема Иванова — ею навеяна; он же, опять заходя, продолжал, что мое ощущение *гибели и преследований*, о котором он знает, да это и видно по «*Пеплу*», — вполне подтверждается фактом оккультных исследований (он взглянул тут на Минцлову; и было ясно, что эти исследования производит она); есть «*враги*», отравляющие Россию флюидами и деморализующие главным образом тех, кто бы мог дать отпор; и враги те — восточные оккультисты (тут смутно подымались намеки на страшных татар — демонистов, под видом торговцев живущих в Москве и образующих какую-то секту, зависящую в свою очередь от магических действий китайских монголов): опасность с Востока — ужасна; никто и представить не может, чем это окончится все, когда «*дикие страсти под игом ущербной луны*» поразвяжутся в нас под гипнозом, под действием страшного тока астрального, проводимого всюду под нами психическим кабелем: кабель — с Востока; пора осознать этот ужас удельным князьям европейской культуры в России: Иванову, мне, А. А. Блоку, Бердяеву; распри должны мы забыть, протянуть свои руки друг другу — для братства, которого назначение — стать проводом Духа и Истины, и отсюда-то силы могучие — вспыхнут; без оккультнических светов — нам всем предстоит только гибель: на нас направляются стрелы; мой «*Пепел*» же — брошенный знак «*Имеющий очи — пусть видит*». <...>

Слова Вячеслава Иванова и комментарии Минцловой перекликались с мыслями Владимира Соловьева о «панмонголизме»; и соответствовали пережитому видению старцев, вещающих о *новом ор-*

дне; с того вечера начинается быстрое сближение с Ивановым; соединяющее звено между нами — А. Р., появляющаяся часто в Москве (от Иванова).

Происшедший обмен разговоров весьма характерен для того времени; в мраке реакции у меня, у Иванова, Эллиса подымается стремление к теософии; и — потребность в духовной работе, вооружающей от губящих родину сил; мы, культурные силы России, для тайных врагов — на виду; в нас пускают оккультные стрелы из темного мира, сознательно разлагающего Россию; замечу, что воздух таких разговоров охватывал часть и московского, и петербургского общества; приподымалась тема: «*Восток, или Запад*»; Блок кончил свое изумительное «*Куликово Поле*», которого ни Иванов, ни Минцлова, ни особенно я — еще знать не могли; в «*Куликовом Поле*» все то же: губящая сила востока (татар), тема светлого князя и «*стяга*»; призывы к молитвенному вооружению:

Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал! Молись!»¹³¹

Надо сказать, что слова эти легли далеко не только на подготовленную Вл. Соловьевым почву, но и на остающиеся в глубокой тени для исследователей представления Белого и его круга о том, что заговор против России ведется далеко не только темными оккультными силами, но и мировым еврейством, осознанно превращающим сложность мировой культуры в организованный примитивизм, газетность, эстрадность и пр. Иванов антисемитизму был чужд¹³², и Минцлова темы этой в разговорах с ним, видимо, тщательно избегала, но сама концепция заговора должна была найти отзвук в душе Белого еще и по этой причине. О справедливости подобного мнения свидетельствует более позднее письмо Минцловой к Белому, где она уже совершенно отчетливо солидаризуется с тем текстом, где Белый наиболее откровенно высказывается по «еврейскому вопросу»:

«Дорогой Борис Николаевич

Не могу не написать Вам сейчас же после того, как я прочла сейчас и случайно — Вашу статью в «*Весах*» — — — о «штемпелеванной культуре» — — Я потрясена глубоко ею.... Вообще, как Вы знаете, я не люблю «журнализма». Но *здесь*... я встретила самую заветную мысль свою, самое строгое и серьезное по вопросу, который *для меня* — и для других еще, стоящих за мной — — — является *коренным* сейчас в русской жизни (Азеф — еврей).... И Вы сказали это с таким благородством и строгостью, так спокойно и сдержанно — — как *никогда* не сказала бы я.... *не смогла бы* сказать, т. к. я слишком страстно и горячо отношусь к этому — Но Вы — именно сказали *так*, как должно.... Эта тонкость, это «рыцарство» — в требовании «*полноправия*» для евреев, которое *освободит* нас, Арийцев, разомкнет уста наши — — —

Андрей Белый, я считаю эту Вашу статью — истинным *подвигом*, первым актом рыцаря Славянства. Но берегитесь теперь.... Мне

жаль, что я не знала раньше об этой статье Вашей. На Вас поднимутся теперь все темные силы России (ведь именно *евреи* позвали Монголов, Японцев —) — С Вами Бог! Люблю Вас, и счастлива бесконечно, что мне пришлось увидеть *эти* слова, теперь, в печати — именно *эти, так* высказанные слова правды и прозрения; и «такта» оккультного... Да.... Это — *иной* народ, чем мы — — —»¹³³.

Естественно, что в воспоминаниях Белого эта тема тщательно элиминируется, но присутствие ее (пусть и потаенное, далеко не всегда выражаемое открыто) следует иметь в виду.

Через 10 дней Иванов, Миншлова и Белый снова встречаются, теперь уже в Москве, куда Иванов приезжает для чтения лекции. Судя по всему, хотя лекция была посвящена вопросу о «русской идее», в нее вошли не только положения из статьи «О русской идее», но и отдельные положения из рецензии на «Пепел». Вечер 27 января в Литературно-художественном кружке кончается тяжелым скандалом, когда Андрей Белый в порыве негодования наносил оскорбления разным людям¹³⁴. После этого Миншлова его успокаивала и приводила в чувство, и вскорости надолго уехала за границу.

Там, в Германии, она неоднократно виделась с Сабашниковой и попыталась наладить ее отношения с Ивановым¹³⁵. А после возвращения в Россию, 23 мая, происходит знаменательная встреча Миншловой с Белым. Она так писала об этом Иванову: «Один эпизод еще сегодня. Когда я возвращалась на извозчике, взяв билет себе, одна, и в очень глубокой задумчивости (чтобы не сказать хуже!) — вдруг на Тверской кто-то бросается к самому извозчику, чуть не под колеса экипажа, среди бешеной езды, бестолковой и сумасшедшей Тверской — Андрей Белый. Я *никогда* не забуду его лица сегодня и его слов, ко мне обращенных. Завтра днем я назначила ему часы для разговора нашего. Но боюсь, что не сумею я говорить — — — — —»¹³⁶.

И в эти самые часы она произнесла монолог, о котором Белый вспоминал так: «— Андрей Белый, послушайте, — то, что писали вы в предисловии к «Урне» о золотом треугольнике, о розенкрейцерах, — недопустимо¹³⁷; писали вы — правду; да, да: розенкрейцеры — есть; но об этом не пишут... Вы навлекаете написанием на себя злые силы; но и «о н и» — это знают: «о н и» — вам помогут. <...> не помню течения совершенно безумного разговора; но — вот его смысл: розенкрейцеры разделились в две ветви; «в о с т о ч н ы е б р а т ь я» — экзотерический отпрыск течения, в котором созрели исконные (Кунрат, ван-Гельмонт и прочие): линия, так сказать, — в катакомбу ушла; а вот «в о с т о ч н ы е б р а т ь я» и были действительные вдохновители — Новикова; но изменилось время; и старшая линия, прежде чем в землю уйти, дает отпрыск, чтобы излить благодать на свободную организацию из людей, образующих Грааль, ч а ш у; события будущего апеллируют к возрождению нового розенкрейцерства,

лишь освещенного <так!> силами старого; новое рыцарство — возникает; в России сосуд — должен быть, *sui generis* ложа; и нужно, чтобы в Москве, в Петербурге нашлись два лица, группирующих тех, кто себя свяжут братски, чтоб стать под знамена — духовного света; те лица духовными упражнениями подготовят себя; упражнения — вооружения: лба; это шлем; а другое — жизнь сердца: жизнь панциря; и есть — меч; есть н а п л е ч н и к (все разные упражнения); вооруженные *рыцари* образуют круг рыцарей («К р у г л ы й С т о л», на который поставится чаша Грааля, что таима — рыцарями Грааля, потом — тамплиерами; и, наконец, — розенкрейцерами); я же — призван помочь: быть кристаллом, естественно вызывающим стяжательные людей; в Петербурге лицо уже есть; двое мы вместе с Минцловой образуем естественный треугольник для построения храма рыцарства; около д в у х соберутся кружки; Минцлова будет органом сношения с п о с в я щ е н н ы м и братьями; ее миссия передать нечто важное — от старинных традиций <...>

Вокруг же двух ядер иль «л о ж» пусть расходятся радиусами кружки молодежи, экзотеричные по отношению к центру; организации будут свободны, как ветер; одно лишь тут важно: моральная благожелательность, пафос, служение делу Христову»¹³⁸.

Белый не раз задавался вопросом уже в этих ранних мемуарах — кто же такая Минцлова? «Позднее у Штейнера, лица, которым я верю, о ней отзывались так, приблизительно:

— Эпилептичка, больная, несчастная! Форма болезни ее — шарлатанство; попавшая в руки сомнительных оккультических обществ, она есть такая же Харибда движения нашего, как атеизм, скепсис духа, есть Сцилла...

И — некоторые Штейнеристы решительно утверждали, что Минцлову, задурманивши, выкрали просто от Штейнера; и посадили в оккультный застеноч.

Когда, через год, потеряли ее, то — грустили о ней; уходя, — говорила:

— За мною — другие стоят: те — придут и помогут вам всем...

Но слова эти — или обман, пред которым бледнеют другие обманы, иль лепет безумия окончательного. Чем была в своем подлинном виде она — сумасшедшею, дегенераткой, предательницей, мечтательницей, Сибиллой, хлыстовкой, преступницей? Это — останется тайной для нас»¹³⁹.

Несомненно, однако, что сам он глубоко и серьезно поверил на некоторое время в ее слова, и основание «Мусаета» практически совпало с попытками организовать в Москве мистический «Орден», куда входили как остатки прежних «аргонавтов», так и вновь приближенные люди, составившие в конце концов ядро издательства «Мусает». Наиболее странным расхождением было отсутствие среди членов «Орде-

на» Эллиса, ставшего одним из главных столпов «Мусагета». Согласно Белому, это объяснялось тем, что Минцлова почитала Эллиса сильным медиумом, через которого в орден может проникнуть враждебное начало. Но остальные члены двух организаций почти совпадали.

Однако пока Белый, истово поверивший в необходимость ордена, занимался консолидированием сил и усиленной конспирацией (почти комически разрушавшейся разглагольствованиями Эллиса и Г. А. Рачинского), Минцлова была занята совсем иными делами.

Прежде всего, она организовала свидание Вяч. Иванова с М. Сабашниковой летом в Петербурге. Свидание это было чрезвычайно важным, но о нем у нас уже была возможность рассказать, потому не будем об этом больше говорить.

В Москве, куда к концу лета 1909 года Минцлова перебралась, ей никак не удавалось встретиться с Белым, жившим у С. М. Соловьева в Дедове, и, следовательно, никаких разговоров о планировавшемся ордене не велось. Единственное свидетельство о ее общении с Белым представляет письмо, полученное ею от него, которое она частично переписала и отправила Вяч. Иванову в письме от 23 июля 1909 г. Поскольку ни одного более письма Белого к Минцловой нам не известно, приведем это в том виде, в каком оно сохранилось: «Андрей Белый сегодня не был у меня — вероятно, мое письмо к нему опоздало (что часто бывает в дачных местах под Москвой). Но я его все равно увижу теперь и завтра ему телеграфирую. Здесь я получила его 2-ое письмо (направленное ко мне через Кл<еопатру> Петр<овну>). Это письмо — до того, последнего, которое я получила только что, в Петербурге. Мне хочется написать Вам несколько выдержек из него, т. к. оно слишком велико — я Вам напишу начало его, очень Андрей Белый — то письмо мое, на которое он отвечает, Вы видели, я его Вам читала.

«Глубокоуважаемая А<нна> Р<удольфовна>.

С Вами Христос. Радуюсь великой радостью все время. Что мне сказать? не знаю. Я скажу только то, что вижу: вижу дни: золотые, лазурные, матовые — пролетают дни: осыпаются дни лепестками зорь, цветов, лучей, дождей. Лепестки цветов слетают в душу, кружатся бабочками и золотыми жуками.

Зори такие прекрасные: два года я уже не смотрел на зарю — смотрел в тусклую мглу востока, когда уходил день. Теперь уже, как прежде, не отравлены зори.

Лучи света жадно пьет моя душа. И свет тихий, вечерний часто теперь наполняет душу, входит в душу, и — ах! но меня как бы нет: есть цветы, лазурь, огонь и много танцующих в вихре знаков.

А дожди? Серебряные, хрустальные дожди: днем, утром, вечером, ночью, и отрадная влага заполняет окрестность, когда проходят дожди, встает туман.... Простите мне мои глупые слова: все другие я оставил до свидания с Вами...

В небе то Синай: тогда все гремит и блещет, а мы задыхаемся в тяжелом таком воздухе. А то в небе Фавор: и кроткие перистые облака смеются жемчугом прохлады...

Не чувствовали ли Вы приблизительно с 11 до 16. Июня попытки обложить тьмой; что-то пытались *они* сорвать, теперь *они* притомились до новой попытки.....

Христос с Вами!»

Затем он пишет разные поклоны Кл<еопатре> Петр<овне> и т. д.— Вячеслав, тот срок, который он указывает,— есть именно страшное время «Гельсингфорса» — о нем А. Белый не знает ничего — →»¹⁴⁰.

5

В сентябре она отбыла за границу, и тут последовал всячески обигрывавшийся ею на протяжении последующего года эпизод.

Встретившись в Нюрнберге с несколькими «братьями», она приняла решение вместе с ними в октябре покинуть землю, то ли уйдя в строжайший монастырь, то ли каким-то иным способом. Похоже, что сама она в это верила; поверил и Иванов. Правда, сперва он выказал известное сомнение, записав в дневнике: «Было сегодня письмо из Нюренберга. Я не вполне понимаю эту постановку вопроса, эти совещания и необходимость таких решений! И может ли деятельность АР. иметь здесь столь определяющее значение?»¹⁴¹ Однако самое начало сентября заставляет его поверить в серьезность намерений Минцловой и соответственно выстраивать собственную реакцию. 1 сентября он получает решительное письмо от нее, отправленное 29 августа/11 сентября: «Дорогой мой, пишу Вам теперь из N<ürnberg'a>, куда я приехала вчера днем. Вчера вечером я узнала о решении. *Уйти*... Уйти от земли, т. к. *сейчас* — оказалось невозможным действовать на земле так, как надо и должно.... Я Вам напишу подробно, любимый, через 2—3 дня (мне придется еще остаться здесь 4—5 дней, из-за разных дел, связанных с этим уходом). Я знала это. Я ждала это, уже 5—6 недель — — и все же, как мучительная неожиданность этот приговор упал на меня — —

Но, конечно, это так надо... Это только первые минуты так страшно — — — и так мучительно больно — — — Мне нужно еще многое сказать Вам, *до моего отъезда отсюда*»¹⁴².

Но в сознании Иванова содержание этого письма сплетается со многими переживаниями, о которых он записывает: «Мне принесли письмо АР. <...> Все возможности, касающиеся меня лично, рушились. АР. очевидно намерена уйти в монастырь. И притом немедленно. Едва остается время для телеграммы. <...> Это так взволновало меня, что я остался в постеле. Через некоторое время уснул, и

меня посетили сладостные сны. Когда я проснулся, мне принесли письмо Веры. Она предлагает мне провести с ней зиму в Риме. Письмо осчастливило меня. Она предлагает также встретиться в Харьковской губ., у Бердяевых. Это отвечало моим мечтам о посещении Д. М. и Саши в Харькове. Можно ли встретиться мне с моею первою женой? Какова будет эта встреча? Не будет ли неожиданного, странного, запоздалого, мгновенного сближения? Все это со вчерашнего дня роилось в голове моей¹⁴³. В итоге этого дня он отправляет две телеграммы: зовущую В. К. в Петербург и мистическую Минцловой: «Dominus tecum (— так велела Лидия). Oro venias ante discessum memor discipuli. Derelictus maneo, veniam vocatus»¹⁴⁴.

О большом волнении Иванова говорит и его письмо, отправленное 6 сентября, настолько для него важное, что он переписал его в дневник¹⁴⁵. В этом письме он заговаривает о таких проблемах, решение которых принципиально разводит его с Минцловой, настолько, что возможно оказывается сказать: «Nous ne sommes plus coreligionnaires», возможно оказывается усомниться в истинно мистической сущности то ли своих идей, но скорее — идей Минцловой: «...между мистиками не может быть «недоразумения». Кто-то, следовательно, не мистик, или перестал быть мистиком вследствие особой «приспособленности к земле» Может быть, именно я, — земной, материальный, слепой, неведующий я. Но отчего меня не научили Свету?»¹⁴⁶

И взволнованность приводит к тому, что Иванов отправляется в сентябре в Гельсингфорс, сам выбрав город для встречи с Минцловой. Эпизод этот, как кажется, весьма ярко характеризует не только личность Минцловой, но и те представления об истории человечества и отдельных географических местностей, которые были характерны для нее и передавались ею другим лицам, потому на нем имеет смысл остановиться несколько подробнее.

Скандинавия, а особенно Финляндия, всегда занимала особое место в истории мирового оккультизма. Репутация финнов как колдунов была чрезвычайно устойчивой, потому и всякое посещение страны выглядело существенным. Скандинавия издавна притягивала и Минцлову.

Добрый знакомый ее, поэт и теософ Б. А. Леман проводил в Финляндии много времени, неоднократно призывал ее саму приехать туда. И все же впервые, насколько мы знаем, она оказалась в Гельсингфорсе в июне 1909 года при весьма странных обстоятельствах, наглядно иллюстрирующих ее домыслы о заговорах загадочных враждебных оккультистов против нее.

Именно на представление об ужасных «врагах» опиралась Минцлова, когда 13 июня 1909 года сообщала Иванову о странном происшествии: «Начну рассказ с того момента, когда я поехала на Царскосельский вокзал. <...> По приезде в Царское я сразу увидела (*и узнала*) ту женщину (девушку) и сразу пошла за ней, не заходя никуда. Через ули-

цы и переулки она шла довольно долго, и за ней и я лично (я с ней заговорила на вокзале). Я устала под конец и опиралась об ее плечо. Она все время молчала и только дергала мою руку крепко. Потом мы пришли к какому-то большому дому, в пустынной улице, где мало прохожих. На минуту она остановилась, испуганно взглянула на меня. Я улыбнулась и кивнула головой, мы пошли вверх по лестнице — нам отворили дверь. *Последнее*, что помню — из другой комнаты, из-за тяжелой двери какой-то, быстро вышел кто-то (ярко монгольский тип) и со смехом воскликнул: «*Ave, Maria!*» И взмахнул каким-то платком белым передо мной, от которого взвился безумный аромат какой-то, смесь запаха магнолий и запаха тления — — —

Дальше я *ничего* не помню совсем.... Я очнулась в 2 ч. ночи в каюте какого-то быстро мчавшегося «Воздушного Корабля» — — я была одна. И вся помертвевшая, онемевшая, не в силах двинуть рукой, ни ногой, ни закричать.

Великолепное, волшебное утро билось в каюту через окно — — — Через часа два я справилась с *этим* оцепенением, смогла выйти на палубу. Играла заря совсем непонятного дня, мчался пароход, на палубе ни души. В кармане у меня — билет на пароход «Улеборг» до Гельсингфорса. Я бросилась к кому-то, кто один стоял на верхней палубе у руля парохода — — Он *ничего* не понимает ни на одном из языков, понятных мне, и какие-то глухие, враждебные монгольские ноты — в его суровом голосе — — Еще два часа лихорадочного ожидания с невыразим<ой> тоской и ужасом о Вас — — и я ведь не знала, сколько *часов* или *дней* я была в этом состоянии... И незнание, *куда* меня мчит пароход — — —

Наконец, когда начали вставать матросы, я узнала, что этот пароход — идет, *не останавливаясь нигде*, из Петербурга в Гельсингфорс и что через два часа мы будем в Гельсингфорсе.... На все мои попытки узнать что-либо, *каким* путем я здесь — я встречала или враждебное непонимание, или же угрожающее *внимание*, как с сумасшедшей. Я замолчала, т. к. попасть в эту категорию мне не хотелось, да и *кто же* ведь мог бы помочь мне здесь.... Или еще приняли бы за большую холерой — чего так боится Финляндия — и тогда, значит, совсем я была бы отрезана от мира на эти несколько дней при моем незнании языка и общей неловкости и неумелости, на физическом плане столь блистательно проявляющейся..... Я думаю, *на это* именно и рассчитано было (в случае, если бы не сразу подействовало то, другое средство), но я быстро сообразила *это* и уже молчала только все время — — в Гельсингфорсе был карантин, в два часа посещение доктора и т. д. Я сразу, с парохода отправилась на телеграф и телеграфировала Вам и тете, а потом вошла в первую попавшуюся гостиницу «Ротта» — — и взяла комнату на сутки. Положение довольно нелепое — у меня теперь всего 3. рубля денег в кармане — в Царское я *не брала* больше, т. к. это не нужно. Но билет в Петербург, пожалуй,

стоит дороже — — Подумаю и решу, что делать, как только пройдет эта мучительная боль в голове, точно обручем стягивающая лоб. У меня *одна* мысль теперь — увидеть Вас.....

Вячеслав, для меня теперь *вполне* ясно, *что* значит это все — — — но я стараюсь не думать сейчас. Меня безумно волнует мысль о Вас — о том, *что* Вы пережили вчера? Был ли у Вас «брат»? А *если* нет....

Об этом, впрочем, еще нельзя говорить.....»¹⁴⁷

Злоязычный наблюдатель вполне мог бы предположить, исходя из последних процитированных строк, что причиной этого приключения была склонность Минцловой ко всякого рода мистификациям, частично сознательным, частично бессознательным. Как раз в это время она обещала Иванову, что его посетит для некоего важного сообщения таинственный «брат» (ни разу в известных нам материалах она не говорит более конкретно о личностях этих «братьев»), и если предположить, что на самом деле никакого «брата» не существовало, то история поездки в Гельсингфорс (а поездка несомненно была, ее след — не только это письмо, но и отправленная оттуда же телеграмма) выглядела бы так: чтобы не быть уличенной во лжи, Минцлова уехала по собственной воле в Хельсинки, выдумала историю о похищении и сообщила ее Иванову, чтобы обезопасить себя.

Однако мы не будем настаивать на этой версии. Отметим, что по какому-то странному стечению обстоятельств именно в Гельсингфорсе Иванов назначил Минцловой прощальное свидание. 19 сентября 1909 года Иванов писал ей (не лишено вероятия, что письмо осталось неотправленным): «Любимый учитель, пишу Вам еще, на всякий случай, в Берлин, куда уже давно телеграфировал («*komte getne Helsingfors*»). Гельсингфорс представляется мне наиболее удобным местом свидания в Финляндии — и даже вообще почему-то местом встречи желанным. Если Вы приедете в Финляндию морем, то скорее всего прямо в Гельсингфорс.

Отсюда также прямое и удобное сообщение с этим городом. Я предпочел бы притом именно большой, своеобразный город. Выборг я, никогда не видев, почему-то не люблю. Иматра также меня отнюдь не привлекает, как и Мустаяки; здесь не место пейзажу. Я думал очень о Сердобске и о совместном посещении Валаама. Но полагаю, что там очень неудобно и неприятно в иных отношениях, притом и ветрено и сурово; я простуживаюсь при всяком соприкосновении с северною природой.

Все это я пишу затем, чтобы сказать Вам мои соображения и предпочтения, как Вы желали; и все это не имеет ни малейшего значения, если сколько-нибудь противоречит Вашим умозрениям. Я приеду куда бы то ни было. И выбор окончательный прошу Вас сделать самой и никоим образом не изменять для меня Ваших предначертаний, так как для меня *вовсе неважно*, чтобы Ваш выбор совпал с моим. Если же Гельсингфорс Вам также улыбается, радуюсь совпадению. <...>

Как устроится свидание, Вы, конечно, сообщите. Разумею день, место и т. д. Временем пребывания я не стеснен, хотя долгим, конечно, оно не может быть. Есть у меня какая-то надежда, что, быть может, мое желание дольше воспользоваться Вашим пребыванием в России, — все же исполнимо. Горько было бы мне, если бы не дольше 2—3 дней Вы могли мне дать»¹⁴⁸.

В тот же день (что косвенно указывает на неотправленность письма) Миншлова пишет Иванову из Берлина: «Любимый друг, я сейчас вернулась только что из «Северного Пароходства». Я взяла уже билет, на Гельсингфорс, на пароход «Vellamo», который отходит из Штеттина в среду эту (6 окт<ября> нов<ого> стиля, и 23. Сент<ября> стиля русского) — в последний раз, т. к. сезон плавания в Финляндию уже кончается. Обратное мне придется ехать через Стокгольм — <...>

Очень прошу Вас, любимый, встретить меня на пристани — — Если же почему-либо — — Вы не будете на пристани в момент прихода «Vellamo» — — тогда я отправлюсь тотчас же на Почту и тогда найду от Вас там указания, письмо или телеграмму. Да? Быть может, пробыв с Вами дня 2—3, в Гельсингфорсе — с Вами одним! — я уеду с Вами, до Выборга, и там увижусь с Маргаритой и Леманом — я сегодня получила от Лемана письмо, где он пишет, что удобнее всего устроить свидание в Выборге (правда, я ведь не думала и не писала о Гельсингфорсе, и только Ваше великое прозрение подсказало Вам это) — — —

Я думаю, что так будет лучше всего устроить — — Итак, если Вы в этот четверг вечером (24-го Сент<ября> русск<ого> стиля) выедете из Петербурга. Вы будете в Гельсингфорсе в пятницу утром, по жел<езной> дор<оге> — Но морем не ездите, теперь там большие качки, говорят, — а Вы ведь это не любите, кажется? <...>

— Вообще же Финляндия — это совсем чуждый, неведомый мир, иная планета, враждебная нам, славянам — — —

Но она прекрасна — — —»¹⁴⁹.

О результатах переговоров мы достоверно можем сказать только одно: на них было условлено, что Миншлова будет просить у «братьев» разрешения клятвы, то есть позволения остаться в миру для дальнейшего наставления своих учеников, в том числе и Иванова.

Миншлова, как это часто с нею бывало, отправилась снова в Германию удивительно кружным путем — через Выборг (где расстался с Ивановым), Або (ныне Турку), через всю Швецию от Стокгольма до Треллеборга и оттуда на остров Рюген. И там она сталкивается с той реальностью, которую воспринимает через призму оккультных представлений о ходе человеческой истории вообще.

Начинается ее повествование, которое, как кажется, следует привести достаточно подробно (хотя и далеко не полно), в письме с Рюгена от 8/21 октября 1909 г. и продолжается в письмах оттуда же от 9 и 10 числа, которые для удобства восприятия слиты нами здесь в единый текст:

«Мы выбежали на пароход — нас было четверо: я, одна дама, ехавшая в Париж, и двое молодых супругов, шотландцы, возвращавшиеся из свадебной поездки в Лапландию — — <...>

— Сапфирное сверкание ослепительного рефлектора — дикий, еще более безумный вопль волн снизу, как бы в ответ — — и пароход несется дальше, бережно неся в недрах своих огромный поезд — — —

Какая-то страшная мистерия грезится мне здесь —

Потом, когда мы вчетвером обежали весь пароход сверху донизу, посидели во *всех* роскошных салонах, болтали во *всех* гостиных, курили во *всех* «курительных» комнатах, пили кофе — шотландцы пели свои баллады, я, по желанию и просьбе всех — читала Ваши стихи — причем ветер чуть не вырвал у меня из рук Ваши «Кормчие Звезды» и не унес их в море — — — — все ушли все-таки спать — — — А я осталась одна и ушла в верхний салон, в концертный зал, где стоит *дивный* рояль — и там, одна совсем — с начала и до конца сыграла 5-ую Симфонию Бетховена (там масса нот всевозможных) —

Пароход был пуст совершенно, кроме 3—4 служителей — — —

О том, *что* я узнала теперь, о близости Бетховена с морем — — я сказать не могу сейчас — —

Когда я окончила — — я совсем ярко, отчетливо услышала и поняла приказание и Голос: Я *должна* остаться 1—2 дня на Рюгене — — — беспрекословно я повиновалась. Я *никогда* еще не знала такой ясности и безусловности полноты. И в 4. ч. ночи, когда наш пароход тихо спустился на землю Рюгена — я сказала, что остаюсь здесь, прерываю свое путешествие (у меня билет *прямой*, до Берлина). Было совсем темно и страшно на берегу. Я ни души не знала на Рюгене, ни даже имени ни одного отеля — — — Но я знала, что *так надо* — — какое счастье эта уверенность и безусловность ослепительная, как эти страшные крылья рефлектора синевы —

Я вышла из поезда, и носильщик взялся меня доставить в отель, единственный, куда можно прийти ночью — — — Мы пошли пешком (не было извозчика ни одного) — — вдоль моря, которое клубилось и извивалось, билось и кричало у ног наших — — Сверху — громадные, тихие звезды — — — — Где-то, близко — дыхание деревьев, истлевающих листьев, благоухание осени, запах темного вина и острой, светлой скорби — — Мы шли долго, пешком — начался подъем в гору — — — и здесь, Вячеслав, любимый, любимый и беззаветно дорогой — — — пронзило что-то *очень* страшное и неожиданное.... Я вспомнила... Я *поняла*, зачем я здесь.... Я вспомнила все.... Я знаю эту медленную, неумолимую гору, с тихим подъемом, который сделан *не* природой и *не* людьми — а теми, что *ждали* людей давно — — — Я вспомнила, увидела все торжественные шествия по этой горе вверх, к Алтарю Святой Горы — — — — —

Я *так* далека от Нины Гернет, которая есть «патриарх русской теософии» — — —

— Но *сейчас* — — — сейчас, если бы я встретила с ней — — мы бы встретились с ней, как «сестры», как «*soggeligionuainos* <?>» — — —

Это неважно, что она — бездарна, наивна, безвкусна, неумела, имеет претензии на «ученость» — — —

— Я *знаю* теперь, что за этим всем — — — есть еще, иное — — —

Вячеслав, во мне раскрылись такие силы здесь, о которых я и не знала еще — — —

Я *вижу* все — — я могу рассказать все, что было, рассказать правду — — — — <...> Когда я проснулась сегодня в 10 ч. утра — и отдернула занавес окна — — я увидела волшебную, незабываемую картину. Яркое, страстное солнце, торжественное, успокоенное, затихшее море, тихо ласкающее скалы — — —

— Передо мной — *Гора* — — —

— Наверху ее Храм и Крест — — —

— Кругом — тишина, молчание полное. Масса зелени — с оттенком желтых и оранжевых цветов — — — — <...>

Эти два дня — дивная погода, и я могла совершить все должное, все, что указал мне Голос. И, странно — мне было удивительно легко все сделать. Я обошла (пешком, здесь нет извошиков совсем, да я и не могла бы ими воспользоваться, т<ак> к<ак> сама не знала, куда я должна идти) — — обошла, вчера и сегодня, почти *все* места, отмеченные Роком — *все* ущелья, где были перерезаны, коварно и предательски, славяне, погибшие здесь *все* до одного, кто жили на острове, кто охраняли мистерии славян — — — <...>

Я молилась на этих местах, совершила все обряды, предписанные мне, и поцеловала землю эту, которой горсть я взяла с собой. Посылаю Вам сегодня, дорогой брат, три очень плохих изображения этих мест (открытки). Мне важно, чтобы они у Вас были. И для «сосредоточения» *очень* нужно это, для прочтения этого периода из Akasha. Когда я буду с Вами, это будет нужно для урока... В одном ущелье здесь — Вы сами *должны* увидеть, в котором — были перерезаны *все* жрецы Арконы германцами — — — О том, что я узнала здесь... О том, что открылось здесь и даровано мне — — писать нельзя. <...>

Весь остров теперь — — молчаливый и опустелый. И так легко, и свободно, и радостно это одиночество и запустение. Я брожу день и ночь — теперь новолуние — и никто не обращает внимания, все дороги открыты, все леса буковые, устланные алым ковром осенних опавших листьев — — зовут и ждут, ждут давно... И вот я пришла — меня *послали* к ним, хотя до сих пор я *никогда* не знала ничего, не думала о Рюгене и Арконе — и к туманным, слабым, недостаточным словам Нины Гернет относилась всегда с улыбкой недоверия, т. к. они не были ею серьезно и строго обоснованы — — — А теперь... теперь, когда я сразу, немедленно нашла старый дуб «Hertha's Eiche» — — с знаками человеческих жертвоприношений — — — это было первое, что я должна была найти, эти «письмена смерти» — — и Любви (жертвы

здесь были лишь добровольные, лишь последние невозможности имели доступ к принятию здесь) — — — Вячеслав... Ваше имя звучит особенно вещим — здесь, в этих рошах священных — — — <...>

— Любимый, я не могу сказать Вам, что это было для меня, эти 3. дня пребывания здесь, на этом вещем острове, полном таинственной, глубокой жизни — — — —

Я не могла писать Вам отсюда так, как хотела бы — я слишком уставала физически от этого, столь необычного мне теперь — блуждания по лесам и скалам — и нет слов у меня, чтобы рассказать все, что приняла я теперь — — — Я теперь знаю, почему именно здесь передается преемственно сокровенная и последняя тайна Р<озы> и Кр<еста>. И передается — — в мгновения последнего отрешения от себя, от своего личного, эгоизма своего, земного — И чем полнее, чем жарче это «личное» — тем глубже ступень посвящения — — — Любимый, теперь одному Вам, как величайшую тайну, которую Вы имеете право передать другому только в мгновение последнее — — — я вам скажу о тайне Р. К. несколько бледных слов — Подробнее — при свидании. Но отсюда я могу написать это Вам, из древней Арконы, тени погибших здесь *требуют* от меня этого —

В то мгновение, когда ушли из Атлантиды на Восток лучшие силы ее, как мыши бегут с корабля в минуту опасности! — — — в мгновение гибели Атлантиды — когда она «отпустила» от себя всех сынов своих, пожелавших уйти — — Остался на Западе один, великий Посвященный — имя его — не произносимо словами, есть только знак его — *Роза* — Он остался хранителем *всех* тайн и знаний Атлантиды. Он остался, чтобы оберегать их — и чтобы *встретить* учение Христа — потому что, если бы не было того, кто встречает — — не мог бы прийти грядущий — — — Отчего на Западе, в Европе лишь, было принято христианство? Этот вопрос — не задавал себе никто до сих пор — Отчего на Востоке не принялось, не расцвело учение Иисуса Христа — — — сына Востока — — —? Ответ этому — один: *Роза* Атлантиды припала к Кресту благоговейно — — — — чтобы вышло *новое*, священное — — необходима примесь старого — — притча о хлебе новом, всходящем на дрожжах старого — — —

— В *это* мгновение — в Европе зажглась возможность христианства — — — и только *здесь* — — — И этот праотец Р. Кр. — *живет* и поныне — он дает весть о себе, призыв — в мгновения решающие — — — Р. Кр., *все*, целиком, выросло и расцвело отсюда — — — — Но тайна и скорбь его в том, что *до сих пор* не найдена точка соприкосновения с Землей — — —»¹⁵⁰.

Можно предположить, что эти впечатления Миншловой через пять лет, летом 1914 года, нашли отражение во впечатлениях Белого, связанных с тем же островом, о которых он вспоминал (с характерной сменой акцентов в описании современности: величественность и природность Арконы у Миншловой заменены здесь ничтож-

ностью и модерном): «На следующий день мы поехали на маленьком пароходике на Рюген; и посетили Аркону, место древнего славянского поселка; по словам д-ра <Штейнера>, здесь был некогда центр славянских мистерий, — а ныне — здесь стоят огромные столбы для радио-депеш <...> мы забрались на самый высокий выступ над морем, сели в траву; и — как-то странно замолчали; точно далекое прошлое обступило нас; и тут передо мною отчетливо развернулся ряд ярких и совершенно невероятных образов, неизвестно откуда появившихся; мне казалось, что образы встали из земли; вот что мне пришло в голову: мне показалось, что странные, могучие силы вырываются из недр земли; и эти силы принадлежат когда-то здесь жившим арконцам, истребленным норманнами; они, арконцы, — ушли под землю; и ныне, там, под землей, заваленные наслоениями позднейшей германской культуры, они продолжают развивать свои страшные подземные, вулканические силы, рвущиеся наружу, чтобы опрокинуть все, смести работу веков, отмстить за свою гибель и лавой разлиться по Европе <...> я как бы внутренне сказал то, что по существу не принадлежало к миру моего сознания; я — сказал себе: «Карта Европы изменится: все перевернется вверх дном». И тут мне мелькнуло место будущих страшных боев, где на одной стороне сражались выходцы из недр земли, вновь воплощенные в жизнь, а на другой — представители древней, норманнской и тевтонской культуры, как бы перевоплощенные рыцари; местом боя представилась — Польша, Литва (знал ли я, что бои тут закипят уже через месяц?..»¹⁵¹

Приведенным отрывком из воспоминаний Белого подтверждается, что Минцлова если и не оказывала прямого влияния на его сознание своими рассказами (а вероятность этого достаточно велика: впечатление от Рюгена непосредственно предшествовало ее наиболее тесным контактам с Белым), то, во всяком случае, фиксировала некоторые представления об эзотерической истории человечества. Но не менее существенным для наших целей в ее письмах является весьма специфическое и, вероятно, характерное для оккультистов представление, согласно которому все самые разнообразные тексты разных искусств и истории имеют непосредственную связь между собою, независимо даже от того, понятны они по своему языку тому или иному человеку.

Чтение «Кормчих звезд» людям, явно не знающим русского языка, звучание Бетховена на пустом пароходе, история столкновений славян с германцами, повествование Нины Гернет, признаваемое бездарным даже самой Минцловой, розенкрейцерская легенда — все работает на создание какой-то новой реальности, где чаемое единство явно превосходит частные разногласия между отдельными проявлениями этой реальности.

И все же при всем этом, при своей очень большой и беспорядочной начитанности, Минцлова обладала довольно определенным кру-

гом предпочтений в искусстве, который заслуживает в нашем контексте специального внимания.

Безусловно, прежде всего он был связан с творчеством русских символистов. Выше мы уже говорили о том, что известно о ранних интересах Минцловой. Сейчас попробуем хотя бы в небольших масштабах определить то, что привлекало ее в них в последние годы жизни.

Конечно, прежде всего это творчество Иванова и Белого, с которыми она так непосредственно оказывается связана, причем не только собственно художественные произведения, но и многочисленные их статьи этих лет. Так, много сочувственных размышлений вызывает у нее чтение первого сборника критических статей Иванова. Конечно, нужно сделать определенную скидку на то, что письмо это пишется автору и потому Минцлова не стесняется льстить, но все же тон показателен: «Любимый, приветствую Вас. Я начала читать «По звездам». И по поводу каждой из статей этих хотелось бы многое сказать Вам. Ваши слова о «Ницше и Дионисе» жгут сердце железом воли и безумием крови. Есть слова, которые потрясают до иступления — — и будят дремлющее безумие в крови — — В музыке Вашей, в движении ритма — есть несказанное, невозможное для Земли — Стихия Диониса... Знойный звездный вихрь, пронесшийся по всем, шелест слов, которые скрываются и падают в вечность, миллиардами миров, как бы градом слез восторга Божества — слезы и звезды столетия невозможности. В Ваших словах есть звуки тимпана обезумевшего, все клики озверевшей толпы и вой иступленных зверей —»¹⁵².

Но не только эмоциональность восторга звучит в ее словах: она пытается разобраться и в сути того, что формулируется Ивановым (хотя, конечно же, со своей, сугубо односторонней, точки зрения). Так, продолжая суждение о «По звездам», она говорит в письме от 25 июля: «Милый, Ваша книга для меня — великая радость и счастье. О Вашей «Символике эстетических начал» —

Все то, что в последнее время было сказано о «богоборстве и богоносительстве», все это выросло целиком из Вашей статьи, дивно прекрасной и верной глубоко — — Это — какая-то сокровищница бездонная, до краев переполненная драгоценными камнями, где дышат и живут алмазы и рубины, сапфиры и опалы и немеет аметист — — —

Как глубоко то, что Вы говорите о *правом* богоборстве в этой статье, обращенной к Б. Бугаеву — для него ведь это — великий центральный вопрос жизни, о которого зависит вся душа его и разум его — — —

Да! «Правое богоборчество Израиля исторгает благословение» — — —

Но решает этот вопрос — о том — правое ли это богоборство или неправое, убийственнейшее и темное — не тот, кто борется, и не в разгар борьбы — Иегова ночью разбудил Иакова, чтобы бороться с

ним, и Он сказал Израилю, что Бог был с ним в эту ночь — То, что эта борьба была *в ночи* и Израиль был *разбужен* Богом для этой борьбы, — указывает на еще более сокровенную глубину того, что знаменуется богоборством — —

Как прекрасны слова Ваши, Вячеслав, любимый... Эту книгу Вашу я считаю великим мировым событием, это одна из *Вечных* книг, из «Книг Жизни» Вселенной этой — — — —

Только мне жаль, что в нее не вошли «Пепел», т. е. о «Пепле», о Лохвицкой — — и, кажется, то, что Вы еще хотели прибавить к «Спорадам» — о «переживаниях» слов, об их состояниях (и соотношениях), об их браках и девстве — об «алхимии» слов — — — Словом, те «десять заповедей» о слове, которые были изречены Вами — — —

Впрочем, быть может, я и поспешно говорю — я ведь прочитала еще пока только две первых статьи Ваши из книги. Благодарю Вас за это счастье читать Вас, слышать всю эту красоту и увидеть все это, великое и несказанное, что Вы передали людям на этих Скрижалях Вечных — — Не *все* сказано здесь — о да, конечно. Но то, что сказано, — оно бессмертно и не пройдет вовек — — Богоборство обусловлено одним, непреложным законом — богоношества. Чтобы быть «богоборцем», надо *в себе самом* иметь богоносца уже — это «*conditio sine qua non*». Только *пэрами* своими может судиться человек. *Осудить* его может кто угодно, толпа — — но *судить* его могут только «пэры», равные ему по сану — — —

И бороться с Богом может (*право*) только тот, в ком *есть* Бог уже — Богоборец есть Богоносец уже — если он не самочинно взял на себя право борьбы с Высшим. Можно распять Бога, можно «заушать» его, и бичевать, и терновый венец надевать на главу Его — — — и все же *не это* есть «богоборчество правое» — —»¹⁵³. И характерно, что завершается это подробное рассуждение снова размышлениями о роли символизма в тех эзотерических доктринах, которые так или иначе отражаются в собственных взглядах Минцловой: «Любимый, простите за это письмо, лихорадочное и нестройное — — мне нужно было бы еще закончить для Вас последние слова Учения, которые можно еще передавать словами — остальное есть уже безмолвное открывание, одна за другой, дверей в иные миры — Учителем перед Учеником — — — Вчера я Вам сказала несколько слов о зверях, о символах звериных — об астральном мире и законах его — *законы мира высшего отражаются в символах мира низшего* — Символы — это *подножие*, почва, пьедестал для того, чтобы встали (здесь) Лики Иные, небывалые на Земле — — —»¹⁵⁴.

Но отнюдь не только творчество двух наиболее близких ей поэтов вызывает столь пристальный интерес Минцловой. Как раз в 1909 г. она читает роман Брюсова «Огненный ангел» и откликается на него в письме к Иванову: «Да, я Вам хотела сказать о Брюсове. Я прочла его «Огненного Ангела» (даже написала ему об этом немного отсю-

да) — и у меня сложился план *очень* большой статьи, не критической, о нет! а *по поводу* этого «Ангела Огненного», по поводу вопросов, им поднятых там. У меня есть серьезные возражения, которые я хочу ему *лично* предъявить (если он этого захочет). Но как многое можно сказать именно по поводу, *благодаря* этой книге! Эпиграфом можно взять слова из Ев. Иоанна, начало главы 10-й <...> Не успеваю ничего сказать Вам, мой любимый. Но *одну* фразу я должна Вам сказать, она из «Geheimnisse» Гете и имеет большое значение, чисто *жизненное*, это — один из *знаков*, этот стих Гете, совершенно дословно, точный: «Weg hat dem Kreuze Rosen zugestellt?» Вы ведь хорошо знаете это стихотворение Гете»¹⁵⁵. Самому же Брюсову она писала в других тонах, хотя также не скрывала возможности вступить в полемику (которая, судя по всему, не была даже начата): «Мне хочется поблагодарить Вас за «Огненного Ангела». <...> На меня произвела большое впечатление Ваша книга, Валерий Яковлевич. У меня есть несколько возражений, которые скажу Вам при свидании. Но то, что Вы сделали, громадно. Никто никогда *так* не говорил об этом. Вся книга пронизана глубокой жалостью и печалью, той великой жалостью, которая одна дает ключ к пониманию.

И потом это страшное дыхание смерти с первого появления Ренаты, видно, что она обречена на смерть — Великолепны сцены с Агриппой, сцена ехогсisme'a епископа в соборе. Валерий Яковлевич, я благодарю Вас за эту книгу!»¹⁵⁶ При этом характерно, что «Огненный ангел» связывается в сознании Минцловой прежде всего с классическим стихотворением Брюсова, во многом определившим принципы его символизма: «Дорогой Валерий Яковлевич. Пишу Вам эти строки, чтобы напомнить Вам об обещании прислать мне Вашего «Огненного Ангела». Я буду очень ждать его. Мне это почему-то напоминает первые мгновения нашей встречи в конце прошедшего столетия — в 1899 году летом, в Крыму — помните? Вы читали мне «Ассаргадона», и я не могу забыть этого впечатления до сих пор!»¹⁵⁷

Внешняя прихотливость памяти тем не менее основывается на впечатлении собственно литературном, сохранившемся на протяжении десяти лет¹⁵⁸.

Но отнюдь не только высокие достижения русского символизма привлекают внимание Минцловой. Характерный образец такого подхода — ее воспоминание о пребывании в Финляндии, когда обнаруживается, что совершенно особый свет на него бросает давно услышанное стихотворение. «Милый, сейчас мне хочется рассказать Вам о моем впечатлении Швеции — закончить рассказ — хотя бы самый внешний, о моем северном плавании. Как контраст, вероятно, с тем огнем, который жжет меня сейчас. Мне хочется еще окончить Вам то, что я начала говорить Вам о Финляндии в Або — — —

В тот холодный, грозный, дождливый день, когда я уезжала — скользили челны с темными, почти черными парусами по морю из

расплавленного опала — — и я вспомнила и поняла одно северное четверостишие, которое читал Тор Ланге у Бальмонта — оно ни на кого, кроме меня, не произвело никакого впечатления — а для меня в течение многих лет это было таинственным заклинанием, от которого шатались и падали стены — — и входил, победный, мир астральный — —

Король покори́л королеву
Черными своими парусами,
И она глядит на него теперь
Послушными глазами.

Я поняла эти стихи — — *только* в Финляндии, в Або — эти колдовские челны с траурными покрывалами, скользящие по обезумевшему, невероятному по цвету своему морю — вблизи гор, откуда видно «полношное солнце», в стране древней «Кеми» (ныне Торнео)¹⁵⁹.

Как видим, наиболее существенным для Минцловой является проявление в данном (вполне беспомощном) четверостишии астрального мира, то есть та высшая степень символизации, которая может существовать в природе. С очень большой степенью наглядности такое отношение раскрывается ею в суждении о природе творчества Бетховена.

Лидия Иванова вспоминала: «Отец был в высшей степени музыкален. Композитор, который связан со всей его жизнью, это Бетховен. У меня впечатление, что в ткани души моего отца, если можно так выразиться, находится много бетховенских нитей. В первый год после смерти мамы он каждый вечер выслушивал по сонате Бетховена, которая исполнялась Анной Минцловой, прекрасной пианисткой-дилетанткой»¹⁶⁰. Выше, в письмах с Рюгена, уже попадалось неразвернутое замечание Минцловой о связи Бетховена с морем и водной стихией. Подробно она написала об этом уже из Нюрнберга 17 октября, то есть во вторую годовщину смерти Зиновьевой-Аннибал: «Любимый, дорогой, пишу Вам, вернувшись с «Missa Solemnis» Бетховена. Были все братья — никого больше, в Lorenzkirche — эта «Missa» была их прощанием с Нюрнбергом — о том, *что* это было — — нет сил, ни слов, ни возможности сказать... Были мгновения несказанные, когда я чувствовала Вас и Лидию, слитых нераздельно *здесь*, в церкви — <...>

Я никогда еще *так* не понимала и не чувствовала Бетховена. И — так же, как поразительно верно Ваше стихотворение о Лидии — «Ты — море» — — так же можно сказать и о Бетховене, он — *море*. Стихия *иная*, чем Земля, чем все земное, хотя так близкая к Земле, вечно целующая и прижимающаяся к Земле — Но, быть может, именно *так* дионисийская, оттого что совсем, совсем *иная* — — И в Бетховене есть *все*, что у моря — есть даже и однообразие моря, и мертвая зыбь — — И вся красота неизреченности, когда буря, и

страсть, и смерть бьются, неразрешимые, до последнего свершения и мелодии, где обрывается все земное, переходя в иные сферы — — Я слышала море, теперь особенно я расслышала голос его — — — и если бы я была музыкальна, я бы прямо *доказать* могла, что в симфониях и трио Бетховена, *особенно* в его квартетах — передается в звуках и гармонии — море..... дыхание моря, вся жизнь и безумие моря — — — Как мог бы он не оглохнуть?! — —

Я могу написать всю историю Атлантиды, все картины ее, *все* восстановить теперь, после Рюгена — в музыке Б<етховена>, *через* нее — — —

И в «Missa Solemnis» — — — все ожидание, все таинство посвящения — — знавшего и ждавшего Христа — и *увидевшего* Его, наконец, живым и воплощенным — — —»¹⁶¹.

В связи с процитированным следует отметить, что некое сакральное значение в сознании Минцловой приобретало творчество Л. Д. Зиновьевой-Аннибал. Уже после первого чтения ее произведений она поделилась с нею своими впечатлениями, которые, к сожалению, не только не сохранились, но даже не дошли до адресата¹⁶². И в дальнейшем, уже после смерти Зиновьевой-Аннибал, она неоднократно извещает Иванова о том, что работает над большой статьей, посвященной ее творчеству. Так, в недатированном письме лета 1909 г. (возможно, написанном 15 июня) она говорит, сохраняя, вероятно, стиль и дух пишущегося: «Буду теперь много работать. Хочу кончить на днях мои заметки о Лидии. Вся необъятность Ее, вся грандиозность Ее личности открывается передо мной вновь и вновь во всем великолепии и безумии. «Мистический Сад», имя ему в древних немецких рукописях — Para dies «против дня» — Рай... — в глубине освещенных другим светом, фиолетовым, волнующим пламенем, которым горят кусты, при которых бледнеют цветы — — какое-то неизреченное венчание двух странных мгновений, когда глубоко алое (роза) венчается нежно-зеленой листвой — и великое дыхание, как ветер благоговения тихо развеивает вокруг фимиамы — — —»¹⁶³. Еще более подробно сказано об этом в письме от 29 июля /11 августа 1910 года, отправленного из Судака в Рим: «Любимый, у меня теперь, сейчас, закончена большая статья о Лидии, *совсем* новая (мои старые бумаги я ведь так и не могу получить никак до сих пор) — — Я хотела бы ее напечатать (с Вашей редакцией, вернее — «переделкой» и исправлением коренным!) — к 17. Окт<ября> этого года. Всего в ней — 120 страниц *моего* рукописания — — — Я еще никому не читала и не прочту ее *никому*, т. к. считаю, что Вам *первому* я должна прочесть ее — — В Ассизи, в Италии я Вам ее передам в руки, т<ак> к<ак> у меня сейчас только один экземпляр, черновой, я не хочу без Вас его перечитывать»¹⁶⁴.

Как и следовало ожидать, никаких следов подобного текста в дошедших до нас бумагах не сохранилось, но сама направленность твор-

ческих потенций Минцловой именно на творчество Зиновьевой-Аннибал представляется весьма характерной. Конечно, с одной стороны, она была вызвана тесным общением с Ивановым, свято чтившим память покойной жены не только как человека, но и как писателя (он планировал издать ее собрание сочинений, написал предисловие к посмертному изданию повести «Тридцать три урода»¹⁶⁵, редактировал текст комедии «Певучий осел», собираясь опубликовать его¹⁶⁶, и пр.). Но, видимо, были и иные причины, побуждавшие Минцлову в таким действиям. И одной из первых, думается, могло быть представление о том, что творчество Зиновьевой-Аннибал, представляя собою типичное проявление женской литературы, именно в этом качестве заслуживает внимания, не уделявшегося ей общественным мнением.

Известно, что в кругах русских символистов произведения Зиновьевой-Аннибал воспринимались с изрядной долей иронии: Брюсов и Мережковский отказались печатать ее роман «Пламенники» (который так и остался незавершенным), тот же Брюсов и Кузмин насмешливо отзывались о манере ее поведения, как жизненного, так и творческого, и пр. Потому для Минцловой, уделявшей немало внимания специфически женским темам, должно было представляться существенным определение того места, которое творчество покойной писательницы занимает в современной литературе и общественном настроении. Конечно, это является только гипотезой, однако, как кажется, достаточно вероятной.

Сосредоточенность на творчестве русских символистов очень характерна для Минцловой, даже если учесть, что это лишь та сторона ее сознания, которая нам известна. Именно нацеленность на постижение мира в его двуплановости, просматриваемой даже сквозь самые незначительные, но пронизанные такой интенцией тексты, делала контакты Минцловой с символизмом чрезвычайно внутренне насыщенными и закономерными.

6

Меж тем жизнь Минцловой становится все стремительней. Вернувшись в Германию, в Нюрнберге она добивается от «братьев» разрешения отменить свое решение об «уходе», и вскоре после этого с нею случается сильнейший эпилептический припадок, который она считает началом своего пути к смерти.

Она возвращается в Россию, и снова начинаются метания между Москвой и Петербургом, сопровождаемые истерическими поступками, соединяющими едва ли не экстаз с отчаянием. Вот лишь один пример: «С 2-го ноября — у меня начался страшный, решительный поворот.... Вскрылись какие-то глухие, извечные глыбы — о которых

я не знала сама еще, не подозревала ничего... И начался «ледоход» души. Он не кончен еще... Но во мне поднимаются силы, и счастье, и радость, о которой я никогда не подозревала и не знала, что *это* возможно. До этого я переживала такую муку, такое страдание и ужас, о котором сказать нельзя.... Еще в воскресенье это (1. ноября) я думала, что все кончено и погребло... Но в ту же ночь я получила дары столь неожиданные и великие, что *теперь* я не знаю сама еще, как мне отдавать их, эти сокровища нечаянные и безумные — — — Я стараюсь сделать все, что могу, чтобы сбросить с себя это страшное ощущение близости какого-то невероятного приступа — но это ощущение все растет — и растет также вместе с ним чувство счастья и глубокой нежности и благодарности к земле — — — <...> Сейчас мне очень хорошо в Москве. Я окружена большой любовью, которая очень помогает мне. Андрей Белый очень много сил и радости дал мне эти дни. В Москве вдруг вспыхнула и загорелась странная, глубокая жизнь теперь. Возвращаются назад тени прошлого. Век Новикова воскресает.... Моя встреча этой весной с А. Белым не прошла бесследно. Об этом всем я расскажу Вам при свидании, или А. Белый, если он раньше меня приедет в Петербург, он собирается очень скоро туда. Быть может, со мной»¹⁶⁷.

Именно к этому времени относится то, что Белый впоследствии описывал: «В ноябре происходит сближение Миншловой с кружком «аргонавтов»; Миншлова инспирирует нас — тем же все: идеями рыцарства, братства, служения Духу; от нее узнаю я ряд сведений в области эсotericической теософии; она знакомит с интимными курсами Штейнера, предупреждая, что перестала быть ученицей его; у нее-де — иные учителя. Кто? Вопрос интригует и ставит А. Р. на естественную высоту перед нами...»¹⁶⁸ В «берлинской редакции» книги «Начало века» это указание расшифровывается гораздо более подробно: Белый описывает, как постепенно Миншлова становится не только своим человеком в только что основанном издательстве «Мусaget», но и превращает его в эсotericический круг эсotericического братства, во главе которого должны стоять Белый и Иванов, а посредником между ними и «иными учителями» должна быть она сама: «Тогда появилась Миншлова; и — окончание года прошло в очень деятельном представлении ей «н а ш е й г р у п п ы»; я много бы мог рассказать, как влияние Миншловой, в душу входившей, вливалось почти незаметно; бывало, ведешь к ней кого-нибудь: конечно, входит к ней — скептиком; вышел — блистают глаза: победила. И скоро случилось, что, будучи вовсе далекой формально от всяких редакций, реально была она внутренним светочем; и порою оказывалось, что равномерное распадение Мусagета на линии Логос—Мусaget—Орфей складывалось в неравновесье ядра, иль «О р ф е я», бронированного двумя оболочками (более эсotericическим «М у с а г е т о м» и внешнею формою, «Л о г о с о м») <...> Истины тайной науки она облекала в

свой лепет — под формою сказки; в ней так же, как в нашем издательстве, было три стадии: «А н н а Р у д о л ь ф о в н а», с тихою сказкой сидящая на «о р ф е й с к о м» диване в часы, когда нет посторонних; руководительница, подготовляющая б р а т с т в о р ы ц а р е й И с т и н ы; вой миров, столкновение планет, раскаленность кометных хвостов, — ничего не поймешь — ужас, ужас! И «у ж а с» порой проступал в этой «к а м е н н о й б а б е», чудовишно вылупляющейся под курганом истории — в тысячелетние пустыни обычного здравого смысла: Москвы, «М у с а г е т а», служителя Дмитрия, там за стеной кипящего чай...»¹⁶⁹

Постепенно она завязывает разнообразные отношения с Г. А. Рачинским¹⁷⁰, А. С. Петровским¹⁷¹, В. О. Нилендером¹⁷², Н. П. Киселевым¹⁷³, М. И. Сизовым¹⁷⁴, но, вероятно, главным было знакомство с Э. К. Метнером (а через него — и с Н. К. Метнером).

Судя по всему, они познакомились или в самом конце 1909 года, или прямо под новый 1910 год. 1 января Миншлова сообщала Иванову: «...в 9 часов вечера — пришли ко мне А. Белый и Меттнер <так!> и пробыли до 11 ч. Было *очень* хорошо и строго. Огромная тишина этого дома, цветы, заполонившие все комнаты — строгое, странное лицо Меттнера, как старинный портрет — — Андрей Белый глубоко светлый (хотя очень измученный физически) — — Да... 12/25 декабря — — когда мы с Вами вместе провели вечер в ночь Рождества — — Андрей Белый был у Меттнера на даче его, за Москвой — — и Ваше «видение» было абсолютно *точно и верно* — — А. Белый говорил с Меттнером обо мне и о Вас в эти дни его пребывания на даче Меттнера и чувствовал Вас *очень* близко, в те дни особенно — — »¹⁷⁵. Первое из сохранившихся (и не похоже, чтобы были более ранние) писем Миншловой к Метнеру датировано 14 января 1910 г., записи об их разговорах — 18-м, и т. д. Пылкая привязанность (бывшая, очевидно, обоюдной) была для обоих чрезвычайно существенной.

Но при всем том чувствовалось, что для Миншловой общение с «Мусаетом» представляет определенные трудности, так же, впрочем, как и с теми двумя людьми, на которых она возлагала особые надежды, то есть с Ивановым и Белым.

Безусловно, существеннее для нее было осложнение отношений с двумя последними, поскольку именно им была предназначена в ее планах совершенно особая, исключительная роль. Но сочетание грандиозных обещаний с реальным бездействием не могло не производить тягостного впечатления на участников «мистического треугольника». Свои воспоминания об этом времени (с откровенно личностной позиции и значительной временной дистанции, заставившей многое пересмотреть) Белый весьма полно изложил в «берлинской редакции» «Начала века», которая в связи с этим заслуживает подробного цитирования, сохраняющего не только основные пункты сомнений, но и воссоздающего линии событий.

«Под пологом этой уютненькой жизни скрывалась другая, тяжелая; поясом бурь я бы назвал ту зону общенья, где выступил треугольник — «И в а н о в», я, М и н ц л о в а; трудно сказать, что вскрывалось в этом мучительном пребывании вместе; попробую все же характеризовать; ведь положено было: Иванов и я образуем с А. Р. средь «ядра», долженствующего образоваться в Москве, в Петербурге «оккультного» братства, — второе «ядро»: «ц е н т р ц е н т р а»; а «т е», кто был должен стоять уже за нами, руководя, ритмизуя действия, стало быть, превращался в «Ц е н т р ц е н т р а»; и «ц е н т р ц е н т р а ц е н т р а» протягивался в неизвестности; иерархическое строение «б р а т с т в а» не соответствовало бросаемым лозунгам о свободе; ведь в неизвестности могли прятаться «т е м н ы е»; Минцлова строила все на доверии; и появление ее среди нас было встречено нами доверием; я ведь и сам пришел к мысли о «б р а т с т в е»; «я д р о» москвичей до свидания с Минцловой стало естественным братством; мы знали друг друга — в годах; мы сошлись под знаменем «Арго»; мы были свои друг для друга; доверие, понимание и любовь — все то было естественным чем-то между нами. И если бы Минцлова опиралась на Москву, мы могли бы сказать: «Братство есть».

Но подставляла вдруг она мне как самого близкого брата — Вячеслава Иванова, долженствующего основать в Петербурге «я д р о». Как бы я ни любил его, ближе увидевши его, — все же был он для меня и для всех — «homo novus»; и годы полемики нас разделяли; и, кроме того: в Петербурге такого «я д р а» я не видел; движение наше, московское, становилось под знак отношения к Вячеславу Иванову; создавалось — неравновесие. В. Иванова я полюбил, но я видел, что он, принимая от Минцловой много узваний и формул оккультного мира, с узваниями этими дилетантски играет; <...> очень кокетливо он эзотерикой щеголял, точно пудрой кокетка; перед являвшимися благоговейно на «б а ш н ю» к учителю Вячеславу Иванову; так, например: неизвестно зачем он носил на руке своей перстень с огромною пентаграммой: и — так далее; Метнер, схватившись за голову, говорил:

— Нет, послушайте, — выделение вас от всех «н а с», москвичей, и вменение вам, чтобы вы в общем деле упорнейше становились под знак честолубия Вячеслава Иванова, — это меняет все: Минцлова вместо того, чтобы нас приготовить для встречи с учителем, сперва как-то сгибает под иго Иванова, точно учитель — Иванов; я не знаю, какие такие стоят розенкрейцеры где-то за нею; но знаю, что длинные розенкрейцеры не могли бы принять В. Иванова, превращающего путь посвящения просто в «к о с м е т и к у» для статей своих... <...>

Еще он высказывал:

— Нет, Борис Николаевич, — запомните: если Вячеслав Иванов станет, так сказать, лидером нашим, то я, как бы я ни оценивал да-

рований его и А. Р., — я скажу — нет и нет!... Не пойду я на братство такое...

В словах Э. К. Метнера слышал я отклики мыслей интимных моих (их пока я скрывал), недоверие к словам Минцловой крепло, и горестно обнаруживалось, что во многом была А. Р. Минцлова более слабая, чем пасомые ею мы, овцы; ее гениальные сказки о тайнах пути стали частью обертываться «к л и к у ш е с т в о м» очень большого сознания, как бы плененного кем-то. <...>

Что в Минцловой вместо «у ч и т е л ь н и ц ы» проявляется только страдающая каким-то мистическим Friedrich-heraus, становилось ясней и ясней, и мрачный ставился вопрос: кто за ней? Штейнерианцы смотрели с испугом на Минцлову, утверждающую про себя, что она-де равна посвященным, что самые «с т а р ш и е» посвященные правят путями ее; эти «с т а р ш и е» беспокоили — меня, Вячеслава Иванова, Метнера: есть ли «о н и» (может быть, «они» — миф сумасшедшей?), и коль есть, то — откуда они? может быть, забарахталась Минцлова в чьих-нибудь «л а п а х»; тогда эти «л а п ы» через нее протянулись за нами? <...>

Вместо внятного разъяснения роли своей как посредницы между нами и представителями пути посвящения, из ее безумеющих уст излетали все более и более дикие сказки — о «жизненном эликсире», который-де будем хранить она или мы, о демонах, воплотившихся в сатаническом обществе, собирающемся погубить; и на лице ее проступал ужас мрачный: да, да, демонисты гонялись за нею; казалось порой: не она нас «в е д е т»; мы спасаем ее от чудовищных лап, из которых она выбарахтывалась. <...>

Да, Минцлова нам задавала трагедии в этот период: я видел, что кроме вопроса «п у т и» между ней и Ивановым возникала какая-то драма; Иванов какие-то автономии требовал: пусть-де она передаст свои знания; он-де пересмотрит, как с ними жить: Минцлова ставила ультиматумы: пусть-де В. Иванов изменится, — и тогда она скажет; и чувствовал я: в сложных «п р я х» я — сторонний; так все происшествие смахивало все более на авантюру какую-то; Метнер меня укреплял в этой мысли. <...>

Под уютным и изысканным башенным кровом таилась трагедия: «б ы т ь» или «н е б ы т ь» нашим песням о новом пути; сознавал, что «м и с т и ч е с к и й т р е у г о л ь н и к», подставленный Минцловой, — чужд: Метнер прав!

Это было трагедией настоящей: вступить на пути, данные Минцловой медитации действовали, и быть брошенным в подозрительную политику вокруг «т а й н п о с в я щ е н и я». Стиснув зубы, присутствовал я при участвовавших ссорах Иванова с Минцловой <...> В. И. Иванов, отвесясь рукой с папиросою, протянувшись сутуло орлиным, клюющим нас носом и удивляя просвеченным, прохудевшим лицом, подвигаясь в трудной натуге по комнатам, перещупывает по-

дошвой ковры, чтоб ногой не проткнуться <так!>; то он останавливается и, потрясая белесою, перекисноводородной растительностью, выкрикивает:

— Коли так, — я пойду самочинным путем!... Я скажу розенкрейцерам вашим!... <...> Я, Анна Рудольфовна, — не отступаю; но... но... И «о н и» же должны гарантировать...»¹⁷⁶

Не менее очевидны были и некоторые «трагедии» в кружке экзотерическом. Так, 4 марта 1910 г. Миншлова писала Иванову: «...это большая радость — свидания мои с Киселевым, Петровским, Меттнером — я их нашла сильными, стойкими, верными и безусловными вполне — — Эллис и Нилендер — как-то странно спокойны, строги и сдержанны, т<ак> что и отсюда — *только* радость и изумление.

— С Нилендером мы уже приступили к занятиям по-гречески.

Но есть все же и теневая сторона медали — — и очень, очень опасная для дела — — —

Гр. Ал. Рачинский говорит, говорит без умолку, везде, повсюду — называет имена, за обедами, между водкой и закуской, выкрикивает слова, которых нельзя, не должно произносить — — Точно одержание какое-то сошло на него, и все бесы, оставив Нилендера и Эллиса, ринулись в Гр. Ал. — — И вообще по Москве пошел говор об этом — это ужасно... Ведь это — может очень худо отозваться на мне, прежде всего — — если же меня уберут *сейчас*, пока я не выполню все то, что я *должна* — — — это пошатнет дело.

Я совершенно не могу понять, *откуда* этот вихрь — — — Я, кроме этих 5, людей, пришедших ко мне от А. Белого — не говорила *ни с кем* в Москве — — и в Петербурге, кроме Вас, Вячеслав, и Сер<а-фимы> Павловны <Ремизовой> немного — — я *ни с кем* не говорила, т. к. с Леманом — я ни разу не произнесла ни одного слова *об этом* и давала ему (очень немногое) исключительно из Штейнера, в его абстрактной, сухой формулировке, сильной и бесцветной — — —

Но все, кто знают Меттнеров, Петровского, Киселева — *знают*, что эти люди — молчат... Молчат *всегда*, и скорее есть даже опасность в этой грозной, страшной замкнутости — —

А. Белый — я с ним говорила, перед отъездом моим из Петербурга, — и я *знаю* теперь, что это не от него — — — Я слишком уверена в нем, в его слове, и если он сказал — *нет*, — я знаю, что это именно значит *нет*¹⁷⁷, т. е. — он не говорил никому — — —

Сегодня у меня был Петровский, и я его попросила пойти к Гр. Ал. и как-нибудь унять его — — — Я слишком знаю и чувствую всю красоту и значение этого человека, и было бы ужасно, если бы ему пришлось сделаться орудием гибели — — —»¹⁷⁸.

Временами эти сомнения в смысле и цели «Мусагета» выливались в особенно горькие размышления, как, например, в письме к Иванову от 28 декабря 1909 г.: «Очень тяжело и грустно многое, но

это, вероятно, «неизбежно». *Неизбежен*, по-видимому, для русских — вампиризм пассивный... У каждого из великих или даже больших людей наших — есть группа бездарностей, которых он тащит за собой, на плечах своих, и питает их кровью сердца своего, силами ума и дарования своего — — — — развивая в них вампиризм сознательный или бессознательный, самый страшный — Да... это *есть* в Славянском Духе, и, по-видимому, надо покориться этому... «*Le coeur se brise ou se bronze*», — говорит где-то Бальзак — — Я не знаю даже, говорить ли мне с Белым и Меттнером по этому поводу.... Быть может, это лишь ненужная боль, которую я напрасно причиню им? Но все же Белому я, кажется, скажу....»¹⁷⁹

Но все-таки, несмотря на все трудности и неприятности, она не оставляет надежд на создание эзотерического круга. И в это время отчетливо сталкиваются две стихии: с одной стороны — неумная энергия Минцловой в раскидывании сетей, завязывании ниточек различных планов и замыслов; с другой — творческая энергия Андрея Белого, который как раз в это время чрезвычайно активно работает над своими книгами: в декабре он заканчивает роман «Серебряный голубь», в конце апреля 1910 года выходит «Символизм», в мае — отдельное издание «Серебряного голубя», в конце июля — «Луг зеленый». Можно представить себе, как приходилось ему работать в эти месяцы, а в то же время Минцлова требовала от него все большего и большего погружения в медитации и прочую оккультную работу. И Белый, находившийся к тому же в состоянии крайней нервной взвинченности, взбунтовался.

Как мы видели, желание уйти от влияния Минцловой и от каких-либо практических действий уже зрело в нем, но, видимо, для полного разрыва необходимо было географическое отдаление от нее. Во всяком случае, начало 1910 года проходит в постоянных контактах, где недовольство вызревает лишь подспудно. В конце января — начале марта, во время пребывания Белого на «башне» окончательно оформляется идея «мистического треугольника». В начале марта (не ранее 7-го) в Москву возвращается Белый, а вскоре приезжает и Иванов, чтобы прочесть 17 марта в Обществе свободной эстетики лекцию, впоследствии ставшую «Заветами символизма». На этой лекции присутствует и Белый¹⁸⁰, и, судя по всему, никаких размолвок в это время еще нет, но именно к этому времени относится разговор, зафиксировавший глубинное недовольство Иванова своими отношениями с Минцловой. 20 марта В. Ф. Эрн рассказывает в письме жене о событиях последних двух дней: сперва о состоявшемся накануне идиллическом вечере у Бердяевых, где Иванов и Белый воспринимаются как безоговорочные друзья, а затем о визите Иванова к нему уже в самый день написания письма. И этот разговор свидетельствует очень о многом: «...В. И. много и очень откровенно говорил о себе. Между прочим, он сам стал говорить мне о Минцловой. Он говорит,

что ему хочется о ней свидетельствовать, что, если он стал светлее и лучше, это в значительной степени благодаря ей. Что он прекрасно видит ее недостатки: примитивность натуры, сварливость, зависть, склонность даже к обману — но из нее моментами истекают на него «реки света», что она, будучи мало умной, страшно много мистически знает. <...> Я сказал, что чувствую в ней враждебную силу и совершенно ее не приемлю. Его же рост в добре мне понятен без Минцловой. Смерть Лидии Дмитриевны, его скорбь и борения — вот источники просветления. На это он мне сказал две очень важные вещи: в его мистическом чувствовании Лидии Дмитриевны после ее смерти — Минцлова не играет никакой роли. Это не через нее и без нее. Кроме того, он признался, что Вера, которая вполне разделяет его мистическую жизнь и живет памятью матери, — Минцловой не приемлет. Вера при своей прямоте в решительные мистические минуты говорила Минцловой, что не верит ей, не чувствует доверия к ее личности. А Лидия Дмитриевна уже в предсмертном борении сказала про Веру Вячеславу: «Вера — Diotima». Из тона, которым говорил Вячеслав в конце, я чувствовал, что от Минцловой он не только освободился в смысле ее личного влияния, но даже питает сомнения, хотела ли она ему добра. Во всяком случае, на мои слова, что Минцлова даже со злыми намерениями могла послужить добру <...> Вячеслав почти соглашался и не возражал, что было бы невозможно еще в прошлом году»¹⁸¹.

Вряд ли можно безусловно и безоговорочно этим впечатлениям верить. Из всего нам доступного материала создается отчетливое впечатление, что Иванов колебался в своем отношении к Минцловой на протяжении не только сколь-либо длительных периодов, но и буквально нескольких часов, если не минут. И все же возможность таких признаний постороннему человеку говорит от многом.

29 марта Минцлова пишет вернувшемуся в Петербург Иванову: «Любимый, дорогой мой, сегодня ровно неделя, как Вы уехали — За Вами остался светящийся след, глубокая, радостная полоса света, любви и жизни.

— Все те, кто прикоснулся к Вам за эти две недели Вашего пребывания здесь, в Москве — благословляют Вас и каждое мгновение своей дальнейшей жизни — — Я не говорю об Эллисе — который совершенно *переродился* за это время и о котором так много любопытного мне надо рассказать Вам — — — Но и *все*, все те, кто увидели Вас теперь — — — все они стали иными — —

Любимый, прекрасный, у меня нет слов совсем — — — и оттого я *молчала* всю эту неделю, томясь от жажды *сказать*¹⁸² и не имея сил *говорить* — совсем — — — Все больше и выше поднимаются воды молчания и тишина — —

Люблю Вас — — — Целую руки Ваши, священные — — Я свершила все, что могла, в эти трудные (и радостные) дни — — я приня-

ла 8 раз то, что ждет и зовет нас — еще 3 раза, и я могу уехать, отдохнуть — — —

Я очень устала, любимый — Все дни эти были очень тяжелые, трудные, хотя великая *радость* и свет исходил от каждого часа — — —¹⁸³.

В самом конце марта Андрей Белый с А. С. Петровским уезжают в имение Г. А. Рачинского Бобровка, куда к ним навещаются и Миншлова. В связи с этим визитом имеет смысл привести письмо, посланное оттуда Иванову. Во-первых, оно должно иметься в виду при будущей публикации переписки Иванова с Белым, но стоит отметить, что оно исправляет неточность, допущенную в одной из основополагающих публикаций по истории литературы начала века. Комментируя фрагмент из письма Миншловой к Андрею Белому от 13 апреля 1910 года, к фразе: «Помните, что я Вам говорила, когда Вы меня провожали из Бобровки, ночью?» — составители сделали примечание: «...эпизод, возможно, относится к лету 1909 г.»¹⁸⁴. На самом деле относится он к весне 1910 года.

Бобровка

7.IV.1910

Милый, любимый мой Вячеслав, пишу Вам уже из Бобровки. Я здесь два дня уже — и чувствую себя *так* отдохнувшей и счастливой, точно я и не уставала никогда — завтра в ночь я уеду отсюда. Но, мне кажется, я никогда в жизни не чувствовала себя так свободной и счастливой, как здесь — — Совершенно пустой дом, старинный, где каждая вещь имеет *свою*, личную жизнь и биографию, и потому не касается *никого* и *ничего* — — — письменные столы, где сохранились яркие, четкие оттиски страдания и порывов 50-х годов 19-го столетия — зеркала, помертвевшие от несправедливого страдания <шкафы?>¹⁸⁵ где задавлены какие-то стиснутые вопли — — —

— Этот дом — дивно прекрасен — — и в нем, здесь я встретила *только* тех, кого я люблю, кто близок и дорог мне — — — *Все* как-то странно соединилось в прекрасный, зачарованный круг — здесь я встретила *только* А. Белого, Петровского, Сизова — — — — Я встретила *только* помощь, поддержку и силу, за которые не знаю слов, чтобы благодарить их всех — завтра я еду (через Москву, т. к. этот путь менее сложен и труден, чем прямо отсюда, через *Ржев* в Петербург) — —

Думаю быть в Петербурге в Верное Воскресенье, 11-го Апреля утром —

— Радуюсь увидеть Вас и люблю Вас бесконечно. А. Р. М.

Милый Вячеслав, посылаю Тебе привет из Бобровки.

Здесь мы часто говорим о Тебе. Христос с Тобой. Посылаю Тебе улыбку. С нами Анна Рудольфовна; с ней радостно и хорошо.

Любящий Тебя крепко

Борис Бугаев.

Милый Вячеслав Иванович. Соперничать с А. Р., и Б. Н. я мог бы, пожалуй, только молчанием — и ему передаю свое слово. Да будет оно красноречиво.

Любящий Вас А. Петровский.

Милый Вячеслав, все мы Тебя целуем. Анна Рудольфовна здесь и весела. Всем Твоим привет. Любящий Тебя нежно

Б. Бугаев¹⁸⁶.

Как известно, в эти дни Иванов читал в «Обществе ревнителей художественного слова» свой доклад (вариант того же, что и в Москве), после чего последовало обсуждение, а потом и доклад Блока «О современном состоянии русского символизма». У нас есть основания предполагать, что Миншлова оказала известное воздействие на этот существеннейший для истории русского символизма эпизод¹⁸⁷. Во всяком случае, она восторженно говорила о речи Блока как в уже упомянутом письме к Белому от 13 апреля, так и позднее, в письме к Иванову от 6 июля¹⁸⁸. Казалось бы, для Миншловой наступил момент триумфа.

Однако, как это часто бывает, триумф обернулся трагедией.

Нам неизвестно письмо Андрея Белого к Миншловой, о котором он вспоминал: «Тогда я послал в Петербург свой решительный очень отказ: этим рушился «треугольник» с Ивановым; рушилась «сказка». Но я полагал: чем скорее конец этой «сказке», — нам лучше»¹⁸⁹. Неизвестно даже, когда точно это было. А. В. Лавров относит это событие к маю¹⁹⁰, но можно полагать, что на самом деле это случилось в последние дни апреля, ибо уже 5 мая из Або (Турку) Миншлова рассказывала Иванову о своем впечатлении от этого письма. Скорее всего, она получила письмо в Петербурге не ранее 2 мая, что даже при тогдашних скоростях означало отправление его из Москвы 1 мая или 30 апреля. Но еще до этого она поссорилась и с Ивановым, которому в панике писала (видимо, 15 апреля): «Любимый мой, дорогой, я не могла и не могу уснуть после Ваших слов — — Я их встретила очень спокойно — — и странно замерло во мне *все*, замолкли горные, светлые ручьи от этих тяжелых слов, — — упавших, как железная занавесь, как медный ковер — — на нас — —

Но теперь, сейчас, я встаю против Вас, Вячеслав любимый! Я знаю, *что* я должна сказать Вам, хотя руки мои измучены и ослабели до конца, и не в силах почти поддержать письмо это — —

Выражаю сейчас очень смутно и туманно — — — мой яркий, безумный протест, бешеный и иступленный, как *никогда* еще, не ощущала я в себе — —

— Против сведения Великих тайн Неведомой Святыни — — — к системе канализации и к Ватер-Клозетным устоям — — — — <...>

Я не хочу, не могу принять «губку», стирающую какие-то «скверны» — — — —

Впитывать в себя — — — быть каким-то дряблым — «Pipi-fax» —

— — — Что же явилось итогом Вашего пути, отделившегося от меня через разные условия?! — — *Это* — — *если*¹⁹¹ это — — т. е. устройство «канализации» через себя, через Вас, который был всегда *Богом* — — —

— Тогда.... Вячеслав, я протестую. Я уйду, сбегу, не знаю сама, что я сделаю сейчас — но несомненно одно — Я *не могу*, не должна принимать на себя то, что я хотела сначала — — — <...>

Ведь гимназист 5-го класса, который женится на проститутке, «впитывая» — — ее грехи и позор — — *не может* быть во главе движения, где горит Роза и + — — — —

— — Быть «фильтром», через который просачиваются чужие мерзости и похоти — — — Вячеслав, если Вы выберете *такую* деятельность Water-Closet'ную — — — тогда я скорее застрелюсь или отравлюсь, чем буду с Вами, любоваться на — — —

Нет, нет, нет — — —»¹⁹².

У нас нет точных сведений о том, что именно Иванов говорил, поскольку Минцлова могла его понять совершенно превратно, но степень ее разочарованности совершенно очевидна.

А ведь всего за два дня до этого, 13 апреля, она писала Белому письмо совершенно идиллическое, о котором мы уже упоминали ранее. В связи с тем, что оно имеет достаточно важный смысл в контексте всего развития русского символизма, его необходимо процитировать в большем объеме, чем это было сделано в блоковском томе «Литературного наследства»: «Относительно нашего «союза» — мне начинает казаться теперь, что, быть может, лучше будет отложить это до осени (хотя В<ячеслав> и согласился очень охотно и радостно захватить в Москву по дороге за границу и там увидеть всех братьев своих). В<ячеслав> сейчас еще не знает, быть может, он останется всю зиму будущую в Италии, в Риме, с Верой — — И тогда, значит, вступит в активную деятельность — Москва, во главе которой — Вы, конечно, Андрей Белый!

Все теперь налаживается очень гармонично в каких-то далеких, подземных слоях Земли — — А как *первый* призыв, первый удар «Великого Колокола» — я ставлю сейчас *всем* близким и самым тесно-ближайшим мне — следующее *требование*: *E.S.*

В течение 3. месяцев, от 25 Апреля этого — — пусть *молчание* будет среди близких, среди нас всех — о *всякой мистике*, о *всем*, что касается глубин мистицизма, — о *всех словах, знаках* мистических — — — Даже в *интимных* кругах пусть не говорится о мистике — — (с 25 Апреля) — — только человек *один*, наедине с собой, *да говорит об этом* — — — Андрей Белый, Вы ведь понимаете меня, да? Мне трудно говорить об этом — — но *это* — должно быть сказано сейчас —

— А теперь еще одно к Вам сообщение — — Вы знаете ли, что В<ячеслав> по возвращении из Москвы сделал *сообщение* в «Акаде-

мии», о своем реферате в «Эстетике» Москвы — — — повторил там свою лекцию — — — и это вызвало большой поворот и волнение в Петербурге — — — — на сторону В<ячеслава> встал прежде всего А. Блок. В<ячеслав> мне сегодня прочел его (А. Блока) дивную речь (записанную уже и закрепленную) в ответ на сообщение В<ячеслава> — — — И в этой речи Блок *всецело* присоединяется к В<ячеславу> — — упоминает об А. Белом в выражениях, дающих ясное указание его *несомненного* отношения к Вам, внутреннего (помните, *что* я Вам говорила, когда Вы меня провожали из Бобровки ночью?) — — — И на желание В<ячеслава> — — чтобы были напечатаны — его речь (т. е. Вяч<слава>) — — речь Блока и речь А. Белого (в «Эстетике»), вместе, — Блок заявил, что он «ничего против этого не имеет» — — —¹⁹³.

Из этого письма очевидно: Минцлова почувствовала, что в этом несколькодневном собрании с обсуждением двух докладов таилось нечто важное, на что мы ныне смотрим прежде всего с точки зрения эволюции символизма, но что для носителей эзотерического знания имело, вероятно, и иной, более высокий смысл, сопрягающий литературу и оккультизм в некое почти нерасчленимое целое.

Но с конца апреля, после размолвки с Ивановым (которая, хотя и была сравнительно быстро исчерпана, все же оставила глубокий след в ее душе), истерические поступки, метания и географические перемещения Минцловой становятся еще более непредсказуемыми. Белый писал о том, что в последние месяцы она производила на него впечатление человека с явными психическими отклонениями. Может быть, и так: у нее всегда было непросто отделить правду от вымысла, а тут — тем более. Она мчится в Або, потом получает указание (тоже из Финляндии) отправляться на покаяние куда-то в Пермскую губернию, под известную читателям Мандельштама Чердынь. Но по дороге ее перехватывает посланник «братьев» и через Архангельск везет в Соловки, где она проводит несколько дней в молчании и покаянии.

Трудно сказать, было это иллюзией или нет, но 25 мая, после возвращения из Соловков, она пишет Иванову из Москвы: «Прежде всего о Б. Н. <...> он не видел меня, т. к. в день моего приезда он уехал с матерью на дачу к Танеевым возле Клина <...> Петровский говорит, что, получив мое письмо, Б. Н. очень радовался и несколько утих. Б. Н. не считает, что он «ушел» от «дела»; он был у Наташи Тургеневой перед отъездом и там ей жаловался на меня, на то, что я все время отдаю «Петербургу» и т. д. Наташа тогда спрашивает его: «Значит, Б. Н., Вы подаете в отставку?» Б. Н. востропнул и начал с жаром говорить о том, что «никогда, нет, нет!» Что он отходит на время, что он *навсегда* со мной и что он только «добродушно ворчит» на меня — — и вообще, по отзывам всех, он считает себя — *со всеми* нами и не отошедшим нисколько — — При этом у него огромное раздраже-

ние против «Запада» — «Россия», по всем ресторанам — — — Раздражен он сейчас против *всех*, говорят — — — и против Меттнера, и против Эллиса, но бегают и от Рачинского, «ласков, но притворен» с Петровским и Сизовым — — Вообще огромный мятеж в душе его. Да будет мир с ним! Большая жалость и нежность к нему у меня сейчас.

Теперь о других. Киселев, Петровский, Меттнеры — глубоко верны, бесстрашны, тверды и не отступят никогда. Рачинский — *тоже*, хотя у него сказывается иногда просто физическая слабость и, увы! старость. Но он поразителен... Мой разговор с ним оставил громадный след на мне — — —

Об этом потом —

Сизов и Нилендер — очень тверды, строги и корректны — — —

Словом, сейчас восстание лишь у Б. Н. и у Эллиса (которого я еще не видела).

Я всем им теперь *сказала* то, что хотела написать в письме к Петровскому (Вы мне тогда помешали): По поводу Вас, т. е. что я — с Вами, и Вы мне — самый близкий. Сказала это, конечно, с гораздо большей резкостью и страстностью, чем могла бы написать — — — и должна сказать, что встретила здесь — самое глубокое и благоговейное отношение к этому. Это заявление уже ритуальное было, и принято с ритуальной строгостью и благоговением —»¹⁹⁴.

Вернувшись в Петербург, она узнает, что Евгения Антоновна Герцык, мачеха поэтессы Аделаиды и мемуаристки Евгении, тяжело больна у себя в Судаче, и кидается ей на помощь. Та остается в живых; из-за тяжелой обстановки, вызванной давнишними расхождениями с младшим поколением Герцык¹⁹⁵, Миншлова возвращается назад, и тут ее загадочная биография обретает свое неокончательное завершение.

Хорошо известно, как описывал ее «уход» Бердяев: вышла в Москве на Кузнецкий мост, распросалась с подругой — и больше никто ее не видел¹⁹⁶. Легенда эта явно сочинена им самим и основывается на давней неприязни к Миншловой, замаскированной внешне вполне лояльными отношениями. Дело в том, что Бердяев почти наверняка знал, что могло с нею произойти. Впрочем, передадим слово самой Миншловой, повествовавшей Иванову. «...есть иной еще неумолимый закон, требующий, чтобы Вам, первому, я сказала о том, что именно сейчас, здесь, в этой глухой, далекой станции я *обязана* сказать Вам, Вячеслав, мой любимый.

Вячеслав, дорогой, уже эти последние дни все я чувствовала себя «уходящей», вернее, я чувствовала руки, «уводящие» меня с любовью и строгостью большой от Земли — Но не было последнего, решающего слова, и я все думала, что это — минует меня опять — — —

Теперь же в вагоне от Феодосии — — я получила знак *последний*, великий. Я знаю, что в течение нескольких дней я должна уйти туда, где мое настоящее место — — т. к. в мире живых я не сумела жить, — только являюсь каким-то «соблазном» и смущением для всех — — —

Среди «умерших» же — — каждое движение мое, и мысль, и слово, и жест — — верные, и светлые, и дающие — — —

Вячеслав, я теперь *должна* уйти..... И сейчас у меня только свет, спокойствие и *радость* от этой вести, которая пришла так внезапно, и сразу охватило меня несказанное счастье — — <...>

Я хочу заехать сейчас к Бердяеву и одни сутки пробыть с ним и у него.... Я смогу написать Вам оттуда и немного сосредоточиться, в вагоне я не буду в состоянии написать Вам, и я хотела бы, чтобы кто-нибудь из близких Вам людей еще увидел меня *после* этой ночи — — —»¹⁹⁷.

В следующем письме сообщается, что у Бердяевых она была, и посещение ей «дало большую силу и спокойствие», но одновременно она получила и новое подтверждение «той вести, о которой я Вам написала уже в последнем письме моем. Я должна умереть. Я должна еще раз, в 3-й раз услышать этот призыв, и тогда моей руки коснется Ведущий, Благословенный —

Я полна тишины и радости теперь, нет ни минуты волнения или возбуждения».

И тут же, в продолжении, описывается предполагаемый предсмертный путь: «Завтра буду в Москве и *как только* возьму паспорт, я еду прямо в Ассизи, чтобы увидеть Вас. Надеюсь, что это сбудется, что я успею доехать. Остановка у Бердяева и то, что я могла с ним говорить, очень поддержало мои силы, и равновесие не было нарушено, как я испугалась было в момент первый, в Джанкое — — Теперь я спокойна. Да будет воля Господня!»¹⁹⁸

Трудно предположить, что Бердяев не знал о тех переменах, которые произошли в жизни Минцловой. Хотя, конечно, с ним могла произойти та же история, что и с Белым, которого Минцлова застала в Москве и с которым имела продолжительные беседы. В берлинской редакции «Начала века» он так о них рассказывает: «О фактах могу рассказать я не много конкретного: но поверить им трудно, как и всему, что ее окружало; она рассказала, что «*миссия*», ей-де порученная, не исполнена ею, ее «*миссия*» провалилась; ее неустойчивость и болезненность вместе с растущей атмосферой недоверия к ней среди нас расшатали все «светлое дело» каких-то неведомых благодетелей человечества, за нею стоявших; меж тем: дала слово она («*им*» дала), что возникнет среди нас братство Духа: неисполнение слова, де, падает на нее очень тяжело; ее удаляют «*они*» навсегда от людей и общений, которые протянулись меж нею, она исчезнет-де с нашего горизонта: и — навсегда с этих дней уж ее не увидит никто, и она умоляет нас всех; эти годы ближайшие строго молчать о причинах ее окончательного исчезновения. Я так и не понял, что, собственно, означает исчезновение это: исчезновение — «*куда*»? В монастырь, в плен, в чужие страны? Или же — исчезновение из жизни? Но что-то подсказало, что на этот раз этот бред не есть «*миф*» ее и что мы *никогда* не увидим ее <...>

В совершенно болезненном состоянии передавала она, почему «они» (кто?) порешили «убрать» ее, и что она, исчезая, просит нас быть верными «свету». Что «кто-то» (по-видимому, бессердечно ее убирающий) — нас не забудет; внешний знак — «бегство» от нас, переезд в Петербург, откуда исчезнет она. Каждый день до отъезда бывал у нее и выслушивал совершенно бредовые речи, не понимая их смысла; и не имел возможности ей перечить; я думал, что Минцлова появилась на пороге значительных двух эпох моей жизни и жизни моих близких, «исчезновение» ее глубоко взволновало»¹⁹⁹.

Невнятные речи Минцловой воспринимались вполне неотчетливо, и никакого более или менее строгого осознания того, к чему она готовилась, не могло быть. Но сама она, судя по всему, упорно продолжала держаться первоначальной версии, сообщая Иванову в последнем из дошедших до нас писем (и, очевидно, вообще последнем из написанных ею): «Произошло неожиданное, невероятное почти. Андрей Белый приехал как раз в то мгновение, когда был установлен и решен мой уход — — и при свидании первом с ним — — — Я Вам все это уже рассказывала, все мгновения этой тяжелой недели я передала Вам, любимый, первенец мой ненаглядный и дорогой бесконечно — — — Да... я поняла сразу, что все, что было, что встало между мной и Белым за лето — — это лишь пыль и прах, который рассеялся без остатка при первой встрече нашей — — Не то чтобы я забыла что-либо — — — нет, нет, я не забываю, не имею права забывать ничего — — но Андрей Белый сам, сразу, тотчас же, изгладил все, что было, это его активная сила и любовь развеяли все, что было смутного — — в одно мгновение все встало вновь, возрожденное в еще небывалом свете и красоте — — —

Я в каждом письме моем к Вам говорю об этом чуде свершившемся, и не могу сказать его до конца, но ведь Вы, любимый, понимаете все, не правда ли? Эта неделя — прошла как великая песнь жизни. Я Вам писала все, все — — — и об этом дне Успения Богородицы (15/28 Авг<уста>), который явился великим днем моего последнего успокоения и радости — — Я Вам писала в этот день, это было мое последнее письмо к Вам из Москвы, Вячеслав.

Все эти ночи звонили колокола в Москве — Я услышала «Великий Колокол», Вячеслав — — Вы знаете ли, что ведь после Успения 3. дня и ночи Богородицы проходят так же, как страстная неделя Христова — — от 15/28 — 18/31 Августа — у Богородицы была и Гефсиманская ночь, и Смерть, и Страстные Дни — — — но это все после дня Смерти Ее, после Успения — — тогда как у Сына Ее — это предварило Смерть — — — — «Тайна сия велика есть» — »²⁰⁰.

* 17 августа она уехала из Москвы в Петербург, причем обстоятельства отъезда описываются также несколько по-разному. У Белого: «Мне запомнился день, когда я и Сизов провожали ее на вокзал с очень диким сознанием, что ее никогда не увидим, и без всякого по-

нимания поведения ее; она же стояла в своей черной кофточке на площадке вагона, перепоясавшись саквояжем; и — улыбалась значительно; и махала рукою, когда поезд тронулся; и — опустела платформа: последний вагон убежал, умаялся до точки, и исчез: так исчезла она — навсегда:

Мы ее никогда не видели с тех пор: и — никто не видал»²⁰¹.

Сама же она называла иной состав провожающих (и Белый не мог не знать его): «Вчера меня проводили из Москвы — А. Белый, Сизов, Эллис, Нилендер и Марг<арита> Ал<ексеевна Сабашникова>, которая сделала мне бесконечно многое за это время — Она записала за мной этот курс «Духовных Иерархий», который явился действительно какой-то поэмой вдохновенной, т. к. *все*, что там осталось, была *только* одна обнаженная до конца правда, все «добавления» Штейнера были отброшены прочь — —»²⁰². Почему Белый не упомянул Эллиса и Нилендера (да и мать Сабашниковой он наверняка знал!)? Только ли для драматизации повествования? Или за этим кроются какие-то иные причины? У нас пока нет ответа.

Но с тех пор Минцлову действительно никто не видел живой или, по крайней мере, не оставил об этом никаких свидетельств. «...говорили то, что она скрылась на Западе, в католическом монастыре, связанном с розенкрейцерами; то, что она покончила с собой, потому что была осуждена Штейнером за плохое исполнение его поручений»²⁰³. Или так: «Лишь ходили страннейшие шепоты, что-де бросилась в волны она Атлантического океана, что-де живет она в монастыре иезуитов (и называли мне город в Италии, где ее будто видели). Верных сведений — не было»²⁰⁴.

А что — было?

Среди бумаг Э. К. Метнера сохранилась не очень понятная запись вполне невнятных, не приведенных хоть в какую-то систему высказываний Минцловой, сделанная в январе 1911 года²⁰⁵. Не можем настаивать безоговорочно, но похоже, что это — отрывок какого-то подготовительного материала для создания книги, подобной изданию материалов Анны Николаевны Шмидт, которую в свое время знали и Метнер, и Белый. Но книга такая не состоялась; возможно, в первую очередь потому, что возвращения Минцловой ждали.

Белый рассказывал: «Но все еще думали мы, что слова об исчезновении — миф; Метнер очень заинтересовался тем фактом, что Минцлова, уезжая, дала мне кольцо свое; и — сказала:

— Когда к вам придет человек, произнеся текст (такой-то), вы вынете кольцо и ответите ему тестом (таким-то); и после того он откроется вам, объяснивши, что он — розенкрейцер; то — будет чрез год, в то <же> время или — в сентябре. И тогда, если вы захотите, вы можете говорить о «*пути посвящения*» с ним»²⁰⁶ (версия эта повторена и в «Материале к биографии», где дата грядущего свидания точно отнесена к сентябрю 1911 года²⁰⁷). Через год ничего подобного не

произошло, но А. А. Тургенева вспоминала: «Приблизительно в 1915 году у Бугаева была странная встреча в Соборе в Лозанне. После краткого разговора с пожилым, незнакомым ему господином, этот последний вынул из кармана книжку и торжественно прочел те самые «опознавательные» места из Евангелия, о которых некогда говорила ему Миншлова. Затем он попрощался и ушел»²⁰⁸.

Но это уже было совсем другое время, когда о Миншловой вспоминалось уже только с большого временного расстояния, и память постепенно начинала ослабевать.

Еще в 1915 г. Н. А. Бердяев в письме к Вяч. Иванову говорил: «...тайна Вашей творческой природы в том, что Вы можете раскрываться и творить лишь через женщину, через женскую прививку, через женщину-пробудителя. <...> Ваша необычайная творческая одаренность цвела и раскрывалась под воздействием сначала жизни Лидии Дмитриевны, а потом ее смерти. А в Ваших оккультных исканиях для Вас имела огромное значение Анна Рудольфовна»²⁰⁹. В связи с тем, какое значение Бердяев придавал оккультизму Иванова²¹⁰, очевидна и оценка им той роли, которую имела Миншлова для становления Иванова как мыслителя. Но в «Самопознании» эта роль оказалась явно отодвинутой на задний план.

Сходным образом действовал и Белый. По берлинскому «Началу века» отчетливо видно, как он, начавши с реставрации действительных своих переживаний, связанных с Миншловой, постепенно все более и более переосмысливает случившееся и начинает все более и более строго судить ее, внося даже некоторые политические характеристики в описание ее «сказок». Видимо, рассказ о Миншловой в поздних воспоминаниях связан не только с переменой обстановки в России, с цензурными трудностями и пр., но и с той эволюцией, которую претерпевал ее образ в собственном сознании Белого при воспоминании о прошедшем.

Но ретроспектива — это одно, а реальная (пусть и фантастическая) действительность — совсем другое. Смеем думать, что все изложенное нами отчетливо показывает, насколько многие русские писатели — преимущественно символисты — были зачарованы личностью и проповедями Миншловой, как бурно реагировали на них, и что следы присутствия Миншловой в их произведениях поддаются реальному анализу.

Приведем только самые элементарные сведения, почти не расшифровывая их.

Так, в декабре 1911 года М. Волошин написал стихотворение, обращенное к Миншловой (характерно и место его написания — Париж, где чаще всего проходило первоначальное общение Волошина и Миншловой):

Безумья и огня венец
Над ней горел.

И пламень муки,
 И ясновидящие руки,
 И глаз невидящий свинец,
 Лицо готической сивиллы,
 И строгость щек, и тяжесть век,
 Шагов ее неровный бег —
 Все было полно вещей силы.
 Ее несвязные слова,
 Ночным мерцающие светом,
 Звучали зовом и ответом.
 Таинственная синева
 Ее отметила средь живших...
 ...И к ней бежал с надеждой я
 От снов дремучих бытия,
 Меня отвсюду обступивших.²¹¹

Мы уже говорили, что влияние медитаций, продиктованных Минцловой, отразилось в лирике М. Кузмина, а позже в окарикатуренном виде он изобразил саму даровательницу видений в 1908 году в повести «Двойной наперсник» и в 1912-м — в повести (или романе) «Покойница в доме». Трудно представить себе, чтобы постоянно посещавший Иванова в 1909—1910 годах Гумилев не сталкивался и не вступал в беседы с Минцловой. При его известной чуткости к оккультным темам (в том числе и в это время) такое знакомство было почти неизбежным, а стало быть, и в стихах его могут найтись отражения ее высказываний. Недавние разыскания показали, что интерес к оккультному был не вовсе чужд А. Н. Толстому²¹², что заставляет вспомнить и о нем как об усердном посетителе «башни» и, совсем не исключено, также слушателе Минцловой. Видимо, нуждается в тщательном просмотре с этой точки зрения и поэзия К. Бальмонта. Нельзя исключить, что Волошин передавал свои впечатления от Минцловой Е. И. Дмитриевой, будущей Черубине де Габриак (вообще эзотерическая основа ее лирики пока что не стала предметом сколько-нибудь серьезного внимания исследователей, хотя сама она не раз упоминала о своих оккультных интересах).

Белый утверждает, что цикл Вяч.Иванова «Rosarium» из книги «Cor ardens», а отчасти и вся эта книга возникли под влиянием разговоров Минцловой: «...кстати сказать, весь «Rosarium», полный крестами и розами, есть отражение Минцловой, многие строчки и многие истины книги — транскрипция слов А. Р. Минцловой; то же во многом в «Cor ardens»: горящее сердце и вся диалектика «с е р д ц е — с о л н ц е» — лирическая импровизация Минцловой, в свою очередь весьма-таки черпавшей из учения Штейнера, ей отвергаемого. Многие мысли статей Вячеслава Иванова суть модуляции тем, обсуждавшихся с Минцловой. Должен сказать, что ко многому в стихотворе-

нях «Rosagium'a» в ту пору отнесся с опаскою я, отвергая отчетливый эротический привкус, вносимый Ивановым в мистику...»²¹³ Тот же Белый говорил и о том, что не исключает какого-то влияния личности и проповеди Минцловой на Блока²¹⁴.

Но влияние ее было ограничено прежде всего влиянием личности, поскольку никаких текстов практически не сохранялось. Правда, даже ее переводы, видимо, были отмечены неким особым знаком. Во всяком случае, мать Белого, сообщая ему о своих занятиях в оккультном кружке, писала: «Кружок я посещаю каждую пятницу, и Борис Павлович Григоров мне ужасно нравится. Такой умный, тактичный и выдержанный. Слушаю внимательно, но не могу сказать, чтобы все мне было ясно. Мы проходим Θεософию в переводе Минцловой <так!>, и каждая глава читается и просматривается внимательно. Мы все предлагаем вопросы, когда что-нибудь непонятно, после прочтенной Бор. Пав. главы»²¹⁵.

Однако такое личностное влияние развеивалось достаточно быстро, и Минцлова оставалась в памяти лишь сравнительно немногих ее знавших. Постепенно имя ее пропадает. Характерно, что в сборниках «Оккультизм и Йога», вышедших в эмиграции с середины тридцатых годов, имя это, кажется, не упоминается ни разу, хотя традиции русского оккультизма там поддерживались весьма старательно. Не менее характерно, что близко ее знавшая и высоко ценившая Е. А. Бальмонт практически не касается личности Минцловой в своих воспоминаниях, о чем следует очень пожалеть, поскольку сведениями о ее контактах с Бальмонтом мы ныне почти не обладаем.

И лишь в последнее время имя Минцловой стало упоминаться в печати, появились работы Марии Карлсон, Джона Малмстада, Майкла Вахтеля, Магнуса Юнггрена, Даниэлы Рицци, Александра Вадимова, Владимира Купченко²¹⁶, где в кратких очерках восстанавливается ее роль в биографии Белого, Иванова, Э. Метнера, Бердяева, Волошина. Но думается, что представленные материалы позволяют говорить о Минцловой как о катализаторе очень многих существенных особенностей русского символизма конца 1900-х годов.

P. S. В заглавие нашей работы вынесено двойное имя Anna-Rudolph. По несколько раз повторенным словам Минцловой, так называл ее в письмах Р. Штейнер, и определение это было для нее символическим. Наверное, мы не можем себе представить во всей полноте оккультных обертонов, что значит оно, но хотя бы первые предположения сделать можно.

Анна — не только потому, что, по слову поэта, «имя Анна значит благодать», но и, видимо, потому, что Анной звали мать Богородицы. В сохранившихся отрывочных листках из чрезвычайно многочисленных писем к Вяч. Иванову января 1908 года, когда он, напомним, проходит «путь посвящения» под духовным руководством Минц-

ловой, она говорит ему: «Я приду к тебе, в храм твой, в день, когда Анна встретила, *увидела* Христа, только что родившегося в мир. «Ныне отпускаеши рабу Твою» — — — Любимый, я боготворю Вас, я радуюсь, я счастлива — — Я кончаю писать. Ослепительный свет заливает комнату и глаза мои — —»²¹⁷.

Вторая же часть этого именованя — Рудольф — прежде всего имя Штейнера, связанного с Минцловой долгими годами знакомства. Об этом говорит следующий фрагмент из письма ее к Иванову: «Сегодня я получила очень большое письмо от Штейнера. Ответа прямого на прямой и честный вопрос мой — не было, нет в письме. Вначале — привет и поклон мне, торжественный. Затем несколько *очень* ценных указаний для меня лично, в известных областях. Потом — слова о том, что я (Anna и Rudolph) делаю, считаю нужным и возможным сделать на земле — все это приемлемо, законно и верно, т. к. я имею *право* делать все, что я делаю, на свой личный риск и ответственность; и это его, Шт<ейнера>, не касается, как не касается его, например, то, что происходит сейчас в других оккультных общинах и союзах — Что единственное требование, которое он как Учитель Мипог предъявляет ко мне — это чтобы я не расточила сил физических своих, которые у меня до последней степени хрупки и нежны. Что я должна помнить, что радость и счастье с особенной разрушительной силой действуют на меня — — Затем несколько очень сильных, метких строк об организации русского теософического общества — — несколько горячих, глубоких слов, обращенных ко мне лично — и его подпись, причем меня поразило изменение его обращения ко мне в конце письма — он подписал это письмо как равный к равному, хотя я в своем письме обращалась к нему все время как к учителю — —»²¹⁸. Но в то же время — это имя почитаемого среди алхимиков и оккультистов императора Рудольфа II. Таким образом, за спиной Минцловой вырисовываются тени ее великих современников и предшественников, следовать которым она старалась. И пусть старания эти по большей части оказывались откровенным шарлатанством и обманом, сама ее личность породила события, мифы, образы, тексты, становившиеся во многом зиждательными для русской литературы.

СТАТЬИ

ГУМИЛЕВ И ОККУЛЬТИЗМ

Проблема связи Гумилева с разного рода мистическими учениями современной ему эпохи — проблема совершенно очевидная, зафиксированная в многочисленных документах и наблюдениях. Даже традиция более или менее научных текстов достаточно давняя и восходит к статье И. Н. Голенищева-Кутузова «Мистическое начало в поэзии Гумилева»¹, в восьмидесятые годы эта тема разрабатывалась Раулем Эшельманом, Майклом Баскером, Элен Русинко и другими исследователями². Мы не будем в настоящей работе говорить о том, как мистические учения влияли на мировоззрение Гумилева в общем, а попробуем показать на конкретных примерах, как проявлялось его знакомство с некоторыми эзотерическими доктринами.

Было бы самонадеянным с нашей стороны претендовать на создание хоть сколько-нибудь полной картины. Литература «оккультного возрождения» чрезвычайно обширна, издана на разных языках, но далеко не всегда доступна. Непосредственный круг чтения Гумилева восстановить, по-видимому, невозможно, поэтому отдельные наблюдения могут быть или недостаточными, или же восходить совсем к иным источникам, нежели те, что указаны нами.

Дело в том, что сама по себе оккультная традиция обладает рядом свойств, которые не могут быть упущены из виду, поскольку являются конститутивным принципом, определяющим всю структуру этого знания.

Вследствие долгой передачи из уст в уста, в самой традиции образовались, во-первых, лакуны, а во-вторых — противоречия, не имеющие удовлетворительного объяснения. Таким образом, все без исключения тексты, сколь бы близки они друг к другу ни были, находятся в отношении лишь частичной логической последовательности.

ти, осложненной вдобавок нарочитой зашифрованностью. Сами авторы современных (т. е. относящихся не к собственно «древней мудрости», а к ее истолкованию в новейшее время, приблизительно со второй половины XIX века) пособий по оккультизму во всех его разновидностях, в том числе и наиболее почитаемых, вынуждены констатировать заведомую фрагментарность своих знаний. Так, Е. П. Блаватская писала: «Египетские жрецы забыли многое, но они ничего не изменили. Утрата большей части первоначального учения явилась следствием внезапных смертей некоторых великих Иерофантов <...> Все, что евреи заимствовали из Египта через Моисея и других Посвященных, было достаточно запутано и искажено в позднейшие времена; но то, что получила от тех и других наша церковь, еще более искажено и ложно истолковано»³ и т. д.

Еще в большей степени это относилось к современному Гумилеву оккультизму, делившемуся на громадное число школ и частных «наук», среди которых были как вполне традиционные, типа магии (как белой, так и черной), алхимии, истории тайных обществ и пр., так и достаточно новые, как вегетарианство и вообще наука о правильном питании, гомеопатия, йога и т. д. Вряд ли можно полагать, что многие современники, в том числе и Гумилев, владели системой оккультных знаний во всем ее объеме, если такая система вообще существовала. Во всем дальнейшем изложении мы исходим из предположения, что им использовались лишь отдельные положения довольно разнообразных теорий, складывавшиеся в собственную поэтическую мифологию, безусловно связанную с оккультным знанием, но свободно использовавшую отдельные его фрагменты, не очень следя за всей логикой того или иного построения кого-либо из адептов. В настоящее время известны лишь сравнительно немногие имена тех авторов из интересующего нас круга, книги которых Гумилев знал (прежде всего Папюс и Элифас Леви), однако мы полагаем, что при своей начитанности и явной заинтересованности в данной сфере он наверняка был в той или иной степени знаком если не прямо с произведениями главнейших, наиболее известных деятелей оккультизма, как русского, так и иностранного, то с распространившимися в самых широких кругах изложениями их теорий.

При дальнейших суждениях о связях творчества Гумилева с интересующим нас направлением важно отметить одну особенность, представляющуюся нам принципиальной. Бесплезно искать в его произведениях дотошного воспроизведения того или иного сюжета, следования мысли какого-либо автора или исторической истине. Известный спор между Гумилевым и Вяч. Ивановым по поводу «Блудного сына» обнажил принципиально разный подход двух поэтов к текстам-предшественникам. Если для Иванова, по справедливому суждению С. С. Аверинцева, слово было важно во всей полноте его смысла, соотносилось не только с соположенными словами, но

и со всем мыслимым контекстом языка, истории, культуры⁴, то Гумилев постоянно нарушал историческую истину, художественную логику, внутренние связи тех текстов, которые использовал для создания своих собственных. Для него был гораздо важнее тот смысл, который он хотел вложить в свое произведение, чем возможность безусловного и полного наложения его на упоминаемые и подразумеваемые реалии и тексты.

Все это имеет самое прямое отношение к вопросу о связях Гумилева с оккультизмом.

Начать хотелось бы не прямо с эзотерических или квазиэзотерических текстов, а с гораздо более очевидного, но, однако, до сих пор не попадавшего в поле зрения исследователей. Речь идет о творчестве Генри Райдера Хаггарда, которое Гумилев, безусловно, знал с самого детства и помнил достаточно прочно. Об этом свидетельствует, в частности, не очень заметный, но показательный факт: в стихотворении «Экваториальный лес», одном из наиболее заметных в специфической по своему характеру книге «Шатер», появляется «карлик, мне по пояс» по имени Акка, который считает встреченного путешественника богом и спасает его от своих соплеменников-каннибалов. Трудно сказать, сознательно или нет, но Гумилев заимствовал это имя из романа Хаггарда «Люди тумана» в любопытном соотношении с сюжетом: там имя Ака принадлежит царице-богине, роль которой принимает на себя одна из героинь, тогда как карлик по прозвищу Оттер изображает ее мужа, предстающего также змеем (ср. в тексте Гумилева: «...я голоден, Акка, Излови, если можешь, большую змею!»).

Но, как кажется, значительно серьезней другой факт, также исследователями до сих пор не замеченный⁵. Один из сквозных сюжетов целого ряда романов Хаггарда — поиски неведомой земли в центре Африки (реже — в других частях света), которая таит в себе не просто клады, но сокровенное знание какой-то из предшествующих рас. Знание это может открываться случайно или как результат заранее продуманных действий, но тема присутствует постоянно. Таким образом, введение в поле рассмотрения романов Райдера Хаггарда позволяет увидеть в гумилевском стремлении попасть в глубь африканского континента не только сравнительно поздние наслоения, но и память о прочитанном в детстве.

Особое место здесь, по всей видимости, занимает чрезвычайно популярный в Англии, но сравнительно менее известный в России роман «Она» (тем не менее он издавался в годы юности Гумилева по меньшей мере дважды — в 1902 и 1904 г.). Уже краткое изложение сюжета романа позволяет заметить многие пересечения с биографией Гумилева и тем центральным мифом, который вычленяется в его поэзии: к мирному обитателю Кембриджского университета является его стремительно приближающийся к смерти друг давних лет, завещает приятелю воспитать своего сына и после совершеннолетия

передать ему ряд документов, свидетельствующих о происхождении от египетских жрецов и о загадочном приключении в центре Африки. Когда Лео (приемный сын героя-рассказчика) получает сохранившиеся документы, он решает отправиться в сопровождении своих ближайших друзей-воспитателей в таинственную страну Кор. После ряда приключений они попадают в эту страну и обнаруживают, что во главе ее стоит почитаемая своими подданными богиней женщина по имени Аэша, возраст которой — более двух тысяч лет: она помнит древний Египет, Иудею, ожидания Мессии, знакома с Древней Грецией и Римом... Красота Аэши производит неизгладимое впечатление как на Лео, так и на его воспитателя. А она в свою очередь понимает, что Лео — телесное воплощение ее давнего возлюбленного, египетского жреца, предка Лео. Однако ее попытка сделать Лео столь же бессмертным, как и она сама, заканчивается трагически: она моментально, на глазах, стареет и умирает, перед смертью обещая возродиться в новом телесном облике.

В сюжете и в отдельных фрагментах романа Хаггарда отчетливо видны параллели с гумилевскими текстами, Но для нас в данный момент существеннее всего, что само построение сюжетного архетипа создает картину Африки как континента, где неисследованные области таят в себе не просто богатства, могущие принести славу и почести, но и некие откровения (часто возводимые Хаггардом к погибшей древней культуре) если не явно мистического свойства, то, во всяком случае, явственно выходящие за пределы современного научного знания.

Это явственно сближало поэтическую систему мировосприятия Хаггарда с теориями «окультурного возрождения», обращаясь к которым мы сможем понять причины столь активного стремления Гумилева в Африку. Конечно, немаловажными остаются и побуждения сугубо личные, но, как представляется, существует несколько причин, заставлявших Гумилева стремиться в Африку, и восходят они к оккультным доктринам.

Во-первых, это масонская мифология, предполагавшая в качестве отмеченных для посвященных (особенно посвященных высших степеней) Смирну и Каир, которые Гумилев посетил в первое же свое странствие, вернувшись после этого в Париж. М. Н. Лонгинов в своей известной книге писал: «Все Розенкрейцерство делилось на 9 округов. Четырем высшим степеням назначены были места для конвенций: <...> Каир и Париж; <...> Смирна»⁶.

Во-вторых, согласно концепции доктора Папюса, история человечества предстает как тетрада рас, несущих в себе свет истинной мудрости: лемурийцы, атланты, черные и белые. Так, в одной из своих работ он писал: «Эзотерическая история упоминает о 4-х больших периодах человеческой цивилизации: Лемурийском, Атлантском, Эфиопском и периоде Белых. <...> В тот момент, когда Красные

<Атланты> находились на апогее своего могущества, Черные начали усиливаться и старались распространить свое влияние на соседние территории; тогда как белые едва народились и были расселены маленькими, совершенно неизвестными группами. <...> Исчезающим атлантидам наследуют Эфиопы, распространяя свою власть над миром, тогда как Белые, сильно размножившиеся к тому времени, вскоре с ними сталкиваются в лесах южной Европы. <...> Некоторые белые невольники убежали и, возвратившись к своим, посвящали их в тайны искусства Черных» и т. д.⁷ Доктор Папюс был прежде всего популяризатором и систематизатором, что и дает нам основание предполагать, что такое толкование было вполне распространенным. Знакомство Гумилева с этой схемой вне сомнений. В беседах с П. Н. Лукницким Ахматова засвидетельствовала: «Папюса привез в 7-м году на дачу Шмидта. Мне оставил. Сначала в 6 году написал»⁸. Однако это еще не является свидетельством того, что Гумилев был знаком именно с этими положениями обширной мистической системы Папюса. Неопровержимым доказательством является, на наш взгляд, «Поэма конца», где действует «жрец Лемурии, Морадита», и зафиксированный в печати план поэмы, в котором можно прочесть: «Действие происходит в сказочной Лемурии, предшественнице Атлантиды»⁹. При этом Африка, бывшая континентом, где обитали наследники предшествующих цивилизаций, рассматривалась Папюсом как хранилище важнейших данных о магических корнях современного тайного знания. Для Гумилева, склонного рассматривать историю как неуклонное движение от одного типа цивилизации к другому, должностное привести в конце концов к господству друидов, эта концепция должна была представляться весьма убедительной. В «Поэме конца» — очевидно, в связи с послереволюционными изменениями — эта схема представлена в несколько трансформированном виде: «...в основу его (действия. — Н. Б.) положена концепция автора о последовательной смене четырех классов — творцов (Друидов), воинов, купцов и народа»¹⁰, однако в обычном представлении Гумилева дело должно было обстоять как раз наоборот:

Земля забудет обиды
Всех воинов, всех купцов,
И будут, как встарь, друиды
Учить с высоких холмов.

И будут, как встарь, поэты
Вести сердца к высоте,
Как ангел водит кометы
К неведомой им мете.

Напомним, что возле этих стихов в подаренном ему экземпляре Блок записал: «Тут вся моя политика, сказал мне Гумилев»¹¹.

Возвращаясь к африканским путешествиям Гумилева и к ромнам Хаггарда, отметим, что названный нами роман особо почитался в оккультных кругах. Так, Е. П. Блаватская писала: «Не видел ли также и многообещающий романист Райдер Хаггард пророческого сна или, вернее, ретроспективного сна в глубь прошлого перед тем, как он написал свою книгу «Она»? Его имперский Кор, великий город мертвых, выжившие обитатели которого отплыли к северу <...> в своих общих линиях кажется как бы выступающим из нерушимых страниц древних, архаических рекордов» и т. д.¹²

Третья несомненная причина — судьба Артюра Рембо. Это утверждение могло бы показаться банальностью, если бы не то обстоятельство, что, как убедительно показала американская исследовательница Энид Старки, Рембо был теснейшим образом связан с французским «оккультным возрождением»¹³. Не останавливаясь подробно на ходе ее доказательств, скажем только, что, согласно Старки, отказ Рембо от творчества и его отъезд в Африку были связаны прежде всего с пережитым им разочарованием в своих способностях магически пересоздать мир. Гумилев, очевидно, такого разочарования не пережил и до конца жизни был уверен в том, что поэзия есть одна из форм освобождения тайных сил, заложенных в природе вселенной. Напомним в связи с этим известное описание визита Гумилева, сделанное Зинаидой Гиппиус в письме к В. Я. Брюсову: «Двадцать лет, вид бледно-гнильный, сентенции — старые, как шляпка вдовицы, едущей на Драгомиловское. Нюхает эфир (спохватился!) и говорит, что он один может изменить мир. “До меня были попытки... Будда, Христос... Но неудачные”»¹⁴. Существует и свидетельство Ахматовой, относящееся к более позднему времени: «В 1909 г. АА, провожая Николая Степановича, ездила с ним из... в Одессу (на трамвае). Николай Степанович все спрашивал ее, любит ли она его? АА ответила: «Не люблю, но считаю Вас выдающимся человеком»... Николай Степанович улыбнулся и спросил: “Как Будда или как Магомет?”»¹⁵. Поэтому свидетельству Гиппиус, очевидно, можно доверять, по крайней мере, в той его части, где речь идет об убежденности Гумилева в собственной способности изменить мир. Конечно, на этом пути были возможны частные разочарования, подобное тому, какое он пережил, согласно поздним воспоминаниям Ахматовой: «А путешествия были вообще превыше всего и лекарством от всех недугов («Эзбекские», цитата). И все же и в них он как будто теряет веру (временно, конечно). Сколько раз он говорил мне о той «золотой двери», которая должна открыться перед ним где-то в недрах его блужданий, а когда вернулся в 1913 <году>, признался, что «золотой двери» нет. (См. «Пятистопные» ямбы). Это было страшным ударом для него»¹⁶. Кажется, сама Ахматова не очень оценила вспомнившееся: в ее представлении «золотая дверь» — образная формула целительных перемен, тогда как это — совершенно очевидный оккультный символ.

Не забудем также, что Гумилев перевел прославленный сонет Рембо «Гласные», в котором Э. Старки (как кажется, вполне справедливо) видит зашифрованную алхимическую символику. Неясно, понимал ли это Гумилев вполне отчетливо, но интерес к подобным произведениям вряд ли может быть случайным.

Соединение в одном из основных биографических мифов Гумилева столь различных источников предполагает, естественно, существование и прочих, рассматриваемых авторами, предпочитающими держаться более традиционных концепций¹⁷, но для нас существенно, что и такое понимание его стремления к странствованиям вполне может присутствовать. Не исключено, что среди источников взглядов Гумилева была и запись почитаемого в те годы К. Бальмонта: «Как гласит старое слово: «Русские люди прелестны и падки на волхование». Я считаю это добрым для нас предзнаменованием. Из всех существующих ныне на Земле рас только Славянская находится в действительно-рождающем цикле. Все другие лишь повторяют и продолжают себя односторонне. Впрочем, я говорю лишь о белой и желтой расе. В Черной расе, как в Ночи, скрывается много неожиданностей»¹⁸. Здесь есть по крайней мере два существенных для отношения Гумилева к мистике момента: приписывание именно русским (и славянам вообще) особых оккультных способностей, а также пристальный интерес к черной расе.

Да и создание — пусть и мимолетного — «Геософического общества» очевидным образом намекает на гораздо более важный смысл предполагавшегося в конце 1909-го и начале 1910 г. африканского путешествия. Напомним, что Гумилев уговаривал (и уговорил, но по каким-то причинам предприятие расстроилось) Вяч. Иванова ехать с ним¹⁹ и, вероятно, именно для идеологического обоснования необходимости поездки стал инициатором создания этого общества.

До сих пор в научный оборот была введена лишь запись из дневника М. Кузмина, свидетельствующая о замысле, и мимолетное упоминание об обществе в письме Гумилева к Вяч. Иванову от 5 января 1910 г.²⁰ И в связи со скудостью источников мы считаем резонным привести еще два свидетельства активности «Геософического общества». Первое — недатированное письмо В. К. Шварсалон к брату, С. К. Шварсалону, написанное в конце октября или самом начале ноября (состоявшийся 25 октября обед в честь С. К. Маковского упоминается ею как бывший в прошлое воскресенье): «Из таких второстепенных вещей сначала наше *геософическое* общество, затеянное Гумилевым и кот<орое> пока ни к чему действительному не привело, вследствие неименя матерьяла и не строгому отношению к обществу (а не к идее самого Гумилева).

Потом я соединилась с Дмитриевой, чтобы осуществить то, что очень хотелось сделать, а именно поставить спектакль опять, как в прошлом году. На этот раз мы решили разделить на 2 части 1) дет-

скую и 2) взрослую. Дети будут играть комедию, вероятно, — по-французски, а мы поставим, очень просто, конечно, что-нибудь серьезное»²¹.

Второе свидетельство хотя бы мимолетного существования общества представляет собой упоминавшееся в хронике Е. Е. Степанова стихотворение В. К. Шварсалон:

Н. С. Гумилеву
на добрую память

О ЧУДЕ
(Profession de foi)

В шутливом обороте
без претензий на стихосложенье.

Мой друг поэт! ты ищешь «чудо»
 Через «пустоту».
Мое же чудо, знаю верно,
 Там — наверху.
Идти к нему мне не «скачками»
 Судьба велит
В короткой юбке и с очками
 Английской мисс*
Сжимать скалу гвоздем сапожным**
 И твердо лезть —
Вот мой удел. И где же место
 Здесь «пустоте»?
Ведь горы *снежные* исходят
 Из *недр земных*
Не может глаз себе представить
 О тех горах.
Чтоб они были на две части
 Рассечены
Но на вершинах там «чудесно»
 Все в высоте:
Что в долах мнилось «невозможно» —
 Здесь в *полноте*.

Soeur en Géosophie
V. I. Ch.²²

Безусловно, стихотворение это нуждается в дешифровке, пока что для нас невозможной, но все же очевидна некая претензия на ос-

* Всем известно, что черный костюм в высшей степени антиэстетичен.

** Горные ботинки обыкновенно очень тяжелые и снабжены толстыми гвоздями.

мысление оппозиции «верх — низ», соответствующей другой, более существенной, — «пустота — наполненность». Носителями обеих пар соответствий являются горы и долины, т. е. реальные географические категории, понимаемые как вместилище высшего смысла, неясного из контекста, но явно им приписываемого.

Отметим, что стихотворение это было написано всего через несколько дней после взбудораживших весь литературный Петербург событий — разоблачения тайны Черубины де Габриаек и дуэли между Гумилевым и Волошиным. Неуклюжее стихотворение В. К. Шварсалон, таким образом, включилось в замешенные на мистических основаниях отношения трех поэтов (а если прибавить сюда еще С. Маковского, М. Кузмина и И. фон Гюнтера — то и шести).

От попыток объяснения биографических принципов Гумилева перейдем к анализу собственно творческих его принципов, связанных, как нам думается, с различными изводами оккультизма.

В отличие от Брюсова, также интересовавшегося спиритизмом, оккультизмом, магией, но делавшего это с точки зрения позитивиста по натуре, берущегося подыгрывать то одному, то другому, то третьему, но ни во что не верующего полностью и окончательно, Гумилев уже довольно рано создает себе сакрализованный идейный багаж: в первую очередь это поразившая его воображение книга Ницше: «Так говорил Заратустра». См. в воспоминаниях И. Одоевцевой, часто весьма недостоверных, но в деталях, как правило, точных: «...Гумилев в награду подарил мне своего «Так говорил Заратустра» в сафьяновом переплете. <...> Я поняла, что Ницше имел на него огромное влияние <...> я подмечала, что он сам, не отдавая себе в этом отчета, повторял мысли Ницше»²³. При этом мы можем предположить, что Гумилев воспринимал учение Ницше не как отвлеченную теорию, а как живое поэтическое произведение, в поразительно яркой форме передающее некоторое магическое содержание. Возможность соединения ницшеанства с оккультизмом была довольно очевидной. Одной из заметных попыток такого рода была предпринятая в более позднее время известным в России (а потом знаменитым на Западе) оккультистом П. Д. Успенским. 11 января 1912 г. он прочитал в Петербурге лекцию, которая позднее была опубликована. В ней он писал: «Идеи Ницше совершенно совпадают, даже в формах их выражения, с идеями «оккультизма»²⁴. И далее: «...большую роль играет идея сверхчеловека во всех параллельных символических системах «герметической философии», во всем «западном оккультизме» и в масонских учениях. Вся «магия» основана на идее возможности превратить человека в «мага» или в сверхчеловека. *Колода карт «Таро», рисуя отношения между Богом, человеком и вселенной, в то же время рисует путь от человека (Безумный) к сверхчеловеку — Маг (в старинных Таро — Le Bateleur). С этими системами тесно связаны учения различных мистических школ и отдельных мистиков. Много*

общего с ними имеет мировоззрение Ницше, у которого тоже такое большое место занимал «сверхчеловек», очень близкий по идее к «Посвященному» западного оккультизма»²⁵. Нисколько не настаивая на том, что Успенский отталкивался от тех же идей, что и Гумилев, отметим, что пересечение является достаточно показательным.

Не менее значимы для Гумилева были идеи «оккультного возрождения», которые оказали сильнейшее влияние и на французскую поэзию второй половины девятнадцатого — начала двадцатого века, так что Рембо не был исключением. Так, среди основных источников книги «Фарфоровый павильон» — антология Жюдит Готье, не только дочери почитаемого и переводимого Гумилевым Теофиля Готье, но и известной оккультистки²⁶. Вряд ли Гумилев был настоящим adeptом «тайных наук», но очевидно, что он представлял себе поэзию как производное от магического делания, позволяющее сомкнуть в единое кольцо прошлое и будущее и получить право на управление историей, на свободное перевоплощение души в едином историческом пространстве. И здесь мы вполне можем предположить, что в его сознании идея ницшевского сверхчеловека как высшей точки движения современного сверхчеловечества накладывалась на оккультное представление об исторической эволюции земли и населяющих ее рас, причем славянство могло пониматься как одна из тех, которым принадлежит ближайшее будущее (несколько подробнее см. об этом ниже).

Но при разговоре о параллелях творчества Гумилева с какими-либо иными текстами, будь то произведения Ницше, или масонская мифология, или оккультные тексты, следует внимательно прислушаться к словам Ахматовой, говорившей в несколько другой связи: «...в последние годы Николай Степанович снова испытывает влияние Бодлера, но уже другое, гораздо более тонкое. Если в 7—8 году его прельщали в стихах Бодлера экзотика, гиены и прочее, то теперь то, на что тогда он не обращал никакого внимания, — более глубокие мысли и образы Бодлера. То, что у Бодлера дается в сравнении, как образ, — у Николая Степановича выплывает часто как данность... Это именно и есть влияние, поэтическое, а не “эпигонское слизывание”...»²⁷. Как нам представляется, это в полной мере относится и к гумилевскому пониманию оккультизма. В качестве гипотезы, подлежащей дальнейшему доказательству, мы выдвигаем предположение, что в первой «настоящей» книге Гумилева, «Романтические цветы», оккультные мотивы находятся на поверхности и должны быть очевидны, тогда как в последней, в «Огненном столпе» (а также в ряде не опубликованных при жизни или не собранных в книги поздних стихов), они глубоко усвоены творческим сознанием поэта и оказываются одним из конституирующих принципов его поэтического мира.

«Романтические цветы» в редакции 1908 года открываются стихотворением о маге, заклинающем «царицу беззаконий», а заканчи-

ваются странной фантазией на космогонические темы. На наш взгляд, это безоговорочно указывает на стремление Гумилева выстроить весь сборник как своего рода магическое заклинание, опыт практической магии, направленный на привлечение к себе любви той женщины, имя которой названо в посвящении книги.

Не случайно первое стихотворение и построено как рассказ об успешном «заклинании» (так оно названо в варианте 1918 года), не случайно действие его перенесено в Египет, почитавшийся оккультистами как одна из колыбелей тайного знания. Само описание действий «юного мага» свидетельствует о том, что имеется в виду магическая процедура, а не просто отношения мужчины и женщины:

Аромат сжигаемых растений
Открывал пространства без границ,
Где носились сумрачные тени,
То на рыб похожи, то на птиц.

Плакали невидимые струны,
Огненные плавали столбы...²⁸

Видимо, Гумилев мог расценивать это стихотворение как опыт своеобразной симпатической магии, когда описание должно повлечь за собою аналогичное действие в реальности. И непосредственно вслед за этим мы находим два стихотворения, вполне выдержанных в духе оккультных представлений: о переселении души «преступной, но пленительной царицы» в гиену («Над тростником медлительно-го Нила...», в последующем варианте «Гиена») и о мистическом корабле, стремящемся к женщине, но погибающем на этом пути («Что ты видишь во взоре моем...» или, позже, «Корабль»). Первые три стихотворения совершенно явно связаны между собою внутритекстовыми параллелями: героини всех трех получают одно и то же название «царица»; «сумрачные тени», похожие то на рыб, то на птиц, находят отклик и во втором стихотворении («где носятся лишь бабочки да птицы»), и в третьем («летучие странные рыбы»); могила и гробница второго и третьего находят параллель в сравнении: «юный маг... говорит, как мертвый»; всюду действие происходит (хотя бы частично) в ночное время; всюду звучит слово «взоры» (или «взор»); действие первых двух стихотворений происходит в Египте; в них упоминается луна или месяц; и там, и там есть растения; прямо называемые цвета первого и второго стихотворения несут прежде всего оттенки красного (пурпуровый и алеющий — розоватый, что также поддержано аналогичными: рубины, огненный — огоньки и кровь), а первое и третье объединены изумрудными пятнами («изумруды Нила» и «изумрудно-блистающие тела» летучих рыб)... Думается, перечисленного вполне достаточно, хотя список можно было бы без труда увеличить.

Таким образом, общий магический колорит первого стихотворения распространяется и на два последующих, они начинают восприниматься как части единого целого.

Еще более очевиден интерес к оккультному в стихотворении «Там, где похоронен старый маг...», где, однако, маг в конце концов снова оказывается трупом, Люцифер превращается в «блуждающую тень» и все прочие мифологические персонажи уходят в свои странствия. Итогом оказывается наступление дня и появление солнца. Здесь, кажется, наступает некий перелом книги, и начиная с этого момента оккультное проявляется прежде всего как объект описания, а не как реальная попытка воздействия на действительность. Меж тем и в последующих стихотворениях достаточно регулярно встречаются отсылки к разного рода символам, связанным с оккультизмом. Таков, например, несколько озадачивающий читателей крокодил императора Каракаллы, значение которого выясняется из «Тайной Доктрины», где есть специальная глава о драконах, змеях и крокодилах как символах древней мудрости, восходящей к незапамтным временам²⁹. Такое объяснение кажется гораздо более логичным, чем предположение М. Баскера о том, что появление крокодила следует истолковывать согласно теории Юнга, где он символизирует силы темной Природы³⁰.

Отметим, что при анализе интересующего нас стихотворения Д. Сегал, исходя из того, что одним из существенных критериев разграничения поэзии символистской и той, которая пользуется принципами «семантической поэтики», становится ориентация в первом случае на тайну, а во втором — на загадку (отметим в скобках, что противопоставление это восходит к известной концепции Вяч. Иванова, где на тайну ориентирован «реалистический символизм», а на загадку — «ассоциативный», образцы которого обнаруживаются у Анненского и Малларме), близко подводит читателей к разгадке, однако, как нам кажется, истинный ответ может быть дан только в свете представления о крокодиле как символе древней мудрости. Именно эта полная разгадка делает по-настоящему обоснованным вывод Д. Сегала: «...принципы загадки вовсе не противоречат принципам тайны — более того, выступая в хронотопе загадки, тайна действительно сохраняет свое сокровенное качество, утерянное, пожалуй, в более эксплицитных текстах поэтики символизма»³¹. Действительно, разгадав «загадку», читатель вынужден перейти в область тайны и медитировать о мистических откровениях, на которые намекает явление крокодила.

Особую роль играет в «Романтических цветах» 1908 года последнее их стихотворение, где Гумилев создает свою версию космической катастрофы, останавливаемой тонкой девушкой в терновом венце. Это стихотворение было исключено из обеих последующих редакций сборника, что свидетельствует о том, что уже к 1910 году Гумилев явно от-

ходит от желания пропагандировать тот оккультизм, какой был ему нужен всего несколькими годами ранее. Причины здесь могут быть самыми разнообразными, и вовсе не только художественными. Вообще третья редакция сборника была скорее всего ориентирована на то понимание смысла книги, которое было высказано Анненским, видевшим в нем ироническое начало. Именно в свете этого обретает особое значение и перенесение в начало юношески наивных стихотворений из «Пути конквистадоров», и завершение книги «Неоромантической сказкой», где ирония выражена с особой силой. Но, впрочем, стоит отметить, что и в годы работы над первой редакцией в отношении Гумилева к оккультному время от времени прорезается желание не утратить возможности балансировать на грани серьезного и иронического восприятия. Напомним несколько фраз из письма к Брюсову от 29 октября/11 ноября 1906 г.: «...он (Париж. — Н. Б.) дал мне сознание глубины и серьезности самых мелких вещей, самых коротких настроений. Когда я уезжал из России, я думал заняться оккультизмом. Теперь я вижу, что оригинально задуманный галстух или удачно написанное стихотворение может дать душе тот же трепет, как и вызыванье мертвецов, о котором так некрасноречиво трактует Элифас Леви. Не сердитесь за сравнение галстуха со стихами...»³²

Приведем фрагмент из мемуаров О. Л. Делла-Вос-Кардовской, где рассказывается: «...он однажды очень серьезно рассказывал о своей попытке вместе с несколькими сорбоннскими студентами увидеть дьявола. Для этого нужно было пройти через ряд испытаний — читать каббалистические книги, ничего не есть в продолжение нескольких дней, а затем в назначенный вечер выпить какой-то напиток. После этого должен был появиться дьявол, с которым можно было вступить в беседу. Все товарищи очень быстро бросили эту затею. Лишь один Н. С. проделал все до конца и действительно видел в полутемной комнате какую-то смутную фигуру»³³.

Трудно сказать, действительно ли опыт некромантии (или вызывания дьявола, ибо рассказ Делла-Вос-Кардовской может относиться как к тому, так и к другому) был в биографии Гумилева, тем более что свидетельства об этом исходят от людей, для которых «все эти рассказы казались очень забавными и чисто гимназическими»³⁴, но, во всяком случае, что-то от практической магии в изводе то ли Элифаса Леви, на которого ссылается Гумилев в письме, то ли Папюса, с которым он, по свидетельству С. В. фон Штейна, был знаком в Париже³⁵, в его биографии, очевидно было. И тогда автоирония становится не очень понятной, если не учесть один из пассажей «Эзотерических бесед» Папюса: «...каким путем должен человек развивать в себе те чудные способности, которыми желал бы обладать каждый? Прежде всего — это Магия! Человеческое существо всегда старается чем-нибудь отличиться от себе подобных. Один надевает красивый галстух и воротнички удивительной белизны, если это в его силах;

другой — заставляет о себе говорить выдающимися поступками или каким-нибудь другим способом, третий, наконец, старается достигнуть обладания магической силой, и эта мечта действовать на невидимое соблазняет очень многих»³⁶.

Иронизируя над оккультными опытами, Гумилев в то же время совершенно серьезно в своей биографии пытается соединить все три названных Папюсом пути к отличию от других, прибавляя сюда еще и поэзию, о которой эзотерик не говорит ничего.

Однако и после «Романтических цветов» Гумилев продолжает по-прежнему интересоваться разного рода оккультными проблемами. Об этом наглядно свидетельствует, например, колебание в выборе названия для следующей книги стихов, которая называется то «Жемчуга», то «Золотая магия»³⁷. Но даже принятое в итоге первое название связано, как хорошо известно, с обликом дьявола из гумилевского же рассказа «Скрипка Страдивариуса». Не менее значимо, что в одном из самых знаменитых его стихотворных циклов «Капитаны» последнее стихотворение переводит развитие действия в «потусторонний» план:

Но в мире есть другие области,
Луной мучительной томимы.
Для высшей силы, высшей доблести
Они навек недостижимы.

Как известно, стихотворение это писалось во время пребывания в Коктебеле вместе с Е. Дмитриевой, известной своими мистическими интересами. Как раз к этому времени относятся записи Волошина в дневнике, показывающие смутное состояние психики Дмитриевой, временами напоминающее ему А. Р. Минцлову: «Я понимаю, что с нею случилось то, что было с А<нной> Р<удольфовной> после церкви St. Жермен д'Оксерруа. Я называю ей некоторые имена (В. Н.), и она не понимает и не знает их»³⁸. Таким образом, и в «Жемчугах» параллели с оккультными явлениями оказываются весьма заметны, равно как и с осознанным пересечением мистического и откровенно эротического начал.

Как может представиться на первый взгляд, с возникновением акмеистической программы период юношеского увлечения оккультизмом у Гумилева закончился, и лишь в стихотворениях последних лет он вернулся к своеобразному визионерству и мистическим настроениям, которые уже невозможно столь прямо связать с теософией или оккультизмом в каком-либо ином его изводе.

Такое представление неверно сразу в нескольких отношениях.

Прежде всего, как бы Гумилев ни старался отделить свою практику от символистского «братания с потусторонним», достаточно серьезный собственный внутренний опыт заставлял его быть чрезвычайно внимательным к этой стороне познания. Внимательное изу-

чение деятельности «Цеха поэтов» показывает, что это объединение, находившееся под непосредственным и достаточно жестким руководством Гумилева, включало существенную «оккультную фракцию», куда входили С. Гедройц, В. Гарднер, Н. Рудникова, А. Скалдин, а вероятно — и Грааль Арельский. При этом часть названных поэтов была принята в «Цех» уже после того, как официально был продекларирован акмеизм, то есть Гумилев как будто собственными руками создает в «Цехе», уже акмеистическом, возможность для объединения поэтов с оккультными устремлениями³⁹.

В то же время смысловая структура его стихотворений свободно включает в себя не только отсылки к различным эзотерическим системам, но и запрятанное в глубину поэтического слова неоднозначное отношение к тому, о чем говорится в стихотворении, тем самым создавая целую лестницу смыслов.

К образцам первого рода относится, например, тайное использование масонской символики. Гумилев — и это хорошо известно — неоднократно прямо рассказывал о разных типах масонства в своих стихотворениях⁴⁰, однако, если вспомнить принципы масонской тайной организации, едва ли окажется случайным, что многое в его стихотворениях замечается не сразу.

При этом расширительное понимание масонских мотивов в его творчестве, свойственное, например, М. Йовановичу, кажется нам слишком вольным допущением. При таком анализе практически любой стихотворный текст можно объявить масонским, розенкрейцерским, теософическим или каким-либо еще в этом роде. Но тем не менее существуют почти идеальные соответствия, заставляющие делать определенные выводы.

Так, Р. Д. Тименчик, внимательно изучивший излюбленную гумилевскую цветовую гамму, построенную на сочетании синего и золотого цвета, возводит ее к тому цветовому сочетанию, которое настойчиво повторялось на полотнах Фра Беато Анджелико:

И так нестрашен связанным святым
Палач, в рубашку синюю одетый,
Им хорошо под небом золотым,
И здесь есть свет, и там — иные светы.⁴¹

Думается, однако, что можно указать и еще один, гораздо более вероятный источник настойчивого повторения этих мотивов в произведениях Гумилева (не говоря, конечно, о красках русских икон и о традиционной цветовой символике в разнообразных мировых культурах). По сообщению известной исследовательницы русского масонства Т. Соколовской (несомненно, заимствованному из каких-то собственно масонских источников), «первоначальные отличительные цвета иоанновского масонства были цвет золота и небесной лазури»⁴². Почти не приходится сомневаться, что Гумилев знал это.

Точно так же не вызывает сомнения, что в «Драконе» при встрече Морадиты с Драконом не случайно соблюдается масонский ритуал.

В этой поэме потаенный смысл природы расколдовывает магическое слово «Ом», о происхождении и смысле которого написано уже достаточно много⁴³. Но в нашем контексте важно то, что Морадита, произносящий это слово, до известной степени отождествлен с самим поэтом. Уже была отмечена параллель строфы из «Дракона»:

Разве в мире сильных не стало,
 Что тебе я знанье отдам?
 Я вручу его розе алой,
 Водопадам и облакам, —

со строфой из «Я и Вы», где речь идет о лирическом герое, безусловно проецирующемся на самого Гумилева. Таким образом, жрец, расколдовывающий тайны природы, и поэт уравниваются в правах, поэтическое слово становится равным слову магическому.

Но практически не привлекало внимания, что встреча Морадиты с Драконом обставлена согласно масонскому ритуалу: «Для распознавания в постороннем человеке члена Вольнокаменшицкого Ордена и определения его масонской степени Вольные Каменщики употребляли три способа: знак — для зрения, слово — для слуха, прикосновение — для осязания»⁴⁴. Это буквально совпадает с тем, как дракон опознает Морадиту: сперва он его видит («Пробудился дракон и поднял Янтари грозových зрачков»), потом выслушивает «заповедное слово “Ом”» и, наконец, касается лапой груди Морадиты, наполняя его кровью свое умирающее тело.

Таким образом, произнесение Слова становится частью магического ритуала, где поэт и носитель тайного знания становятся взаимозаменяемыми, а поэтическое слово — словом магическим, и не только магическим в том несколько пейоративном смысле, какой обычно свойствен такому определению. Напомним, что в черновиках второй песни «Поэмы начала», первой частью которой является «Дракон», содержится такое определение слова: «Светозарное, плотью стало», что полностью соответствует характеристике Слова-Бога, Логоса: «И Слово стало плотию и обитало с нами, полное благодати и истины» (Ин., 1, 14).

Далее, следует отметить, что разного рода мистический опыт очевидно присутствует и в стихотворениях Гумилева акмеистического периода в виде объективированного описания. Так, опубликованный в том самом номере «Аполлона», где читателям были представлены истинно акмеистические стихи, первоначальный вариант «Пятистопных ямбов» во второй своей части широко использует масонскую символику как истинно пережитую знаковую систему. Поэтому столь спокойно во втором варианте Гумилев заменяет ее иной, столь же глубоко пережитой — военной и открыто православной.

Наконец, немаловажно и то, что Гумилев свободно обсуждает со своими друзьями глубоко мистические и оккультные мотивы стихотворений, как собственных, так и принадлежащих иным поэтам. Так, весьма характерно письмо М. Л. Лозинского Гумилеву, где говорится: «...я хочу просить у тебя позволения украсить посвящением тебе мои пятистопные ямбы, трактующие о камнях, растущих, как лилии, о бездонной тьме, о племенах беспечных, о башнях Эдема и об эдемском луче. Их поток родился на тех же вершинах, что и твои «Пятистопные ямбы» (помнишь нашу беседу об автобиографических ямбах)...»⁴⁵

Но для нас существенна аналогия, проводимая тут Лозинским между ямбами Гумилева и ямбами собственными, явственно использующими оккультные мотивы. Аналогия между жизнью минералов, растений, животных и человека была широко распространена в разного рода текстах. Так, в несомненно известной (о чем см. ниже) Гумилеву «Древней мудрости» Анни Безант говорилось: «Излитая жизнь или Монада проходила через три <...> элементарные царства, а затем, достигнув физической сферы, начинала стягивать эфирные частицы и соединять их в эфирные формы, внутри которых двигались жизненные токи; в эти формы вносились построения из более твердого материала, послужившие основой для первых минералов. В них, как можно убедиться при первом взгляде на рисунки любой книги по кристаллографии, ясно выступают геометрические линии, по которым происходит построение плоскостей кристалла; из этого можно убедиться, что в минералах идет работа жизни, хотя и стесненная, замкнутая и сдавленная»⁴⁶.

Для Гумилева, недавно написавшего стихотворение «Камень», опирающееся на бретонскую легенду в изложении Жорж Санд, представление о живых камнях было совершенно привычным, и потому он с такой заинтересованностью мог отнестись к предложенной для обсуждения Лозинским теме.

Однако наиболее откровенным становится мистическое и — более конкретно — оккультное начало поэзии Гумилева в последнем сборнике его стихов, в «Огненном столпе», а также в стихотворениях последних лет, в прижизненные книги не включенных. Уже первые авторы, писавшие о связях поэзии Гумилева с мистикой, говорили о мистически-визионерском начале в «Памяти», «Заблудившемся трамвае», «Слове», «У цыган». Более поздними комментариями и исследованиями такая точка зрения не просто подтверждается, но и конкретизируется, а в круг рассмотрения входит также и «Пьяный дервиш»⁴⁷, то есть из двадцати стихотворений книги в пяти связь очевидна. Мы надеемся показать, что есть такая связь в «Душе и теле», обычно рассматриваемом в контексте средневековых «споров души и тела». Помимо того, открыто выражены магические мотивы в «Лесе», «Канцоне второй», «Леопарде», «Перстне», «Деве-птице».

Таким образом, большая часть стихотворений «Огненного столпа» ориентирована на тот круг влияний, который нас интересует в наибольшей степени.

Следует отметить, что как в названных, так и в некоторых других стихотворениях Гумилева этого времени весьма существенную роль играют не просто мистические и визионерские мотивы, присущие самым различным традициям, но именно те, которые сближают его поэзию с оккультными теориями.

Одним из примеров такого рода являются прямые заимствования из теософических теорий. Вряд ли следует сомневаться, что о теософии Гумилев также имел достаточно определенное представление. Сошлемся на Ахматову, передававшую П. Н. Лукницкому: «Всю дорогу АА говорила о Дмитриевой, о Волошине, о Львовой, о Гумповской — обо всей этой теософской компании. Поводом к разговору послужили воспоминания Каплун. АА очень неблагоприятно отзывалась о теософии и всех ее адептах. <...> Разговор велся с целью показать, как эта компания «через теософию» хочет всячески оправдать Волошина и Дмитриеву...»⁴⁸

Одним из чрезвычайно значимых стихотворений «Огненного столпа» является триптих «Душа и тело». Ахматова говорила П. Н. Лукницкому: «Разговор души и тела — тема старинная и использованная очень многими поэтами. Однако никто, ни один поэт не ставил себя судьей своих души и тела, судьей, провозглашающим (третья часть стихотворения) свое мнение и свое решение»⁴⁹. Здесь имеется в виду та самая часть текста, о которой Ахматова говорила как о лучшем стихотворении лучшей книги Гумилева: «АА ответила, что очень любит третье стихотворение «Души и тела» — стихотворение «подлинно высокое»... И заметила о том, как характерно для Николая Степановича последних лет это разделение души и тела... Тело, которое предается земной любви, тело с горячей кровью — и враждующая с телом душа»⁵⁰. Отметим, что в специальном исследовании о «Душе и теле» как парадигме мистической поэзии Гумилева, Р. Эшельман в качестве образцов для поэта называет лишь старинные диалоги души с телом, знакомство Гумилева с которыми весьма проблематично⁵¹.

Однако существует традиция (правда, не поэтическая), объясняющая как раз ту характерную особенность триптиха, которая казалась Ахматовой столь принципиально своеобразной. Заодно уточним и мнение Р. Эшельмана, полагающего, что «я» третьего стихотворения — это «астральное тело»⁵². Наиболее близким объяснением смысловой структуры данного стихотворения является текст Р. Штейнера, который выступает здесь не как основатель антропософии, а как излагатель общетеософских доктрин, с которыми Гумилев вполне мог быть знаком и по другим источникам, в том числе и устным, — например, через А. Р. Миншлову, Е. И. Дмитриеву, через кого-либо еще из своего петербургского окружения десятых годов. Читаем у

Штейнера: «...у человека *есть три стороны в существе его. Это <...>* мы пока здесь обозначим тремя словами: *тело, душа и дух <...>* Через самосознание человек определяет себя как самостоятельное, от всего другого отдельное существо, как «я». В «я» человек собирает все, что он переживает как телесное и душевное существо. Тело и душа — это носители «я»: «я» действует в них»⁵³. Напомним соответствующее место стихотворения:

Когда же слово Бога с высоты
 Большой Медведицею заблестело,
 С вопросом: «Кто же, вопрошатель, ты?» —
 Душа предстала предо мной и тело.

 «Я тот, кто спит, и кроет глубина
 Его невыразимое прозвание;
 А вы, вы только слабый отсвет сна,
 Бегущего на дне его сознания!»

В данной концепции традиционное противопоставление тела и души примиряется тем, что существует еще одно понятие — «я», безусловно главенствующее над ними, — и то же самое происходит в стихотворении Гумилева, где душа и тело подчиняются «вопрошателю», «я» поэта.

Наиболее обширные параллели с «Тайной Доктриной» — и в самом общем смысле, и в конкретном (название основного труда Е. П. Блаватской) — обнаруживаются в стихотворении «Слово», где сама концепция восходит не только к очевидным библейским источникам, открыто названным в стихотворении, но и к тому их осмыслению, которое было характерно для оккультистов.

Согласно концепции Блаватской, слово обладает колоссальной мощью, разбудить которую страшно: «Мы говорим и утверждаем, что Звук есть, прежде всего, страшная оккультная сила; что это изумительная сила, которую не смогло бы уравновесить все электричество, полученное от миллиона Ниагар, даже в самомалейшей ее потенциальности, если она направлена с Оккультным Знанием»⁵⁴.

И отношение к Слово как к особой магической субстанции, запрещавшее без особых на то причин произносить его, также было описано в «Тайной Доктрине»: «Все мысли и переживания, все учение и знание, сообщенные путем откровения или добытые самостоятельно, нашли у ранних рас свое графическое выражение в аллегориях и притчах. Почему? Потому, что *изреченное слово имеет скрытую мощь не только неизвестную, но даже неподозреваемую нашими современными мудрецами*, потому естественно, что они не верят в нее. Потому, что звук и ритм тесно связаны с четырьмя элементами древних; и потому, что та или иная вибрация в воздухе, несомненно, вызовет соответствующие силы, сочетание с которыми производит добрые

или злые результаты, смотря по условиям. Никогда не позволялось ученику излагать какие-либо исторические, религиозные или реальные события в точных словах, недопускающих двоякого смысла, из опасения, чтобы силы, связанные с этим событием, не были еще раз привлечены. Подобные события были передаваемы лишь во время Посвящения и каждый ученик должен был запечатлеть их в соответствующих символах, извлеченных из его собственного ума и которые просматривались потом его Учителем...»⁵⁵

На основании чисто смысловых параллелей в генезисе стихотворения нам уже приходилось писать о том, что «Слово» теснейшим образом связано с «Поэмой начала». Но еще более очевидным становится эта связь при внимательном чтении второго тома «Тайной Доктрины», именуемого «Антропогенезис». В нем повествуется о становлении и развитии человечества, причем подробнейшим образом излагается история Лемурии (герой «Поэмы начала» — «жрец Лемурии») и основания ее религии, причем содержится важное указание: «...самые первые Посвященные и Адепты, или “Мудрые Люди”, которые, как утверждается, были посвящены в Тайны Природы самим Всемирным Разумом, представляемым высочайшими Ангелами, назывались “Змиями Мудрости” и “Драконами”...»⁵⁶

Из этого ясно, что реальный Дракон «Поэмы начала» должен пониматься не только реалистически, но и символически, а путешествие Морадиты к нему становится реализованной метафорой передачи оккультного знания от первого Посвященного следующему поколению обитателей Земли. Текст Блаватской объясняет и то, почему «патриарх седой» из «Слова» и Морадита не решаются вымолвить слово и чертят на песке число или изображение: «Исходя отсюда, не трудно понять, каким образом сама Природа, даже без содействия божественных наставников, могла научить примитивное человечество первым принципам символического, числового и геометрического языка. Потому мы находим, что числа и фигуры употреблялись для выражения и начертания мысли в каждом архаическом, символическом священном Писании»⁵⁷.

Изображение и число, согласно Блаватской, предшествовали слову, были известны до него и помимо него, а также — что существенно — могли нести в себе самые сложные смыслы, в том числе и оккультные. Об этом свидетельствует следующий фрагмент из ее книги, относящийся по видимости к числовой магии, но имеющий значение и более универсальное: «Действительно, возьмем ли мы отдельно 4 или же 3, как таковые, или же и то и другое вместе, составляющие 7, или же все три вместе, 4, 3, 2, дающие 9, но все эти числа имеют свое приложение в самых сокровенных оккультных вопросах и рекордируют работу Природы в ее вечно периодических проявлениях»⁵⁸.

Но и само первое слово имело для Гумилева очевидные оккультные коннотации, которые отчасти проясняются еще одним его сти-

хотворением — не опубликованным при жизни «На далекой звезде Венере...». В истолковании этого стихотворения (традиция которого восходит к Ахматовой) преимущественное внимание было уделено провидческому дару Гумилева, предсказавшего значительно более поздние научные открытия, а также параллелям с футуристической поэтикой⁵⁹. Однако совершенно очевидно, что он отталкивался от теософических представлений, согласно которым, прежде всего, Венера рассматривалась как очевидное символическое воплощение нашей планеты: «Луна тесно связана с Землею <...> и касается всех тайн нашей планеты более непосредственно, чем даже Венера-Люцифер, оккультная сестра и *alter Ego* Земли»⁶⁰.

Потому-то происходящее на Венере с известным временным опозданием описывает ранние стадии становления земной цивилизации, так представленные в книге Блаватской: «...Первая Раса — эфиробразные или астральные Сыны Июги <...> в нашем смысле была немой, ибо она была лишена ума на нашем плане. Вторая Раса имела уже «язык звуков», например, напевные звуки, составленные лишь из гласных. Третья Раса развила в начале нечто вроде языка, который был лишь легкое улучшение разнообразных звуков в Природе <...> по Оккультному Учению, Речь развила в следующем порядке:

1. *Односложная речь*: принадлежавшая первым, почти вполне развитым существам в конце Третьей Коренной Расы, расы «золотого цвета», желтолицых людей, после разделения полов и полного пробуждения их разума»⁶¹.

Таким образом, «На далекой звезде Венере» существует Вторая Раса (которой, впрочем, Гумилев приписывает тот цвет, который, по Блаватской, принадлежал Третьей — золотой), тогда как уже лемурийцы обладают односложной речью, то есть владеют магическим словом «Ом», не случайно восходящим к индийской традиции. «Тайная мудрость Востока» для Блаватской была во многом определяющей, и вряд ли случайно в качестве своего мистического слова, открывающего жрецу доступ к тайнам природы, Гумилев выбирает именно это, толкуемое в «Тайной Доктрине» так: «“ОМ”, говорит арийский Адепт, сын Пятой Расы, который этим слогом начинает и заканчивает свое приветствие человеческому существу, свое заклинание или обращение к не-человеческим ПРИСУТСТВИЯМ»⁶². Но в то же время нельзя не увидеть и прямой связи между «Ом» и венерианским «языком из одних только гласных». В безусловно известном Гумилеву «Символизме» Андрея Белого, в комментарии к статье «Магия слов» пересказывается способ произнесения слова «Ом» (источник, на который в данном случае опирается Белый, нами не обнаружен, хотя, вероятно, это сочинения той же Блаватской): «...“аа” (идет глубокое вдыхание); потом «е о у» (идет глубокое выдыхание); наконец, пресечение выдыхания «м» (закрывание губ); слово «О м» произносилось в три порции: 1) вдыхание, 2) выдыхание, 3) прекращение выдыхания...»⁶³

Напомним язык, описываемый Гумилевым:

Если скажут «ea» и «ai» —
 Это радостное обещанье.
 «Уо», «ao» — о древнем рае
 Золотое воспоминанье.

Вообще в самой «Магии слов» и в комментариях к этой статье нетрудно обнаружить ряд существенных параллелей к текстам Гумилева.

Так, например, Белый цитирует по книге Луи Менара «Гермес Трисмегист» параллели между Евангелием от Иоанна (на которое, напомним, прямо ссылается Гумилев в «Слове») и герметическим «Пимандром», а также еще одну фразу из этого же трактата, прямо отразившуюся в незавершенной второй песне «Поэмы начала»: «Этот свет — я; и он — Разум, твой Бог, внутренний по отношению к природе, выходящей из мрака; и светоносное Слово Разума — Сын Божий»⁶⁴. Ср. у Гумилева:

А уже в этой тьме суровой
 Трепетала первая мысль...

 Было между числом и словом
 И не слово и не число.
 Светозарное, плотью стало...

Оставляя в стороне подробный пересказ разного рода оккультических книг (с библиографией, среди которой почетное место занимают «Тайная Доктрина» и «Разоблаченная Изида»), отметим, что к самому тексту статьи Белого восходит заключение⁶⁵ стихотворения «Слово».

Напомним, что у Гумилева оно звучит так:

Мы ему поставили пределом
 Скучные пределы естества,
 И, как пчелы в улье опустелом,
 Дурно пахнут мертвые слова.

Это четверостишие выглядит буквальным перепевом слов Белого: «Слово-термин — прекрасный и мертвый кристалл, образованный благодаря завершившемуся процессу разложения живого слова. Живое слово (слово-плоть) — цветущий организм. Все, что осязаемо во мне органами чувств, разложится, когда я умру; тело мое станет гниющей падалью, распространяющей зловоние; но когда закончится процесс разложения, я предстану перед взором меня любивших в ряде прекрасных кристаллов. <...> Обычное прозаическое слово, т. е. слово, потерявшее звуковую и живописующую образность и еще не ставшее идеальным термином, — зловонный, разлагающийся труп.

Идеальных терминов мало, как стало мало и живых слов; вся наша жизнь полна загнивающими словами, распространяющими нестерпимое зловоние; употребление этих слов заражает нас трупным ядом, потому что слово есть прямое выражение жизни»⁶⁶.

Таким образом, восстанавливается смысловая связь между оккультными представлениями о смысле и природе слова, об истории человеческих рас (также в оккультном представлении), евангельским пониманием слова и символическим осмыслением его смерти в последней строфе гумилевского стихотворения.

Вместе с тем хотелось бы отметить, что «пчелы» в данном четверостишии могут ассоциироваться не только со смертью, но и с прямо противоположным — с жизнью. Возможность такого чтения указывает дневниковый фрагмент Вяч. Иванова, относящийся к апрелю 1910 года, когда он много и регулярно общался с Гумилевым: «Не бойся вбирать в себя тьму и отдавать свет: не бойся учиться тайне понести на себе грех мира. <...> По мере того как будет светлее становиться и прозрачнее мир, тебя окружающий, перед глазами твоими, — все реальнее будешь ты Христу сораспинаться; тогда низойдет на тебя радость в Духе. И радостно будешь ты взирать на мир, ибо из его ран подымутся розы, и из тления его вылетят пчелы: так будет с тобой, если ты сделаешь своими язвы мира, и тлен его тленом своим»⁶⁷.

Трудно безоговорочно настаивать на дальнейших предположениях, однако хотелось бы обратить внимание, что другая статья Белого может служить связующим звеном между «Словом» и еще одним стихотворением Гумилева, столь же тесно связанным с оккультными представлениями.

Отсылка к Евангелию от Иоанна в «Слове» имплицитно включает в себя понятие «Логос», хотя бы в прямом евангельском смысле. Меж тем, статья Андрея Белого «Фридрих Ницше», почти наверняка Гумилевым прочитанная⁶⁸, содержит такое определение ницшевского сверхчеловека: «Сомнительно видеть в биологической личности сверхчеловека; еще сомнительнее, чтобы это была коллективная личность человечества. Скорее это — принцип, *слово, логос* или норма развития, разрисованная всеми яркими атрибутами личности»⁶⁹.

Но даже если мы откажемся видеть в этом определении точную словесную параллель, связывающую статью и стихотворение, то сама логика рассуждений Белого не может не обратить на себя внимание в связи с пристальным интересом Гумилева как к Ницше, так и к теософии. Напомним, что уже в самом начале статьи Белый говорит: «Теософы возводят на степень догмата фантастическую утопию развития человечества: разные расы человечества сменяют друг друга, отлагая свои пласты, так сказать, свою психическую формацию в истории. <...> Теософский символ о смене рас я вовсе не имею стремления догматизировать. Просто учение это вспоминается, когда имеешь дело с личностью Ницше»⁷⁰.

Но гораздо примечательнее и заметнее другой пассаж, звучащий в буквальном завершении статьи: «В дальнейшем он (Ницше. — Н. Б.) стал практиком, предложившим в «Заратустре» путь к телесному преобразению личности; тут соприкоснулся он и с современной теософией, и с тайной доктриной древности. «Высшее сознание развивается сперва,— говорит Анни Безант,— а затем уже сформируются телесные органы, необходимые для его проявления». Под этими словами подписался бы Ницше»⁷¹.

Нам не удалось определить точное место, откуда заимствовал этот пассаж Белый, однако для учения Анни Безант подобные рассуждения в высшей степени характерны. Вот, например, как формулируются они в «Древней мудрости»: «По мере того, как знания человека увеличиваются, он убеждается, что можно перестроить свое физическое тело, употребляя более чистую пищу, и что можно сделать его более покорным воле человека. <...> По мере того, как развиваются специальные органы чувств для восприятия всех родов вибраций, вырастает и значение тела как будущего носителя *сознательной сущности* в физической среде. <...> Еще не развилось совершенное тело, совершенный проводник, который бы был способен вибрировать в ответ на жизненный пульс *всей* природы, вроде того, как золова арфа способна отвечать на легчайшие дуновения ветерка»⁷².

Речь здесь идет, конечно, о так называемом шестом чувстве. В рационалистическом понимании стихотворения Гумилева, названного этими словами, «шестое чувство» — чувство прекрасного. Так понимает смысл словосочетания, к примеру, Г. М. Фридендер⁷³, так же его толкует и А. К. Жолковский⁷⁴. Однако гораздо вероятнее, что у Гумилева речь идет вовсе не об этом чувстве, а о чувстве оккультного, развитие которого предусматривали многие, начиная по крайней мере с Блаватской, писавшей в «Тайной Доктрине»: «Вышеприведенная аллегория лежит в основании Оккультного закона, предписывающего молчание при знании некоторых тайных и невидимых вещей, познаваемых лишь духовным пониманием (шестым чувством), и которые не могут быть выражены «шумною» или гласною речью»⁷⁵.

Не менее выразительно мнение почитаемого оккультистами К. Дюпреля, посвятившего шестому чувству особый раздел своей работы. Он писал: «Итак, в нас заложено, в виде способного к развитию зародыша, шестое чувство. Его назначение в том, чтобы открывать нам новые неизвестные свойства вещей, внутренние качества веществ и их пригодность или непригодность для нашего организма. <...> шестое чувство нельзя понимать физиологически — оно не имеет особого органа; его следует понимать как *одическое центральное чувство*... <...> Если же в будущем биологическом развитии человека бессознательное будет все более переходить в сознательное и разовьются новые органы чувств, то эти последние будут именно такими, какими они уже заранее заложены в общем чувстве. <...> Проявления шестого чувства ясно

указывают на то, что мы должны различать внешнего человека от внутреннего и что душа, пользующаяся в нормальном состоянии внешними чувствами, в ином состоянии может обойтись без них, не лишаясь через это своих ощущений и путей»⁷⁶.

Понятно, что провоцирует читателей и исследователей понимать шестое чувство как чувство эстетическое. Все длинное и организованное по законам риторики построение Гумилева, завершающееся описанием постоянно дрящущегося рождения неведомого органа (в котором не без остроумия А. К. Жолковский увидел аналог фаллоса), отталкивается от осознания невозможности адекватно ощутить, почувствовать красоту природы и красоту искусства:

Но что нам делать с розовой зарей
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой,
Что делать нам с бессмертными стихами?

Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать.
Мгновение бежит неудержимо,
И мы ломаем руки, но опять
Осуждены идти все мимо, мимо.

Однако здесь вполне возможно и даже, кажется, более естественно другое толкование: и стихи, и природа имеют какой-то иной, высший смысл, который невозможно воспринять нашими нынешними органами чувств. На это указывает и то, что «орган для шестого чувства» рождается «под скальпелем природы и искусства». Смысл этот, вероятнее всего, относится к категории оккультного, ибо, как кажется, лишь в представлениях оккультистов для осознания мистической сущности явлений необходим специальный орган.

Как соблазнительную, хотя и далеко не обязательную параллель, укажем, что в ближайшем кружке последователей К. Г. Юнга, весьма заинтересованного различными оккультными представлениями, обсуждалась возможность рассматривать интуицию (в ее антропософском понимании) как специально существующий у человека оккультный орган познания⁷⁷.

Сопряжение разнообразных мотивов, где впрямую соприкасаются отзвуки оккультизма и нищестанства (не столь уж далекие друг от друга в той системе представлений, с которой Гумилев, как мы старались показать, был хорошо знаком), присутствует в одном из центральных для последней книги стихотворений — «Память». На наш взгляд, рассмотрение финального образа этого стихотворения помогает понять поэтику Гумилева как одно из воплощений того, что было названо «потенциальной культурной парадигмой».

«Память» заканчивается, как известно, появлением фигуры путника с закрытым лицом:

Предо мной предстанет, мне неведом,
Путник, скрыв лицо, но все пойму,
Вида льва, стремящегося следом,
И орла, летящего к нему.

Крикну я... но разве кто поможет,
Чтоб моя душа не умерла?
Только змеи сбрасывают кожи,
Мы меняем души, не тела.

Согласно интерпретации Ахматовой, этот путник — смерть. Лукницкий записал в дневнике ее слова: «Представление о смерти — в «Памяти» и в «Заблудившемся трамвае» — одинаково: только там это путник, это смерть в образе пешего, здесь — в образе летящего всадника. В обоих случаях — страшный, знакомый и сладкий — ветер, и «страшный», «только оттуда бьющий» — «свет». И, наконец, совершенно одинаковое:

Верной твердынею православья
Врезан Исакий в вышине...

и:

Я — угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле...»⁷⁸

Последнее отождествление, на наш взгляд, неверно. Вряд ли можно приравнять друг к другу реальный Исаакиевский собор и символический Соломонов храм, совершенно явно определяемый масонскими ассоциациями. Но следует сказать, что и трактовка интересующего нас образа смерти не может быть единственной.

Комментируя это стихотворение, М. Д. Эльзон однозначно определяет: «Путник — Христос. Лев, орел — символы евангелистов Марка и Иоанна»⁷⁹. В подтверждение этого можно было бы прибавить, что в Апокалипсисе Христос именуется: «Лев от колена Иудина» (Откр., 5, 5)⁸⁰. Скажем также, что в оккультных доктринах под путником неизменно понимается именно Христос.

Мы попробуем определить еще одну трактовку этого образа. Кажется, еще не была проанализирована связь не только ранних, но и поздних стихов Гумилева с творчеством Ф. Ницше, хотя обнаружить ее совсем не сложно. Так, название последней книги стихов Гумилева восходит не только к известным библейским и евангельским текстам, но и к «Так говорил Заратустра», где сказано: «Горе этому большому городу! — И я хотел бы уже видеть огненный столп, в котором он сгорит! Ибо эти огненные столпы должны предшествовать великому полудню. Но это имеет свое время и свою собственную судьбу»⁸¹.

Такой подтекст названия сборника не может не заставить обратить внимание и на ницшеанские подтексты отдельных стихов. И в

«Памяти» находим прямые параллели с «Так говорил Заратустра». Целая глава, открывающая третью часть книги, названа «Путник» (так в переводе А. Н. Ачкасова; в переводе Ю. Антоновского — «Странник»), орел — постоянный спутник Заратустры, а в последней главе книги появляется лев: «“Знак явился!” — сказал Заратустра, и его сердце изменилось. И действительно, когда прояснилось вокруг него, он увидел, что у ног его лежит желтый могучий зверь, голову положив ему на колени, и не хочет отпустить его, любя его, и ласкается к нему, как собака, нашедшая снова старого своего господина»⁸².

И этот подтекст вызывает в памяти еще одно сопоставление с Ницше. Как впервые отметил О. Ронен, стихотворение «Молитва» из «Колчана»:

Солнце свирепое, солнце грозящее
 Бога, в пространствах идущего,
 Лицо сумасшедшее,

 Солнце, сожги настоящее
 Во имя грядущего,
 Но помилуй прошедшее! —

представляет собою парафраз из той же книги: «Я люблю того, кто оправдывает грядущее и спасает прошедшее, ибо он хочет погибнуть от настоящего»⁸³. Но ключ к совмещению этих двух стихотворений мы находим в магических представлениях. Одно из популярных пособий по магии дает таблицу планетной классификации животных, птиц и рыб, согласно которой лев и орел соответствуют в планетном мире солнцу⁸⁴. В этой системе значений таинственный путник оказывается равен солнцу, огненному и сжигающему не только тела предметного мира, но и времена.

Таким образом, подтексты финальных четверостиший «Памяти» оказываются чрезвычайно разнообразны и создают весьма широкое семантическое поле, позволяющее создать представление о строении стихотворения как о поливалентной структуре. С одной стороны, она может прочитываться как дотошное воспроизведение биографии поэта от детства до зрелости с однозначными ассоциациями («Дерево да рыжая собака» в соответствии с «Осенью» из «Костра», «Как вино, впивал он воздух сладкий Белому неведомой страны», «...Святой Георгий тронул дважды Пулею не тронутую грудь» и т. д., вплоть до оставшегося в черновиках:

На песчаных дальних косогорах,
 У лесных бездонных очастей
 Вечно норы он копал, и в норах
 Поджидал непрошенных гостей),

а с другой — как странствие души, ныне воплощенной в «я» поэта, по временам и пространствам, не только в аллегорической форме, но

и по временам и пространствам мирового художественного текста, мировой истории, а далее — космогонических представлений в поэтически осмысленной форме.

Итак, еще ряд стихотворений из «Огненного столпа» оказывается непосредственно связанным с оккультными представлениями. Это заставляет искать, нет ли какого-либо аналогичного источника у всей книги в целом и у ее заглавия в частности. Ранее нам уже приходилось писать, что «огненный столп» у Гумилева может быть возведен к различным источникам: помимо общеизвестного библейского и указанной С. К. Маковским параллели со стихотворением 1917 года «Много есть людей, что, полюбив...» («Любовь») — еще и к «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше⁸⁵. Но есть в заглавии и еще одна параллель, бросающаяся в глаза лишь читавшему роман Хаггарда «Она». Дело в том, что главный источник практического бессмертия Аэши — загадочный огненный столб, вырывающийся из подземелья и уходящий в расселину в своде пещеры. Входя в этот огненный столб, она снова обретает молодость. Но когда она предлагает совершить ту же процедуру своему возлюбленному Лео и сама показывает пример, столб возвращает ей все прожитые годы одновременно, и она умирает с тем, чтобы потом, в следующем романе, еще более мистически окрашенном, воскреснуть вновь. Любовь, вечность, тайное знание в связи с нынешним устройством мира, смерть (с обещанием грядущего перевоплощения) — все это сквозные темы «Огненного столпа», и потому аналогия его названия с одним из центральных эпизодов романа Хаггарда вполне уместна.

Наконец, нельзя не отметить чрезвычайно существенные оккультные обертоны одной из основных гумилевских тем — темы андрогина, которая присутствует как открыто (в стихотворении «Андрогин», вошедшем в сборник «Жемчуга»), так и подспудно, в многочисленных подтекстах⁸⁶. При этом как раз в «Андрогине» наиболее существенны платоновские ассоциации, и он может восприниматься как простой пересказ известного мифа, с решительным усилением антиэротической темы («И верь! Не коснется до нас наслажденье Бичом оскорбительно жгучим своим»). Но смысл появления Андрогина, как кажется, не вполне ясен из этого стихотворения, как и из других, а проявляется лишь при знании того, что, согласно оккультным доктринам, андрогин представляли собою одну из рас в истории земли: «...первоначальное двуполое единство человеческой Третьей коренной Расы есть аксиома в Тайной Доктрине»⁸⁷.

И на протяжении большинства глав «Тайной Доктрины», посвященных истории человечества, Блаватская не устает повторять: «...какое бы происхождение не приписывалось человеку, эволюция его произошла в следующем порядке: 1) бесполой, как и все примитивные (ранние) формы; 2) затем, в силу естественного перехода, он стал «одиноким гермафродитом», двуполом существом; и 3) наконец, он разъединился и стал тем, чем он является сейчас»⁸⁸; «...Третья

Раса — те, кто пали в зарождение, или же из андрогин стали отдельными особями, одна мужского рода, другая женского — как сказано, находились под непосредственным воздействием Венеры...»⁸⁹; «Бесполоя Раса была их <Богов> первым произведением, видоизменением их самих и от них самих, чистых Духовных Существований: это и был Адам *solus*. Отсюда произошла *Вторая Раса*: Адам-Ева или *Jod-Neva*, бездеятельные Андрогинны; и наконец *Третья*, или же «разделившийся Гермафродит», Каин и Авель, которые породили Четвертую Сиф-Енох и т. д.»⁹⁰. И количество таких примеров можно множить практически бесконечно.

Но при этом отнюдь нелишне будет заметить, что андрогинная природа человека прежних рас понималась ею не просто как двуполость, но и как синтез всех важнейших сторон его существа: «Все эти аллегории указывают <...> на двоякую и троякую природу человека: двоякую, как мужчина и женщина; троякую — как духовную и психическую сущность внутри, и материальную оболочку снаружи»⁹¹.

Таким образом можно установить связь между представлением Гумилева о «внешнем и внутреннем Адаме», о связи души и тела в одноименном триптихе с андрогинной темой его стихов.

Вероятно, в связи с достаточно оживленным (см. также выше) обсуждением темы «Гумилев и масонство» следовало бы отметить специально, что для Блаватской «масонство — не то политическое учреждение, которое известно под названием Шотландской Ложи, но настоящее Масонство, некоторые обряды которого все еще сохранились в Великом Востоке Франции <...> то Масонство покоится, по словам Рагона, великого авторитета по этому предмету, на трех основных ступенях: тройная обязанность масона заключается в изучении *откуда он произошел, что он такое и куда он идет*; т. е. изучение Бога, самого себя и будущего преобразования»⁹², и далее устанавливаются прямые аналогии между масонством и великими мистериями древности. Несколькими страницами ранее Блаватская прямо утверждает: «...если Масонство было испорчено, то никто не в состоянии сокрушить действительного, незримого Розенкрейцера и Восточного Посвященного. Символизм Вишвакармы и Сурья Викарттаны выжил, где Хирам Абиф был действительно убит, и мы к нему теперь вернемся»⁹³.

Напомним, что с начала 1909 года Гумилев постоянно общается с Вяч. Ивановым, только что прошедшим (и продолжавшим дальнейшее постижение) школу различных оккультных наук у А. Р. Минцловой, которая в качестве одного из трех возможных для человека путей познания тайной сущности мира называла розенкрейцерство (другие два — путь Восточный, то есть прежде всего индийский, связанный с Йогой, и христианский). Вопрос о знакомстве Гумилева с самой Минцловой остается открытым, однако вполне возможно, что то ли непосредственно, то ли через каких-то иных adeптов круга Вяч. Иванова он мог быть посвящен в тайны пропагандируемого ею розенкрейцерства, что вовсе не предполагало формального посвящения в масоны. Этим самым

может быть (хотя и на достаточно гипотетическом уровне) примирено противоречие между открыто читающимися в его произведениях масонскими мотивами и той слабостью свидетельств о непосредственном членстве в какой-либо из лож, которая дала основание Л. Н. Гумилеву решительнейшим образом отвергать во время Гумилевских чтений 1991 года какую-либо причастность отца к масонству.

Как представляется, изучение оккультных корней самых различных произведений Гумилева имеет значительную перспективу. Уже приведенных совпадений вполне достаточно, чтобы самый предрасположенный читатель согласился: несмотря на формальное отрицание в акмеистическом манифесте какой-либо причастности к символическому «братанию» с мистикой, теософией, оккультизмом, поэт не только не чуждается этого «братания», но и следует в этом за наиболее последовательными символистами, вплоть до буквального переложения их идей и наблюдений на язык поэзии (и критической прозы). Чтобы не быть голословными, приведем хотя бы два примера ближайших контактов текстов Гумилева и Вяч. Иванова, того самого Иванова, с которым Гумилев по видимости так активно полемизирует и в стихах, и в прозе, и — что немаловажно! — в жизни.

Обращение к книге Иисуса Навина в гумилевском «Слове», по всей видимости, не является единственным источником стиха: «Словом разрушали города». Этот стих вполне может восприниматься как рефлекс той «магии слов», о которой ведет речь Иванов в статье «Заветы символизма». Не будем специально анализировать совпадения и противоположения этой статьи и акмеистического манифеста Гумилева, но приведем лишь один пассаж из текста Иванова: «Задачей поэзии была заклинательная магия ритмической речи, посредствующей между миром божественных сущностей и человеком. <...> Поистине, камни слагались в городские стены лирными чарами, и — помимо всякого иносказания — ритмами излечивались болезни души и тела, одерживались победы, умирялись междоусобия. Таковы были прямые задачи древнейшей поэзии — гимнической, эпической, элегической. Средством же служил «язык богов» как система чаровательной символики слова...»⁹⁴ Внешняя антитетичность «построение — разрушение» на самом деле лишь подчеркивает однозначность функций древнейшей поэзии как начального отношения к слову вообще.

Общим местом в суждениях последующих критиков и историков литературы стало представление о том, что «Наследие символизма и акмеизм» отдаст решительное предпочтение «земному», вещному, обыденному перед теми высотами, на которых существует символизм. Однако внимательное чтение гумилевской статьи убеждает, что такое понимание ее не вполне верно. Гумилев нигде не утверждает, будто линия раздела между символизмом и акмеизмом лежит в различном отношении к Непознаваемому: он совершенно отчетливо произносит лишь то, что «непознаваемое, по самому смыслу этого слова, нельзя познать» и «все попытки в этом отношении — нецело-

мудренны»⁹⁵. Далее идет развертывание этого тезиса в различных образных системах, и тут вдруг оказывается, что Гумилев практически повторяет ряд положений статьи Иванова «Мысли о символизме», опубликованной только что, весной 1912 года: «Мы хотим <...> быть верными назначению искусства, которое представляет малое и творит его великим, а не наоборот. <...> Истинному символизму свойственнее изображать земное, нежели небесное <...> Истинный символизм не отрывается от земли, он хочет сочетать корни и звезды и вырастает звездным цветком из близких, родимых корней. Он не подменяет вещей, и, говоря о море, понимает земное море...»⁹⁶

Кажется, что это говорит не Иванов, а Гумилев или даже Городецкий.

Конечно, делая такие сопоставления, мы вовсе не хотим сказать, что отличий акмеизма от символизма в варианте Вяч. Иванова не существовало. Существовали, и были весьма значительны, но рядом с острой полемикой было и определенное внутреннее согласие, не замечать которого мы не имеем права. В известной степени тем же самым было и отношение Гумилева в период зрелого творчества (который начался, по нашему мнению, с «Колчана») к оккультизму и прочим «тайным доктринам»: внешне, на словах — резкое отрицание, но на деле — глубоко запрятанное в ткань стиха переживание оккультных доктрин.

Отметим, что не только общие концепции, отношение к мистической реальности формировали образную ткань «Слова», но и отдельные совпадения. Так, вторая строфа стихотворения:

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине, —

вызывает по меньшей мере две существенные ассоциации, значимые в нашем контексте. Прежде всего это орел, который для оккультистов является чрезвычайно важным. В кратком «Теософском словаре» о нем говорится так: «...это один из наиболее древних символов. У греков и персов он был посвящен Солнцу; у египтян, под именем *Ах*, Гору. Греки считали его священной эмблемой Зевса, а друиды — верховного бога»⁹⁷. Символическое значение орла было столь высоко, что А. Р. Минцлова была склонна просматривать его даже в столь «профанном» тексте, как оперетта М. Кузмина «Забава дев». Летом 1909 г., т. е. тогда, когда отношения Вяч. Иванова и Гумилева были наиболее близкими, она писала первому в недатированном письме (явно написанном 12 июля): «Попросите «аббата» (прозвище Кузмина. — *Н. Б.*) не играть сегодня оперетку, пусть он сыграет ее при мне, завтра, ведь он не очень любит ее играть так часто (мне показалось так). А я ее «обожаю», эту, самую невероятную изо всех опереток! Если когда-нибудь, в том «воплощении» моем у меня будет время (в

чем я сомневаюсь!), я напишу очень серьезный, «неврологический» этюд об этой оперетке Кузмина, которую я считаю *chef-d'oeuvre* 'ом нелепости и верхом совершенства — — Все это я берусь доказать самым неопровержимым образом, с начала и до конца — от замысла (*не* от Кузмина исходящего, о «Птице-Мужчине», о Птице Таинственной) — Птице-Орел — с ней Иоанн — эмблема царей Земли — и знак их Преходящности, их Временности, их «Астральности» (т. к. время — тайна, и рождение *времени* исходит от брака *физического* с астральным — —)»⁹⁸.

Отсюда, конечно, исходит и стихотворение «Орел» из книги «Жемчуга», и (при довольно многочисленных иных коннотациях) орел, летящий к неведомому путнику в «Памяти».

Вряд ли случайно и то, что слово здесь уподоблено «розовому пламени». Согласно «древней мудрости» в изложении Безант, «любовь, соответственно своему качеству, создает формы более или менее прекрасные по рисунку и цвету, всех оттенков кармина до самых очаровательных *нежно-розовых* тонов, подобных бледной заре; такой цвет бывает у нежных и в то же время сильных охраняющих мысле-образов»⁹⁹.

Цветовая символика астральных тел, «искусственных элементарей» в ее представлении чрезвычайно значима, и анализу цветов их отведено немало страниц названной книги. Сопряжение космического (Солнце — символически представленное орлом — звезды и луна) с собственно человеческим (слово, «мысле-образ» и обозначенное им чувство любви) вполне соответствует эзотерическим представлениями об универсальной связи различных миров — не только микрокосма с макрокосмом, но и физического с астральным.

При этом следует отметить, что в индивидуальном сознании человека (и Гумилев здесь не был исключением) оккультизм даже в варианте, пропагандировавшемся Блаватской, отнюдь не противоречил христианскому мироощущению. Кажется даже, что именно предположение о приверженности Гумилева оккультизму дает возможность истолковать известное место из воспоминаний Вл. Ходасевича: «Гумилев не забывал креститься на все церкви, но я редко видал людей, до такой степени не подозревающих о том, что такое религия»¹⁰⁰. В третьем томе «Тайной Доктрины» (напомним, что знакомство Гумилева с ним под сомнением, но вряд ли можно сомневаться, что столь принципиальное положение должно было быть известно любому, хоть в малой степени причастному к оккультизму) говорится: «Ученику Оккультизма нельзя принадлежать к какому-либо вероисповеданию или секте, но все же он обязан оказывать внешнее уважение каждому вероисповеданию и верованию, если он хочет стать Адептом Закона Добра»¹⁰¹.

Впрочем, безоговорочно настаивать на этой гипотезе мы не имеем оснований, лишь указывая на настоятельную потребность изучения и этого круга интересов Гумилева.

ТЕТУШКА ИСКУССТВ

Оккультные коды в поэзии М. Кузмина

Прежде всего требует некоторого пояснения заглавие, выбранное нами для статьи. Оно восходит к первому стихотворению, названному «Луна», из цикла М. Кузмина «Для августа», и в контексте звучит так:

Понятней расстоянье
При взгляде на луну,
И время, и разлука,
И тетушка искусств,—
Оккультная наука,
И много разных чувств.

Похоже, что Кузмин действительно полагал оккультизм хоть и не матерью, но все же тетушкой искусства. Он никогда не был безоговорочным последователем эзотерических учений, и более того — время от времени протестовал против чересчур активного их использования в современности. Характерным образцом его отношения к оккультным наукам и их претворению в поэзии является рецензия на первый сборник стихов М. Волошина: «К сожалению, мы недостаточно осведомлены в тайных науках, чтобы судить, насколько глубок оккультизм Максимилиана Волошина. Открывает ли он новые перспективы, или же ограничивается переложением — в звучные, несколько однотонные строфы — изысканий французских мыслителей в этой опасной области знания? Однако для нас важно то, что сама точка зрения автора — его взгляд на вещи, природу и человеческие чувства — насквозь проникнута оккультизмом. Это, в конце концов, внежизненная, «внемировая» лирика, трепетно-холодная и гипнотизирующая, одетая в слепительно-яркие, но не всегда согласованные между собою краски, эти местами щегольские по технике, перегру-

женные, тяжеловато-пышные, торжественные строки производят впечатление влекущей и странной, несколько страшной маски... Можно не испугаться, не поверить, но пройти мимо, не смутившись хотя бы в первую минуту, невозможно»¹. После таких слов было бы странно видеть в Кузмине автора, почитающего «тайную доктрину» тем, что порождает искусство вообще и его собственное — в частности. Но наряду с этим искусство и оккультизм для него нередко выглядели говорящими об одном и том же, лишь разными словами и понятиями. И потому рассказы оккультистов можно было перевести на язык поэзии, сделав их при этом более существенными, чем они являются в оригинале.

1

Мы не обладаем пока что возможностью с достоверностью сказать, когда именно оккультизм попал в поле зрения Кузмина, но безусловно интересующим нас эпизодом является конец 1907-го и начало 1908 года, когда Кузмин писал третью часть своего первого сборника стихов «Сети». Конечно, к этому времени сборник существовал лишь в первоначальном варианте, но писавшиеся один за другим и, очевидно, в достаточно краткое время стихотворные циклы свидетельствуют, что поэтом в эти месяцы овладевают откровенно мистические настроения, теснейшим образом связанные с оккультной практикой его окружения.

Само строение сборника «Сети» как книги стихов, где явственно прочитывается сквозной сюжет, одновременно биографический и мистический, представляется нам весьма показательным.

Это построение явилось плодом довольно долгих раздумий и проб. 20 января 1908 г., осведомляясь о судьбе рукописи «Сетей», Кузмин писал Брюсову: «Получили ли Вы в достаточно благополучном виде рукопись «Сетей»? Мне крайне важно Ваше мнение о стихах, неизвестных Вам. Я писал Михаилу Федоровичу <Ликиардопуло> о возможном сокращении (и желательном, по-моему) «Любви этого лета». Если это не затруднит Вас, я был бы счастлив предоставить Вам это решение, равно как и выбор из 8 стихотворений («Различные стихотворения»), где я стою исключительно только за сохранение последнего: «При взгляде на весенние цветы». Что можно опустить без потери смысла в «Прерванной повести»? «Мечты о Москве»? «Несчастный день»? «Картонный домик»?»² Получив ответное письмо, где Брюсов уговаривал его рукопись не сокращать³, Кузмин предложил другой вариант: «Пусть будет так: выбрасывать из книги я ничего не буду, но вот, что я думаю. Т. к. последние два цикла не очень вяжутся с остальной книгой и т. к. я предполагаю писать еще несколько тесно связанных с этими двумя циклов, не помещать их в

«Сетях», а оставить для возможного потом небольшого отдельного издания <...> Досадно, что книга уменьшается, но мне кажутся мои соображения правильными»⁴. Как становится ясно из дневника, эти два последних цикла планировалось издать отдельной книгой в «Орах», домашнем издательстве Вяч. Иванова.

При всей случайности возникновения именно такой композиции книги, в итоге она обрела характер вполне законченный, и, более того, если бы два последних цикла были на каком-то этапе исключены (впрочем, это могло быть лишь в последние дни перед отправкой рукописи в «Скорпион», поскольку именно они и писались последними), сюжет всей книги не имел бы своего логического окончания. Правда, даже в таком виде сборник не получил, как представляется, хоть сколько-нибудь верной оценки в критике⁵, для которой наиболее авторитетным и дающим недвусмысленную ориентацию⁶ стал отзыв Брюсова, опубликованный уже в 1912 году и тем самым как бы подводивший итог: «Изыщество — вот пафос поэзии М. Кузмина. <...> Стихи М. Кузмина — поэзия для поэтов. Только зная технику стиха, можно верно оценить всю ее прелесть. И ни к кому не приложимо так, как к М. Кузмину, старое изречение: его стакан не велик, но он пьет из своего стакана...»⁷ Между тем совершенно очевидно, что книга была построена (если не принимать во внимание завершающий ее раздел «Александрийские песни», не входящий в лирический сюжет) как трилогия воплощения истинной любви, открыто ассоциирующейся в третьей части книги с любовью божественной, в любовь земную и стремящуюся к плотскому завершению, но несущую в себе все качества мистической и небесной.

Мы не исключаем, что сам Кузмин мог бы довольно решительно воспротивиться такому суждению о своей книге. Напомним уже приводившиеся нами в другом месте его слова из письма к Брюсову от 30 мая 1907 года: «Вы не можете представить, сколько радости принесли мне Ваши добрые слова теперь, когда я подвергаюсь нападкам со всех сторон, даже от людей, которых искренно хотел бы любить. По рассказам друзей, вернувшихся из Парижа⁸, Мережковские даже причислили меня к мистическим анархистам, причем в утешение оставили мне общество таковых же: Городецкого, Потемкина и Ауслендера. Сам Вячеслав Иванов, беря мою «Комедию о Евдокии» в «Оры», смотрит на нее как на опыт воссоздания мистерии «всенародного действия», от чего я сознательно отрекаюсь, видя в ней, если только она выражает, что я хочу, трогательную фривольную и манерную повесть о святой через XVIII в.»⁹ После таких протестов, внешне кажущихся очень искренними, не очень хочется искать в произведениях Кузмина что-либо за пределами той сферы, которую он сам им отводит. Однако, тщательнее всматриваясь в текст письма, следует обязательно принять во внимание как его общий полемический контекст (Кузмин расчетливо играл на очевидном для него разноре-

чий Брюсова и Вяч. Иванова в полемике о «мистическом анархизме», представляя себя верным сторонником Брюсова, тогда как почти наверняка можно предположить, что в разговорах с Вяч. Ивановым позиция была обозначена гораздо мягче), так и принципиальное нежелание Кузмина в какой бы то ни было степени ассоциироваться с любыми литературными группировками, пусть даже его произведения демонстрируют внутреннее тяготение к тем или иным принципам, прокламировавшимися символистами, акмеистами, футуристами или любыми иными поэтическими объединениями.

Если беспристрастно взглядеться в сквозную тему сборника «Сети», то увидим, что первую часть в нем составляют «Любовь этого лета» и «Прерванная повесть» — циклы о любви призрачной, обманчивой, неподлинной, то оборачивающейся внешним горением плотской страсти при отсутствии какого бы то ни было духовного содержания (лишь иногда привносимого извне, лирическим героем), то завершающейся изменой, причем изменой самой страшной, связанной с окончательным уходом в другую сферу притяжений. Вторая часть, куда входят «Ракеты», «Обманщик обманувшийся» и «Радостный путник», посвящена возрождению надежды на будущее, возникающей в непосредственном проживании жизни, а не предначертанной кем-то заранее:

Ты — читатель своей жизни, не писец,
Неизвестен тебе повести конец.

И, наконец, в третьей части, даже лексически ориентированной на Писание, открыто провидится высший смысл человеческой жизни, придаваемый «Мудрой встречей» с «Вожатым», который несет в себе одновременно черты и обыкновенного земного человека, и небесного воина в блещущих латах (наиболее явно ассоциирующегося со святым Кузмина — архангелом Михаилом, водителем Божиих ратей)¹⁰.

Автобиографические подтексты первой части очевидны, и Кузмин не думал скрывать их от друзей, да и от многих читателей также. «Любовь этого лета» посвящена отношениям с ничем не примечательным молодым человеком Павликом Масловым, и друзья Кузмина того времени легко проецировали стихи непосредственно на реальность. Характерный пример — письмо В. Ф. Нувеля от 1 августа 1906 г.: «...третьего дня видел его (Маслова. — Н. Б.) в Тавриде (Таврическом саду. — Н. Б.). К сожалению, я не мог долго беседовать с ним, т. к. я был не один, но могу сказать, что он такой же, как и прежде. И нос Пьеро, и лукавые глаза, и сочный рот — все на месте (остального я не рассматривал) <...> Где же та легкость жизни, которую Вы постоянно отстаивали? Неужели она может привести к таким роковым последствиям? Тогда все рухнет, и Вы изменили «цветам веселой земли». И нос Пьеро, и Мариво, и «Свадьба Фигаро» — все это только временно отнято у Вас, и надо разлюбить их оконча-

тельно, чтоб потерять надежду увидеть их вновь и скоро»¹¹. Цитаты из наиболее ранних стихов «Любви этого лета», написанных еще в Петербурге, до отъезда в Васильсурск на отдых и для поправки расстроенных материальных дел, в тексте письма совершенно очевидны. Столь же очевиден, и не только для дружеского глаза, но и для сторонней критики, был и автобиографический подтекст «Прерванной повести», тем более что она была опубликована впервые в альманахе «Белые ночи» вместе с еще более откровенной в этом отношении повестью «Картонный домик».

Однако и последняя, третья часть «Сетей», наиболее возвышенная и предназначенная для завершения сборника на максимально высокой ноте, также была основана на откровенном автобиографизме, — правда теперь уже скрытом от глаз обыкновенного читателя, которому она должна была представляться находящейся по ту сторону человеческого существования в реальном мире.

1 ноября 1907 г. Кузмин записал в дневнике: «Зашел к Вяч. Ив. <Иванову>, там эта баба Минцлова водворилась. Вяч. томен, грустен, но не убит, по-моему. Беседовали»¹². Напомним, что Минцлова появилась в жизни семьи Ивановых в конце 1906 года и быстро заняла место доверенного человека, которому становились известны все самые интимные тайны семьи. После смерти Зиновьевой-Аннибал Минцлова, убежденная в собственной оккультной силе, начала решительную атаку на Иванова, пытаясь подчинить его своей воле. Для нас сейчас существенно отметить, что и для Кузмина эта мистическая связь Иванова с Минцловой не прошла бесследно, отразившись во многих текстах.

Сколько мы можем судить по дневниковым записям Кузмина, он довольно скептически относился ко всякого рода теософическим, оккультистским, масонским и тому подобным концепциям. Однако личность Минцловой произвела на него очень сильное впечатление, поддержанное его собственными переживаниями этого времени.

В марте 1907 г. Кузмин познакомился с приятелем М. Л. Гофмана по юнкерскому училищу Виктором Андреевичем Наумовым и страстно в него влюбился. Однако бесконечные попытки сближения не приносили успеха — Наумов не выражал особого желания превращать знакомство в интимные отношения. И тогда Кузмин прибег к мистике, переходившей время от времени в откровенно оккультную практику.

Способствовала этому атмосфера, установившаяся на «башне» Иванова после смерти его жены. Иванов не только вслушивался в советы Минцловой, но и вошел в тесный контакт с поглощенным всякого рода мистическими учениями Б. А. Леманом, стал культивировать различные формы медитации, которые завершались визионерством и создавали эффект полного вселения души Зиновьевой-Аннибал в его земное тело. И для весьма близкого к нему в это время Кузмина такое увлечение также не прошло даром.

Вот несколько характерных записей из его дневника, относящихся к концу 1907-го и началу 1908 года: «Пришел Леман, говорил поразительные вещи по числам, неясные мне самому. Дней через 14 начнет выясняться В<иктор> А<ндреевич>, через месяц будет все крепко стоять, в апреле-мае огромный свет и счастье, утром ясным пробуждение. Очень меня успокоил. <...> Да, Леман советует не видиться дней 10, иначе может замедлиться, но это очень трудно. Апрельское утро придет, что бы я ни делал. Проживу до 53 л., а мог бы до 62—7<-ми>, если бы не теперешняя история. Безумие не грозит» (23 января); «Пришел Леман с предсказаниями. Я будто в сказке или романе. Не портит ли он нам? ведь и он был в меня влюблен» (29 декабря).

И в этой обстановке у Кузмина начинаются довольно регулярные видения; некоторые из них подробно описаны в дневнике. 29 декабря такое видение зафиксировано впервые: «Днем видел ангела в золот<исто->коричневом плаще и золот<ых> латах с лицом Виктора и, м<ожет> б<ыть>, князя Жоржа¹³. Он стоял у окна, когда я вошел от дев¹⁴. Длилось это яснейшее видение секу<нд> 8». 28 января Кузмин записывает, что начинаются медитации, и тут же после этого видения возобновляются с еще большей отчетливостью и регулярностью. Так, 16 февраля следует запись: «Анна Руд<ольфовна>, поговоривши, повела меня в свою комнату и, велевши отрешиться от окружающего, устремиться к одному, попробовать подняться, уйти, сама обняла меня в большом порыве. Холод и трепет — сквозь густую пелену я увидел Виктора без мешка на голове, руки на одеяле, румяного, будто спящего. Вернувшись, я долго видел меч, мой меч, и обрывки пелен».

Читателю, хорошо помнящему стихи Кузмина, многое должно быть в этих записях знакомо. Вожатый в виде ангела, облеченного в латы, с меняющимся лицом — то Наумова, то князя Жоржа, то самого Кузмина (и тогда этот ангел отождествляется с архангелом Михаилом, вооруженным мечом), — все это сквозные символы третьей части «Сетей». Некоторые стихотворения этой серии вообще оказывается невозможно понять вне дневниковых записей, настолько их символика необъятно широка и суживается лишь при подстановке внетекстовой реальности. Таково, например, второе стихотворение цикла «Струи»:

Истекай, о сердце, истекай!
 Расцветай, о роза, расцветай!
 Сердце, розой пьяное, трепещет.

От любви сгораю, от любви;
 Не зови, о милый, не зови:
 Из-за розы меч грозящий блещет.

Однако при обращении к дневнику смысл стихотворения становится почти очевидным: «Днем ясно видел прозрачные 2 розы и буд-

то из сердца у меня поток крови на пол» (7 февраля). И днем позже: «Болит грудь, откуда шла кровь».

Но наиболее очевидный ключ ко всем этим стихотворениям дает описание видения, случившегося с Кузминым 31 января 1908 года: «В большой комнате, вмещающей человек 50, много людей, в розовых платьях, но неясных и неузнаваемых по лицам — туманный сонм. На кресле, спинкою к единствен<ному> окну, где виделось прозрачно-синее ночное небо, сидит ясно видимая Л<идия> Дм<итриевна Зиновьева-Аннибал> в уборе и платье византийских императриц, лоб, уши и часть щек, и горло закрыты тяжелым золотым шитьем; сидит неподвижно, но с открытыми живыми глазами и живыми красками лица, хотя известно, что она — ушедшая. Перед креслом пустое пространство, выходящие на которое становятся ясно видными, смутный, колеблющийся сонм людей по сторонам. Известно, что кто-то должен кадить. На ясное место из толпы быстро выходит Виктор (Наумов. — *Н. Б.*) в мундире с тесаком у пояса. Голос Вячеслава (Иванова. — *Н. Б.*) из толпы: «Не трогайте ладана, не Вы должны это делать». Л. Дм., не двигаясь, громко: «Оставь, Вячеслав, это все равно». Тут кусок ладана, около которого положены небольшие нож и молоток, сам падает на пол и рассыпается золотыми опилками, в которых — несколько золотых колосьев. Наумов поднимает не горевшую и без ладана кадильницу, из которой вдруг струится клубами дым, наполнивший облаками весь покой, и сильный запах ладана. Вячеслав же, выйдя на середину, горстями берет золотой песок и колосья, а Л. Дм. подымается на креслах, причем оказывается такой огромной, что скрывает все окно и всех превосходит ростом. Все время густой розовый сумрак. Проснулся я, еще долго и ясно слыша запах ладана, все время медитации и потом».

Из этого отрывка становится ясно, что цикл «Мудрая встреча» посвящен Вяч. Иванову не только «так как ему особенно нравится», как сообщал Кузмин В. В. Руслову¹⁵, но и по самой прямой связи переживаний Кузмина с мыслями, обуревавшими Иванова в эти тяжелые для него месяцы. Любовь, смерть и воскресение в новой, божественной любви — вот основное содержание трех циклов, объединенных в третьей части сборника «Сети», и тем самым завершение сквозного сюжета всей книги, причем это теснейшим образом оказывается связанным с двумя автобиографическими подтекстами: любовь к В. Наумову и сопереживание состоянию Вяч. Иванова после смерти жены с мистическим воскресением в новую, совсем иную жизнь.

Повседневный, реальный мистицизм становится для Кузмина в это время сильнейшим стимулом к созданию стихотворных циклов, повествующих о возвышенной любви, которая освящает и оправдывает все предыдущие любовные эпизоды, разворачивающиеся перед глазами читателя. Но его роль и место в жизни оказались довольно резко ограниченными. Не позднее чем к лету 1908 года Кузмин явно

разочаровывается как в оккультной практике Миншловой, так и в собственных мистических переживаниях. Во всяком случае, ничего хотя бы отдаленно подобного третьей части «Сетей» мы в его поэзии не встретим. Тогда же он начинает работать над повестью «Двойной наперсник», карикатурно изображающей и Миншлову, и мистические практики, и попытки внесения оккультизма в реальную жизнь¹⁶. Еще более неприязненно описывается это в повести «Покойница в доме» (1912).

Однако интереса к разного рода эзотерическим наукам и практикам Кузмин вовсе не утратил, только они постепенно превратились в средство создания поэтического образа — не более того. Зашифрованность, герметичность оккультных текстов позволяла при проекции их на поэтические структуры добиваться сильного эффекта, выражавшегося прежде всего в создании особой атмосферы, где явственно ощущалось некое важное содержание, но конкретно выразить его оказывалось невозможно без привлечения реалий, находящихся чаще всего вне личностного опыта читателя, не погруженного в мир эзотерической литературы разного рода.

Несколько примеров того, как работают в поздней (после 1916 года) поэзии Кузмина различные оккультные коды, мы бы хотели предложить читателям.

2

Первый из них относится к масонским и розенкрейцерским текстам, известным в русской традиции восемнадцатого века.

Комментируя (совместно с Дж. Мальмстадом) стихотворения Кузмина, В. Ф. Марков придумал замечательную аббревиатуру «эпрбуирт», расшифровываемую: «Это предоставляется разгадывать более удачливым и расторопным толкователям»¹⁷. И вряд ли можно признать случайным, что появилось оно применительно к поздней поэзии Кузмина, одной из наиболее загадочных во всей русской литературе.

Дело здесь даже не в объеме и изысканности знаний Кузмина, восходящих еще к годам юности (сохранившиеся в РГАЛИ и еще ждущие публикации записные книжки Кузмина ранних лет пестрят самыми разнообразными названиями книг), но и в том, что для него не существовало принципиальной границы между литературой (и — шире — культурой) «высокой» и «низкой», расстояние меж «стихами» и «сором» (по известной ахматовской формуле) было самым минимальным. С такой же легкостью, как в его стихи входило «житейское», в них попадали и события политической повседневности, и обрывки услышанных мелодий, и мимолетные уличные разговоры, и прочитанное в каком-нибудь «Синем журнале» или «Аргусе». И

нельзя сказать, чтобы это происходило «на фоне» увлеченности исключительно серьезными проблемами, как бы случайно. Нет, для творчества Кузмина была в высшей степени характерна ориентированность на принципиальное неразграничивание «высокого» и «низкого», как и самых различных культурно-исторических эпох.

Очевидно, такое отношение к источникам собственного творчества в значительной мере сформировалось у Кузмина еще в юности под влиянием бесед и переписки с Г. В. Чичериным. Позволим себе привести весьма характерный пример из письма Чичерина к Кузмину от 18/31 января 1897 г.: «Кстати об александрийско-римском мире: ты не оставил мысли о Kallista, помнишь? в газетах я часто читал большие похвалы Chansons de Bilitis (Pierre Louÿs), это подражание антологиям того времени; иногда, говорят, грязновато, в общем очень хвалят, какой-то ученый немецкий историк написал книгу о них, я не заметил его имени, это было в дороге. У P. Louÿs также — роман «Aphrodite», — говорят, очень грязно¹⁸. — Если ты захочешь читать «Pistis Sophia», вот полное заглавие: «P<istis> S<ophia>, opus gnosticum e codice manuscripto coptico latine verti» Schwartz ed. Статья Köstlin о ней очень верна, п<отому> ч<то> суммирует в одну картину рассыпанное (K<östlin>. Das gnostische System des Büches P<istis> S<ophia>, Theolog. Jahrbücher, B. XIII, 1854). Кажется, мы решили взять оттуда для «Памфилы» только воззвания P<istis> S<ophia> (в виде как бы литании), без отнош<ения> к ее метафизике, а чудную, идеальную картину мира из нее выделить для чего-нибудь особого (эта картина суммирована у Köstlin). Я очень, очень рад, что ты стал видеть и былины — этот удивительно широкий эпос, какового не знают германцы, величавый, мировой, сияющий как полдень. Лучший сборник — «Онежские былины» Гильфердинга, он попал в самый центр былинных традиций; былины у него расположены по певцам, в начале каждого певца — его характерист<ика>; пробежав ее, сейчас видно, ценные ли образцы у этого певца; в предисловии сборника (очень ценном вообще при ознакомлении с былинами) названы кое-кто из лучших певцов. Я продолжаю разбирать Врхлицкого, а относит<ельно> Словацкого не теряю надежды со временем, когда сам с ним хорошенько познакомлюсь (теперь я в него только взглянул и увидел все его богатство), познакомить с ним тебя; мне трудно объяснить в чем, но я чувствую, что это один из тех, к кот<орым> ты наиболее близок — ближе гораздо, чем к колоритным или мраморным Flaubert, Leconte de Lisle (с ними ты сходишься только по излюбл<енным> предметам, по эстет<ическим> вкусам в общем смысле), — ближе, чем к Калидасе, с кот<орым> ты имеешь нечто общее, интенсивно ароматное и упоенное (Врхлицкий в эпосе, по роскоши, profusion упоительных образов иногда напоминает индийскую поэзию; близость славянства и Индии часто в мистич<еских>, созерцат<ельных>, пессимистич<еских> наклонностях»¹⁹.

Известна реакция Кузмина на извещение о «Песнях Билитис»²⁰, но для нас в данном случае важна не она, а сам стиль и дух отношения Чичерина (выступающего в данном случае, как и в большинстве других, наставником Кузмина) к различным явлениям мировой культуры, когда в одном ряду стоят «Pistis Sophia» и ее научные разборы, русские былины (также оцененные с профессионально фольклористических позиций), поэзия Я. Врхлицкого и Ю. Словацкого, газетные известия о произведениях П. Луиса. Переплетаясь, все это создает особый, неповторимый колорит как переписки Кузмина и Чичерина, так и вообще всего стиля жизни и мышления корреспондентов.

Исходя из этого общего представления о стиле поэтического мышления Кузмина, попробуем проанализировать два его стихотворения, оставленных в «Собрании стихов» практически без комментария и даже без «эпрбуирт», но определенно между собою связанных как образными ассоциациями, так и общим подтекстом.

Сначала о подтексте.

Еще в конце девятнадцатого века А. Н. Пыпин опубликовал рукопись из собрания Императорской Публичной библиотеки, где его (как и наше) внимание особенно привлек раздел «О философических человечках, — что они суть в самом деле и как их рождать?». Вот текст этого раздела.

«Сие происходит следующим образом: возьми колбу из самого лучшего хрустального стекла, — положи в оную самой чистой майской росы, в полнолуние собранной, одну часть, две части мужской крови и три части крови женской; но заметить должно, чтоб сии особы, если только можно, были целомудренны и чисты; потом поставь стекло оное с сею материею, покрыв его слепою крышкою, сохранно на два месяца для гниения в умеренную теплоту, — и тогда на дне оного ссядется красная земля. После сего времени процеди сей менструм, который стоит наверху, в чистое стекло и сохрани его хорошенько; потом возьми одну грань тинктуры из царства животных, — положи оную в колбу, поставь ее паки в умеренную теплоту на один месяц, — и тогда в колбе сей подыметя кверху пузырек. Когда ты усмотришь, что покажутся жилки, то влей туда немножко твоего процеженного и согретого менструм и сохрани поспешно колбу, закупорив ее крепко, старайся токмо, чтобы не много шевелить оную, оставь ее паки бродить целый месяц, то оный пузырек будет делаться от часу большим; по прошествии 4-х недель паки влей туда немного оного менструм, — и сие делай четыре месяца сряду; однако ж всякой раз вливай более менструм, нежели вначале. После сего времени, когда услышишь нечто шипящее и свистящее, то подойди к колбе, — и, к великой радости и удивлению твоему, ты увидишь в ней две живые твари.

Здесь примечай. Ежели кровь, из коей приготовлен Оссеги и из которой выросли сии мушинка и женщина, взята из людей неце-

ломудренных, то мушинка будет половина зверь, — также и женщина будет снизу ужасного вида. Ежели же кровь сия взята от особ целомудренных и чистых, то ты будешь радоваться ими и взирать на них с сердечным веселием, сколь любезными естество их составило; но они будут не выше одной четверти аршина; однако ж шевелятся и движутся, ходят взад и вперед в колбе; в середине же вырастет деревцо, украшенное всякими плодами.

Ежели ты хочешь сохранить их и желаешь, чтоб они паче и паче возрастали, то возьми две грани астрального камня прежде, нежели оный увеличится, и столько же камня растений, сотри хорошенько обе тинктуры в твоём сохраненном менструм, налей оные несколько в колбу чрез трубочки, долженствующие быть на стороне колбы, дабы не было нужды часто открывать оные и не входил бы в нее воздух, который вреден для сих тварей, — и налей на самое дно оные, а потом заткни трубочки оные накрепко, и тогда вскорости начнут произрастать всякие травы и древа; однако ж ты должен каждый месяц подливать сим образом; и так можешь ты сохранить целой год. А по прошествии сего времени ты от них узнаешь все то, что тебе захочется знать из природы; они будут тебя бояться и чтить, — но более шести лет жить они не могут, на седьмом году исчезают (кончаются).

Сие представляет тебе ясно, как первые наши прародители были в раю и как произошло их падение; ибо после шести лет ты увидишь, что сии твари, которые до сего времени от всего ели, исключая того цвета, который в самом начале показался в середине колбы, теперь начинают иметь желание и от сего вкусить! И сего ради сверху гельма²¹ составляется чад из облака (туман), который становится час от часу сильнее, наконец делается красен, как кровь, и даже огонь начнет из себя выбрасывать; в сие время оба человека ползают и стараются сокрыться, — сие видеть весьма жалостно; но и сие паки переходит; однако ж, как скоро ты усмотришь в колбе сей знак, то не вливай более в колбу того менструм, которым ты сохранял доселе жизнь тварей твоих; засим последует в колбе великая засуха, все растлится, а человеки и умрут даже. По сем разверзется земля, начнет и огонь ниспадать сверху. Ужасно видеть сие! При сем случае, ежели колба мала, разрывается в куски и великой вред причиняет. — Сего ради колба должна быть твердая и толстая, и чем больше, тем лучше, фигура же ее должна быть круглая. И так сие изрыгание огня продолжится целой месяц, потом настанет тишина, и все вместе стопится: ты увидишь в колбе четыре части, одна над другою ссевшиися; на верхнее не можно будет глядеть по причине великого сияния и цветов; в середине хрустальная часть, за сею следует красная, как кровь, — и в самом низу черной дым, беспрестанно курящийся.

Верхнее в колбе со многими красками представляет небесный Иерусалим со всеми его жителями; следующее за сим хрустальное изображает стеклянное²², третье показывает красное великое стеклянное

море, чрез которое должны проходить и очищаться те, кои в сей жизни не сотворили истинного покаяния²³. Внизу представляется вечное осуждение, мрачное жилище диаволов и нечестивцев, — и хотя б сто лет стояла у тебя земля сия, то беспрестанно б она курилась; но ежели землю сию положишь в *реторту* и дашь ей в печке огонь постепенной, то воздымется огненный горящий сублимат, которым легко все возжигается; если же, напротив того, выбросишь вон сию землю, то делается она илом, наподобие жабы, и ползет в землю»²⁴.

Следует заметить, что вообще этот текст не прошел мимо внимания русских поэтов начала XX века. Его законспектировал Блок, и в некоторых его стихотворениях не без оснований усматриваются отдаленные параллели с данными строками²⁵. Однако несомненно, что наиболее значительное воздействие было им оказано на два стихотворения Кузмина: «Адам» из сборника «Нездешние вечера» (написано 14 июля 1920 г.²⁶) и «Искусство» из книги «Параболы» (май 1921 г.).

Хронологическая близость и композиционная симметрия расположения стихотворений в книгах («Адам» — третье стихотворение от конца «Нездешних вечеров», а «Искусство» — четвертое от начала «Парабол») лишний раз указывают на неслучайность их связей с общим источником и, следовательно, через его посредство — друг с другом.

Однако обратим внимание, что исходный текст довольно последовательно распределяется между двумя стихотворениями: в «Адаме» — история грехопадения и тем самым самоуничтожения двух гомункулусов, а в «Искусстве» — сам процесс их создания из «тумана и майской росы» (характерно, что в источнике рецепт иной — майская роса и *кровь*; туман появляется лишь в конце, уже перед гибелью Адама и Евы, не принимая никакого участия в их сотворении; может быть, нелишне будет сказать, что *кровью* кончается предшествующее «Искусству» стихотворение «Легче пламени, молока нежней...»: «А кровь все поет глуше и гуще»). При этом ни о каких гомункулусах в «Искусстве» речи нет, они оставлены за рамками повествования. Но восстановление первоначального контекста заставляет нас воссоединить эти два стихотворения и попробовать отыскать в них то, что в замысле поэта их объединяло.

Прежде всего, как нам представляется, речь должна идти о поэтическом творчестве как точной аналогии с Божественным сотворением мира. В стихотворении «Искусство» об этом нет ни слова, в нем искусство уподоблено алхимическому деланию, когда метаморфозы вещества лишь подчеркивают «неуничтожаемость» единого поэтического замысла:

Кора и розоватый цвет, —
Все восстановлено из праха.
Кто тленного не знает страха,
Тому уничтоженья нет.

Видимо, и метафорический «ветра буйный конь» в следующей после процитированного нами четверостишия строке достаточно очевидно связан с тремя конями из Апокалипсиса, неспособными качнуть «верхушки легкой» (в дополнение к широко распространенному мнению о легкости поэзии Кузмина процитируем дневниковую запись от 18 апреля 1921 г.: «О. Н. <Арбенина> передавала мнение Гумма о легкости моего пера»²⁷).

Необходимо сказать, что, вопреки установившемуся мнению (и в некоторые периоды — вполне подтверждающемуся документально), дневник Кузмина за эти годы показывает его самый пристальный интерес к политическим событиям, вызванный, в частности, и тем, что они были способны самым прямым образом коснуться его жизни и жизни наиболее близкого ему тогда человека — Ю. И. Юркуна. После ареста и довольно продолжительного заключения Юркуна в «казармах на затонном взморье», упомянутых впоследствии в пропущенном стихотворении из «Северного веера», Кузмин имел все основания опасаться нового ареста как во время Кронштадтского восстания, так и позже, в грозовой атмосфере конца весны и всего лета 1921 года. И на это накладывалась тревога по поводу не столь уж давно (на Новый год) начавшегося романа Юркуна с О. Н. Арбениной, дневниковая запись о котором отнесена к 16 мая. Сильнейшее внутреннее беспокойство катаргически разрешается в стихотворении уверенностью в неизменности истинного бытия в искусстве, для которого не страшны никакие превращения.

Этот семантический слой стихотворения достаточно ясен, и дополнительные соображения, приводимые нами, лишь уточняют его, позволяя опереться на конкретные факты жизни Кузмина этого времени. Однако обращение к розенкрейцерскому тексту, процитированному выше, выявляет еще одну безусловную аналогию: поэт с помощью алхимического делания не просто творит ряд превращений, но прежде всего становится Демидургом, творцом людей. И это возвращает нас к «Адаму» с его повествованием о колбе и живущих в ней Адаме и Еве. Их история в точности повторяет описанную в старой рукописи, с тем, однако, изменением, что она заключена в композиционную рамку, являющуюся наиболее содержательно важной для стихотворения:

В осеннем кабинете
 Так пусто и бедно

 По-прежнему червонцем
 Играет край багет,
 Пылится острым солнцем
 Осенний кабинет.

Именно жизнь этого кабинета, а не жизнь внутри колбы, уже заранее известная по библейскому преданию, интересует в первую очередь поэта. Не только те двое, что находятся в колбе и в очередной

раз проигрывают навеки предуказанную историю, но и наблюдающие за ними обречены жестокой судьбе:

О, маленькие души!
А мы, а мы, а мы?!
Летучие игрушки
Непробужденной тьмы.

Творец малого мира сам оказывается в положении искусственных Адама и Евы, сам подвержен действию высшей силы, с которой бороться бесполезно, пусть даже она является «непробужденной тьмой» (а скорее — именно потому, что она ею является).

Если опять-таки обратиться к дневнику Кузмина, то записи, предшествующие созданию «Адама», не менее выразительны, чем записи 1921 года. Так, например, 24 марта н.ст.: «Боже мой, Боже мой! где все? где? Теперь и скромная жизнь, смиренным швейцаром²⁸ исчезла, даже монастырь, даже нищими. Я не говорю про Альберовскую жизнь, но где Нижний, Окуловка, зять, даже Евдокия, даже лавка, даже Ландау, даже советский хлеб Зиновия?²⁹ Где Пасха, пост, весна, кладбище? Неужели головой в прорубь? <...> Печально я думал о тепле, не то пчельнике, не то яблочном саду. Неужели и там большевики все засрала?»; 27 мая: «Я не считаю себя пупом земли, но внешняя жизнь такова, что отсекает разные земные пристрастия. Сначала половые, направляя все на еду. А теперь и еду. Я думал сначала, что это импотенция, но нет. Просто поставлено на десятое место. Конечно, большевики тут не при чем и все равно прокляты и осуждены. Но подневольный режим делает свое дело. Жестокое, но, м<ожет> б<ыть>, благодетельное»; 7 июня: «Ховина рассказывала, что Брик поступил в Ч. К. Это и не удивительно. Лили Юрьевна контролирует заводы. Эльза живет с мужем на Таити. Там у них кокосовые плантации, дома повар-китаец, five o'clock'и и т. п.». И, наконец, через три дня после создания стихотворения, 17 июля: «Разговоры такие. что все с большей тревогой и сомнением задаешь себе вопрос, не новые ли это формы жизни, черт бы их побрал!»

Не будем утверждать, что содержание всех этих записей непосредственно отразилось в стихотворении, однако настроение поэта в дни, предшествовавшие его созданию, они рисуют достаточно ясно. Становление новых форм советской жизни вызывает у него глубокую тревогу, тем более своим зачастую противоестественным слиянием с формами прежними (запись о Бриках и Эльзе Триоле). Поэтому и жизнь «кабинета» в стихотворении, несмотря на внешнюю устойчивость, в любой момент оказывается подверженной самым неожиданным и ужасным испытаниям, которые должны закончиться тем же, что и история гомункулических Адама и Евы:

Все — небо, эмбрионы
Канавкой утекло.

Но, однако, за всем этим оказывается возможным провидеть и некую духовную опору, о которой менее чем через год будет сказано в «Искусстве». Вопросы одного стихотворения находят ответы в другом, а оно, в свою очередь, разрешается ассоциациями с первым. Таким образом, они составляют своего рода «двойчатку», замкнутую в себе и обладающую единой семантической системой, связанной с общим источником.

Думается, такой вывод должен несколько скорректировать то представление о поэзии Кузмина, которое создается после блестящего анализа стихотворения «Конец второго тома», проделанного О. Роненом, где демонстрируется кузминское «карнавальное травестирирование сакральной темы»³⁰ с беглым указанием, что она может трактоваться и серьезно, как в стихотворении «Рождество» из тех же «Парабол». Как представляется нам, игровая и карнавализованная трактовка эсхатологических тем, о которой применительно к Кузмину говорит О. Ронен, находится на уровне гораздо более поверхностном, чем тот, что оказался затронут нами. Действительно вольно обращаясь со многими священными текстами в целом ряде стихотворений (и не только поздних, о которых идет речь и у нас, и у Ронена, но и достаточно ранних), Кузмин в подтексте решительно сохраняет верность тому, что внешне десакрализирует. Дополнительным соображением на этот счет может служить следующее: не лишено вероятия, что Кузмин узнал о процитированном нами тексте не непосредственно из книги (или первой публикации статьи) Пыпина, а из гораздо более популярного источника. А. В. Семека в статье «Русское масонство XVIII века» пересказал достаточно близко к тексту если не ту же, то аналогичную рукопись (не ссылаясь при этом на Пыпина)³¹. Если справедливо предположение, что Кузмин читал статью Пыпина и/или Семеки, то вряд ли он мог пропустить еще одно соображение, находящееся неподалеку: «По своим идеалам розенкрейцеры происходили от гностиков II и III века, стремившихся проникнуть в тайны Божества»³². Достаточно вспомнить, какое значение придается гностицизму в мировоззрении Кузмина вообще, что уподобление своей эпохи — прежде всего пореволюционных годов — второму веку нашей эры содержится в «Чешуе в неводе», чтобы по достоинству оценить эту параллель, поддержанную, скорее всего, и рядом других текстов, которые могли быть вполне доступны Кузмину³³. Соответственно, должна выстраиваться цепочка: розенкрейцерство — гностицизм — современность, и тем самым мы получаем возможность рассматривать два этих стихотворения в гораздо более широком контексте.

3

Иной источник кузминских кодов, связанных с оккультизмом, можно обнаружить в едва ли не еще более загадочном стихотворении «Первый Адам», также вошедшем в книгу «Параболы».

Существует и мемуарный фрагмент, который может прояснить некоторые (впрочем, довольно поздние) источники знаний Кузмина: А. Е. Шайкевич рассказывает о том, что во время работы Кузмина над романом о Калиостро он познакомил его с П. Д. Успенским, и они какое-то время беседовали: «...но они не подошли друг к другу. Кузмину не важны были оккультные знания, в которые посвящен был Калиостро <...> Успенский же, мало увлекавшийся мотивами эстетическими, видел в этом мифомане лишь корыстолюбивого и декоративного шарлатана. Но все же беседа их была ярка, и Кузмин с лета ловил все к оккультным доктринам отношения имевшие пояснения Успенского»³⁴.

Выделенные нами слова, как кажется, дают основание увидеть в беседе не только интерес Кузмина к Успенскому как автору «Четвертого измерения», что отметил мемуарист, и «Символов Таро», о чем писал комментировавший текст Г. А. Морев, но просто как к носителю и толкователю тайной доктрины; и сам интерес Кузмина к оккультизму вряд ли может быть ограничен только насущными задачами работы над романом о Калиостро. Известно, какое сильнейшее впечатление произвели на Кузмина два его очень кратких по времени путешествия — в Египет и в Италию. Беглость свиданий не помешала глубинному постижению. То же самое можно отнести и к тем «первоначальным сведениям по оккультизму», если воспользоваться названием книги д-ра Папюса, которые у Кузмина, несомненно, были.

Предметом нашего внимания в данной статье будет одно из наиболее загадочных стихотворений Кузмина — «Первый Адам», входящий в книгу «Параболы». Напомним его текст:

Йони-голубки, Ионины недра,
О, Иоанн Иорданских струй!
Мирты Киприды, Кибелины кедры,
Млечная мать, Маргарита морей!

Вышел вратами, немотствуя Воле,
Влажную вывел волной колыбель.
Берег и ветер мне! Что еще боле?
Сердцу срединному солнечный хмель.

Произрастание — верхнему севу!
Воспоминание — нижним водам!
Дымы колдуют Дельфийскую деву.
Ствол богоносный — первый Адам!

Стихотворение это комментировалось уже несколько раз, но по большей части авторы в рамках поставленных перед собою задач ограничивались примечаниями фактологического свойства. Для пояснения ряда не слишком широко известных понятий приведем с не-

которыми сокращениями комментариев А. В. Лаврова и Р. Д. Тименчика: «Первый Адам — Адам Кадмон (евр. «Адам первоначальный»), в традиции иудаизма и каббалистической мистике довременный первообраз для духовного и материального мира, а также для человека. Ср. образ «первого человека Адама» в 1-м послании к коринфянам св. апостола Павла (XV, 45). *Йони-голубки* — <...> женские гениталии, символ женского начала мироздания и божественной производящей силы. Ср. стихотворение Кузмина 1923 г.: «В гроте Венеринном мы горим... // Зовы голубок, россыпи роз...» (Россия. 1923. № 8. С. 5). *Мирты Киприды*... — Афродита (Киприда) представлялась как богиня плодородия, вечной весны и в окружении миртов, роз, анемонов и т. п. *Дельфийская дева* — сибилла Дельфийская (греч. миф.), наиболее известная в Древней Греции, пророчившая в Дельфах; вероятно, ассоциируется у Кузмина с изображающей ее фреской Микельанджело на плафоне Сикстинской капеллы»³⁵.

Добавим к этому некоторые факты. Прежде всего, напомним, что в тексте, отсылка к которому содержится в цитированном комментарии, апостол Павел говорит о Первом Адаме так: «Сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное. Так и написано: «первый человек Адам стал душою живущею»; а последний Адам есть дух животворящий. <...> Первый человек — из земли, перстный; второй человек — Господь с неба. Каков перстный, таковы и перстные; и каков небесный, таковы и небесные; И как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного. <...> Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся» (1-е Кор. 15, 44—45, 47—49, 51). Пытаясь в своем комментарии дать не только фактическое, но отчасти и герменевтическое толкование стихотворения, А. Г. Тимофеев относительно Первого Адама пишет: «При всей затруднительности вынесения однозначной оценки происхождения этого образа мы склонны усматривать в нем каббалистическую (Адам Кадмон, т. е. Первоначальный — довременный первообраз духовного и материального мира, также и человека) или гностическую (по Валентину, один из двух высших эонов, погрузившийся в материю и затем снова поднявшийся на небо) окраску»³⁶.

В. Ф. Марков и Дж. Малмстад в своем комментарии указывают, что Воля — согласно герметической доктрине, первый бог, отец Разума. У них же содержится указание на то, что «ствол богоносный» — очевидный фаллический символ. К использованию образа Дельфийской девы существенно будет процитировать отрывок из статьи Кузмина «Крылатый гость, гербарий и экзамены»: «Мы подходим к основному истоку всякого искусства — чисто женскому началу Сибиллинства, Дельфийской девы — пророчицы, вещуньи. Это начало потом подвергается влиянию других духовных наших сил — воли, темперамента, порыва или гармонизации, но ядро необходимое — таково. Без него — всякое мастерство — простая побрякушка и “литература”»³⁷.

Но все эти пояснения, на наш взгляд, не раскрывают самого смысла стихотворения, оставляя его столь же загадочным. Попробуем прочитать его последовательно и внимательно, оставив пока в стороне название, которое представляет собою один из наиболее сложных моментов в истолковании стихотворения, а также имея в виду совершенно справедливое наблюдение В. Маркова: «Основной прием <...> в стихах *Парабол*, — смешение образов, планов, слов. Поэтому в книге все двойится и тройится. В какой-то мере даже этот прием накладывания одного на другое (как у Ходасевича в «Соррентинских фотографиях») и перехода одного в другое идет от гностиков (которые мыслили параллельно и концентрическими кругами) и из оккультных традиций. Например, по Василиду, Гермес=Логос=фалл. Трисмегист объединял египетского Тота и греческого Гермеса»³⁸.

Прежде всего обратим внимание на настойчивые и даже несколько назойливые аллитерации, не слишком часто встречающиеся в творчестве Кузмина³⁹. Создается впечатление, что поэт нарочито обращает внимание читателей на звуки стихотворения, и это немедленно провоцирует желание поискать нечто в звуковом строе. Думается, это желание вполне оправданно. Первое слово стихотворения «йони» в своем более привычном русскому слуху виде «ион+и» оказывается рассыпанным по первым двум строкам: ИОНИны, ИОаНн, ИОрдаНскИх. Но столь настойчивое повторение заставляет задуматься: а почему отсутствует неизменная пара этого слова — «лингам»? Как кажется, заимствованное из санскрита слово все же заключено в стихотворении, будучи практически полностью анаграммировано в звуках последней строки: «ствОЛ боГоНосный — первый АдАМ»⁴⁰.

В то же время нам представляется, что Кузмин не только использует индийскую глубоко символическую пару понятий, освященных для русской поэзии в первую очередь творчеством Ф. Сологуба, но и называет (также в анаграммированном виде) их совсем, на первый взгляд, не символические русские корреляты. Поиски облегчаются довольно странным отсутствием рифмы, связывающей вторую и четвертую строки первой строфы: во второй и третьей строках эта рифма оказывается на своем месте, а тут пропадает, замененная совершенно нехарактерным для Кузмина консонансом (или, по иной терминологии, диссонансом) — «струй — морей». Обратив на это внимание, достаточно взглянуть в окончание второй строки (напомним, так насыщенной звуковым образом слова «йони»), чтобы увидеть вполне определенное: «ИорданскиХ струИЙ». Теперь остается поискать русское соответствие йони и обнаружить его звуки (и буквы) рассыпанными по двум первым строчкам последней строфы: «ПроИЗрастание — воДАМ». Если слушателям/читателям такое разнесение звуков представляется слишком далеким для восприятия непосредственным ощущением, укажем, что в слове «произрастание» вдобавок таится соотносительная по глухости/звонкости пара к ключевому

му сочетанию звуков «зд»: произраСТание; в третьей строке поддерживает вынесенное в рифму Д нагнетение этого же звука (четыре Д, из которых три — в самом начале слов), да и ключевое (оно же — последнее) для стихотворения слово «Адам» также присутствует в сознании читателя (хотя точнее, конечно, будет назвать его, используя выводы исследования М. Л. Гаспарова⁴¹, «перечитывателем»).

Итак, стихотворение оказывается окольцовано словами «йони» (первая—вторая строки) и «лингам» (последняя), а также соответствующими им русскими словами (вторая строка и начало последней строфы). К смыслу этого мы еще вернемся в центральной части нашего исследования, а сейчас попробуем обратиться к толкованию иных символов стихотворения.

Нам уже приходилось указывать⁴², что «Маргарита морей», по всей видимости, связана с циклом Вяч. Иванова «Золотые завесы», и прежде всего с девятым сонетом цикла:

Есть мощный звук: немолчною волной
В нем море Воли мается, вздымая
Из мутной мглы все, что — Мара и Майя
И в маревах мерцает нам — Женой.

Уст матерних в нем музыка немая,
Обманный мир, мечтаний мир ночной...
Есть звук иной: в нем вир над глубиной
Клокочет, волн гортани разжимая.

Два звука в Имя сочетать умей;
Нырни в пурпурный вир пучины южной,
Где в раковине дремлет день жемчужный;

Жемчужину схватить рукою смей, —
И пред тобой, светясь, как Амфирита,
В морях горит — Сирена Маргарита.

Столь же насыщенный анаграмматическими построениями⁴³, как и стихотворение Кузмина, сонет Иванова является подтекстом многообразным. Прежде всего, это относится, конечно, к самому тексту: «море Воли» Иванова отчасти поясняет Волю Кузмина, морские мотивы ивановского стихотворения находят частичное отражение во второй строфе у Кузмина (хотя там есть и другие подтексты, о которых речь пойдет далее), существенно обратить внимание и на индийскую символику Иванова в связи с первым словом (и его формально отсутствующей соотносительной парой) в стихотворении Кузмина. Но не менее существенно и то, что «Золотые завесы» являются параллелью к циклу «Эрос», особенно существенному для Кузмина, ибо в нем отчетливо слышны гомосексуальные мотивы. Биографический ключ, очевидный для современников⁴⁴, заставляет вспомнить и другие стихот-

ворения девятисотых годов: речь идет прежде всего о цикле Кузмина «Струи», название которого откликается в слове «струй» второй строфы (напомним, что соседствующие циклы «Струи» и «Мирты» [ср. «Мирты Киприды»] входят в раздел «Триптихи» книги «*Cor ardens*»), а также о многих обстоятельствах, связавших в 1906—1909 гг. Кузмина и Иванова: смерти Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, влияния А. Р. Минцловой, сложных любовных переживаний и пр. Может быть, излишне будет отметить также и некоторые параллели, связывающие «Мирты» Иванова со стихотворением Кузмина. Прежде всего — это строка: «Под миртами — Венерины черты», т. е., как и у Кузмина, мирт связан прежде всего с Венерой/Афродитой. Но еще более существенно, что весь цикл Иванова кончается, как и стихотворение Кузмина, откровенным описанием:

И вдруг рукой вдоль чресл моих скользнула
И, трижды перекинув, затянула
На трижды препоясанном — змею.

И был охват колец столь туг и цепок,
Что в узел он всю мощь собрал мою;
Она ж вскричала, торжествуя: «Крепок!»

Имеет значение, вероятно, и то, что «змея» в строках Иванова явно намекает на его же собственные откровенно эротические «Узлы змеи», ставшие на какое-то время наиболее растиражированным бульварной критикой и пародистами его стихотворением.

Поиски интертекстуальных соответствий между интересующим нас текстом Кузмина и произведениями Иванова можно было бы и продолжить (см. ниже «Экскурс»), однако, думается, пока достаточно будет указать на два момента: во-первых, на отнесение подавляющего большинства этих параллелей ко второй половине девятисотых годов, когда Иванов и Кузмин дружили (несмотря на иногда наступавшие периоды охлаждения), что заставляет видеть у Кузмина две явно не названных, но весьма значимых для обоих поэтов в то время особенности — сильнейшие эротические переживания и многостороннее воздействие личности и эзотерической практики А. Р. Минцловой. Второй момент — возможность разворачивания стихотворения Кузмина не только в той системе символов, которая непосредственно заключена в его тексте, но и в системе ассоциаций с древнеиндийскими мифами и традициями, на которые опирается «древняя мудрость» в ее теософическом изводе, что было весьма существенным для Иванова. Прочитируем лишь катрены двенадцатого сонета «Золотых завес»:

Клан прашуров твоих взростил Тибет,
Твердыня тайн и пустынь чар индийских,
И на челе покорном — солнц буддийских
Напечатлел смиренномудрый свет.

Но ты древней, чем ветхий их завет,
 Я зрел тебя, средь оргий мусикийских,
 Подъемлющей, в толпе рабынь нубийских,
 Навстречу Ра лилеи нильской цвет.

Здесь важно не только название тайн индийской (тибетской) мистики, но и упоминание весьма почитаемого в теософии Египта. Героиня цикла, таким образом, связывается с оккультной традицией, опирающейся на тайны Египта, Тибета, Индии и пр. Потому неудивительно будет, если и в стихотворении Кузмина мы увидим отголоски тех же воззрений.

Но сперва обратимся к казалось бы изолированной теме Ионы, названной в первой строке. Именно «Иона» было названо в оглавлении книги «Параболы» стихотворение, предшествующее «Первому Адаму»⁴⁵ (в тексте оно оставлено без заглавия), также датированное 1922 года. Потому представляется вполне вероятным, что Иона в «Первом Адаме» каким-то образом соответствует одноименному персонажу предыдущего стихотворения, текст которого напомним читателям:

Я не мажусь снадобьем колдуний,
 Я не жду урочных полнолуний,
 Я сижу на берегу,
 Тихий домик стерегу
 Посреди настурций да петуний.

В этот день спустился ранним рано
 К заводям зеленым океана,—
 Вдруг соленая гроза
 Слепила мне глаза —
 Выплеснула зев Левиафана.

Громы, брызги, облака несутся...
 Тише! тише! Господи Иисусе!
 Коням — бег, героям — медь.
 Я — садовник: мне бы петь!
 Отпусти! Зовущие спасутся.

Хвост. Удар. Еще! Не переспорим!
 О, чудовище! нажрися горем!
 Выше! Выше! Умер? Нет?..
 Что за теплый, тихий свет?
 Прямо к солнцу выблеван я морем.

Иона в стихотворении «Я не мажусь снадобьем колдуний...» — обыкновенный, средний человек, обыватель, «садовник», подвергшийся атаке не кита, как Иона, а Левиафана (по кажущемуся вполне справедливым наблюдению В. Маркова и Дж. Малмстада, Левиа-

фан здесь не библейский, из книги Иова, а гоббсовский, то есть метафора государства). Потому мы имеем все основания читать «Я не мажусь снадобьем колдуний...» как стихотворение о судьбе обывателя, сперва настигнутого зевом Левиафана-государства, но затем — именно потому, что он не волшебник и не герой, а простой садовник, — «выблеванного» морем к солнцу. И тогда вполне резонным будет признать, что во второй строфе «Первого Адама» речь также идет о сходном персонаже, после «влажной колыбели» оказавшемся на берегу под свежим морским ветром. Открыто говорит об этом параллелизм следующих строк: «прямо к солнцу выbleван я морем» и «сердцу срединному *солнечный* хмель». Солнечный свет и тепло, дающие любому человеку возможность существовать в окружающем его мире, являются сквозным символом поэзии Кузмина, предстающим в разных обликах, от предельно серьезных до иронически остранных⁴⁶.

Философические истолкования смысла данного фрагмента пока можно оставить сторонникам умозрительного отношения к тексту, которое нам в высшей степени чуждо, и обратить внимание на еще две строки, явно вписывающиеся в герметическую традицию: «Произрастание — верхнему севу! / Воспоминание — нижним водам!» Что такое «верхний сев» и «нижние воды» и почему им приписывается то произрастание, то воспоминание, мы определенно объяснить не можем (не исключено, что здесь имеется в виду традиционная коитальная позиция, и тогда «верхний сев» является метафорическим обозначением мужчины, а «нижние воды» — женщины), однако хотелось бы обратить внимание, что сама эта формула является, по всей видимости, отсылкой к известной формуле Гермеса Трисмегиста: «Что вверху, то и внизу». Ритмическое, словораздельное и даже пунктуационное подобие (конечно, не одинаковость!) двух этих строк свидетельствует об их обратимости, возможности поменять их части местами без существенного ущерба для темного смысла.

Но наиболее очевидна оккультная природа всего текста кузминского стихотворения при сопоставлении его с двумя главами «Тайной Доктрины» Е. П. Блаватской, открывающими вторую половину второго тома этого гигантского труда. Нам не известно с полной достоверностью, читал ли Кузмин Блаватскую по-английски или по-русски в каком-либо из довольно многочисленных частичных переводов, появившихся в девятисотые и десятые годы, или же знал ее концепцию в переложениях кого-либо из популяризаторов, или даже — что также не исключено — сам обращался к тем же источникам, что и Блаватская (хотя, как кажется, индийская мифология никогда не была в поле его особенно пристального зрения, за исключением некоторых общеизвестных, носившихся в воздухе сведений). Но совпадения представляются разительными и, главное, объясняющими сложную связь образов.

Очевидно, вообще вся главная идея стихотворения поясняется представлением, выраженным в «Тайной Доктрине», что «...какое бы

происхождение не приписывалось человеку, эволюция его произошла в следующем порядке: 1) бесполой, как и все примитивные (ранние) формы; 2) затем, в силу естественного перехода, он стал «одиноким гермафродитом», двуполом существом; и 3) наконец, он разъединился и стал тем, чем он является сейчас»⁴⁷.

В своих комментариях А. Г. Тимофеев рассматривал подобную точку зрения, однако — никак не объяснив этого — пришел к однозначному выводу: «Вряд ли здесь (то есть в стихотворении «Первый Адам». — Н. Б.) подразумевается первый Адам — человек до разделения на мужчину и женщину»⁴⁸.

Меж тем, как представляется нам, вязь слов, обозначающих мужские и женские гениталии, о чем шла речь выше, настаивает именно на обратном: Кузмин говорит о первом Адаме как об андрогине в самом прямом смысле этого слова. Но «Тайная Доктрина» не ограничивается только этим, а идет и далее. Блаватская пишет: «...самое слово «Бог», в единственном числе вымещающее всех Богов или Theoi, дошло до «высших» цивилизованных народов из странного источника, из столь же исключительно фаллического, как и индусский Лингам, во всей его примитивной откровенности»⁴⁹.

Фаллос-лингам не случайно завершает у Кузмина все стихотворение в слиянии с пронизывающими последнюю строфу звуками, составляющими русское имя женских гениталий. Его Первый Адам становится Богом вообще, но Богом не просто фаллическим, а андрогинным, что в полной степени соответствует довольно бессвязному, но впечатляющему изложению Блаватской в начале второй части второго тома (названного «Антропогенезис») ее основополагающего труда. Время от времени кажется, что второй и третий разделы этой части являются развернутым комментарием к стихотворению Кузмина, хотя, скорее всего, дело обстояло прямо наоборот. Процитируем хотя бы основную нить повествования Блаватской, касающейся пока что занимающего нас вопроса о том Адаме, который описан в стихотворении: «Адам-Адами есть родовое, составное имя, такое же древнее, как и сама речь. Тайная Доктрина учит, что Ад-и было имя, данное арийцами первой человеческой расе, овладевшей речью в этом Круге. Отсюда и термины Адоним и Адонай (древняя, множественная форма слова Адон), примененные евреями к их Иегове и Ангелам, которые были просто первыми духовными и эфиробразными сынами Земли и Бога Адониса <...> Адам-Адами есть олицетворение *двойного* Адама: парадигматичного Адама-Кадмона-Творца, также и низшего земного Адама, который, по мнению сирийских каббалистов, имел лишь Нэфеш, «дыхание жизни», но не *Живую Душу*, полученную им лишь после его Падения. <...> Каббалисты учат существованию четырех различных Адамов или же преобразению четырех последующих Адамов, эманаций от Диукна или Божественного Призрака Небесного Человека, эфиробразной комбина-

ции Нэшама, высшей Души или Духа; этот Адам не имел, конечно, ни грубого человеческого тела, ни *тела желаний*. Этот Адам есть Прототип (*Tzure*) второго Адама. <...> Первый есть Совершенный, Священный Адам, «Тень, которая исчезла» (Цари Эдема), происшедший от божественного Тцелем (Образа); второй именуется Протопластичным Андрогинным Адамом будущего земного и разъединившегося Адама; третий Адам есть человек, созданный из «праха» (первый, Непорочный Адам); и четвертый есть предполагаемый прародитель нашей собственной расы — Падший Адам <...> Первоначальная *Каббала* была вполне метафизична и не имела никакого касания к животному или земному полу; позднейшая *Каббала* удушила божественный идеал под тяжким фаллическим элементом»⁵⁰. Правда, далее Блаватская совершает от этого переход к восточному оккультизму, который в высших своих проявлениях снова отрекается от сексуального начала; но, как кажется, для Кузмина этот переход не имеет особого значения.

Но зато существенным для него должно было стать завершающее этот раздел описание гностического представления об Адамах: «...у гностиков второй Адам также исходит от Первичного Человека, Офит Адамас, «по образу которого он создан»; третий, от этого второго — Андрогин. Последний символизирован в шестой и седьмой паре муже-женственных Эонов-Амфаин-Ессумен <...> и Вананин-Ламертаде <...> (Отец-Матерь), — тогда как четвертый Адам или Раса представлен приапическим чудовищем. Последний — после-христианская фантазия — является деградированной копией до-христианского гностического символа «Благого» или «Он, кто создавал до существования чего-либо», Небесный Приап — истинно, рожден Венерою и Вакхом, когда этот Бог вернулся из своего путешествия в Индию, ибо Венера и Вакх являются позднейшими образами Адити и Духа. Позднейший Приап, хотя и будучи единым с Агафодемоном, гностическим Спасителем, и даже с Абракрасом, не является уже глифом для абстрактных творческих Сил, но символизирует четырех Адамов или четыре Расы...»⁵¹

Напомним, что Кузмин интересовался гностицизмом на протяжении большей части своей жизни, а слово «Абракрас» имело для него особое, почти сакральное значение⁵².

Таким образом, стихотворение Кузмина оказывается погруженным в самую сердцевину оккультных представлений о происхождении человечества, причем эта оккультная доктрина опирается на изложение чрезвычайно разнообразных, но в равной степени существенных для Кузмина представлений, отголоски которых можно найти во многих его произведениях.

Однако из такого анализа явно выпадает вторая строфа стихотворения, где речь заходит о чем-то довольно загадочном и совершенно ином, чем в первой и последней. И тут подтверждением нашей

теории о знакомстве поэта с «Тайной Доктриной» оказывается очевидное сходство этой второй строфы с третьим разделом той же части книги Блаватской, носящим название «“Святое святых”. Унижение его». Почувствовал то, о чем мы будем в дальнейшем говорить, уже В. Ф. Марков, писавший: «Редко в каком стихотворении нет смешения и многозначности <...> Индусские “йони” в “Первом Адаме” не только “голубки”, но и “недра”, и “врата”»⁵³.

Учитывая это соображение, мы позволим себе несколько уточнить его. Ключом к пониманию символической природы образа является, как кажется, сочетание «млечная мать», довольно странно соединяемая сочинительной связью с «Маргаритой морей» и более ранними «миртами Киприды, Кибелиными кедрами». Думается, что в этом контексте «млечная мать» может быть расшифрована как священная корова индийской мифологии. Тогда «выход вратами» становится вполне конкретным описанием того, что фиксировала Блаватская: «В Индии, желающий стать брамином или *Дви-джа*, “рожденным во второй раз”, должен пройти через “Золотую Корова”»⁵⁴.

Если наша догадка верна, то в таком случае мы должны проследить, что же именно понимается Блаватской под символическим обрядом современных индусов. Согласно «Тайной Доктрине», он является аналогом «Ковчега Завета», или «Святого Святых». Рассуждение о нем Блаватская начинает с таких слов: «*Sanctum Sanctorum* древних, называемый также Адитум — скрытое помещение в западной стороне храма, закрытое с трех сторон белыми стенами и имеющее лишь одно отверстие или дверь, завешенную занавесью, — было понятием общим для всех народов древности» (с. 576). И далее, описывая еврейский Ковчег Завета, она говорит: «...вместо прекрасного и целомудренного саркофага (символа Чрева Природы и Воскрешения), как мы видим это в *Sanctum Sanctorum* язычников, они (евреи.— Н. Б.) придали построению ковчега еще более *реалистический* характер, благодаря двум Херувимам, помещенным друг против друга на крышке Ковчега Завета, при чем крылья их простерты таким образом, чтобы они образовали совершенное Иони (как можно видеть это сейчас в Индии). Кроме того, значение этого зарождающегося символа было подчеркнуто еще четырьмя мистическими буквами имени Йеговы, именно IHVH <...> Jod <...> означавшим *tembrum virile*; He <...> *чрево*; Vau <...> крючок, или загиб, или гвоздь, и снова He <...> которое также означало «отверстие»; все целое образовывало совершенную *двуполюю* эмблему или символ, или I (e) H (o) V (a) H, мужской и женский символ» (с. 577).

Далее идет описание разного рода Святого Святых — у египтян («покой царя» в пирамиде), индусов (уже упоминавшаяся «Золотая Корова»), греков (Аргха). «Солнце (Отец), Луна (Матерь) и Меркурий-Тот (Сын), были самой ранней Троицей египтян, которые оли-

створили их в Озирисе, Изиде и Тот'е (Гермесе). В Евангелии гностиков *Pistis Sophia*, семь великих Богов, разделенные на две Триады и высочайшего Бога (Солнце), являются низшими Троичными Силами <...> силы которых пребывают соответственно в Марсе, Меркурии и Венере; и Высшей Троичностью — тремя «Невидимыми Богами», обитающими на Луне, Юпитере и Сатурне» (с. 580). Еще несколько далее речь снова возвращается непосредственно к интересующей нас теме: «Адам, как предполагаемый великий «Прародитель Человеческой Расы», так же как Адам Кадмон, создан по образу и подобию Божьему, следовательно, он — приапический образ. Еврейское слово Сакр' и Н'кабва, дословно переведенные <так!>, означают Лингам (Фаллос) и Иони (Ктеис), несмотря на их перевод в Библии как «мужчина и женщина». Как сказано там <Быт., I, 27>: «Бог создал человека по образу своему, по подобию Божьему создал он его: муже-женою сотворил он их» — андрогинного Адама Кадмона. Но это каббалистическое имя не есть имя живущего человека, ни даже человеческого или божественного Существа, но имя обоих полов или органов размножения, называемых по-еврейски с такою обычною откровенностью, главным образом, на библейском языке, Сакр' и Н'кабва; эти два потому и являются *образом*, под которым «Господь Бог» появлялся обычно своему избранному народу» (с. 585—586). Цитируя Блаватскую, отметим, что в русском синодальном переводе библейская цитата звучит несколько иначе: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их».

И в самом конце этого раздела автор опять возвращается к гностикам, утверждая, что «...Абракас или Абрасакс, некоторых гностических сект, был тождественен Богу евреев, который отвечал египетскому Гору. Это доказано неопровержимо, как на “языческих”, так и на “христианских” гностических драгоценностях. <...> он был в одном аспекте Солнцем, в другом — Луною или Гением Луны, тем зарождающим Божеством, которого гностики приветствовали как “Ты, кто возглавляешь тайны Отца и Сына, Ты, кто светишь ночью, занимая *второе место*, первый Владыка Смерти”» (с. 594—595).

Особый вопрос составляет знакомство или незнакомство Кузмина с пятой книгой труда Блаватской, впервые изданной лишь после ее смерти и переведенной на русский язык полностью лишь недавно. Но раз мы вступили в сферу сопоставлений тех текстов, знакомство с которыми Кузмина лишь более или менее вероятно, но прямые доказательства этого знакомства отсутствуют, видимо, имеет смысл процитировать и сравнительно небольшой отрывок из этой книги, поскольку в нем в еще более концентрированной форме говорится о сопоставлении и даже соприкосновении тех же самых символов, которые определяют образное движение интересующего нас стихотворения. «Невозможно отрицать присутствие полового эле-

мента во многих религиозных символах, но этот факт ни в коей мере не заслуживает осуждения <...> Посвятительный образ в Мистериях о Жертве, приносящей в жертву саму себя, которая умирает духовной смертью, чтобы спасти мир от разрушения — действительно от обезлюживания — был установлен во время Четвертой Расы <...> Еще позднее, когда неофит, как уже упоминалось, чтобы стать еще раз возрожденным в своем утерянном духовном состоянии, должен был пройти через внутренности (чрево) *девственной* телки, убитой в момент этого обряда, что заключало в себе опять тайну и столь же великую, ибо она относилась к прогрессу рождения или, вернее, к первому вступлению человека на эту землю через Вак — «сладкозвучную корову, которая дает пищу и воду» — которая есть женский Логос. Она также касалась того же самого самопожертвования «божественного Гермафродита» — третьей Коренной Расы — преобразования Человечества в по-настоящему физических людей после утери духовного могущества. Когда плод зла был испробован вместе с плодом добра, то в результате произошла постепенная атрофия духовности и усиление материальности в человеке, и тогда он был обречен на рождение посредством нынешнего процесса. Это тайна Гермафродита, которую древние держали в таком великом секрете и завуалировали. Не отсутствие нравственного чувства, не присутствие в них грубой чувственности заставляло их изображать свои Божества в двойственном аспекте; скорее это было их знание тайн и процессов первобытной Природы»⁵⁵. И несколькими строками далее Блаватская обращается к фаллической символике розенкрейцерства, которое было для Кузмина, по всей видимости, чрезвычайно значимым.

Но возвратимся к тексту «Тайной Доктрины»: «“Братья Розы и Креста” средних веков были такими же добрыми христианами, как и другие в Европе, но тем не менее все их обряды были основаны на символах, значение которых было преимущественно фаллическим и сексуальным. Их летописец <...> описывает как “Мучения и жертвы Голгофы, Крестные Муки были в их (розенкрейцеров) знаменитой благословенной магии и торжестве протестом и призывом”. Протестом — от кого? Ответ: протестом от распятой Розы, величайших и наиболее раскрытых из всех сексуальных символов — Иони и Лингама, “жертвы” и “убийцы”, женского и мужского принципа в природе»⁵⁶.

Нет сомнения, что и процитированные нами слова, и те, что остались не процитированными, могут быть представлены как пояснения различных символов стихотворения Кузмина. Но гораздо более существенным представляется для выяснения связи поэта с оккультной традицией одно из многочисленных пояснений Блаватской, подобных следующему: «...в то время как Логосы всех стран и религий в половом отношении соответствуют женской Душе Мира или Великой Бездне, Божество, которому эти Двое в Одном обязаны своим бытием, вечно сокрыто и называется Единым Сокровенным и

находится лишь в косвенной связи с «Творением» <...> Даже Эскулап, называемый «Спасителем всего», тождественен, согласно древним классическим писателям, египетскому Пта, Творящему Разуму или Божественной Мудрости, и Аполлону, Ваалу, Адонису и Геркулесу. И Пта, в одном из своих аспектов, есть *Anima Mundi*, Вселенская Душа Платона; Божественный Дух египтян; Святой Дух ранних христиан и гностиков; Акаша индусов и даже, в своем низшем аспекте, Астральный Свет»⁵⁷.

То, что в исследованиях самых различных ученых представало как логически выстроенная последовательность доказательств, позволяющих отождествить те или иные древние символы или мифологические образы, то в сочинениях оккультистов (и едва ли не более всего — в «Тайной Доктрине») становилось единым полем для создания собственного мифа, свободно использующего различные топосы и логики, прихотливым образом соединяя их в ассоциативные цепи. И для Кузмина, который был склонен столь же произвольно связывать самые принципиально разнородные явления повседневной жизни и искусства в жизненную среду своих произведений, подобное отношение вполне могло представляться художественно плодотворным.

Именно на нем, судя по всему, и была построена образность интересующего нас стихотворения, в котором объединяется индуистская символика с библейской, санскрит с русским языком, поэтика Вяч. Иванова с собственно кузминской и т. д.

4

Наконец, последний на сегодняшний день из текстов Кузмина, связанный с этим кругом источников, — один из самых популярных его стихотворных циклов «Форель разбивает лед» (1927). Уже не менее двадцати лет в кругу исследователей Кузмина известно, что на становление его текста сильно повлиял изданный в том же году роман австрийского писателя Густава Мейринка⁵⁸ «Ангел Западного окна». Печатно это было зафиксировано в воспоминаниях В. Н. Петрова (правда, без конкретного указания, что роман воздействовал именно на данный цикл): «Кафку, кажется, он не знал, а особенно любил Густава Мейринка — впрочем, не “Голем”, которого все читали в тридцатых годах, а другой роман, никогда не издававшийся по-русски, — “Ангел западного окна”»⁵⁹. Через три года после появления этого свидетельства Ж. Шерон опубликовал письмо Кузмина к О. Н. Арбениной, по архивному оригиналу уже довольно давно известное ряду литературоведов. В письме этом содержится прямое утверждение: «Я написал большой цикл стихов: «Форель разбивает лед», без всякой биографической подкладки. Без сомнения толчком к этому послужил последний роман Меуринка <так!> «Der Engel vom westlichen

Fenster». Прекрасный роман. Непременно прочтите его, когда приедете. Оказал большое влияние на мои стихи»⁶⁰. Из дневника Кузмина известно, что 13 июля 1927 г. он получил роман в подарок, до того страстно желая его прочесть, а 19-го начал писать «Форель»⁶¹.

Однако ни один из исследователей, анализировавших цикл или комментировавших его⁶², даже констатируя влияние, не излагал сколько-нибудь подробно сложные пересечения сюжетной и образной структуры цикла с романом Майринка. Очевидно, причиной тому стала как редкость книги в русских библиотеках, так и общее представление о том, что влияние чьей-то прозы на стихи Кузмина, как правило, не является сколько-нибудь материально выраженным, а скорее существует лишь опосредованно.

Не так давно роман Майринка появился в русском переводе⁶³, и уже первое чтение продемонстрировало, что самый текст романа не просто открывает некоторые параллели к до сих пор не вполне ясному сюжету и ассоциативной структуре текста кузминского цикла, но восстанавливает многие опущенные связи, давая новые ключи к прочтению всего этого произведения.

Не претендуя на сколько-нибудь полную интерпретацию цикла под этим углом зрения, мы хотели бы предложить ряд наиболее бесспорных параллелей между романом и стихотворениями.

События «Ангела Западного окна» совершаются в двух временных планах. В плане современном главным героем романа является глубоко заинтересованный старинными бумагами и предметами барон Мюллер, от имени которого и ведется повествование. Не могло не привлечь внимание Кузмина то, что в окружение Мюллера входят многочисленные выходцы из России: старый барон Михаил Арангелович Строганов (показательное совпадение имени и вполне бессмысленного отчества с именем святого Кузмина, часто возникающим в строках его стихов,— архангелом Михаилом!), антиквар Сергей Липотин (видимо, вполне оправданно автор предисловия к русскому изданию связывает его фамилию с Липутиным из «Бесов»), а также черкесская княгиня Асайя Шотокалунгина. Помимо этих персонажей важную роль в повествовании играют давний друг Мюллера доктор Гертнер, сделавшийся профессором химии и погибший в волнах океана, а также его довольно загадочная домоправительница фрау Иоганна Фромм, каким-то таинственным образом оказывающаяся с ним связанной, становящаяся его любовницей и погибающая в неравной борьбе с княгиней Шотокалунгиной.

Однако в первой половине романа гораздо более значимые события группируются вокруг фигуры реального исторического персонажа, сэра Джона Ди (1527—1608)⁶⁴. Как пишет сам автор в краткой статье, посвященной роману и помещенной в книгу как предисловие, «...он был фаворитом королевы Елизаветы Английской. Это ему она обязана мудрым советом — подчинить английской короне Гренлан-

дию и использовать ее как плацдарм для захвата Северной Америки. <...> Однако в последнюю минуту капризная королева передумала и отменила свое решение. <...> И вот, когда все его честолюбивые планы потерпели крушение, Джон Ди понял, что неправильно проложил курс, ибо, сам того не ведая, стремился не к земной «Гренландии», а совсем к другой земле, именно ее-то и надо завоевывать». Эта страна открывается ему при помощи алхимии — «не той сугубо практической алхимии, которая занята единственно превращением неблагородных металлов в золото, а того сокровенного искусства королей, которое трансмутирует самого человека, его темную, тленную природу, в вечное, светоносное, уже никогда не теряющее сознание своего Я существо» (с. 33, 32).

История Джона Ди становится известна Мюллеру из пачки разрозненных бумаг, доставшихся ему по наследству от погибшего вскоре после войны кузена, последнего прямого наследника Джона Ди. Из этих бумаг становится очевидно, что в молодости сэра Джон был связан с шайкой религиозных бунтовщиков ревенхедов, был заключен в тюрьму и там столкнулся с одним из вожаков ревенхедов Барлетом Грином, поведавшим ему о своем мистическом опыте и перед смертью отдавшим магический кристалл (который также оказывается в руках Мюллера). После освобождения Джон Ди становится одним из советников королевы Елизаветы Английской; их любовно-враждебный поединок королева завершает тем, что женит его на одной из своих приближенных. Однако после провала плана присоединения Гренландии к Англии и смерти жены Джон Ди посвящает себя алхимии, полностью отходя от государственной деятельности. Его соратник Гарднер, признававший лишь сакральную (в том смысле, как это толкуется вышеприведенной цитатой) алхимию, видя уклонение сэра Джона от истинного пути, покидает его, а ему на смену приходит отвратительный медиум Эдвард Келли, для которого алхимия является лишь способом добывать золото и добиваться различных жизненных удовольствий. Но в то же время он — единственный, кто может вызвать могучего Ангела Западного окна, способного помогать в трансмутировании не только вещества, но и человеческой природы. Раздираемый противоречием между профанным и сакральным смыслом великого делания, Джон Ди покидает Англию и отправляется в Богемию, к великому алхимику императору Рудольфу Второму. Грандиозные планы, однако, заканчиваются ничем: Ангел лишь изредка и в незначительной степени помогает его великой задаче; истощивший терпение императора Келли гибнет, а Джон Ди возвращается в Англию и на руинах собственного замка лихорадочно пытается восстановить свое прежнее могущество.

Два этих повествовательных плана связывает воедино идея метемпсихоза: Липотин в одном из своих прежних воплощений был современником Джона Ди и не раз упоминается в его записях; Мюл-

лер постепенно все больше и больше переселяется в душу и даже отчасти тело своего дальнего предка; фрау Фромм оказывается современной ипостасью второй жены Джона Ди Яны; доктор Гертнер (в инобытии — лаборант Гарднер и загадочный дряхлый садовник, ждущий неведомого хозяина) оказывается носителем изначального возвышенного знания, а княгиня Шотокалунгина — воплощением богини Исаис Черной, покровительницы черной магии и профанной алхимии.

Этот довольно пространный пересказ (который, однако, не является сколько-нибудь подробным изложением сюжета) отчасти восстанавливает важные для нас сюжетные линии. Опираясь на него, попробуем проследить, как в тексте «Форели» отразился текст романа «Ангел Западного окна».

Прежде всего, конечно, необходимо сказать, что роман этот является далеко не единственным источником, к которому при создании цикла обращался Кузмин. Формула, взятая нами как заглавие для главы, принадлежит самому Кузмину и действительно обозначает полигенетичность очень многих образов цикла, с чем еще придется столкнуться. В то же время далеко не все стихотворения каким-либо образом соотносятся с «Ангелом Западного окна», но именно сюжетная основа всего цикла испытывает сильнейшее воздействие романа австрийского писателя.

Уже в «Первом ударе» звучат слова, становящиеся лейтмотивом всего стихотворного цикла: «Зеленый край за паром голубым». А. В. Лавров и Р. Д. Тименчик вслед за Б. М. Гаспаровым считают эти слова перифразой слов Тристана из первого акта оперы Рихарда Вагнера: «Тем, где зеленые луга предстают взору еще голубыми»⁶⁵. Однако обращение к «Ангелу Западного окна» открывает гораздо более очевидный (особенно если иметь в виду дальнейшее развитие образа: «Луна как будто с севера светила: Исландия, Гренландия и Тулэ, Зеленый край за паром голубым...») источник. Комментаторы романа сообщают, что Гренландия в сознании современников Джона Ди идентифицировалась с Тулэ древних римлян, то есть самым дальним севером Европы, а была она открыта норвежским викингом Эйриком Рыжим, причем отправился он в Гренландию от берегов Исландии (см. с. 500, 466).

Выше мы уже приводили цитату из статьи Майринка, дающей краткую характеристику романа, о смысле поисков Джоном Ди Гренландии. А вот как рассказано об этом в самом романе: «...вновь и вновь задаю я себе вопрос: земная ли Гренландия истинная цель моей гиперборейской конкисты? <...> Этот мир еще не весь мир <...> Этот мир имеет свой реверс с большим числом измерений, которое превосходит возможности наших органов чувств. Итак, Гренландия тоже обладает своим отражением, так же как и я сам — по ту сторону. Гренланд! Не то же ли это самое, что и *Grüne Land*, Зеленая зем-

ля по-немецки? Быть может, мой Гренланд и Новый Свет — по ту сторону?» (с. 157—158). «Зеленый край», «Зеленая земля», таким образом, становятся не конкретным географическим указанием, а обозначением страны по ту сторону человеческого сознания, в каком-то ином измерении, которое может открыться лишь в результате волшебного превращения, путь же к нему способны проложить или трансмутация, или медиумическое, сомнамбулическое сознание⁶⁶.

Так, с помощью неких парапсихических сил фрау Фромм в романе переносится в странную страну: «Я называю это Зеленой землей. Иногда я бываю там. Эта земля как будто под водой, и мое дыхание останавливается... Глубоко под водой, в море, и все вокруг утоплено в зеленой мгле...» (с. 247).

Изю всей «Фореги» наибольшую популярность получил «Второй удар»: как известно, его ритмической и строфической схемой воспользовалась А. Ахматова для создания строфы «Поэмы без героя». Именно это объясняет пристальное внимание многих исследователей к данному стихотворению и тщательный поиск его источников. Среди них наиболее очевидным представляется стихотворение Блока «Было то в темных Карпатах...»⁶⁷ и широкий спектр его подтекстов, установленных А. В. Лавровым: «Страшная месть» Гоголя и реминисценции этой повести в блоковских статьях «Безвременье» и «Дитя Гоголя»; романы Жюль Верна «Замок в Карпатах», Брэма Стокера «Дракула», Жорж Санд «Консуэло» и «Графиня Рудольштадт». Для Кузмина сюда почти наверняка подключался знаменитый кинофильм режиссера Ф. Мурнау «Носферату — симфония ужаса», поставленный по мотивам «Дракулы»⁶⁸, а также послужившие источниками отдельных образов «Евгений Онегин» и оперетта И. Кальмана «Графиня Марица»⁶⁹.

Между тем значительная часть действия «Ангела Западного окна» протекает, как и во «Втором ударе», именно в Богемии, и наиболее поражающий наше внимание в связи со строками Кузмина эпизод объединяет и богемские леса, и скалы, и смерть Эдварда Келли, кровного брата Джона Ди. Обряд кровного братания, центральный во «Втором ударе», в романе не описан, но сама обстановка с достаточной степенью близости напоминает описания Майринка, особенно если иметь в виду, что герои цикла — не только кровные братья, но и смертные (см. у Кузмина: «Я — смертный брат твой. Помнишь, там, в Карпатах?»).

Следующий момент, привлекающий внимание читателей Кузмина, — совпадение имени героини-разлучницы цикла с именем одной из героинь романа. Первую жену сэра Джона зовут Элинор Хантингтон (в стихах имя пишется с двумя «л»). Как в стихах Элинор разлучает двух мужчин, так в романе Элинор становится препятствием между королевой Елизаветой и сэром Джоном. Элинор и Елизавета связаны давними отношениями (весьма напоминающими лес-

бийскую любовь), и брак героя с леди Элинор представляется для него заведомым несчастьем, которого невозможно избежать, поскольку инициатором его выступает сама королева.

Напомним, что любовному треугольнику кузминского цикла (двое мужчин и ставшая между ними Эллинор) соответствует целый ряд прототипических треугольников, имевших место в жизни самого Кузмина и сложным образом переплетавшихся, нашедших то или иное, более или менее явное для посторонних читателей, отражение в стихах и прозе Кузмина. К этим треугольникам относятся в первую очередь связи Кузмин — С. Ю. Судейкин — О. А. Глебова, Кузмин — Вс. Князев — О. А. Глебова-Судейкина, а также совсем недавний и явно маскируемый в письме к Арбениной («без всякой биографической подкладки»): Кузмин — Ю. Юркун — Арбенина. Включение в это число треугольника из «Ангела Западного окна» добавляет еще одну характерную черту прототипических для «Форели» ситуаций⁷⁰.

Едва ли не наиболее существенную роль в формировании подтекста стихотворного цикла играет переключка романа с «Шестым ударом», снабженным подзаголовком «баллада». В первую очередь эта баллада ориентирована на «Легенду о Старом Морьяке» С. Т. Кольриджа, которую незадолго до того переводил Гумилев. То, что Эрвин Грин — моряк, его описание «северной земли», ритмическая организация стихотворения — все это связывает баллады Кольриджа и Кузмина. Однако здесь обращает на себя внимание еще одно обстоятельство — совпадение фамилий героя баллады Эрвина Грина и предводителя шайки ревенхедов в романе Майринка, Бартлета Грина. Дальнейшее же рассмотрение сюжета баллады, как кажется, дает еще больше оснований для того, чтобы спроецировать ее сюжет на сюжет романа.

Прежде всего это касается странного поведения Эрвина Грина, которого его молодая жена спрашивает: «Уж не отвергся ли ты, друг, Спасителя Христа?» Ведь Бартлет Грин из романа именно отвергается Христа: «Закипая, поднималась во мне безумная ненависть против Того, Кто там, над алтарем, висел предо мною распятым, и против литаний — не знаю, как это происходило, но слова молитв сами по себе оборачивались в моем мозгу, и я произносил их наоборот — справа налево. Какое обжигающее неведомое блаженство я испытывал, когда эти молитвы-оборотни сходили с моих губ!» (с. 79).

Для окончательного отпадения от Христа Бартлету Грину приходится пройти через ужасающий ритуал «тайгерм» (о чем будет речь далее), и в результате этого обряда его ранее ослепший «белый глаз» прозревает духовным зрением и видит картины, очень напоминающие (хотя, конечно, не буквально) описания «северной земли» в балладе Кузмина:

Там светит всем зеленый свет
На небе, на земле,
Из-под воды выходит цвет,

Как сердце на стебле,
И все ясней для смелых душ
Замерзшая звезда...

См. в романе: «...я увидел странный мир: в воздухе кружились синие, неведомой породы птицы с боролатыми человеческими лицами, звезды на длинных паучьих лапках семенили по небу, куда-то шествовали каменные деревья, рыбы разговаривали между собой на языке глухонемых, жестикулируя неизвестно откуда взявшимися руками...» (с. 84).

Далее в балладе становится ясно, что ее герой, Эрвин Грин, есть своеобразное воплощение умершего в юности в горном замке баронета. Но ведь герой романа Майринка именуется «сэр Джон Ди, баронет Гледхилл», его родовое поместье находится в шотландских горах (что нелишне отметить в связи с общим шотландским колоритом цикла Кузмина), а его вторую жену зовут Яна (ее современное воплощение, госпожа Фромм, названа Иоганной, что вряд ли случайно отразилось в имени героини кузминской баллады *Анны Рэй*). А далее Кузмин еще более усложняет схему: имя его героя — Эрвин, что напоминает имя Эдварда Келли, недостойного и тем не менее единственно возможного ассистента Джона Ди, в то время, когда у него появилась надежда на осуществление истинного делания. Одним из залогов такого осуществления является требование Ангела Западного окна: «Вы принесли мне клятву в послушании, а потому восхотел я посвятить вас наконец в последнюю тайну тайн, но допрежь того должно вам сбросить с себя все человеческое, дабы стали вы отныне как боги. Тебе, Джон Ди, верный мой раб, повелеваю я: положи жену твою Яну на брачное ложе слуге моему Эдварду Келли, дабы и он вкусил прелестей ее и наслаждался ею, как земной мужчиной на земной женщиной, ибо вы кровные братья и вместе с женой твоей Яной составляете вечное триединство в Зеленом мире!» (с. 312).

Таким образом, Эрвин Грин отождествляется до известной степени и с баронетом (Джоном Ди), и с Бартлетом Грином, и с Эдвардом Келли (намекы на это отождествление есть у Майринка, хотя нигде впрямую это и не утверждается⁷¹). Это придает особый смысл заклинанию в конце «Девятого удара» «Форели»:

А голос пел слегка, слегка:
— Шумит зеленая река,
И не спасти нам челнока.
В перчатке лайковой рука
Все будет звать издалека,
Не примешь в сердце ты пока
Эрвина Грина, моряка.

Отчасти этот смысл разъясняется в «Восьмом ударе», где впервые появляется «Ангел превращений». Собственно говоря, эта загадочная

для комментаторов фигура⁷² и есть «Ангел Западного окна», способный осуществить трансмутацию высшего порядка. Но помимо смысла алхимического и мистического Кузмин вкладывает в понятие трансмутации еще и смысл откровенно эротический, который, очевидно, может быть возведен, хотя бы отчасти, к пророчеству эксбриджской ведьмы в романе, сделанному ею королеве Елизавете, когда та была еще принцессой (следует отметить, конечно, что эротические коннотации вообще являются частой составной частью алхимических текстов):

«Привет тебе, королева Елизавета! Смелей зачерпывай, ибо во здравие пьешь!» — воскликнула Матерь превращений.

.....
Юношу приведу я тебе на брачное ложе.
Едины будьте в ночи!

.....
В таинстве моего эликсира двое станут одним.

.....
Брачное ложе и раскаленный горн!» (с. 53).

«Ангел превращений», легко ассоциируемый с «Ангелом Западного окна», придает всем событиям цикла «высший смысл», тогда как без ангела этот смысл теряется. При этом появление и исчезновение ангела превращений теснейшим образом оказывается связанным с отношениями младшего героя и Эллинор:

Забывчивость прощительна при счастье,
А счастье для меня то — Эллинор,
Как роза — роза, и окно — окно.
Ведь, надобно признаться, было б глупо
Упрямо утверждать, что за словами
Скрывается какой-то «высший смысл».⁷³

Счастье с Эллинор непременно влечет утрату ангела превращений. Для того чтобы сказать: «Да, ангел превращений снова здесь» («Одиннадцатый удар»), необходимо отвергнуть ее любовь и любовь к ней, то есть стать «близнецом», прежде всего трансмутировать самому.

И вывод, заключенный в последних словах цикла:

И потом я верю,
Что лед разбить возможно для форели,
Когда она упорна. Вот и все, —

на другом уровне оказывается параллелен итогу завершающих страниц романа, когда на вопрос Джона Ди, кем же был Ангел Западного окна, он получает ответ: «Эхо, ничего больше! <...> Все, исходящее от него: знание, власть, благословение и проклятие, — исходило от вас, заклинавших его. Он — всего лишь сумма тех вопросов, зна-

ний и магических потенций, которые жили в вас, но вы о них и не помышляли» (с. 451). Стук хвоста форели об лед откликается двенадцатью ударами часов в новогоднюю ночь, но гораздо более значимое эхо — явление ангела превращений, возвращение героев в ту стихию любви, которая единственно может придать «высший смысл» их существованию в мире. А роль поэта здесь в известной степени может быть уподоблена новой, потусторонней роли Джона Ди — Мюллера: «Здесь ты будешь готовить золото своей страсти — золото, имя которому — солнце! Умножающий свет пользуется среди братии особыми почестями» (с. 450).

Вряд ли нужно особо напоминать, что для Кузмина солнце всегда было источником того божественного тепла, которое при любых условиях оставалось наиболее священным в его мире и даже в самые тяжелые моменты жизни помогало сохранить надежду на то, что ангел превращений здесь, рядом, и в любую минуту поможет изменить мир⁷⁴.

Впрочем, здесь мы уже вступаем в ту сферу сугубо интерпретационных построений, от которых намеренно уклонились в начале работы, поставив своею целью лишь изложение основных фактов, позволяющих говорить о сближениях между «Ангелом Западного окна» и «Форелью».

В заключение следует добавить еще одно размышление. В книге (а не в цикле) «Форель разбивает лед» есть еще по крайней мере одно место, нуждающееся в проецировании на текст «Ангела Западного окна». В цикле «Для августа» читаем следующие строки, частично уже процитированные ранее:

А ну, луна, печально!
Печатать про луну
Считается банально,
Не знаю, почему.

А ты внушаешь знание
И сердцу, и уму:
Понятней расстоянье
При взгляде на луну.

И время, и разлука,
И тетушка искусств,—
Оккультная наука...

Этими строками Кузмин откровенно заявляет о том, что в цикле «Для августа» необходимо обратить внимание не только на постоянное присутствие луны (два стихотворения так и называются «Луна»), но и на определение ее роли в смысловой структуре текста, безусловно связанной с пространственно-временными характеристиками и с потаенными проявлениями «тетушки искусств». Оставляя опять-таки подробные анализы интерпретаторам, позволим себе от-

метить, что строки из того же самого стихотворения должны быть восприняты в непосредственном сопоставлении с эпизодом из «Ангела Западного окна». Мы имеем в виду четверостишие:

Тебя зовут Геката,
Тебя зовут Пастух,
Коты тебе отплата
Да вороной петух.

Дешифровать эти стихи можно, конечно, и без обращения к тексту Майринка: Геката — богиня Луны; по остроумному предположению Дж. Малмстада и В. Маркова, «пастухом» Луну зовут по старинной поговорке: «Поле не мерено, овцы не считаны, пастух рогат» (небо, звезды, месяц), коты и черный петух связаны с Гекатой как хтонической богиней.

Однако, не упуская из виду эти подтексты, следует иметь в виду и следующий отрывок из романа Майринка, когда Бартлетт Грин рассказывает Джону Ди во время их совместного пребывания в тюрьме о начале своего мистического опыта: «...однажды в полночь — опять было первое мая, друидический праздник, и полная луна уже пошла на ущерб — какая-то невидимая рука, вынырнув из черной земли, схватила меня за руку с такой силой, что я и шагу не мог ступить... <...> Потянуло каким-то нездешним холодом, казалось, он шел из круглой дыры прямо у меня под ногами; этот ледяной сквозняк пронзил меня с головы до пят, а так как я чувствовал его и затылком, то медленно, всем моим окоченевшим телом, обернулся... Там стоял Некто, похожий на пастуха, в руке он держал длинный посох с развилкой наверху в виде большого эпсилона. За ним стадо черных овец. <...> Далее (эти слова уже принадлежат Мюллеру. — Н. Б.) — сплошь обугленные страницы. Судя по тем обрывочным записям, которые каким-то чудом уцелели, пастух раскрыл Бартлетту Грину некоторые тайные аспекты древних мистерий, связанных с культом Черной Богини и с магическим влиянием Луны; также он познакомил его с одним кошмарным кельтским ритуалом, который коренное население Шотландии помнит до сих пор под традиционным названием “тайгерм”» (с. 80—81). Далее слово опять переходит к Грину: «...Сказанное пастухом о подарке, который со временем сделает мне Исаис Черная⁷⁵, я понял лишь наполовину — да я и сам был тогда «половинка»⁷⁶, — просто никак не мог взять в толк, как возможно, чтобы из ничего возникло нечто осязаемое и вполне вещественное! Когда же я его спросил, как узнать, что пришло мое время, он ответил: «Ты услышишь крик петуха» <...> И вот, когда я наконец услышал крик петуха — он восходил по моему позвоночному столбу к головному мозгу, и я услышал его каждым позвонком, — когда исполнилось предсказание пастуха, и на меня, как при крещении, с абсолютно ясного безоблачного неба сошел холодный дождь, тогда в ночь на

первое мая, в священную ночь друидов, я отправился на болота <...> со мной была тележка с пятьюдесятью черными кошками — так велел пастух. Я развел костер и произнес ритуальные проклятия, обращенные к полной Луне; неописуемый ужас, охвативший меня, что-то сделал с моей кровью: пульс колотился как бешеный, на губах выступила пена. Я выхватил из клетки первую кошку, насадил ее на вертел и приступил к «тайгерму». Медленно вращая вертел, я готовил inferнальное жаркое, а жуткий кошачий крик раздирал мои барабанные перепонки в течение получаса...» (с. 81—83).

В результате страшного тайгерма слепнет здоровый глаз Бартлета Грина, зато прозревает ранее ослепший, что меняет характеристики окружающего его пространства и времени: «...далекие леса и горы куда-то пропали, меня окружала крошечная безмолвная тьма⁷⁷ <...> Для меня больше не существовало «до» и «после», время словно соскользнуло куда-то в сторону...» (с. 84).

В порядке самой предварительной догадки выскажем предположение, что Луна в этом цикле Кузмина является освободительницей человека от демонов безумия, страха, боли и похоти, как она явилась освободительницей для Бартлета Грина: «...на оклик Великой Матери та, что спала во мне, подобно зерну, проснулась, и я, слившись с нею, дочерью Исаис, в единое двуполое существо, пророс в жизнь вечную. Похоти я не ведал и раньше, но отныне моя душа стала для нее неуязвимой. Да и каким образом зло могло бы проникнуть в того, кто уже обрел свою женскую половину и носит ее в себе!» (с. 85). В стихах Кузмина именно похоть («Что надо вам, легко б могли найти В любом из практикующих балбесов»⁷⁸) оказывается изжитой, хотя, естественно, и совсем иным способом.

Конечно, эти рассуждения нуждаются в изрядном количестве оговорок, однако основная направленность текста, как кажется, несомненна, как и его связь с романом Майринка.

Все приведенные текстуальные совпадения стихотворений Кузмина и романа Майринка делают несомненной необходимость тщательного исследования внутренней связи текстов, для чего пока что представлен лишь самый предварительный материал.

ЭКСКУРС

«Cor ardens» и «Сети»

В составе четвертой книги сборника Иванова «Cor ardens», названной «Любовь и смерть», существует загадочный раздел «Триптихи», комментарии к которому отсутствуют как в наиболее полном на сегодняшний день брюссельском издании сочинений Иванова, так и в новейшем двухтомнике «Новой библиотеки поэта» (туда, кстати, из пяти триптихов вошли всего два)⁷⁹. Меж тем, как нам представляет-

ся, именно в этом разделе наиболее отчетливо выявлены черты сближения на какой-то (хотя и довольно краткий) момент поэтических систем Иванова и Кузмина.

Мы не обладаем сколько-нибудь достоверными данными о том, когда создавались «Триптихи», но совершенно очевидно, что уже после смерти Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, последовавшей 17 октября 1907 г. Напомним достаточно хорошо известные факты: сразу же после этой трагической смерти на помощь Иванову пришла обладавшая значительной оккультной силой А. Р. Минцлова, которая стала оказывать влияние не только на него, но и на жившего этажом ниже по той же лестнице Кузмина⁸⁰. Влияние на последнего продолжалось недолго, однако несомненно, что самый конец 1907-го и начало 1908 г. прошли под ним, и это сказалось в поэтической структуре третьей части книги Кузмина «Сети», состоящей из циклов «Вожатый», «Мудрая встреча» и «Струи», причем «Мудрая встреча» прямо посвящена Иванову⁸¹. Известно также, что всю эту третью часть Кузмин планировал издать отдельно в издательстве Иванова «Оры», о чем записал в дневнике: «Решили (с Вяч.Ивановым. — Н. Б.) «Мудрую встречу», «Вожатый», «Струи» и дух<овные> стихи издать отдельно в «Орах» весною же» (19 февраля 1908). Таким образом, для Кузмина, несомненно, третья часть «Сетей» ассоциировалась с именем Вяч. Иванова. Но нетрудно заметить, что вся она решительным образом отличается от частей предыдущих. Не повторяя блестящих характеристики, данной М. Л. Гаспаровым, сошлемся на его статью «Художественный мир М. Кузмина: тезаурус формальный и тезаурус функциональный»⁸², где (без обозначения связи с поэтикой Вяч. Иванова) составлен текст, описывающий поэтический мир этого кузминского цикла.

Но обратим внимание на то, что не только Кузмин близок здесь к Вяч. Иванову, но и Иванов также оказывается именно в этом конкретном разделе весьма близок к Кузмину. Буквально повторено название одного из циклов — «Струи»; другое название цикла — «Розы», хотя и связано, совершенно бесспорно, с собственным ивановским словоупотреблением (напомним относящееся к Иванову определение Кузмина — «певец розы»), но в то же время вряд ли может быть упущено из виду, что слово это чрезвычайно существенно для цикла Кузмина (по подсчетам М. Л. Гаспарова, употреблено 6 раз, что намного больше всего из разрядов «Общие понятия», «Природа неживая» и «Природа живая»). Это и объяснимо, так как для Кузмина роза принимает значение откровенно мистическое, объясняемое ее функциями в видениях, которые он испытывал под водительством Минцловой (см. подробнее выше).

В весьма значимом месте у Иванова появляется слово «Вожатый» — в завершающем сонете всего раздела:

Благословен Вожатый, кто мостил
Твой путь огнем нежгучим и безгневным!

У Кузмина же это — не только название цикла, но и вообще сквозной мотив всего творчества (подробно исследован К. Харером⁸³). «Золотые сандалии» (последний из сонетных триптихов Иванова) находят соответствие в «целую ноги твои» Кузмина (напомним, что именно в это время строка воспринималась с особой остротой, поскольку вызывала в памяти лишь летом 1907 г., полгода назад опубликованный «Картонный домик», где поцелуй «ботинки» символизировал гомосексуальное сближение и тем самым делался предметом постоянного обсуждения как в сочувственных отзывах, так и в разного рода гневных инвективах и пародиях). Выносимое во всем этом триптихе в рифму слово «далей» в достаточно непривычном множественном числе и с эпитетами «светлых» и «райских» вполне может восприниматься как аналогичное кузминскому словоупотреблению в двустииши:

Засияли нежно дали
 Чрез порог небесных врат.

Первый сонет ивановского цикла «Снега», где сквозным мотивом становится легенда о Геро и Леандре, не только «предсказывает» более позднее стихотворение Кузмина «Геро» (оно-то как раз вполне может быть независимым от ивановского, восходя просто к общеизвестной легенде), но и разворачивает одно из трехстиший завершающего всю третью часть стихотворения Кузмина:

Если б мне дали последней измены страданья,
 Принял бы в плаваньи долгом и этот пролив, —
 Послушный.

(обратим внимание, что и там, и там именно лирический герой стихотворения выступает в роли Леандра, рассекающего волны, хотя символическое наполнение мотива, конечно, разное — откровенно эротическое у Иванова и жертвенно-мученическое у Кузмина).

Параллели подобного рода можно было бы множить весьма долго, но для нас они не очень принципиальны, ибо мы вовсе не пытаемся доказать, что Иванов брал готовые формулы из стихотворений Кузмина и переосмыслял их в одном из разделов своего лучшего раннего сборника. Нам представляется, что и Иванов, и Кузмин в данном случае восходят к одному и тому же источнику — к той жизненной ситуации, которую они переживали в конце 1907-го и в начале (по крайней мере) 1908 г. Для Иванова это была утрата любимой и страстно желанной жены, на которую наложилось оккультное воздействие Минцловой, воспринимавшейся как доверенное лицо покойной. Для Кузмина — неразделяемая любовь к Виктору Наумову, названному в посвящении «Victor Dux», на которую наложилось оккультное воздействие Минцловой (а также отчасти Б. Лемана и — с меньшей оккультной силой — М. Гофмана), воспринимавшееся как пророчество и завет.

И этот источник порождает два текста принципиально разной направленности, но в то же время теснейшим образом между собою связанных. У Иванова это — открыто сексуальное начало, любовное томление по ушедшей, которое теперь невозможно реализовать:

С порога на порог преодолений
Я восхожу; но все неодолен
Мой змеевидный корень,— смертный плен
Земных к тебе, небесной, вожделений.

Фаллическая символика этого катрена очевидна, как говорит само за себя и терцетное завершение сонета:

То девою покрытой и немой,
То благосклонно-траурной супругой
Тебя встречает страстный вызов мой.

И поцелуй уж обменен с подругой...
Но челн скользит с песков мечты кормой,
Подрыт волной зеленой и упругой.

И все композиционное построение «Триптихов» достаточно явно построено как движение от воспоминания о связи в тонком огне и звездных слезах, оборванной смертью, — к обретенным чрез посредство Мнемосины «сияниям томным предбрачного заката», — далее к брачным миртам и наиболее откровенным описаниям, — от них к слиянию смерти и нетленной красоты (которая и становится нетленной только будучи спасена Смертью), — и в завершение к торжественному преобразению своей возлюбленной в Мадонну, стоящую выше плотских вожделений.

В чем-то аналогично построение и интересующего нас раздела книги Кузмина, только в нем объект любви жив, а потому воспоминание претворяется в предвосхищение, но оккультная практика и там, и там становится той движущей силой, которая позволяет соединить любящего и любимого (любимую) в том единстве, что стоит выше земного, повседневного, обыденного.

Потому-то, как нам представляется, интересующее нас прежде всего позднее стихотворение Кузмина нуждается в проецировании на более ранние тексты, определяющие пусть и кратковременные (уже к лету 1908 г. Кузмин разочаровывается в оккультной практике), но все же не могущие быть опущенными контакты между двумя поэтами на общей для них в то время почве. В дальнейшем эта связь была несколько ослаблена, но в стихотворениях Кузмина двадцатых годов (хотя, как кажется, на совсем иной основе — как один из возможных кодов, свободно выбираемых среди изобилия самых разнообразных прочих) она получает возможность вновь очнуться и превратиться в поэтически действенную.

К ИСТОЛКОВАНИЮ СТАТЬИ БЛОКА «О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА»

Одним из узловых моментов истории русского символизма являются чрезвычайно насыщенные три недели, точнее — период с 17 марта по 8 апреля 1910 года, когда разгорелась бурная дискуссия по теоретическим вопросам существования и будущего развития символизма. Ввиду того, что обстоятельства этой дискуссии неоднократно анализировались и существуют различные описания ее хода, напомним только самое главное.

17 марта Вячеслав Иванов делает доклад в московском Литературно-художественном кружке на заседании Общества свободной эстетики, который вызывает «сенсацию» в наших кругах в Москве и идейный раскол с Брюсовым¹. 26 марта этот доклад (не исключено, что с некоторыми вариациями) был повторен Ивановым в Петербурге на заседании Общества ревнителей художественного слова, по традиции называвшегося «Поэтической Академией». 1 апреля последовало обсуждение доклада с выступлениями десяти (или одиннадцати) различных оппонентов². Наконец, 8 апреля там же прозвучал доклад А. А. Блока, в котором было заявлено: «Моя цель — конкретизировать то, что говорит В. Иванов, раскрыть его терминологию, раскрасить свои иллюстрации к его тексту; ибо я принадлежу к числу тех, кому известно, какая реальность скрывается за его словами, на первый взгляд отвлеченными; к моим же словам прошу отнестись как к словам, играющим служебную роль, как к Бедкеру, которым по необходимости пользуется путешественник»³. Нельзя сказать, чтобы эти слова прошли мимо внимания текущей критики и публицистики, однако в первую очередь привлекло сравнение своего текста с «Бедкером» по Иванову⁴, тогда как о блоковском понимании той реальности, которая стоит за словами Иванова, речи практически не было.

Даже самые тонкие истолкователи блоковской прозы считали возможным неодобрительно говорить о том, что «мистический эзотеризм, сгущенная и не всегда внятная для широкой аудитории метафоричность мысли и языка оставили свой след <...> в таких более поздних его выступлениях, как статья “О современном состоянии русского символизма”»⁵. На наш взгляд, такие утверждения вступают в явное противоречие с мыслью самого поэта: если он почитал свой доклад конкретизацией и прояснением ивановского, то условность и сгущенная метафоричность, проявившиеся в нем, необходимо должны были свидетельствовать о творческой неудаче Блока.

Меж тем доклад его очевидно принадлежит к числу наиболее существенных, принципиальных теоретических текстов русского символизма. Но, как нам представляется, для верного истолкования смысла блоковского текста необходимо подобрать такой ключ, который бы позволил превратить загадочную картинку во вполне ясный пейзаж. При безусловной справедливости мнения о том, что понять речь Блока «невозможно помимо едва ли не построчного сопоставления ее с докладом Иванова “Заветы символизма”»⁶, необходимо иметь в виду, что только этим смысл далеко не исчерпывается. И для того чтобы понять существенные особенности блоковского выступления, обратимся сперва к обстоятельствам, в которых оно готовилось, а также к реакции некоторых людей на его слова.

Итак, 26 апреля Блок не просто присутствует на лекции Иванова, но и тщательно конспектирует ее (ЗК. С. 167—170). По кажущемуся нам весьма справедливым суждению Н. В. Котрелева, «о том, что Блок на чтение Иванова в «академии» пришел с установкой доверия и готовности «учиться» <...> свидетельствует сама форма подробной и последовательной, с первых слов до последних, словно бы студенческой записи именно этого доклада Иванова»⁷. У нас нет никаких свидетельств о том, что еще до заседания Блок предполагал писать что-либо по поводу выступления Иванова или же теории символизма независимо ни от чего. Так что, скорее всего, желание высказаться по поводу услышанного возникло то ли на самом собрании, то ли вскорости после него.

Второго апреля Блок рассчитывал уже нечто сказать по поводу выступления Иванова и готовился к этому, однако заседание было назначено на другой день, и 31 марта Блок сообщал Иванову: «...сейчас пришла повестка из Академии, а я твердо рассчитывал на пятницу. Кроме того, что завтра мне мистически необходимо слышать «Зигфрида», я не успел бы написать Вам ответ. Кажется, это и к лучшему. Хотя мне ясно уже, что говорить, но я затрудняюсь еще в формулировке»⁸. Но не только «мистическая необходимость» была причиной отсутствия на полемическом заседании: 1 апреля Блок сообщал матери: «Еще более, чем музыки, я хочу, однако, земли, травы и зари» (Т. 8. С. 305).

В тот же день, 1 апреля умирает М. А. Врубель, и Блок 2—3 апреля сочиняет надгробную речь, отчетливо свидетельствующую о том, что многие идеи и образы будущего выступления в «Академии» уже приобрели у него вполне отчетливую форму. Видимо, об этом был извещен и Иванов, который 3 апреля обращается к Блоку с письмом, начинающимся: «Прошу Вас — непременно читайте в четверг в «академии» о символизме»⁹. Но 5 апреля матери Блок пишет: «Я терзаюсь статьями, мне тошно от рассуждений, хочется быть художником, а не мистическим разговорщиком и не фельетонистом. <...> Может статься, что я брошу и начатый фельетон и ответ Вячеславу»¹⁰. Но все же речь была написана, и в день выступления, 8 апреля, Блок пишет матери: «Сегодня я буду говорить в Академии — довольно пространно, не особенно живо, и надеюсь потом замолчать надолго, т. е. не писать статей и не теоретизировать» (Т. 8. С. 306).

Сам доклад вызвал у Блока серьезное неудовлетворение (см. его письма к матери, Е. А. Зноско-Боровскому, В. И. Кривичу и Л. Я. Гуревич, написанные 12—14 апреля: Т. 8. С. 307—309). Но слушателями (по крайней мере, некоторыми) доклад был встречен как большое событие: «...меня хвалили и Вячеслав целовал» (Т. 8. С. 307), Е. А. Зноско-Боровский тут же предложил доклад напечатать в «Аполлоне». 12 апреля у Блока с Вяч. Ивановым происходит «очень серьезный разговор» (Т. 8. С. 309), который, видимо, не мог миновать тем только что состоявшегося выступления. Через день после этого Иванов заносит в дневник большую запись, которая, возможно, отчасти проецируется на состоявшийся разговор. Отметим в этой записи несколько моментов, говорящих о том, что Иванов пытался не просто сформулировать некоторые общие представления о Боге и человеке, но и проецировал их на практику своих собственных исканий того времени: «Сделай так, чтобы мир окрест тебя был в глазах твоих чист и свят, и понеси на себе грех его. Научись видеть темное светлым — научись вбирать в себя тьму окрест живущего и отдавать ему свой свет: будь теургом. <...> По мере того как будет светлее становиться и прозрачнее мир, тебя окружающий, перед глазами твоими, — все реальнее будешь ты Христу сораспинаться; тогда низойдет на тебя радость в Духе. И радостно будешь ты взирать на мир, ибо из его ран подымутся розы, и из тления его вылетят пчелы <...> Выпей взглядом сукровицу греха, и ты увидишь за ней кровь Розы»¹¹.

Но наиболее существенный для наших целей отклик находим в письме А. Р. Минцловой к Андрею Белому от 13 апреля: «А теперь еще одно к Вам сообщение — — Вы знаете ли, что В<ячеслав> по возвращении из Москвы сделал *сообщение* в “Академии”, о своем реферате в “Эстетике” Москвы — — — повторил там свою лекцию — — — и это вызвало большой поворот и волнение в Петербурге — — — на сторону В<ячеслава> встал прежде всего А. Блок. В<ячеслав> мне сегодня прочел его (А. Блока) дивную речь (записанную уже и закреп-

ленную) в ответ на сообщение В<ячеслава> — — — И в этой речи Блок *всцело* присоединяется к В<ячеславу> — — упоминает об А. Белом в выражениях, дающих ясное указание его *несомненного* отношения к Вам, внутреннего (помните, *что* я Вам говорила, когда Вы меня провожали из Бобровки ночью?) — — — И на желание В<ячеслава> — — чтобы были напечатаны — его речь (т. е. Вяч<слава>) — — речь Блока и речь А. Белого (в Эстетике), вместе, — Блок заявил, что он “ничего против этого не имеет” — — —¹².

Сообщая это, Миншлова, видимо, не знала (или, если знала, не отдавала себе полного отчета), что Блок и Белый в это время находились в состоянии острого конфликта, продолжавшегося уже почти два года. Но как только статья Блока появилась в напечатанном виде, несколько человек откликнулись на нее показательными «рецензиями». Первая из них принадлежит Е. К. Герцык, сообщавшей Вяч. Иванову 5 июля: «Вчера пришел «Аполлон», и я со страшным волнением читала потрясающую и прекрасную исповедь Блока. Как ни страшно то, что он говорит, но внутренне не только хочешь, но *знаешь*, что он спасен, что, как Фауста, его вознесут Силы. У него впереди Новый Мир, потому что он верит в Нее»¹³. На следующий день о своем впечатлении от этого же самого чтения Иванову сообщала А. Р. Миншлова, находившаяся тогда в Судаче на даче семейства Герцык: «Любимый, как прекрасна Ваша статья, Ваши слова «о символизме»... Вчера вечером Адя <А. К. Герцык> читала вслух Вашу статью и статью Блока, и я была до того потрясена и взволнована, как будто никогда ничего не знала и не слышала от Вас.... Какая-то вечная юность и — — неожиданность — (я не знаю другого слова здесь) — — всегда у Вас, в Ваших словах, статьях, в каждой кровинке Вашей. Мне кажется, отсюда эта *радость*, от Вас идущая и распространяющаяся кругом — — Вячеслав, в этой статье Вашей — есть канон и закон *Нового Искусства*. Я слышала эту статью Вашу, знаю ее. Но, как истинные «Скрижали Завета» — ее надо почти наизусть знать (недаром в школах еврейских заставляют *наизусть* учить книги Моисея) — —

Все это я говорю несвязно, нестройно, бросая на бумагу самые далекие, взволнованные мысли, любимый, дорогой мой. Вы ведь *знаете* меня, и мысли мои, и слова мои — — — Мне *необходимо* было сказать Вам *это* впечатление и восторг мой, любимый, — и статья Блока — *дивно* хороша и пленительна. Вячеслав, это *Вы* зажгли в нем слова эти — ведь этот *гениальный* поэт и лирик *не умел* говорить в прозе... Вы отомкнули уста его — и недаром говорит он, в конце, о завете «*послушания*»... Если будете писать ему, скажите, что я горячо приветствую его — — — Самой книги журнала у меня нет сейчас под рукой (ее взял к себе Дм. Евг. <Жуковский>) — — Поэтому я не могу *точно* указать те места, которые наиболее поразили меня — сделаю это потом, после — в дневнике моем чуть не *статья* об этом! — —

Когда Адя читала, Дм. Евг. очень волновался, слушая Вашу статью — — Когда кончилось чтение, я у него спросила, нравится ли ему статья Вяч. Ив.? Он, несколько смущенно, ответил мне: «Да, очень — но я должен еще раз ее перечитать, один» — — и унес с собой этот №№ «Аполлона» —»¹⁴

В конце августа статью Блока прочитал Андрей Белый и написал ему письмо, чрезвычайно принципиальное, поскольку оно прекращало их давнюю ссору и восстанавливало близкие отношения: «Теперь, только что прочитав Твою статью в «А п о л л о н е», я почувствовал д о л г написать Тебе, чтобы выразить Тебе мое глубокое уважение за слова огромного мужества и благородной правды, которой... ведь почти никто не услышит, кроме нескольких лиц, как слышали эту п р а в д у несколько лиц в Москве. Сейчас я глубоко взволнован и растроган. Ты нашел слова, которые я уже вот год ищу, все не могу найти: а Ты — сказал не только за себя, но и за всех нас.

Еще раз спасибо Тебе, милый брат: называю Тебя братом, потому что слышу Тебя таким, а вовсе не потому, что хочу Тебя видеть или Тебя слышать <...> не для возобновления наших сношений я пишу, а в о и м я долга»¹⁵.

На это письмо Блок отвечал 6 сентября: «Недавно где-то близко от нас с Тобой прошла Миншлова и покачался Вячеслав. Мне от этого было хорошо, тут было со стороны их обоих — много нежности и... такта» (Т. 8. С. 314). Комментатор этого письма М. И. Дикман предполагала, что речь идет о конкретной встрече 7 марта на вечере памяти Коммиссаржевской (Там же. С. 603), однако, думается, значение данного упоминания Миншловой шире, чем это было предположено. В ноябре 1911 года Белый писал Блоку: «То, что началось вокруг круглого стола соловьевской квартиры, продолжается и за круглым столом «Мусагета», как продолжается оно и в Бобровке Рачинского, как продолжалось оно с Миншловой: все это — о д н о...»¹⁶ Специально подчеркнутое упоминание о «круглом столе», безусловно, должно было означать не бытовое значение словосочетания, а мистическое, вызывая в памяти рыцарей Круглого Стола, а через это и всю идею мистического братства, которую А. Р. Миншлова пыталась осуществить.

В уже цитированном нами письме к Белому от 13 апреля 1910 года Миншлова говорила: «О Москве не буду писать, Вы сами все узнаете, когда приедете туда — — Я хочу рассказать Вам о моем разговоре *сегодня* с Вячеславом — —

В<ячеслава> я нашла сильным, светлым, полным любви. Он посылает Вам самую глубокую, радостную любовь свою и привет — —

Относительно нашего «союза» — мне начинает казаться теперь, что, быть может, лучше будет отложить это до осени (хотя В<ячеслав> и согласился очень охотно и радостно заехать в Москву по дороге за границу и там увидеть всех братьев своих). В<ячеслав> сейчас

еще не знает, быть может, он останется всю зиму будущую в Италии, в Риме, с Верой — — И тогда, значит, вступит в активную деятельность — Москва, во главе которой — Вы, конечно, Андрей Белый!

Все теперь налаживается очень гармонично в каких-то далеких, подземных слоях Земли — — А как *первый* призыв, первый удар «Белого Колокола» — я ставлю сейчас *всем* близким и самым тесно-ближайшим мне — следующее *требование*: *E.S.*

В течение 3. месяцев, от 25 Апреля этого — — пусть *молчание* будет среди близких, среди *нас* всех — о *всякой мистике*, о *всем*, что касается глубин мистицизма, — о *всех словах*, *знаках* мистических — — — Даже в *интимных* кругах пусть не говорится о мистике — — (с 25 Апреля) — — только человек *один*, наедине с собой, *да говорит об этом* — — — Андрей Белый, Вы ведь понимаете меня, да? Мне трудно говорить об этом — — но *это* — должно быть сказано сейчас —»¹⁷. Именно весной 1910 года идея «братства» была наиболее сильна в умах как самой Минцловой, так и избранных ею в качестве руководителей Белого и Иванова. Но отнюдь не только они оказались в круге ее влияния.

В позднейших своих мемуарах (так называемой «берлинской» редакции «Начала века») Белый вспоминал: «В разговоре со мною А. А. <Блок> как-то пристально очень расспрашивал меня об исчезнувшей Минцловой; в тоне вопросов и взгляде его мне почудилось, что он внутренне знает влияние Минцловой на недавние устремления наши (наверно, Иванов его посвятил); мы же, давшие слово ей, Минцловой, не разглашать в эти годы тяжелую тайну (исчезновение ее навсегда), и не могли бы А. А. удовлетворить окончательно относительно Минцловой; на вопросы о ней отмолчался; и тут вспомнил рассказы А. Р. о ее встрече с Блоком (в 1910 году, в Петербурге), о взгляде А. А., очень пристально брошенном на А. Р. (на каком-то собрании), о нескольких только словах, которыми они обменялись»¹⁸. И далее неоднократно «узнания» Блока связываются Белым с эзотерическими поисками Минцловой, Иванова, своими собственными. В его сознании Блок начинает выглядеть полусознательным претворителем в жизнь оккультических идей, а доклад «О современном состоянии русского символизма» — откликом на проблемы, волновавшие «мистический треугольник», сложившийся в середине 1909 года и просуществовавший до конца апреля 1910-го¹⁹. Так, в тех же самых мемуарах он рассказывал: «Он <Вяч. Иванов> понимал весь размах дела Штейнера; он понимал, что пришли не случайно к нему мы. Но, будучи убежденнейшим символистом, поставил вопрос мне: как быть с символизмом? Мое подхождение к Штейнеру не меняет ли ТРИО, которое возглавляло течение символизма, в дуэт? Я доказывал, что ничего не бросал из былого; я с книгами прежними своими согласен; подчеркивал связь символизма с конкретную практикой; практика эта теперь для меня — медитации, контемплации; и как

подлинный символист, — В. Иванов со мной согласился; ведь сам он стремился к оккультному: в пору общения с Минцловой, о которой мы с ним говорили теперь (что ее следов не было); и — говорили о Блоке; старался ему показать, сколько в Блоке естественного, стихийного знания; подступов к ЗНАНИЮ (без осознания)²⁰.

Таким образом, в сознании Белого и Минцловой (а вероятно — и Вяч. Иванова) творчество Блока и конкретно доклад о символизме оказывались тесно связанными с собственными их эзотерическими исканиями. Мы бы даже рискнули предположить, что весьма существенные идеи этой работы Блока были прямо инспирированы оккультными исканиями Вяч. Иванова этого периода и определение себя как «Бедекера» для Блока имело совершенно конкретный смысл: он в своем выступлении конкретизировал оставшиеся в тени эзотерические аспекты доклада Вяч. Иванова. Но этот тайный смысл мог быть понят лишь немногими, истинными посвященными, среди которых были, конечно, Иванов, Минцлова и Белый, а возможно — и некоторые другие (прежде всего члены «Мусагета», понимаемого не просто как издательство, но как ядро мистического сообщества, готовившегося Минцловой к постижению тайн эзотерического розенкрейцерства). Однако в середине апреля 1910 года у Минцловой произошла серьезнейшая размолвка с Вяч. Ивановым, в конце апреля от участия в ее замыслах отказался Андрей Белый, а в начале августа Минцлова бесследно исчезла, оставив знавших ее в серьезном недоумении. И потому эзотерический смысл доклада Блока остался так всерьез и не прочитан ни современниками (за исключением Белого и, вероятно, Иванова), ни позднейшими исследователями.

Однако этот эзотерический смысл, с нашей точки зрения, реально существует и может быть выявлен путем сопоставления текста Блока с оккультными текстами, имевшими хождение в то время. Конечно, нам доподлинно неизвестно, что именно предлагала Минцлова своим «ученикам» в качестве собственного учения (сохранились лишь достаточно невнятные отрывки в письмах к Вяч. Иванову и фрагменты в изложении Белого), но постоянное скрещение ее взглядов со взглядами других оккультистов, теософов, пытателей «древней мудрости», как кажется, позволяет обойтись опубликованными и доступными нам текстами.

Первый абзац статьи Блока рисует русских символистов стоящими на палубе корабля и обменивающимися «пожатиями холодеющих рук» (Т. 5. С. 425). При всей распространенности такого образа, в среде именно символистов он должен был проецироваться не только на миф об аргонавтах, но и на гораздо более конкретное — на воспоминания о кружке московских «аргонавтов», душой которого был Белый, а Блок наверняка знал о его деятельности с достаточным количеством подробностей²¹. Но замысел розенкрейцерской логи, долженствовавшей сложиться в 1909—1910 гг. под руководством Ива-

нова, Белого и Минцловой, для Белого выглядел как продолжение прежней деятельности «аргонавтов». Мы знаем, что в начале марта 1910 года Блок и Белый встретились, причем сам Белый впоследствии рассказывал: «...я чувствовал уже в глубине души, что путаница между мной и А. А. ликвидирована, что то безусловное, верное и духовное, чему основа заложена нашим двенадцатичасовым разговором в Москве, развивается в нас вопреки всем формам духовного понимания и непонимания...»²²; в то же самое время «Иванов <...> делает все усилия, чтобы сгладить шероховатости моих отношений с Блоком, мечтая о конъюнктуре: он, я и Блок»²³. Эти обстоятельства делают более чем вероятным предположение, что Блок знал о попытках восстановления «аргонавтизма» в виде экзотерического розенкрейцеровского кружка, и потому начало его доклада могло быть прочитано как достаточно откровенная отсылка именно к этим обстоятельствам.

Далее, описывая «тезу» символизма, Блок делает уже совершенно откровенное заявление: «...символист уже изначала — *теург*, то есть обладатель тайного знания, за которым стоит тайное действие...» (Т. 5. С. 427). Теург в его понимании является обладателем тайного знания, то есть одним из тех «посвященных», которые в разного рода эзотерических доктринах представлялись движителями всего процесса исторического развития человечества. А между тем в докладе Иванова «теург» означает нечто иное: «Пушкинский Поэт помнит свое назначение — быть религиозным устройтеlem жизни, истолкователем и укрепителем божественной связи сущего, теургом»²⁴. Но не только в этом прямом определении сущности теургии Блок дополняет и развивает Иванова. Вспомним сквозной для его статьи образ: «...лезвие таинственного меча уже приставлено к груди...», «...этот взор, как меч, пронзает все миры...», «золотой меч, пронизывающий пурпур лиловых миров, разгорается ослепительно — и пронзает сердце теурга» (Т. 5. С. 427) и т. д., и т. д.

Как нам представляется, символ этот имеет вполне определенные коннотации, неся в одном из своих смысловых рядов (конечно, как у всякого символа, его сумма значений бесконечна) прямые аналогии с рядом стихотворений из третьей части книги стихов М. Кузмина «Сети». Известно, что эти стихотворения привлекали внимание Блока. 30 января 1908 года он переписал для матери стихотворение «Пришел издалека жених и друг...», снабдив его такими словами: «Переписываю тебе новое, ненапечатанное стихотворение Кузмина. По-моему — очень замечательно» (Т. 8. С. 227). Не говоря уж о том, что в переписанном стихотворении содержится прямое указание на потаенную суть происходящего («жених и друг» очерчивает вокруг протагониста магический круг), обратим внимание на то, что в предшествующем стихотворении присутствует строчка: «Меч будет остр, надежна тетива», и далее, на протяжении как цикла «Вожатый», так и следующего — «Струи», меч (пылающий, грозящий, острый,

прободающий сердце, вызывая голубую кровь²⁵) является постоянно, во многом определяя развитие всего сюжета двух циклов о возвышенной, божественной любви.

Но нам уже приходилось писать о том, что эти циклы стихов Кузмина основаны не просто на поэтическом воображении, а являются весьма близкой передачей его видений, которые он испытывал в конце 1907-го и начале 1908 года (как, кстати сказать, и Вячеслав Иванов, и другие люди ивановского окружения) под воздействием духовного наставничества А. Р. Минцловой²⁶. Независимо от того, знал ли Блок об этом подтексте или нет, связь словесной ткани его статьи с оккультной практикой Минцловой должна быть констатирована.

Далее Блок пишет: «Миры, предстающие взору в свете лучезарного меча, становятся все более зовущими; уже из глубины их несутся шемящие музыкальные звуки, призывы, шепоты, почти *слова*. Вместе с тем они начинают *окрашиваться* (здесь возникает первое глубокое знание о цветах); наконец, преобладающим является тот цвет, который мне всего легче назвать пурпурно-лиловым (хотя это название, может быть, не вполне точно» (Т. 5. С. 427). И далее образы звуковые почти пропадают, а на первый план выступают визуальные, долженствующие обрисовать те новые миры, в которых оказался художник. Напомним, что их первоначальный свет — пурпурно-лиловый, но позже начинаются сине-лиловые сумерки, означающие хаос, а то и гибель.

При этом Блок решительно утверждает «*объективность и реальность* «тех миров» <...> Реальность, описанная мною, — единственная, которая для меня дает смысл жизни, миру и искусству. Либо существуют те миры, либо нет» (Т. 5. С. 431—432).

Мы полагаем, что в данном случае Блок описывает эволюцию того, что в теософических учениях называется «астральной сферой». Несомненно, безоговорочно утверждать этого нельзя, поскольку нигде этот термин не употребляется даже косвенно, нигде не говорится о том, что в картину вселенной, описываемую Блоком, включаются какие-либо оккультные представления. И тем не менее очень значительное сходство описания астрального мира в книге Анни Безант «Древняя мудрость» с описанием блоковских миров, как кажется, позволяет выдвинуть такую гипотезу.

Согласно Безант, «астральная сфера представляет собою космическую область, ближайшую к физической <...> Астральный мир над нами, под нами, вокруг нас и внутри нас; мы живем и движемся в нем, но он неощутим, невидим и неслышен, потому что темница нашего физического тела замыкает нас от него...»²⁷. В представлении Блока описываемые им как непосредственная реальность миры смешиваются, проницают друг друга, и открыты они могут быть только взору нас гоящего художника. Но и в астральной сфере «когда человек высоко развился <...> сознание может непрерывно работать, переходя от одного состояния в другое <...>. На этой ступени чело-

век может свободно упражнять свои астральные чувства в то время, как сознание его работает в физическом теле...» (с. 59), то есть чем выше уровень сознания человека, тем свободнее он переходит из одной сферы в другую, уподобляясь при этом тому, кого Блок называет художником. И открывающиеся взору миры не являются лишь порождением его индивидуального сознания, они параллельны миру физическому, то есть осязаемой всеми реальности: «...здесь утверждается положительно, что все миры, которые мы посещали, и все события, в них происходившие, вовсе не суть «наши представления» <...> Так, например, в период этих исканий оценивается по существу *русская революция* <...> в противовес суждению вульгарной критики о том, будто «нас захватила революция», мы противопоставляем обратное суждение: революция совершалась не только в этом, но и в иных мирах...» (Т. 5. С. 431). При этом состояние астральной сферы таково, что для ощущения верной перспективы в нем необходимо особое состояние органов астральных чувств: «...в астральном мире все видимо насквозь, задняя часть предмета, так же, как и передняя, внутреннее так же, как и наружное. Поэтому необходима известная опытность, необходимо сперва научиться видеть астральные предметы правильно, и человек с развитым астральным зрением, но еще недостаточно опытный в его применении, может получить самые превратные впечатления и впасть в самые удивительные ошибки» (с. 45).

Но самое, на наш взгляд, существенное — это сам облик астральной сферы, какой он рисуется по Безант. В нем есть сразу несколько принципиальных черт, совпадающих с блоковскими характеристиками описываемых миров.

Прежде всего, это постоянные метаморфозы вещества, из которого астральная сфера состоит: «...поразительная особенность астрального мира, способная повергнуть в сильное смущение, это — быстрота, с которой все формы, особенно же не связанные с земной основой, меняют свои очертания. Астральное существо может изменить весь свой вид с самой поражающей быстротой, потому что астральная материя принимает новую форму под влиянием каждого воздействия мысли» (с. 45). Точно так же волшебные миры Блока находятся в состоянии постоянных изменений, что зафиксировано им в специально выделенных словах: «Предусмотрено все, кроме одного: *мертвой точки торжества*» (Т. 5. С. 428). Не будем останавливаться на этом далее: весь текст статьи Блока свидетельствует о том, что описываемая им реальность находится в состоянии непрерывного изменения.

Вторая особенность астральной сферы — ее цветовая окрашенность, причем краски соответствуют степени духовной развитости человека. Вот как описывает это Безант, беря в пример не целый астральный мир, а лишь облики отдельных людей: «Астральное тело неразвитого человека представляет собою облачную, расплывчатую, неясно очерченную массу астральной духа-материи <...>. Окрашива-

ние, вызываемое вибрациями таких материалов, тускло, оно — грязных, пыльных оттенков: коричневые, мутно-красные, грязно-зеленые являются преобладающими цветами. В них нет ни игры света, ни быстро меняющихся цветовых лучей, но различные страсти выражаются в них тяжелыми волнами, или же, если страсти сильны, то взрывами молний; так, половая страсть вызовет волну грязно-карминного цвета, а порыв злости — красную молнию с синеватым оттенком» (с. 54). Описание это поразительно напоминает описание «сине-лилового мирового сумрака», данное Блоком в своей статье. На вполне резонный вопрос, возникающий у читателя: «А почему же Блок использует другие цвета, чем названы у Безант?» — ответ находится достаточно легко. В сознании теософов доминировала общая характеристика освещения, а конкретная окрашенность являлась индивидуальной для каждого наблюдателя астрального мира. Это становится очевидно из ряда вопросов, которые А. Р. Минцлова прислала Вяч. Иванову, чтобы зафиксировать его впечатления от видений. Под номером 30 в этом списке следует: «Цвета в ауре человека дают несомненные, верные, указания о нем? Какие цвета видите *Вы* и *где* именно? Для некоторых людей многие предметы имеют свою ауру, свою светящуюся оболочку. В особенности это относится к книгам? их аура очень различна, соответствуя мыслям, краскам, страсти, жизни, тающейся в книге? Изменяется ли аура книги от прикасания ауры того, кто читает ее?»²⁸ Блоковские «пурпурно-лиловый», «золотой», «сине-лиловый» как раз и могут восприниматься как описание той индивидуально окрашенной ауры, которую имела в виду Минцлова.

В дальнейшем, по Безант, астральное тело меняется, но точного описания его цветов у нее нет: «В человеке со средним нравственным и интеллектуальным уровнем астральное тело сделало уже огромный шаг вперед <...> присутствие более тонких частиц придает светящийся вид всему телу, а появление высших эмоций вызывает в нем прекрасную игру цветов. Очертания его определены и ясны, вместо неясных и переменчивых <...>. Астральное тело духовно развитого человека <...> представляет собою прекрасное зрелище по сиянию и окраске, и оттенки, невиданные на земле, появляются в нем под влиянием чистых и благородных мыслей» (с. 56—57). Не имея прямых оснований настаивать, все же выскажем предположение, что блоковские золото и пурпур являются неким соответствием «прекрасной игре цветов» и «оттенкам, невиданным на земле».

Текст Безант дает основание для раскрытия еще одного довольно темного места доклада Блока. Погруженный в лиловые миры оказывается «уже не один; он полон многих демонов (иначе называемых «двойниками»), из которых его злая творческая воля создает по произволу постоянно меняющиеся группы заговорщиков <...> он умеет сделать своим орудием каждого из демонов, связать контрактом каждого из двойников; все они рыщут в лиловых мирах и, покорные его воле, добывают ему лучшие драгоценности — все, чего он ни по-

желает: один — принесет тучку, другой — вздох моря, третий — аметист, четвертый — священного скарабея, крылатый глаз» (Т. 5. С. 429). У Безант речь идет, конечно, несколько о другом, но совпадения образов чрезвычайно показательны: «Игра жизненных токов в эфирных двойниках (курсив наш. — Н. Б.) минералов, растений и животных вызвала из скрытого, пассивного состояния в явное астральную материю, входящую в состав их атомов и молекул. <...> Тупые и расплывчатые ощущения благоденствия или неблагополучия замечаются у большинства растений <...> Они смутно радуются воздуху, дождю, солнечному свету и жадно ищут его. <...> Духи природы, ведающие построением животных и человеческих астральных тел, получили особое название «элементалей желания», потому что они проникнуты желанием всякого рода...» (с. 51). «Демоны-двойники», рыщущие в лиловых мирах и приносящие добычу (природное состояние, минерал, священное насекомое) своему объединяющему центру, конечно, чрезвычайно напоминают «эфирных двойников» низшего порядка, испытывающих стремление к определенным природным состояниям, а на более высокой ступени становящихся воплощением желаний всякого рода.

Наконец, завершающая часть блоковской статьи провозглашает: «Подвиг мужественности должен начаться с послушания <...> путь к подвигу, которого требует наше служение, есть — прежде всего — ученичество, самоуглубление, пристальность взгляда и духовная диета» (Т. 5. С. 435—436). Именно такой путь предлагала Минцлова своим духовным ученикам: послушание (через которое прошел Вяч. Иванов, о чем 2 февраля 1908 года записала М. М. Замятнина: «Приехала Ан<на> Руд<ольфовна>. <...> Вечером б<ыла> общая молитва четырех нас. Перед молитвой Вячеслав сообщил Вере и мне радостную весть, что он назван учеником, и просил за него молиться»²⁹), медитации (то есть самоуглубление), через которые проходили Вячеслав Иванов, Белый — как раз в начале 1910 года, Кузмин, а также, видимо, другие, и духовная диета (вспомним приведенное выше письмо ее к Андрею Белому).

Таким образом, как нам кажется, мы имеем достаточно оснований для того, чтобы представить доклад Блока попыткой выявления того потаенного смысла, который был заложен в речи Вяч. Иванова, но специального развития не получил³⁰. Об этом, как кажется, отчасти говорит уже цитированное выше письмо Иванова к Блоку от 3 апреля 1910 г., где содержатся уговоры непременно читать речь о символизме: «Само собою разумеется, что меня мало понимают; ведь и Вас, вероятно, не вполне поймут. Но я не боюсь (и Вам бояться не советую) этого непонимания; поймут двое-трое, зато те, кому это жизнь»³¹. Комментатор толкует эти слова как предчувствие столкновения двух литературных школ — символизма и постепенно оформляющегося «предакмеизма». Безусловно, этот смысл присутствует, но, думается, в словах Иванова есть и намек на то, что не только литература должна

стать объектом внимания Блока, а нечто более важное, организующее жизнь. Это важное может быть трактовано, конечно, в категориях социальных, политических, экономических, идеологических, но может (как то и получилось, на наш взгляд, в речи Блока) быть осознано как сфера оккультных постижений, доступная немногим.

И вместе с тем необходимо констатировать, что для мировоззрения и творчества Блока оккультизм не был сколько-нибудь влиятельным, и моментальная вспышка интереса к нему, которая, как нам представляется, произошла в начале 1910 года, оказалась изолированной. Потому, в частности, и сама эта статья, при всей ее очевидной важности, также оказалась изолированной в кругу теоретических сочинений Блока.

P.S. Уже после публикации первоначального варианта этой статьи в печати появились письма Ю. К. Терапиано к В. Ф. Маркову, в которых содержится прямое подтверждение наших представлений о связи описаний Блока с оккультными теориями. Рассказывая о своем знакомом умалишенном художнике, Терапиано говорит: «У него изумительные тона красок, переходы полутонов и сочетаний. Перед Вами как бы «астральный мир» («цветные миры» Блока), по-своему очень красивые»³². Искушенность Терапиано в оккультных теориях (в частности, на протяжении долгого времени он рецензировал на страницах «Русской мысли» каждый новый выпуск альманаха «Оккультизм и Йога») заставляет отнести к его даже мимолетному упоминанию с полной серьезностью и доверием.

*
* *
*

В приложениях мы публикуем два материала, имеющих отношение к теме данной статьи. Первый из них — фрагмент «берлинской» редакции воспоминаний Андрея Белого «Начало века», выявляющий те контакты доклада и статьи Блока с учением теософов и Минцловой в частности, которые ему казались очевидными (источник — РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 177—178). Второй — недатированное письмо А. Р. Минцловой к Вяч. Иванову (по нашему недостаточно проверенному предположению, написанное в июне 1910 года), где излагается ее представление об астральной сфере (печатается по: РГБ. Ф. 109. Карт 37. Ед. хр. 7. Л. 40—47 об).

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Недаром же в 1905 году увлечение ФИОЛЕТОВЫМ ТОНОМ меня за А. А. испугало: через шесть лет уже те вдыхания ТОНА в себя у А. А.

ведь исторгли горчайшую фразу о состоявшемся в нем опознании этого красочного оттенка: «ЛИЛОВЫЕ МИРЫ захлестнули и Лермонтова... И ГОГОЛЯ. ОТ НИХ ПОГИБЛИ: И ВРУБЕЛЬ, И КОМИССАРЖЕВСКАЯ».

Все это мне вспомнилось в разговоре с А. А.; и подумывал я: «ЛИЛОВЫЕ-то миры завели его в ночь». Ночь казалась порогом и испытанием; припоминались слова Миншловой о губящих нас силах: и о ВРАГЕ, нас губящем; я знал: увлечение А. А. Стриндбергом, автором «АДА», есть притяжение к человеку, переживающему очень родственное А. А.; этот Ад и все ПРЕСЛЕДУЮЩИЕ ВСЕ ЧЕРТИ, с ним связанные, в представлении моем объяснялись как испытание порога, откидывающего наше брэнное «Я» от духовного «Я»; под влиянием этих мыслей я начал рассказывать Блоку историю моей внутренней жизни за эти последние годы: и попытался раскрыть ему мной составленный взгляд на ЧЕРТА, попутавшего и меня, и его, и Л. Д., и С. М. Соловьева когда-то; я пытался ему передать все события, странно происходившие со мною в то время и неизменно толкавшие меня к поискам строго морального братства, ищущего пути; я ему рассказал все, что можно, о встрече с исчезнувшей Миншловой, о руководстве ее над моими «ДУХОВНЫМИ УПРАЖНЕНИЯМИ»; передал и ее уверение, будто бы за нею стоят «ПОСВЯЩЕННЫЕ»; рассказал о болезни ее и таинственном исчезновении ее; рассказал, как, прощаясь со мною, оставила мне она кольцо с аметистом, сказав, что когда придут ко мне люди от Духа и попросят О КОЛЬЦЕ, то, его показав им, найду я путь Духа; я ему передал, как ждал сперва ВСТРЕЧИ я; но — не было встречи; и я ничего уж не жду от таинственных «ПОСВЯЩЕННЫХ». Я рассказывал много А. А. об искании Аси путей, о теософии, пути посвящения; словом, — рассказ этот был моей исповедью ПУТИ перед А. А., долженствующей поддержать его, чтоб он видел, что состоянье покинутости, им испытанное, — тоска перед порогом судьбы.

А. А. слушал с глубоким вниманием, склонив голову: выслушав, он сказал:

— Да, все это отчетливо понимаю я; и для тебя, может быть, — принимаю... А для себя — нет: не знаю: не знаю я ничего. И не знаю: мне ЖДАТЬ иль не «ЖДАТЬ». Думаю, что ждать — нечего...

Приложение 2

I

Милый, милый мой, любимый, моя радость, я посылаю Вам привет свой, мою беспредельную любовь и всю ласку, всю нежность, всю близость мою сейчас — — —

Благословляю Вас каждое мгновение жизни моей —

Сейчас я хочу воспользоваться этими днями молчания, чтобы говорить больше с Вами. Я хочу рассказать Вам *больше*, точнее, насколько могу — об астральном мире, астральном теле человека — хотя я уверена, что Вы все знаете уже, и ничего нового я не могу сказать Вам теперь, пока, в эти мгновения.

О том, что мы постоянно соприкасаемся с тремя мирами — Вы знаете давно. Мы живем *всегда* в трех мирах. Оттого смерть и воскресение.

Есть и другие миры, кроме этих трех, но мы не имеем к ним доступа на земле, и только смерть земная отворяет нам эти врата, «Золотые или Радужные ворота».

Первый мир — физический мир, мы проходим между рождением и смертью на земле, второй и третий миры — в промежутках времени между смертью и следующим воплощением.

И в эзотеризме <так!> идея *жизни* соединяется всегда не с отдельной формой одного воплощения, не с единой каплей вечного потока, — — а с целым потоком, страстно устремлённым вдаль — —

Ближайший к нам, наиболее тесно захватывающий нас — мир астральный. Он окружает нас, он *всегда* вокруг нас, мы своими чувствами, страстями, хотениями живим его всегда. Мы не видим его всегда только потому, что не все владеют и могут управлять органами астр<ального> тела своего <далее 1 1/2 строки зачеркнуты>.

Посвящение раскрывает глаза эти, новые органы чувств — —

Астральный мир часто сравнивают с зеркалом, и это есть, действительно, как бы отражение мира физического. Но надо очень долго и терпеливо учиться читать эти отражения: начиная с чисел, строк, слов, все в астральном мире отражается в обратном порядке. Также и события, и время, и пространство. То, что на земле есть предыдущее, часто в астральном мире является последующим — *Все* видения, как картины, являющиеся предварительной ступенью к посвящению — относятся к области высшей уже, к Девахану, к «небесному» миру. Все страсти человека, все темное в человеке является в астр<альном> мире совершенно реально, и можно видеть их там как зверей, в ликах звериных. Мы несем в себе все звериное царство (как и *все* другие царства), и его мы и выбрасываем из себя, в астр<альный> мир. Отсюда — великая мистическая ответственность человека к зверям, и тайна отношений их — В этом удивительный пример — Эллис, изнемогающий под горячечными видениями зверей, чудовищ, демонов и т. д. —

Он в страшных, потрясающих словах говорит об этом, умоляет о помощи — — не зная, что все они, эти чудовищные образы и лики, бросающиеся *на него* — это отражения его собственной ненависти, озлобления, обращенного к другим людям — —

Этот мир — самый страшный, самый опасный, и мы прошли его теперь уже. Для меня, с моим чрезмерным развитием астрального чувства — это был великий искуc, и Вы много поддерживали меня, милый —

Кроме льва, очень близкого и мне, и Лидии, и Вам — — Вы зверей не видали в наших путешествиях — —

Астральное зрение — в противоположность зрению физическому, которое видит всегда внешнее, форму — видит только внутреннее человека, душу его, тайники его души, все страсти и желания его, которые выражаются в световых явлениях внутри ауры, окружающей физическую оболочку. Но всякие картинки и рисунки этой ауры — — почти всегда неверны и недостоверны, т. к. в ауру вливается извне так много различных струй, что наблюдатель может легко ошибиться, т. к. и его собственная аура отражается при этом тоже, бросает свой отблеск (и всегда в обратном порядке, в астральном). По мере вступления на мистический путь в человеке начинают развиваться, раскрываться те внутренние органы, которые находятся в зачатке у всех людей сейчас. Эти органы называются в Индии «chakrams», «священные колеса», «цветы лотоса». Они развиваются очень определенно, в связи —

Целую Вас и люблю. Покойной ночи.

А. Р.

II

Милый, милый мой, я хочу сейчас закончить Вам то, что я начала вчера. Я знаю, что это — надо сказать Вам — —

— Один из органов астрального тела, «колесо о 16 спицах» или «цветок Лотоса о 16 лепестках» — — находится глубоко в гортани человеческой — —

С этим связана великая тайна пола — — тайна вечных, постепенных изменений и преобразований основных творческих органов. Пол, жизнь пола — в вечной тревоге и изменении снизу вверх и сверху вниз. И в этом причина, почему в оккультизме возможны самые острые подъемы и падения вниз.

В то время (*очень* точно изученное оккультной наукой), когда человек был двуполом и астральное тело его было вполне цельным — тогда не было еще этой свободы падения и радости крутизны —

Потом астр<альное> тело разделилось на 2. части, на нисшую <так!> и высшую творческую силу. С одной стороны — вверху — *слово* и воля. С другой стороны — пол и устремление. Отсюда связь между звуком, голосом и половой силой. В известные годы, при наступлении половой зрелости, у мальчиков происходит огромный переворот в голосе, и с этим связана великая тайна — — Тяжелее всего отражается эта тайна на мужском организме — — на женском тоже, но там самая мучительность этого момента (половой зрелости) заставляет внимательнее относиться к нему — —

Произошла дифференциация астрального тела, а затем и физического — в далекие, прошлые времена — и появились *два* полюса там, где прежде был один, основной орган: *верхний* полюс, положи-

тельный, духовно-божественный (голос); и *нижний* полюс, отрицательный, человеко-звериный (пол). «Слово» и есть та изначальная, творческая первосила, Utkraft, которая является отраженным ликом своим в человеческой речи. Оттого — — та *власть* слова, больше которой нет власти на земле — В *голосе* остался еще до сих пор знак древней власти, прежде всего проявляющийся в поле. Голос и руки — на них печать иных миров, память иных страстей — -- —

В этом «16-ти-лепестковом цветке» 8 лепестков являются (для развития уже зрения, ясновидения) — блестящими, яркими, светлыми, а 8 — других — еще темными.

Эти 8 лепестков (соответствующие 8 заповедям блаженства Христа) есть то, чего достиг уже теперь человек. Остальные 8 — еще не проявившиеся на земле, еще темные сейчас — раскроются потом, дальше, и загорятся светом — Человек еще не знает 8 лепестков блаженства, темнеющих перед ним — —

В области *сердца* имеется второй «chakra» («колесо о 12 спицах»), «цветок о 12 лепестках», из которых опять 6 светлых и 6 темных — Этим 12-лепестковым цветком лотоса символизируется 12 рыцарей Св. Грааля и 12 Апостолов, из которых каждый представляет собой особый оттенок духовности, отдельный лепесток цветка — —

Третий chakra, двухлепестковый лотос, находится между бровями — — — —

Есть и еще несколько цветков в теле человека, но эти — главные — —

В астр<альном> мире картин — нет почти совсем. Там властвуют — *Огонь* и *вода*. Мучительный огонь очищения, палящая жажда да — и вечное *нет, нет* уходящей воды.

Астральный мир — есть мир очищения, величайшей, глубокой работы духа, когда разворачиваются все свитки земли, проверяется все, пшеница отделяется от плевел и человек возвращается к тому мгновению, когда он был «как дитя» —

«Если не станете как дети, Вы не войдете в царствие мое» — Под «Царствием Его» во всей эзотерической христианской мистике подразумевается Девахан, Царствие Небесное — Это не есть забвение — нет, все, что есть настоящего в чувстве земном, восстает в нетленной славе и красоте — —

Но это есть путь очищения, просветления, необходимого для того, чтобы идти дальше —

Милый, любимый моя, вся душа моя с Вами сейчас. Я готовлюсь к великой битве, к страшной ночи сегодня. И в эти последние часы я хочу еще и еще, и много раз еще повторить Вам: я люблю Вас. Я верю в Вас, до конца, всегда и навсегда. Каждая минута общения с Вами была мне радостью, каждый час, проведенный с Вами, я благословляю — — До свидания.

ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ «ЛИРЫ НОВАЛИСА» Вяч. ИВАНОВА

В весьма основательном исследовании М. Вахтеля с некоторым удивлением констатируется: «Иванов не принадлежал к типу писателей, которые избегают упоминать своих духовных предшественников, и в то время как многие документы демонстрируют его раннюю очарованность Гете, нет никаких свидетельств о том, что он читал Новалиса до 1908 года. <...> Однако начиная с 1908 года Новалис получает привилегированное место в «протосимволистском» пантеоне Иванова. После этого фактически каждое утверждение о природе и целях символизма включало обязательную отсылку к Новалису»¹.

Начало этому интересу он видит в статье «Две стихии в современном символизме», прочитанной Ивановым в виде публичной лекции 25 марта 1908 года в московском Литературно-художественном кружке (она была повторена — возможно, в несколько ином варианте — 30 марта в московском Религиозно-философском обществе памяти Владимира Соловьева под названием «Символизм и религиозное творчество»²) и опубликованной почти сразу же в 3—4 и 5-м номерах «Золотого руна» за тот же год. Имя Новалиса упомянуто уже в журнальной публикации, и, стало быть, мы имеем основания связать возникновение интереса Иванова к Новалису с чем-то свершившимся в 1907-м и начале 1908 г.

Обратимся к событиям жизни Иванова этого времени, чтобы попытаться обнаружить источники его сведений о Новалисе.

Если составить хронику важнейших происшествий в личной жизни Иванова этих приблизительно полутора лет, то среди наиболее принципиальных будут: сложный узел взаимоотношений с М. В. Сабашниковой-Волошиной в начале 1907 года, смерть Л. Д. Зиновьевой-Аннибал 17 октября, появление А. Р. Минцловой как духовной

руководительницы с конца октября и, наконец, «посвящение» Иванова в члены некоей духовной общины, происшедшее в конце января или самом начале февраля 1908 года. Отбор именно этих событий может показаться произвольным, однако попытаемся показать, что на самом деле все случившееся теснейшим образом было между собою связано и вызвало в конце концов живейший интерес Иванова к Новалису, а полутора годами позже (и тоже — как результат развития тех же событий) и небывало быстрый для него перевод «Лиры Новалиса», создание и публичное оглашение 23 ноября 1909 года лекции «Голубой цветок», Новалису посвященной.

Напомним здесь в кратком виде сведения, уже приведенные выше, в статье «Alpa-Rudolph»: влияние А. Р. Минцловой на Иванова в это время было чрезвычайно значительным, а в первый год после смерти Зиновьевой-Аннибал — едва ли не подавляющим. Весь январь 1908 года она дает в необыкновенно многочисленных письмах к Иванову из Москвы, где тогда находилась, подробнейшие указания, как надо готовиться к посвящению, а вскоре после ее возвращения, 2 февраля, друг и домоправительница Иванова М. М. Замятнина записывает: «Вечером б<ыла> общая молитва четырех нас. Перед молитвой Вячеслав сообщил Вере и мне радостную весть, что он назван *учеником*, и просил за него молиться»³. Лекция о «двух стихиях» состоялась через полтора месяца после этого события и Минцлова сопровождала Иванова в Литературно-художественный кружок⁴.

Почему можно с такой уверенностью говорить о том, что Новалис вошел в сознание Иванова под влиянием Минцловой и, скорее всего, именно в это время? Прежде всего потому, что она была давней поклонницей Новалиса, и не только поклонницей, но и первой переводчицей практически полного собрания его прозаических сочинений на русский язык.

М. Вахтель в своей книге фиксирует интерес Брюсова к Новалису начиная по крайней мере с 1897 года⁵. Но для нас гораздо существеннее, что, познакомившись с Минцловой (знакомство их относится к лету 1899 года⁶), Брюсов осенью 1901 года предлагает ей переводить Новалиса. В сохранившихся письмах Минцловой к нему содержится довольно много сведений на сей счет, и мы сперва позволим себе привести их в хронологическом порядке, а затем предложить некоторые комментарии.

Итак, 18 октября 1901 г. Минцлова, находящаяся в Москве, пишет Брюсову: «Валерий Яковлевич, я сейчас кончила 1-ую главу Novalis'a и пишу еще под свежим, ярким впечатлением этой работы, которая для меня — не труд, а настоящий праздник и счастье. Но я хотела бы все-таки, чтобы Вы прочли это начало, прежде чем я буду продолжать дальше, и чтобы Вы решили, стоит ли продолжать дальше. Я бесконечно благодарна Вам за то, что я теперь перевожу Novalis'a, и мне трудно было бы высказать Вам все то хорошее, что я ду-

маю о Вас теперь. И мне очень хотелось бы, чтобы Вы взглянули и сказали свое мнение об этой работе моей. Откровенно говорю Вам, что я — недовольна ею. Хотя должна сказать, что у меня необычайные требования в области искусства и меня почти никогда и ничто вполне не удовлетворяет. По-моему, поэзия должна быть прекрасна, как музыка, как живопись, как все искусства вместе, Слово — больше, чем музыка, сильнее, чем живопись — потому что в нем есть душа и жизнь, своеобразная и мощная. И неверное слово гораздо хуже, чем фальшивая нота, оно оскорбляет не только слух, но и душу. На днях я доставлю Вам эти книги — я получила их уже от Deubner'a, очень аккуратно — и т. к. у меня университетские книги, то я и доставлю Вам эти, мои книги, даже неразрезанными, читайте их сколько хотите. А также и первую главу моего перевода. И, конечно, я надеюсь, я уверена в том, что Вы прямо скажете мне Ваше мнение — я ведь не женщина почти, а в вопросах поэзии — даже и не человек, т. к. чувствую все совсем иначе, чем все люди. Мой привет Вашей жене и до свидания. А. Минцлова»⁷.

Через несколько дней, 29 октября, следует еще одно письмо: «Дорогой Валерий Яковлевич, все время — и каждый день — я собираюсь поехать к Вам, мне очень хочется навестить Иоанну Матвеевну и узнать об ее здоровье. Но все это мне не удается по самым разнообразным причинам. А мне очень хочется — и очень нужно — Вас повидать, услышать Ваше мнение о моем переводе, поговорить с Вами о Novalis'e и вообще услышать те слова, которые не часто можно услышать и которые Вы так умеете сказать — Вы, «глава декадентства Русского»! Я очень глубоко погрузилась в перевод, в чтение и мысли, и мне так трудно отрываться теперь от своего внутреннего мира и входить в действительную жизнь... <...> Итак, до свидания, до послезавтра, я надеюсь? Я привезу Вам и свой перевод»⁸.

7 апреля следующего года Минцлова в длинном письме сообщает Брюсову: «Помните, осенью Вы мне говорили о том, что переведете стихи Новалиса (для моего перевода)? Потом Вы мне сказали, что они — плохи. И это правда. Но вот теперь у меня возник вопрос — как же мне быть с ними? Перевод свой я продолжаю и намереваюсь кончить. Выпустить стихи из текста романа "Heinrich von Ofterdingen" — немыслимо, по-моему. Вот я и хочу попросить у Вас совета, как теперь поступить, — я знаю, вы очень заняты теперь, но все же, Вы были всегда очень добры ко мне, и я поэтому беру на себя смелость потревожить своей просьбой "главу русского декадентства", как выражаются "наши уважаемые газеты"»⁹.

Наконец, 3 августа 1903 года, Минцлова, отдохавшая тогда в Меррекуле, написала Брюсову довольно большое письмо, где наиболее подробно осведомила его о ходе работы над своими переводами: «Хотя мы с Вами совсем не виделись весь этот год, Валерий Яковлевич, все же, мне думается, Вы не должны удивиться, получив

это письмо. Помните ли, два года (почти) тому назад Вы посоветовали мне переводить Новалиса, и сами хотели перевести стихи, там встречающиеся в тексте, и вообще, Вы тогда хотели ввести Новалиса в русский читающий мир под Вашим высоким покровительством.

Мне не удалось перевести Новалиса так скоро, как я рассчитывала. Эти два года были очень мучительны для меня, и я не могла работать целыми месяцами. Но все время я не оставляла Новалиса, и теперь, за это лето моей совместной жизни с Бальмонтами, я окончила перевод Новалиса совсем. И т. к. у меня все время было впечатление и сознание, что Вы — во главе этой работы, я обращаюсь к Вам сейчас с вопросом — желаете ли Вы принять Новалиса? Или же Вы совсем охладели к нему, забыли его? Если Вы еще не совсем разлюбили его, напишите мне сюда (я останусь здесь, у Бальмонтов, еще до 18 Августа, в Меррекуле). И я Вам отошлю тогда немедленно все, переведенное мной, для прочтения. Мне бы *очень* хотелось, чтобы Вы увидели «Генриха фон Офтердинген» в его нынешнем облике, законченного. Мне кажется опять то же, что казалось раньше, — есть нечто совершенно особенное, прекрасное и значительное в Новалисе. И он очень достоин того, чтобы сделаться известным в России. Возьмите его — я считаю, что этот труд принадлежит Вам, Валерий Яковлевич. И, кроме того еще, примите мою самую искреннюю, глубокую благодарность за него. Для меня эта работа была великим счастьем, она дала мне незабываемые мгновения. И я сейчас с бесконечным волнением благодарю Вас.

Переведены мной: Heinrich von Ofterdingen (весь, конечно), Ученики в Саисе, Гимны к ночи, Афоризмы, изречения и различные отрывки его — очень замечательные. Конечно, критических статей о N<ovalis'e> я не переводила — если эта книга появится, я бы хотела при ней Ваше предисловие — рядом со статьей Матерлинка <так!> (которую я переведу, как только вернусь в Москву, в Сентябре). Но, впрочем, в этом я вполне полагаюсь на Ваше решение. Во всяком случае, жду Вашего ответа здесь — не правда ли, он придет очень скоро, да? О том, как хорошо я провела здесь лето и о нашем здешнем житье здесь Вы имеете сведения достаточные вполне, так что мои известия не будут Вам интересны. 18-го августа я поеду в Петербург, где пробуду некоторое время, чтобы видеть отца моего (который перевезен в Петерб<ург> этой весной). В Сентябре приеду в Москву. Ну, до свидания пока. Мой привет Вашей жене. А. Миншлова»¹⁰.

Причина разговоров Брюсова с Миншловой о переводах Новалиса более или менее очевидна: в конце 1901 г. книгоиздательство «Скорпион» выпустило свой каталог, в котором был, среди прочих, обещан перевод Новалиса¹¹. Видимо, именно с этим упоминанием связано и тс. что осенью 1902 г. А. М. Ремизов взглядом отыскивал на столе Брюсова «свои книги», в том числе Новалиса¹². Но издание это осуществлено не было, поскольку подготовка перевода затянулась, а к осе-

ни 1903 года интересы «Скорпиона» уже несколько изменились: первоначальные планы создать своеобразную «антологию» (состоящую из нескольких томов отдельных авторов) предшественников символизма были если не сознательно отвергнуты, то забыты¹³.

Но Миншлова, для которой Новалис, был, конечно, не только замечательным писателем, но и почитаемым среди теософов и мистиков различных толков авторитетом¹⁴, все-таки перевела собрание сочинений Новалиса и к осени 1903 года оказалась в странной ситуации. Она проделала значительную работу, которую не могла считать оконченной до тех пор, пока не будут вставлены в тексты стихотворные фрагменты. Меж тем Брюсов, судя по всему, окончательно оставил мысль о том, чтобы самому перевести эти фрагменты. Среди известных нам материалов нет никакого намека на то, что он когда-либо переводил Новалиса, хотя интереса к нему не оставил. В частности, летом 1906 г. он обсуждал с Дж. Амендолой Новалиса и книгу о нем, написанную Дж. Преццолини. 10 сентября Амендола сообщал своему итальянскому коллеге: «...я мог бы написать и о вашем «Новалисе», о котором говорил с Брюсовым, заправляющим там <в «Весакх»> всем»¹⁵. 29 сентября Амендола извещал Брюсова о том, что книга ему отправлена, а 15 октября сообщал: «...я выслал вам несколько строчек о книге г. Преццолини «Новалис», о которой мы также говорили и которую автор выслал вам по моей просьбе»¹⁶. А когда в 1910 г. З. И. Гржебин сообщал ему о ближайших планах собиравшегося возобновлять свою деятельность издательства «Пантеон»: «Издаем в маленький библиотеке «Пантеона» Новалиса (Венгеровой), Шамиссо «Петер Шлемиль» (пер<евод> Потемкина), заказываем и скоро издадим «Фиаметту» Боккаччио (Кузмин или Верховский...)»¹⁷, — Брюсов отвечал: «Очень одобряю издание Новалиса»¹⁸.

В то же время мы можем предполагать, что, даже если Брюсов и прочитал переводы Миншловой, они ему не понравились. На это откровенно намекают отзывы самого Брюсова в «Золотом руне» и М. Ф. Ликиардопуло в «Весакх», где ее переводы произведений Оскара Уайльда были подвергнуты уничтожающей критике¹⁹.

Миншлова предложила свой перевод «Учеников в Саисе» книгоиздательству «Гриф», и книга была объявлена среди готовящихся к печати²⁰, но в свет не вышла.

Таким образом, когда в самом конце 1906 г. Миншлова познакомилась с Вяч. Ивановым²¹, практически полный перевод сочинений Новалиса был у нее в руках. Напряжение первого полугодия общения с Ивановым и его женой, Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, вряд ли оставляло место для серьезных разговоров на литературные темы. Потом последовало довольно резкое охлаждение друг к другу (вероятно, вызванное слишком активным вмешательством Миншловой в перипетию отношений между четой Ивановых и М. В. Сабашниковой). Но после смерти Зиновьевой-Аннибал, когда Миншлова оказывает-

ся постоянной спутницей Иванова, ее влияние на него становится очень значительным, а разговоры бесконечными (внешнее описание этих долгих бесед см. выше, на с. 55—58).

И можно почти со стопроцентной вероятностью утверждать, что именно в эти дни конца 1907-го и начала 1908 года в беседах Иванова с Минцловой появилось имя Новалиса, чтобы почти тут же занять чрезвычайно существенное во всем мирозерцании Иванова место автора, насыщающего свое творчество «аналогиями мистической символики»²². И позже, в лекции «Голубой цветок» Иванов еще более откровенно определит Новалиса так: «...романтическая мечтательность, но которая приобретает аллегорический, часто символический характер — или *окультиный*, то есть аллегория, для уразумения которой необходимо углубиться в оккультные творения»²³. В предисловии к первой публикации фрагментов «Лиры Новалиса» в «Аполлоне» Иванов писал, делая прямую отсылку к своим эзотерическим интересам: «Отраднo видеть, что почин литературных сфер, вращающихся около великого мастера новейшей немецкой поэзии, Стефана Георге, как вокруг своего центрального светила, привлек внимание современников на Новалиса-лирика и помог нашей эпохе многосторонне осознать огромное явление новой обще-европейской, — точнее и определеннее — христианской культуры, каким представляется творчество гениального создателя «храмовой легенды» романтиков о Голубом Цветке»²⁴. Слова о «храмовой легенде» безусловно вызывают в памяти предания о тамплиерах, почитавшихся многими оккультистами, в том числе и Минцловой. Столь же конкретно обнажают связи между влиянием Минцловой и интересом к Новалису более поздние строки Иванова: «Тик отказался от художественного творчества для мистического погружения в откровения Якова Беме. Философия Фихте и философия Шеллинга принимают мало-помалу <так!> религиозную окраску. Во всяком случае, в последние годы жизни Новалиса и в первые по его смерти романтики мечтают об основании действительного братства или ордена. В 1803 году З. Вернер спрашивает в одном письме, основана ли в Иене тайная секта и когда перейдут товарищи от писания стихов к великому жизненному делу»²⁵.

Рассказы Минцловой о современном розенкрейцерстве, среди вождей эзотерической ветви которого на русской почве должны были стоять Иванов (в первую очередь) и Андрей Белый, оказывались параллельными заинтересованности в Новалисе, причем Новалисе не только как поэте и прозаике, но и как эзотерическом естествоиспытателе, мистике, члене если не реально существующего, то умозрительно означенного ордена.

И непосредственное обращение Иванова к переводам из Новалиса также оказывается очень глубоко связано с мистическими событиями в его жизни. 25 июня 1909 года он записывает в дневнике: «В

постели ночью прикасаюсь там и здесь к стихам Новалиса, которые хотел бы перевести. В душе чувство огромного сиротства»²⁶. И чуть далее в той же записи следует: «Лидия словно не дома, как и Вера, — я остался работать дома, она уехала, как уезжала тогда, в лето Городецкого...» (с. 774). Это откровенно свидетельствует о том, что Иванов в эти дни первого замысла и работы над переводом Новалиса мысленно обращается не только к памяти покойной жены²⁷, но и к событиям лета 1906 года, а следом за тем — и к обстоятельствам отношений с М. В. Сабашниковой. На следующий день, 26 июня, он получает от нее телеграмму о скором приезде и пишет: «Эта весть не огорчила, не порадовала меня, не испугала, — не взволновала вовсе» (с. 774). И еще характерная запись следующего дня: «Перевожу духовные песни Новалиса. Была Анна Рудольфовна» (с. 776). Таким образом, жизненные обстоятельства Иванова в момент начала работы над Новалисом включают, помимо постоянных воспоминаний о Зиновьевой-Аннибал, переживания от готовящейся и реально протекающей встречи с Сабашниковой, а также постоянных контактов с Минцловой.

Уже 29 июня, при первой встрече, Иванов «читает перевод Новалиса. Мар<гарита> хвалит, но не одобряет руссизмы, кот<орые> у В<ячеслава> заменяют немец<кие> обороты» (Наст. изд. С. 319).

Некоторые аспекты бесед Иванова и Минцловой о Новалисе раскрываются из ее письма от 9 декабря 1909 года: «Теперь относительно «роста минералов и в особенности кристаллов» — — — Вячеслав, мне *очень* хотелось бы, чтобы Вы выслушали меня здесь — — — я ведь забуду все, что говорю сейчас — — — через 2—3 дня, совершенно — — —

Рост — это неверный термин для кристаллов... Понятие о «росте» — — относится ведь лишь к тому, что идет *изнутри* наружу — — — рост же минералов, кристаллов *в особенности* — является *снаружи*, из периферии, внутрь — — — это *не* рост — это есть особенное таинство воздействия *от* периферии — внутрь — из недр вселенной — к сердцу кристалла — —

Создание кристалла — — *вне* тела его — — на периферии — — — отсюда блеск и красота неотразимая драгоценных камней — — — — О них (о Bergkristall'ax) знал *все* — — Novalis — — — Вячеслав, Вы воскресили Novalis'a — *Если бы* можно было объяснить Вам всю тайну сношений между Вами и Novalis'ом — — Но обо всем этом — — потом, потом, позднее, когда у меня будет *время* и *возможность* говорить с Вами *так, как я должна отныне* — — т. е. строго и безусловно —»²⁸.

Таким образом, можно почти с полной несомненностью полагать, что первоисточником сведений о Новалисе (или, что не менее вероятно, причиной актуализации его жизненного и творческого облика) для Вяч. Иванова было общение с А. Р. Минцловой в конце 1907-го и начале 1908 года, а непосредственным толчком к пере-

водам, составившим позже сборник «Лира Новалиса», было не только живое ощущение сиротства после смерти Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, как то было предположено ранее, но и общение с М. В. Сабашниковой и А. Р. Миншловой, в значительной степени построенное на оккультных мотивах.

Косвенным свидетельством этому может быть и примечательный факт, зафиксированный воспоминаниями Н. Асеева начала двадцатых годов. Вспоминая о чтениях и беседах в московском доме Иванова, он рассказывал: «Прекраснодушный Вячеслав <...> надеялся сделать из меня правоверного мистика. Но я не жалею об этих скучных часах. Благодаря им я познакомился с творчеством Новалиса — этого мудрейшего романтика и тончайшего поэта, в котором, если не искать одной только мистической неразберихи, можно усмотреть все листики будущего пышного цветка европейской новейшей литературы <...> И его собственноручный перевод «Учеников в Саисе» (нигде, кажется, не обнародованный) компенсировал мои мучения»²⁹. Кажется справедливым комментарий публикатора к этому пассажи, когда, ссылаясь на мнение М. Вахтеля, он предполагает, что Иванов читал Асееву перевод не собственный (о котором никаких сведений нет), а исполненный за много лет до того перевод Миншловой. Во всяком случае, постоянное присутствие этой загадочной женщины в контекстах встреч Иванова с творчеством Новалиса позволяет думать, что оно было далеко не случайным и свидетельствовало о включенности творчества Новалиса в те эзотерические источники, еще недостаточно изученные, которые питали творчество Иванова в конце 1900-х годов.

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ И КУЗМИН: К ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ

Взаимоотношения Вячеслава Иванова и Михаила Кузмина не привлекали особого внимания исследователей, хотя сама проблема относится к числу напрашивающихся: практически ни один мемуарист, писавший об Иванове в период 1906—1912 годов, не мог обойтись без упоминания Кузмина. Кузмин рецензировал «Сог арденс», а Иванов написал статью «О прозе М. Кузмина». Общение двух писателей в жизни было многолетним и насыщенным; проблемы, обсуждавшиеся в этом общении, относились к числу принципиальных как для Кузмина, так и для Иванова. Одним словом, создать картину этих взаимоотношений представлялось бы немаловажным.

Пока же к истории долгого знакомства, дружбы и ссоры Иванова и Кузмина относится не так много опубликованных материалов и исследовательских статей. Из материалов назовем уже опубликованные отрывки дневников обоих писателей и письмо Иванова к Кузмину лета 1906 года, напечатанное Ж. Шероном¹, а из исследовательских статей — несколько наших («Петербургские гафизиты», «История одной рецензии» и «К одному темному эпизоду в биографии Кузмина»²), а также работу К. М. Азадовского «Эпизоды»³. Естественно, что походя Кузмин и его роль в жизни Иванова (равно как и наоборот) упоминаются и более или менее подробно анализируются в ряде работ общего порядка, из которых в первую очередь следует вспомнить труды О. Дешарт.

В данной работе мы предполагаем остановиться на нескольких эпизодах, связанных с выражением отношения Кузмина к Иванову, зафиксированным в его опубликованных произведениях, однако полагаем нужным хотя бы в самых общих чертах на основании как опубликованных, так и еще не введенных в научный оборот данных восстановить хронологическую канву общения Иванова и Кузмина.

Как уже достаточно хорошо известно, первая встреча их произошла на «башне» 18 января 1906 года⁴. Предшествовали ей такие эпизоды: 12 января Кузмин записал в дневнике: «После обеда приехал Нувель с «Крыльями». Он предложил их послать в «Руно», участвовать в «Факелах», познакомиться с Вяч. Ивановым и т. д.»⁵. Однако накануне визита Кузминым овладели странные мысли: «Дома меня ждал удар в виде письма Нувеля, что завтра он заедет за мной, чтобы ехать к Иванову. Существование мое отравлено: вот плоды необдуманных согласий. Впрочем, «ехать, так ехать!»». Это настроенное отразилось и в начале записи о первой встрече: «Чудная погода с утра была для меня отравлена мыслью идти к Ивановым. Решивши не ехать и несколько успокоившись, я пописал даже «Елевсиппа», но Нувель с Каратыг<иным> заехали, и я уступил».

Кузмин как будто предчувствовал, что на первых порах знакомство не доставит удовольствия ни ему самому, ни Иванову. Впрочем, если быть точным, то свидетельств самого Иванова, относящихся к тому времени мы не знаем, однако сохранилось письмо Л. Д. Зиновьевой-Аннибал к М. М. Замятниной от 3 апреля, где Кузмин получил уничижительную характеристику «черносотенного поэтишки»⁶.

Сам же Кузмин о своем отношении к Иванову и посещениям его записывает в таких выражениях: «Как не хочется мне к Иванову, но, м<ожет> б<ыть>, это нужно? Предполагаю сбежать. Сбегаю... Ура!» (1 февраля); «Я не хожу в церковь, а именно этого-то и жаждет в тупой и отчаянной тоске моя душа и ужасается более диким ужасом, Вяч. Ивановым и «Зол<отым> руном», чем рассказами Корчагина. Интересно бы посмотреть, что за люди в «Русск<ом> Собрании», чем они духовно заняты и проявляют себя, есть ли там эпигоны Максимовых, Мусоргск<ого>, Голен<ишева>-Кутузова?» (18 февраля)⁷.

Дальнейшая история более или менее подробно восстанавливается на основании различных документов, связанных с обществом «гафизитов» и уже опубликованных, потому не будем на этом специально останавливаться, констатировав только то, что с конца апреля — начала мая 1906 года Кузмин входит в ближайший круг знакомых Вяч. Иванова и остается в нем до 1912 года.

Однако отношения их складывались достаточно неровно. Так, например отчетливый кризис возник в конце лета 1908 года, когда Кузмин попросил у Ивановых разрешения поселиться на «башне» со своим тогдашним любовником С. С. Позняковым и получил, по всей видимости, решительный отказ. Вот как рассказано об этом в его дневнике: «Телеграмма от Ивановых: «Башня открыта вам одним», как удар бича по лицу. <...> Неужели я остановлюсь еще у этих пакостных лицемеров? Конечно, конечно нет!» (31 августа); «Телеграммы послал решительные, боюсь, не оставляющие бы меня не при чем по двум флангам» (1 сентября); «Телеграммы от Серого <Познякова> из Киева и от Ивановых: «Недоумеваем, просим остановиться Таврическая».

Чего они там недоумевают, неизвестно» (2 сентября); «Очень недружественная телеграмма от Ивановых; ответу и поступлю, как следует <...> Перед розовыми облаками в открытое окно, думаю о Познякове, Ивановых, петербургской жизни» (7 сентября). Приехав в Петербург, Кузмин остановился в гостинице. С Ивановыми он не виделся до ноября, когда произошел новый кризис, о котором пойдет речь далее, и в результате которого отношения, вероятно, наладились.

После долгого пребывания в Окуловке⁸, летом 1909 года Кузмин вновь оказался в сложной ситуации: в результате его ухаживаний за конторщиком Годуновым, нравившимся и его племяннице, сестра с зятем фактически отказали ему от дома и заставили вернуться в Петербург⁹. И там он попросил пристанища (уже в одиночестве) у Ивановых, в котором те на этот раз ему не отказали. Начало этого совместного житья неплохо документировано дневником Иванова, лишь в незначительной степени дополняющимся записями самого Кузмина¹⁰. Довольно многочисленным, хотя и со значительными лакунами записям Кузмина и обитателей «башни» о дальнейшей совместной жизни там еще предстоит быть собранными и должным образом откомментированными.

Весной 1912 года в отношениях двух поэтов произошел серьезный и уже последний кризис, сочетавший причины и личные, и литературные, о чем также уже написано. После этого отношений личных, сколько мы знаем, почти или совсем не было, да и литературные отклики не столь значительны, чтобы им стоило уделять особенное внимание. Потому перейдем к одному эпизоду, существенному для выяснения того контекста, в котором развивались личные отношения, тем более что этот эпизод стал литературным фактом, хотя и не привлечшим внимания ни тогдашней критики, ни позднейшего литературоведения.

Восстанавливая канву своей тайной влюбленности в Кузмина осенью 1908 года, В. К. Шварсалон записывала в дневнике: «Вернувшись, скоро осенью приехал К<узмин> из Окуловки, я твердо “знала”, что всякое мое к нему чувство совершенно остыло, и только приятно было, что на этот раз он как-то со мной был чуть-чуть более дружелюбен, читал мне стихи, не сразу уходил из гостиной, если я там сидела одна. Потом случился этот ужасный крах с “двойным наперсником”, где я первый раз встретилась с настоящим злом и предательством, и мне казалось — во мне была ранена вера вообще в человека, и не только в К<узмина>. Это было страшно больно, и я перенесла это очень тяжело, как важный момент в моей жизни; на характер мой это повлияло тем, что заставило меня сделаться еще более недоверчивой и подозрительной к людям. И я раз ночью написала письмо, кот<орое> В<ячеслав> ему отрывками прочел, и я тогда думала: “Какое счастье для меня, что я его больше не люблю, ведь иначе я бы этого не выдержала”»¹¹.

Повесть Кузмина «Двойной наперсник», о которой идет здесь речь, ни разу не становилась предметом внимания исследователей, а между тем она представляет совершенно явный интерес для истории, нас занимающей. Впервые читающая публика узнала о ней из хроникальной заметки газеты «Новая Русь» от 10 сентября 1908 года, в тот день, когда Кузмин на некоторое время возвратился после летнего отдыха в Петербург: «На днях возвращается в Петербург М. Кузмин. Он обнаружил за лето редкую плодовитость. Им написаны: 1) повесть «Двойной наперсник», в которой выводятся оккультисты, религиозные философы и прочие мистики; 2) роман в стихах «Новый Ролла»; 3) поэма в стихах «Всадник», написанная так называемым спенсеровым размером; 4) 26 газелл (как известно, эта литературная форма в русской литературе встречается только у Брюсова и В. Иванова, да и то редко). Кроме того, им написана под влиянием турецких событий оперетта в 3-х действиях и 5 картинах «Забава дев» (собственные слова и музыка)». Осведомленность хроникера в довольно тонких материях, по всей видимости, указывает на то, что источником его сведений был сам Кузмин.

Повесть, датированная июлем—августом, впервые упоминается в дневнике Кузмина 25 июля: «Начал современный рассказ, буду писать с удовольствием». Тогда она, видимо, называлась «Напрасное признание», как зафиксировано в списке произведений Кузмина этого времени¹². Далее дневниковые записи идут довольно строго через день. 27 июля: «Рассказ пишется легко, не знаю, хорошо ли»; 29: «Утром писал с удовольствием главу и стихи»; 1 августа: «...писал мало; рассказом доволен» — и, наконец, 3 августа: «Кончил “Наперсника”». Далее следуют чтения в деревне, потом скитания Кузмина между Окуловкой и Петербургом, в которых рассказ читался еще несколько раз, но, кажется, особого энтузиазма не вызвал, как следует из записи от 12 сентября о вечере у Ремизовых: «Читал свои вещи, не понравившиеся друзьям. Но что, что же?» Для него самого наиболее существенным, видимо, было впечатление его тогдашней пассии С. С. Познякова: «“Наперсник” ему будто не понравился» (20 сентября).

7 ноября Позняков приехал в Окуловку и привез с собою письмо Вяч. Иванова (в списке писем Кузмина получение ошибочно означено днем позже), которое нам сейчас неизвестно, однако сохранился ответ Кузмина, имеющий некоторое отношение к основной теме работы, а также любопытный как выражение самого духа взаимоотношений того времени, почему приведем его полностью:

«Дорогой Вячеслав Иванович,

Как вспомнили Вы ангельский день? Спасибо Вам. Я очень бодр и спокоен, пишу много. Теперь приехал сюда С. С., но ход жизни только стал еще тише и спокойнее, еще кротче. В городе я много пережил, что, дай Бог, сделает меня «долготерпеливым и многомилостивым».

Вернулись легкие морозы и солнце, как чудно, покорно и тихо зимою в полях. В пятницу был у всенощной, потом встречал гостя, вчера было тихо, все только свои, даже никого чужого. Катались днем, дети опять по-старому ко мне привязались очень, сестра меня любит и как-то жалеет.

Не знаю, что будет дальше, но нужно много иметь силы, чтобы теперь стать тем, чем я считаю нужным, желаю и молюсь стать.

Удивляешься, что все куда-то идешь в искусстве и в себе самом. Не веришь, чтобы велось все к пагубе. Но застоя как-то не боишься, какой-то вечный «бегун» или «странник».

Самые теплые, милые воспоминания о «башне». Блок пишет, что я сам виноват, что «большая публика» не видит моего настоящего лица. Но кто хочет, кто может,— видит, и не довольно ли этого? И кроме личной большой любви ко всем Вам, мне дорого и просто, что Вы меня знаете.

Стих «Мартиньяна» Вы прочистили совершенно правильно.

Когда выйдет книга, пришлите мне сюда несколько экземпляров. Спасибо Вам и за ласковость к моим Сережам.

Всех целую.

До свидания, милый Вячеслав Иванович, не думайте обо мне дурно.

Ваш

М. Кузмин»¹³.

Для нас, конечно, наиболее существенно здесь отметить «самые теплые, милые воспоминания о “башне”» и слова «не думайте обо мне дурно». Вряд ли они могут быть восприняты без проекции на события, которые начались через 10 дней.

В очередной раз Кузмин приехал в Петербург 18 ноября и сразу же оказался в центре скандала вокруг появившейся в десятом номере «Золотого руна» повести. Перипетии достаточно подробно описаны в дневнике. 18 ноября: «Вот и опять в Петербурге, без денег, без надежд, без дружбы. Тотчас стали пить чай, послали за вещами, телефонировали Сереже <С. А. Ауслендеру>. Он приехал с рассказами, что у Ив<ановых> целая трагедия. Вера рыдала, Модест хотел стреляться и т. п. Не знаем, как к ним и сунуться. <...> Вера Ив. ответ<ила>, что для объяснений Вяч<еслав> будет рад меня видеть завтра». 19 ноября: «Ремизов звал поздно, но все-таки мы там еще застали и Вяч<еслава>, еле со мной поздоровавшегося, и Сологуба, и Иванова-Разумника». Наконец, 20 ноября: «Т. к. Сережа хотел идти в университет, то я отправился к Иванову. В передней Модест; поцеловались, болтал что-то о Наумове. У Вяч<еслава> был Троцкий. Началось объяснение, отвергал преднамеренность. Вяч<еслав> читал самые скользкие места, прибавляя: «Всякий же узнает, что это Ан<на> Руд<ольфовна>!» Было все-таки менее тягостно, чем я ожидал. Вера, оказывается, была влюбле-

на в меня. Вяч<еслав> целовал меня нежно, спрашивал о работах, ему хотелось, чтобы я остался, но было неловко, хотя я и слышал Костин голос. Вяч<еслав> не сердится, по-моему».

Судя по всему, этим объяснением инцидент и был исчерпан. Кузмин продолжал скитаться между Окуловкой и Петербургом, с Ивановыми встречался не часто, и постепенно все сгладилось. Но повесть, пусть и не привлекавшая внимания критики, в истории литературы осталась, и разговор о ней, как кажется, может помочь определить некоторые существенные моменты не только в творческой биографии Кузмина, но и в духовном состоянии Иванова.

Поскольку вряд ли большинство читателей держит эту повесть в памяти, позволим себе самым кратким образом напомнить ее сюжетные перипетии.

В центре повествования — молодой человек Модест Карлович Брандт, духовной руководительницей (а заодно и любовницей) которого является загадочная Ревекка Михайловна Вельтман, дама сорока семи лет, о чем мы узнаем из слов Брандта. Одновременно она пытается установить власть над приятелем Брандта, молодым офицером Виктором Андреевичем Фортовым, явным гомосексуалистом, который вдруг влюбляется в некую девицу Анастасию Максимовну Веткину. По наставлениям Вельтман, переданным через Брандта, но одновременно и по собственному своему желанию, Фортов уезжает в деревню, к сестре, а в это время Брандт, неожиданно для самого себя, влюбляется в Веткину, расстается с Вельтман и после возвращения Фортова из деревни, узнав, что любовь того не столь уж пылка, пишет Насте письмо, «будто открывая глаза ей на Виктора». Но ожидаемого вознаграждения он не получает, услышав от нее: «И я не думаю, чтобы стала любить вас». Этим повесть кончается¹⁴.

Даже для не слишком посвященного читателя ясно, что имя Модест Карлович Брандт явственно перекликается с именем реального человека, Модеста Людвиговича Гофмана. Параллели между Анной Рудольфовной Минцловой и Ревеккой Вельтман также вполне определены: оккультная практика, возраст (точная дата рождения Минцловой неизвестна и в наиболее авторитетных источниках определяется как «ок. 1860», то есть в 1908 году ей должно было быть около 48 лет), а также описание внешности. Вот какой предстает она в повести Кузмина: «<Брандт> думал о белых огромных глазах Ревекки, ее всегда черном, всегда шелковом платье, ее собраниях <...> несколько полных полулюбовных полуматеринских руках и груди, медленной прихрамывающей походке... с каской льняных волос», помимо того узнаем, что она близорука. Не цитируя описаний внешности Минцловой, отошлем читателей к статье «Anna-Rudolph» (Наст. изд. С. 46—48)

Вельтман имеет отношение у музыке (напомним, что Минцлова была «прекрасной пианисткой-дилетанткой»¹⁵). Главное ее оружие —

глаза, которые, как и у Минцловой, были орудием некоей гипнотической силы. Наконец, она выглядит не просто оккультным руководителем, но и своеобразным «двойным наперсником», то есть человеком, плетущим нити заговоров одновременно в нескольких направлениях. Точно так же поступала, судя по известным свидетельствам, и Минцлова. Обратимся к мемуарам Андрея Белого: «...тайно являясь ко мне раскрывать свои мифы, ходила и к ряду других, как впоследствии оказалось, знакомых; и, нащупавши точку доверия, старалась каждому сделаться необходимой: по-своему; после уже, сведя каждого с каждым, поставила каждого она перед фактом: она опирается на ряд людей, доверяющих ее мифу о братстве...»¹⁶ — и М. В. Сабашниковой: «Она поддерживала даже противоречащие друг другу устремления различных людей, но каждый думал при этом, что она сочувствует только ему»¹⁷.

Явное присутствие в тексте повести персонажа, списанного с Модеста Гофмана, столь же очевидно требовало и поисков там отражения реальных обстоятельств жизни «башни», что с несомненностью и было проделано. Вряд ли можно сомневаться, что В. К. Шварсалон узнала себя в Веткиной и соответственно отреагировала.

Значительный интерес представляют собою два персонажа повести, как будто бы оттесненные на второй план, но тем не менее сюжетно оказывающиеся чрезвычайно заметными. Это Фортов и поэт Адвентов, особое внимание к которому, как и в более поздней повести «Нежный Иосиф», привлечено именно его загадочностью и неожиданными появлениями в те моменты повествования, когда мы ожидаем какого-то разрешения сюжетного напряжения. Никакого разрешения Адвентов не приносит, однако само его появление очевидно значимо.

Оба этих персонажа являют собою как бы раздвоенный образ самого Кузмина. В «Двойном наперснике» Адвентов сочиняет стихи «Вождь» (ср. название цикла и сквозной образ многих стихотворений Кузмина — «Вожатый»), внешность его представлена так: «...небольшой черный худой человек с лысиной и глазами ниже, чем следует», а строки из стихов, услышанные Брандтом («Из сердца, пронзенного розой, течет голубая кровь!»), являются перепевом стихов самого Кузмина, особенно близко напоминая первые два стихотворения цикла «Струи»:

Сердце, как чаша наполненная, точит кровь;
Алой струею неиссякающая течет любовь;
Прежде исполненное приходит вновь.
Розы любви расцветающие видит глаз...

и —

Истекай, о сердце, истекай!
Расцветай, о роза, расцветай!

Сердце, розой пьяное, трепещет.

Огради, о сердце, огради,
 Не вреди, меч острый, не вреди:
 Опустись на голубую влагу.

Ср. также в шестом стихотворении этого же цикла:

Как меч мне сердце прободал,
 Не плакал, умирая...
 Палящий пламень грудь мне жег,
 И кровь, вся голубая...

Вся третья часть сборника «Сети», куда входят и «Струи», посвящена Виктору Андреевичу Наумову, юнкеру Михайловского училища, близкому другу М. Л. Гофмана. Таким образом, резонно было бы увидеть за Фортовым именно его, однако множество подробностей свидетельствует о том, что Кузмин придал ему вполне определенные черты собственной личности. Фортов пишет стихи, и не только пишет, но и печатает, ожидая корректуры (напомню, что в конце февраля 1908 года — а действие «Двойного наперсника» происходит в конце зимы и начале весны — сам Кузмин получал корректуры книги «Сети», своего первого стихотворного сборника). Он уезжает из Петербурга в деревню к сестре, как нередко уезжал и Кузмин, в письме из деревни (кстати сказать, стилизованной под поместье, «с рядом комнат, обставленных еще в 20-х годах», что совсем не отвечает обстановке в Окуловке, где реально жил Кузмин, но вполне соответствует его стилизованному описанию деревни в письме к В. В. Руслову от 2 декабря 1907 года¹⁸) упоминает «оргию» на Английской набережной и некоего Петю Климова, которым в реальной жизни Кузмина соответствуют «оргии» на Английской набережной у Л. Н. Вилькиной, где принимали участие, помимо нее самой и Кузмина, еще З. А. и И. А. Венгеровы, В. Ф. Нувель и К. А. Сомов¹⁹, а также Павлик Маслов, поименованный в неприкрыто автобиографическом «Картонном домике» Петей Сметаниным.

Мало того, вся ситуация любви Веткиной к Фортову соответствует одному эпизоду, относящемуся к более позднему времени. В уже цитированном в начале статьи дневнике В. К. Шварсалон записывает: «Когда я увидела, что К<узмин> начинает развинчиваться из-за такого-то <?> Белкина, мне стала опять приходиться мысль, что если бы он мог полюбить настоящую женщину, он, м<ожет> б<ыть>, полюбил бы ее большой любовью, и окреп бы, сделался бы человеком. И вот я, зная, конечно, все это страшно <1 слово нрзб> и неопределенно, и так в воздухе, я решила просто <?> дать ему возможности подружиться с хорошими женщинами (не М-me Venois или Толстая). Себя ведь я же знала как абсолютно ему ни на что не годящуюся, и

вот решила сблизить его с Дмитриевой (я тогда ей очень увлекалась). Они сразу подружились, разговорились, спорили и т. д. Она и стихи ее ему понравились, и я искренне радовалась, не давая хода никакой ревности, задушивая ее»²⁰.

Ср. в репликах неизвестных, обсуждающих роман Веткиной и Фортова: «Как она не видала, как она не слыхала, кому на шею висла? И что она в нем нашла? Херувим вербный... — Может быть, она спасти его хочет, вывести на путь истинный? всему своему сословию пользу принести; ведь мерзавец красив».

В заключение следует сказать, что человек по имени Виктор Павлович Фортов становится впоследствии одним из героев романа Кузмина «Плавающие путешественники», обладающего, как хорошо известно, разветвленной прототипической основой. Не исключено, что отдельные обстоятельства довольно подробно описанной в «Плавающих путешественниках» биографии Фортова могут быть спроецированы на предполагаемую биографию Фортова из «Двойного наперника».

Обсуждение прототипических обстоятельств можно было бы продолжать и далее (позволим себе указать, что в повести есть весьма любопытное карикатурное изображение В. В. Розанова и мимолетный портрет Н. А. Бердяева), однако более существенным представляется попробовать определить, зачем, собственно говоря, эта повесть писалась.

Естественно, все тайные причины, известные нам лишь по глумливым намекам в дневнике Кузмина, определены быть не могут, однако, думается, жизненная ситуация, вызвавшая повесть к жизни, может быть описана приблизительно так: в октябре 1907 года умирает Л. Д. Зиновьева-Аннибал. 1 ноября 1907 года Кузмин записывает в дневнике: «Зашел к Вяч. Ив. <Иванову>, там эта баба Минцлова водворилась. Вяч. томен, грустен, но не убит, по-моему. Беседовали». Появление Минцловой на «башне» много значило для самого Кузмина²¹, однако еще более значимо это было для Иванова. Не обладая пока возможностью с абсолютной достоверностью воссоздать историю общения Иванова и Минцловой²², отметим лишь, что без анализа всей этой истории нельзя найти ответа на вопрос, с такой отчетливостью поставленный Н. А. Бердяевым в одном из писем к Иванову: «Я знаю и чувствую, что в Вас есть глубокая, подлинная, мистическая жизнь, очень ценная, для религиозного творчества плодоносная. И все же остается вопрос коренной, вопрос единственный: оккультное ли истолкование христианства или христианское истолкование оккультности, Христос ли подчинен оккультизму или оккультизм подчинен Христу? Абсолютно ли отношение к Христу, или оно подчинено чему-то иному, чуждому моему непосредственному, мистическому чувству Христа, т<о> е<сть> подчинено оккультности, возвышающейся над Христом и Христа унижающей? На этот вопрос

почти невозможно ответить словесно, ответ может быть дан только в религиозном и мистическом опыте. Я знаю, что может быть христианский оккультизм, знаю также, что лично Ваша мистика христианская. И все-таки: один отречется от Христа во имя оккультного, другой отречется от оккультности во имя Христа. Отношение к Христу может быть лишь исключительным и нетерпимым, это любовь абсолютная и ревнивая» (письмо от 17 марта необозначенного, но, очевидно, 1909 г.²³).

Совершенно очевидно, что в конце 1907-го и первой половине 1908 года Иванов находился под сильнейшим влиянием Миншловой. И если даже всегда скептический по отношению к оккультизму Кузмин почти полностью подчинился мистической атмосфере вокруг «башни», то явно, что Иванов был в нее погружен еще более. И можно полагать, что повесть Кузмина не в последнюю очередь имела свою цель показать Иванову (и его окружению), какую опасность представляет подчинение оккультной практике Миншловой в плане житейском. Двойной наперсник, каким в повести представлена Вельтман, мог нести с собою опасность на разных уровнях: с одной стороны, явные эротические обертоны, сопровождающие описание Вельтман, находят глухие подтверждения в дневниковых записях В. К. Шварсалон; с другой — стремление определять жизненные пути своего «ученика», которым Миншлова искренне считала, в частности, и Иванова, могло в любой момент привести к серьезным осложнениям в частной жизни (отмечу, что подобным ключевым моментом для Иванова во многом явилось свидание с М. В. Волошиной летом 1909 года, в котором активнейшую роль попыталась сыграть Миншлова²⁴); с третьей — вся вообще оккультная практика Вельтман представлена в повести мистическим шарлатанством явно для того, чтобы высмеять реальные попытки Миншловой «разводить мистический компот», как обозначалось это в беседах Иванова со Шварсалон.

И здесь можно себе представить, что наиболее сильное воздействие повесть оказала на В. К. Шварсалон, которая с начала 1909 года становится очевидной противницей Миншловой в ее попытках вмешательства в судьбу ее отчима. Из дневника Шварсалон 1909 года, посвященного как раз приезду Волошиной в Петербург и перипетиям, связанным с этим, видно, как стойко и непримиримо Шварсалон противостояла любым притязаниям Миншловой (а также, конечно, и Волошиной) на власть над духовным развитием Иванова. Не обладая способностью убедить его интеллектуально, она противопоставила исканиям, если можно так выразиться, «оккультно-практического» плана свою твердую и неколебимую духовную убежденность в губительности их для самого дорогого после смерти матери для нее человека. И мы полагаем, что повесть Кузмина, так обидевшая ее на первых порах, могла сыграть тут достаточно значительную роль²⁵.

Сам же Иванов 24 ноября 1909 г. вполне определенно заявил о своем отношении ко всякого рода теософским объединениям. В этот день на заседании Религиозно-философского общества состоялся доклад председательницы Русского Теософического общества А. А. Каменской, которая незадолго до того начала «обработку» Иванова в письмах²⁶.

Но на самом заседании, ставя докладчице вопросы, Иванов постоянно возвращался к одному пункту: является ли Теософическое общество новой церковью или нет? И в конце концов решительно заявил: «Я или христианин или член теософического общества как общины духовной. Я — христианин, и поэтому я не член теософической общины, поэтому быть мне там не должно и не по душе при всем братском общении»²⁷.

Существенный отклик на выступление Иванова и вообще всю дискуссию находим в письме к нему О. Н. Анненковой, известной сперва теософки, а потом и антропософки, последовательницы Минцловой: «Меня так удивил Ваш вопрос на «открытом» собрание — Церковь или Т<еософское> Общ<ество>? Конечно, оно не Церковь как такое. Но в глубоких недрах его, вряд ли известным божьим коровкам «Вестника», таится Церковь, как алая, живая Роза в гробу»²⁸.

А Каменскую, судя по всему, выступление Иванова, сильно обидело, поскольку следующее (и последнее из дошедших до нас) письмо ее к Иванову от 13 февраля 1910 г. написано совсем в ином тоне, чем процитированное нами, — гораздо более холодном и демонстративно отстраненном.

Для самого же Иванова выступление было, судя по всему, фактом весьма значительным. Прежде всего, он отвечал им и на вопросы Бердяева, и на упреки Кузмина, для чего ему пришлось преодолеть некоторые внутренние сомнения, на которые откликнулся своей повестью и Кузмин. С другой стороны, его ответ мог восприниматься как реплика в той внутренней полемике, которую в то время вела с Теософическим обществом А. Р. Минцлова. 4 ноября она сообщала Иванову в одном из своих подробнейших писем: «Что касается моих «других» дел, моего так часто неудачного аспекта теософического — и здесь тоже все хорошо и верно.... Я ожидаю только первой бестактности Каменской, нашего «генерала от теософии» — чтобы послать М. Я. Сиверс извещение о моем выходе из Теос<офического> Общ<ества>»²⁹. Непосредственно перед заседанием она сообщала Иванову: «Сегодня я прочла ноябрьскую книжку «Вестника Теософии» — — — и сейчас же отправила А. А. Каменской открытку, — где я требую, чтобы мое имя было изъято из списка сотрудников сего журнала — — — И т. к. Каменская (как и большинство людей, провозглашающих «правду» устами) на практике применяет иногда (ввиду «высших» целей) некоторые приемы недобросовестности — — я спешу сейчас же уведомить и Страндена, и Кудрявцева о моем жела-

нии, чтобы в декабрьском №№ уже — не было моего имени — — — Но, конечно, этим не ограничится дело, и мне придется заговорить иначе.....»³⁰ И, наконец, 15 декабря она посылает Каменской письмо о решительном своем разрыве с журналом «Вестник теософии», которое известно нам по черновику, отправленному Иванову³¹. Но эта история явно выходит за пределы, означенные самой темой нашей работы.

Что же касается взаимоотношений Кузмина и Иванова, то в прозе первого можно без особого труда обнаружить следы напряженного внутреннего общения с Ивановым, которое выливалось и в полемику, и в согласие, о чем нам уже приходилось говорить в другом месте³², а значительно позже, уже в 1912 году, после разрыва отношений с Ивановым, Кузмин издевательски опишет его отношения с Минцловой в повести «Покойница в доме». Там эти отношения будут представлены как искания грубой шарлатанки, стремящейся, вопреки желанию и воле младшего поколения, сделаться любовницей, а потом и женой Павла Ильича Прозорова, описанного таким образом, чтобы перед читателем неизбежно возникал облик реального Вяч. Иванова: «...высокий человек, приближавшийся к пятому десятку: седина смягчала рыжевато-золотой цвет его довольно длинных волос и делала еле заметной небольшую бороду; голубые глаза на свежем розовом лице, нерешительная походка и движения... он был похож на английского проповедника или старинного доктора более, чем на писателя, чьи острые, элегантные и парадоксальные статьи пленяли тех немногих, которые их читали. Получив за год перед этим большое и неожиданное наследство, он мог спокойно и с любовью заниматься излюбленными им наукой и чтением... Но здесь постигло его испытание в виде смерти жены... на которой он женился по страсти во время своих заграничных скитаний».

По этой последней повести легко увидеть, как скептическое отношение к оккультным исканиями меняет всякое представление о возможностях духовного общения, в которое еще сравнительно недавно верил сам Кузмин, переводя их в план примитивного сексуального искательства. Судить из исторической дали посторонним людям, так ли это было со стороны Минцловой, представляется опрометчивым, что же касается Иванова, то совершенно очевидно, что сложность и противоречивость его общения с этой загадочной женщиной Кузмина в 1912 году уже совершенно явно не интересовала. Он создавал заведомую карикатуру, способную обидеть, но неспособную приоткрыть истинную сущность действительных исканий, закончившихся отвержением оккультизма и теософии.

Характерно, что в том же 1912 году появился еще один роман, в котором памфлетно был изображен круг Вяч. Иванова. Он принадлежал перу одно время принятого на «башне» Осипа Дымова, и суть его достаточно адекватно отражает заглавие — «Томление духа»³³. В

нем описано сложное переплетение судеб различных людей, пересекавшихся во время «четвергов» саркастически именуемого уже со второго предложения «великим человеком» философа Кирилла Гавриловича Яшевского, чья внешность, а отчасти и привычки, и манеры поведения явно если не списаны с Иванова, то, во всяком случае, должны намекать читателю на него. Среди этих посетителей находим известную актрису Надежду Михайловну Семиреченскую (напомним, что Вера Федоровна Коммиссаржевская умерла во время гастролей в Ашхабаде, Самарканде, Ташкенте, т. е. в по соседству с Семиреченской областью), офицера Щетинина, сходящего с ума после близости с Семиреченской (фамилия кончающего с собой героя рассказа Кузмина «Высокое искусство», написанного в 1910 г. и связанного, как мы пытались показать, с полемикой вокруг «Заветов символизма» Вяч. Иванова³⁴, — Щетинкин), и ряд других персонажей, которые так или иначе гибнут (или погибают близкие им люди) едва ли не все. По мысли автора, их гибель должна наглядно символизировать бесплодные томления духа, противоречащие человеческой природе и не ведущие ни к чему.

Среди этих персонажей обращает на себя внимание любовница Яшевского Юлия Леонидовна Веселовская, в облике которой находим немало схожего с внешностью Миншловой: «...небольшого роста, с густыми светлыми волосами и почти без бровей»³⁵, в момент наиболее подробного описания ее внешности акцентируются два момента: «...полные белые руки с маленькими, несколько пухлыми пальцами»³⁶ — и большое количество украшений. Но при этом ни о какой эзотеричности ее личности речи нет, тем более — об оккультной практике. Видимо, для писателя иного литературного поколения все это уже полностью утратило свое значение, оставив только слабый след. О. Дымов, казавшийся в 1906—1907 годах одним из тех, кто может привести символистскую литературу к новому синтезу, явно ушел от каких бы то ни было попыток проникнуть в «потустороннюю» жизнь, ограничиваясь только прямо определенными исканиями. Тем более закрыта оказывалась эта сторона для авторов, выраставших еще несколько позже и не знавших ни Миншловой, ни временами устанавливавшихся на ивановской «башне» настроений, — как это было в случае Георгия Иванова, относившегося к мистической стороне деятельности, скажем, А. Скалдина сугубо скептически.

Впрочем, разговор о дальнейшей эволюции русского оккультизма необходимо вести, отчетливо осознавая, что в нем очень сильно было мистическое шарлатанство. Об этом свидетельствует одна из заметок Кузмина в дневнике 1934 года: «Евд. Ап. Наградская выдавала себя за розенкрейцершу, говорила, что ездила на их съезд в Париже, что чуть-чуть не ей поручено родить нового Мессию и т. п. При ее таланте бульварной романистки все выходило довольно складно, но ужасно мусорно. Любила прибегать к сильным средствам, вроде электри-

ческой лампочки на бюсте, причем она говорила, что это сердце у нее светится. «Нету сладу...» «Постойте, я укрошу его, неудобно выходить к людям». Постоит с минутку, закрыв бюст руками, повернет кнопку, сердце и перестанет светить. <...> Это было совсем в другом роде, чем Минцлова, какой-то Амфитеатров из Апраксина, но какая-то базарная хватка тут была. Она бы отлично спелась с Распутиным. Так, даже в своей области они были невежественны и безграмотны. Минцлова, тоже бестолковая и не очень-то ученая, показала [бы] английским профессором по сравнению с нею»³⁷.

Но пока, в 1908 году, который нас интересует, Нагродской в поле зрения Кузмина еще не было, а Минцлова воспринималась еще как вполне серьезная помеха в реальной жизни, с которой надо было сводить счеты, что «Двойным наперсником» и было сделано.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Термин «потенциальная журналистика» предлагается нами для максимально краткого определения весьма существенного, однако не вошедшего еще в обиход историков литературы и журналистики понятия. Под ним подразумевается совокупность задуманных, но реально не осуществленных периодических изданий, о которых можно собрать какие-либо определенные сведения.

Нам уже приходилось указывать, что для изучения «серебряного века» русской литературы важны фиксация и изучение сведений о потенциальных обществах и кружках¹, однако не менее, а, возможно, и более значимы бывают сведения о потенциальных изданиях. Утопичность сознания русских литераторов того времени наиболее последовательно могла реализовываться именно в проектах и гипотезах, тогда как реальное воплощение неизменно приобретало все черты низкой действительности (материальные затруднения, необязательность авторов, сложность личных отношений, цензурные помехи и мн. др.), смазывавшие идеальный облик задуманного предприятия. Дело осложнялось еще и тем, что сами писатели, задумывавшие журнал, как правило, не были приспособлены к значительной редакционной работе и потому оказывались вынуждены передоверять ее другим людям, и вскоре выяснялось, что даже «старинный друг» Андрея Белого Э. К. Метнер не способен вести журнал «Труды и дни» так, как того хотелось бы поэту; что даже дипломатичный С. К. Маковский оказывается не в состоянии выполнять в «Аполлоне» все требования и пожелания Вяч. Иванова; тем более это относилось, скажем, к издателю «Золотого руна» Н. П. Рябушинскому². Опыт издания модернистских журналов показывает, что всегда замысел и воплощение оказывались в некотором, более или менее замет-

ном противоречии, и даже «Весы» или «Гиперборей», руководившие поэтами, этих противоречий лишены не были³.

Потому «потенциальная журналистика» может представлять самый живой интерес для историка русской литературы и периодической печати: именно в ней наиболее последовательно и в чистом виде реализуются представления о том, какими должны стать планируемые газета или журнал.

Естественно, что существенными для истории будут те не появившиеся в свет издания, которые выражают некую общественную потребность, культурную реальность или какие-то устремления деятелей политических, литературных, научных и пр. Впрочем, и замыслы чисто коммерческих изданий также могут наглядно свидетельствовать о важных особенностях культурной жизни общества⁴. Однако не подлежит сомнению, что именно газеты и журналы с поддающейся реконструкции программой и особенно связанные с деятельностью заметных деятелей культуры представляют для историков литературы и журналистики особый интерес.

Меж тем существует не столь уж много попыток подобного рода. В частности, в области наиболее нас интересующей — в истории русской журналистики, связанной с модернизмом, более или менее подробно восстановлена история журнала (или альманаха — природа издания была не вполне точно определена) «Галатей», предполагавшегося к изданию Б. А. Садовским⁵, собраны сведения о несостоявшемся участии Мережковских в журнале «Образование» и газете «Утро», которые тем самым выводились бы за пределы ранее определенной программы и фактически должны были стать новыми изданиями⁶, удачно сконцентрированы сведения о несостоявшемся «Дневнике трех поэтов», который лишь отчасти может рассматриваться как предвестие «Трудов и дней»⁷.

Из замыслов пореволюционного времени значительный материал собран о деятельности кружка, объединенного вокруг машинописного журнала «Гермес» и его ответвлений, частью опубликованных, а частью невышедших, — альманахов «Мнемозина», «Гиперборей» и «Чет и нечет»⁸. В недавнее время был собран материал о неосуществившихся периодических изданиях (в том числе альманахах) «Серапионовых братьев»⁹.

Естественно, список разысканий этими публикациями не исчерпывается, однако сколько-нибудь систематическое рассмотрение «потенциальной журналистики» находится лишь в самом начале. Отметим также, что к этой же стороне истории журналистики должно относиться и описание не вышедших по тем или иным причинам номеров журналов¹⁰ или изучение планов продолжения какого-либо издания, оборванного по независящим от редакции причинам¹¹. Понимая специфику журналистики начала века и двадцатых

годов достаточно широко, следует также включать в данную проблематику и описание невышедших альманахов¹².

Однако позволим себе не продолжать общих рассуждений о путях развития и становления предлагаемой нами отрасли истории журналистики, а перейдем к непосредственной цели нашей работы: изложению истории одного неосуществленного замысла Вяч. Иванова 1908—1909 годов, о котором оказалось возможным собрать некоторые сведения. Однако начать следует не с них, а с описания той ситуации, в которой оказалась символистская журналистика во второй половине 1900-х годов.

Внешне это — расцвет популярности. В 1907 году одновременно выходят «Весы», «Золотое руно», «Перевал», в Петербурге появляются альманахи «Белые ночи» и «Цветы Ор: Кошница первая», которые (во всяком случае, второй) предполагались как издания периодические. Не будем также забывать и орган «мистического анархизма» — достаточно периодически являвшийся в свет альманах «Факелы», также воспринимавшийся как издание символистское. Но вместе с тем такой расцвет предполагал и близкий закат, поскольку для поддержания живого интереса и хотя бы минимального коммерческого успеха изданиям необходимо было добиваться монопольного положения на рынке, ибо круг подписчиков, за счет которых существовали журналы, был весьма ограничен. Вторым следствием подобного положения дел была необходимость поднимать интерес к своим изданиям за счет резкой полемики, которая могла бы привлечь читательское внимание не только избранных, но и любых ценителей литературных скандалов. Летом 1907 года Брюсов так рисовал картину литературной жизни в письме к отцу, несколько, естественно, упрощая ее, но зато и делая более выразительной: «Среди «декадентов», как ты видишь отчасти и по «Весам», идут всевозможные распри. Все четыре фракции декадентов: «скорпионы», «золоторунцы», «перевальщики» и «оры» — в ссоре друг с другом и в своих органах язвительно поносят один другого. Слишком много нас расплодилось и приходится поедать друг друга, иначе не проживешь. Ты читал, как мы нападаем на «петербургских литераторов» («Штемпелеванная Калоша»): это выпад против «Ор» и, в частности, против А. Блока. Этот Блок отвечает нам в «Золотом Руно», которое радо отплатить нам бранью на брань. Конечно, не смолчит и «Перевал», в ответ на «Трихину». Одним словом, бой по всей линии!»¹³

Как видно из этого письма, серьезные задачи литературы время от времени могли отодвигаться на второй план, и авторам, которые не хотели ни становиться партизанами какой-либо из групп, ни просто вмешиваться в борьбу, оставаясь выше нее, было неуютно в подобной атмосфере. Наиболее отчетливо эта ситуация выразилась в письмах Вяч. Иванова к Брюсову лета 1907 года, когда обсуждался вопрос о мистическом анархизме и отношении Иванова к «Весам».

Прочитируем лишь один небольшой фрагмент из писем Иванова, чтобы продемонстрировать, какова была его позиция в идеале (практическая реализация ее, конечно, нуждается в дополнительном исследовании, ибо если даже проницательный Брюсов не мог понять интенций Иванова, то что же говорить о «простых» читателях, воспринимавших его статьи этого периода как прежде всего полемические!): «“Весы” тебя внутренне не интересуют. Они для тебя средство и орудие внешних воздействий и влияний на литературу и особенно на биржу литературных ценностей дня. <...> Умертвив журнал, в смысле органа идейного движения, обратив его в “Правительственный вестник” традиций и канонов одной маленькой литературной эпохи, которую ты настойчиво называл некогда “бальмонтской”, ты вместе с тем сумел сделать “Весы” более приемлемыми и интересными для “матушки-публики” <...> Мне жаль только, что вся эта политика твоя неизбежно делает тебя более организатором, чем творцом, каким ты должен был быть»¹⁴.

В письме от 27 сентября эта позиция Иванова конкретизируется: главным упреком Брюсову и возглавляемым им «Весам» становится невнимание к той линии в развитии теории символизма, которая, на взгляд Иванова, весьма отчетливо прослеживается в его статьях, начиная с «Копья Афины», тогда как Брюсов пытается представить ее довольно бессмысленным конгломератом воззрений, испорченных к тому же «мистическим анархизмом». Характерно, что после этого практически на год замирает серьезная, насыщенная глубокими внутренними проблемами переписка, оставляя место лишь для деловых писем¹⁵.

Оставляя в стороне личные отношения двух мэтров символизма, подчеркнем, что поводом к решительному расхождению послужило прежде всего отношение к журналу, первоначально предназначавшемуся для объединения всех наличных литературных сил русского символизма в единое целое. В 1907—1908 годах «Весы» (а отчасти даже и издательство «Скорпион») для Иванова становятся неприемлемы. Естественно, что для полного осуществления себя как литератора ему стала необходима какая-то трибуна, причем трибуна не случайная, где бы он мог время от времени провозглашать какие-либо отдельные идеи, а систематическая, то есть печатный орган, в котором именно ему принадлежала бы первенствующая роль.

В Петербурге, где Иванов в то время жил, такого органа просто не существовало. Отчасти его функцию выполняло издательство «Оры», Ивановым руководимое и направляемое, однако ограниченные материальные возможности (судя по всему, единственным источником средств был доход Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, со смертью которой издательство как систематическое предприятие практически прекратило существование¹⁶) и невозможность регулярного, систематического отклика на текущие события без периодического издания

делали издательство явно недостаточным для целей, предполагавшихся Ивановым.

Поэтому вполне естественно, что у него самого и в кругу людей, ему близких, идея журнала в той или иной ее ипостаси возникала неоднократно. Так, фиксацию этой идеи находим в письме В. Ф. Нувеля к М. А. Кузмину от 16 июня 1907 года: «...у меня является страстное желание издавать наш петербургск<ий> журнал, в котором принимала бы главное участие петербургская молодежь. Действительно странно, что до сих пор молодой Петербург не имеет своего органа. Но как это осуществить? Откуда взять деньги?»¹⁷ 11 августа он же писал Л. Д. Зиновьевой-Аннибал: «По слухам, «Перевал» и «Руно» доживают последние дни. Останутся одни «Весы». Не пора ли Петербургу иметь свой журнал?

Встретил здесь неисправимого эсдека и англомана Эничкова и, к ужасу, узнал, что он собирается издавать журнал вместе с Вяч<еславом> Ив<ановичем>. Неужели возможно такое противоестественное сочетание?»¹⁸ Видимо, именно этим обменом мнениями были вызваны и слова С. А. Ауслендера в письме к Г. И. Чулкову: «Слышал, что есть слухи о журнале. Правда ли? В конце концов журнал будет, потому что это необходимо. Но как и когда?»¹⁹

Однако, посетив Москву, Ауслендер отнесся к идее создания нового журнала уже явно неодобрительно, сообщая тому же Чулкову: «Только вчера приехал из Москвы, куда ездил и себя показать, и других посмотреть. Очень устал от бесконечных деловых разговоров, от интриг и стратегий московских редакций. Теперь отдыхаю на осеннем солнце и с радостью думаю о строгом, аристократическом Петербурге, где литературой занимаются как истые мастера, спокойно и с достоинством, не завидуя, не злословя на конкурентов и оставаясь такими же людьми, как мастера и<з> других цехов, а не обращаясь в автомат, не умеющих не только жить, но даже ни о чем другом говорить, как о том, кто кого и как выругал, какие будут новые журналы, кто что сказал, и так без конца. В Петербурге тихие мастерские, в Москве шумный базар. Базары нужны, но лучше жить от них подальше. Мистических анархистов ругают с неумолимым однообразием. В этом ожесточении есть какой-то страх за себя. Что в Петербурге? Слух об имеющихся открыться журналах теперь принимаю с боязнью, как бы бессмысленный базар не проник бы и в нашу тихую, дружную жизнь обыкновенных рабочих людей, а не маклаков и скупщиков»²⁰.

В то время, однако, ни один из планов²¹ нового, специфически «петербургского» символистского журнала не был осуществлен. Отчасти это было вызвано смертью жены Вяч. Иванова Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, последовавшей 17 октября 1907 года, отчасти обстоятельствами материального плана (вспомним нувелевское «Откуда взять деньги?»).

Но это вовсе не означает, что планы создания журнала прекратились. Только связаны они оказались уже с несколько иной сферой, в которую на некоторое время оказался погружен Иванов.

8 января 1908 года он писал Брюсову: «...вся жизнь моя, за прошедший месяц преимущественно, была абсорбирована совсем иною сферой, чем литература...»²² Этой сферой оказался оккультизм, пристальный интерес к которому был развит у Иванова под сильнейшим влиянием Анны Рудольфовны Минцловой.

Именно в ее письмах к Иванову отыскиваются следы замысла журнала, которые позволяют говорить о достаточной определенности его и — хотя бы отчасти — строить гипотезы о программе издания.

7 ноября 1908 года она сообщает Иванову о здоровье Клеопатры Петровны Христофоровой, ее хорошей знакомой и почитательницы, организаторши теософского кружка, переживавшей в это время серьезный психический кризис²³: «Что касается вопроса о журнале, я сегодня же спросила ее об этом — — ее желание неизменно, но ее раздел с сыновьями затянулся до Февраля или Марта — — вследствие разных соображений, причем ее теперешняя болезнь, кажется — — играет известную роль. Я видела ее сына сегодня (женатого на дочери С. И. Щукина) — и этот сын высказывал мне сильнейшую тревогу за К. П., страх, что она может сойти с ума — и большую радость по случаю моего приезда, т. к. было замечено уже, что при мне К. П. всегда здорова, радостна и спокойна — — —

Но тем не менее — — я считаю, что с начала Января надо начинать разные *démarches* для открытия журнала, т. к. к Марту деньги будут — в размере от 20—30 тысяч — — —

Об этом подробнее еще скажу при свидании. Даже и в том, худшем случае, *если бы* К. П. заболела окончательно (хотя я *не* думаю этого) — в конце Февраля у меня будут в руках эти деньги *для журнала*. Но об этом — потом подробнее, сегодня это лишь первый набросок, эскиз — —»²⁴.

Судя по всему, информация о задуманном журнале уже к этому времени довольно широко распространялась ею. Об этом свидетельствует фраза секретаря редакции «Золотого руна» Г. Э. Тастевена к Иванову в письме от того же числа, где он говорит: «Я слышал, что Вы теперь очень заняты организацией Вашего журнала, но желал бы верить, что у Вас все-таки останется несколько свободных минут для “Золотого Руна”»²⁵.

Через десять дней Минцлова излагает Иванову свои планы на ближайшее будущее, и выясняется, что журнал занимает в них достаточно значительное место: «Сейчас во имя тех великих инструкций, которые я получила теперь — — я *должна* перед тем, как выступить совсем открыто со Знаменем Розы и Креста — дать еще подготовительный курс к Р. К. в виде лекций Штейнера, из которых я *имею право* выбросить весь балласт, оставить необходимое и дописать то, что надо — — —

Затем, с конца ноября до 15 декабря — с Вами, в Петербурге — к 30 января (после Германии) — в Москве, торжественное и полное выступление публичное в открытой лекции — — Затем с Февраля — журнал, во всяком случае приготовления к нему, переезд в Петербург. Начать хлопоты о разрешении журнала и т. д. — надо именно с 2—3 Января 1909 — —

Вот все, что намечено и решено теперь — —»²⁶.

Еще через десять дней, 26 ноября, получив ответ от Иванова, который нам неизвестен, но где, по всей видимости, высказывались некоторые опасения за судьбу журнала и сомнение, нужно ли ему самому там участвовать, Минцлова пишет: «Относительно Ваших слов обо мне, дорогой — — Я вполне понимаю Вас и вполне соглашаюсь — — Но, прежде всего, Вы имейте в виду следующее: *Ваше имя*, Ваше ближайшее соучастие — я именно и хочу *лишь тогда*, когда будет прямое, *совсем* оторванное от всякого влияния Штейнера и его посредничества — течение Розы и Креста (без теософии) — в *совсем* чистом от всякой примеси журнале, который может возникнуть в конце Февраля или начале Марта 1909 года — *не раньше (и не позже)*. До тех пор, как я Вам говорила уже на днях — — — я *должна* оставить еще этот переход, этот мост для тех, кто гибнет *сейчас* — — ведь на днях я уеду в Петербург, затем около 3-х недель я буду за границей — — оставить Москву совсем одну это время — я *не должна.. <...>* С «теософией» — Вячеслав, я порвала уже почти окончательно — С «Русским Теософским Обществом», кажется, полный разрыв — в ответ на мой окончательный, резкий отказ войти в «Русскую Теософию» — письмо это, на 4 листах, я отправила 2 недели тому назад *заказным* к А. А. — — последовало глубокое, мертвое *молчание* из Петербурга — — Москва *вся* не примкнула к «Русск<ой> Теософии» — голоса Москвы *нет* в этой теософской организации (к ней примкнули 5—6 отдельных лиц, частным образом, из Москвы, но *ни* один кружок *Москвы*) — —

«Общество» организовалось окончательно 17 ноября — — я от него откололась безусловно, по-видимому *даже* без сохранения внешних, личных отношений (т. к. А. А. Каменская мне не ответила) — — Вероятно, я уйду (в Декабре) и из «Всемирного Теософск<ого> Общества»...»²⁷

И ночью тех же суток она посылает Иванову новое письмо, в котором наиболее подробно излагает свою концепцию журнала. Потому приведем это письмо в значительнейшей части, пояснив попутно, что в конце приводимой нами цитаты речь идет о том, что Минцлова обнаружила в Москве (трудно сказать, реальное или воображенное ею) значительное влияние «темных» оккультных сил, с которыми вступила в борьбу: «Милый, сегодня утром я Вам послала письмо и опять хочу говорить о том же — —

Это слишком важный и решительный вопрос. И я благословляю Вас за то, что Вы прямо высказали мне свое мнение.

Еще раз повторяю — я никогда не хотела и *не* хочу никогда, чтобы Вы «принимали» теософию или Д-ра Штейнера. вспомните весь прошлый год, проведенный почти всецело вместе, — и Вы, конечно, согласитесь со мной.

И я никогда не начну журнала, о котором Вы говорите — пока я еще (хотя слабо очень) связана с Теософским Обществом. Оттого я отлагаю срок журнала этого, моего — до Марта. И я ревниво и внимательно ограждала Ваше имя от всякой тени «теософии». Мои личные отношения к Вам здесь *не могли* играть роли. Во-первых, те, кто знали меня, даже отдаленно — знали меня *только* как оккультистку — конечно, Мережковские здесь стоят особо, т. к. они меня узнали именно в Париже, в тесной общине Штейнера — — и, с другой стороны — моя постоянная дружба и близость с Строгановыми, например, — *ничуть* не влияют на «репутацию» Строганова — — —

В «Журнале» этом Штейнер *не* будет участвовать фактически, т. к. его статьи *не* подходили бы к духу журнала — и, вероятно, даже имени его не будет значиться в журнале — — об этом еще поговорим после — —

Штейнер *совсем* отказался от всякой роли в России, он мне написал сам, что в России должны действовать иные силы, чисто славянские — — в разговоре с Алешей перед его отъездом в Россию Шт<ейнер> прямо сказал, что он считает себя ненужным для России и думает, что «Анна-Rudolph» должна взять в свои руки сейчас духовное течение России — На слова Алеши о том, что я «отказываюсь говорить» — Шт<ейнер> с улыбкой сказал: «Она *будет* говорить. И, кроме того, возле нее будет тот, кто будет говорить, когда она замолчит». «Капитуляции» со школой Штейнера у меня *нет* никакой. Известная личная близость моя к Шт<ейнеру> — о ней Вы знали всегда, и я не отреклась от нее никогда.

Вы знали ведь, что я отдала уже в Петерб<урге> в печать мой перевод «Theosophie» Шт<ейнера>, Вы даже предложили мне помочь здесь — помните? Наконец, Вы сами предложили мне, что если Штейнер приедет в Петерб<ург>, принять его у себя, на башне²⁸. То, что я теперь читаю его лекции здесь и опираюсь на него сейчас — что я хочу даже (на время моего отсутствия) оставить им здесь его лекции (в моем пересмотре и переиздании) вовсе не есть «капитуляция» или акт слабости.

Это — *первая* помощь для тяжелого раненого, на смерть пораженного организма Москвы, это — единственное оружие сейчас disponible — О серьезности, об ужасе положения здесь — я не имела представления....

Со дня на день я собираюсь уехать из Москвы и вернуться не раньше половины Января — — Уехать и оставить на 6—7 недель *все это* так, без меня — бросить всех тех, кто гибнет сейчас, без всякой поддержки — — — нет! пусть лучше будут «недоразумения» (которые *все-*

гда могут быть и без всякого повода) — пусть лучше Мережковские-Философовы е tutti quanti распускают 2—3 лишние гадости (они и без того этим занимаются) — но я, уезжая, оставлю для тех, кто задыхается здесь и гибнет страшной гибелью — оружие для борьбы с тьмой, которая надвигается все теснее — —

Этим оружием — до того мгновения, когда явится возможность дать *другое*, — несомненно, для Москвы являются Штейнеровские лекции — — —

Приехав сюда на 10—12 дней, как я предполагала сначала, и еще не приготовленная к выступлению открыто — намереваясь уехать со дня на день — — — сейчас еще очень слабая и нездоровая физически — — я *должна* была помочь в Москве теми средствами, которые у меня были и которые я могу оставить и без себя — И, кроме того, дорогой мой, — — Вы не вполне правы, вернее, я еще не вполне успела передать Вам, *как* все происходит — тот, единственный и *очень* случайный раз, когда Евгения слышала меня — в понедельник, это было все слишком неожиданно, и внешне, и неудачно — — хотя после чтения осталось 2—3 человека, именно из молодежи, и оккультистически-московской, и я долго говорила с ними... Они были *потрясены* тем, что я читала, и лекцией самой — для них открытием явились слова Шт<ейнера>, очень сильные и яркие, в этой лекции — о «не убий» — — о том, что *ни в каком* случае *нельзя*²⁹ убивать, чтобы влиять на душу, *нельзя* гипнотизировать и проч., весьма первоначальные истины — — —

Но я *начала* уже говорить и сама — вчера, во вторник, когда собирается более тесный кружок — я говорила очень много по поводу нескольких вопросов — — Я говорила о камнях, о растениях — говорила *совсем* иное, свое, *от себя лично* — — — Что касается «благоговейной тишины» во время лекции — это происходит *совсем* не оттого, чтобы я водворяла и требовала благоговения к Штейнеру — — нет... перед лекцией я, с моим обычным иронически-ласковым и усталым видом сказала всем, что я сама, лично — *не разговариваю* и не вхожу в дальнейшие разъяснения — — я предлагаю им (раз они все *так* просят об этом) — прослушать одну из лекций Шт<ейнера> — а потом они сами пусть разговаривают, сколько хотят, но *без* меня, не требуя моего участия —

Это молчание и тишина, которые водворяются *всегда* при моем чтении, являются личным, *моим* воздействием, всегда — это Эртель называет «магическим влиянием» моей личности — — Но, увы! с *этим* качеством надо мне будет серьезно считаться и бороться, именно с этим, очень мгновенным влиянием моим, которое нисколько не мешает (наоборот) враждебности, и ненависти, и зависти разыгрываться *во всю силу*, как только меня нет налицо..... Характерным в этой области является отношение Веры Степановны ко мне — *лично*, мне, даже на мой прямой вопрос — — она ответила горячей сим-

патией — и ложью... А Вы сами знаете, что потребовалась *грубость* с моей стороны, чтобы заставить ее высказаться перед мной открыто — — — —

По пятницам я собрала маленький кружок людей, которым нужны самые первоначальные истины, глубоко окрашенные самыми первыми, грубыми цветами Розы и Креста — это *есть* в лекциях St<einer'a>, которые я им и читаю, и оставляю их им, весь этот курс (штутгардский <так!>), где *очень* ясно высказана и *этическая* сторона, необходимая Москве сейчас»³⁰.

В январе 1909 года Миншлова в очередной раз оказывается в Москве и пишет Иванову 23 января: «О журнале получила еще раз подтверждение вчера»³¹. Отсюда очевидно, что речь идет еще о первоначальном замысле издания на деньги Христофоровой. Однако в какой-то момент в феврале месяце очертания журнала (который должен был, как следует из ранних писем, к этому времени уже разворачиваться) решительно меняются. Трудно сказать, то ли Христофорова отвергла планы, то ли не получила денег, то ли Миншлова (как то нередко бывало) просто недостаточно продумала всю авантюру и выдавала ранее желаемое за действительность. Теперь роль меценатов переходит к некоей оккультной общине в Германии (но международного характера и явно не совпадающей с Германским отделением Всемирного Теософического общества). 2/15 марта 1909 года Миншлова пишет Иванову из Берлина, после встречи с таинственными «друзьями» или «братьями», к которым обращалась как к своим оккультным учителям: «Художественный журнал *должен* осуществиться осенью, я привезу все указания и программы, которые безусловно удовлетворят Вас. Редактор журнала должен непременно получать не «минимальную сумму», а в том размере, чтобы он мог *всецело* отдаться вполне этой серьезной работе, не занимаясь больше ничем, конечно. Сумма, которая назначена для этого журнала — 50.000. Если журнал просуществует более 5. лет, тогда об этом будет особый разговор, эта сумма назначена на 5. лет. Ну вот, пока все самое главное. <...> На страстной я буду в Петербурге. В Апреле, тотчас после Пасхи, надо начинать хлопоты о журнале»³².

Чуть позже, 29 марта (н. ст.), в письме из Кельна Миншлова снова напоминает: «За время пребывания моего в России теперь должен совсем решиться и утвердиться вопрос о журнале, о первом № его! Все данные я привезу с собой. Чувствую себя очень сильной, никогда еще так много не удавалось сделать. Но усталость огромная, конечно»³³.

Еще через месяц следует последнее из донесшихся до нас известий. Миншлова сообщает Иванову в письме от 11/24 апреля 1909 г. из Берлина: «Журнал может начаться и в Декабре даже (но непременно в 1909, и 17 числа выходить должен). Но теперь, вследствие болезни St<einer'a>, явились некоторые осложнения в планах — об этом скажу подробнее, когда приеду. Быть может, Вам придется ча-

сто и много быть за границей, т. к. если Д<окто>р <Штейнер> уйдет с поля, *никого, кроме Вас нет*»³⁴.

Совершенно очевидна причина, по которой дальнейшие рассуждения о потенциальном журнале прекращаются: еще в конце 1908 года С. К. Маковский задумывает издание журнала «Аполлон», к апрелю 1909-го его планы принимают вполне реальные очертания, 9 мая состоялось первое организационное собрание³⁵. Хотя Иванова на этом собрании не было, но приглашение он получил, а из дальнейшего развития событий стало очевидно, что он решительно становится «ближайшим сотрудником» журнала, причем, судя по всему, Маковский был готов отдать ему значительную часть редакторских забот, но всегдашняя медлительность Иванова при завершении даже собственных трудов, не говоря уж об обязанностях редактора повременного издания, конечно, воспрепятствовала его более тесному сотрудничеству, а впоследствии определила и решительное отдаление от журнала.

Но сама информация, как бы ни была она скудна, все же позволяет сделать некоторые выводы о характере задумывавшегося журнала.

Прежде всего, следует сказать, что совершенно не очевидно, в какой степени были реальны рассказы Минцловой о жертвователях денег: воспринятые в большом объеме, ее письма создают впечатление, что вся ее жизненная практика была построена на внушении confidentу (в данном случае Иванову) ряда идей, где каждая из последующих усиливала степень напряжения предшествующих. Жизнь Минцловой предстает по этим письмам состоящей из все новых и новых оккультных приключений, выход из которых отыскивается лишь в самый последний момент, и верифицировать степень истинности описываемого не представляется возможным.

Так что мы вполне допускаем, что и в данном случае могло не быть никаких разговоров о деньгах на журнал ни с Христофоровой, ни с «братьями» (если таковые вообще существовали).

Но для наших целей это не слишком существенно, поскольку речь идет о планах, интересующих нас сами по себе, вне зависимости от степени их практической исполнимости. И тут становится очевидным, что журнал этот, при всей своей «художественной» природе, должен был носить явно идеологизированный характер. Видимо, для Минцловой было существенно, что в декабре 1907 г. появился сборник «Вопросы теософии», а с января 1908 г. начал выходить журнал «Вестник теософии», бывшие предвестиями организации Российского Тесофического общества.

Минцлова находилась в контакте с обществом, однако почитала себя (и, вероятно, на самом деле была) гораздо более авторитетной, чем руководители общества и издатели журнала. Потому гипотетически можно предположить, что журнал Минцловой—Иванова должен был создавать некую оппозицию «Вестнику теософии» и прочим изданиям такого толка.

«Художественность» при этом не могла быть помехой, т. к. и издания теософов включали довольно значительные разделы, посвященные литературе и искусству.

В этом контексте вопрос об участии или неучастии Рудольфа Штейнера в журнале принимал особое значение, ибо Минцлова воспринималась большинством знавших ее как верная ученица Штейнера и один из его эмиссаров в России. Конечно, в тот момент Штейнер еще не был главой Антропософского общества (его создание относится к началу февраля 1913 г., когда общее собрание германской секции Теософического общества приняло решение о собственной трансформации в Антропософское общество), однако уже с 1906 г. его деятельность внутри Всемирного Теософического общества отличалась резким своеобразием. Отношение Иванова к теориям и практике Штейнера было довольно скептическим, потому Минцлова была в этом вопросе сугубо осторожна.

Вместе с тем следует отметить, что Иванов явно претендовал на то, чтобы стать во главе журнала. Вряд ли можно сомневаться, что значительная сумма денег, планируемая на издание журнала, и предположение о том, что деньги эти должны позволить будущему редактору заниматься исключительно редакционной работой, имели смысл только в том случае, если эти редактором становился сам Иванов, в тот момент явственно нуждавшийся в более или менее постоянных денежных поступлениях.

Особый смысл в этом отношении приобретает требование Минцловой о том, чтобы номера журнала появлялись именно 17 числа: 17 октября 1907 года скончалась Л. Д. Зиновьева-Аннибал, и в попытках Минцловой создать мифологию, где Зиновьева-Аннибал занимала место эзотерического «Учителя», ее смерти придавалось сакральное значение, которое для посторонних наблюдателей могло выглядеть явно искусственным (свидетельством тому является гораздо более поздняя повесть М. Кузмина «Покойница в доме», где роль Минцловой в жизни Иванова изображена резко памфлетно).

Поэтому можно предположить, что одной из первых работ, предназначенных для журнала, должна была стать большая статья самой Минцловой о произведениях Зиновьевой-Аннибал, к которой она несколько раз приступала, но никаких сведений о которой так и не сохранилось. Так, 8 ноября 1908 г. она писала Иванову: «Завтра начинаю писать очень большую вещь, очень трудную: о Лидии.... Боюсь, что выйдет слишком хаотично и несвязно, т. к. форма, в которую выливается мысль — какая-то невозможная совсем!

Но Вы тогда это ведь все поправите, да? Это какая-то груда мелодий пока, сквозь которые с трудом продираешься, как через чащу дикого леса. Есть очень мучительные мелодии, немые, где только ритм намечен, скелет мелодии —»³⁶.

Если действительно задуманная работа предназначалась Минцловой для журнала, то наша мысль о том, что Иванов должен был стать редактором его, подтверждается цитированным фрагментом.

Основная направленность идеологии потенциального журнала раскрывается в письме от 17 ноября 1908 г., где мистическое розенкрейцерство, долженствующее быть торжественно провозглашенным в публичной лекции самой Минцловой, сопрягается ею с вопросом о существовании журнала. Очевидно, и для журнала вопрос о существовании современного розенкрейцерства должен был стать одним из принципиальных. Проницательной в этом смысле выглядит работа Лены Силард, где прослеживается роль розенкрейцерских мотивов в романе Андрея Белого «Петербург», который задумывался в годы весьма близкого общения Белого с Минцловой³⁷.

Не мог не быть существенным для Иванова также вопрос о некоем (неизвестном пока нам) недовольстве Мережковских планами нового журнала. Позиция, занятая здесь Минцловой, нуждается в некотором пояснении. Она явно апеллирует ко времени более раннему — к парижским встречам 1906 года, когда многие представители русской колонии в Париже присутствовали на цикле лекций Штейнера «Эзотерическая космология».

В это время ранее вполне приятные отношения Мережковских и Вяч. Иванова испытывали серьезный кризис: в феврале 1906 г. Мережковский подарил Иванову свою книгу «Грядущий Хам», где содержался довольно острый выпад против ивановского «дионисийства». Иванов отвечал на этот выпад резким письмом (известным по черновику³⁸), после чего в отношениях трех писателей установилась если не открытая вражда, то, во всяком случае, очевидная напряженность³⁹.

Вскоре после этого письма Иванова Мережковские отбыли в Париж, и там состоялась их встреча с Р. Штейнером. Вот как описана эта встреча в воспоминаниях свидетельницы: «Мережковский со своей женой поэтессой Зинаидой Гиппиус и с их другом Философовым тоже были в это время в Париже. Когда мы с Максом <М. А. Волошиным> рассказали им о присутствии Рудольфа Штейнера, она пожелала познакомиться с ним.

Мы пригласили их вместе с другими русскими. Об этом вечере, который мог бы стать для нас праздником, я вспоминаю с ужасом, так как Мережковский явился с целым грузом предубеждений против Рудольфа Штейнера. Зинаида Гиппиус, восседая на диване, надменно лорнировала Рудольфа Штейнера как некий курьезный предмет. Сам Мережковский, очень возбужденный, устроил Рудольфу Штейнеру нечто вроде инквизиторского допроса. «Мы бедны, наги и жаждем, — восклицал он, — мы томимся по истине». Но при этом было ясно, что они вовсе не чувствуют себя такими бедняками, но, напротив, убеждены, что владеют истиной. «Скажите нам последнюю тай-

ну», — кричал Мережковский, на что Рудольф Штейнер ответил: «Если Вы сначала скажете мне предпоследнюю». — «Можно ли спастись вне церкви?» — услышала я крик Мережковского. В ответ Рудольф Штейнер указал на одного известного средневекового мистика, осужденного церковью, как на пример человека, вне церкви нашедшего путь ко Христу»⁴⁰.

О близости этого описания действительности говорят и параллельные свидетельства: З. Гиппиус оставила описание своих впечатлений от Штейнера в одном из писем к Брюсову⁴¹, а Андрей Белый вспоминал, как Минцлова рассказывала ему об этом свидании⁴².

Ясно, что для страстной приверженницы Штейнера, какой была Минцлова, после этого Мережковские и Философов выглядели открытыми врагами, не стесняющимися никакими средствами, чтобы расчитаться как со Штейнером, так и с оккультизмом вообще.

Однако она не учла изменения ситуации и всего контекста отношений: уже летом 1906 г. Мережковский обращается к Иванову с письмом, в котором пригласил его участвовать в планировавшемся сборнике «Меч»⁴³ и проникновенно говорил о вновь возникшей душевной симпатии, а во второй половине 1908 г. Иванов довольно близко стал сотрудничать с Мережковскими в Христианской секции петербургского Религиозно-философского общества, потому мнение их не могло им не учитываться.

Видимо, с достаточной степенью осторожности можно предположить, что Иванов в своем письме к Минцловой сослался на сомнения Мережковских в необходимости нового журнала, что вызвало столь бурную реакцию.

Таким образом, то сравнительно небольшое, что в данный момент известно нам о замысле некоего журнала (или «Журнала»), позволяет реконструировать его замысел как некоторое движение от сугубо оккультного (с сильными розенкрейцерскими обертонами, если не прямым утверждением этого идеала) органа к художественному изданию, во главе которого должны были стоять Вяч. Иванов как редактор и А. Р. Минцлова как вдохновитель и идеолог. Вряд ли можно сомневаться, что как для одного, так и для другой такие роли были невыполнимы: Иванов был известен своим кунктаторством, что по большей части препятствовало даже сколько-нибудь регулярному сотрудничеству в периодике, а Минцлова придавала столь большое значение каждому написанному ею слову, что переживаний по поводу даже небольшой заметки хватало на долгое время. Но интенции как одного, так и другой были весьма значительны и показательны для литературной и общественной ситуации второй половины 1908-го и начала 1909 года.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО СКАНДАЛА

Кажется, в настоящее время никто из исследователей, сколько-нибудь серьезно занимающихся историей русского символизма, не осмеливается отрицать то значение, которое в этом художественном течении приобретает жизнетворчество. Однако признание теоретическое, к сожалению, не означает сколько-нибудь последовательной работы по восстановлению реальных обстоятельств, в которых существовали русские символисты. Не менее важно постепенное сложение грандиозной мозаичной картины всего живого бытия символизма, которая только и сможет в какой-то степени помочь представить себе тот воздух, которым, по точному слову Вл. Ходасевича, дышали все люди, сколько-нибудь с символизмом контактировавшие, на протяжении достаточно долгого времени.

Меж тем очевидно, что такая задача вполне поддается решению, особенно если привлекать к рассмотрению не только вершинные произведения отдельных художников и их эпистолярные и дневниковые свидетельства, а попытаться забросить невод как можно более широко, делая объектом пристального внимания газетную хроника, бытовую переписку, различные дневниковые и мемуарные свидетельства малозаметных персонажей литературной и культурной жизни.

Описание одного из таких эпизодов, достаточно значимых для истории русского символизма, мы постараемся представить в этой статье, сделав акцент не только на восстановлении реальных обстоятельств события, но и на психологическом состоянии его активнейших участников.

В известнейших мемуарах «Между двух революций» Белый описывает инцидент, случившийся во время его лекции «Искусство будущего» в Литературно-художественном кружке в 1907 году (коммен-

татор новейшего издания А. В. Лавров резонно поправляет: 27 января 1909 г. на лекции Вяч. Иванова¹). После выступления С. В. Яблоновского он был потрясен и, «должно быть, действительно лишился сознания, потому что я очнулся тогда, когда уже другой, неуравновешенный и даже душевно больной (пациент Баженова) писатель Тищенко, опрокидывался на меня с какими-то дикими воплями; и вот что произошло: не помню, как вскочил, и не по адресу Тищенко, а воня Яблоновского, от которой только что пришел в себя, ударив кулаком по столу, проорал:

— «Молчать! Вы лжете! Возьмите слова обратно»².

Описание скандала в этих мемуарах, ввиду их широкой доступности, оставляем в стороне, приведя только самый конец фрагмента: «Скандал был чудовищен; испугались все; в газетах о нем — ни звука; градоначальник обратился с «Кружку» с требованием: прекратить подобные инциденты...»³

Сам Белый связывает генезис своего скандального поступка с систематической травлей со стороны газетчиков, спровоцировавших его нервный срыв. Как кажется, причины здесь были более серьезными, да и сам ход дела представлен не слишком полно. Потому обратимся к ряду свидетельств, которые разъясняют суть происшедшего.

В начале декабря 1908 года выходит в свет книга стихов Белого «Пепел»⁴. В это время он находится в Москве, где активно участвует в литературной жизни, и это участие вызывает тревогу знающих его лиц. Напомним уже цитировавшиеся слова А. Р. Минцловой, активной участницы всех последующих событий: «Вы, конечно, уже знаете о том, как себя держит Андрей Белый здесь. На лекции Мережковского он вел себя постыдно и обрушивался на оппонентов как безумный, кричал, что они говорят «мертвые слова» — «но живого слова» он сам ни одного не сказал... Потом весь этот ужас, вся эта гадость здесь — с Свентицким — нет, дальше так идти не может, это несомненно...»⁵ И через несколько дней, 5 декабря, в еще более острой форме: «Об А. Белом я не могу, не должна теперь говорить больше. Он погиб. По рассказам всех видевших его теперь, за эти дни — мне кажется, у него начало «Пляски св. Витта». У него уже началось самое страшное — эти нервные подергиванья рук и ног... И бред непрерывный — словом, беспросветный ужас теперь —»⁶.

Об этом же пишет современник, оценивая поведение Белого во время повторного выступления Мережковского — в заседании Религиозно-философского общества памяти Соловьева 5 декабря: «Был неприятный выпад Белого, которых в их <Мережковских> бытность вообще страшно омережковился и повернулся как-то не примиряющей, скорее непримиримой своей стороной, которую хотелось преуменьшить, и тоже была демагогия. Вообще впечатление от вечера было невыносимо отвратительное <...> я высказал <...> решительное

осуждение и скорбь по поводу тона прений в Религиозно-философском обществе и ему <Мережковскому> и Белому»⁷.

Примерно через месяц действие перемещается в Петербург. В середине января Белый приезжает туда, останавливается у Мережковских, и 17 января в Тенишевском училище читает лекцию «Настоящее и будущее русской литературы». На лекцию его сопровождала Гиппиус, а оттуда он уехал, несмотря на ее обиду, к Вяч. Иванову на «башню», где увиделся с Минцловой, успевшей также перебраться в Петербург⁸, и имел важный разговор с ними, который мы уже приводили выше, в статье «Anna-Rudolph».

Напомним только, что в этом разговоре, как вспоминал Белый, Иванов настаивал на том, что в «Пепле» Белого гениально уловлена угрожающая России опасность со стороны тех, о ком «нельзя говорить уже вслух»⁹. Эта фраза из поздних мемуаров приписана Минцловой, тогда как более ранняя, берлинская редакция «Начала века» именно Иванову отдает слова о зловещей роли неведомых восточных оккультистов, воплощающих в своей деятельности все мировое зло.

Как кажется, более близкие ко времени действия к событиям и менее подверженные политической конъюнктуре, чем поздние редакции, эти мемуары достаточно откровенно рассказывают о содержании беседы будущих членов «мистического треугольника» Иванов — Белый — Минцлова. Хотелось бы обратить особое внимание на тему «врагов», конкретизировавшуюся очень по-разному.

В беседах с Ивановым и письмах к нему Минцлова действительно постоянно говорит о кознях «восточных оккультистов» (оставляем на совести Белого понимание их как злоумышленных татар-разносчиков). Однако, судя по всему, это было одним из проявлений ее тактики, когда каждому из собеседников внушалось то, что ему было приятно (или, во всяком случае, не было неприятно) слышать. В уже цитированном письме к Белому Минцлова была более откровенна, говоря о том, что именно в еврействе воплощено было это мировое зло и восточные оккультисты также были вызваны в Россию евреями.

Трудно сказать, что было первичным, а что вторичным, но временами для Белого конкретизация «врагов» в облике «газетчиков», «эстрадников» имплицировала (а в текстах непубличных и эксплицировала) их национальную персонификацию как евреев¹⁰. Этот существенный аспект нужно, видимо, непременно учитывать при дальнейшем изложении событий, имея в то же время в виду, что этим далеко не исчерпывается «еврейская» тема в жизни и литературной позиции Белого той поры. Напомним свидетельство Н. В. Валентинова: «В феврале 1909 г., незадолго до отъезда из Москвы, я встретился с Эллисом <...> о всех, в том числе о Брюсове и Белом, он говорил с раздражением и на мой вопрос, что делает сейчас Белый, с злой усмешкой ответил: “Бегаёт исповедываться к *раввину* (Гершензону), а потом бежит со второй исповедью к Минцловой”»¹¹. Соединение М. О. Гершензона (ср.

далее описание его роли в разрешении скандальной ситуации) с Минцловой, без сомнения, означает, что «антисемитизм» Белого был вполне явственно конкретизирован ситуацией, и вряд ли можно полностью разделить пафос статьи М. В. Безродного¹², полагающего, что в 1909 году Белый находился на пике своих юдофобских настроений. На наш взгляд, ситуация создавалась гораздо более сложная, но тем не менее очевидно, что она могла использоваться и для подталкивания Белого к более решительным высказываниям.

Одновременно тема дружбы и вражды, становящаяся лейтмотивом многих строк Белого в этих мемуарах, имеет и другое преломление: по собственным его оценкам, явление Иванова в лекторской Тенишевского училища было для него полной неожиданностью, поскольку решительное неприятие «мистического анархизма», нашедшее отражение в стольких статьях Белого предшествующих лет¹³, заставляло его считать себя находящимся во враждебных отношениях с Ивановым. Написанное в Новый год письмо к нему, призывавшее к прекращению вражды¹⁴, не получило, по всей вероятности, письменного ответа, и поэтому возобновление дружбы должно было особенно сильно воздействовать на его сознание, тем более что за этим стояло затухание одной из предшествующих дружб — с Мережковскими.

О духе этих новых отношений Иванова и Белого свидетельствует одно из неотправленных писем Иванова к А. Р. Минцловой, в котором он реагирует на ее повествование о том, как вернувшаяся с «башни» в Москву Е. К. Герцык атаковала там Белого: «Дорогая Анна Рудольфовна,

Только что получил Ваше письмо о путанице... Писать мне Борису Николаевичу по этому поводу как-то неуместно... Но Вы скажите ему — или, лучше, покажите — следующее разъяснение (Видите ли? Я ему не пишу вообще — по слишком глубоким и светлым причинам, говорить с ним я могу только о большом и — святом: мне было бы тяжело нарушать *такое* молчание суетою)»¹⁵.

Однако вернемся к событиям самого начала 1909 года.

После бесед с Ивановым и Минцловой Андрей Белый возвращается в Москву, куда приезжает и Иванов для чтения лекции в Литературно-художественном кружке. Вопрос о том, что это была за лекция, вряд ли поддается однозначному разрешению, поскольку газетные отчеты не дают сколько-нибудь полного представления о ее содержании, а конспект нам неизвестен. Однако, судя по всему, основу ее составляли положения, изложенные чуть позже в статье «О русской идее», но, как кажется, присутствовали отдельные положения из отзыва о «Пепле». Во всяком случае, в «О русской идее» нет речи о том, что декаденты обращаются к народничеству, что (как будет видно из дальнейшего) стало основной точкой дебатов, а в рецензии на «Пепел» это положение высказано с достаточной степенью основательности. Таким образом, можно предположить, что Андрей Бе-

лый воспринимал лекцию Иванова как непосредственное продолжение разговоров с ним и Минцловой.

Начало 1909 года вообще прошло под знаком многочисленных полемик о символизме и символистах. Так, за две недели до интересующего нас вечера в том же Литературно-художественном кружке Н. Я. Абрамович (в хронике он назван Абрамсоном) сделал реферат о Блоке и Сологубе¹⁶.

Дело могло (у нас нет прямых свидетельств, однако в контексте общих интересов Белого предположение выглядит достаточно вероятным) осложниться тем, что непосредственно перед лекцией Иванова имя Белого оказалось в эпицентре небольшого скандала во время прений по поводу другой лекции. Вот как излагали инцидент газеты: «В понедельник <26 января> в Новой аудитории Политехнического музея А. Н. Давыдовым была прочитана лекция «Разрушители религиозных идей в литературе» <...> Другой оппонент нанес ужасное оскорбление лектору, обвинив его в декадентстве и заявив, что у него те же манеры и жесты, как у Андрея Белого. Оппонента попросили перейти к делу; он заявил, что ожидал услышать, как будут «ругать декадентов», а вместо того у него в голове получился лишь сумбур, так как он ничего не понял из лекции»¹⁷.

Интересующий же нас эпизод, несмотря на позднейшие уверения Белого, все же нашел отражение в газетной хронике. На следующий после него день откликнулось «Русское слово»: «Вчерашний «вторник» в Литературно-художественном кружке закончился безобразным скандалом.

Вступление к собеседованию сделал и начало скандалу положил Вячеслав Иванов.

После возражения первого оппонента Н. Н. Русова, выразившего, между прочим, глубокое изумление по поводу трактования Александра Блока и Андрея Белого как носителей идей нового народничества, — референт, обидевшись на восторженные аплодисменты его противнику, вне очереди просит слова:

— Господа, — обращается он к публике, — в этих рукоплесканиях г. Русову я вижу одобрение ему и порицание мне. А потому думаю, что мне здесь делать нечего.

Публика, конечно, в полном недоумении.

Сидящие на эстраде кое-как успокаивают г. Иванова: он кладет гнев на милость и остается.

Дифирамб, который читает ему Андрей Белый, совсем, по-видимому, успокаивает референта.

Но публика не успокаивается.

Вслед за не совсем приятным для референта и Андрея Белого возражением г. Турбина на кафедре появляется г. Потресов-Яблоновский, еще более подчеркивающий слова первого оппонента.

Андрей Белый хочет возражать.

— Нас называют народниками... — начинает он.

— Вы себя называете народниками! — раздается резкий возглас на эстраде.

Это кричит г. Тищенко, которому председатель и делает замечание.

— Нас называют народниками, — вновь начинает г. Белый.

— Вы себя называете народниками! — опять кричит тот же г. Тищенко.

Получив слово, последний начинает с резкого упрека по адресу вторичной комиссии, которая, по его словам, выпускает своих излюбленных референтов.

— Они читают рефераты, и затем оппоненты, под видом возражений, поют дифирамбы. Получается, так сказать, взаимное восхваление...

Председатель предлагает г. Тищенко держаться ближе к теме собеседования, но оратор не подчиняется.

Еще несколько слов по адресу декадентов, и Андрей Белый вне себя вскакивает со стула.

— Это ложь! — громовым голосом кричит он и, с поднятыми кулаками, устремляется к говорящему.

Их быстро разъединяют.

— Занавес! — взволнованным голосом кричит председатель.

Занавес задергивают.

На эстраде в течение нескольких минут ничего нельзя разобрать. Слышны гневные возгласы, брань...

— С Андреем Белым истерика! — объявляет кто-то.

— Воды, воды Андрею Белому!

Наконец его, мертвенно-бледного, выводят под руки и ведут вниз»¹⁸.

В тот же день небольшой хроникальной заметкой, не выходящей за рамки нейтральной информации отметились и «Русские ведомости»¹⁹. На следующий день читатели «Русских ведомостей» были осведомлены о случившемся гораздо более подробно. Неизвестный корреспондент изложил внешние события, добавил несколько человек к числу выступавших и обрисовал картину несколько по-иному: «Литературная беседа в Литературно-художественном Кружке по поводу реферата *Вяч. Иванова* «О русской идее» шла с большим оживлением — настолько большим, что завершилась символическими жестами. Но сначала о реферате. Много распространяться о нем не стоит: он не оригинален и представляет бледный перепев из Достоевского <...>

Ораторы, выступившие вслед за референтом, оставили в стороне «русскую идею» и качества народной души и сосредоточили внимание на отношениях интеллигенции к народу. Говоривший первым *Н. Урусов* отнесся с большим скептицизмом к народничеству и религиозности вчерашних декадентов, проповедников крайнего индиви-

дуализма; он находил, что у них не может быть непосредственного религиозного чувства, что новое течение — чисто головное упражнение и народ за ними не пойдет.

Довольно энергичные аплодисменты, которыми публика наградила оратора, обидели Вяч. Иванова, который усмотрел в них «вотум недоверия» к себе со стороны аудитории и заявил, что в таком случае ему не место в этой зале. Но так как и ему публика похлопала, то он успокоился и уже не выражал негодования, когда следующий оппонент, г. *Пржебыский*, сравнил народничаствующих декадентов с лжепророками, изгоняющими бесов именем Христа, но от которых Христос наперед отрекся. На помощь референту спешит г. *Андрей Белый*, заявляющий, что интеллигенция и народ — одно, между ними нет розни; интеллигенции не надо тянуться к народу, ходить к нему; она — часть народа. Если мы трактуем сейчас эти вопросы, то только потому, что и мы — народ. Оратор и не заметил, что коренным образом противоречил референту, говорившему об оторванности интеллигенции от народа.

Далее несколько слов сказал г. *Турбин*, выразивший ту мысль, что интеллигенция не должна опускаться до народа, а поднять его до себя; пути сближения с народом — великая культурная работа в деревне. *Н. А. Бердяев* желал направить прения в иное русло: вопрос об отношении интеллигенции к народу, но его мнению, — вопрос второстепенный. На первый план должны быть выдвинуты религиозные проблемы. Мы, русские, в процессе «нисхождения» затоптали и принизили религиозное чувство, которое надо в себе возвысить. Религия — Божественное откровение; она должна быть целью жизни, а не средством хотя бы сближения с народом. Говорившие затем гг. *Бурнакин* и *Потресов-Яблоновский* посвятили свои речи опять полемике с декадентами. Первый оратор видел в них только группу кривляк, пристегивающихся к каждому модному течению; второй — оттенил их удивительную эволюцию от эстетизма <так!> к крайним левым политическим взглядам, а оттуда — к религиозности и народничеству; в истинность последнего он отказывается верить.

Возражая Яблоновскому, *Андрей Белый* заявляет, что ни он, ни его друзья сами не дают себе кличек: ярлыки приклеивают к ним другие, и часто невпопад. Ни в одном своем произведении он не выдавал себя ни за с.-д., ни за народника. Судить, наконец, о настоящем по прежнему нельзя; мы эволюционируем, «раскрываемся». На кафедре появляется *Тищенко* и в запальчивом тоне начинает ругать декадентов. «Ложь!» — вскрикивает *Андрей Белый* и устремляется к кафедре. Поднимается переполох, занавес опускается. Так неожиданно прения о «русской идее» оканчиваются скандалом»²⁰.

Весьма сходный отчет был помещен и в газете «Раннее утро»²¹.

Еще одно синхронное описание происшедшего было сделано В. К. Шварсалон со слов отчима и, возможно, *Н. А. Бердяева*. При

всем бытовым характере описания оно все же представляет значительный интерес, так как позволяет верифицировать газетный отчет по крайней мере во внешнем плане.

«Вчера была лекция В<ячеслава>, на которую я не попала, потому что, как всегда, в Москве простудилась, поехала с В<ячеславом> перед лекцией обедать к Бердяевым, и там так разболелась голова, что пролежала до конца лекции. Лекция сошла сама по себе довольно хорошо, но после этого были прения <так!>, в которых кроме Бердяева и Белого другие оппоненты совершенно не касались реферата, но нападали вообще на декадентов за то, что они сделались народниками.

Начались прения с Русова, кот<орый> вместо того, чтобы говорить о реферате, говорил о Вячеславе, о том, что он через Эрос, Эллинск<ую> Религию, эстетику приходит к народничеству, и говорил в этом роде всякую чушь нахальную. Так как ему усиленно аплодировали и, видимо, демонстративно против Вячеслава, то В<ячеслав> спросил слово вне очереди, обратился к публике и говорил несколько слов о том, что он в одобрении публики к личным нападкам на него, а не на реферат видит недоверие к нему публики и что если он не получит доказательства доверия к нему публики, то он покинет зал и не будет продолжать прения. В<ячеслав> разъяснил в нескольких словах неправоту Русова. Публика довольно продолжительно аплодировала, после этого В<ячеслав> более в этих прениях не участвовал.

Русов сказал несколько слов извинения, и начали говорить остальные. Начались резкие, хулиганские нападки на декадентов и на личность Белого, которого совершенно вывели из себя (он этот раз говорил очень сдержанно, спокойно и за Вячеслава), кончилось полным скандалом, занавес опустили после того, как Белый крикнул одному хулигану, кот<орый> грубо и ложно на него напал: «Вы лжете, возьми <так!> Ваши слова назад, или Вы подлец и я Вам наносу личное оскорбление». И так, кончилось полным скандалом, хотя после этого Белый извинился в «подлеце», но вся эта история оставляет о литер<атурно-> худ<ожественном> обществе самое тяжелое, отвратительное <впечатление>. Оно распространяется и на все обще-московское настроение, т. к. газеты, например, полны подлыми, совершенно лживыми рецензиями, тенденциозно против декадентов»²².

Версия самого Белого изложена им в «Между двух революций», однако мы позволим себе привести более раннюю и, судя по всему, более точную версию из «берлинской» редакции «Начала века»: «Раз был разговор между мною, Ивановым, Минцловой у Христофоровой — накануне Ивановского реферата в «Кружке». И мне Минцлова говорила:

— На днях уезжаю в Германию; буду у Штейнера; буду я также в местах, где меня ожидают; под Нюрнбергом; да, знаю я: многое очень зависит от встречи одной, в Нюрнберге... Весной — я вернусь:

и запомните, Белый, — весною увидимся: будет меж нами значительный, памятный разговор.

Наша встреча была в понедельник; во вторник Иванов читал реферат свой в «Кружке», а о чем реферат — позабыл; этот вторник мне врезался; был для меня переломным он пунктом; сорвался в Кружке я; был ряд оппонентов, Иванову возмутительно возражавших. Бердяев, сидевший со мною на эстраде, — бесился; подпрыгивали его руки ко рту; и дрожали нервические пальцы-горошки; падала черная, очень кудлатая голова — на горошки, на пальцы; и — выборматывал: — Черт знает что.... ну и люди же в «Кружке»; я на месте бы Вячеслава Иванова просто ушел.

Имел глупость я выступить: и — очень резко; но, Боже, — что вызвал я; ряд оппонентов (газетчиков), крайне обиженных тоном моим, — принялся издеваться; я — сдерживался, снисходительно улыбаясь; Бердяев, М. О. Гершензон, где-то близко сидящий, разгневанно взоры бросали в «кружковскую» публику; вдруг истеричный писатель, взяв слово, бросается громко выкрикивать лжи, обращаясь ко мне; понимаю: сидеть — неприлично; инсинуация — должна быть оборвана; председатель беседы, С. А. Соколов, позволяет оратору безответственно осыпать клеветой меня (Соколов — растерялся); кровь бросилась в голову; вскакиваю, прерывая оратора; и — бросаю, совсем неожиданно для себя:

— Вы — откровеннейший лжец; вы — подлец; если тотчас же не возьмете обратно вы слов своих, я оскорбляю вас действием....

Двинулся, бросивши стул, я к несчастному оппоненту, но — кто-то схватил меня сзади под крики вскочивших газетчиков, публицистов:

— Эй, занавес! занавес!

Я — оборачиваюсь; и вижу: Бердяев — меня крепко держит, подергиваясь лицом: от волнения; публика, быстро вскочив со своих мест, распадается вдруг на «врагов» и «друзей»; поднимаются в воздухе стулья; тут — падает занавес; и — отделяет растущее безобразие зала от хаоса, водворяющегося на сцене, с которой гласил оппонент мой (где все мы сидели); и смутно я помню: какой-то газетчик несет мне воды (говорили: я так побледнел, что боялися: упаду — вот-вот — в обморок): вижу сквозь сон, как обидчика моего окружают, доказывая, как Иванов взволнованно силится высказать что-то его обступившим; я — в трансе: выводят меня; сознаю себя близко от лестницы, кем-то ведомым сквозь крики толпы, проклиная громко меня; бессознательно мне отдается: «А кто же ведет меня?» Быстро обертываюсь; и — вижу: ведет меня — Минцлова; как очутилась в «Кружке», я — не знаю; ко мне повернула глаза свои, подслеповатые, очень огромные; чувствую, что в катастрофе, со мною случившейся, — я не один; показалось: взявши за руку, — строго выводит: из разлагающейся литературщины — на пути посвящения:

— Вынесите, мужайтесь — весною мы встретимся, — вылепетывала мне она. Тут меня кто-то дергает за руку; я — оборачиваюсь: очень маленький, очень взволнованно кипящий, точно кофейник, закупоренный кофейною гущей, — М. О. Гершензон; он — поплываает взволнованно в ухо:

— Пойдите, Борис Николаевич, — слушайте: произошло хулиганство; травили в скандал вас; но — вы, потеряв представление о месте, где мы, совершенно случайно обидели «подлецом» человека; не защищаю его: но я думаю только о вас; вы должны извиниться; «подлец» — не при чем; это — крик; ну, пойдемте, — скорей извинитесь за слово «подлец»; и вы — будете правы во всем; в общем, то, что случилось, — безобразие, травля!

Поплывавая кипящими, точно кофе, словами, М. О. Гершензон, оторвавши от Миншловой, — тащит обратно: в гул, в крики; влечет к литератору:

— Ну же — возьмите обратно вы слово «подлец»!..

Подхожу к оскорбленному: извиняюсь:

— Простите меня; это слово «подлец» сорвалось случайно.... Беру назад слово; но в остальном во всем прав....

И как будто сквозь сон слышу я:

— Вам бы, миленький, следовало заранее обсудить выражения ваши...

Кругом рев толпы; смутно помнится: нововременец, Анатолий Бурнакин, стоял надо мной, воздев свои руки, крича, что над нами висит уже возмездие... но Гершензон вывлекает меня из толпы со словами:

— Вы сделали то, что должно были сделать: вы взяли обратно ненужное слово... А в прочем — вы правы.

Сдаст он кому-то меня, может быть, — Н. Н. Русову: кто-то везет меня до дому; я — как во сне: не сняв шубы, сижу в своей комнате; быстрый звонок; и — влетает Иванов, в енотовой шубе, напоминающая священника:

— Ты — успокойся: все это — уляжется...

Долго сидит он со мною, не сняв своей шубы:

— Ну что, — успокоился?

— Ну, прощай...

Уезжает»²³.

Таким образом, внешняя канва событий, думается, может быть установлена несомненно. Мало того, вполне возможно реконструировать выступление С. В. Яблоновского. Интересующихся этим не слишком оригинальным текстом отсылаем к газетной публикации, приводя здесь лишь начало статьи, вносящее некоторые дополнительные штрихи в картину происшедшего: «Пришел г. Вячеслав Иванов в Литературно-художественный кружок и среди слов неясных, эзотерических совершенно ясно и определенно сказал, что они, груп-

па писателей-модернистов, являются народниками, что народники — гг. Андрей Белый и Александр Блок, что Андрей Белый представляет собою, так сказать, современного Некрасова.

Когда один из оппонентов, в совершенно корректной форме, позволил себе в этом усомниться, а публика осмелилась этому оппоненту аплодировать, — г. Вячеслав Иванов чрезвычайно обиделся. Он заявил, что этими аплодисментами ему выражается «вотум недоверия» и что если это повторится, то ему придется покинуть зал»²⁴.

Конечно, инцидент потребовал улаживания. Брюсов, приглашая Иванова на свое чтение о «Медном всаднике», писал ему: «Во вторник, к глубокому сожалению, ты мог лично убедиться, как был я прав, описывая общество, собирающееся на «Вторники» кружка. Это не народ, не интеллигенция, даже не «публика»; это — чернь, это — подонки общества»²⁵.

И обстановка сильнейшего нервного напряжения продолжала существовать на протяжении еще некоторого времени, что также засвидетельствовано письмами Минцловой к Иванову, воспроизводящими картину ближайших к этому инциденту дней. Так, 30 января она говорила: «Дорогой мой, пишу Вам несколько слов, т. к. не вполне уверена, что сегодня увижу Вас — — — Вы теперь вошли в этот страшный круговорот Москвы, когда нет больше ни времени, ни часов никаких, а только лишь одна смена лиц, явлений, фактов без конца. Милый, прежде всего не считайте для себя эти дни непременно *обязательным* свидание со мной. Быть может, и в воскресенье Вы не успеете увидеться со мной. Пишу Вам сейчас, потому что, вернувшись со «свободной эстетики», я вдруг сейчас почувствовала большой страх и волнение. Быть может, это напрасное, нелепое волнение — — я *очень* считаюсь с тем, что я сейчас сильно надорвана и изранена астрально, и с аптекарской точностью теперь учитываю <?> все, что куда следует, в моем астральном видении.

Сначала я очень обрадовалась, что Эллис вдруг замер, умолк совсем, когда раздался Ваш голос, — Вячеслав, Вы были прекрасны, как бог, сегодня — — — —

Эллис, который весь вечер болтал без умолку, очень резко критиковал Брюсова, к моему изумлению?! Вдруг умолк, онемел — — — — когда Вы начали читать — — — —

В первый момент мне это понравилось. А сейчас, вдруг, меня охватил ужас — — — Я не знаю, чего-то страшного, безобразного — У меня чувство какого-то гигантского безобразия, происшедшего где-то в кружке, где-то вблизи Вас, Вячеслав — — и я упрекаю себя, что я не осталась еще, что я ушла — — —»²⁶

И на следующий день она повествовала: «Мое тревожное состояние после вечера «эстетики» отчасти оправдалось — Эллис в промежуток между Вашими стихами и ужином, оказывается, устроил большой скандал — — Когда его познакомили (одна дама) с каким-то

офицером, драгуном (из тех, что расстреливали Пресню в 1905 г.) — он сложил руки на груди и спокойно сказал: «Я палачам руки не подаю» — — —

Сегодня весь день происходили об этом переговоры — Офицер этот прислал секундантов к Эллису, тот принял их — затем Кл<еопатра> Петр<овна Христофорова> вызвала Эллиса к себе, и сегодня, среди этого безумного дня, мне пришлось иметь дело и с этим всем.

Сегодня день был невероятный совсем — мой «прием» превратился во что-то страшное по силе своей — — Л. Д. Соколова, затем одна из «Сведенборгианок», учениц этой школы — (старуха 65 лет), которая пришла ко мне «учиться» — — Затем все эти переговоры с Эллисом и лицами, заинтересованными здесь (дуэль удалось отстранить, слава Богу!) — затем очень тяжелый разговор с одним студентом, на минуту свидание с Серединым (художник один здешний), Алеша приходил на 5 минут — в 6 ¹/₄ я уехала и была на лекции Тимирязева — — —»²⁷.

Все это не могло не повлиять на состояние действующих лиц, хотя внешний эффект инцидента был успокоен довольно быстро (ср. цитировавшиеся выше слова Белого), в том числе и стараниями Брюсова. Правда, отголоски скандала продолжали гулять по страницам печати.

Нравоучительной заметкой откликнулось «Раннее утро», на материалы которого мы уже несколько раз ссылались. Комизм ситуации заключался в том, что эта газета, пусть и неявно, подстрекала обострение отношений во время рефератов, а после случившегося скандала сочла возможным поморализировать: «...если «скандал в благородном семействе» происходит однажды, то о нем можно сказать:

— Случай.

Если же он повторяется и притом в тождественной с прежней почве, это необходимо засвидетельствовать:

— Закономерность.

И сделать соответствующий вывод:

— Всякий раз, когда в Литературно-Художественном кружке выступает некто «из стаи славной», жди совсем не литературного и отнюдь не художественного заключения. <...>

Культура... Искания... Все такое хорошее... И вдруг:

— Бац!

Оно, положим, «Кубок метелей» — такая замысловатая и, кроме того, с исключительного разрешения Зинаиды Гиппиус осуществленная штука (зри заглавный лист), что оттуда всего ждать можно.

И снежного крокодила в тоскующем замке двоюродной бабушки.

И извечной зубочистки, выявленной породы желтеющей тоски.

И махрового уксуса под катафалком мрачно-извивистого бытия.

Всего. <...>

Вы должны себе уже навсегда усвоить, что Мережковскому можно только аплодировать.

Иначе в вас полетит «дурак».

Что устами Вяч. Иванова вещает не допускающая возражения истина. <...> Иначе оскорбленный «недоверием» лектор удалится.

Наконец, что спор с Андреем Белым допустим, но лишь до тех пор, пока этот, как он назвал себя в памятном «Манифесте»:

— «Божьей милостью художник» — не выйдет из себя. <...>

Manis grandiosa.

Откуда она?

В этом недуге отчасти повинен сам обыватель:

— Андрей Белый, ах!.. Андрей Белый, ох!.. Андрей Белый, ух!..

Пусть этот бесспорно одаренный писатель твердит, что он «выше» всех этих «ах», «ох» и «ух», вместе взятых.

Ибо это его:

— Нисколько не интересуется!

Это не так. Интересуется. И даже — очень!²⁸.

Едва ли не самым примечательным откликом был стихотворный фельетон М. М. Бескина (подписавшегося своим обычным псевдонимом «Меб») «Был доклад и был скандал», помещенный в том же «Раннем утре», который, как кажется, заслуживает полного цитирования, несмотря на свою изрядную длину:

Дайте мне Гомера лиру,
Дайте мне Толстого слог,
Чтоб последний «Вторник» миру
Я воспеть достойно мог.
Я с размерами в союзе
И не вижу в рифмах зла,
Но моей ли скромной музе
Их геройские дела?
По плечу ей старший дворник,
Пуришкевич и Гучков,
Но боюсь я, что про «Вторник»
У нее не хватит слов.
Приступаю не без страха
Я ко «вторничным» делам;
Хоть уверен, что размаха
Пылких душ не передам, —
Все ж подтянемся мы, лира,
Воспевая этот день.
Помоги нам, тень Шекспира!
Помоги, Гомера тень!

Было мирно так начало,
Председатель так был строг,

Что конечного скандала
Ожидать никто не мог.
Под журчанье тихой речи,
Вспоминая отчий дом,
Головой склоняясь на плечи,
Каждый спал спокойным сном.
И врывался то и дело
Продолжительный зевок
И в «хаос душевный тела»,
И в хвалебных слов поток.
В ожиданьи громких прений,
За кровать принявши стул,
Крепким сном без сновидений,
Признаюсь, и я уснул.
Было тихо и уютно,
От «кружка» душой далек,
Я во сне услышал смутно,
Что народником стал Блок,
Что и Белый, сбросив цепи
Винно-красно-снежных дел,
Полюбил родные степи
И Россию пожалел...
Ощувив в душе тревогу,
Я проснулся... Спит сосед,
И решил я: «Слава Богу, —
Это только сонный бред!..»
Под луной ничто не вечно,
Кончил чтение референт,
И вся публика, конечно,
Поднялась в один момент.
Оживленьем блещут взгляды,
Тайно думает весь зал:
«Мы сердечно были б рады,
Если б грянул вдруг скандал!..»
Я скандалов не поборник,
Но согласен я — увы! —
Без скандалов был бы «Вторник»
Сонным средством для Москвы;
На доклад из полной залы
Кто остался бы навряд,
Если б раньше шли скандалы,
А потом уже доклад.
Нетерпеньем блещут взоры,
Недовольный слышен гул:
— Все пустые разговоры, —

Неужель «кружок» надул?!
В преньях что нам за отрада?
Всяк довольно их слышал!
Разговоров нам не надо, —
Подавайте нам скандал!
И в скандалах поседелый
(Ах, для рифмы я соврал!),
Поднялся Андрюша Белый
И устроил вмиг скандал.
— Вы — подлец! — кричит он с жаром,
Не сойдет вам это так!
И грозит врагу ударом
Поэтический кулак.
Ах, для бранной атмосферы
Для реальных кулаков
Позабыл Андрюша сферы
И удрал из облаков.
И народник новый, Белый
Доказал в один момент,
Что боксер он очень смелый,
А совсем не декадент.
Скрыли сцену... Понемногу
Опустел довольный зал...
Все в порядке, слава Богу:
Был доклад и был скандал.²⁹

Этот стихотворный фельетон, при всех его очевидных недостатках, выглядел для действующих лиц настолько актуальным, что вспоминался еще и через довольно долгое время³⁰.

Вообще для бульварной журналистики происшествие в Литературно-художественном кружке стало символическим обозначением тлетворной сути декадентства. Так, в феврале, откликаясь на художественную выставку журнала «Золотое руно», один из журналистов начинал свою статью: «Как в литературных сферах беззастенчивые выходы Андрея Белого и Вяч. Иванова вызвали, наконец, дружный протест публики, так и в мире живописи срамные холсты французских художников, гг. Павла Кузнецова, Милиотти и им подобных довели общество до решительного против них возмущения»³¹. Уже приближавшийся к своему решительному кризису символизм газетными хроникерами продолжал восприниматься как нечто находящееся за пределами искусства и даже житейской пристойности.

Но для нас существеннее констатировать, что в этом литературном скандале, еще долго вспоминавшемся его участниками³², скрестились несколько разнонаправленных интенций двух выдающихся литераторов-символистов. С одной стороны, возобновлялась челове-

ческая дружба Белого и Вячеслава Иванова, основанная теперь уже не только на собственно литературных предпочтениях и совпадениях, но и на глубинных оккультных мотивах. С другой — инцидент стал значимой точкой в литературной и идеологической эволюции как одного, так и другого. Для Иванова он связался с тем направлением его идейного развития, которое может быть определено (естественно, с некоторой долей условности) как публичное провозглашение возвращения к традиции Достоевского в понимании православия и народного единства. Яростное выступление Белого в этом контексте, судя по всему, свидетельствовало для Иванова по крайней мере о необычайной существенности самих затронутых им тем.

Для Белого скандал, насколько мы можем судить, вылился прежде всего в решительное стремление к эзотерическим исканиям, развернувшимся несколько позднее: если уже в предисловии к «Пеплу» он заявляет о том, что «эзотеризм присущ искусству»³³, то в предисловии к появившейся в конце марта 1909 г. «Урне» оккультные мотивы звучат гораздо более отчетливо: «Озаглавливая свою первую книгу стихов *«Золото в лазури»*, я вовсе не соединял с этой юношеской, во многом несовершенной книгой того символического смысла, который носит ее заглавие: *Лазурь* — символ высоких посвящений, *золотой треугольник* — атрибут Хирама, строителя Соломонова храма. Что такое лазурь и что такое золото? На это ответят розенкрейцеры. Мир, до срока постигнутый в золоте и лазури, бросает в пропасть того, кто его так постигает, минуя оккультный путь»³⁴. Согласно его воспоминаниям, прочитав эти строки, Минцлова сказала ему: «Андрей Белый, послушайте, — то, что писали вы в предисловии к «Урне» о золотом треугольнике, о розенкрейцерах — недопустимо; писали вы — правду; да, да: розенкрейцеры — есть; но об этом не пишут... Вы навлекаете написанием на себя злые силы; но и «о н и» — это знают: «о н и» — вам помогут»³⁵, — и с этого момента начались практические шаги по осуществлению некоего «братства», главами которого должны были стать Иванов и Белый.

ОБ ОДНОЙ ФРАКЦИИ «ЦЕХА ПОЭТОВ»

До сих пор «Цех поэтов» остается одним из самых загадочных литературных объединений начала XX века. Чрезвычайно перспективные заметки Р. Д. Тименчика о нем¹, к сожалению, остановились, хотя материал и продолжал накапливаться. Однако не прослежена хоть сколько-нибудь полно ни история первого «Цеха», ни тем более второго и третьего; прекратились попытки реконструкции цеховых бесед; более того — даже сам круг незначительных поэтов, входивших в «Цех», остается практически неизученным. Особенно это относится к тем, имена которых не попали в словарь «Русские писатели». А между тем сам состав объединения и его близкого окружения провоцирует некоторые выводы, которые должны быть сделаны.

В уже упоминавшихся «Заметках» Р. Д. Тименчика приведен список членов «Цеха поэтов», состоящий из 31 имени, еще 5 членов называются на основании воспоминаний Ахматовой о Мандельштаме. В «цеховом» журнале «Гиперборей» печатались также поэты, перечисленные далее (еще 5 имен²). Вероятно, можно полагать, что этими именами более или менее реальный состав «Цеха» и исчерпывается. Естественно, большая часть их в комментировании не нуждается; первоначальные биографические сведения о других сообщены автором «Заметок» и в статьях РП. Однако, как кажется, никто до сих пор не обратил внимания на то, что среди цеховиков можно обнаружить ряд поэтов, объединенных немаловажным фактором: близостью к оккультизму в разных его изводах.

Действительно, в журнале «Вестник теософии» печатались В. Гарднер³ и С. Гедройц⁴, о разного рода мистических опытах А. Скалдина поведал Г. Иванов (и вряд ли его рассказы могут здесь быть полностью вымышленными). Есть основания считать даже по тому срав-

нительно мало известному материалу, который у нас имеется, оккультистом Грааль-Арельского⁵, внушает известные подозрения на этот счет и беглое упоминание о том, что Н. Бруни был эсперантистом⁶. Ср. также в автобиографии Б. М. Зубакина, о действительном членстве которого в «Цехе» нам ничего не известно: «Был при основании Цеха поэтов с поэтами С. Городецким, Н. Гумилевым, Б. Верхоустинским, А. Ахматовой и др.»⁷.

Если выявление и описание связей этих поэтов с оккультизмом принадлежит будущему, то уже сейчас возможно сделать подобное с одной из периферийных фигур «Цеха», поэтессой Ниной Рудниковой. Впервые введший ее имя круг членов «Цеха поэтов» Р. Д. Тименчик, сообщает лишь, что «участие Нины Рудниковой в ЦП, если оно хоть в какой-то степени и реально, — явно случайно. Представление о качестве ее стихотворной продукции можно получить по ее (совместной с Гавриилом Елачичем) книжке *Люцифер и антихрист* (Прага, 1915), по ее стихам на «древне-египетские» темы (*Новое слово* 7, 8 [1914] и др.) и по позднейшим публикациям, например, в альманахе *На чужбине* 1 (Ревель, 1921)»⁸.

Меж тем она сыграла весьма значительную роль в русском оккультистском движении, особенно в годы эмиграции. Она была одним из самых активных сотрудников начавших издаваться в тридцатые годы в Белграде сборников «Оккультизм и Йога», и ее произведения печатались там долгое время, даже после смерти⁹. Приведем наиболее существенные фрагменты из развернутой статьи ее памяти, принадлежащей перу А. М. Асеева, известного литературоведа как адресат нескольких писем А. А. Кондратьева, опубликованных в извлечениях Г. П. Струве¹⁰.

«В текущем 1960-ом году русское оккультное Зарубежье отметило печальный юбилей, одну из своих наиболее тяжких утрат за последнее двадцатилетие, — ровно 20 лет тому назад ушла с физического плана Нина Павловна Рудникова-Иксуль. Она скончалась 15 июля 1940 года в Кенигсберге. <...> Она была не только выдающейся сотрудницей нашего сборника, не только блестящим идеологом нашего эгрегора, но считалась, воистину, одним из крупнейших идеологов всего русского Зарубежья, оккультистом большого потенциала; кроме того, она была талантливым литератором и публицистом, поэтом милостью Божией, овладевшим мастерством чеканного стиха и сумевшим сказать свое слово, красивое и сильное; она пользовалась известностью и как большой души терапевт, познавший тайну исцеления; ее знали и как незаурядного общественного деятеля. Вместе с тем, она была исключительно скромной в жизни и вела свою работу, предпочитая оставаться в тени <...>

Вот основные линии ее жизни. Еще девушкой, в России, вступила она на путь Сокровенного Знания. Первые ступени его прошла в

С.-Петербурге под руководством маститого русского эзотерика Григория Оттоновича Мебеса, более известного под псевдонимом Г. О. М.¹¹. Вскоре она сделалась его любимой и самой выдающейся ученицей. Здесь она познакомилась с близким учеником Григория Оттоновича — с Гавриилом Александровичем Елачичем*¹² — и вскоре вышла за него замуж. В 1918 году вместе со своим мужем и двумя малолетними дочерьми Надеждой (Найей) и Еленой (Иолой) Нина Павловна бежала из Петрограда в имение «Лединки-Ледимыши», а затем, когда к имению подходила Северо-Западная Армия, им удалось бежать дальше, в Эстонию. Из имения они бежали, как говорится, «в чем были». Гавриил Александрович, который уже тогда примкнул к Северо-Западной Армии, прискакал в имение верхом за своей семьей, но смог взять с собою на седло только Нину Павловну, тогда как детей пришлось оставить у соседей и только много позже удалось перевезти их в Эстонию. Все рукописи Нины Павловны и Гавриила Александровича, вывезенные ими из России, были наспех закопаны в имении и, увы, остались там навеки.

Семейная жизнь Нины Павловны сложилась неудачно, и она вынуждена была развестись¹³. Вскоре после этого Гавриил Александрович переехал в Белград (Югославия), а обе девочки остались в Эстонии с матерью. Вторично Нина Павловна вышла замуж за барона Андрея Владимировича Иксуля, тоже эзотерика и крупного общественного деятеля. По-видимому, все они — и Нина Павловна, и Елачич, и Иксуль — принадлежали к одной кармической группе и уже неоднократно воплощались на земле одновременно. Во втором браке Нина Павловна родила сына, который впоследствии сделался оккультистом и теперь проживает в Австралии. К сожалению, и этот брак оказался не особенно удачным...

В Эстонии Нина Павловна пользовалась репутацией самого авторитетного эзотерика, и все серьезные оккультные ячейки считали ее своим духовным вождем. Из года в год вела она интенсивную духовную работу, имела много учеников и для нескольких групп слушателей читала (по-русски) систематический курс эзотеризма (теоретический и субъективно практический); слушателями ее были главным образом эстонцы, владеющие русским языком.

Нина Павловна постоянно жила в столице Эстонии — Таллине (Ревеле), но почти каждое лето проводила на побережье Балтийского моря и там, сидя на песке, под рокот волн, написала свои лучшие произведения¹⁴. Она всегда жила в довольно тяжелых материальных условиях, но это мало отзывалось на размахе ее творческой деятельности. Главной целью своей жизни она считала идеологическое объе-

* Крупный русский эзотерик; убит немецкой авиабомбой в Белграде 6 апреля 1941 г. — *Примеч. А. М. Асеева.*

динение Востока и Запада и неоднократно проводила эту идею в своих произведениях. Творчество ее было весьма плодотворным. Она написала книгу о Великих Арканах Таро — огромный идеологический труд, подобный «Энциклопедии Оккультизма» Г. О. М., но еще синтетичнее, серьезнее, глубже и субъективнее*. Ее перу принадлежит немало замечательных эзотерических статей, очерков и этюдов, философских диалогов в стихах, трагедий и мистерий, сборник поэм об одиноких и пять сборников мелких идеологических стихов: «Чаша Сердца», «Струны Вселенной», «Песни Земли», «Песни Моря» и «Андрогина». Писала она не только стихи, но и художественную прозу <...> Ее идеологические произведения — духовный концентрат, напиток большой крепости и силы, не все способны пить его в чистом виде, многим приходится разбавлять его водой.

В Эстонии Нина Павловна долгое время занималась лечением психической энергией (так называемым магнетизмом). Она не имела диплома врача и потому работала совместно с одним эстонским медиком — доктором Ласманом, который учился у <нее> великому искусству оккультного лечения**. Лечила она не только непосредственно проводом рук, но и излучением на расстоянии. Больных было много — и почти все со смертными приговорами от врачей. Одно время Нина Павловна собиралась открыть в Таллине Институт для лечения психической энергией, но, к сожалению, этот замысел не удалось осуществить.

Судьба огромного духовного наследия Нины Павловны печальна, — почти все неопубликованные произведения ее погибли. В начале войны она переехала из Эстонии в Германию и перевезла туда с собой все свои рукописи; чувствуя приближение смерти, она передала их на хранение своему мужу А. В. Иксулю. К сожалению, последний недолго пережил Нину Павловну — он скоропостижно скончался в феврале 1941 года. Все-таки перед смертью он успел передать рукописи на хранение младшей дочери Нины Павловны Елене (Иоле), которая в то время уже вышла замуж за прибалтийского немца Владимира Шварца. В конце войны она оказалась в Познани (Польша), оккупированной тогда немцами. Ей удалось бежать оттуда на Запад, когда к Познани приближались уже советские войска (во

* Нина Павловна всегда очень любила и уважала своего учителя Григория Оттоновича, но считала, что он несколько грешит эффектностью и может соблазнить на устаревшие приемы магии. — *Примеч. А. М. Асеева.*

** К сожалению, совместная работа Нины Павловны с доктором Ласманом продолжалась недолго. Она мне сообщила, что «придется на время прекратить свое лечение, так как Правительство стало сильно преследовать, под давлением обозленных и завистливых аллопатов, всех магнетизеров и гомеопатов, которых просто выселяют из городов и таким образом лишают практики <...>». — *Примеч. А. М. Асеева.*

второй половине января 1945 года). Под обстрелом она кое-как добралась до вокзала с рюкзаком на спине, ребенком и маленьким чемоданчиком в руках, в который наспех были засунуты случайные вещи. Отходил последний, до отказа переполненный поезд: люди стояли на ступеньках, сидели на крышах вагонов, висели на буферах. Иоле не удалось туда втиснуться, но в последнюю минуту, когда поезд уже тронулся, над нею сжалились и втащили вместе с ребенком в окно вагона. Конечно, все свои вещи, в том числе и рукописи своей матери, она бросила в Познани на произвол судьбы. След их теряется, — очевидно, все погибло...^{*15} <...>

Физическая причина смерти Нины Павловны нам известна: она скончалась в больнице от рака печени. Но нам не вполне ясны оккультные причины и целесообразность ее ухода...¹⁶

В том же номере «Оккультизма и Йоги» напечатаны и «Воспоминания о Н. П. Рудниковой», принадлежащие перу К. Срезневской-Зеленцовой, которые также приведем с сокращениями, касающимися собственно оккультных проблем, нас занимающих лишь в малой степени:

«Первая наша встреча произошла без малого сорок лет тому назад в Ревеле, вскоре после окончания Гражданской войны на Северо-Западном фронте.

В это время организовывался кружок по изучению «Тайной Доктрины» Е. П. Блаватской. По делам кружка я пришла к знакомым, нашим сочленам, и в вестибюле почти столкнулась с уходившей дамой, сразу поразившей меня своей внешностью. Небольшого роста, очень смуглая, с громадными темными глазами, она, казалось, сошла с какой-то египетской фрески, до того это был чисто выраженный древнеегипетский тип. Нас познакомили, и мы обменялись обычными фразами, и, уже после ее ухода, хозяйка дома мне рассказала о госте. Н. П. Рудникова-Елачич руководила кружком по изучению Великих Арканов Таро, который собирался в их доме; она была ученицей Г. О. М., личности в то время почти легендарной среди нас. <...>

Мы встречались еще несколько раз с Ниной Павловной и ее мужем, Гавриилом Александровичем, тоже учеником Г. О. М. и глубоким эзотериком. Но через некоторое время они разошлись. Г. А. Елачич уехал из Эстонии, а Н. П. Рудникова вышла замуж за барона А. В. Иксуль и уехала в его имение. <...>

В течение нескольких лет мы с Ниной Павловной не встречались, но она как-то невидимо присутствовала при многих наших разговорах и спорах в Кружке. Это была такая крупная, оригинальная и

* В Эстонии до войны некоторые рукописи Нины Павловны ходили по рукам и переписывались ищущими Знания <...>. — *Примеч. А. М. Асеева.*

захватывающая личность, что, вошедши раз в чью-нибудь жизнь, хотя бы недолгим разговором, она оставляла навсегда какой-то след, какое-то «присутствие». Быть может, это объясняется тем, что в петербургский период, в школе Г. О. М. и самостоятельно, она много занималась бело-магической работой и обладала немалой магической силой. <...>

Некоторые из ее друзей не сочувствовали ее второму браку, и произошло охлаждение. Но это не уменьшило силы ее «присутствия».

Она появилась опять так внезапно, как и исчезла: она ожидала ребенка и приехала проститься с бывшими друзьями, от нее отошедшими. Она была уверена, что умрет в родах. Она ошиблась: умер только ребенок, а ее удалось спасти¹⁷.

Вскоре Нина Павловна с мужем и дочерьми от первого брака переехала в Ревель окончательно и возобновила свою эзотерическую деятельность и свои духовные связи.

Мне представляется, что ее второй брак имел для нее важное эзотерическое значение. Барон Икскуль был тоже глубоким эзотериком, но принадлежал скорее к восточной Традиции. <...> Это повлияло на Н. П. как бы расширяющим образом. Она стала искать и находить то Великое Общее обеим Традициям, ту Истину, которая принадлежит всем человеческим исканиям.

Раз, встретив Нину Павловну у знакомых, я пригласила ее войти в наш Кружок Тайной Доктрины. На это она, улыбнувшись, сказала, что у нее странное свойство — разрушать те организации, куда она входит <...>

Ввиду разных обстоятельств, наша семья стала думать о переселении в Бразилию. Вскоре после того, как это было окончательно решено, мы как-то встретились с Ниной Павловной, и она меня до крайности удивила, сказав, что она хочет передать мне на хранение Учение Минорных (Малых) Арканов Таро, как это читал Г. О. М. небольшой группе своих избранных учеников уже во время войны <...>

Вообще литература по Великим Арканам очень богата. Но Учение Малых Арканов, как его передавал Г. О. М., согласно Традиции Ордена Мартинистов, вообще, поскольку мне известно, на русском языке не существует. Все, что мне удалось найти впоследствии о Малых Арканах <...> традиционно рассматривает Малые Арканы (т. е. игральные карты) с точки зрения гадания, хотя бы в очень глубоком эзотерическом аспекте. <...>

Работа наша длилась несколько месяцев. Она говорила, иногда чертила или давала рисунки, иногда даже диктовала. Я записывала и делала заметки для дальнейшей разработки. Н. П. любила парадоксы, яркие сравнения, часто неожиданно освещавшие трудно понятные места. <...>

Когда наша работа подходила к концу, Н. П. взяла с меня слово, что это Учение Малых Арканов я буду хранить для передачи только достойным этого <...>

Так прошло четверть века; исписанные тетради хранились в моем письменном столе. <...> А затем, почти чудесным образом, ко мне съехались для сотрудничества как раз те, может быть, единственные в русской эмиграции люди, которые могли помочь мне в работе «сохранения Учения».

То, что было не под силу сделать одной, мы сделали вдвоем, и Учение Малых Арканов Таро, наследие Г. О. М. и Н. П. Рудниковой, уже в законченном разработанном виде ждет издания, которое мы надеемся осуществить для ограниченного круга русских эзотериков зарубежья.

Думаю, что это будет лучшим венком на могилу Г. О. М., погибшего в советской ссылке, и на безвременную могилу Нины Павловны Рудниковой»¹⁸.

О литературной и оккультной биографии Рудниковой вполне возможно собрать и некоторые другие данные. Так, находившаяся в постоянном контакте с Асеевым жена Н. К. Рериха Елена Ивановна в одном из своих писем 1937 года говорила: «Вероятно, Вы уже получили извещение об основании Н. П. Рудниковой нового Общ. «Солнечный Путь». <...> Хотя по ее интеллектуальному уровню она могла бы собрать около себя культурнейших людей, но среди ее последователей имелся некий А. П., именно с этим типом была УКА-ЗАНА величайшая осторожность, о чем я в свое время писала. Посмотрим, во что выльется это новое начинание Н. Рудн. Она уже не раз начинала, но как-то у нее все разваливалось»¹⁹; «Г-жа Рудникова написала мне, и я ответила. <...> Откровенно скажу Вам, письмо ее огорчило меня, ибо в нем она слишком развязно, по-обывательски говорит о столь Сокровенном, столь Высоком для нас понятии Великого Бр[атства]»²⁰, и пр. Имя ее неоднократно встречается и в других местах переписки, и отношение Е. И. Рерих (именно она в основном вела «низкие» темы эпистолярия) к Рудниковой по большей части было не самым благожелательным. В 1929 году находим ее имя среди членов поэтического таллинского кружка «Чугунное кольцо»²¹, о чем, к сожалению, сведений весьма немного.

Как кажется, приведенные материалы раскрывают некоторые особенности того эзотеризма, который мог входить в «Цех поэтов» под влиянием личности и — в меньшей степени — творчества Н. П. Рудниковой. Надо прямо сказать, что с литературной точки зрения ее произведения не представляют собой не только ничего выдающегося, но и находятся на уровне «ниже нуля» (как, впрочем, и подавляющее большинство собственной поэзии оккультистов, насколько она нам известна). Но очевидно, что далеко не все исчерпывается в подобных

случаях собственно литературными достоинствами. Свидетельства о непосредственном воздействии личности некоторых оккультистов (прежде всего, конечно, на русской почве — А. Р. Минцловой) приоткрывают перед нами возможные направления исследования той самой потаенной и, казалось бы, навсегда утраченной атмосферы, которая окружала русскую поэзию начала XX века.

Однако для нас наиболее существенно отметить, что оккультный субстрат в «Цехе поэтов» был столь значителен, что пренебрегать им ни в коем случае не следует. При этом стоит сказать еще и о том, что появление авторов, связанных с оккультизмом теснейшим образом, было вызвано не только принципиально безразличным отношением синдикатов к принципам поэтики, как то было на первых порах. Имена Скалдина, Гарднера и Рудниковой появляются, «видимо, после кооптации новых членов ЦП 16 февраля, 1913 г.»²², то есть уже после появления акмеистических манифестов, что заставляет окончательно похоронить версию о сугубо акмеистическом характере объединения. Уместно будет напомнить, что в статье Гумилева «Наследие символизма и акмеизм» добрая четверть текста посвящена размежеванию с символизмом именно на этой почве, начинаясь с весьма неодобрительного: «Русский символизм направил свои главные силы в область неведомого. Попеременно он брался то и мистикой, то с теософией, то с оккультизмом»²³.

Сложившаяся ситуация, таким образом, выглядит весьма любопытной и наводящей на размышления. Не подлежит сомнению, что ранний период творчества Гумилева в значительной степени проходил под знаком увлечения оккультными теориями. Однако затем он, как может показаться, рассчитывается с ними как с принципом творчества в собственно акмеистический период (начиная с 1912 года, т. е. приблизительно после выхода в свет «Чужого неба» в апреле), чтобы снова хотя бы отчасти вернуться в стихах последних лет. Однако постоянное присутствие на заседаниях «Цеха поэтов» оккультной «фракции», не говоря уже об атмосфере повседневно мистического, о которой с такой злой иронией, но и с показательной настойчивостью рассказывает Г. Иванов в различных очерках, заставляет поставить на дальнейшее размышление вопрос о соотношении акмеизма с мистикой и оккультизмом в различных изводах.

Вероятно, далеко не случайно, что для подборки «действительно акмеистических стихов» в третьем номере «Аполлона» 1913 года Гумилев выбрал первоначальный вариант «Пятистопных ямбов», где столь откровенны масонские мотивы. В отличие от, скажем, «Средневековья», где, в полном соответствии с акмеистической программой, масонская тема объективирована и отчуждена от автора, «Пятистопные ямбы» делают ее внутренним достоянием лирического героя (который здесь, кажется, вполне может быть приравнен к ав-

тору). И не случайно в демонстративно акмеистическом «Колчане» Гумилев полностью переделывает вторую половину стихотворения, превращая масонские мотивы в наглядно православные («золотой и белый монастырь» последней строки).

Не имея возможности безоговорочно настаивать на своей правоте, все же предложим взглянуть на список «Цеха поэтов» как на своеобразный конгломерат поэтических мотивов, претворившихся в творчестве Гумилева прежде всего.

В таком случае будет очевидно, что некоторые тематические узлы, характерные для «фракций» или отдельных заметных индивидуальностей, можно рассматривать как существенные составные части поэтической индивидуальности самого синдика. Сюда, безусловно, относятся Клюев с его народными темами²⁴, футуристические Хлебников и Николай Бурлюк²⁵, эстетизированные Г. Иванов и Курдюмов (вероятно, под тем же углом зрения мог рассматриваться и Кузмин в свете известного обозначения его поэзии как салонной²⁶), образчик петербургской богемы Потемкин, многочисленные поэты, связанные с традициями символизма, среди которых особенно выделялся, конечно, Вл.В. Гиппиус²⁷. И при таком взгляде «окультурная фракция» также будет выглядеть совсем не случайной составной частью «Цеха».

ОБ ОДНОМ ИЗ ИСТОЧНИКОВ ДИАЛОГА ХЛЕБНИКОВА «УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК»

Впервые этот диалог был опубликован отдельной брошюрой в 1912 году, чуть позже перепечатан в сборнике «Союз молодежи» и неоднократно воспроизводился в дальнейшем¹. Значение его как для хлебниковского творчества, так и для всей исторической судьбы русского футуризма, несомненно, чрезвычайно значительно. Напомним, что именно здесь было впервые внятно для широкой публики сформулировано понятие внутреннего склонения слов, а также приведены некоторые хронологические рассуждения «Ученика» (безоговорочно отождествлявшегося с Хлебниковым), причем завершались эти рассуждения фразой, которая задним числом была определена как истинно пророческая: «Но в 534 году было покорено царство Вандалов; не следует ли ждать в 1917 году падения государства?»

Именно от этого «разговора» ведет начало вся линия «досок судьбы», в последнее время совершенно справедливо осознаваемая как одна из существеннейших для понимания сути и смысла хлебниковского творчества вообще².

Однако в известной нам литературе об источниках исторических размышлений Хлебникова говорится лишь в самом общем плане, тогда как существует, судя по всему, возможность перевести суждения о них на более очевидный уровень. Особый интерес в этом отношении представляет для нас один текст, принадлежащий видному представителю оккультного мира Петербурга конца девятисотых и всех десятых годов, с которым Хлебников почти наверняка был знаком по кругу Вяч. Иванова, — поэту Б. А. Леману, писавшему под псевдонимом Борис Дикс, автору книг стихов «Ночные песни» (СПб., 1907) и «Стихотворения» (СПб., 1909)³. Появился он в начале 1911 г., то есть совсем незадолго до «Учителя и Ученика», и назы-

вался «Из книги, написанной золотыми и красными буквами». В предисловии, подписанном «Б. Леман», излагалась история, стилизующая многочисленные «свидетельства» о древних рукописях, попадавших тем или иным путем в руки оккультистских авторитетов: «Рукопись эта представляет собою семь небольших, весьма пострадавших от времени, лоскутков пергамена, исписанных лишь с одной стороны арамейским письмом, эпохи последних Логидов, с более поздними комментариями на греческом языке, сделанными на ее полях и частью на чистой обратной стороне листков. <...> По своему содержанию означенная рукопись является, по всей вероятности, не оригинальным произведением, а лишь позднейшим списком одной из эзотерических книг древних храмов Египта. Также нельзя не отметить ее близости к учению пифагорейских школ и их апологету Аполлонию Тианскому»⁴.

Опубликованный далее «Отрывок первый о “числе семь”» представляет для нас интерес прежде всего как своеобразная «предыстория» хлебниковского диалога, ибо этот отрывок представляет собой разговор Учителя и Ученика, в котором ведущую роль играет Учитель, раскрывающий тайный смысл числа «семь»: «Вознеси же Три Имени Вечного над четырьмя именами стихий и ничего более не желай из того, что на четырех первых ступенях великого пути восхождений. Ибо ты отныне уже прошел их»⁵.

Но гораздо более существен для Хлебникова был второй и последний из опубликованных в «Изиде» (нам неизвестно, существовало ли продолжение этого текста) отрывок, названный «О государстве».

Во-первых, он отходит от той схемы безоговорочного превосходства Учителя над Учеником, которая была в первом диалоге. На этот раз они выступают на более или менее равных основаниях. Конечно, и здесь главенствует точка зрения Учителя, но и Ученику позволено донести свою (восходящую к мнению «чужестранца») точку зрения на государство.

Во-вторых, сама тема обсуждения Учителя и Ученика — государство — находится в центре хлебниковского диалога. Правда, аспект рассмотрения выбран совсем иной, но сходство тем не менее очевидно.

Наконец, в-третьих, тема обсуждения, не находящая прямых откликов у Хлебникова, безусловно, входила в круг вопросов, интересовавших не только Хлебникова, но и любого иного мыслителя, хоть сколько-нибудь интересующегося проблемами современного государства. У Лемана речь идет о точке зрения некоего «чужестранца», которая сильно воздействовала на Ученика: «Он весьма красноречиво восхвалял мне равенство, где все подобны друг другу, и говорил <...> что только в повиновении своему гению закон каждого человека. Он отрицал наши законы и со смехом сказал: — если, как ты утверждаешь, боги избирают царей, то почему же сын наследует власти отца...»⁶

Учитель отвечает ему на это: «Вот закон подчинения и закон власти».

Запомни же числа его в их верном порядке⁷, ибо они ведут к выходу.

Те, что назвали себя по цвету своему, ибо тела их были подобны красной земле. Это последние, что видели Бога в силе и в сиянии славы. Но на них была также мощь гнева Его, изливающаяся, как многие воды. И они поражены и уничтожены в своей гордости.

Это те, что передали закон власти одного, но, когда они передали его, он уже не был чист и стал началом разложения, ибо в нем было не избрание Бога, но избрание крови, которая подчинена смерти».

Как кажется, бóльших доказательств близости двух текстов, чем их общее интонационное построение, и не требуется. Достаточно вспомнить у Хлебникова: «Я искал правила, которому подчинялись народные судьбы. И вот я утверждаю, что года между началами государств кратны 413» — и далее. Очень сходны по интонации и функции реплики второстепенного персонажа, хотя у Хлебникова это всегда слова Учителя, заинтересованного в открытиях своего Ученика, а у Лемана Учитель и Ученик меняются функциями: то Ученик рассказывает Учителю о своих проблемах, а Учитель поощряет его вопросами: «Что же еще говорил тебе чужестранец?» (ср. у Хлебникова: «Что же ты сделал? Расскажи» и т. д.), то краткие вопросы, свидетельствующие о предельной заинтересованности, задает Ученик: «Открой же нам знаки вождя тех, что начали восхождение» (ср. хлебниковское: «К каким еще случаям ты применил свой закон?»).

Существенно и то, что диалог Хлебникова кончается совершенно неожиданно, без внешней логики (хотя внутренняя, конечно, тут есть) — обменом двумя краткими репликами:

У ч и т е л ь. Но что за книга у тебя на коленях?

У ч е н и к. Крижанич. Я люблю говорить с мертвыми».

Этому внезапному обрыву, а также свободному переходу от одной темы к другой внутри самого диалога у Лемана соответствует общая фрагментарная форма повествования, которое начинается с середины фразы и так же обрывается. Отметим и помету в начале «Учителя и Ученика» — «Разговор I», тогда как части повествования Лемана имели подзаголовки «Отрывок первый о числе семь» и «Отрывок второй», то есть и там, и там предполагалось продолжение, которого так и не последовало.

Такая близость диалогов двух поэтов провоцирует на попытки поиска за этими двумя текстами и того, что могло бы являться их общим источником. Если Леман этого не скрывает (как в самом тексте предисловия, так и публикацией в специальном оккультическом журнале), то Хлебников здесь более загадочен.

Однако, как кажется, при попытках определения того, что послужило источником всех исторических концепций Хлебникова, следу-

ет обратить внимание на достаточно очевидное: при операциях с датами, числами, представлениями о языке и пр. Хлебников весьма часто отталкивается от того, что было общим местом в оккультной литературе, чрезвычайно популярной в России в десятилетия и доступной поэту во множестве изводов.

Собственно говоря, и сам он в конце «исторической» части «Учителя и Ученика» устами Ученика достаточно откровенно говорит о том, что послужило первопричиной всех вычислений:

«Учитель. Целое искусство. Но как ты достиг его?

Ученик. Ясные звезды юга разбудили во мне халдеянина».

Отсылка к очнувшейся традиции халдейской астрологии уже сама по себе достаточна, чтобы попробовать осмыслить те законы «древней мудрости», которые так или иначе могли отразиться в творчестве Хлебникова, и интуитивно, в подтексте, это, несомненно, ощущается современными исследователями. Так, вряд ли может быть случайным, что одна из статей Р. В. Дуганова именуется «Хлебников и Ахматова (из астрологических заметок)»⁸. Кстати говоря, определение «звездный язык» было вполне обычным при разговоре об астрологии, потому не исключено, что и хлебниковский «звездный язык» имеет отношение к ней.

Тема цикличности исторического развития мира вообще является одной из центральных во всей оккультной литературе, и прежде всего, конечно, в «Тайной Доктрине» Е. П. Блаватской, произведении во многом центральном для всего европейского оккультизма и достаточно хорошо известном по русским частичным переводам самому широкому кругу читателей. Примеры пересечений числовых выкладок Блаватской и Хлебникова могут быть настолько многочисленны, что заниматься их обнаружением и гипотетической интерпретацией мы оставляем иным авторам, лишь обозначая здесь данную тему. Ограничимся лишь достаточно убедительными, на наш взгляд, параллелями. Так, известно, какую роль в символике Хлебникова играло число 317. Вместе с тем у Блаватской читаем: «Действительно, возьмем ли мы отдельно 4 или же 3, как таковые, или же и то и другое вместе, составляющие 7, или же все три вместе, 4, 3, 2, дающие 9, но все эти числа имеют свое приложение в самых сокровенных оккультных вопросах и рекордируют работу Природы в ее вечно периодических проявлениях»⁹.

Но далеко не только отдельные числа и их соединения путем простейших арифметических действий существенны для Блаватской, но и опирающиеся на Каббалу или пифагорейство (не беремся, однако, определять степень соответствия истинным доктринам) более сложные вычисления, часто со ссылками на другие авторитеты¹⁰.

Стороннему наблюдателю такие числовые выкладки кажутся чисто произвольными, однако для человека, склонного видеть какую-то их оправданность, должно быть существенным стремление испра-

вить недочеты в вычислениях путем как исправления самих формул, так и применения иных значений вместо ранее принятых.

Конечно, Хлебников вполне мог самостоятельно получить представления о той или иной системе числовой магии и следовать ей, однако кажется более резонным предположить, что в первую очередь разного рода оккультные тексты могли натолкнуть его на собственные вычисления, поскольку именно для оккультизма было чрезвычайно важно убеждение, что история развивается циклично и нуждается в осознании этой своей природы.

Отметим также, что искания футуристов в области языка (не только Хлебникова, но и других авторов) также вполне могут быть возведены ко многим рассуждениям Блаватской. В частности, заслуживает, на наш взгляд, особого внимания аналогия между «венерианским» языком у позднего Гумилева и футуристическими опытами, отмеченная и проанализированная Р. Д. Тименчиком¹¹. Как показывает параллельное чтение Гумилева и Блаватской, на самом деле его «язык из одних только гласных» в точности соответствует тому, что было описано основательницей Теософического общества в «Тайной Доктрине»¹². Таким образом, между футуризмом и оккультизмом протягивается еще одна ниточка, нуждающаяся в дальнейшем изучении.

Не лишено вероятия, что чтение «Изиды» проецируется и на многие разыскания Хлебникова в области создания особой поэтики, где числа и буквы образуют принципиальное единство, служащее способом проникновения в тайны мира. Не исключено, конечно, что сведения эти (или сходные) были почерпнуты Хлебниковым из другого источника, однако фрагменты, которые мы хотели бы привести, на наш взгляд, весьма показательны в той сфере, где Хлебников почитал себя крупнейшим специалистом и отчасти даже пророком.

Итак, в журнале «Изида» за 1912 год читаем: «Бог, Который есть единство и сама простота, для достижения Своих целей употребляет средства самые простые. Продукт Его творчества есть вселенная, весь космос, заключающий в своем единстве три мира: Тео-космос, или мир божественный; Урано-космос, или мир небесных сил, и Астро-космос, или мир матерьяльный, — все это зиждется на одном законе, тройственном, потому что он истинен, — на законе <...>¹³.

Если мировое творчество есть действительно приложение и выражение закона <хет>, если оно в то же время есть реализация божественного слова, выраженного и, так сказать, сделавшегося осязательным, то это божественное слово необходимо должно раскрыть тот тройственный закон, о котором мы только что упомянули.

И вот, 22 есть первое и простейшее из чисел, в котором этот закон обнаруживается. Разделим 22 на 7, которое есть число небесных сил, действующих в осязаемой вселенной, и мы получим: 3,1428. Возьмем десятичную дробь этого числа — 0,1428 и умножим на 22;

получим: $0,1428 \times 22 = 3,1416$, которое означает отношение окружности к радиусу.

Скажут, что это случайность; но тогда, пожалуй, надо приписать случайности и то, что одно из имен, которыми древние школы обозначали Созидающее Слово, было именно ShoDal. На этом слове истошилось терпение раввинистов, которые, отчаявшись найти его значение, перевели его просто Господь, между тем при сложении значения его буквально получается 314. <...>

Случайно и то, что ISHO, божественное слово, рассматриваемое в Астро-космосе, дает таким же путем 316. <...>

Мы, с своей стороны, рассматриваем 22 буквы еврейского алфавита и соответствующие им числа как буквы божественного Слова; и, так как это слово есть живая творческая сила, вечная и абсолютная, то буквы представляют силы, живые универсальные сущности, производящие своими комбинациями миры как выражения божественной мысли, подобно тому, как наши буквы производят слова, выражения наших мыслей»¹⁴.

Не только связь между буквами и числами, но и попытки представить еврейский алфавит как средоточие истинного смысла вселенной, а также числа, появляющиеся в этом контексте и близко подходящие к хлебниковскому 317, должны, как кажется, привлечь внимание исследователей творчества поэта. Имеет смысл также упомянуть и постоянный интерес оккультистов к проблемам всемирного языка, пусть даже это будет вполне реальный язык эсперанто¹⁵.

Как нам представляется, установление источника одного из наиболее принципиальных произведений Хлебникова позволяет проложить путь к новому осмыслению его исканий в области миропостижения, очень во многом определивших всю ту картину мира, которая столь ярко рисуется в его произведениях.

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К СТИХОТВОРЕНИЯМ ХОДАСЕВИЧА

«Эпизод» — одно из центральных стихотворений сборника Вл. Ходасевича «Путем зерна» — хорошо известно, не раз воспроизводился и автокомментарий к нему, сделанный Ходасевичем для Н. Н. Берберовой. Но все же напомним этот текст: «Впервые читал на вечере у Цетлиных под «бурные» восторги Вяч. Иванова (с воздеванием рук). Потом с этими стихами ко мне приставали антропософы. Это по-ихнему называется отделением эфирного тела. Со мной это случилось в конце <19>17, днем или утром, в кабинете. 25 янв<аря> написал целиком, днем, и тотчас за ним — «К Анюте». Один из самых напряженных дней в моей жизни. 28-го только отделал»¹.

Казалось бы, обстоятельства описаны совершенно ясно, и остается только прояснить некоторые темноватые для нынешнего читателя моменты (что и было нами сделано в соответствующих комментариях²). Однако при внимательном перечитывании записей Андрея Белого о собственной жизни обнаружили некоторые подробности, которые, видимо, могут расширить наши представления о месте и значении этого стихотворения Ходасевича для русской поэзии.

Но прежде всего — о том, что такое на жаргоне оккультистов «эфирное тело» и как происходит его отделение. Выразительно описала это Анни Безант, с трудами которой был хорошо знаком (и даже ссылался на них) Андрей Белый. Правда, у нее идет речь о теле не «эфирном», а «астральном», но для наших целей это пока что безразлично: «Астральная сфера представляет собою космическую область, ближайшую к физической, если слово «ближайшая» возможно допустить в этом смысле. <...> Кроме того населения астрального мира, которое можно было бы назвать нормальным, есть там и проходящие путники, привлеченные туда различными задачами <...> Некоторые

из этих временных посетителей появляются из нашего же земного мира, тогда как другие спускаются из высших миров. Из числа первых многие принадлежат к Посвященным разных степеней, причем некоторые из них — члены Великой Белой Ложи гималайского или тибетского Братства, как его часто называют, тогда как другие состоят членами различных оккультных лож, рассеянных по миру <...> Все эти люди, живущие в физическом мире, которые научились покидать физическую оболочку по своему желанию и действовать с полным сознанием в астральном теле. <...> Сознание, заключенное в свою астральную оболочку, ускользает из физического тела, когда последнее впадает в сон, и переходит затем в астральную сферу; но сознание остается закрытым для окружающего, пока астральное тело не достигнет достаточного развития, чтобы проявляться независимо от физического тела»³.

Подробное описание астрального тела у людей разного уровня подготовленности, дающееся далее, нас уже не слишком интересует, поскольку в стихотворении Ходасевича, с точки зрения адепта «тайных наук» (к чему сам автор относится откровенно иронически, на что указывает форма «по-ихнему»), описывается произвольное отделение астрального тела, характерное для человека с неразвитыми оккультными способностями.

Приведем выдержку из статьи в оккультном журнале, касающуюся интересующего нас явления: «Выделение астрального тела может быть двух родов: произвольное и произвольное. <...> Произвольное и бессознательное выделение — факт, гораздо чаще встречающийся <...> чем этого бы можно было ожидать. Оно часто происходит под влиянием сильного потрясения, во сне или при различного рода заболеваниях, особенно нервных. <...> Удалось неопровержимо доказать столь давно проповедуемую оккультистами идею, что физическое тело само по себе бесчувственно и мертво и что чувствительность и жизнь, заключающиеся в нем, принадлежат высшим принципам нашего существа»⁴.

Чтобы покончить с описаниями отделения оккультного тела, приведем еще одно, опубликованное в журнале, который, вполне возможно, был в поле зрения Ходасевича, поскольку в нем несколькими годами ранее печатался Брюсов, а как раз в это время неоднократно шла речь об издательстве «Гриф», с деятельностью которого поэта связывало очень многое. Итак, приведем фрагмент повествования, принадлежащего французскому исследователю медиумических явлений: «У некоторых сенситивов, усыпленных магнетическими пассажами или соответствующими электрическими токами, замечается экстериоризация какого-то полуматериального агента, который, по-видимому, и есть агент чувствительности. <...> Этот полуматериальный и невидимый агент (назовем его, по примеру Рейхенбаха и Дюпреля, — «одом») у некоторых субъектов при выведении из тела

правильно распространяется на его поверхности. <...> Недавно я делал наблюдения над одной дамой, у которой этот процесс образования двойника совершается с значительной быстротой. Тотчас по выделении из физического тела он быстро поднимался и, сгущаясь, образовывал фантом над головой субъекта. Дама эта видела отделение ода и сравнивала его движение с течением теплого воздуха в печной трубе. <...> Эти сенситивы, все без исключения, ощущают невыразимое удовольствие по достижении ими высших слоев воздуха и покидают их с великим сожалением для возврата, как они выражаются, «в эти грубые лохмотья»...»⁵ Особенно отметим в этом тексте нежелание астрального тела возвращаться в тело физическое, что находит аналогию в стихотворении Ходасевича.

Откуда же появляется определение «эфирный»? Видимо, из разъяснений Белого, который пятью годами ранее, в январе 1913 года рассказывал М. К. Морозовой: «...сопоставим учение оккультизма, основанное на *опыте*, что самый физический организм есть уплотненное элементное тело, что физическому сердцу соответствует эфирное и что связь между тем и другим такая же, как между водой и плавающим в ней из нее выкристаллизованным куском льда...» Далее графическими изображениями он показывает, что физическое тело человека окружено эфирным, оба они — астральным и т. д., продолжает: «Эти высшие тела, так сказать, торчащие из физического, пронизывая *тело* физическое и *проницая* друг друга, относятся друг к другу, как *лед к воде, вода к водяно*<ому> *пару*, пар к *газу* и т. д., и составляют окружение человека, т. е. его *ауру* (видимую при известных упражнениях)». И после нового графика, который мы не воспроизводим, он дает классификацию этих тел, от низшего к высшему: физическое тело, эфирное тело, «тело воспоминаний (эфирный мозг *подлинный орган мышления, а физический мозг* грубейший инструмент)», астральное тело, «тело *чувства* (ибо самые элементарные чувства есть все еще телесная материальность)», тело мысли «(ибо и обычная мысль есть *sui generis* материализация)», подлинное «я», за которым уже начинается сфера надындивидуального⁶.

Вряд ли Ходасевич специально вникал в тонкости различия между различными теориями, объяснявшими общее для всех оккультных доктрин представление о том, что истинная сущность человека состоит из различных уровней (тел), каждое из которых обладает определенной самостоятельностью и может восприниматься отдельно от других.

Но обратимся теперь к историческому контексту. Итак, Ходасевич читает свое стихотворение на «вечере у Цетлиных» в присутствии Вяч. Иванова. Мы не можем быть уверены на сто процентов, но существует значительная доля вероятности, что случилось это на том самом вечере «Встреча двух поколений поэтов», который проходил в конце января 1918 г. и описан во многих воспоминаниях, в том чис-

ле в «Охранной грамоте» и «Людах, годах, жизни»⁷. Документировано присутствие на нем и Ходасевича, и Вяч. Иванова, и Андрея Белого (с М. В. Сабашниковой, что немаловажно для восстановления антропософского контекста⁸). Общее место всех этих воспоминаний — громадное впечатление, произведенное на слушателей «Человеком» Маяковского, причем наиболее эмоциональной выглядит реакция Андрея Белого. Отмечено это и в современной газетной хронике: «...столкновение двух указанных крайностей (представителей «состарившихся уже течений» и «дерзателей». — Н. Б.) привело к неожиданным результатам — к признанию «стариками» футуриста Маяковского крупным талантом»⁹.

Отношение Ходасевича к Маяковскому хорошо известно и сводится (уже с самых первых впечатлений) к решительному неприятию¹⁰. Тем обиднее, вероятно, было для него, что последняя вещь Маяковского имела крупный успех, тогда как его чрезвычайно новаторское — в рамках его собственной поэтики — стихотворение оказалось практически вне поля зрения наблюдателей.

В 1927 году, когда выходило «Собрание стихов», внутренняя полемичность по отношению к Маяковскому у Ходасевича была особенно обострена, поскольку именно тогда он пишет статью «Декольтированная лошадь», где окончательно и бесповоротно сформулировано его отношение к Маяковскому (об этом свидетельствует и то, что в некрологе Маяковского повторены многие формулы предшествующей статьи). Вряд ли подлежит сомнению, что в связи с этой итоговой статьей Ходасевич должен был вспоминать весь контекст своих отношений с младшим поэтом. И в этом контексте вечер у Цетлиных становился эпизодом немаловажным.

Поэтому, думается, в записи возникают и «бурные восторги» с «воздеванием рук» Вяч. Иванова (открывавшего вечер), и реакция не названных антропософов. Для Ходасевича существенно было восстановление поспранной, с его точки зрения, справедливости, когда шарлатану и рекламисту достались восторги и признание, а сам он остался в тени.

И здесь, видимо, стоит обратить внимание на то, что для Ходасевича под «антропософами» скорее всего таится конкретный человек, а именно Андрей Белый, который — по единодушным свидетельствам мемуаристов — столь бурно реагировал на стихи Маяковского: «побледневший от переживаемого» (Д. Бурлюк), «слушал как замороженный» (Пастернак), «не просто — иступленно» (Эренбург). Конечно, Ходасевич не знал этих впечатлений разных наблюдателей, когда делал свои пометки (хотя нельзя исключить, что делались они уже после выхода «Охранной грамоты», а не сразу по выходе «Собрания стихов» в 1927 г.), но наблюдать их он, конечно, вполне мог и сам. И в той особой атмосфере, которая связывала его с Андреем Белым, существенной должна была стать верная расстановка акцентов,

причем, с присущей Ходасевичу тонкостью, он должен был эту расстановку проделать максимально изощренно. Именно этим объясняется, на наш взгляд, отсутствие прямого упоминания имени Белого в данной помете, но зафиксированные в 1920-е годы интимные воспоминания Белого дают нам возможность почти с полной уверенностью говорить о том, что именно его Ходасевич имел здесь в виду.

Стихотворение начинается строками:

...Это было
В одно из утр, унылых, зимних, вьюжных, —
В одно из утр пятнадцатого года.

(ср. помету «...в конце <19>17»), а как раз летом, в августе 1915 г., Белый испытывает особое состояние, которое довольно подробно описывает: «...август 1915 года, пожалуй, острие моей жизни, но — острие трагическое <...> Необычайная трудность коснуться мне августа 1915 года в том, что, говоря о днях жизни, я вижу каждый день окрашенным не светом или тьмой, а как бы вижу его в противоречивейших, всегда потрясающих всплесках света и тьмы, ужаса и радости, низости и высокого благородства; «Я» стоят передо мною весь август двулико: низшее «я» обнажено до самых гнусных корней своих; высшее «Я» помимо всего свершает некий акт в некоем символическом действии. <...> Я свершал некий поступок, который разыгрывался в моих глубинах так: я в символическом обряде сламываю гидру войны; я убиваю самого дракона войны, или ту государственность, которая вызвала войну со всеми ее шпиками, со всеми ее темными тайными организациями во имя 2-го Пришествия и неведомых мне форм любви и братства народов; от правильного выполнения обряда зависит самая судьба мировой истории, ибо обряд — светло магический обряд»¹¹. И одним из верных показателей столь значительных переживаний для него были происходившие с ним «состояния», возникавшие на фоне «бессонницы на почве невроза, тоски и мозгового переутомления (я ведь проделал гигантскую работу над текстами доктора, Гете, Метнера и написал книгу в 400 страниц)»¹². Напомним, что и «Эпизод» Ходасевича возникает на особом психологическом фоне: «Изнемогая в той истоме тусклой, Которая тогда меня томила...»

Вот как они описываются в «Материале для биографии...» Белого: «Я не спал до утра все лето. Теперь сон стал слетать ко мне. Между сном и бодрствованием делались состояния со мной. Я как бы свободно летал в каких-то пространствах; и — озирали окрестности»¹³ <...> В другой раз, не засыпая, я сознанием рухнул в сон без перерыва сознания; было так: вдруг точно у меня раскрылись пятки и я, как вода из отверстия¹⁴, через пятки выскочил из себя и свободно понесся по швейцарским ландшафтам <...> наконец, я пронесся в какой-то город и в нем инкорпорированный, но не в свое обличие, долго разыскиваю какую-то даму вдоль малых улочек; наконец — всхожу на

крыльцо, звоню, вхожу; меня встречает дама (я мог бы ее описать до мельчайших подробностей¹⁵); по-видимому, это была какая-то очень крупная оккультистка, ведущая огромную интригу против доктора: я ее выследил и посетил; она доверчиво мне разъясняет свои планы...» и так далее¹⁶.

Очевидно, что описываемое Белым состояние вольно или невольно проецируется на то, что описывается в начале «Последней смерти» Баратынского:

Есть бытие; но именем каким
Его назвать? Ни сон оно, ни бденье:
Меж них оно, и в человеке им
С безумием граничит разумье.
Он в полноте понятия своего,
А между тем, как волны, на него,
Одни других мятежней, своенравней,
Видения бегут со всех сторон:
Как будто бы своей отчизны давней
Стихийному смятенью отдан он.
Но иногда, мечтой воспламененный,
Он видит свет, другим не откровенный.

Для Ходасевича творчество Баратынского всегда имело особое значение¹⁷, и вряд ли можно сомневаться, что вообще тема отделения души от тела явно связана у него как с «Последней смертью», так и с другими стихотворениями старшего поэта. И восприятие своего эзотерического опыта «на фоне» опыта Баратынского должно было подсказать Белому, что и у Ходасевича присутствует та же параллель. Таким образом появляется и общее литературное поле, где индивидуальные переживания Белого и Ходасевича оказываются весьма близки.

В контексте нашей книги существует и еще одно обстоятельство, заставляющее нас говорить о том, что перед нами не просто случайное совпадение, а нечто более важное, хотя Ходасевич вряд ли об этом важном даже догадывался, но интуицией пронизательного свидетеля все-таки отметил.

Приступая к описанию своего состояния в марте—августе 1915 года (на августе повествование обрывается), Белый говорил: «...эпитет «*страннейший*», «*страннейшая*», «*страннейшее*» должен собой испестрить все страницы записываемого хода жизни эпохи 1912—1916 годов; все здесь — «*страннейшее*» <...> «*странности*» начались со мной раньше; пожалуй, эпоха их открывается для меня с 1909-го года, а не с 1912-го. <...> Собственно говоря, «*странный*» период открылся сближением с Анной Рудольфовной Минцловой, меня заразившей своими розенкрейцерскими мечтаниями; я бы назвал этот период погружением в «*оккультизм*». В самом деле: 1909 год открывается для меня: сближением с Минцловой, чтением оккультических

книг, занятиями астрологией; и из всего этого, как из тумана заря, проступает Ася; наш путь с Асей начинается исканием «внутреннего пути», томлением среди просто «литературной среды», углубляется событиями в Брюсселе 1912 года, встречей с Штейнером, поездками вслед за ним; и появлением в Дорнахе; кстати сказать: лекции Штейнера эпохи 1912—1916 годов главным образом лекции на оккультные темы и темы эзотерические»¹⁸. Таким образом, индивидуальный и, казалось бы, частный опыт Белого становится частью его оккультного мироощущения.

Впрочем, говоря «частный», мы несколько прегрешили против истины. В тех же самых записях находим место, относящееся к более раннему времени: «Ноябрь этого <1913> года — роковой, жуткий, головокружительный для меня месяц; и вместе мучительный; физическая моя оболочка притянута к земле, а дух мой, как бы выйдя из нее, все время парит в эфире, где его обступают огромные, апокалиптические образы (в этот период во мне подымается тема большого «Я», о котором я впоследствии пишу в «Записках Чудака»)»¹⁹. Вряд ли можно сомневаться, что подобного рода происшествия случались с ним и в другие периоды жизни, и, стало быть, стихотворение Ходасевича могло породить столь острую реакцию даже без прямой проекции на ситуацию августа 1915 года.

Чтобы закончить разговор о литературных причинах, заставивших Ходасевича вспомнить Андрея Белого и вечер у Цетлиных, напомним, что в статье Белого «Рембрандтова правда в поэзии наших дней», которую мы уже имели случай вспомнить, говорится: «...Маяковский «ш т а н и л» в облаках преталантливо; и отелился Есенин на небе — талантливо, что говорить; Клюев озеро Чад влил в свой чайник и выпил, развел баобабы на севере так преталантливо, почти гениально, что нам не было время <так!> взглядеться в б е з б а о б а б н ы е строки простого поэта...»²⁰ И далее, уже в самом конце статьи: «Ходасевича по размеру с иными поэтами современности сравнивать я не хочу, но — скажу: точно так же в кликушестве моды его заслоняют все школы (кому лишь не лень): Маяковский, Казин, Герасимов, Гумилев, Городецкий, Ахматова, Сологуб, Брюсов — каждый имеет ценителей. Про Ходасевича говорят: “Да, и он поэт тоже...” И хочется крикнуть: “Не тоже, а поэт Божьей милостью, единственный в своем роде”»²¹. Своим кратким примечанием Ходасевич словно бы напоминает о том, что его творчество не раз рассматривалось как центральное в русской поэзии своего времени. Эта нота довольно ощутима в ряде помет, однако здесь она если и присутствует, то довольно надежно спрятана, — может быть, отчасти потому, что статья Белого уже однажды была открыто упомянута Ходасевичем в тех же записях²².

МАТЕРИАЛЫ

СПИРИТИЗМ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА

Материалы и наблюдения

В биографиях Брюсова, исследованиях о его творчестве так или иначе упоминается увлечение его разного рода мистическими явлениями, среди которых особое место занимает спиритизм. Однако до сих пор не было предпринято, сколько мы знаем, серьезной попытки, основанной на сопоставлении многочисленных материалов, восстановить хотя бы в первом приближении тот круг проблем, который его занимал в данной сфере, а также ответить на вопрос, зачем это ему было нужно. Единственное исключение — названная далее в примечаниях статья Дж. Д. Гроссман, ограниченная материалом. Мы же постараемся показать, что его интерес самым непосредственным образом входил в его представление о типе нового писателя, приходящего на смену традиционным литераторам. Его декадентство уже с самых первых опытов включало в себя представление о необходимости сверхчувственного познания, но достигаемого не вполне традиционным путем.

1

В традиционном русском словоупотреблении, восходящем еще к середине девяностых годов прошлого века, слово «декадент» выполняло множество функций, наполнялось самой различной семантикой в зависимости от задания автора, но смысл его употребления самими «декадентами» остается неопределенным. Мы предлагаем читателю несколько отрывков из текстов Брюсова, относящихся к разным жанрам, как художественным, так и нехудожественным, которые, как нам кажется, позволят определить эту семантику более точно. Конечно, полная интерпретация данной совокупности текстов — задача

последующей разработки, которая может быть осуществлена только после хотя бы сравнительно полной публикации текстов из рабочих тетрадей Брюсова середины 1890-х годов.

23 октября 1892 г. Брюсов записывает в дневнике: «Вчера был у Краск<о>в<ы>х, пригласил их участвовать в спектакле. У них сеанс. Мрак и темнота. Я сидел рядом с Ел<еной> Андр<еевной>, а Вари не было (уехала в театр). Сначала я позвол<ил> себе немногое. Вижу, что при<нят?> благопол<учно>. Становлюсь смелее. Наконец <?>, перехожу границы. И поцелуи, и явления. Стол подымается, звонки звенят, вещи летят через всю комнату, а я покрываю чуть слышными, даже вовсе неслышными поцелуями и шею, и лице <так!>, и, нак<онец?>, губы Ел<ены> Андр<еевны>. Она мне помогает и в том, и в другом. Все в изумлении (понятно, насчет явлений). Потом пришел Мих<аил> Евд<окимович>, но и это не помешало. Наконец зажгли огонь, сеанс кончился. Я и она, оба держали себя прекрасно»¹.

Эта запись фиксирует начало первого серьезного романа Брюсова с Еленой Андреевной Масловой (Брюсов называет семью по фамилии ее отчима), который был трагическим и еще долго вспоминался им. Но для нас существенно, что уже самые первые его страницы оказались связаны со спиритическими опытами, оформлявшимися как серьезные исследования в области паранормальных явлений. Еще более ощутимой становится эта связь в последующие месяцы.

В черновой тетради, где большая часть отведена под записи, помеченные «Спиритические сеансы 1893 года», 5 февраля Брюсов записывает: «...Взято несколько нот на рояли, которая во время сеанса оставалась закрытой. Среди сеанса стуками было сказано «пишу» и было слышно движение карандаша. По окончании сеанса на бумаге оказалось написано непосредственно:» (2. 6. Л. 6. На этих словах запись обрывается).

Совсем другие впечатления от этого сеанса отразились в дневнике (запись от 6 февраля): «Вчера был на сеансе. С Ел<еной> Андр<еевной> стал нагло дерзок. Это хорошо. Шупал ее за ноги, чуть не за пизду. Хватать ее за груди для меня уже шутки» (1. 12. Л. 26 об). Отметим, что введение ненормативной лексики особо отмечается Брюсовым как заметная отличительная особенность автокоммуникативного текста. 4 января он записывает в дневнике: «Целовались, конечно. Мне это наконец надоело. Я стал изобретать что-нибудь новое. Додумался до того, чтобы шупать, и засунул руку за пазуху Е<лене> Андр<еевне> (грубые выражения почти <?> нарочно). Кажется, она одобрила это» (Там же. Л. 19 об). И в другом месте, несколько позже, 1 февраля: «Лучшее время — когда сидел внизу с Ел<еной> Андр<еевной> на окне и целовались там (Даже была эрекция. На яз<ыке> Тургенева «почув<ствовал> себя наедине с». По-русс<ки> — «хуй встал»)» (Там же. Л. 28).

Еще через месяц (4 марта) Брюсов оставляет в дневнике запись, которая частично была опубликована², однако полный ее вариант дает несколько другие акценты. Если в печатном тексте все надежды молодого поэта возлагаются только на декадентство, то в оригинале они оказываются связаны с тройственной системой ориентиров: «Талант, даже гений, честно дадут только медленный успех, если дадут его. Это мало! Мне мало. Надо выбрать иное. Без догматов можно плыть всюду <?>. Найти путеводную звезду в тумане. И я вижу их: это декадентство и спиритизм. Да! Что ни говорить, ложны ли они, смешны ли, но они идут вперед, развиваются, и будущее будет принадлежать им, особенно если они найдут достойного вождя. А этим вождем буду я! Да, Я! И если у меня будет помощником Елена Андреевна. Если! Мы покорим мир. Кстати. Вчера был сеанс. Мне пришлось выдержать трудную борьбу, и эта победа — одна из лучших моих побед. Е<лена> А<ндреевна> не хотела говорить со мной, да, прямо не отвечала. Шаг за шагом боролся я, поступал верно, не обращал внимания на Верочку (Е<лена> А<ндреевна> воображала, что я буду мечтать <об> ухаживаниях за этой), не терял бодрости и... и в конце сеанса мы обнимались» (Там же. Л. 29 об).

Как видим, залог успеха для Брюсова определяется соединением декадентства, спиритизма и любви, причем любовь должна объединить все воедино, придав особо личностный характер всему свершающемуся. Елена Маслова теперь для него не просто девушка, за которой можно ухаживать, но соратница в деле успешного испытания духовной сферы путем спиритических (или медиумических) опытов и вдохновительница сугубо декадентской поэзии, с которой Брюсов познакомился всего несколько месяцев назад.

И не случайно протоколы сеансов в это время становятся особенно подробными. В них фиксируются успехи кружка, связанные, как полагает большинство присутствующих, с особой чувствительностью Брюсова, придающего этим опытам новый оттенок.

17 марта в тетради протоколов записано:

«Участвовали: А. А., М. И., Е. А., В. А., Я, С., Л., Ю.

Реом<юр> — 2°. Бар<ометр> 737. При начале сеанса снег. Начало в 9 ч.; кончили в 11 ч.

По просьбе (выраженной через писание с дощечкой) вещи расположены на разных столах. Коробка с муз<ыкальной> машинкой, свистком, погремушками etc. поставлена на рояль так, чтобы ее нельзя было достать рукой, не выходя из цепи. Так же положена гитара.

Качания стола начались не сразу и усиливались постепенно. Прежде чем мы сдвинулись с первоначального положения, было что-то сброшено с камина. Тут же начались такие же прикосновения, как и в предыдущий сеанс (по рукам, по щеке, по волосам); Л. ощутил прикосновение детской руки.

Потом столик передвинулся к окнам, около которых на ломберном столе лежала запечатанная аспидная доска. Определенно было слышно писание по этой доске. В то же время у рояли (на противоположном конце комнаты) слышен был тихий звук свистка. Потом такой же звук повторился еще раз.

Столик передвинулся к рояли. Над головами пролетела одна коробка. (В ней лежали карандаши, которые и стучали, ударяясь в стенки); однако она не упала и по окончании сеанса оказалась на том же месте, где была поставлена. Затем на пол была сброшена гитара; ее подняли и опять уложили на рояль. Тогда стол передвинулся к камину.

Здесь гитара начала играть над столиком и, когда Л., вставши, пытался взять ее, она ушла вверх, к потолку; по его описанию, находилась она в отвесном положении, а по звуку слышно было, что она находится аршинах в 3—4 от полу. Потом столик был перевернут вверх ножками (второй раз), и на эти ножки положена гитара. Тотчас же была перенесена и музыкальная машинка. Затем на присутствующих посыпались папиросы. Как оказалось, они были взяты из портсигара, что г. С. оставил на камине.

После этого столик передвинулся к большому столу и начались свистки, по просьбе присутствующих они повторялись то в одном углу, то в другом, то близ кого-нибудь из участвующих в сеансе, то тихо, то громко. Иногда два свистка в двух противоположных концах комнаты раздавались непосредственно один за другим, так что можно было предположить здесь присутствие двух свистков. Повторились и прикосновения, на этот раз как будто более грубой рукой. Первые сравнивались с прикосновением платка, волос или детской руки, а эти с ударами (слаб) жгутом или палкой (впрочем, сильных ударов не было). В заключение был подан карандаш (с дощечкой) и свисток.

По сообщению стола на сеансе присутствовали: Елена, Ив.Ив., Елеазар, Евгений, Петр, Валерьян, Итцы...

На досках и в коробках написано ничего не было.

На бумаге (лежавшей на большом столе) оказались черты, сделанные красным карандашом.

В портсигаре г. С. оказался цветок ландыша, несколько как будто увядший или примороженный; поставленный в воду, он скоро оправился и распустился. В квартире ландышей не было» (2. 6. Л. 13—15).

В дневнике 18 числа отразилась, однако, совсем иная сторона этого сеанса: «Вчера зашел за границы. Щупал на сеансе Е<лену> А<ндреевну> за ноги до колен и выше из-под юбок. Нет! это слишком» (1. 12. Л. 31).

30 марта в тетради записей сеансов: «В начале сеанса движения стола были очень порывистыми и быстрыми. Когда стол отодвинулся к окнам, он был перевернут вверх ножками и стал быстро раскачиваться; некоторые пытались его удержать, но это оказалось невоз-

можным. Затем столик передвинулся к столу и к нам был брошен дверной ключ. Затем начались прикосновения, как и в прежних сеансах; по словам Ланга, его тянули из цепи. Здесь же появились в комнате искры; по словам М. И., был даже целый рой огоньков. Огоньки плыли от стола к дверям и камину. После этого стол передвинулся к дверям, и здесь Л. был поднят на воздух вместе со стулом. В некотором испуге он спрыгнул со стула, и тогда тот опустился. Затем над столом появилась гитара, рука перебирала струны, потом гитара опустилась. Порывистые движения столика продолжались, и А. А. вышел из цепи (он сел на диван). Явления прекратились; А. А., не предупреждая других, зажег спичку (все перепутали свои места, и ему хотелось дать возможность опять рассестись); в момент, когда загоралась спичка, с потолка упал рупор. Хотя темнота возобновилась, но явления прекратились. Сеанс был прерван.

Доски на этот раз не были завязаны и запечатаны, а заклеены с обеих сторон. Внутри было написано С<аблин>ым вопросы, их никто, кроме него, не знал. На них были получены ответы.

Вопросы: — Вернуться?

Когда?

Почему?

Ответы: — Скоро

Вернут...

..... (непонятно).

Между другой парой заклеенных досок, где было написано:

«Христос Воскрес!»

никакого ответа написано не было.

Приблизительно через $\frac{1}{4}$ часа сеанс был возобновлен. Начались явления прикосновениями. Потом из-под В. А. был выдернут стул. Л. несколько раз заявлял, что его тянут по направлению к дивану и что он чувствует тяжесть в веках, желание заснуть. Наконец он перешел на диван и лег там. В комнате раздался шорох; был пододвинут к дивану стул, точно на него кто сел. Л. был несколько испуган и думал возвратиться, но его стул уже исчез, но оказался на месте, между тем диван стучал ножкой и несколько раз ударялся о стену, как бы для выражения неудовольствия. Тогда Л. возвратился и опять лег на диван. За столиком и в комнате явления прекратились. Около дивана послышался некоторый шум и потом звук поцелуя. Ощущения Ланга записаны им самим и прилагаются здесь. Сидевшие же за столиком слышали поцелуи и слова, произносимые Л. Следует отметить, что иногда и то и другое (поцелуй и слова Л.) раздавались одновременно. Разговор был более длинным, что он описан у Л. Сначала он обратился с вопросом:

— Кто ты?

Потом как бы отвечал:

— Благодарю, что ты пришла.

Потом еще раз произнес: «Милая Елена» и лишь после этого начал прощаться.

— Прощай. Благодарю тебя.

Кроме того, Л. иногда обращался к нам с просьбами быть потише. Многие из участвующих за сеансом при этих явлениях смеялись. Л. сам окончил сеанс словами: «Теперь зажигайте огонь», — и попросил воды.

Мой первый транс

Уже несколько раз, во время предыдущих сеансов, я чувствовал внутреннее желание удалиться от общего столика и прилечь на диван. Дерганье за рукав в одном направлении (к дивану), приподнятые моего стула только укрепляли мое намерение, но я еще не решался заявлять это нашему обществу. Наконец сегодня я почувствовал такое неотразимое влечение прилечь и чувствовал такую усталость, что боялся заснуть за столиком, свалившись на моих соседей, и предупредил это, удалившись на диван. Только я лег, всем слышно, подвинулось ко мне кресло. На кресло кто-то сел (шаги были всем слышны) и положил на мою голову свою руку. Рука в высшей степени странная, несколько мягкая и несколько холодная; ее кожа показалась мне тканью, никак не кожей. Потом я начал ощущать странные прикосновения другой какой-то руки, мягкой, похожей на женскую. Она была теплая. Прикосновения шли сверху вниз и были похожи на обыкновенные движения гипнотизера. Затем меня начали целовать в лоб, губы, щеку. Горячее дыхание обдавало мне лицо. Я чувствовал затем прикосновение цельной фигуры, которая сидела рядом со мною на диване [и], близко наклонившись ко мне, ласкала меня. Потом я услышал непонятный шепот, он становился для меня яснее, и наконец я понял приблизительно следующие фразы:

— Зачем ты не приходил раньше; я тебя ждала; другие не понимали мои требования; но зачем ты не поступил так, как сам хотел?

Я спросил: «Кто ты?»

— Елена, твоя Елена, — ответило мне.

— Приходи завтра опять ко мне. Ну, до свидания, мой дорогой Саша!

Во все время поцелуев, прикосновения и разговора диван со мною с силой двигался или летал по комнате, причем я ясно чувствовал, что чьи-то сильные руки держали его за ножки. Когда остальные говорили о посторонних вещах и мешали мне с Еленой, моя грудь страшно болела, непонятно для меня до сих пор болью, но Елена меня тогда более ласкала, словно утешая меня. Поцелуи были всем слышны. Полного транса, кажется, не было, так как я, хотя невнятно, но все-таки слышал посторонние разговоры. После транса был сильно взволнован, но чувствовал себя совершенно здоровым.

Александр Ланг

Москва» (2. 6. Л. 17—20; запись Ланга сделана на отдельном листе, вклеенном в тетрадь).

Комментарий к этому описанию находим в дневнике за 30 марта: «Нового мало. Хватаю за пизду Е<лену> А<ндреевну>, но это уж не ново» (1. 12. Л. 33).

Однако сочетание этих внешне столь разнонаправленных записей (объединяющихся в сознании Брюсова слиянием эротизма и спиритизма) невозможно оценить в полной мере, если не обратиться еще к одному тексту, который, несмотря на то, что относится к категории художественных, все же принадлежит к откровенно автобиографическим.

В рабочей тетради Брюсова, которую он вел в 1893 году, есть прозаический отрывок «Поэт наших дней». По расположению в тетради и по совокупности событий в жизни Брюсова его можно отнести к первой половине мая (Е. А. Маслова умерла 18 мая):

«Я пришел к убеждению, что мне надо умереть.

Теперь мне ясно, что я не гениальный человек и все, чем я отличаюсь от людей толпы, каждый из них мог бы сам развить в себе. От природы я не получил ничего лишнего. После этого, конечно, мне не<че>го существ<овать>.

Впрочем, этот вывод можно было предвидеть давно. Родители мои еще до рождения порешили, что их ребенок будет человеком необыкновенным, а когда я 3 лет уже выучился читать, меня прямо сочли феноменом. Воспитание и хорошие способности помогли мне постоянно стоять выше сверстников. Благодаря этому, я окончатель<ельно> привык считать себя гением. Эта <мысль?> всегда была со мной, и с годами только приобрела более определенные очертания: я решил, что я великий поэт. Ради этого я исковеркал всю свою душу. Я не позволял себе мыслить иначе, чем образами, я заставлял себя поклоняться красоте, любить и ненавидеть. Понемногу я дошел до того, что я ясно видел улыбки звезд, слышал ропот упрека в шелесте листьев и разговаривал с созданиями моей мечты. Мир фантазии стал для меня реальным миром, а окружающая действительность — сном прозы и лжи. Понятно, что и моя внешняя жизнь была через это рядом непонятных и странных поступков. Впрочем, я мало обращал на нее внимания, уединившись в самообожание, и не замечал событий моего общественного существования. Я был в это время студентом, подавал большие надежды профессорам, а в общ<ест>во людей являлся только за новыми впечатлениями. Своих произведений я не печатал, с одной стороны — презирая толпу, а с другой — надеясь удивить мир неожиданным творением, которому бы не было равных» (2. 7. Л. 14—14 об).

После смерти Елены работа над повестью была продолжена. В общем виде ее описал в давней статье С. С. Гречишкин³, один из более поздних вариантов опубликован (см. об этом ниже). Однако мы

предлагаем обратиться к варианту, известному под названием «Декадент (Лирическая повесть в XII главах)», под черновым текстом которой стоят даты: <18>92—<18>94 г., и дата завершения этого черновика: 3 ноября <18>94. Именно в этом варианте уловлено наиболее интересующее нас соединение трех сторон жизни Брюсова (говоря это, мы, конечно, имеем в виду, что в повести перед нами вымышленный герой, но тем интереснее: именно он наделен характеристиками декадента, т. е. фиксирует тот смысл, который Брюсов вкладывал в это понятие в 1893—1894 гг.).

Герой повести, молодой поэт Альвиан, характеризуется так: «Родители мои еще до моего рождения порешили, что их первенец будет необыкновенный человек, и я с ранних лет привык считать себя гением. В своих детских играх я воображал себя великим изобретателем. Впоследствии, когда ребяческие грезы приняли более определенную окраску, я сознательно сделал себя рабом своего таланта. Было время, когда я заставлял себя мыслить образами, мечтать, слышать в шуме леса ропот упрека. Вообще я жил деланной жизнью: не учился, а запасался сведениями, не влюблялся, не ссорился, а искал впечатлений. Тем заманчивей показалась мне теперь жизнь среди людей, которые мало знают меня, вдали от поклонников и друзей, от всего, что окружало меня за последнее время. Почему не отдохнуть с месяц? Манили меня, конечно, и те явления на сеансах, о которых говорил Пекарский, да хотелось и посмотреть предмет его любви, а после — почему нет? — и отбить его» (34. 17, л. 2; далее цитаты из этой повести приводятся без указания листов).

Приятель героя Пекарский (явно списанный с А. А. Ланга-Миропольского — в черновиках он даже именуется Добропольским) вводит Альвиана в семью Кремневых (или Камневых — окончательно фамилия не выбрана, и мы ее не унифицируем), где тот знакомится с героиней своего будущего романа:

«Привыкнув к сеансам, я старался разгадать, в чем заключается секрет явлений. Я ни на минуту не сомневался, что здесь обман, мне хотелось только открыть его.

Подозрение падало, конечно, более всего на Нину, считавшуюся медиумом, и на ее жениха Бунина.

Нине было 26 лет, и она как-то держалась в стороне от молодежи. Вряд ли ее можно было назвать хорошо образован<ной>, хотя она кончила гимназию и теперь училась пению. <...> На лице ее были уже первые следы увядания, которые иногда покрывались розовой пудрой. Все знали, что в жизни ее было много девических романов, то есть поклонников. М<ожет> б<ыть>, это-то и помешало ей в свое время выйти замуж. <...>

Раза два я нарочно садился рядом с ней, но не мог заметить ничего подозрительного. Когда кто-то касался моих волос, я протягивал руку, но хватал только воздух, а рядом раздавался мелодический голос Нины:

— Альвиан Александрович, где ваша рука?

Мои тщетные попытки мне, наконец, так надоели, что я решился оставить загадку нерешенной и самому пошутить с другими. На одном из сеансов, когда у меня уже вполне было решено исчезнуть с горизонта Кремневых, я нарочно сел около Женички, зная, что она не станет искать мою недостающую руку.

Начал я с того, что сам управлял стуками стола, сперва кто-то оказывал мне сопротивление, потом перестал. Пододвинув столик к ра<с>крытому ломберному столу, где нарочно для сеанса были разложены разные вещи, я положил себе в карман свисток, карандаш и еще что-то. Потом постепенными движениями перевел столик, а за ним и все общество на другой конец комнаты и оттуда бросил карандаш на ломберный стол. Получилось совершенно такое впечатление, как если б кто сбросил карандаш со стола, когда мы были в двух саженях от него.

— Каково! на таком расстоянии! — воскликнула М<ария> В<асильевна>. — Какие явления-то начинаются! <...> я совершенно поднял стол на воздух, опираясь на него руками и придерживая ножку кончиком носка. Ободряемый успехом, я уже решался и на более смелые предприятия, но когда хотел снять какую-то книгу с полки, женская рука поймала мою руку. Впрочем, ее тотчас выпустили, а Нина тихонько засмеялась.

Этот смех и темнота придали мне дерзости. Я взял руку Нины и пожал ее; мне отвечали пожатием. Тогда я обнял Нину за талию и привлек к себе; навстречу моим губам попались ее губы. Поцелуй был беззвучный, неслышный.

Явления все усиливались; моя дерзость тоже. Мне было жаль, когда Нина прямо шепнула мне: «Довольно». Столик стукнул 3 раза, что означало: «Прощайте».

Все встали из-за стола, пораженные сильными явлениями. Сам Кремнев тотчас составил вокруг себя кружок из наиболее пожилых участников сеанса и начал им разъяснять значение сегодняшнего вечера.

Стали догадываться, что я обладаю медиумической силой. Меня расспрашивали, нервен ли я и не вижу ли привидений. Я сказал, что страшно нервен, и рассказал два необыкновенных случая из своей жизни, чем я окончательно привел в восторг М<арию> В<асильевну>, и мне стали пророчить будущее Эглинтон и Юма.

За ужином М<ария> В<асильевна> разъясняла мне великое значение спиритизма. Ее теория была очень проста: она везде видела спиритизм. Греческие мифы и русская сказка объяснялись спиритизмом. Одиссей у входа в Аид устраивал сеанс. Аэндарская волшебница была медиумом. Даже в скинии моисеевой удавалось найти какое-то отношение к спиритизму.

С Ниной мы вели себя прекрасно, и после сеанса делали вид, что между нами ничего не произошло».

Несколько более подробно герой рассказывает о способах производства «явлений» далее: «Все явления, происходившие у Евзапии Паладино, были записаны и в наших протоколах. С помощью фосфора я устраивал искры, а видевшие уверяли после, что в воздухе блуждала огненная рука и лились потоки света. Ввиду единогласия так и записывали в протоколе. Столик не раз вырывался и уходил один на другой конец комнаты. Между заклеенными аспидными досками писались ответы по-английски на мысленные вопросы кого-нибудь из присутствовавших. Рояль играла, когда все мы были со столиком на противоположном конце комнаты. В запечатанной коробке появлялись букетики ландышей. Гитара звенела над головами, свисток свистал по всем углам. Впрочем, в темноте трудно угадать направление звука; мне случалось свистать над самым столом, а все клялись, что это у потолка.

Много помогал мне своими видениями Пекарский. В своей простоте он действительно видал перед собой то голову факира, то светящийся меч, то саван. Часто он всех приводил в трепет, говоря замогильным голосом:

— Господа! я чувствую: кто-то стал позади меня.

И всем начинали тоже мерещиться видения, змеи, ленты и руки.

Особенного труда мне стоило писание между запечатанными досками. Прежде их связывали веревкой — тогда я просто развязывал ее и завязывал снова, написав что-нибудь вроде — «Tots is out my way», — опустошая все самоучители английского языка. Когда доски стали заклеивать облаткой, я срывал ее, а в кармане у меня уже была новая. Наконец, прибегли к сургучу, но я догадался пользоваться вместо грифеля тонкой пластинкой алюминия, которая проходила между сложенными досками. <...> Как два медиума, мы и писали с Ниной с помощью планшетки, но и здесь Нина предоставляла мне полную волю, и я отдавался своей фантазии. Спиритические тетради Кремневых представляют замечательный интерес. Я создал целый мир духов. Каждый из них писал своим почерком и своим слогом; некоторые по-французски, по-итальянски, даже по-санскритски. Духи рассказывали о своей прошлой жизни, клеветали друг на друга, ссорились между собой. Иногда начинал писать один дух, а другой вырывал у него карандаш и продолжал по-своему. Некая Елена растянуто и скучно повествовала о своих победах. Какой-то виконт по-французски рассказывал анекдоты, иной раз достаточно двусмысленные. Астроном Валерьян городил необыкновенную чепуху о жизни на планетах. Солидный Алексеев излагал свою теорию мироздания. Пустынник XIII века писал полууставом и сыпал сентенциями».

Наконец, последний текст, непосредственно касающийся круга описываемых явлений, — стихотворение «Сладострастие», написанное 18 февраля 1893 г.

16 февраля Брюсов записывал в дневнике:

«Вчера Андр<ей> Андр<еевич> решил изловить нас. Принесли чистых досок. Лично он связал их и одну залепил печатями. Кончики узлов отрезал.

Мы (я и Е<лена> А<ндреевна>) впали в уныние.

Раньше <?> сеанса писали. По писан<ному> вышло, что Елена (дух) ушла... Конечно, утешение, а все скажут:

— Гм... Как надо было показать себя, она и ушла...

Сели за сеанс. Явление пишет

.....

— Напишите?

Духи отвечают уже определенно:

— Да. Через 16 минут.

Вдруг ужас. — Огонь! Огонь!

На мне блещет синеватое пламя.

Я в ужасе, в смущении.

— Зажгите свечку... (это я) — Нет... Что вы!

— Зажгите! Зажгите... — И я сам зажигаю. Светло. Меня успокаивают. Приносят воды. Зовут Андр<ея> Андр<еевича>. Все поражены, даже Е<лена> А<ндреевна>.

Опять сели. Стучит.

— Написано!

Засветили. Пошли смотреть. Печати целы — пусто. А в другой, не запечатанной, но завязанной — веревки целы, а внутри написано. Третья пуста.

Еще более поражены. <...>

Наброса<л> стих<отворение> декадентское “Издадека ревнив<ый> взгляд...”» (Там же. Л. 28 об).

В краткой хронологии, которой дополняются дневниковые записи, под этим днем отмечено: «Искра. Писал между запечат<анных> досок».

И там же относительно 18 февраля: «В г<и>м<на>зии не был. Готовился к реферату по символ<изму>. У Крас<ковых> сеанса нет. Письмо, что Леля больна».

Откровенность связи интересующего нас стихотворения с занятиями теорией символизма здесь обнажена предельно, равно как и проекция всех предшествующих событий на шарлатанский спиритизм. А в стихотворении читаем:

Мне созвездья были близки,
И в томлении желанья
Я безумно ждал записки,
Золотой мольбы свиданья.

Отдаваясь сладострастью,
Жадно пил я наслажденье,
Истомленный глущей страстью,
Не сдавался утомленью.

Целовал я рифмы бурно,
 Прижимал к груди хореи,
 И ласкал рукой Notturmo,
 И терцин ерошил змеи.
 Но в дыханьи ласки каждой
 Тратил я огонь фантазий,
 И теперь затихла жажда,
 Не манит альков Аспазий.

Как забытая невеста,
 Непонятна гладь созвучий,
 И улыбка анапеста
 Только раны сердца мучит.

(14. 3. Л. 49 об)

К третьей строфе на полях приписана цитата-пояснение: «Так вздохи я слагал в хореи, А поцелуи в анапест» (К. Фофанов)».

Это стихотворение записано в тетради: «Мои стихи. Часть IV. Лирические стихотворения 1892 и начала 93 года (до 6 мая)», где впервые появляется слово «символизм». На л. 28 записано стихотворение «Леле», с пометой: «Вспомни один случайный сеанс. См. подробно в дневнике»:

Мы клялись в любви, не веря,
 Целовались, не любя;
 Мне — разлука не потеря,
 Мне — свиданье для тебя.

Не зови его ошибкой;
 Встанет прошлого туман
 И припомнится с улыбкой
 Обольстительный обман⁴, —

а с листа 33 начинается раздел «Символизм», первая часть которого называется «Леля», а первое стихотворение — «Из Римбо», с раскрытой на полях цитатой из Вл. Соловьева:

Леле 2ое

Это мистифик<ация>. Тогда я еще не читал Римбо да и вообще с символист<ами> был знаком не непосредственно, а через статью З. Венгеровой в В<естнике> Е<вропы> <18> 92 № 9.

Признанья зов и путь эфира
 Соединились для тебя.
 Концы разорванного мира
 Моя опять поверившая лира
 Сплела в одно, тоску и любя.

Любви покорны наши тайны.
 Былые краски сохраняя,
 В волненьях истины случайной

И брачный гимн, и голос погребальный
Теперь вполне понятны для меня.

Витают трепетные тени
И борется со светом тьма —
Но, полон светлых откровений,
Во лжи моих таинственных видений
<Я> вызвал связь и чувства и ума.⁵

И далее, около строки 5 Брюсов приписывает :«См. стих<отворение> Влад Соловьева “К чему слова...”». Напомним, что соловьевское стихотворение — одно из наиболее откровенно мистических его произведений, опубликованное, кстати сказать, в следующем номере того же «Вестника Европы» после произведшей такое сильное впечатление на Брюсова статьи Зинаиды Венгеровой. Напомним его текст:

Зачем слова? В безбрежности лазурной
Эфирных волн созвучные струи
Несут к тебе желаний пламень бурный
И тайный вздох немеющей любви.

И, трепеща у милого порога,
Забытых грез к тебе стремится рой.
Недалека воздушная дорога,
Один лишь миг — и я перед тобой.

И в этот миг незримого свиданья
Нездешний свет вновь озарит тебя,
И тяжкий сон житейского сознанья
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.

Естественно, какие-либо решительные выводы на основании мимолетных сближений делать невозможно, но само объединение в раннем стихотворении имени А. Рембо с цитатой из мистического стихотворения Вл. Соловьева не может не показаться пророческим.

Естественно, что содержание термина «декадент» менялось у Брюсова, причем менялось довольно решительно. Можно, видимо, говорить о том, что каждое проявление собственной индивидуальности теперь становилось для него типической чертой рождающегося русского декадентства, так же, как и черты из жизни других молодых поэтов, принимавших на себя это презрительно-гордое имя.

Так, уже в следующем, 1895, году Брюсов пишет роман «Декаденты» (обратим внимание на появление множественного числа вместо единственного), где дает уже иную перспективу. Приведем планы этого произведения (которые были реализованы только в незначительной части). Первый из них:

- «1. Первое собрание декадентов.
2. Московские улицы вечером.
3. Б.⁶ у Кр<асковых> с Лел<ей>, приход Владимира. <...>
9. Собрание перед изданием.
10. Утро после издания.
11. Картина природы в соответствии с «символизмом».
12. Оргия Е<мельянова>К<оханского?> с Владимиром.
13. Б. у себя. Морфий. Онанизм.<изм>.
14. Владимир один мечтает о борьбе с Б.
15. Маня с Влад<имиром>»⁷.

Как видим, помимо естественно появляющихся пунктов, которых не могло быть в предыдущем «Декаденте» (например, издание сборника и переживание его появления), в этом плане появляются чрезвычайно существенные моменты, характеризующие новое понимание декадентства. С этой стороны, это дополнительные черты, характеризующие «аморализм» декадентов (морфий, онанизм, оргия⁸), а с другой — попытка внести какое-то определенно «идеологическое» содержание в само представление о декадентстве. Иначе нельзя истолковать пункты о московских улицах вечером (что отразилось и в ранней поэзии Брюсова, и в написанных фрагментах романа, опубликованных в «Нашем наследии») и о картинах природы, видимых в соответствии с характерно поставленным в кавычки «символизмом». Видимо, сюда же можно отнести и не вполне ясные в подробностях, однако удостоенные специального внимания положения о «борьбе» внутри стана декадентов.

Второй вариант носит заглавие «Берег. Роман из жизни русских декадентов» и гораздо менее подробен:

- «1. Перв<ое> собрание декадентов.
2. Московские улицы утром.
3. Б. у К<расковых> с Лел<ей>. Приход Владимира / Обрыв.
4. Оргия Е<мельянова>-К<оханского?> с Владимиром.
5. Свидание Мани <?> с Владимиром.
6. Б. и Ланг. Выбор для Берега»⁹.

Обратим внимание на знаменательную замену в описании московских улиц, когда вместо вечера появляется утро, а также на появление фамилии Ланга, который, напомним, занимал существенное место среди прототипов повести «Декадент». Это снова возвращает нас к проблеме брюсовского спиритизма, о которой в контексте всей книги следует поговорить несколько подробнее.

В настоящее время этой теме посвящена единственная статья¹⁰, весьма содержательная, но отнюдь не ставившая себе задачей дать общую

характеристику интереса русских писателей конца XIX и начала XX в. к спиритизму. Потому, оставляя в стороне общую характеристику русского спиритизма (вполне позитивистское описание его истории дано в статье Дж. Д. Гроссман, существует также недавно явившееся изложение с точки зрения сторонницы учения¹¹), сосредоточимся на его восприятии Брюсовым.

Он стал участником спиритических сеансов по крайней мере с 1892 г., то есть в то время, когда мода на спиритизм в России распространилась очень широко, перейдя из элитарных кружков в самые широкие слои, но одновременно сделавшись доступной и любительско-дилетанту¹². Для этого этапа эволюции спиритизма было характерно его стремление найти себе самую широкую опору в обществе, начиная от вполне официального православия¹³ до этнографических разысканий о народных верованиях¹⁴ и новейших исканий в области паранауки¹⁵.

Отметим, кстати, что в это время спиритизм вовсе не был залеймен ни православной церковью¹⁶, ни оккультистами, для которых в более позднее время было характерно стремление всячески от него откеститься. Так, например, Е. И. Рерих писала: «...Нужно раз навсегда понять, что люди, занимающиеся спиритизмом, открывают себя для всякого рода одержания, и кто может сказать, когда наступит та степень одержания, при которой жертва уже не будет в состоянии освободиться от своего поработителя. <...> Безумцы не понимают всей страшной опасности, которой они подвергают себя, позволяя астральным сущностям проникать в свою ауру! Поэтому все Вел<икие> Уч<ители> так против не только медиумов, но иногда не принимают в ближайšie ученики так называемых психиков, ибо психики, не имея духовного синтеза, также часто становятся добычей сатанистов. Потому сторонитесь всех спиритов и медиумов. Нам с ними не по пути!»¹⁷

Это мнение, конечно, восходило к высказываниям Е. П. Блаватской, которая достаточно резко высказывалась по поводу спиритизма в письме к редактору журнала «Ребус» В. И. Прибыткову от 7 апреля 1883 г.: «Напрасно только г. Кит—р сказал вам, будто я медиум. Была в юности, а теперь Бог милует. Не родилась я быть рабою никому <...> Я верю в феномены спиритизма, как в собственную жизнь мою; и верю я, что мир невидимый наполнен бытием, то есть и хорошими, и дурными «духами», только эти «духи» — не души человеческие. Душа человека уходит туда, откуда ей нельзя сообщаться с нами; да и не нужно вовсе, так как она, если то чистая, добрая душа, уносит с собою всех тех, кого она духовно любила на этой земле, как и все то, что ей нравилось. Это не чушь, как вы думаете, а святая истина. Ваша спиритическая теория о душах не философская и не логическая (как это доказывается «сообщениями» и часто их очевидной, идущей вразрез контрадикцией между человеком, как он был во пло-

ти, и душой его после смерти), — что и ученые, и попы идут против нас и не обращают внимания на *факты*. Не затрогивали бы умерших, так и ученые не имели бы предлога отвергивать носы от фактов спиритизма. Оттого я и отплеываюсь от медиумства и *убила* его в себе, потому что знаю, что вовсе то не души умерших завладевают нами, а их, так сказать, уже разлагающиеся исподние одежды, их тени астральные, которые должны же сгинуть и пропасть когда-нибудь, как сгнули и пропали их физические тела. *Бессмертный дух*, Виктор Иванович, не придет стучать в стол, ни облачится снова в материю, от которой только что спасся; а «рыбак рыбака видит издалека», и покинутая «одежда» этого духа только и ищет, как бы вцепиться в медиума, как бы только еще пожить, поесть, попить да и того хуже — органами медиума. Доказать это легко»¹⁸.

Для человека поколения Брюсова спиритизм, с одной стороны, выглядел вполне почтенной наукой, подкреплявшейся громадным количеством опытов и интересом к ней со стороны авторитетных ученых (как принимавших спиритизм, так и отвергавших, но уделявших ему значительное внимание) и не менее авторитетных научных сообществ, а с другой — приоткрывал двери в совершенно другое измерение человеческой жизни, недоступное современным методам наблюдения.

И потому вполне естественным выглядит для читателя, не посвященного в частную жизнь Брюсова, появление ряда его статей, посвященных современному спиритизму, где он описывает эту науку как противостоящую как мелкому позитивизму, так и априорно отвергающему научные методы познания современному мистицизму. Как писал Брюсов, «спиритизм для деятелей недавнего прошлого было нестерпим, потому что говорил о душе; для новых мистиков он ненавистен, напротив, потому, что все порывается к опытным наукам»¹⁹. Общий итог сам же он подводит такими словами, относящимися к опыту человека, владеющего спиритическими способностями: «Мир воспринимается иначе, а восприятие его нашим способом становится случайностью и исключением. Напротив, то, что нами пока считается случайным и исключительным, — то, что мы смутно знаем из предчувствий, веших снов, симпатий, что почитается темной, бессознательной стороной нашего духа, — становится основой всего бытия. Те отношения между душами, которые здесь затемнены и бессильны, — внушение, чтение мыслей, сомнамбулические угадывания и лунатическая уверенность — становятся единственными и господствующими. Невозможно точно дать себе отчет, сколь иной открывается тогда вселенная, и собственное существование, и все наши мыслимые отношения к себе, к другим, к Богу»²⁰. Выше мы уже приводили цитату из дневника Брюсова от октября 1900 года, но здесь имеет смысл ее напомнить: «В спиритических сеансах испытал я ощущение транса и ясновидения. Я человек до такой степени «рассудочный», что эти немногие мгновения, вырывающие меня из жизни, мне дороги очень»²¹.

Для более полного и свободного постижения реальности, связанной со всем кругом медиумических (и даже более широко — оккультных, хотя вопрос о том, что именно Брюсов воспринимал в качестве таковых, остается пока открытым) явлений, он в специальной статье, вызвавшей оживленную полемику, предлагал дать медиуму во время сеанса как можно более полную свободу, предоставить возможность вне всякого контроля, почитавшегося учеными, стремившимися к научному обоснованию медиумизма, строго обязательным, действовать так, чтобы как можно более полно выявить все тайные стороны мира, открывающиеся медиуму (см. материалы, представленные в Приложении).

Все это было бы вполне убедительно, если бы не приведенные нами выше материалы, свидетельствующие о том, что Брюсов прекрасно понимал возможность всякого рода фальсификаций и, мало того, сам этими возможностями пользовался.

У нас нет данных, чтобы судить, насколько строго соблюдал он дисциплину сеансов во время после 1892—1893 гг., но уже тогдашний опыт не мог не свидетельствовать для него, что открытие возможности для медиума бесконтрольных действий ослабляет или вообще разрушает всякую реальность медиумических явлений. Мистический опыт подменяется фокусами и расчетливой мистификацией, потусторонняя реальность отсутствует, слова духов всего лишь стилизованы более или менее искусным имитатором. И тем не менее интерес Брюсова к спиритизму продолжается еще достаточно долгое время. Почему?

Как нам представляется, ответ на данный вопрос может быть лишь одним: Брюсов интересовался спиритизмом не как таковым, но пытался использовать его для создания собственной художественной реальности, пытался найти выход за пределы трех измерений пространства и повседневной психологической практики в разного рода медиумических явлениях. Только в таком случае проблема верификации явлений (а стало быть, и проблема контроля) утрачивает свою актуальность, давая возможность медиуму или медиумической цепи проявить себя как создателей новой реальности, вне зависимости от того, является ли она действительно существующей или же порождается сиюминутным настроением, умением создавать впечатление истинности происходящего и пр. В таком смысле спиритические интересы и опыты Брюсова становятся полным аналогом художественного творчества, перенесенного в «текст жизни», то есть проявлением того, что получило название жизнетворчества. Об этом свидетельствует статья «Еще о методах медиумизма», где он постоянно возвращается к той идее, что спиритизм прежде всего обращен к духу (и особо упоминает невнимание к художественному творчеству как «первородный грех» современной науки о духе, психологии), причем к духу свободному. Ведь именно свобода творчества становится для

него, по крайней мере, в первое пятилетие XX века основополагающим принципом, долженствующим оправдать искусство вообще и символическое искусство в частности.

А при чем тут спиритизм? Не настаивая на истинности предположения, решимся все же высказать одно соображение.

В сентябре 1900 г. Брюсов записывает в дневнике: «Усердно посещаю спиритические среды. Проповедую, поучаю и имею некоторое влияние. Когда однажды вышли мы с такой среды, тамошние неопиты начали благодарить меня.

— При вас многое изменилось. А то ведь это была одна пропаганда христианства. Нам целыми часами твердили, что такое флюид, когда он отделяется от тела. А теперь вас боятся.

Сговорились мы с этими людьми устроить сеанс. Но Ал. Ив. прознала про это и на следующую же среду, отозвав нас поодиночке, читала нам внушение... Однако разрешение на сеанс дала, хотя и с разными оговорками.

Сеанс устроился у Писарева Б. Н. (сына известного писателя) и был очень удачен. Были даже Самборовские продевания стульев.

Вообще, среды — одно из любопытнейших пристанищ. Собираются там все истерички Москвы, все духовидцы, все сбитые с пути люди.

Девушки, вбегающие <?> к А. И., целующие ее руки, умоляющие: «Ради Бога, скажите, милая, хорошая, не скрывайте, принадлежите вы к розенкрейцерам?» Медиумы, поддельвающие все явления, со злобой, нарочно, а потом приходящие рыдать и каяться. Студенты, трепещущие пред Вельзевулом. Барышня, с которой всегда «хвост из чертей». И Боже, кого тут нет!» (1. 15/2. Л. 20 об — 21)²².

В этой записи чрезвычайно характерно, что Брюсова в первую очередь интересуют люди с различными отклонениями от «нормы» нервной организации, причем довольно безразлично, относится ли он к этим отклонениям с симпатией или нет (точно так же, как к «Самборовским продеваниям стульев» он относился с явным равнодушием — см. в Приложении). Выглядит вполне возможным, что общение с такими людьми давало Брюсову критерий для проверки своих интуиций, касающихся создаваемого им художественного пространства. Будучи сам лишен или почти лишен мистического опыта (хотя он и говорил в вышеприведенной цитате о «трансе и ясновидении»), он мастерски его имитировал, а критерием мастерства должно было служить общение с людьми, чутко относящимися к подобным ситуациям. Та холодность, в которой Брюсов признавался Зинаиде Гиппиус, была заложена и в его отношении к мистическому (спиритическому, оккультному и т. п.) опыту; но законы символизма требовали не рассудочных суждений, а реальных переживаний, которых он и пробовал добиться различными контактами с людьми, подозреваемыми причастностью к потустороннему.

В те годы, с которых мы начали свой рассказ, Брюсов, создавая облик декадента, выводил себя за пределы всеми воспринимаемого мира с помощью довольно наивных средств: пьянства (в дневниковых рассказах о свиданиях с Еленой Масловой он постоянно перечисляет количество выпитого перед встречей для освобождения от скованности), наркотиков (если в плане романа «Декаденты» упоминание о морфии соответствует реальности; морфинистом Брюсов стал значительно позднее), сексуальных излишеств, даже онанизма (видимо, как средство — по выражению Вл. Ходасевича — создания сладострастных миров). Постепенно его облик поэта-символиста стал утончаться, ходы становились все более изощренными, знакомство с оккультными практиками стало конституирующей чертой всего облика «мага», каким воспринимали Брюсова едва ли не все современники, но в истоке его, как нам представляется, лежало то представление о декаденте, которое мы и попытались определить в работе.

Приложение

В связи с малой изученностью и ограниченной доступностью материалов, связанных с интересом Брюсова к спиритизму, мы сочли резонным перепечатать его статьи «Метод медиумизма» (Ребус. 1900. № 30. С. 257—259) и «Еще о методах медиумизма» (Ребус. 1900. № 41. С. 349—351), а также реплику (Ребус. 1900. № 34. С. 293—294), подписанную А. Б., что составитель брюсовской библиографии расшифровывает как А. Березин (то есть А. А. Ланг, более известный под псевдонимом А. Л. Миропольский). Не имея возможности безоговорочно приписать эту реплику Брюсову, отметим все же, что ее энергичный и иронический стиль производит впечатление заметно отличающегося от вялого стиля Ланга и в ряде случаев сближается со стилем Брюсова того времени. На первую брюсовскую статью отвечал постоянный автор «Ребуса» М. Петрово-Соловова статьей «По поводу статьи “Метод медиумизма”» (Ребус. 1900. № 32), на которую и последовала реплика А. Б., на что Петрово-Соловова не замедлил откликнуться статьей «По поводу «возражений» г-на А. Б.» (Ребус. 1900. № 37). Уже после второй статьи Брюсова появилось письмо Л. Бетхера «По поводу полемики о “методе медиумизма”» (Ребус. 1900. № 48), которому и на этот раз отвечал А. Б.: «По поводу вопроса о «Метод медиумизма» (Письмо в редакцию)» (Ребус. 1900. № 50).

Помимо этого, приводим еще два хроникальных сообщения, не учтенных брюсовской библиографией, которые свидетельствуют о продолжавшемся интересе Брюсова к спиритизму и в сравнительно поздние годы (Ребус. 1913. № 10. 17 марта. С. 4 (описывается собрание 25 февраля) и № 11. 31 марта. С. 4), а также опубликованные в «Ребусе» два стихотворения Елены Сырейшиковой (ум. 1918), быв-

шей возлюбленной и ученицей Брюсова. Она очень мало печаталась при жизни, а в современных изданиях было перепечатано считанное количество ее стихотворений (см.: *Лавров А. В.* «Новые стихи Нелли» — мистификация Валерия Брюсова // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1986. М., 1987. С. 74, 93 [2 стихотворения]; *Гаспаров М. Л.* Русские стихи 1890-х — 1925-го годов в комментариях. М., 1993. С. 50—51, 185, 195 [3 стихотворения]. В обоих изданиях есть сведения о биографии поэтессы). Републикуемые нами стихотворения были напечатаны: Ребус. 1913. № 30—31. 10 ноября. С. 10; 1914. № 4. 9 февраля. С. 8.

За пределами нашей републикации остается большая статья Брюсова «Спиритизм до Рочестерских стуков» (Ребус. 1902. № 7, 11, 14, 18, 29. Подпись — В.), публикация «Из прошлого» (Ребус. 1901. № 35) и рецензии на книги по спиритизму, оккультизму и магии из того же «Ребуса» и из журнала «Весы».

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

МЕТОД МЕДИУМИЗМА

У большинства исследователей медиумических явлений замечается стремление изучать их теми же приемами, как в естествознании изучаются явления физические и химические. Многие видят даже особое торжество в том, чтобы целиком перенести в медиумизм методы естествознания. Присяжные ученые так часто относились к медиумизму с презрением, так упорно повторяли, что все медиумические явления — или обманы чувств, или фокусы, что его исследователи, естественно, не столько стремились развивать науку дальше, сколько защитить ее, укрепить ее основания. Им казалось, что всего вернее это будет достигнуто, если медиумизм будет введен в семью естественных наук, которые очень для многих являются образцом всякого знания. Не надо забывать и того, что медиумизму посвящали себя большей частью представители опытного знания; в новую область своих занятий они переносили знакомые им приемы.

Научно могут быть изучаемы все явления, в которых замечается повторность, т. е. которые подлежат сравнению. В явлениях, изучаемых естествознанием, такая повторность бросается в глаза: не единственный раз в вечности произошло солнечное затмение, это повторялось многократно. Кажущееся отсутствие такой повторности давало повод некоторым мыслителям выключать историю из числа точных наук, но они были не правы. Новейшие исследования указали целый ряд сходных явлений, повторявшихся во всемирной истории. Таково — явление родового быта, общего всем первобытным племенам; таков — феодализм, наблюдавшийся в Европе в средние века, но ранее существовавший и в древнем Египте, и в до-Солоновской

Греции. Повторность сходных явлений замечается и в медиумизме; следовательно, они могут быть изучаемы научно. Но из примера астрологии и истории ясно, что это еще не предreshает вопроса о методах изучения. Особенности отдельных наук соответствуют и своеобразные приемы их разработки. Никому не приходит в голову применять естественно-научные методы к наукам гуманитарным, изучать политику, как оптику.

При первом взгляде медиумические явления ближе всего подходят к фактам, изучаемым физикой и психологией. Медиумические явления затрагивают *физические* свойства тел: вес, движение, свет; с другой стороны, в медиумизме проявляются те свойства, которые мы привыкли приписывать *духу*. Но уже то самое, что медиумизм равно приближается и к физике, и к психологии, побуждает отличать его от той и от другой. Дальнейшее же рассмотрение неизбежно показывает, что целый ряд фактов, наблюдаемых в медиумизме, противоречит самым основным предпосылкам физики и психологии. То, что в физике невозможно, немыслимо, оказывается совершившимся в медиумизме; точно так же некоторые духовные медиумические явления совершенно необъяснимы с точки зрения нашей психологии.

Не касаясь частных отличий, достаточно указать те противоречия данных медиумизма с опытными науками, которые касаются их существеннейших положений. Все явления естествознания — механические, физические, химические — мыслимы лишь в трехмерном пространстве. С допущением многомерности пространства падает первая аксиома естествознания: закон сохранения энергии, т. е. учение о неизменяемости количества материи в природе. Выведение предмета за предельное измерение всегда должно казаться для наблюдателя исчезновением, обращением в ничто. Но что же останется от медиумизма, если отнять от него все явления, объяснимые лишь четвертым измерением: проникновение вещества сквозь вещество, завязывание узлов на бесконечном ремне и т. п.? Не ограничиться же одним столоверчением!

В научной психологии закону о сохранении энергии можно уподобить учение о последовательности психических явлений. Если теория познания и решается утверждать, что психические явления в сущности вневременны, то психология как наука рассматривает их исключительно в их временной смене. С ее точки зрения даже необъясним и невозможен тот общеизвестный факт нарушения временной последовательности, когда мгновенная причина пробуждения создает сон, в котором сама является заключительным звеном. Напротив, в медиумизме мы особенно часто сталкиваемся лицом к лицу с вневременностью явлений духа. Иначе нельзя истолковать такие факты, как предвещения, повторение вторично или многократно прежде совершившегося события (напр., убийства), появление давно умерших в том же виде, даже в той же одежде, как их видели при жизни.

Эти два основных противоречия проводят достаточно резкую грань между медиумизмом и опытным знанием. Опыт возможен только в нашем пространстве и времени, — это его условия. Новейшие психологи (школы Вундта), желая расширить в психологии область опыта, принуждены подчеркивать именно временной характер психических явлений. Напротив, факты медиумизма, которые столь явно выходят за пределы нашего пространства и времени, тем самым не подлежат опыту. Это теоретическое соображение подтверждается и на практике. Сеанс ни в каком случае нельзя считать опытом: он только устанавливает условия, при которых естественнее всего ожидать появления медиумической силы. Мы лишены всякой возможности направлять ее деятельность по своей воле, и тем сеанс отличается от опытов в физике и химии. Даже наблюдение в медиумизме значительно отличается от наблюдения, напр., в астрономии или метеорологии. В медиумизме приходится наблюдать лишь проявления неизвестной причины, причем ее *modus operandi* лежит не только за пределами нашего исследования, но, пожалуй, и за пределами нашего понимания.

Следует обратить серьезное внимание на то недоверие, с каким всегда встречали и продолжают встречать медиумические явления. Никогда недоверие к фактам, указанным наукой, не держалось так долго и так упорно. Если в Саламанке когда-то и осмеяли Колумба, если Наполеон усомнился в силе пара, если и глумились над Гальвани, — то теперь, я думаю, никто не станет сомневаться в существовании Америки, в возможности парохода, в гальваническом токе, даже в икс-лучах. Мало того, гипнотизм, который на первых порах был встречен с таким же недоверием, как и медиумизм, давно дождался признания и читается как наука с университетских кафедр. А медиумизм и теперь остается у присяжных ученых под таким же сомнением, как пятьдесят лет тому назад, по-прежнему говорят о мощенничествах и галлюцинациях. Хранители запретных знаний в средние века таили их от непосвященных; наш демократический век сделал из них достояние всех: но многие ли пожелали им <так!> воспользоваться!

Неужели такое обособленное положение медиумизма не побуждает изучать его не по общим избитым приемам, а по особым, ему одному свойственным методам? Ведь даже герольдика имеет свои методы, а у медиумизма хотят отнять и то немногое, что он самостоятельно выработал, требуют опытов без медиума, без цепи, без темноты. К чему можно прийти по такой дороге? Разве не может случиться вот чего: мы уничтожим ряд условий, при которых возможны важнейшие явления медиумизма, и оставим лишь такие, при которых возможны явления одного какого-нибудь порядка, — напр., объясняемые психической силой участников. И неужели, объяснив происхождение этих явлений, мы будем вправе торжествовать, неуже-

ли мы скажем, что задача решена, и вычеркнем как невозможное все, чему сами не дали проявиться!

Грустно подумать, до чего мы дошли в нашей боязни обмана. Неизвестная сила, проявляющаяся на сеансах, требует темноты; мы оставляем свет. Мы связываем медиума веревками, припечатываем их, соединяем его руки с проводами от электрических батарей, становимся ему на ноги. До такой степени упорно думаем об обманах, что сами гипнотизируем медиума, внушаем ему обманывать нас! А в конце концов противники медиумизма кричат, что все-таки что-то было упущено, что все медиумы все-таки фокусники. Впрочем, чего и ждать от связанного и припечатанного человека! Если такое отношение к делу и возникло из весьма почтенных побуждений, — из желания доказать подлинность медиумических явлений, — то не пора ли считать ли эту задачу выполненной? Не довольно ли собрано фактов, чтобы в явлениях медиумизма не могли сомневаться все те, кто хочет смотреть и слушать?

Пусть даже необходимо оставить контрольные сеансы для проверки каких-то фактов и для предварительной оценки некоторых медиумов, но не в них должно быть средоточие всей работы. Важнее и более нужны сеансы, на которых было бы допущено все, что может им способствовать. Приборы, употребляемые на таких сеансах, должны быть приспособлены не к тому, чтобы изобличать мошенничество, а чтобы облегчать проявления медиумической силы и отмечать все происходящее точнее, чем то могут невооруженные чувства. (А ведь нам случалось брать для сеанса нарочно такой стол, который покачнуть невозможно!). На свободных бесконтрольных сеансах есть даже надежда получить результаты более доказательные, чем с запечатанным медиумом. Скептик всегда может возразить, что печати были искусно сняты, но что возразит скептик, если ему *теперь*, в самый момент его сомнения, покажут узлы, завязанные на бесконечном ремне, сделанном из целого куска, или два не склеенных кольца из дерева разных пород, вдетых одно в другое?

Прежде же всего надо отказаться от притязания управлять медиумическими явлениями. Ко всем другим фактам природы мы относимся, как повелители: мы производим опыты в физике и химии, мы наблюдаем, когда и как хотим, явления астрономии и метеорологии. В медиумизме, напротив, мы должны стать учениками неизвестных нам интеллектуальных сил, конечно, не учениками-рабами, которые *iurant in verba magistri* (подобные примеры уже бывали у спиритов), но разумно и свободно оценивающими речи и поучения учителя. Во всем, что касается способов сношения с силой, проявляющейся в медиумизме, мы должны подчиняться, а не требовать, потому что самые условия ее существования недоступны нашему уму. Медиумизм дает знания, быть может, наиболее значительные, наиболее важные для людей среди всех знаний. Зачем же пытаться втиснуть

изучение этой науки в рамки, ей несвойственные и слишком узкие? Перенесение в медиумизм методов естествознания может только затормозить ход его развития надолго, на целые столетия.

А. Б.

ПО ПОВОДУ ВОЗРАЖЕНИЯ Г-НА ПЕТРОВО-СОЛОВОВО
Г-НУ БРЮСОВУ

Странно, более чем странно — прискорбно и досадно было читать в № 32-м «Ребуса» статью г-на Петрово-Соловово, написанную им по поводу статьи г-на Брюсова «Метод медиумизма». И тем более прискорбно, что г-н Петрово-Соловово, насколько нам известно, состоит членом Общества для психологических исследований при Кембригском <так!> университете в Лондоне и, следовательно, должен бы был быть осведомлен лучше, чем кто-либо, относительно современного положения спиритизма и новейших опытов. Г-н Петрово-Соловово лучше других должен бы знать, что после Крукса, Цёльнера, Бутлерова идет и еще целая фаланга новейших исследователей по спиритизму: д-р Ходжсон, профессора Джемс, Лодж, Мейерс, Хейслоп, которые не только заявляют, что относительно вопроса о подделке явлений было уже столько сделано исследований и работ их предшественниками (Круксом, Бутлеровым, Цёльнером), что пора уже этот вопрос и оставить, а вместе с ним оставить в стороне и физические явления как достаточно обследованные и уже доказанные; пора уже перейти на почву психологии по отношению к спиритизму. Психическая сторона в этом вопросе и более приличествует ему, как более ему сродная, и более доказательна, и может быть более научно поставлена, так как д-ром Ходжсоном выработан даже и точный метод для подобных исследований. И г-н Петрово-Соловово не может не знать об этом, если не из подлинных отчетов Общества, которые он получает как член, то как сотрудник «Ребуса», на страницах которого был в сокращенном виде напечатан отчет д-ра Ходжсона.

Долго ли мы, спириты, будем, как белки в колесе, вертеться с этими бесконечными узлами на бесконечной веревке и с этими бессмысленными стульями, продетыми один в другой? Ведь это так же нелепо, как если бы мы каждого инженера заставляли нам доказывать силу пара по способу Уатта, кипятя чайник бесконечно. Существует же, наконец, история, последовательное развитие наук, иначе каждому пришлось бы начинать все с самого начала, самому открывать Америку, игнорируя все труды всех исследователей.

Что же касается людей «свежих» — как называет их г-н Петрово-Соловово — т. е. с ветру попавших на сеанс, то опять же остается только удивляться, как таких господ пускают на сеансы!?! Что им нужно?

Зачем они приходят? Чудес искать? Во 1-х, о таких любителях достаточно сказано в Евангелии, а во 2-х, в любом цирке или у любого фокусника они легче всего могут получить желаемое. Компетентные же и солидные изыскатели, о которых упоминает в своей заметке редакция «Ребуса», конечно, не являются на сеанс, не почитав предварительно имеющейся по этому вопросу литературы и не подготовившись к тому, *что* следует наблюдать и *как*: по методу Ходжсона, который находит совершенно излишним «контроль» — т. е. попросту истязание — медиума. Нет сомнения, что эти «солидные» люди взглянут на спиритов, увязывающих медиума, отдавливающих ему ноги, запирающих его в клетку, как на диких варваров, которых — бедных! — учить некому. Мартирология медиумов должна, наконец, отойти в историю и составить собою одну из самых печальных страниц человеческого невежества. Для современной науки имеются более достойные способы для исследования проявлений *духа*.

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

ЕЩЕ О МЕТОДАХ МЕДИУМИЗМА

Моя заметка («Ребус», № 30), в которой я пытался поставить на очередь вопрос о приемах при изучении медиумических явлений*, вызвала маленький спор на страницах журнала (№№ 32, 34, 37). Это показывает, конечно, только то, что время беспорядочного накопления материалов по медиумизму подходит к концу. Работы последнего полувека собрали громадный запас наблюдений. Стремясь осмыслить это подавляющее количество фактов, разобраться в них, мысль ищет феноменам медиумизма теоретических объяснений. Оказывается, однако, что для построения объединяющей теории собранные факты не дают достаточно материала, потому что в большинстве случаев при наблюдении обращалось внимание на второстепенные стороны дела (напр., на доказательство реальности происходящего), а не на сущность явления. Из этого положения и возникает лихорадочное стремление пополнить собранный материал новым запасом наблюдений, сделанных уже по методам, широко и всесторонне обдуманным.

К медиумизму можно подходить с разных сторон. Некоторые ищут в нем способа сохранить сношения с дорогими для них лицами, вышедшими из пределов видимого мира, или вообще способов сношения с индивидуальностями, находящимися в отличной от нашей

* Разумеется, вопрос этот был *поднят* много раньше, почти с самого начала научного исследования медиумических явлений. Он был прекрасно сформулирован г. Охоровичем в 1895 г. (Русск. изд.: «Обман в области медиумизма» СПб., 1899). См. главу: «Новый метод».

сфере бытия. Другие подходят к медиумизму с целью узнать, что ожидает нас за дверями могилы, чтобы из этого знания извлечь нравственные уроки для своего поведения *здесь*. Третьи ждут поучений, во многих вопросах доверяя голосу, доходящему до нас медиумическим путем, более, чем рассудочным выводам учителей, живущих среди нас. Но сколько бы ни были естественны, основательны и даже желательны все такие отношения к медиумизму, — они отличаются от строго научного исследования, имеющего свои определенные цели, а именно: выяснить характер медиумических явлений, отличив их от явлений другого рода, и найти для них удовлетворяющее мысль объяснение.

Никакое опытное научное исследование не может иметь притязаний на безусловную (абсолютную) истинность своих заключений. Неоспоримость выводов чистой математики происходит именно от того, что это наука не опытная; математика, в сущности, есть лишь раскрытие присущих нам созерцаний (*Anschauungen*) времени и пространства. Но даже свою уверенность в математических истинах мы должны ограничивать указанием на то, что она имеет значение лишь для нашего ума. Во всяком же случае достоверность математических истин не есть *степень*, на которую могут быть возведены путем усердных изысканий другие науки. Имея своим предметом данное в опыте, они по существу своему никогда не достигнут в своих выводах всеобщности и необходимости. Так, напр., нет никакой возможности утверждать, что правильность закона Бойль-Мариотта не будет окончательно опровергнута для человеческого ума, тогда как такую возможность мы имеем хотя бы по отношению к геометрической теореме о сумме углов в треугольнике.

Сообразно с этим мы не можем надеяться, чтобы даже когда бы то ни было опытное изучение медиумических явлений привело нас к такому их объяснению, которое было бы непререкаемой истиной. Мы можем верой принимать то или другое учение о них, но в области строгой науки такие учения никогда не могут стать обязательными для всех исследователей. Если так дело обстоит относительно отдаленного будущего, когда — предполагаем мы — наука о медиумизме достигнет своего полного развития, то тем более теперь, при незначительности и неустойчивости наших знаний, должно нам в своих работах прежде всего остерегаться всяких предубеждений. Держаться той или другой теории в медиумизме есть дело личного убеждения, а не научной добросовестности. Предвзятость мнений, пренебрежение к работам другого только потому, что тот держится иной теории, — в медиумизме неппростительны. Они страшно суживают кругозор наблюдателя и показывают ему факты с очень произвольно выбранной точки зрения.

Это, однако, не значит, чтобы мы решительно ничего не могли утверждать о медиумических явлениях. Приходится различать разумную терпимость к чужим мнениям от бессмысленного безразличия

к ним. Научно еще не решено, какова та сила, которая проявляется в медиумизме, находится ли ее источник в нас или вне нас, имеем ли мы дело с индивидуальностями или нет, и притом подобными нам или иными. Но мы имеем право определить эту силу отрицательно: она не стоит в ряду физических сил, последовательно переходящих одна в другую, — движения, света, электричества. Правда, температура, освещение и степень насыщенности электричеством имеет, по видимому, влияние на медиумические явления, но они никогда не бывают их причиной. Медиумическая сила сказывается и в физических явлениях (изменение веса, перенос предметов, материализации), но способ ее приложения остается столь же недоступным нашей мысли, как переход нервного раздражения в явление сознания. Мало того, целый ряд медиумических явлений противоречит самой основной предпосылке физики — закону сохранения энергии. Все это дает нам право утверждать, что в медиумизме мы имеем дело с проявлениями *духа*, с явлениями того же порядка, как наша внутренняя духовная жизнь, тоже в известной степени испытывающая влияние из внешнего физического мира и тоже влияющая на него посредством нашего тела (а может быть, и непосредственно). Это убеждение должно быть краеугольным камнем науки о медиумизме.

Конечно, признание медиумических явлений деятельностью духа не есть априорное знание в том смысле, как математические аксиомы; но все же в некотором отношении оно предшествует опыту, так как основывается на том делении, которое обуславливает самую возможность нашего мышления: делении мировых явлений на парные понятия — мертвого и жизнедеятельного, свободы и необходимости, добра и зла. Замечательно при этом, что общее бессознательное воззрение на спиритизм основано на том же убеждении. Никому не приходит в голову объяснять медиумизмом достаточно загадочное явление зодиакального света — потому именно, что здесь явно не может быть речи о духовной деятельности. Вряд ли качание стола на сеансах подало бы повод к образованию новой отрасли знаний, если б в этих качаниях не сказалась разумность. Самое слово «таинственный», которым обычно означает в разговорном языке проявления <так!> медиумизма, применимо только к духовной деятельности. Если мы говорим, напр., о таинственном доме, то разумею не самое здание, а происходящие там события.

Итак, допуская с точки зрения научной доказательности все основные теории, выставленные серьезными исследователями медиумизма, мы имеем право отвергать объяснения, даваемые ему философским материализмом. Признание изначальности, самобытности духа составляет основное условие для изучения медиумических явлений — подобно тому, как только зрячий может изучать гармонию красок. Теории, сводящие сознательную деятельность на бессмысленный процесс, совершающийся по законам механической причинно-

сти в мире атомов, — несовместимы с занятиями медиумизмом. Смысл его в том, что здесь проявляется творчество свободного духа; как же может оценить это явления <так!> тот, кто еще не признает ни духа, ни свободы? Все его наблюдения будут ложно направлены и в громадном большинстве бесполезны; все его выводы будут построены на песке. Но, с другой стороны, все исследователи, ищущие в медиумизме проявлений духовной жизни, могли собрать и действительно собрали важные материалы для суждения о нем. Материалы эти получили даже тем большее значение, что исследователи шли по разным путям, имея в виду разные гипотезы, пользуясь разными методами. Благодаря этому вопрос оказался освещен с целого ряда сторон.

Методы, которые применялись до сих пор этими исследователями, можно свести к трем типам:

Во-первых — наблюдение человеческого духа. Этого приема ни в каком случае не должен избегать исследователь медиумизма. С одной стороны, приходится иметь в виду теорию, объясняющую медиумические явления скрытыми силами нашего собственного духа. С другой, если б эту теорию и можно было совершенно отвергнуть, — изучение человеческого духа может иметь значение как метод приближения. Весьма полезно бывает для выяснения характера каких-либо явлений изучать близкие к ним. При разнообразных трудностях изучения медиумизма наблюдение хотя бы только сходных явлений в человеческом духе может объяснить многое. В этом направлении особенно замечательны работы Роше и Барадюка.

Во-вторых — непосредственное духовное общение с силой, проявляющейся медиумически. Общение это достигается разными путями. Средневековые магики достигали его посредством *заклинаний*. В наши дни нечто подобное совершается *при полной материализации*. Заменой ее может быть *трансфигурация*, когда медиум заменяет собой личность неведомого деятеля, вступающего в общение с наблюдателем (опыты Ходжсона с м-с Пайпер). Некоторые лица обладают способностью постоянно находиться в таком общении, независимо от каких-либо способов (Сведенборг, Девис). Более обычным способом служит получение сообщений посредством *писания* (непосредственного, автоматического, через указание букв и т. п.). Показания свидетелей и наблюдателей и собрание прямых сообщений, полученных этими способами, составляют материал по объему своему — громадный.

В-третьих, наконец, — наблюдения как бы со стороны различных проявлений медиумической силы. Сюда относятся такие факты, как появление призраков, непокойные дома, физические явления, происходящие на «сеансах» в узком смысле слова, и т. п. Эти наблюдения должны пополнить и во многом изменить наши сведения об отношении между духом и материей. С сущностью медиумической силы они знакомят мало, но выясняют условия ее бытия и ее *modus*

operandi. Сообразно с этим, научная задача сеансов — получить по возможности *разнообразнейшие* проявления медиумической силы. По поводу сеансов обычно заходит речь об обманах со стороны медиума, хотя обман и симуляция столь же возможны и при других приемах исследования (напр., при автоматическом письме). Всего естественнее отличать «подлинное» явление от «поддельного» по его внутренним свойствам. Факты действительного проникновения материи сквозь материю не могут быть подделаны медиумом; если же является сомнение, кто качает стол, то вопрос этот не стоит и расследовать (ибо факты движения предметов под влиянием медиумической силы уже наблюдались, и еще один подобный факт не прибавит ничего нового). Кроме того, возможно изучение самих фактов обмана; оно может пролить свет на вопрос о доли <так!> участия в медиумизме *внушения*, исходящего ли от участников сеанса или от незримых деятелей.

Из этих трех типов исследования самым существенным, основным — должно признать второй, принимая во внимание, что все наше знание о медиумической силе сводится к признанию ее духовности. Этот второй тип исследования застаёт дух в наиболее свойственной ему деятельности — сознательном общении с другим духом. Если в научной психологии преимущественное обращение к физиологическим фактам и пренебрежение к чисто духовной жизни человека (напр., к данным художественного творчества) составляет, так сказать, первородный грех, то тем более должно этого опасаться в медиумизме, так как есть все основания полагать, что медиумическая сила еще менее тесно связана с физическим миром, чем наша душа. Наблюдение физических проявлений медиумизма могут <так!> служить дополнением и пояснением к данным, добытым на других путях, но ни в каком случае не самодовлеющим делом. Исследователь медиумизма не должен никогда забывать, что его конечная цель — знакомство с *духом*. Хотелось бы поэтому верить, что каковы бы ни оказались методы, которыми будет пользоваться наука о медиумизме в своем дальнейшем развитии, — они будут вести к подобным же результатам, каких достигаем мы автоматическим письмом, сообщениями при трансфигурации и т. п.

Конечно, кроме научного изучения медиумизма может идти речь о доказательстве подлинности медиумических явлений; многие выдвигают на первое место физические явления именно с этой точки зрения. Не пора ли, однако, перестать хлопотать о доказательстве медиумической силы? Ее существование доказано давно, зачем же бесконечное число раз делать то, что уже сделано? Доказательных фактов собрано серьезными наблюдателями вполне достаточное количество. Если же кто-нибудь, ознакомившись с литературой предмета, продолжает упорствовать в своем отрицании медиумической

силы, — ясно, что он не хочет убедиться или просто не может по самому складу своего мышления. Какую пользу принесут ему новые сеансы, которые дойдут до него все в той же форме книги? Нельзя же обратить сеансы в опыты и показывать их всякому желающему воочию убедиться в существовании медиумической силы; нельзя — по известной капризности медиумических явлений (т. е. их произвольности). Сеанс устанавливает условия, при которых скорее всего возможно ожидать проявлений медиумизма, но ни в каком случае не делает их необходимыми.

Вряд ли вообще физические явления медиумизма могут служить особенно сильным доказательством существования особой медиумической силы. В этом отношении в материале автоматического письма можно указать факты гораздо более убедительные (напр., все случаи установленной самоличности сообщающегося). Может быть, эти факты не столь поражают воображение, зато они и менее возбуждают недоумения и глубже захватывают предмет. Физические явления медиумизма, после первого изумления, всегда будут вызывать нарекания в своей малой одухотворенности, в своей сравнительной бессмысленности. Они всегда будут соблазнять наблюдателей объяснять их чисто физическими причинами, т. е. явно увлекать на ложный путь. Физические явления медиумизма получают свой истинный смысл только в свете данных, полученных иными путями, а потому начинать знакомство с медиумизмом физическими явлениями — крайне нецелесообразно. Оставим физические явления работникам-специалистам, ученым, которые сумеют в них разобраться, а начинающим, тем, кого влечет к медиумизму не пустое любопытство, а потребность души, — дадим то, что в нем есть ценного и возвышенного, что выражает его сущность: разумные духовные сообщения из иной области бытия.

НА СОБРАНИЯХ РУССКОГО СПИРИТУАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

<1>

Особенный интерес вызвал краткий отзыв г. Брюсова о новой книге Метерлинка «Le mort»; г. Чистяков по поводу этой книги и теории Метерлинка напомнил собравшимся об известной теории «радиантного организма» Ломброзо и об опытах последнего времени в Голландии.

В. Я. Брюсов прочитал из латинского сборника Малезиано 1604 г. несколько интересных случаев непокойных домов, почерпнутых у Плиния, Агриноты, Тильдехайма, Сигибера и др.

Собрание закончилось интересным сообщением г. Чистякова о деятельности Теософонич. <так!> Общества за последнее время и о происшедшем в этом О-ве расколе.

<2>

Собрание 11 марта с.г. началось сообщением д-ра *Пескова* о необычном поведении его часов в момент смерти его жены; два аналогичных случая приводит г. *А. и Б. В. Я. Брюсов* напоминает также о способности зеркал отражать нереальное, особенно в моменты смерти их владельцев, следствием чего явилось обычаем завешивать зеркала на время пребывания покойника в доме.

По поводу зеркал гг. *Ласская* и *А. и Б.* приводят случаи своих сверхнормальных видений в зеркалах. Затем *В. Я. Брюсов* сообщает два сделавшиеся ему известными случая: 1) автоматического письма от живого еще лица и 2) непокойных явлений, связанных с обручальным кольцом. По поводу последнего г-жа *Христофорова* приводит случай периодического ночного посещения ее ее отшедшей подругой, а г. *А. и Б.* рассказывает о странном медиумизме и снах госпожи *Е. Д.*

Горячий интерес вызывают переводы г. *Брюсова* из *Апулея*: 1) о детском ясновидении, из защитительной речи *Апулея*; 2) из трактата «О демоне Сократа» и 3) из книги «О мире» — «Мысли о Боге». Собрание заканчивается небольшой речью г. *А. и Б.* о символизме в предсказаниях.

Е. СЫРЕЙШИКОВА

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Пусть волны мечутся, как бешеные львицы,
И в пенных кружевах кружат мой хрупкий челн,
Но паруса мои, как крылья белой птицы,
Качаются во мгле над черной грудой волн.

Я знаю, есть предел громаде океана
И пристань ждет меня — она недалеко,
Я чувствую ее за синевой тумана,
Где прорезает тьму прожектор маяка.

Там ждет меня земля эфирно-голубая
И радостный привет немеркнувших светил,
Там лотос над водой, бессмертный свет впивая,
Фарфоровый бокал мечтательно раскрыл.

Там ждут меня друзья с глазами голубыми,
Как тот небесный свод, что вечно нежит их.

И верю я мечте, что скоро буду с ними,
Я слышу нежный зов в раскатах громовых.

Пусть ропщет океан и с грохотом сердитым
Вздымаются валы под гнетом темноты,
Я видела сейчас: к бортам полуразбитым
Прилив прибил траву и свежие цветы.

2

Кому поведаю печаль?
Пред кем в тоске пролью я слезы?
Как бурей сломанные розы,
Минувших миггов сердцу жаль.

Как приобщуся тишине
В минуту скорби безысходной?
В пустыне дикой и безводной
Оазис кто укажет мне?

Цветет пурпуровый закат
Под сводом ласково-хрустальным,
И всем скорбящим, всем печальным
Сияет радость райских врат.

И Некто светлый и благой
Ко мне нисходит с небосклона,
И складки белого хитона
Волнует ветер неземной.

И пряди золотых волос
Вянь, спускаются на плечи,
И кротки, словно в храме свечи,
Его глаза... Христос! Христос!

В Твоих руках дрожат цветы,
Их тот же горный вздох колышет,
Твое лицо любовью дышит
И светом пламенной мечты.

Твой мир слетает на меня
И льются радостные слезы.
Неувядающие розы
Ты мне несешь в закате дня.

ИЗ ОККУЛЬТНОГО БЫТА «БАШНИ» ВЯЧ. ИВАНОВА

Существенной составной частью петербургского культурного обихода начала XX века было сильнейшее увлечение разного рода оккультными предприятиями, вряд ли сводимыми к какому-либо одному знаменателю. Вообще роль России в мировом оккультизме достаточно хорошо известна¹, однако, на наш взгляд, при разговоре об этом феномене явно недостает конкретных материалов, которые помогли бы не просто констатировать такое влияние, но и дать представление о том, что и как именно происходило на разных уровнях погруженности различных кругов в эти тайные науки.

Нелепо было бы претендовать на хоть сколько-нибудь полное освещение данной темы, однако, как нам представляется, существует несколько довольно очевидных вещей, сказать о которых вполне возможно и даже необходимо.

Прежде всего это касается проблем распространения оккультизма в России, то есть прежде всего в Петербурге и в Москве².

Московский и петербургский изводы оккультизма, хотя и были тесно между собою связаны, все же представляли достаточно различающиеся явления. В первую очередь это относится, конечно, к степени институализации. Для Петербурга было характерно увлечение оккультизмом более или менее открытое и даже явственно культивируемое, поскольку прямо проецировалось на устремления царской семьи, искавшей через разного рода знатоков тайных наук исцеления несчастного наследника. Вряд ли есть смысл еще раз перечислять материалы, имеющие отношение к этой стороне действительности. Прочитируем лишь одну из довольно многочисленных газетных статей начала 1910-х гг., трактовавших об этих проблемах: «Увлечение оккультизмом развилось у нас за последние пять лет, с тех

пор, как им заинтересовались высокие круги». И далее приводилась показательная (хотя и основанная на вряд ли верифицируемых источниках) цифра: «По последним данным в Петербурге насчитывается до восьми тысяч оккультистов, в Москве — еще больше: около 12 тыс.»³.

В конце 1900-х и в 1910-е гг. оккультизм в Петербурге приобрел полу- а то и просто официальный характер, сделавшись предметом публичных лекций и столь же публичных обсуждений (например, доклад руководительницы русского отделения Теософического общества А. А. Каменской, сделанный на заседании Религиозно-философского общества, где в обсуждении выступили Мережковский и Вяч. Иванов⁴). Проник он и в самые широкие великосветские и не очень великосветские круги, что едко было описано Георгием Ивановым в довольно многочисленных квазивоспоминаниях. Вряд ли можно сомневаться, что подобного же рода внешняя, открытая деятельность оккультистов существовала и в Москве, однако вовсе не она, как кажется, являлась определяющей для первопрестольной. Прежде всего это касается самого характера оккультных поисков, которые в Москве в первую очередь, по традиции еще второй половины XIX века, были направлены преимущественно в сферу спиритизма, тогда как для сколько-нибудь культурно значимых петербургских кругов он не играл значимой роли. Вообще, как кажется, для петербургского отношения к спиритизму было характерно то, что отчетливо зафиксировалось в дневниковой записи Блока 1 января 1913 года: «Пообедав, мы с Любой поехали в такси-оте к Аничковым. Собрание светских дур, надутых ничтожеств. Спиритический сеанс. Несчастный, тшешдушный Ян Гузик, у которого все вечера расписаны, испускает из себя бедняжек — Шварценберга и Семена. <...> У Гузика болит голова, наливаются жилы на лбу, а все обращаются с ним как с лакеем, за сеанс платят четвертной билет»⁵, — и так далее.

Для Москвы — во всяком случае, для кругов, связанных с искусством (сеанс, на котором был Блок, проходил у Е. В. Аничкова, т. е. именно в этой среде), было характерно отношение совсем иное: сеансы устраивались более или менее регулярно, но для проведения их собирався кружок доверенных и близко знакомых между собою лиц, медиум находился среди самих же участников. Таковы были, сколько мы можем судить, сеансы у Миропольского, Брюсова, Соколова-Кречетова (см. свидетельство Н. И. Петровской, приведенное в предисловии), и сеансы официальные были скорее исключением. Если в Петербурге и спиритизм, и оккультизм вообще были практически официально признаны и делались достоянием достаточно широких слоев общества, то для Москвы более характерно было углубление интересов и уменьшение числа участников отдельных кружков, пусть даже общее число «оккультистов» было не меньшим, чем в Петербурге.

Косвенным образом об этом свидетельствует письмо известного мистика, впоследствии антропософа М. И. Сизова к Андрею Бело-

му, написанное явно в июле 1911 г. (оно было последним, отправленным в Боголюбье, откуда Белый вернулся в Москву 8 августа 1911 г.⁶), где он сообщает: «В административных кругах новость: жалеют, что разрешили теософическое общество, собираются теснить теософов и особенно не зарегистрированные кружки. В «Нов<ом> Врем<ени>» недавно напечатана статья по поводу обнаружения и высылки из Москвы иезуита Варцинского, что, мол, все теософы и прочее и прочее суть орудия иезуитов. Подольет масла! У «мережковистов» в Петерб<урге> обыски. Теософию невзлюбят за ее уже международный характер. Этого достаточно, ибо — теснят... эсперантистов...! Арестовали на вокзале какого-то их председателя, когда его провожали члены съезда, что-то в этом роде, не знаю точно»⁷.

Частные мистические горения, столь распространенные в Москве (хотя бы в «аргонавтизме», тщательно исследованном А. В. Лавровым⁸), в Петербурге дополнялись стремлением создать минимальные ячейки, из нескольких человек, не особенно ищущих выхода за свои пределы. В Москве же индивидуальные искания чаще всего, сталкиваясь со стремлением к объединению, вступали с ним в противоречие, и это столкновение завершалось решительным отталкиванием. Потому сколько-нибудь серьезные московские оккультные кружки были гораздо менее значимыми, чем петербургские, где отдельные искатели тайной истины оказывались способными находить между собою общий язык.

Московская и петроградская группы вступали между собою в непримиримые или плохо примиримые отношения, о чем свидетельствует сохранившаяся переписка одного из главных персонажей нашей работы — А. Р. Минцловой. Побывав в начале 1909 г. в Москве, она сообщала своему эпистолярному confidentу: «При близком рассмотрении Москвы, и экзотерично и эзотерически,— я совершенно ясно и четко увидела следующее: настолько испорчено все, так отравлены колодцы здесь, что остается одно теперь: *оставить* все, совсем, и идти в другое место, незараженное. Это я и сделаю. Несколько человек отсюда, не тронутых заразой (из тех, что приходили ко мне «на аудиенции»), я возьму с собой, к осени, в Петербург. Это уже условлено. Никого из кружков наших — взять нельзя, я это ясно почувствовала, затем проверила и еще раз проверила, иным способом — —

Картина следующая: здесь, теперь, *две* группы — одна здоровая, тупая, ограниченная, штейнерианская — — Алеша и тетя Таня и еще несколько человек — (Алеша совсем пропал, это самый заядлый «теософ») — — и затем вся остальная толпа, перепорченная этим «оккультизмом» и медиумичная до последней степени. Насколько, что *нельзя* назначить молитву, о которой я говорила. — Штейнеровская группа, оказывается, считает молитву всякую — опасным суеверием — другая группа настолько медиумична, что часть *совсем* не пойдет на та-

кую молитву, а те, кто придут, впадут в «хлыстовское радение», очень страшное сейчас — — —⁹.

Конечно, очень о многом из этой сферы мы никогда не узнаем, поскольку просто не обладаем и вряд ли будем когда-либо обладать документальными свидетельствами о мистической деятельности таких, например, важных для петербургской оккультной атмосферы лиц, как Е. И. Дмитриева (будущая Черубина де Габриа), Б. А. Леман (писавший под псевдонимом Б. Дикс), О. Н. Анненкова, В. Д. Гарднер, даже об исканиях М. А. Волошина в этой сфере мы знаем очень мало. Однако существенно, что все же некоторые фрагменты картины восстановить оказывается возможно, прежде всего на основании сохраненного в хорошем состоянии предреволюционного архива В. И. Иванова, и слабые отголоски серьезных поисков, составлявших существенную часть общей культурной и идейной атмосферы второй половины девятисотых и почти всех десятых годов, могут быть обнародованы.

Для предлагаемого вниманию читателей опыта такого рода мы выбрали весьма своеобразный материал, позволяющий обнаружить две ипостаси существования оккультизма в жизни эпохи: серьезную, в которую верили люди здравого и сильного ума, а рядом с этим — сугубо бытовую, мелочную, основанную на женских симпатиях и антипатиях, неясных ощущениях, мелких поступках... Речь пойдет о довольно известном из мемуаров М. В. Сабашниковой-Волошиной фрагменте ее отношений с Вячеславом Ивановым, после которого тот, сколько мы можем судить, вообще распростился со своими оккультными интересами, как и со многим другим. Вот как описывает последнюю свою петербургскую встречу с Ивановым Сабашникова:

«В Петербурге на вокзале меня встретила Минцлова и передала письмо от Вячеслава. Как вычурны и ненатуральны были эти строчки! Я поехала прямо в «башню». Был полдень, но мне пришлось ждать, пока Вячеслав встанет. <...>

Приехала Вера, старшая дочь Лидии, вызванная телеграммой из деревни, где она гостила у друзей. «Я чувствую Лидию через Веру», — сказал мне Вячеслав.

Час за часом вспоминаю я три дня, проведенные мною тогда в Петербурге. <...> Отношение Вячеслава ко мне не изменилось. Так он сказал, когда мы втроем стояли у портрета Лидии. На дощечке, которая как раз там лежала, он мелом нарисовал дерево. Одна его половина сухая, другая покрыта цветами. «Это — моя душа».

В этот момент Вера прошла мимо двери, он ее позвал и спросил: «Вера, я люблю Маргариту, что мне делать?» Она ответила: «Быть верным Лидии».

Я сама уже не была прежним ребенком, беспомощным, неустойчивым. Всем существом своим я чувствовала в наших отношениях веление судьбы и ощущала в себе мужество принять на себя эту судьбу. Также ясно я понимала, что нездоровая, душно мистическая ат-

мосфера, в которой жил Вячеслав, для него губительна. «Венок сонетов» к Лидии, который он мне прочел, — совершенный по форме — показался мне мумификацией живого. Духа Лидии я в этих стихах не находила. Вся жизнь в «башне» была вознесена в потусторонние сферы, в которых естественные чувства должны увянуть, и в то же время потусторонность совлекалась вниз, в сферу личных желаний. Чтобы остаться вблизи Вячеслава, я решила поселиться в Петербурге. Борис Леман нашел для нас с Минцловой на Васильевском острове квартиру с мастерской. <...>

Вернувшись в Петербург, я нашла Вячеслава для меня недоступным. Он был как будто в чьей-то чужой власти. Я отошла. Минцлова жила со мной, но все дни до позднего вечера проводила в «башне». Возвращаясь, она со все большим отчаянием восклицала: «Он — не он, он уже больше не он!» — это стало ее постоянным припевом. Но и она казалась мне не совсем собой. Вскоре Вячеслав женился на своей падчерице Вере»¹⁰.

Известен и дневник Иванова, описывающий дни этого последнего свидания, но как раз самые центральные остаются вне записей. Однако в московском архиве сохранились бегло набросанные странички дневниковых записей Веры Константиновны Шварсалон, относящиеся к тому же самому приезду Сабашниковой. Если Шварсалон когда-либо и вела систематические дневники, то нам они неизвестны. Но в моменты своей жизни, которые могли оказаться поворотными, она на случайных листках бумаги начинала делать записи, которые позволяют нам взглянуть на эти критические моменты глазами совсем молодой и не всегда абсолютно проницательной девушки¹¹. И для того, чтобы их понять должным образом, надо несколько подробнее остановиться на той мистической стороне дела, которая для Шварсалон была если не вовсе закрыта, то отступала на второй план за переживаниями другого рода.

История взаимоотношений Иванова и Сабашниковой-Волошиной при жизни Л. Д. Зиновьевой-Аннибал достаточно хорошо известна, хотя, конечно, и нуждается в дополнительном документировании¹². Но вот о том, что происходило после, имеет смысл напомнить хотя бы в самых беглых словах, поскольку это непосредственно связано с интересующей нас темой.

После внезапной смерти Зиновьевой-Аннибал к Иванову в Загорье явилась Анна Рудольфовна Минцлова. К тому времени она была еще явно периферийной фигурой как петербургской, так и особенно московской мистическо-литературной жизни. Так, Н. И. Петровская в одном из писем к Брюсову достаточно иронически сообщала ему: «Я очень подробно расспрашиваю его (С. А. Ауслендера. — Н. Б.) о всей петербургской жизни, — о Кузьмине <так!>, Иванове, Городецком, о «башне», на которой наша московская пророчица — Анна

Рудольфовна играет теперь роль не малую, задаю самые коварные вопросы и узнаю очень много»¹³.

Эти слова Петровской были написаны в то время, когда Минцловой уже удалось в Петербурге обрести по-настоящему свою репутацию сильнейшей оккультистки, связанной не просто с лидерами теософического общества, с Рудольфом Штейнером, но и прямо с какими-то загадочными руководителями планетной истории. Особенно ее роль усилилась с того момента, когда она стала ближайшим конфиденнтом Вячеслава Иванова. С самого конца 1907-го или даже с начала 1908 г. она начала совершенно определенно выполнять функцию посредника между оккультными кругами Москвы и Петербурга, как подчиняя своему влиянию новых и новых людей, так и устанавливая принципиально новые контакты между давно знакомыми. Таким образом она соединила в некую мистическую общность Иванова с Андреем Белым, но объектом ее постоянного воздействия Иванов продолжал оставаться на протяжении долгого времени. И для нас очень существенно, что их взаимоотношения развивались на разных уровнях, и уровень чисто бытовой оказывается зачастую не менее — а то и гораздо более! — важным, чем переживания возвышенные и осененные веянием нездешнего воздуха.

Едва ли не первым заметил эту поразительную разницу уровней и одновременное их совмещение М. Кузмин и, освободившись от поглощающего влияния Минцловой, не преминул летом—осенью 1908 г. представить их в пародийном виде в небольшой повести «Двойной наперстик», первоначально причинившей немало переживаний тем людям, которые признали себя ее действующими лицами, а потом оставленной в забвении и самим Кузминым¹⁴.

Но с особенной ясностью для действующих лиц (насколько мы можем судить по доступным ныне документам) все сказанное проявилось в интересующем нас эпизоде, когда летом 1909 г. Сабашникова приехала на «башню» окончательно выяснять отношения с Ивановым, опираясь на поддержку (впрочем, весьма двусмысленную) Минцловой.

До этого она с Ивановым не виделась, и даже письма от нее в его архиве весьма редки. Согласно ее воспоминаниям (впрочем, как мы увидим в дальнейшем, нередко весьма неточным), «весной 1909 года Минцлова приехала прямо из «башни» в Берлин. Она говорила исключительно о Вячеславе: «Он думает только о Вас, он говорит только о Вас. Теперь Вы должны с ним встретиться». Я испугалась и усилием души отстранила от себя эти слова»¹⁵. Тогда же, весной, Минцлова пишет Иванову ряд писем, в которых настаивает, чтобы он приехал в Германию для встречи с некими «Учителями», и эти настояния совпадают с письмом от Сабашниковой к Минцловой, слова из которого она переписывает для Иванова: «Анна Рудольфовна, передайте Вячеславу, что я прошу его приехать ко мне в Германию чис-

ла 10 Июня нового стиля. Видеться с ним урывками в Касселе в этой суете и многолюдности, при разных людях, требующих моего внимания (кот<орых> приезда в Мюнхен я не могу отклонять), считаю, будет очень трудно и мучительно. Думаю, он найдет возможность это сделать. Я прошу телеграфировать мне ответ теперь же. Я еду в Eisenach 7 Июня (нов. стиля)»¹⁶.

Летом план встречи начал обсуждаться в письмах уже более конкретно: согласно ему, Иванов должен был приехать в Германию, о чем свидетельствует письмо Сабашниковой к нему из Касселя от 30 июня нового стиля (17 июня старого):

«Дорогой Вячеслав Иванович

Сегодня я телеграфировала Вам в ответ на Вашу телеграмму, и хочу еще подробнее Вам написать. До 8-ого июля Вы могли бы застать меня в Касселе. Но так скоро едва ли Вы соберетесь. Я могу встретить Вас в Веймаре, чтобы потом, если захотите, проехать вместе в какое-нибудь местечко в Тюрингских лесах между Gotha и Веймаром, Ильменау, Elgeldburg, где бы Вы могли отдохнуть.

Я должна была из Касселя ехать в Россию, потому и просила вас приехать раньше, но теперь мои планы несколько изменились и я остаюсь в Германии. Получив это письмо, телеграфируйте мне определенно день приезда. Могу Вас встретить также в Eisenach'e. Жду точного ответа.

Маргарита.

Рукописи возьмите с собо<й> отдельным *ручным* багажом»¹⁷.

Однако Иванов не приехал, а вместо этого состоялся обмен телеграммами, который он так воспроизвел в дневнике: «Телеграмма от Маргариты: "Komme jetzt Petersburg" в ответ на мою телеграмму: "Reise scheint gegenwärtig inmöglich. Dankbar"»¹⁸.

В следующие дни Иванов обуреваем сложными мыслями, которыми делится с Минцловой, — мыслями, в которых высокое и мистическое переплетается с непосредственными рассуждениями о дальнейшей реальной судьбе здесь, а не в каком-либо инобытии. При этом изменяющийся по ходу дела почерк свидетельствует о том, что его душой овладевает покойная жена, совета и благословения которой он ищет. Но сами слова весьма показательны: «Была Анна Рудольфовна. Она меня мучает всеми вскрывшимися подозрениями, всеми противоречиями — и я мучил ее откровенно и сознательно, излагая ей, строя целые здания мрачных гипотез, целые романы демонических сплетен, зная, что только какая-то часть из всего правда, но что некоторая часть все же правда»¹⁹.

С полной несомненностью неразрывное сплетение бытийственного и даже надбытийственного с бытовым проявляется в непосредственной реакции Иванова на телеграмму Сабашниковой: «Буду завтра восемь тридцать», полученную 28 июня²⁰. Он тут же вызывает телеграммой из Меррекуля падчерицу, в то же время передавая с

Минцловой письмо, приглашающее Сабашникову жить на «башне», а на следующий день — письмо прямо противоположного содержания, текст которого, записанный в дневнике, имеет смысл привести здесь: «Дорогая М., как ни тяжело признаваться в своей необдуманности и противоречить себе самому, однако то, что я понял при более спокойном рассмотрении, обязывает меня к такой поправке. Я понял, что не должен брать на себя ответственность, вытекающую из Вашего решения остановиться на башне. Я не уверен, прежде всего, что Марья Мих. не почтет этого моего поступка несоответствующим тем намерениям, которые я высказывал ей при нашем свидании. Не должно также, чтобы те, многие, которые сочиняют и распространяют о нас сплетни, оскорбляющие не наши только два имени, имели в своем распоряжении определенный и точный факт Вашего переезда ко мне...»²¹

В воспоминаниях Сабашниковой нет ни слова о таком письме, и это понятно: оно оскорбило ее так, что еще долгое время спустя вспоминалось при перечислении своих обид: «Летом, когда Вы отказали мне в крове, п<отому> ч<то> толки о моем присутствии оскорбили бы память Лидии, — этим поступком Вы *расписались* во всех сплетнях, кот<орые> о нас ходили и ходят, и даете *право* всем тем людям, которые теперь не подают мне руки или отворачиваются здороваясь, поступать так. Когда это было до моего приезда в П<етербург>г, я относилась к этому равнодушно, уверенная, что благодаря Вам и Вашему рыцарству они поймут, какая глубокая несправедливость в таком отношении»²².

Именно с этого момента начинается повествование в дневниковых записях В. К. Шварсалон. Они печатаются по автографу (РГБ. Ф. 109. Карт. 46. Ед. хр. 53). Автор пишет весьма небрежно, часто пропуская буквы и искажая слова («думую» вместо «думаю», «мо-мо-ему» вместо «по-моему», «стояние» вместо «строение» и т. п.). Для облегчения восприятия эти искажения исправлены нами без оговорок, однако особенности синтаксического строения фраз сохранены, а сокращения раскрыты в угловых скобках. Знаки препинания нами составлены по правилам современной пунктуации.

После окончания событий, описанных в этом тексте, отношения Иванова с Минцловой вступили в иную стадию, которая нуждается в тщательном описании, но это — задача совсем уже иной работы, поскольку речь должна идти не о сугубо петербургских событиях, а также поскольку свидетельства, дошедшие до нас, снова закрывают ту бытовую сторону, которая неожиданно приоткрывается в записях В. К. Шварсалон и дает уникальную возможность представить более чем существенные для жизни и творчества Вяч. Иванова события в двойном освещении, понять одновременно и мистические причины их, и сугубо реальную, иногда даже откровенно низкую подоплеку.

ДНЕВНИК В. К. ШВАРСАЛОН ЛЕТА 1909 ГОДА

Понедельник <29 июня 1909>

В условленный час Мар<гарита> и А<нна> Р<удольфовна> не приезжают к завтраку²³. Вячеслав> ждет с нетерпением — предполагает, что Мар<гарита>, получив письмо, уехала, — говорит это магическое слово *втроем*. В 5 часов они приезжают. Первое движение Мар<гариты> было уехать, А<нна> Р<удольфовна> говорит, что она остановила. А<нна> Р<удольфовна> говорит Вячеслав>у, что он, конечно, прав и т. д. (из дальнейшего видно, что она этим письмом очень недовольна). А<нна> Р<удольфовна> считает, что ехать на дачу втроем нехорошо²⁴ (я думаю, потому что *ее туда не звали*). Разговор в гостиной. Вячеслав> читает перевод Новалиса²⁵. Мар<гарита> хвалит, но не одобряет руссизмы, кот<орые> у Вячеслава> заменяют немец<кие> обороты. Со мной Мар<гарита> молчаливо-сдержанна. Мы обедаем. Почти без Вяч<еслава>, т. к. приходит Савитри (А<нна> Р<удольфовна> на вопрос Вячеслава> говорит, что она не хочет ее видеть). Мы остаемся одни, говорим с Мар<гаритой> о Париже. Она спрашивает меня только об экзаменах и что я делаю. Вячеслав> уводит А<нну> Р<удольфовну> к себе. Мар<гарита> ложится отдыхать. Вячеслав> гов<орит> с А<нной> Р<удольфовной> о разных важных советах для Германии. Он говорит, чтобы она разъяснила там все по отношению к себе, но что он останется в стороне, кроме того случая, если его позовут настоящие Р<озен>К<рейцеры> подробно разговор не знаю... А<нна> Р<удольфовна> уезжает. Вячеслав> идет к Мар<гарите>, говорит с ней. Я вхожу, он мне говорит остаться. Он делает ей полный <?>²⁶ отчет об прошедшем как о невозможности для них того соединения втроем, о кот<ором> они мечтали, — он гов<орит>, что, может быть, оттого невозможность, что нужно было сначала иметь двоих. Он гов<орит>, что теперь он ни на одну женщину не может смотреть, кроме того случая, если бы была такая, в кот<орой> к<а>к бы воплотилась Мама. Мар<гарита> сидела молча с распушенн<ыми> волосами, не двигаясь. Когда Вячеслав> подошел к ней и сказал, извинительно улыбаясь: «Ну что, я такие вещи *говорю сухо* и скучно...», поцеловал ее руку, — она что-то холодно проформотала вроде «да» — не знаю в точности. Потом молчала. Я решила уйти. За чаем она сначала молчала, потом отошла. Рассказывала про Вгоскен. Сказала, что <I нрзб> вдохновился от Вгоскен'ск<им> видом (!) <так!> и душа России должна слиться с духом Германии. После чая Вячеслав> повез ее к А<нне> Р<удольфовне>. По дороге она просила поехать еще куда-нибудь. Он сказал: «На острова далеко», — и они поехали до Исааковск<ого> соб<ора> (про кот<орый> она сказала: «Это все-таки красиво» (!?)). Когда Вячеслав> вспоминал что-то старое, она сказала: «Это все не важно, пот<ому> что теперь только я по-настоящему тебя люблю». Потом гов<орили>

о другом. В<ячеслав> гов<орит>, что она внутренне окрепла, но говорит мистически много ложно, неверно.

В<ячеслав> говорит, что она у него за день несколько раз целовала руку, а других нежностей было только когда она смотрела портрет²⁷ и гов<орила>, что он нехорош и т. д., потом, полулежа на диване, прижалась головой к Вячеславу. Первая начала на ты.

Но В<ячеславу> кажется, что у нее есть завоевательные цели. Смотря комнаты, она говорила: «Все как-то нелепо...» Его стихи, кроме Новалиса, не похвалила и не просила читать.

Уезжая, просила В<ячеслава> прочесть все, что она не знает, Мамин<ых> вещей для статьи²⁸.

Во вторник В<ячеслав> ждал с утра Мар<гариту>. А в 6 час<ов> приходит А<нна> Р<удольфовна>, скрытно говорит, что Мар<гарита> уехала к Леле²⁹ в Финляндию. — «На сколько?» — «На 2—3 дня. А может быть, меньше, я не знаю». Мимоходом замечает: «Она вернется и останется всего *несколько часов в С.П.Б.*, потом уедет... А может быть, дольше, я не знаю». В<ячеслав>у говорит то же при мне. Он поражен видом интриги и скрытничества и что-то ей замечает, смеясь: «Вы самое главное (неск<олько> часов вместо 2 нед<ель> в СПб) говорите мимоходом, все для эффекта». Она защищается спешно и нервно: «Я не хитрю. Я не знаю. Ведь Мар<гарита> любит Лелю, а Леля не может приехать в С.П.Б» и т. д. Вечером В<ячеслав> рассказывает, что она совсем потеряла *contenance*, говорила ему о том, что она находит, что он *слаб и слабо действует* эти дни (*а решительное письмо?!!*), что его письмо — *заученный урок* (значит, внушенная), что нет ли у него *другого учителя*, если да, — он *должен признаться*, что он действует к<а>к мистик, но не светлый, и т. д. Когда В<ячеслав> возмущался и сердился на ее намеки, она пугалась, тут же плакала, старалась загладить и т. д. После чая сделала так, что еще ушли они в комнату В<ячеслава>, и она все заглаживала. Сказала, что непременно придет завтра. В<ячеслав> сам смеялся, гов<орил>: «*Она хочет загладить впечатл<ение>*». Потом я сказала: «Увидишь, что она соберет силы и будет завтра обыкновенно умна и хороша. И устроит так, что каждый компот будет к<а>к-нибудь объяснен».

В среду вечером В<ячеслав> выходит из кабинета очень оживленный (нап<ример>, кричит мне зычным нервным голосом: «Закрой окно, да закрой же окно», — не сердясь, но шутя, но очень раздражительно). После чая А<нна> Р<удольфовна> играла на рояле (5 симф<онию>), играла очень хорошо, сильно, почти ритмично, и, к<а>к я уже сказала В<ячеславу> про вторник, к<а>к-то заманчиво³⁰. Прощаясь, она поцеловалась с В<ячеславом>, прильнув, что-то сказала смешное, т<ак> что он засмеялся, положив голову свою на ее плечо и поцеловав его. Она провела рукой по волосам и щеке. Говорила, сильно настаивая, что она завтра встанет и уедет рано (<I нрзб> сказал что-то вроде: «Разве нужно?») и что он не должен вставать, ни за

что не должен, что ему вредно рано вставать и т. д., хоть он и не изъявлял желаний. Он говорил: «Вам все там приготовлено», она все что-то говорила и не уходила, пока наконец он все-таки не сказал: «Ну, я вас провожу», чего, видно было, раньше *не хотел* делать. Я забыла сказать, что А<нна> Р<удольфовна> приехала только в 9 1/2, хотя он ее целый день нервно ждал, и прямо сказала: «*Можно мне ночевать?*» — не давая ясных причин необходимости (она говорила об отъезде тетки, о необходимости ночью работать, хотя у нее есть у себя свободная комната).

Когда В<ячеслав> вышел от нее и подошел ко мне, хотел меня поцеловать, то я почувствовала какой-то приток чуждости, почти ненависти ко мне, и оттолкнула его. Он очень рассердился. Я что-то сказала про А<нну> Р<удольфовну>, он сейчас же заявил: «Ничего компотного больше нету, все прошло. Она сегодня говорила только высокие и светлые слова...» Я только сказала: «Я тебя же предупреждала, что сегодня все будет светлое, высокое необыкновенно и гармонично, чтобы загладить вчерашний день». Вечером мы поссорились из-за нее. Я была подавлена законностью этого упадка и отклонения В<ячеслава> от нее, и потом его полную перемену <так!>, к<а>к только она появлялась с новыми силами. Он меня даже отпустил, не прощаясь. Но потом все-таки через 1 час позвал. На следующий день, конечно, его ждало уже письмо от А<нны> Р<удольфовны> «Вячеславу». В этот день она куда-то ехала, не знаю куда. В<ячеслав> прочел молча письмо. Я опять навела разговор на то же. Почему А<нна> Р<удольфовна> остается в С.П.Б, а не едет в Германию? Сначала был явный *предлог* денег (будто бы она ждет денег, потом деньги пришли, но не может получить без тетки, но тетка была за час в Оранienb<ауме> и часто приезжала). В<ячеслав> согласился, что, вероятно, она *ожидала приезда* Мар<гариты> и (я думаю) его, м<ожет> б<ыть>, *устроила*. Теперь же она сама говорит, что *остается*, пока Мар<гарита> *здесь*. Я выставляю вторую причину: ее *фонды после истории делегата явно упали*, она теряет почву, уезжать при неблагоприятном к ней отношении В<ячеслава> ей невыгодно. *Значит, нужно остаться здесь и, м<ожет> б<ыть>, при помощи Мар<гариты>, взять опять верх и влияние*. В<ячеслав> и я установили уже раньше, что она *желала для каких-то целей поселение Мар<гариты> на башне*, может быть, чтобы *contrebalancer* мое влияние, кот<орого> она боится к<а>к враждебное <так!> ее вл<иянию>. Суть нашего разговора следующая:

В<ячеслав> говорит, что он развел серной кислоты, кот<орая> уничтожила компот, т. е. микробы, делающие компот.

Я говорю: «*Источник заражен*, а ты только уничтожил их в твоей чашке — источник принесет новые.

В<ячеслав> *гов<орит>*: У меня фильтр, все, что ко мне приходит, проходит через него. Я не нуждаюсь в борьбе с источником.

Я гов<орю>: Если бы мы не уничтожали холеру в городе, а только боролись бы дома против нее, то это истощило бы город.

В<ячеслав> гов<орит>: Компот на поверхности, в человек<ских> чувствах и интригах, внутри свет, каждый раз А<нна> Р<удольфовна>, получая выговор, раскаивается и находит в себе сильный свет. Она дала мне страшно ценный совет, для *внутреннего дела*, кот<орое>, я знал, мне нужно, но без нее не решил бы сделать. Есть великое дело — *строение храма*, для него я готов всегда, конечно, и желаю выше всего работать. А<нна> Р<удольфовна> мне дала те чисто христианск<ие> <так!> знания о моем духе, кот<орых> я не мог бы найти у Штейнера, ни у кого другого.

Я гов<орю>: Мы не знаем, что было бы. Чем важнее дело строения храма, тем ужаснее, если мастерами называются те, у кот<орых> имя Христа ложно на губах. Я не вижу в А<нне> Р<удольфовне> света, она не от света. *В<ячеслав> гово<рит>*: Я вижу. *Я гов<орю>*: Вот что, по-моему, часто бывает: Учитель не от света, украдывает откуда-то свет и дает его ученику к<а>к силу, посредством кот<орой> он поведет его к своим земным целям, но бывают ученики или восприимники <так!>, которым помогает высший свет, кто-то высший их ведет, и тогда темное не имеет власти над ними. Свет же в них сам разгорается. Тогда учитель пытается сам заразиться этим же светом к<а>к силой и маской для конечной не светлой цели, и отсюда борьба — ученик же не знает, что учитель его не от света.

В<ячеслав> гов<орит>: Это все буквально точно. Ответ на мистическ<ий> вопрос, что должен делать ученик, когда он почувствует это?

Я гов<орю>: Он должен отколоться от учителя, стать самостоятелен и *познать до конца своего учителя*, дать тому понять, что он больше не ученик, и пытаться везти <так!> дурного учителя к свету. *В<ячеслав> г<оворит>*: Это верно, я буквально так действую, когда я вижу недостатки А<нны> Р<удольфовны> — у нас взаимодействие, она знает это и говорит, что я уже не ученик. Она постоянно меня ставит выше себя (*политика*). *Я гов<орю>*: Но ты недостаточно познал ее и вводишь ее в обман, позволяя ей думать, что она тебя ведет. *В<ячеслав> г<оворит>*: Это так нужно, и я не имею улик.

Я гов<орю>: Ты часто действуешь тряпично.

В<ячеслав> гов<орит>: Это так кажется, но это только осторожность, мудрая.

Я гов<орю>: Твой долг, когда ты хочешь познать путь, куда идет твой учитель, раскрыть все, что туманит путь. Она здесь только разводит компот <сверху вписано: интригу> и туманит свой прямой путь — отъезд в Германию. —————

А<нна> Р<удольфовна> (!!) говор<ит>, что Мар<гарита> сказала про В<ячеслав>а, что он Велик<ий> оккультист.

Пятница

Во-первых, выяснилось, что А<нна> Р<удольфовна> написала письмо Мар<гарите>, прося ее не приезжать в четверг, а приехать в пятницу, сама же она сказала, что в чет<верг> куда-то уедет; куда — ни мне, ни В<ячеслав>у не сказала. Значит, 1) она не хотела допустить минутного свиданья В<ячеслава> и Мар<гариты> без нее. 2) По предположению В<ячеслав>а, она поехала к Мар<гарите> сговориться с ней, сообщить ей о том, что В<ячеслав> говорит, и т. д. (это предположение В<ячеслав>а). В 6 часов приезжает Мар<гарита>, я выхожу, но встречаю ее уже в нашей внутренней передней. Здравуюсь и веду обратно через переднюю в гостиную. А<нна> Р<удольфовна> говорила, что она поехала главн<ым> обр<азом> выспаться, — на мой вопрос Мар<гарита> говорит: «Я не для этого поехала». Потом говорит: «Можно видеть В<ячеслава>?» — проходит мимо меня прямо к нему в кабинет. Через несколько минут мы идем обедать. За обедом разговоры о Штейнере³¹ и путешествии в Норвегии (старуха-социалистка — сказки).

Потом В<ячеслав> предлагает прочесть Sonetenkranz. Она просит в оранжевой комнате. Я тоже прихожу (спросив В<ячеслава>), сажусь на окно. Но скоро В<ячеслав> отзывает меня под предлогом и гов<орит>, что Мар<гарит>е, по-видимому, неприятно мое присутствие. Они остаются одни. Тут происходит разговор, кот<орый> резюмируется в следующих обвиненьях ее на В<ячеслава>

Кот<орый> жив
 темный он
 стр<ашный> пот<ом?>
 эгоцент<рик>
 не отрешенн<ый>
 Не с М<аргаритой>
 стихи — бальзамир<ованная> мумия³²
 etc
 etc

Потом В<ячеслав> идет с А<нной> Р<удольфовной> к себе, спрашивает Мар<гариту>: «Хотите, я вам пришлю Веру?» — она гов<орит>: «О да! — но не занимать просто». — «Ну да, конечно». Я прихожу. Она встречает необыкновенно ласково — но скоро это потухает. Что есть мое главное занятие? — Переводы³³. Потом я прямо говорю о том, что я имею чувство, что знаю ее очень давно. Она спрашивает, изменилась ли она. Прерывает <?> В<ячеслав>, потому что А<нна> Р<удольфовна> просила *остаться наедине перед разговором*. Дальше у нас разговор не клеится, долго молчим, она замечает: «Трудно разговариваться, пока не получится внутреннее знакомство» (кажется, так). Я говорю о трудн<ости> своей вообще легко гов<орить> — она гов<орит>: «Хорошо, когда можно молчать». Я поправ-

ляю: «Если молчание живо — да». Дальше темы — о статье о трагическом (импульса не было писать дальше — поддержки В<ячеслава> не стало³⁴), об одиночестве (я гов<орила>, что она найдет в России друзей для дела) — о Леле — о Богдановщине³⁵ — о ее брате³⁶, о Сереже³⁷ (хвалит), о Петровой³⁸ etc, etc, о мастерской в С.П.Б., о том, что В<ячеслав> не пишет писем.

Потом она хочет спать (мое предложение) до чая. Потом приходит, но сейчас же (музыка А<нна> Р<удольфовны>) уносит чашку в другую комнату. Весь вечер сидит в л<?> б<?> с В<ячеславом>. Говорит о человеке-подлеце в Берлине³⁹, о том, что без В<ячеслава> она не может жить.

А<нна> Р<удольфовна> гов<орит>, что сыграет все симфонии до отъезда (предлог — неудачная фраза В<ячеслава>: «В среду сыграйте им все <?>»).

Суббота <4 июля 1909>

Была Мар<гарита> одна, и после недолгого разговора с В<ячеславом> ушла (слова о мужьях).

В 7-ом часу В<ячеслав> поехал к ним. Она встретила его с шитьем, об этом не упоминала, но В<ячеслав> давал ей чувствовать, что между ними нет ничего общего, и между прочим сказал, что она на пути зла и готовая принять всякое сатанинское влияние в себя.

А<нна> Р<удольфовна> то входила, то выходила. Держалась нейтралитета. В беседе вдвоем сказала В<ячеславу>: «Или Вы во всем правы, или Вы во всем неправы», — и расспрашивала его о том, что Мар<гарита> ему сказала о нем.

Когда В<ячеслав> упомянул о «медиумизме», тогда, кажется, она сказала: «Вы правы», — и говорила о том, что в таком случае ответственность была бы на ней и ей нужно было бы потопиться или зарезаться: т. к. это самый тяжкий ок<культный> грех. В<ячеслав> вернулся страшно измучен.

Воскресение <5 июля 1909>

Сегодня В<ячеслав> с утра страшно утомлен и грустен. Мар<гарита> приехала только в 8, а А<нна> Р<удольфовна> — в 9. Мар<гарита> была у Л<еман>а⁴⁰ и говорит, что он необыкновенно мудр и хороший и что он для нас «дар какой-то». Нужно отметить, что А<нна> Р<удольфовна> сказала, говоря о дружбе Мар<гариты> с Л<еман>ом: «Он мне что-то подозрителен, этот субъект». Странно! зная, к<а>к А<нна> Р<удольфовна> его любит. Она гово<рила> с В<ячеславом>, когда касалась его сонетов, он отклонял, и вышло так, что он прямо ей ответил: «Да, между нами ничего нет общего — нам не о чем говорить», т. к. он не может с ней говорить ни о Маме, ни о стихах, ни о мистике. А<нну> Р<удольфовну> я встретила в коридоре, когда мы с Костей⁴¹ вернулись с прогулки. Она минут 5—10 в несколько

присестов целовала Костю, лаская его по голове и щекам. И сказала мне: «Я написала очень большое письмо С<ереже>». Эту же фразу она повторила еще раз точно мне в течение вечера, и потом В<ячеслав> мне гов<орил>, что она ему писала: увещала его сохранять дары, кот<орые> у него от мамы: благородство, доброту, кажется <?>, еще о чем — не знаю, потом делала ему «требование» (ее выражение), чтобы он всегда думал, что Мама бы сказала на тот или другой поступок. Я только заметила ей, что Сережа, несомненно, все так делает, а В<ячеслав>у сказала, что, я думаю, — письмо будет Сереже неприятно, т. к. Сережа мне признавался еще осенью, что ему тяжело то, что А<нна> Р<удольфовна> к<а>к бы хочет быть посредницей между Мамой и нами (включая В<ячеслава>). Я тогда С<ережу> старалась успокоить, к<а>к могла. С<ереже> не нравилось, что она показывала ему портрет Мамы, точно это было ее право.

От А<нны> Р<удольфовны> пахло сегодня, по-моему, очень тяжело (М<аргарит>е тоже это показалось), и она это к<а>к бы прятала сильной миррой.

Вчера В<ячеслав> просил мне <так!> быть с ней приветливой, я ответила, что менять свое основное о ней мнение не могу, но в отношении давно не имею личного <?> (стремлюсь не иметь).

Сегодня он опять о том же просил, сказав, что она впервые поняла то, что Мар<гарита> ей рассказывала о разговоре ее с В<ячеславом>, и еле стоит на ногах... в ужасе... хочет помочь Мар<гарите>... не может ее так оставить.

Дальше она играла неподходящую по В<ячеслав>у симфонию. Потом была тяжелая сцена с «минуточками» и «пастырем». В<ячеслав> очень оценил, что А<нна> Р<удольфовна>, державшая молчаливый нейтралитет, вставила нужное слово, показав, что она внутренне борется с Мар<гаритой>.

Потом чай — внешние разговоры. Потом А<нна> Р<удольфовна> ушла в кабинет с В<ячеславом>, через несколько времени я тоже туда пошла. Сначала вопрос о Штейнере (В<ячеслав> хотел писать, он это утром сказал М<аргарит>е, она сказала: «А<нна> Р<удольфовна> будет в ужасе», — так и было). В<ячеслав>, спутавшись, сказал: «В<ер>а, ты права». А<нна> Р<удольфовна> стала наедине гов<орить> В<ячеслав>у: «В<ер>а меня не понимает, я не боюсь, я за вас боюсь». Потом о Мар<гарите>. А<нна> Р<удольфовна> взволнованно гов<орит> о том, что Мар<гарита> не собирается уезжать, гов<орит>, что оставить ее она не может, позволить переехать в Версаль не может, ответственность перед М<аксимилианом> А<лександровичем>, что придет тетя Женя, что это будет трагедия, что с этой теткой нельзя говорить, она во всем винит Шт<ейнера> ст. <1 нрзб>. В<ячеслав> сказал, что А<нна> Р<удольфовна> должна написать М<аксимилиану> А<лександровичу>, иначе она играет роль укрывательницы. А<нна> Р<удольфовна> начала уверять, что этого не мо-

жет, ни за что, ни за что — приедет М<аксимилиан> А<лександрович>, а у А<нны> Р<удольфовны> на все это нет сил, что Мар<гарита> сама напишет через неделю. В<ячеслав> сказал, что она сама даст точный отчет М<аксимилиану> А<лександровичу> (он боится, что не передадут ей точно). Пошли к Мар<гарите>, сказали. Мар<гарита> сказала: «Пускай В<ячеслав> пишет, но она уезжает через два дня». А<нна> Р<удольфовна> сказала, что завтра не придет и сказала: «Может быть, и Мар<гарита> не приходит» <так!>⁴² — я сказала: «Зачем же замедлять?» К<ост>е она сказала, что приехала специально к нему^{**}. Боже, Боже, когда это для меня двуликое испытание кончится?⁴³

Понедельник <6 июля>

Нет ни А<нны> Р<удольфовны>, ни Мар<гариты>.

Вторник <7 июля>

До 9 часов В<ячеслав> ждет с волнением и нетерпением приезда А<нны> Р<удольфовны> или Мар<гариты>, думая, надеясь, что Мар<гарита> уехала совсем. За обедом говорит, что не понимает, почему А<нна> Р<удольфовна>, зная его состояние, оставляет его в неизвестности 2 дня, не может прислать письмо с посыльным, тогда к<а>к она раньше посылала *каждый день* посыльного с письмом без содержания из сентиментальности. Говорит, что ему не нравится ее нейтралитет, что она должна бы ясно показать, на чей <так!> она стороне, что она только упорно отказывалась писать Мар. А.⁴⁴ и таким образом обманывала доверие матери. Что она похожа на собаку, кот<орую> брали на волков, а потом вдруг, в минуту опасности, когда ее посылают, неожиданно ляжет, опустив уши. После обеда мы услышали лифт, и В<ячеслав> с стаканом в руках открыл до звонка дверь и бросился, к<а>к всегда, в жаркие объятия А<нны> Р<удольфовны>, ее жарко сам целуя. Как сказала мне со слезами (в М<аргарите> это совсем — волшебство), в ее отсутствие сравнивает ее с собакой, к<а>к только она приходит — какая-то завлекающая сила заставляет его бежать к ней, прильнуть к ней.

А<нна> Р<удольфовна> страшно возбуждена и весела, со смехом и каким-то восторгом рассказывает, что Мар<гарита> наняла себе на будущий год мастерскую на Васильевск<ом> острове — с чудной квартирой, очень дешево, почти чудесно и т. д., что помог ей Леман, она их послала вместе, и им все необыкновенно удалось, почти чудесно.

В<ячеслав> сказал: «Я опасюсь за Л<еман>а из-за Мар<гариты>, знаете, как бы она ему не принесла несчастья с его кухней» (я

* Не хочет В<ячеслава> оставить одного с Мар<гаритой>. — *Примеч. В. К. Шварсалон.*

** Пишу страшно усталая в 5 ч. утра. — *Примеч. В. К. Шварсалон.*

В<ячеслав>а навела на мысль, что Мар<гарита> любит, где двое, быть третьей, и пытается расстраивать). А<нна> Р<удольфовна> воскликнула: «Нет, никогда, он слишком силен» (!?)*. А<нна> Р<удольфовна> гов<орит>, что, кажется, Мар<гарита> уезжает послезавтра. Приедет к нам завтра.

В<ячеслав> повел ее в кабинет, там они гов<орили>, вот что мне В<ячеслав> пересказал.

Он говорил с ней «сурово», к несчастью, я точно не помню последовательности. Она гов<орила> на его вопрос, что он ей не нравится, что ей не совсем нравится, к<a>к он действует, что, по ее мнению, или он должен *прогнать Мар<гариту>*, или *открыть ей двери башни*. В<ячеслав> назвал это слово провокацией. И сказал ей, что она держится дурного нейтралитета, что нужно, чтобы она сказала свое мнение. Она сказала: «Мар<гарита>, по-моему, не темна, — она только под сильным влиянием Штейнера, но она теперь гов<орит>, что его *ненавидит* (!?), она *истинно любит Маму*» (??). В<ячеслав> сказал, что м<ожет> б<ыть>, но он не понимает такую любовь, что любовь действительно сказывается. [NB. Лучший способ привлечь В<ячеслав>а — сказать ему, что кто-нибудь любит Маму].

Дальше А<нна> Р<удольфовна> гов<орит>: «Мар<гарита> очень слаба, она эротоманка». В<ячеслав> сказал мне, что А<нна> Р<удольфовна> явно намекнула, что *вина* В<ячеслав>а. — Наконец, А<нна> Р<удольфовна> гов<орит>, что Мар<гарита> погибнет, пойдет в п<одземный> дол <?>. В<ячеслав> гов<орит>: «Я беру слова о нейтралитете назад». — «Ваши слова для меня авторитет, я их приму во внимание». — «Я Вам скажу свой *modus vivendi*. Я Мар<гарит>е не закрывал дверь башни, но я ее пустил в мой храм, она его профанировала, больше я ее в него не пушу», — сказал, что весь внутренний мир его для нее закрыт. Помочь ей он не отказывается. Но что она пришла *гордо* и *завоевательно*, и отсюда его суровый тон. А<нна> Р<удольфовна> отрицает, что Мар<гарита> пришла *гордо* и *завоевательно* (!?).

А<нна> Р<удольфовна> сказала В<ячеслав>у: «Разве я вмешиваюсь в ваши отношения с Мар<гаритой>, разве я вас сводила с ней и разве то, что я уговаривала отложить свидание в прошлом году, было вмешательство?» — В<ячеслав> гов<орит>: «Нет, тут был хороший нейтралитет».

А<нна> Р<удольфовна> еще гов<орила>, что Мар<гарита> ее зовет жить с ней в мастерской, но что А<нна> Р<удольфовна> не знает, что она думает, что не будет ей возможно жить в С.П.Б. (это она говорила смущенно и скрытно).

В<ячеслав>у она говорила, что она пойдет в Германии в монастырь и т. д.

* Странно, в воскресенье он был «подозрителен». — Примеч. В. К. Шварсалон.

В<ячеслав> гов<орит>, что А<нна> Р<удольфовна> ему сказала, что он очень меняется, что он куда-то идет, какое-то преобразование, что она его мучает и что это так трудно, что у нее каменоломня в голове (я сказала В<ячеслав>у: «Предлог для оставания»).

NB. Вчера они заперлись и просили не стучать 10 минут — мне кажется, А<нна> Р<удольфовна> делает все усилия поднять свой старый престиж «делами».

Отмечаю, что Сомов на ее письмо ответил, что он хотел бы ее видеть, но он в деревне, а был он в С.П.Б., как я узнала от <Валечки?>.

Среда <8 июля>

А<нна> Р<удольфовна> написала В<ячеслав>у письмо — резюме содержания: Мар<гарита> уезжает <в> четверг, вечером будет дома, «в случае, если вы захотите прийти». Зачем было это писать?⁴⁵ В<ячеслав> вечером поехал, чтобы опровергнуть слова Мар<гариты> о ссоре, показать, что это не ссора, но что они *враги*, но он чувств<ует>, что тактично поехать, но замкнуться.

А<нна> Р<удольфовна> была дома, Мар<гариты> не было до 11 почти часов.

Говорили о мистич<еских> предметах. А<нна> Р<удольфовна> объявила определенно, что поселяется в квартирке около Мар<гариты>, что ей это удобно, она всегда искала такой pied à terre.

Итак, А<нна> Р<удольфовна> осенью в СПб с Мар<гаритой> (!?!)

Когда В<ячеслав> рассказал мне все это, я с трудом выслушала и удержалась, ничего не сказала. Вечером все-таки вышла сцена, т. к. я не была терпелива, не была в состоянии выслушать В<ячеславов>ы наивные объяснения о этой явной (по-моему) враждебной коалиции, к<а>к случайности почти <?>*.

Утром опять приглашение, слова: «Ты права во многом и т. д.».

P. S. В разговоре А<нна> Р<удольфовна> несколько раз просила: «Дайте мне.....⁴⁶ (умереть)». В<ячеслав> гов<орил>, что он не имеет права, что ее жизнь может быть нужна, — тогда она опять гов<орила>: «Дайте мне.....» — и вслед за этим гов<орила>: «Если вы от меня отойдете, меня ничего не держит на земле» (дает понять, что умрет ?!).

Четверг <9 июля>

В<ячеслав> тревожно ждет А<нну> Р<удольфовну>, кот<орая> обещала приехать с вокзала в 6 ч. В ч<асов> 9 она приезжает. Мар<гарита> уехала. А<нна> Р<удольфовна> идет к В<ячеславу>. В<я-

* Опять это удручающее чувство у меня чуждости к В<ячеславу>, когда он от туда приходит, ярость — моя раздражительн<ость>, его «наивность». — *Примеч. В. К. Шварсалон.*

чеслав> приглашает меня, я сажусь. А<нна> Р<удольфовна> видимо недовольна. Остаюсь довольно долго, она явно пытается остаться *наедине* с В<ячеславом>. Видя, что я не ухожу, наконец говор<ит>: «Ну, поиграем на рояле, и потом я поеду» (!)

Содерж<ание> разг<овора>: Она *выдала* К<узмин>у. встретив его на лестнице, что Мар<гарита> была одна (!!)*. А<нна> Р<удольфовна> гов<орит>, что Мар<гарита> уехала благодаря Л<еман>у. <Нрзб>. «Вообще, я не знаю, что ему сделать за все, что он делал»,--- восклицает она с восторгом. Он уложил все вещи Мар<гариты> и т. д. В<ячеслав> несколько раз спрашивает А<нну> Р<удольфовну>: «Так вы окончательно решили жить с Мар<гаритой>?» — Но А<нна> Р<удольфовна> опять отрицает, гов<орит>, что еще ничего не известно, что она не знает, будет ли она в СПб осенью**. Потом они гов<орят> долго наедине. *Содерж<ание> приблизительно*. Она переживает тяжелые минуты, решила себя судить — мучается, постится, завтра будет на ранней обедне. Говорила опять о монастыре и т. д. Стала гов<орить>, что (сложно, трудно передать? кажется, так): «Ей нужно знать, не изменил ли ей В<ячеслав>, т. е. верный ли он ее ученик. В<ячеслав> отвечал ей очень мудро, что он ей не изменил, что будет от времени до времени приходить за советом, но что решил уйти в частную жизнь, и никогда не считал себя учеником в полном смысле слова, т. к. имел *другого* руководителя всегда <?>. Дал обет послушания А<нне> Р<удольфовне>, который относился к <2 нрзб> и т. д., но она мало им воспользовалась, теперь к тому, что она ему предлагает, и как она может его избавить официально в этой области.

Остальной разговор не знаю или не понимаю. А<нна> Р<удольфовна> остается еще на неделю (???) *отдыхать* (!) перед границей, хотя за границу не сразу поедет, а раньше в Москву на 1 день. Сказала, что едет в четверг.

Пятница <10 июля>

Сегодня А<нны> Р<удольфовны> не было, но, мудрая предосторожность, В<ячеслав> не оставлен *ни один день* — и если нет письма, то, к<а>к сегодня, является Л<ема>н. Сегодня даже В<ячеслав>, кот<орый> в отсутствие А<нны> Р<удольфовны> в особенности очень мудр и ясно видит, признал, что «тройка» несомненна. Л<еман> на вопрос В<ячеслав>а: «Как Вы меня находите?» — сказал: «К<а>к я рад, что Вы спрашиваете, а то я думал, что Вы и не спросите, думая, что я отвечу не от себя» (ловкий прием). В<ячеслав> ответил уверенно в доверии и любви. Тогда Л<еман> начал иными ловкими вы-

* Мар<гарита> тоже хотела афишировать — я думаю, они сговорились, хотя она уверяет, что нечаянно! — *Примеч. В. К. Шварсалон.*

** По-моему, из дипломатии хочет, чтобы В<ячеслав> ее пригласил жить в СПб, — отсюда мнимая неуверенность. — *Примеч. В. К. Шварсалон.*

раженьями говорить то же, что А<нна> Р<удольфовна>. Напр<имер>: «В<ячеслав> устал и очень устал, у него большая путаница, нужно в чем-то очень и очень разобраться, он на перепутии, перед ним 2 пути — направо и налево, но неважно, куда он пойдет, — оба хороши, — а важно как».

В<ячеслав> отвечал сдержанно, иногда гов<орил>, что неправильно и неверно. Л<еман> старался разъяснить.

До этого был разговор о Мар<гарит>е. Он сказал, что она вся светлая, привела его в восторг своей старостью (Египтянка, ожерелье) и детскостью, наивностью (?!!). В<ячеслав> нечто из этого подтвердил, но деликатным намеком сказал, что не один свет. Л<еман> энергично отрицал. Л<еман> сказал, что ему нравится ее самостоятельность по отношению Шт<ейне>ра, «не так, как Леля». Как В<ячеслав> шутя мне сказал, «они теперь отдают мне Шт<ейне>ра на съедение».

Дальше разговоры философск<ие> о России, в которых, по мнению В<ячеслав>а, Л<еман> не очень умен оккультно <?>, но черно-сотенец.

Суббота <11 июля>

А<нна> Р<удольфовна> написала В<ячеслав>у письмо, где говорит, что придет не к обеду, как хотела, но позже, и возвещает, что в понедельник придет и должна иметь важные переговоры, а потом останется ночевать.

Кажется, тут В<ячеслав> заметил, что в А<нне> Р<удольфовне> перемешаны нежные слова, сантиментальность, ласковые слова <?> эмоциональности и *важные высокие* дела и что он не понимает, к<а>к можно это все смешивать. Сказала, что уедет в будущее Воскресение.

Воскресение <12 июля>

А<нна> Р<удольфовна> хотела прийти слушать оперетку, но написала вместо этого письмо, что не придет, и повторяет еще <?>, что придет особенно в понедельник. В письме распространяется в восторженн<ых> похвалах оперетке и полушутя гов<орит>, что готова написать о ней мозгологический этюд, и дальше развивает философию о птице — мученице любви и т. д.⁴⁷.

Понедельник <13 июля>

Сначала <Кузмин?> пел⁴⁸. Потом конференция с В<ячеславом>. Знаю о ней следующее.

А<нна> Р<удольфовна> предостерегала его против опасностей, кот<орые> могут быть для него. Он ей сказал, что о них знает, назвал ее «страж у порога» (сказал, что Мар<гарита> тоже страж у порога), она сильно протестовала — он сказал: «Это вам дано свыше».

Пророчествовала, что ему будет испытание через 3 г. и через 7 в разных планах. Что он будет иметь какую-то власть в связи с церковью, что будет какое-то время во всяком случае в монастыре.

Сказала, что получила известия от учениц Шт<ейнер>а, к<о>т<орые> ее очень зовут, и от друзей, кот<орые> предоставляют сроки, гов<орят> не сторониться и выбирать самой время.

В продолжение недели имею очень мало что написать, мало знаю. А<нна> Р<удольфовна> была не очень часто. Отъезд откладывался с дня на день⁴⁹.

Во вторник 22 утром А<нна> Р<удольфовна> сказала К<ассанд>ре⁵⁰: «Вы долго остаетесь». К<ассанд>ра сказала: «Не знаю, надеюсь Веру уговорить ехать со мной <?>». А<нна> Р<удольфовна> сказала: «Я думаю, не удастся, — В<ячеслав> ее давно посылает, да она не хочет ехать».

Вечером в понед<ельник> случился печальный инцидент⁵¹. В<ячеслав> спросил меня при А<нне> Р<удольфовне>: «Ты прочтешь свои стихи К<узмин>а?» Я, поняв, что мое письмо ему, сделала страшно бестактную гримасу⁵², кот<орая> В<ячеслав>а очень рассердила и ее, понятно, обидела, т<ак> что она стала после чая уезжать, а раньше хотела ночевать.

Я извинилась перед ней, поцеловав руки и сказав, что обидеть ее не хотела, а рассердилась на В<ячеслава> за решение без меня прочесть <?> мои.

Она сделала вид, что она, конечно, не сердится, понимает, я ей дала стихи. Она сказала потом В<ячеслав>у: «Я только из вежливости сказала, что стихи нравятся, но я знаю, что здесь все пусто и лживо» (стихи мне извинительные К<узмин>а). Кстати отмечу, что по подтверждению В<ячеслав>а, М<аргарит>ы и моему мнению, А<нна> Р<удольфовна> страшно недовольна тем, что К<узмин>ъ на башне. Раньше она страшно его ласкала, теперь была холодна, хотя старалась не показывать. В<ячеслав> гов<орит>, что она старает <так!> внушить опасения В<ячеслав>у по поводу К<узмин>а, и, уезжая, не простилась и только на лестнице послала поклон к К<узмину>, и еще раз на вокзале.

Вечером в среду В<ячеслав> спросил меня о некот<орых> фактах моих отношений к ней в прошлом году. Причина — они перебирали с В<ячеславом> их *отношения* за это время — и мое отношение к А<нне> Р<удольфовне>. Повод — А<нна> Р<удольфовна> получила письмо от Б-та⁵³, к<о>т<орый> пишет: «Если Вы еще видите с В<ячеславом>, то...» А<нна> Р<удольфовна> думает — это значит, он слышал о ссоре. С.⁵⁴ тоже пишет: «Если Вы видите В<ер>у и В<ячеслава>». А<нна> Р<удольфовна> говорила по этому поводу так, что В<ячеслав> ее сильно, к<а>к он говорит, бранил (какие-то партии, будто

бы С-в против меня и В<ячеслав>а за А<нну> Р<удольфовну> и т. д.). А<нна> Р<удольфовна> считает, что я стою между ей и В<ячеслав>ом, и это с Крыма (хотя мое чувство было ей враждебно сначала), с тех пор, к<а>к я переехала наверх, будто бы чтобы мешать их разговорам ночью (во-перв<ых>, перевел меня наверх В<ячеслав>, во-втор<ых>, А<нна> Р<удольфовна> гов<орила> мне в Крыму, что она решила гов<орить> только днем и на воздухе, я же ничему не мешала).

В<ячеслав> гов<орит>, что А<нна> Р<удольфовна> не имеет, как я думаю, разные далекие планы и интриги, но цель ее была *стать его духовной женой*, что это обычное нападение в случаях, к<а>к его, и он должен был его знать и предвидеть. Что то, что он остался на 1 месяц в П<етер>Б<урге>, — она восприняла как *развод*.

Говоря о предполагаемом приезде А. Б<елого>, кот<орого> А<нна> Р<удольфовна> сказала, что «пошлет», В<ячеслав> говорил, что он пригласит А<нну> Р<удольфовну> на башню. Чтобы она не думала, что я это ему запрещаю. Потому что в ее отсутствии он не может говорить А. Б<елому> против нее, а при ней может предостерегать против нее. Но в конце концов признал, что призывать ее на башню при ее теперешнем настроении опасно. Я с этим согласна.

Среда 23-VII-09⁶⁵

Сейчас я пошла к А<нне> Р<удольфовне> и сказала ей: «А<нна> Р<удольфовна>, мне хотелось бы поговорить с Вами. Перед Вашим отъездом я хотела бы, чтобы Вы знали о моем отношении к Вам. Я Вам бесконечно благодарна за то, что Вы дали Вячеславу знание и ту мудрость, кот<орую> Вы ему дали, но я, как Вы знаете, не могу иметь к Вам дружеского отношения, не могу быть с Вами близка («Да, я знаю, да это и не нужно» (А<нна> Р<удольфовна>)) — потому что я Вам не доверяю. Я не могу одобрить Ваши цели, тот путь, по кот<орому> Вы хотите вести В<ячеслав>а и кот<орый>, мне кажется, не совпадает с его путем, т. к. я не говорю о конечном пути, о Р<озенкрейцер>стве. Вы знаете, я это вполне принимаю («Я знаю, В<ячеслав> говорил мне...» (А<нна> Р<удольфовна>)), но не к Вашим путям. А<нна> Р<удольфовна> молчит и взволнованно улыбается, потом гов<орит>: «Да, да, что я могу сказать, будущее покажет (улыбаясь). На В<ячеславе> это будет видно и т. д. Конечно, у меня много недостатков, тяжелых недостатков» («Я о ваших личных качествах не посмела бы говорить, это Ваше дело»). — «Нет, я Вам благодарна за то, что Вы мне сказали тогда, перед границей. — В<ячеслав> никогда не скрывал их от меня, он в этом отношении единственный человек на свете, кот<орый> мне помог». — Я еще повторяю, что я не могу осуждать ее личные недостатки, и говорю: «Но мне важно их влияние на В<ячеслава>». — Тут она еще говорит о том, что она ведет В<ячеслава> к<а>к нужно (кажется, так) и что будущее покажет, — тут входит В<ячеслав>. Перед отъездом В<ячесла>в сказал:

«Так Вы не будете посылать А<ндрея> Б<елого> сюда? я думаю, это ни в каком случае не нужно». А<нна> Р<удольфовна>: «Конечно, вот именно, — это не нужно» (накануне она гов<орила>: «Я pošлю А<ндрея> Б<елого> к Вам числа пятого <?>»).

На вокзале она сказала В<ячеслав>у, что очень рада, что я приехала, что она чувствует ко мне какой-то мир. Говоря о разговоре с М. А., она сказала, между прочим, о том, что скажет ей, что В<ячеслав> чувствует большую отчужденность к М<аргарит>е. Я сказала: «Мне кажется, нужно сказать, что это обоюдно». В<ячеслав> сказал: «Да, конечно», но А<нна> Р<удольфовна> страшно колесила, все повторяя: «Да я не буду входить в подробности и т. д.». — В ответ на то, едет ли она за границу с Алешей <?>, о чем она неделю тому назад говорила, она ответила, что нет, сказала, смеясь, что он разнахалился и назначил ей срок, объявляя, что никуда ее без себя не пустит и что на это она его отослала одного. Говоря о планах, она сказала, что едет прямо в Н<юрнбер>г, потом к Ш<тейнер>у. В<ячеслав> спросил: «А дальше?» — Она сказала: «Абсолютно не знаю». В<ячеслав> настаивал, тогда она сказала: «Вот Л<ема>н подал мне мысль привезти бумаги и проехать через Финлянд<ию>, значит, до сентября, т. к. в сентябре они уезжают из Финляндии». Я сказала: «В Финляндии обыскивают гораздо строже». В<ячеслав> подтвердил. А<нна> Р<удольфовна> стала на это страшно усиленно возражать. Скоро потом она села в поезд и уехала.

Р. S. Я еще спросила: «Что квартира?» — т. к. она раньше говорила, что не может оставить квартиру одну. Она сказала: «На прислуге, кот<орую> я скоро <1 нрзб>».

NB. Уезжая, А<нна> Р<удольфовна> гов<орила>, что чувст<вует>, что скоро умрет, но что с В<ячеславом> не расстанется. В<ячеслав> сказал: «Я думаю наоборот: мы с Вами расстанемся, но Ваше ощущение смерти не матерьяльное, а переход в другое душевное состояние». Заметили, что после этого она, однако, говорила о возвращении через месяц.

В Москве А<нна> Р<удольфовна> будет неделю.

Когда В<ячеслав> говорил ей, что у меня нет ничего *личного* в моем к ней отношении, но что я не доверяю ее *влиянию* на В<ячеслава>, она страшно изумилась и говорила: «Что она может иметь против меня, кроме *личного*?» Когда В<ячеслав> гов<орил> о том, что он думает обо мне мистически, она гов<орила>: «Тут есть правда — да, да, но не вся правда». В<ячеслав> сказал: «В этой области — Вы не судия, я тут знаю больше Вас». В<ячеслав> гов<орит>, что она *все* забыла, что знала обо мне и что это <Фраза не дописана.>

Четверг 23 сент<ября> 1909⁶⁶

Вот какие значительные письма писала А<нна> Р<удольфовна> в мое отсутствие.

1) Из Nümbreg'a написала, что решила уход полный в монастырь со всеми братьями, т. к. они все решили покинуть земное, и она не хочет остаться одна на земле без них. Она говорила, что срок ей уже назначен и что она уже приняла первый луч <?> (?), хотя обетов еще не произносила⁵⁷.

Сейчас не помню, в том же письме или в следующем она объясняет, что «уход» решен потому, что они сейчас ничего не могут сделать на земле и оставляют ее Шт<ейнер>у, т<а>к к<а>к все столь плохие, что он именно им подходит. Перед «уходом» она хотела бы попрощаться с В<ячеславо>м. Просит его написать письмо или телеграмму. Он выслал телеграмму по латыне <так!>, в кот<орой>, между прочим, говорит: «Derelictus» про себя, но подразумевая (к<а>к он мне объяснил) — братьями. В ответ на эту телеграмму она написала письмо, в кот<ором> говорит, что он вовсе не «derelictus» и что она непременно придет его увидеть, что ей надо короткий отпуск. Что вины его нет в том, что он сейчас оставлен, что вина ее в том, что она не сумела его ввести к<а>к следует, что тут виноваты ее земные недостатки (главн<ым> образом эмоционализм), но что он всегда все делал, что она говорила, и все, *что происходило, было сделано с ее ведома и согласия* (это повторяется в следующем письме⁵⁸).

Вячеслав в письме, объясняя, что «derelictus» значит у него не только ей, но и всеми, упрекает ее сильно в том, что они оставляют землю Шт<ейнер>у, которого сами признают вредным. Говорит, что если это так и она это одобряет, значит — они не *те настоящие*, и он не может быть с ней⁵⁹.

В 2 своих следующих письмах она страшно извиняется за свои слова о Шт<ейнер>е, говорит, что она так устала, что так страдает последние муки, что не знает, что и как пишет, что виноват ее эмоционализм и что она пишет непонятно⁶⁰ (В<ячеслав> сказал мне, что эмоционализм тут ни при чем, слова ее ясные).

Из дальнейших писем оказывается, что она в Базеле, куда ее послали следить за Шт<ейнер>ом. Кроме того, Хрис...ва умоляет ее увидеться с ней⁶¹.

Из Базеля одно письмо⁶².

МЕЖДУ ЛЕМАНОМ И ДИКСОМ

Для сколько-нибудь подробного изучения связей между литературой и оккультизмом необходимо проделать значительную работу, связанную с обнаружением и публикацией материалов, относящихся к жизни и деятельности литераторов далеко не первого ряда, которые являлись активными деятелями оккультного движения. Как правило, это бывает достаточно затруднительно, поскольку их наследие, не обладая высоким статусом, могло сохраниться, особенно в превратностях XX века, лишь случайно, и собрать его воедино — задача не из самых легких.

К счастью, время от времени мы все же получаем возможность хотя бы в относительно полном виде представить себе творчество тех литераторов, которые были связаны с русским оккультным движением. И этот материал, думается, заслуживает публикации, пусть и в избранных фрагментах.

Выше, в статье «Об одном из источников диалога Хлебникова «Учитель и Ученик»», мы уже говорили о поэте и прозаике, достаточно видном деятеле русского антропософского движения Борисе Алексеевиче Лемане, писавшем под псевдонимом Б. Дикс. Как кажется, его личность и творчество заслуживают несколько более пристального внимания, чем в статье, где главным предметом интереса было произведение Хлебникова.

Те данные, которыми мы обладаем на сегодняшний день, являются достаточно отрывочными, — прежде всего потому, конечно, что активность Лемана-Дикса проявлялась в первую очередь в сфере, довольно тщательно утаивавшейся от глаз непосвященных. Но уже по крайней мере с 1906 года он входит в литературный мир в двух ипостасях, которые мы и хотели бы продемонстрировать. С одной

стороны, он предстает обыкновенным литератором, символистом младшего поколения, младшего не только по возрасту, но и по степени талантливости, поэтической искусности. С другой — властным голосом учителя он позволяет себе беседовать с М. Кузминым, М. Волошиным, Вяч. Ивановым как наставник, обладающий той силой, которая оказывается превыше всего в мире.

В небольшом изящном предисловии к книге его стихов, вышедшей в 1909 году, Вяч. Иванов писал:

«Мир как восприятие, почти не более острое, чем сонное видение; легкая потерянности удивленной души — души, заблудившейся в чужих садах; чуткое ожидание и, через миг, уже ощущение незримого присутствия; усилие смутной памяти приподнять полупрозрачный покров, легко и зыбко заставшего внутренни́й взор, вещественного бытия; отсюда сознание Тайны, вспыхивающее, как вера, как мгновенное прозрение, как ясное знание, — вот гамма впечатлений, которые вынесет читатель, внимательный к психическим шепотам, прислушавшись к этим молодым стихам, так часто невыдержанным и бедным, так часто подражательным, — к стихам несовершенным, но и неподдельным, потому что не только доступнее, но и нужнее было еще неопытному их слагателю запечатлеть пережитое как извне воспринятое и внутри себя подслушанное, нежели вольно и властно создать законченный образ.

Вздохи Психеи, шаткие мерцания ее бледной лампы за колышущейся завесой видимого, неясная мелодия из далей далеких, напоминающая чувство больного, который, безболно мешая с образами яви откровения сна, узнает склоненный над его изголовьем родной, любимый облик, — *могут*, мне кажется, позвать мечту перелистывающего эти робкие страницы и заставить его оглянуться на окружающий мир с тихою неуверенностью того, кто медленно пробуждается из ласковой дремы... И если *могут*, то автор этих страниц, о котором я не берусь предсказать, будет ли он поэт, — уже иногда поэт... или — еще поэт»¹.

Особенно пикантным будет выглядеть сопоставление этого текста с письмом Лемана, обращенным к Вячеславу Иванову еще в 1906 году, где много старший как по возрасту, так и по литературному опыту поэт предстает в роли потенциального ученика, наставляемого старшим по степеням духовного посвящения. Теперь, в конце 1908 года, Иванов всячески подчеркивает, что он-то и есть старший, а автор сопроводенной предисловием книги — «неопытный слагатель» подражательных, несовершенных, робких стихов. Думается, что это связано не только со внутренним освобождением Иванова от попыток влиять на него, но и — прежде всего — с тем, что он сам осознал себя как посвященного, мгновенно ставшего после откровений А. Р. Минцловой (о чем см. в статье «Anna-Rudolph») значительно выше того, кто пытался ранее так воздействовать на него.

В разных статьях нашей книги Леман-Дикс появляется неоднократно, но все время его пребывание в петербургской литературной среде обозначено пунктиром. Он — то спутник своей кузины О. Н. Анненковой, то юный поэт, то помощник Миншловой. И далее он появляется в поле зрения литературоведов лишь эпизодически, хотя это, пожалуй, и не вполне справедливо. Мы не можем сейчас претендовать на то, чтобы создать сколько-нибудь полный его портрет, но хотя бы некоторые черты биографии отметим.

В письме 1921 г. он рассказывал: «...дружба моя с Блоком и Белым не на литературной подкладке. Ведь Диксом я был случайно, и он для меня как-то несущественный эпизод, внутренне неценный. Антропософия, с одной стороны, с другой же — др[евний] Восток, точнее гебраизм, — вот то, что было всегда и всегда остается, и это настоящее...»² Но как бы то ни было, его связи с литературой оставались все время достаточно активными. Не говоря уж о 1906 годе, когда его имя постоянно встречаем в переписке и дневниках современников, он и в более позднее время стремится к контактам с литераторами и к собственным публикациям. Так, в 1907 году Блок сообщает матери: «Вчера был Леман — мы с ним говорили часа три. Он очень серьезен, интересен и совершенно не соответствует своему виду»³. В 1909 году Леман стал активным участником задуманной и осуществленной его близким приятелем М. Л. Гофманом «Книги о русских поэтах последнего десятилетия», где написал очерки о Бальмонте, Волошине и Кузмине (с двумя последними он был близко знаком⁴). В 1911-м сотрудничает как прозаик в оккультическом журнале «Изида» (о чем см. выше); в 1912 выпускает книгу о Чурленисе, несколько позже постоянно сотрудничает с бывшей Черубиной де Габриак — Е. И. Васильевой (Дмитриевой). Изданная в 1917 году книга с длинным названием: «Сен-Мартен, неизвестный философ как ученик дома Мартинеца де Пасквалис: Опыт характеристики первого периода его творчества и его первого произведения “О Заблуждениях и Истине”» носила посвящение: «Е. И. В. эту книгу, над которой мы вместе работали и где столь многое близко, с радостью и любовью посвящаю. Б. Леман». Когда в 1918 г. Леман был вынужден уехать на юг России, он, как и Васильева, оказался в Екатеринодаре, что должно было сблизить их еще более. И действительно, по возвращении в Петроград они продолжают вести серьезную антропософскую работу, возглавляя отдельные ложи⁵. Между прочим, оккультные темы были среди его разговоров с Блоком, активных весной и летом 1918 года⁶.

Книга о Сен-Мартене представляется серьезным исследованием, демонстрирующим глубокие знания как мистической философии, так и специфических проблем французской истории, и ее нельзя не считать одним из литературных опытов Лемана (теперь — в этой своей ипостаси).

То, что нынешнему наблюдателю представляется игрой псевдонимов, для многих авторов начала века значило гораздо большее. Многим памятно, как вынужден был Ходасевич бороться с буквальным раздвоением личности у своего друга Муни, воплотившегося в автора по имени Александр Беклемишев, — но там могла помочь литературная игра. Здесь же, в случаях, обостренных не просто неопределенно-мистическим умонастроением, но замешенных на серьезно и ответственно переживаемых оккультных теориях, применение псевдонима могло ломать человеческую жизнь. Так, в «Автобиографии» Е. И. Васильевой две Черубины и Елисавета рассматриваются как отдельные личности, живущие собственной жизнью: «В нашей стране я очень, очень люблю русское, и все в себе таким чувствую, несмотря на то, что от Запада так много брала, несмотря на то, что я Черубина. Все пока... Все покров... Я стану Елисаветой. Между Черубиной 1909—1910 годов и ею же с 1915 года и дальше лежит очень резкая грань. Даже не знаю — одна она и та же, или уже та умерла. Но не бросаю этого имени, потому что чувствую еще в душе преемственность и, не приемля ни прежней, ни настоящей Черубины, взыскую грядущей»⁷ — и так далее. В случае с Диксом, видимо, расставание происходило проще, но и в Борисе Лемане другой человек так же часто оживал, чтобы войти в литературу со своими пристрастиями и принципами мироощущения.

Для предоставления именно этого двойного человека мы публикуем ряд документов, относящихся как к первым годам его вступления в литературу, так и совсем поздние стихи и письма. Они демонстрируют разнообразные лики одного человека, выступающего в ролях то робкого начинающего поэта, то декларативно резкого (видимо, от внутренней неуверенности) оккультного наставника, то успокоенного и уверенного в своей силе консультанта, то поэта с небольшим, но собственным голосом, перелагающего в стихи представления об эзотерической природе окружающего нас мира.

1.

Письмо к В. И. Иванову⁸

Не удивляйся тому, что я сказал тебе:
должно всем родиться сыше.

От Иоанна гл. 3. 7.

К. Бальмонт, т. 1, 130, XIV⁹.

Вы удивлены, что я пишу Вам, незнакомому мне человеку. Я знаю это. Больше, я произвел на Вас неприятное впечатление, что бес-

спорно придаст известный колорит Вашему удивлению. Но пока отбросьте все это, забудьте обыкновенные мерки, кот<орые> применяются к человеческим отношениям, и если, дочитав это письмо, Ваш внутренний голос не скажет Вам ничего, если это письмо дойдет лишь до Вашего рассудка, — сожгите его и не вспоминайте об нем более.

Почему я написал его?! Единств<енное>, что я могу ответить Вам. Я должен был сделать это, т. к. я убежден, что Вы *поймете* его и *поймете* меня. Если я ошибаюсь, — повторяю, сожгите его и не будем больше вспоминать всего этого.

Почему я пишу *так*, почему я говорю *именно так*, — если Вы *поймете*, то все объяснения излишни, если же *не почувствуете*, то объяснения бесцельны.

Знаете ли Вы себя? Знаете ли, откуда и зачем забросил Вас к нам тот Рок древних, то Primo Motore Леонардо да Винчи? М<ожет> б<ыть>, отчасти знаете, но вряд ли вполне. Вряд ли Вы сознали это до мелочей, до возможности критически отнестись к себе и своему я. Слушайте же, и, м<ожет> б<ыть>, это даст Вам возможность сознать многое или не даст ничего. Но это вряд ли.

Помните ли Вы странную зеленую планету, но постараюсь писать яснее.

Яркий зеленоватый свет, яркая коричневая с зеленоватым окраска животных и растений, глубокий мрак подземных ходов, где живут странные существа с большими зелеными глазами, круглым маленьким черепом и длинными конечностями...

Монотонные, гортанные звуки, состоящие из одних гласных, гаснувшие под сводами пещеры.

Обрывки мыслей угрюмых и важных и унылое беззаботное существование.

Вряд ли Вы помните все это. Вы давно, о как давно ушли отсюда. Вы совершили что-то. Что это, я не знаю. Вы были сильны там и могли сделать слишком многое, и Вы сделали уже слишком много. Вы долго искупали то, что сделали, где, как, — не знаю. Я видел лишь следы этого искупления.

Теперь Вы у нас и здесь. Вы получили то, чего не знали там, что всецело захватило Вас, что исполнило Вас удивлением и восторгом и чему Вы покорились. Это новое, эта до сих пор неизвестная Вам мировая ценность у нас назыв<ается> Любовью, простое маленькое слово. Теперь поймите главное. Она дана Вам как новое, как неизвестное. Вы должны довести ее в себе до конца, претворить ее, пройти через оценку этой новой ступени психических переживаний. И только Вы.

Что Вам за дело до других. Одни из них выше Вас, другие ниже, третьи равны, — не все ли равно. Помните, что за Вами следят и что

Вы, не доведя своей задачи до конца, принуждены будете лишь на время отсрочить ее разрешение. Лишь на время. К чему же ведет сознательное бегство из жизни или же подчинение ей, создавая из нее торжествующую бессмыслицу? Вы должны взять себя в руки и довести свою работу до конца. Вам это необходимо. Это лишь ступень. Я знаю, Вас временами пугают окружающие, поскольку Вы чувствуете их рознь и Вас страшит их отношение к тому новому для Вас чувству и Любви, кот<орые> Вам часто удастся увидеть, вернее, почувствовать. Иногда, м<ожет> б<ыть>, Вам кажется, что все вдруг переменится и внезапно пропадет, как сон. Бойтесь, бойтесь всего более этих минут. В своем страшном бессилии они таят непонятную силу и, понемногу овладевая, они становятся властелинами.

Я видел Вас сегодня и видел Ваше отношение к окружающему. Станный, давящий сон, внезапно ставший действительностью. Вот чем явилась для Вас жизнь, и если бы не это новое чувство, точнее, эта новая форма уже известного Вам переживания — все было бы еще тяжелее, еще грубее. Даже не грубее — это неверно, нет, — обширнее. Та маленькая земная жизнь раньше была проще и не так сложна и поэтому-то так много вещей, кот<орые> пугают Вас, сначала своей странностью, а затем кажутся Вам непреодолимыми благодаря совпадению с другими и другими идеями, чувствами и положениями.

Что делать. В разной степени, но все мы заключены в ту же сферу, в тот же роковой круг, где все можем решить лишь мы сами и только мы сами.

Сознайте себя как известный центр и работайте, разрушайте постепенно это кольцо путем интуитивной оценки всего, что встречается.

Не давайте жизни победить Вас и помните, что хотя бы Вы 100 раз самовольно разрушали эту замкнутость, разрушая тем или иным способом тело, как оболочку Вашей сущности, это все лишь заставит Вас вновь и вновь приходить опять к тому же и лишь затрудняет Ваше отношение к окружающему, создавая целый ряд душастих воспоминаний.

Взгляните внутрь себя и вспомните все, что Вам удастся. И тогда сознательно идите вперед, подвергая всю психику критической оценке сознания.

И Вы увидите, что с каждым шагом вокруг становится светлее и что Вам все яснее и яснее Ваши настоящие желания, Ваша подсознательная жизнь и через нее все окружающие, вся эта, сложная, пугающая действительность становится все более и более стройной системой фактов.

Знайте, что Вы никогда не узнаете и не обратите внимание на идею, кот<орую> Вам еще рано знать, на переживание, к которому Вы не подготовлены, и что все это тревожит Вас, Вы *должны* разрешить и разрешите.

Таки скверно, что Вы так сильно струсили и что многое внутри Вас Вам неизвестно. М<ожет> б<ыть>, это письмо поможет Вам разобраться в самом себе и дать отпор тому, что всегда готово заставить Вас отступить на время и сделаться рабом других идей, пережить опять темное время искупления, о кот<ором> Вы, очевидно, забыли и кот<орое> я не могу узнать, п<отому> ч<то> никогда там, где были Вы в это время, не был.

Еще раз напоминаю предисловие к этому письму.

Б. Дикс

S.P.V.
6.VII
MCMVI

2

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ РАННИХ ЛЕТ¹⁰

* * *

А. Р. Минцловой

Лучи мистических прозрений,
Их синий свет во мгле гробниц,
Где ты на темные ступени,
Припав к земле, склонилась ниц.

Огни лампад дрожат во мраке,
И лица темные богов,
И мудрых слов немые знаки
Хранят безмолвие веков.

Припав к подножью саркофага,
Ты шепчешь радостный обет,
И слов твоих живая влага
Струит ко мне печальный свет.

Но скорбь твоя мне непонятна,
Я сплю в оковах темноты
И тихо жду, когда обратно
Опять к живым вернешься ты.

* * *

О. Н. А<нненковой>

Как в тихом озере, в душе отражено
Все, что мы видели, еще себя не зная,
Все то, что было нам изведать суждено,
Всю жизнь идя вперед к дверям далеким Рая.

И много смутных тайн ее скрывает дно,
И только иногда, в туманах снов блуждая,
Мы видим призраки, забытые давно,
И снова верим им, надеясь и страдая.

Как в сумраке пещер, разбуженное смехом,
Безмолвье сонное нам вторит грозным эхом, —
Внезапным хохотом, родившимся в тиши,

Так в нас пустой намек, не стоящий вниманья,
Вдруг странно зазвучит, будя воспоминанья,
Встающие со дна встревоженной души.

* * *

*Дорогому Учителю
Вячеславу Иванову*

О, Диониса жрец, скажи, какую силой
Ты к жизни вновь призвал былую красоту,
От нас давно во тьме сокрытую могилой?

Чтоб снова воскресить угасшую мечту
Дионисийских игр, где юная мэнада,
Под шкурой барсовой укрывши наготу,

И с тирсом пламенным, в венке из винограда, —
Икарию, что дан был богом за ночлег,
Как дар, в котором спят веселье и отрада,

В толпе нагих подруг то замедляет бег,
То снова яростно стремится... И услада
Пэана звучного, как волны пенных рек,

Чьей мощной силою разрушена преграда,
Стремят безудержно могучую волну
В немолчном грохоте и пене водопада.

Скажи, откуда взял ты звучную струну
Для лиры сладостной, спутницы Орфея,
Когда он плыл, стремясь к заветному Руну?

И муза снов твоих не нежная ль Психея,
Избравшая тебя для помыслов своих,
И не она ль тебе, крылами тихо рея,

Поведала красу мечтаний золотых,
Которую ты нам, как дивную усладу,
Отдал, сковав слова в звенящий медью стих

И снова воскресил умершую Элладу!

3

Из писем к Андрею Белому¹¹

1

Многоуважаемый

Борис Николаевич

заходил сегодня к Вам, так как надеялся выяснить некоторые детали программы «вечера современной Музыки и Литературы», участвовать на котором Вы были добры согласиться¹².

Очень сожалею, что не удалось увидеть Вас, и, надеюсь, Вас не затруднит назначить мне, когда я мог бы увидеть Вас и выяснить интересующие меня вопросы.

Прошу извинить меня за беспокойство.

Уважающий Вас

Б. Леман.

S.P.V.

5.III.

MCMVI

2

Многоуважаемый

Борис Николаевич

Мне так жаль, что не удалось Вас видеть. Я так благодарен Вам за желание участвовать на вечере. Относительно программы я хотел бы спросить Вас, должен ли я сообщить Вам всю программу вечера, когда она выяснится, и Вы, сообразуясь с ней, выберете те вещи, кот<орыми> Вы подарите нас, или же это не имеет значения?!

Мне кажется, что совершенно незачем создавать общность программы, т. к. чем шире будут ее рамки — тем лучше. Единств<енным> условием, кот<орым> можно было бы, по моему мнению, руководиться, является обязательное отсутствие стихов на современные события, т. к. политические стихотворения разрушат строго художеств<енный> колорит вечера той публицистической ноткой, которая почти всегда звучит даже в лучших из них.

В остальном же — чем разнообразнее и полнее будет содержание вечера, тем лучше, т. к. тогда он даст тем более полную картину совр<еменной> литературы.

Простите, Борис Николаевич, но у меня есть к Вам несколько просьб. Мне, оправдываюсь заранее, очень совестно беспокоить Вас, и я всецело надеюсь на Вашу снисходительность. Вы, наверное, часто видите людей, власть имущих в редакции «Золотого Руна», — может быть, Вас не затруднит сообщить мне, не собираются ли они дать в одном из №№ репродукцию Вашего портрета, напис<анного> Бакстом, кот<орый> теперь составл<ает> одно из лучших полотен Выставки Мира Искусства¹³.

Мне почему-то странно близок этот портрет. И мне кажется, что Баксту удалось уловить Вас таким, каким Вы являетесь в «Золоте в Лазури». Может быть, это слишком субъективно и узко — но мне представляется, что именно благодаря этому Ваш портрет и произвел на меня такое странное впечатление. Я долго сидел перед ним, и этот рой ощущений заставил меня написать стихотворение. Я никогда раньше не писал стихов¹⁴, не знаю, но что-то толкает меня написать его Вам. Зачем?! Не знаю, но мне так хочется, чтобы Вы прочли его. Мне очень и очень совестно, но мне кажется — Вы поймете меня...

Портрету Б. Н. Бугаева

В этом лице роковые признанья,
Тайна, которая жутко знакома.
Видишь, неясно сквозят очертанья
Хитрой усмешки лукавого гнома.
Ждешь, что внезапно совется завеса,
Встанут виденья забытых сказаний...
Душу влечет в тайны темного леса,
В пропасти, в жуткий мираж колдований.
Вдруг вспоминаешь забытое снова,
Веришь в далекие тайны природы,
В силу и мощь заповедного слова,
В тайны, что скрыли ушедшие годы.
Скрылись виденья... И снова неясно,
Чудится смех позабытый, далекий
В этих чертах...И упорно, и страстно
Ловишь в них чуждые людям намеки.

Вот почему мне так хотелось бы, чтобы «Золотое Руно» дало репродукцию Вашего портрета¹⁵.

Но у меня еще одна просьба. Если Вас не затруднит, вернее, если Вы не истощили Вашу снисходительность, которой я пользуюсь в таких размерах, то, м<ожет> б<ыть>, Вы пришлете мне то очаровательное стихотворение «Поповна», которое Вы читали у Вячеслава Ивановича¹⁶.

Надеюсь, что Вы простите меня, но мне как-то все же совестно — ведь мы почти незнакомы. Но не буду оправдываться.

Преданный Вам

Б. Леман

S.P.B.

12.III

MCMVI

3

Многоуважаемый

Борис Николаевич

Не знаю, как мне благодарить Вас за стихотворение. Мне очень трудно сказать что-либо о Вашем втором портрете по той причине, что я его не видел. Жду с нетерпением «Руна», т. к. мне хочется увидеть его там¹⁷.

Относительно программы я думаю, что смогу прислать ее Вам к 1-му Апреля или на несколько дней позже.

Возникли маленькие неприятности с музыкальной частью Вечера, т. к. Нурок¹⁸ уезжает за границу.

Но это на днях все уладится, п<отому> ч<то> Ив<ан> Вас<ильевич> Покровский взялся за это дело, а с его помощью я надеюсь преодолеть все эти камни преткновения.

Приблизительно намечается число, а именно 13/IV, но все еще может измениться, хотя и не сильно, т. к. все же Вечер пойдет в десятых числах Апреля. К 1-му это, конечно, уже все выяснится, и я извещу Вас.

Я так благодарен Вам за сочувствие этому предприятию, и оно сильно поднимает во мне уверенность. Единств<енный>, кто не хочет до сих пор дать определенное согласие, — это Ал.Ал. Блок, но я надеюсь, что в конце концов он не пойдет против течения и будет читать¹⁹.

Вчера, 18-го, был у Г. И. Чулкова и видел корректуру «Факелов»²⁰. Г. И. надеется, что сборник выйдет на будущей неделе, т. е. числа 27—29, если, чего он сильно боится, его не конфискуют еще в типографии, а этого, я уверен, не будет, т. к. Г. И. слишком уже мрачно смотрит на эти вещи.

Еще раз позволю себе благодарить Вас за стихотворение и извиняюсь за длинное письмо.

Готовый к услугам

Б. Леман

S.P.B.

19. III

MCMVI

4

Многоуважаемый

Борис Николаевич

не могу пока прислать Вам хотя бы наброска программы, т. к. все уверяют меня, что еще не знают, что именно будут читать и что еще успеют это сообщить до 13-го, когда назначен вечер.

Пока знаю только, что Ремизов хочет прочесть отрывок из своего нового романа «Часы» и «Кикимору» («Сев<ерные> Цв<еты>» <19>05). О. Дымов — «Погром» («Солнцеворот»), Городецкий — «Постройка Идола», «Ярила», «Весна», Как видите, немного²¹.

Относительно Ваших «Арабесок»²² могу сказать, что, конечно, это будет очень интересно, и лишь прибавлю, что, наверно, кроме них Вы прочтете и несколько стихотворений. Но так как Вы скоро приедете в Петербург — то я надеюсь, что увижу Вас и мы переговорим обо всем.

Между прочим, спешу сообщить, что «Факелы» вышли и опасения Г. И. Чулкова оказались неосновательными.

Надеюсь скоро увидеть Вас лично.

Готовый к услугам

Б. Леман

S.P.V.

31.III

MCMVI

5

Многоуважаемый Борис Николаевич, простите, пожалуйста, что я беспокою Вас.

Леся²³ просит меня передать Вам, что она была бы крайне обязана Вам, если бы Вы замолвили словечко Полякову²⁴ о ее желании участвовать в библиографическом отделе «Весов», она просит, *чтобы редакция назначила* ей книгу, о которой она могла бы написать рецензию, по философии, истории, поэзии или беллетристике — все равно. Надеюсь, что не затрудняю Вас своей, вернее, Лелиной просьбой, но ведь Вы очень всемогущи в редакции «Весов», что и дает мне некоторую уверенность, что я не затрудню Вас этой просьбой.

Теперь уже от себя. Я написал небольшое стихотворение, кот<ор>е имел дерзость посвятить Вам. Хочу послать его в «Весы» или «Руно» и надеюсь, что Вы не будете иметь что-ниб<удь> против этого.

Привожу ориг<инал> стихотв<орения>.

Андр. Белому

В тишине полуночи пришли и глядят,
Обступили и шепчут, смеются в углу.
Руки тянутся, красные глазки горят,
И куда-то зовут, в неизвестность манят,
И кровавые очи сверкают сквозь мглу.

С каждым мигом все громче их смех в тишине,
Наплывают все ближе неясным кольцом.

Вижу, руки их жадно стремятся ко мне,
А за ними темнеет, прижавшись к стене,
Кто-то с бархатно-черным лицом.

Помню ночь, как впервые я их увидел.
Ветер выл. Мы сидели во тьме вокруг стола,
Исполняя проклятый ночной ритуал:
Мы сплели наши руки, и каждый узнал,
Как могуча их темная сила была.

О, как крепко сплетенье испуганных рук!
Помню стоны и треск, яркий, призрачный свет.
О, как страшен наш общий, безумный испуг,
Мы замкнули себя в очарованный круг,
Из которого вольного выхода нет.

И в мерцаньи кровавых, зловещих огней
Мы их видим так близко, пришедших на зов...
О, как искрится пламя их жадных очей,
И как страшен тот сумрак безликих теней
Для сорвавших Изиды запретный покров.

Б. Дикс

Не смею далее затруднять Вас своим писаньем.
Ваш Б. Леман.

S.P.V.
II.V.
MCMVI

6

Петербург,
18/5 марта 1918

(14) Дорогой Борис Николаевич

спасибо большое Вам за письмо, которое Вы послали мне с П. Н. Васильевым²⁵. Я никогда не сомневался в Вашем добром отношении к нам, петербуржцам. Жаль, что Вы не рассказали в письме тех мотивов, которые, как Вы пишете, привели вас, «дорнахцев», т. е. Марг<ариту> Вас<ильевну>, Ал<ексея> Серг<еевича>, Тр<ифона> Георг<иевича>²⁶ и Вас к выводу необходимости для московской раб<очей> гр<уппы> Вл. Соловьева «быть Русск<им> Антр<опософским> О<бществом>»²⁷. Очень хотелось бы, конечно, узнать их, что именно, как Вы упоминаете вскользь, из Вашего дорнахского опыта привело Вас к этому решению. Надеюсь, что как-нибудь при свидании Вы поделитесь этим со мной, за что буду так благодарен.

Конечно, мы нисколько не против такого или иного наименования, это Вы знаете, ведь в уставе Антр<опософского> О<бществ>ва достаточно ясно указано, что каждая раб<очая> группа вольна в своей жизни руководиться своим собственным уставом. От души желаю всем москвичам успеха в их работе и надеюсь, что, как это было и раньше, Доктор и Антропософия будут объединять нас всех воедино. Хотелось бы только указать, что Вы, милый Борис Николаевич, ошибаетесь, приписывая нам, петербуржцам, известную нескромность: мы надеемся, что не тот, доставивший нам всем так много радости вечер, когда Вы говорили нам о Дорнахе, и не последующий разговор со мною создали в Вас это мнение. Вы пишете: «события жизни Межд<ународного> О<бществ>ва в каком-то смысле научили нас скромности — “*быть тем, что мы есть*”» (курсив Ваш). Но ведь, Борис Николаевич: в разговоре с Вами, как и в письмах к Б. П. Григорову²⁸ я указывал именно на то, что мы, петербуржцы, всегда держались мнения, что мы *de facto* являемся лишь раб<очей> гр<уппой> «Бенедиктуса»²⁹ и что лишь в силу чисто полицейской необходимости — как об этом и говорилось в свое время в Nifors'e — легализованы под соусом «Р<усского> А<нтропософского> О<бществ>ва». Таким образом, мы со всей скромностью стараемся «быть тем, что мы есть» — т. е. раб<очей> группой «Бенедиктуса», и не желая и не думая претендовать на какую-либо всероссийскость, мыслим себя лишь одной из многочисленных ячеек А<нтропософского> О<бществ>ва, что, раскинутые по разным странам, едины в своем устремлении к Доктору как к своему *единому* центру. И здесь мы мыслим себя не большим, чем лишь одним из малых прутьев в единой вязанке, переломить которую оказалось невозможным для силача в известной сказке. Ни на что большее, верьте мне и нам, мы не претендуем, а тем более не претендуем на какую-либо критику той формы, которую избрала Ваша московская группа.

Я очень рад, милый Борис Николаевич, что мой кабб<алистический> очерк о Моисее Вам понравился³⁰. Очень бы хотелось мне узнать, что скажете Вы о «Химере» Белоцветова³¹; в ней, как мне кажется, есть многое, что дало ему знакомство с Вами и Вашими вещами.

Думаете ли Вы как-нибудь собраться в Петербург? Надеюсь, что да, и надеюсь, что скоро.

Передайте мой большой привет Марг<арите> Вас<ильвне>, Тр<ифону> Г<еоргиевичу> и Ал<ексею> Серг<еевичу> и позвольте еще раз поблагодарить Вас от своего имени и от имени всех наших членов за Ваши добрые пожелания нам успешно продолжать нашу работу.

Искренне Ваш

Б. Леман

4

Письма к М. А. Волошину³²

I

Пишу Вам, потому что не успел сказать, слишком много нового и важного для меня дала эта встреча с Вами. Во многом мне еще нужно разобраться и многое еще нужно понять.

Вообще же у меня к Вам две просьбы, которых я не могу не сказать, т. к. лишь тогда успокоюсь. Одну из них я, собственно, даже хотел сообщить Вам сегодня, но не успел, а другая — результат того ощущения, кот<орое> явилось после сегодняшнего разговора.

Вы принадлежите для меня к немногим людям, кот<орых> я иногда должен видеть, хотя бы всего несколько мгновений, т. к. лишь этим могу успокоить и прояснить те волнения психич<еских> переживаний, кот<орые> иногда так для меня мучительны. Все приходит вовремя, и действ<ительно>, Вы пришли как раз когда у меня явились какие-то новые осложнения, кот<орые> не могли быть успокоены ни одним из моих прежних докторов. Я беру этот термин, конечно, в переносном смысле.

И вот я прошу позволить мне приходить иногда к Вам, когда у меня явится необходимость именно в Вашем присутствии.

Иногда мне так необходимо это, хотя бы на мгновение, необходимо лишь почувствовать Вас.

Я не могу еще говорить вполне, т. к. не понял пока, от чего именно избавляет меня Ваше присутствие. Не знаю.

Это первая просьба. Вторая — я не могу, чтобы Вы звали меня иначе как по имени, мне почему-то это больно. Мне очень совестно, но я так хотел, чтобы Вы звали меня так. Слышать иное у Вас — мне невыразимо тяжело, почему — не могу определить.

М<ожет> б<ыть>, что-ниб<удь> скажет стихотворение, кот<орое> я только что написал.

В полумраке, так чутко застывшем,
Охватившем молчанием нас,
Я ловил тихий свет ваших глаз
В бледном сумраке, тихо скользившем.
Этот призрачный, тающий свет
С тихой лаской касался меня,
И душа задрожала в ответ
И проснулась, созвучно звеня.

В вашем голосе чудилась тайна далекая
И слова создавали мечту,
Сочетаясь, сплетали мечту.

И темнела душа, словно море глубокое,
Перейдя за немую черту.

И неясные смутно текли очертания —
Непонятно знакомый узор,
Как дрожащий, неверный узор.
И я видел на древней стене изваяния
И песков необъятный простор.

Переходы, где темные тени, неверные,
Припадают вдоль каменных стен,
Замирают вдоль тягостных стен.
И я слышал шаги однозвучные, мерные,
Заключенные в каменный плен.

Вот лампад извивается, тянется линия.
Темный лик утопает в огне,
И сверкает, и тает в огне.
И молюсь непонятно знакомой богине я,
И ваш голос вновь слышится мне.

И в душе моей темная тайна вскрывается.
Вижу — звезды дрожат над волной,
Отраженные сонной волной...
Но внезапно узор, словно цепь, распадается,
Обрывается тонкой струной.

Снова вижу я ваше лицо.
Тихий свет вдруг померк и погас.
Разомкнулось, распалось кольцо.
Я не вижу ласкающих глаз.
Вы молчите. Темно. За окном
Фонари сторожат темноту,
Убегают туда, в пустоту
Длинных улиц, окутанных сном.³³

Посылаю так, как написал, ничего не исправляя и не изменяя.
Собственно, пожалуй, мне теперь немного совестно, что заставил Вас
читать скверные стихи. Не буду больше утомлять Вас подобным пи-
санием, ибо оно уже достаточно длинно.

Мой поклон Маргарите Васильевне.

Ваш

Борис.

S.P.B.

25.X.

MCMVI

2

Дорогой Максимилиан Александрович, благодаря Вам все время чувствую себя прекрасно и весь полон каким-то тихим и радостным молчанием, за которым скрывается что-то светлое, что — не знаю, но оно все ближе и ближе подступает, и минутами так хочется, чтобы наконец оно выявилось.

По временам до боли хочется писать, но и это не принимает никакой видимой формы, и я как-то радостно-тупо бездельничаю.

Мне так хочется слышать дальше начатую мне драму, и в ней так много, что пока я теряюсь, м<ожет> б<ыть>, потому, что не знаю, до конца не могу понять всей мысли автора³⁴.

Когда бы я мог надеяться услышать дальше? Леля просит меня взять ее к Вам в Воскресенье 5/XI, и я думаю, Вы позволите забежать к Вам в этот день в надежде не помешать и застать дома.

Кроме всего вышеприведенного, у меня к Вам большая просьба. Я написал на днях скверный сонет и имею дерзость просить Вас ходатайствовать перед Маргаритой Васильевной о разрешении, буде она позволит, предать оный тиснению, прибавить сверху «посвящается etc.». Мне так бы хотелось этого, т. к. теперь имя Botticelli для меня связано с именем Маргариты Васильевны, которая так ярко напомнила мне этого «певца грез», единственного, который мог изобразить ни для кого не достижимый тип *Venera Urania*, который потом, как отражение, светится в его мадоннах <...>³⁵.

После этого мне уже совестно, т. к. хотя сейчас эта вещь мне и нравится, но, м<ожет> б<ыть>, это потому, что я недавно ее написал.

Ваш

Борис.

S.P.B.

3.XI.

MCMVI

3

Открытка

S.P.B. 1.XI.09

Получил Вашу записку, дорогой Максимилиан Александрович, и раскаялся в своих прегрешениях, что так долго не писал Вам и не поблагодарил за *Corona Astralis*³⁶, кот<орую> я получил. Спасибо за нее.

Маргарита Васильевна приедет, по всей вероятности, во вторник утром, я передам ей относительно комнаты Елены Оттобальдовны³⁷. Она (Марг<арита> Вас<ильевна>) хотела приехать поездом № 8, приход<ящим> в 8.30 утра. Не беспокойтесь, я встречу ее, завезу к нам, накормлю, а затем устрою, что она решит.

Очень бы хотелось мне увидеть Вас, б<ыть> м<ожет>, соберетесь ко мне, я видим ежедневно, кроме понедельников и четвергов, от 11 1/2 вечера, сам же, при всем моем желании, боюсь наобещать, трудно мне выбраться.

О многом хотелось бы поговорить с Вами. Ну, пока всего лучшего.

Ваш

Б. Леман.

P. S. А первый № «Аполлона» — дрянь, и даже Ваши стихи бес- сильны искупить всю тоску «Капитанов», Анненск<ого>, etc., etc.³⁸.

4

Закрытка

Тяжело Вам, бедному. Ел<изавета> Ив<ановна> написала мне, что она сказала Вам³⁹.

Трудно ей сейчас. Все переоценивается в ней, все устанавливается по-новому.

Не бойтесь этого. То, что верное и настоящее, не может исчезнуть, как не может остаться то, что было ложным. А в ваши отношения вошло много неверного, Вы это знаете, и поэтому они не могли остаться в той *самой* форме, как были, они должны перегореть, очиститься от всего ненужного, чтобы осталось лишь то, что может быть в ней теперь, когда она найдет себя.

У Вас с ней есть очень тяжелая и больная черта — трагичность. Не надо этого, будьте здесь просты и ищите в этом верного и простого.

Помогите друг другу. Оба вы ищите себя, и не мучьте друг друга ненужными страхами. А до сих пор Вы и она так любили делать это.

Напишите мне, как Вы, что у Вас там и как все это видится Вами.

Я очень верю, что Ваше отношение к Е. И. *настоящее*, но как от многого ему надо очиститься, как много Вы должны найти и много уничтожить в себе раньше, чем выявится это.

Ведь *настоящее* требует настоящего, и, идя к нему, приходится искупать то, что было сделано неверного.

Только надо уметь верить в это настоящее и идти к нему, несмотря на все препятствия.

Идите же, как идет она, и помогите друг другу, веря, что в конце найдете то, что чуждо всего ложного, что бесконечно светло и радостно — что истинно.

Не делайте того, что делали до сих пор: — считая *это* верным и истинным и в то же время боясь, что оно может исчезнуть от всякого пустяка. Ведь если оно истинно — оно в Вас самих, в Вашей сущности, и выявится неизбежно вместе с ней и *не может* уйти никуда, но может закрыться, заваленное ложным.

Не бойтесь же, ищите себя, и, найдя себя, — найдете и это.

Она делает это, и надо помочь ей. Раньше она не сказала бы Вам этого, боясь... etc. И я радуюсь этой честности, не побоявшейся перейти через боль, чтобы выявить верное.

Верьте друг в друга и ищите, не боясь ничего, чем больше расплат — тем скорее движение к Свету.

Хочется помочь Вам, взять Вас за руку, но так трудно это в словах и трудно *теперь*, когда главное — *Вы должны сделать* это сами.

Напишите мне.

Верю в Вас, Вы знаете это, иначе не говорил бы Вам тех неприятных вещей, что делал здесь.

Господь с Вами.

Б. А.

S.P.B.

28.III.910.

5

Получил я Ваше письмо, как раньше получил два, и книгу. Спасибо за них и за «Солнце»⁴⁰, Вы знаете, что оно мне очень нравится. Я все собирался написать Вам и все как-то не мог собраться сделать это, даже с праздником не поздравил Вас, и так, хоть поздно, — Христос Воскресе!

Все, что пишете, меня радует, и я много жду от Вас, но сейчас, мне кажется, еще нужно Вам молчание. Надо Вам научиться говорить свое, а не чужое через себя. А найти это можно лишь в глубокой тиши. Я рад и благодарен Вам, что подошли ко мне, но сейчас не могу много помочь Вам, надо еще подождать. Вы глубоко правы, что Вам «нет иных путей», но если этот путь, который Вы ищете, кажется Вам приобретением новых знаний — это неверно. Нет. Для этого надо найти старое знание и главным — знание себя, а для этого долго искать в себе молча и совсем откинуть все, что так мешало Вам внешне.

Я не совсем понимаю Вашу фразу: «Во мне есть знания, кот<орые> не дают мне идти просто, как я искал». Мне кажется, что за знания Вы еще принимаете отзвуки, а не сущность, не настоящее свое. Я поясню это так. Положим, я знаю глубоко в себе из прошлого и для себя бессознательно, что есть четыре основных стихии, 4 силы чувственного мира. И вот я читаю об этих 4-х стихиях где-нибудь, и во мне вырастает отзвук, дающий мне уверенность, что это верно. Но отсюда мне начинает казаться, что верно *именно то, что я прочел*, и я так это и принимаю, но здесь наступает ненужное, кот<орое> вносится теми мелкими чертами или всей постановкой вещи, кот<орую> я принял у *другого* под этим *чужим* углом зрения. Принял п<отому>, ч<то> во мне прозвучала уверенность, что это *так*. И надо открыть этот отзвук полнее, чтобы он стал понятным — стал знанием своим, и тогда он будет верным, и Вы сможете применить его,

п<отому> ч<то> оно будет действительно Ваше. И тогда можно снова перечесть то, что казалось Вам приемлемым и верным, т. к. теперь Вы будете *знать*, что там верно и что неверно для Вас, и, б<ыть> м<ожет>, верным<и> окажутся *лишь два слова* «4 стихии». Поняли ли Вы меня и поняли ли, что тогда «ясно», и что с «первыми элементами» несоединимы именно эти *чужие* добавления, *чужие* выводы.

Еще Вы пишете: «Теперь я твердо знаю свой долг и направление». Так нельзя. Мне надо, чтобы *Вы сказали, как Вы* видите, иначе очень трудно говорить.

Вы говорите «совета и руководства», но я могу принять лишь первое, для второго же надо иметь многое, о чем я едва могу мечтать сейчас. Я могу лишь стараться помочь, советовать, как брат брату — и только.

Поэтому прошу Вас сказать мне, что знаете, что видите, чего хотите Вы, чтобы нам вместе можно было разобраться, и верю, что Господь поможет нам найти нужное, увидеть волю Его.

Нашли ли Вы молчание? Нашли ли в молчании еще более молчаливое, более глубокое, и в *этом* нашли ли *безмолвную уверенность*?

Мне кажется, Вам еще нужно молчать. Но пишите мне пока, и не очень редко, лучше всего — в ритмические промежутки, это много может выяснить, и Вам, и мне поможет. Не надо много, лучше чаще и возможно точнее, возможно по-своему, не стараясь быть понятным другому, а лишь выразить свое по-своему.

Пишете ли Ел.Ив.? Думаете ли писать ей? Ей хорошо. Она понемногу — правда, очень понемногу — оживает и научается верить в себя. Я доволен ею. Если Вы будете писать ей, то надо, чтобы это было свое, новое, тогда это может много помочь ей.

Это время благодаря внешним причинам я не видел ее так часто, как хотел бы, но она неск<олько> раз писала мне, и письма были хорошие. Она много одна, почти все одна, и, надеюсь, скоро совсем будет пройдено молчание. Внешне тоже много лучше, вид здоровый, голова почти не болит, и все остальное пришло в порядок. Она стала глубже, чище и светлее много, и скоро жду для нее радости найти себя самою.

Пока посылаю Вам это немногое. Еще мне кажется, что *Евангелие*, «Свет на Пути» и, б<ыть> м<ожет>, «Голос безмолвия» дадут Вам больше, чем «Познание сверхчув<ственных> миров», где слишком много этих субъективных мелочей, лишь мешающих, внося в оценку чужое определение⁴¹.

Скажите, могли бы Вы достать и хотели бы перевести Fabre d'Olivet «La langue hébraïque restituée»⁴². Думаю, что это было бы очень хорошо для Вас и могло бы много дать Вам, перевод же этой книги не оказался бы лишним, т. к. ее нет по-русски, а она очень хороша.

Ну, пока кончу это писание, пишите, жду Ваших писем.

Очень радуюсь я за Вас, верьте, что Господь поможет, как всегда помогает Он ищущим его <так!>.

Как у Вас там, и как Ваша матушка? Вы о ней ничего не сказали. Всего хорошего. Пишите.

Б. А.

S.P.V.
10.V.910.

6

S.P.V.
21.V.910.

Меня глубоко тронула и была радостна та четкость и простота, которая появилась (для меня впервые) в Вашем последнем письме.

Я рад, что Вы поняли и, главное, *приняли* мои слова, и это дает мне надежду, что, быть может, я смогу помочь Вам так скоро и так полно, как того хочу.

Все, что Вы говорите, радует меня, и главным образом, тем, что в Ваших словах, в Ваших определениях я вижу настоящее искание Пути и вижу много указаний на хотя и медленное пока, но верное развитие внутренней работы, той ритмики, которая служит основой истинной дисциплины.

И верю, что Вы найдете ее.

Скоро ли? Но ведь на это нельзя ответить.

Вы пишете, что восставали против «теософии», против «парниковой», искусственной выгонки душ. Так *многие* понимают теософию, и благодаря этому в ней действительно *есть* это. И *это* глубоко неверно.

То, что приняло эту окраску в глазах не понявших ее сущность на самом деле, есть только *психическая помощь*.

Это лишь хранящиеся с глубокой древности методы помощи тем, *кто знал и забыл*. Почему забыл? Это другой вопрос, тем более сложный, что здесь мы встречаемся с кармой, каковое понятие имеет или очень простое, но весьма абстрактное значение, или же вполне конкретное (в каждом *данном* случае), но тогда бесконечно сложное и доступное очень немногим, становясь цепью тысячи и тысячи данных. Отсюда выросли методы оккультной помощи — принятые многими теософами как возможность ускоренного самоусовершенствования. Последнее же, понимая его в истинном смысле, есть — святость, т. е. понятие, включающее непременно непосредственную благодать Божию, что исключает всякую возможность приставок «само...» etc.

Вы говорите о той инертности и апатии <так!>, которая беспокоит и даже страшит Вас. Не знаю. Я не вижу здесь чего-либо недолжного. Это же должно быть пока, и в этом и рождается ритмичность.

Вы поймете это, когда увидите, что в период этой апатии в глубине остается воспоминание о периоде света, и из этого воспоминания, из этой частицы света, унесенной в период ночи, возникнет звук, и, слушая его, — а не слушать нельзя — возникнет прикосновение безмолвной Радости в ночи, и из этой радости, из — «Ты не оставил меня во тьме моей» — родится познание в себе Света, и отсюда *свое* непосредственное знание тайны касания к радости слов Евангелия от Иоанна I. 5⁴³.

Об этом нельзя говорить, для этого нет слов, т. к. в этом все.

Относитесь к этим периодам спокойно и уверенно, ждите, когда они минуют Вас. Как Вы, не думая, знаете, что завтра утром взойдет солнце, так, не думая, знайте, что этот период окончится сменой светлой полосы и каждый раз во время этой ночи в душе рождается *нечто* новое.

Молитесь в это время, как молитесь всегда, но помните, что ночью молиться невольно глубже и радостнее, т. к. днем все вокруг славит Бога, и мы, молясь, сливаемся с этим, видим Бога во внешних проявлениях Его, а ночью мы слышим лишь молитву нашей души и одни молимся в тишине, опускаясь в глубину себя.

Больше не могу сейчас ничего сказать к этому.

Если хотите, прибавлю маленький совет. Вы живете среди природы? Во всяком случае, около нее. Попробуйте заняться для себя, немного, естествознанием, разведать⁴⁴ каких-нибудь букашек, цветы, и на них понемногу проверяйте те законы, которые они Вам откроют, и здесь попробуйте ассоциировать факты, а не мысли, мысли будут лишь мостами между живыми фактами. Пусть у Вас будут любимцы, пусть их несложная, но не менее *похожая* и не менее таинственная жизнь будет заботить Вас. Быть может, это откроет Вам одну маленькую дверку к прикосновению к жизни других, к внешним фактам, к любви этих радостей и печалей, и пусть здесь не будет слов, это будет невольно, и в этом безмолвном угадывании желаний и забот Вы, б<ыть> м<ожет>, найдете начало иной, высшей близости.

Учитесь языку птиц, пчел, цветов, чтобы научиться понимать язык людей, а не те слова, которые считаются за «язык» *того* или *другого* народа.

Пусть Вас не беспокоит Ел.Ив., ей хорошо теперь, но пока Вы не найдете, Вы все равно не можете подойти к ней. Она спрашивает меня о Вас, и я ей говорю, но, как Вы, она тоже сейчас не может подойти к Вам, хотя и Вы, и она идете к Пути — да поможет вам бог скорее найти его.

Фабра д'Оливе, если сможете, достаньте, если же я раньше Вас сделаю это, — то pošлю Вам. Когда будете переводить его — хорошенько почитайте Библию *раньше*, чем приметесь за его книгу, — это много поможет Вам.

Когда получите это письмо, пишите мне: Финляндская жел. дор., ст. Мустамякки, имение Боткиной и т. д.

Я постараюсь отвечать на *каждое* Ваше письмо, но не знаю: дела складываются так, что, б<ыть> м<ожет>, иногда придется отвечать на два-три письма сразу. Конечно, если в письме будет что-нибудь важное для Вас, то, выделив это, ответчу на него сейчас же. Господь с Вами. Пишите.

Б. А.

7

Закрытка.

Спасибо за письмо и то, что радует меня. Я верю, что Вы найдете себя, так как вижу *за Вами* большую силу, кот<орая> ведет Вас.

Вы правы, протестуя против сокращающих дорогу тропинок у Безант — она так их понимает, и это неверно. Но *ускорение* роста существует, и тот, кто хочет и может, может идти все скорее и скорее, но он все же *неизбежно* проходит *всю* дорогу, и здесь все в том, что единицы времени, собственно говоря, не существует, и нашей мы не можем измерять там, где в мгновение можно пережить неизмеримое. И в этом нет «теплицы», т. к. это основано на законе Любви и Помощи, и ускоренно идя там, человек не уходит здесь и лишь ставится в условия помощи другим. «Гора» же у Безант весьма неудачна, давая неверное зрительное впечатление сокращения и ухода каким-то нелегальным обходом, какой-то, хочется сказать, — протекцией.

Не думайте, что во время упадка «внимательности», во время периодов *внутренней* работы Вы можете «пропустить самые важные страницы», — ведь человек, углубленный в себя и потому не видящий чего-либо находящегося перед ним, лишь *не сознает*, что он видит, и если это (то, что было перед ним в это время), если это *важно*, он *вспомнит* до мелочей это, т. к. это свяжется с той работой, кот<орая> идет в нем. Если же не свяжется, то, знач<ит>, неважно.

В Вас есть и сознано желание создать «внутр<еннюю> крепость», остановиться и глядеть в жизнь внешнюю из этой крепости, выходя лишь для дела и когда знаешь, что нужно. Это так много, что все равно не скажешь, и это очень обрадовало меня.

Хорошо, что Вы будете читать д'Оливе, это очень много может дать Вам, и Вы сами сказали, что мое предположение верно, сказав: «Я чувствую решение этой антиномии Ветх<ого> и Нов<ого> Заветов — “чти...” и “оставь...”». Надо знать Библию, надо пройти через Ветх<ий> Зав<ет>, чтобы прийти и принять Новый. Если человек уже прошел этот путь, он ищет иначе. Но тот, кто ищет, как Вы, еще выходит из Ветх<ого> Завета. То, что уже *было* пройдено Вами, встанет снова ясно и четко в интуитивных прозрениях и тем само поста-

вит Вас на путь, подведя к вопросам, кот<орые> еще не были решены *тогда*. Но каждый должен хоть один день, хоть час пройти через Библию — это слишком важно и необходимо, если нет прямого потустор<оннего> знания ее целиком. И так хорошо, что Вы стали заниматься этим.

«О подражании Христу» есть по-русски в переводе Победоносцева, изд<ание>, каж<ется>, 1901—3 гг., более старые переводы трудно достать, но у Победоносцева есть их перечень⁴⁵. О Филоне сейчас не могу ничего сказать. Если хотите, то напишите брату — Эстляндская губ., Силламяги, Петру Павлов<ичу> Леман. Это одно из мест, где можно наводить такие справки.

То, что Вы пишете о Вашей маме (по отношению к Вам), лишь указывает, как точно и верно группируются кармически для Вас условия. Но это должно быть *всецело* сделано Вами, и я не могу ничего говорить по этому поводу. Лишь добавлю: прочтите от Марка гл. 10. ст. 16., 17., 18. и 19., а если смутит Вас (Исход. 20, 12—17) — то еще от Матфея гл. 5. ст. 17. Это очень *важно*.

Все поджидал от Вас весточки. Сам не мог долго написать, т. к. лежал, ибо все еще болен, и пузыри, кот<орые> у меня завелись, не хотят проходить. Теперь лучше. От Марг. Вас. ничего не имею, а Е. И. мне писала, что ей хорошо и тихо.

Хотелось бы мне много написать, но еще трудно писать. Хочу еще напомнить, что примирение двух идет через третье и синтез, так<им> образом, является в виде <рисунок треугольника>, что, однако, не есть равновесие, ибо <тот же рисунок> есть «восходящая фигура».

Ну, пока кончу это. Да поможет Вам Господь. Пишите мне все же, я рад Вашим письмам и тому, что Вы мне пишете о себе. Всего хорошего.

Б. А.

14.VI.910.

8

И <огню,> плененному землею,
Золотые крылья развяжу.

Дорогой Максимилиан Александрович — спасибо за память, рад Вашей книге; я уже достал ее, как только она появилась, и так было хорошо наконец увидеть все это напечатанным. Мне лишь немного обидно за плохое воспроизведение рисунков Богаевского, и Гриф в данном случае оказался не на высоте, но это сущие мелочи.

Между прочим, я собирался Вам сказать, что при внимательном разборе Ваша Corona Astralis мне понравилась, и я беру назад свои

слова; только все же чуть сухо, пожалуй, хотя и это, б<ыть> м<ожет>, неплохо. Вообще она в стиле средневековой энциклопедии какого-нибудь монаха вроде Бема, где есть и мифы, и естеств<енные> науки, и искусство, и все пронизано одной мистической нотой. И, право, она мне понравилась очень, хотя слов в ней очень много, но здесь это хорошо.

Спасибо за Солнце. Очень Вы меня этим порадовали.

Но будет об этом.

Я рад за Вас, за Вашу тишину, и верю, что в ней Вы найдете себя и свое. Только не спешите размыкать ее и замыкать в слова. Трудная была для Вас эта зима, но теперь, даст Бог, все войдет в русло, а все это очистило и выявило все, что надо было изжить и пройти.

Елизавету Ив. я выдаю, но не очень часто все же. Ей хорошо теперь, и я очень рад за нее и уверен в ней. Она много сделала, и иногда я даже изумляюсь, как много она может и как глубоко и верно делает. Она совсем ушла от темного и старого и стала очень светлой. Теперь за нее не страшно. В ней есть свет, и она видит его. Больше сказать не могу, но ведь это так много и радостно.

Сейчас ей, правда, еще трудно, т. к. не пройдено *еще безмолвие*, но это она пройдет, верю в нее очень, так она хорошо все делает.

Не сетуйте на нее за краткость писем — ей трудны слова теперь, когда она идет через тишину. Помогите ей — почаще и побольше пишите ей, только побольше внутри, но не внешне, и покороче, — ей тяжело видеть слова, ведь она *по ним* именно тоскует, *их* ждет, ждя себя настоящую.

Она мало говорила мне о Вас, но, знаю, часто ждет Ваших писем, и ей надо помочь немного.

Право — она очень хорошая стала. Так изменилась, и светлая.

Только не спрашиваешь ее, пишет ли она, много ли, что думает писать, — ей это тяжело в эти дни безмолвия.

Жду, что скоро откроются двери.

Напишите о себе немного еще, как Вы, я думаю о Вас часто, но теперь, когда Вы сидите там, спокоен за Вас.

Как Ваша матушка и лучше ли ей? Ведь она с Вами там, не правда ли?

Новостей здесь никаких, да я и не выдаю никого из литературных людей.

Марг. Вас. в Москве, и когда приедет — не знаю, т. к. она ничего никому не пишет.

Знаете, мне видится, что самые тяжелые дни космически<е> истекли и начинается назревание того, что мы все ждем настоящего. В этом такая радость, которую передать невозможно.

Находите же себя, не поскорее, а поглубже и полнее. Чтобы слова стали бездонными и огромными — стали числом, звуком. Ведь так.

Еще раз спасибо за все.

Рад за Вас, помощи Вам Бог.
Пишите, рад Вашим письмам.
Б. А.
P.S. Верно ли я пишу Ваш адрес?

5

Письма к О. Н. Анненковой и стихотворения 1940-х годов⁴⁶

1

6.X. <19>42

Милая Леля, только сегодня разыскал твой адрес и вот — могу тебе написать. Надеюсь, что письмо застанет тебя в Москве. Ответь мне побыстрее, а еще лучше телеграфируй, тогда буду знать, что адрес верен.

Я давно как-то просил Над. Аф.⁴⁷ передать тебе, что я прошу тебя написать, затем еще раз послал стихи и просил дать их тебе и чтобы ты мне черкнула свое мнение, но на все это никакого ответа от тебя не было. Н. Аф. иногда посылала открытки, обычно весьма краткие, из кот<орых> можно было узнать, что она и ее живы. Я думаю, что обо мне знаешь от нее и знаешь, что я в Алма-Ата, что Мусю похоронил еще в Авг<усте> 38-го года. Тут я, *hottibile dictu*, завмузчастью и дирижером в одном из местн<ых> театров, а именно муздрамтеатра.

Жизнь тут скрашивается теплым климатом и тем, что город похож на сад, — все улицы — аллеи, еще и сейчас сов<ершенно> тепло, и ходят «без пальтов». Но, как и всюду, базарные торговки и торговцы весьма склонны к астрономич<еским> цифрам, а ставки зарплаты, обратно, едва достигают начальн<ой> арифметики и действий с 3-х значными цифрами, с трудом добираясь до 4 знаков. Как ты живешь? Как и что Е. А.⁴⁸ Кланияйся ей и пиши. Я бы просил тебя сообщить мой адрес Ал.Серг.⁴⁹, а мне его. Я бесконечно тоскую тут без книг, уж не говорю о циклах⁵⁰. Если бы можно было как-ниб<удь> прислать мне «Мист<ерии> древности» I издание, «Порог», «Рожд.», моего «С. Мартена» и «Когда Солнце движется»⁵¹. Не можешь ли ты как-ниб<удь> пособить? Ведь когда в спешке мы уезжали из Л<енин>гр<ада>⁵², я почти не взял ничего, и сейчас не знаю, думаю — мало что осталось от моих книг и рукоп<исей>. Любопытно, что Дикс опять принялся кропать. Посылаю, в виде образца, 3 стихотв<орения>, что скажешь? Очень хочется получить от тебя письмо, не поленись — напиши. Это помимо телеграммы о том, что

это добралось до тебя и, значит, адрес верен. Трудно писать, когда не знаешь, дойдет ли до тебя это мое послание. Но как получу ответ — напишу длинно. Видаешь ли Таню, что она?⁵³ Я ровно ни о ком ничего не знаю. От Н. Аф. уже ок<оло> 3 мес<яцев> ни звука. Как бы я хотел иметь русск<ие> 3 и 1 циклы и 5-е Ев<ангелие>. Но увы, никак не достать. Мечтаю еще хотя бы о книге Ю. Николаева «В поисках»⁵⁴. Если б ты видела, что за убожество здешн<ие> книжн<ый> и антикварн<ый> магазин. Ну, кончаю. Надеюсь, это доберется до тебя, а значит, ты ответишь. Видаешь ли Юр. Ал.? За это время словно 1000 лет прошло. Пиши же, милая, я так буду ждать. Борис.

Адрес мой: КазССР, Алма-Ата, просп. Сталина 67, к. 40.

2

10.X

Милая Леля, наконец узнал твой адрес. Собственно, я еще не уверен в нем, как не уверен и в том, в Москве ли ты и Е. А. На днях я тебе послал письмо, в кот<ором> просил, если не трудно, телеграфировать мне, что ты его получила, чтобы мне знать, что, значит, адрес верен и мое письмо до тебя добралось. В том письме послал тебе три стих<отворения> Дикса — он снова стал кропать вирши. Мне оч<ень> хочется узнать, что ты о них скажешь? Там же я плакался тебе, что сижу тут без книг и, увы, без циклов, ибо, тогда уезжая с Мусей, во всей тогдашней спешке ничего почти не взял, да и думал, что скоро вернемся, а вот получилось как! Я очень бы был тебе благодарен, милая, если б ты смогла послать мне «Порог», «Рождество», «Из Летописи»⁵⁵ и «Мист. древности» (1-е издание). А затем хотелось бы моего С. Мартена, Коллинз «Когда Солнце» и Ю. Николаева «В поисках». Если бы мне получить все это. Попытайся достать для меня, мне так трудно без книг. О цикл<ах> я, конечно, не мечтаю сейчас. В прошл<ом> письме я забыл просить «Из летописи», потому и пишу это вдогонку. Хочется думать, что письма до тебя доберутся, и верить, что ты мне пришлешь книг. Тут ровно ничего нет, и с книгами безнадежно и в см<ысле> магазина (единственного) и в см<ысле> библиотек. Чтобы тебя задобрить, посылаю еще стих<отворения> Дикса.

<3>

Вот, милая, некот<орые> исправления стихотв<орений>. Поправь их, пожалуйста. Стихотв<орение> «Разгулялась смерть...». Название, думаю, лучше будет такое: A.D. MCMXLII. Первая строка: «Разгулялась смерть — скелет безглазый» (вместо «косою острой»). Так ярче сразу же образ. Дальше, после пятой строфы («Нужно все скосить» — «не глушила») надо вставить:

Выкошу все каиново племя —
 Войны, казни и убийства сгинут —
 Станет жизнь опять господним садом,
 Что, цветя, по всей земле раскинут.
 И тогда, как было то вначале,
 Двери Рая в небе открывая,
 Ангелы опять сойдут на землю,
 Огненными крыльями сверкая.

Дальше как было: «И идет вперед скелет безглазый» и т. д.

Стихотв: «Долорес милый изменил»; 4-я строфа:

Там, постучав, уселась ждать
 На каменный порог,
 Пока в огне не вспыхнул свет
 И заскрипел замок.

Вот приоткрылась дверь. Вошла,
 Испуганно глядит и т. д.

4

28.XII

Понемногу исправляю стихотв<орения>, то там, то тут нахожу <недостат?>ки⁵⁶. Новых сейчас не пишется, но это п<отому> ч<то> эти дни живу как в вагоне на притыке у знакомых, ибо дома холодища, как на улице, потому что совсем нет дров, и вообще надо переезжать, т. к. к хозяйке перебирается жена и двое мал<еньких> ребят убитого сына. Нашел, куда переехать, видимо, там будет тихо и удобно. Сейчас хлопочу о переезде, это требует дов<ольно> много всяких разрешений, а значит — беготни, да самый переезд технически тоже — как и на чем его осуществить. Я послал тебе три заказн<ых> письма со стихами. На одно получил на днях ответ, добрались ли два другие — еще не знаю. Третьего дня послал тебе еще 3 стих<отворения> и кое-какие исправления к уже посланным. Вот еще исправления:

В стих. «Поселился у меня мохнатик», в 5 строфе вместо «Что душе он может помешать» надо «Что он может людям помешать». Так лучше сохраняется принадлежность мохнатика к иному плану.

В стих. «Тридевятое царство» 15-я строфа — вместо «С его костяною ногою» нужно «С железной бессмертной иглою» (это про Кашея), а то ведь костяная нога — это же не у Кашея, а у Яги.

Как мне жаль, что ты поздно узнала об отъезде Шкловского⁵⁷. А где и что Наташа Радлова? и знаешь ли что о Михине?⁵⁸ Сейчас так ни о ком ничего не знаешь, кто где и жив ли Н. Аф. пишет вроде как

раз в 3 месяца, и притом откр<ытки>, что при ее почерке равно трем-пяти строкам. А тут чувствуешь себя так оторванным и заброшенным в глушь. И это самое трудное, в сущности. А второе — это бескнижье. Сколько времени мечтаю добыть «Рассуждения» Марка Аврелия и никак не могу добыть. А так хочется. Иногда с грустью думаю о пропавших, видимо, моих книгах в Л<енин>гр<аде>, и так глупо, что не взял рукоп<иси> своих работ о потопе, о сущности сказки, о Моисее. Так не думал, когда уезжал, что это продлится так долго. Как завидовал Маршаку, что вот уехал в М<о>ск<ву>⁵⁹. Хотя бы мог перебраться в какой-ниб<удь>, но настоящий город, где в библиотеке есть книги. Тут ничего нет, все заведено недавно только. Раньше-то ведь это была полустаница и жили, гл<авным> образом, «сытно», но не грамотно.

Собств<енно> говоря, уже 1 янв<аря> <19>43 года, т. к. сейчас уже 3-30 ночи. <Я се>годня наконец перебрался на др<угую> квартиру и блаженствую, ибо тут тихо, тепло и есть свет, — вещи, кот<орых> не было последн<ее> время, ибо отсутствие дров и света заставило меня убраться из прежней комнаты и ютиться у знакомых, где было мало удобно и далеко не тепло, т. к. у них оч<ень> хол<одная> квартира, ибо из-за войны не удалось ее оборудовать как надо. Моя хозяйка тоже болталась по знакомым, а в комнате, полов<ину> которой я занимал, t° была равна улице, т. е. от 2—6° мороза. Но вот повезло — нашел и, кажется, удачно, ибо тут часть комнаты отделена перегородкой, т. ч. выходит вроде самостоят<ельной> комнатушки. У хозяйки есть дрова, что сейчас не у всех, и она топит, и есть свет, т. к. это дом Наркомлеса. Ко всему, эта кварт<ира> на одной из лучших улиц, а тут это существенно, ибо где асфальтировано — там нет грязи, а стоит свернуть в неасфальт<ированную> улицу — и не вылезешь весной и осенью, ибо там, как в любой здешней станице, невылазн<ая> грязь! Моя хозяйка и ее дочь обе служат в Наркомлесе и днем и вечерами там, т. ч. я все время один и могу писать без помехи. Отсюда два шага до Универс<ите>та, Центр<альной> Библиоте<ки>, Оперн<ого> театра. Правда, окна не на улицу, а во двор, но это лучше, т. к. тише. Очень я рад, что так повезло. Сейчас найти вообще какой-либо угол почти невозможно. Адрес мой теперь так: просп. Ленина, 24, дом Наркомлеса, кв. Варелли. С новым годом, милая, как хочется, чтобы он принес конец этой бойни и возможность ехать обратно к пенатам или, точнее, к тому, что осталось от них. Все жду от тебя ответа на два другие зак<азные> письма со стихами. Что скажешь о них всех вообще? Это время ничего не писал, а искал «фатеру». Получ<ил> заказ на девять скэтчей для моего театра. Если не трудно — сообщи мой нов<ый> адрес Н. Аф. Ну, на сегодня хватит. Целую. Желаю счастья. Как хочется все же поскорей выбраться из этой дали далекой. Ну — примусь ложиться. Посылаю два стихотв<орения>. Борис.

* * *

Хорошо нам весной, неумытикам,
 Заворотышам, мохнатым зверенышам,
 Всей лесной, замороженной братии,
 Человеком не знаемой нежити.

Божье солнышко нас не чурается —
 Так нагреет полянку зеленую,
 Что, как вылезешь ночью, от радости
 Сам собой над спиной хвост закрутится.

Над былинкой над каждою светится,
 Словно шапочка, жемчугом шитая,
 То, что станет набухшею почкою,
 То, что вспыхнет цветком или листиком.

Тут лениться уже не приходится —
 Мы не люди ведь, слава Создателю,
 Нам для каждой травиночки надобно
 Ей росинку найти подходящую.

Прилепить лунным светом на листике, —
 Не скатилась бы да не разбилась,
 А не то старшой как возьмет за хвост
 Да навяжет узлов — так наплачешься.

Колесо зверей в небе катится —
 Тянет спицы к земле, словно к ступице...

Хорошо в телеге Создателя
 Быть хоть малым, мохнатеньким винтиком!

* * *

Arcades ambo.

Virgil

Таким простым и милым жестом
 Ты протянула руку мне,
 И вдруг с той нашей встречи местом
 Случилось чудо — как во сне.

Пропало все, сместилось время,
 Иной страны я видел кров,
 Рассыпавшись, упало бремя
 Моих теперешних оков, —

Я видел атриум с бассейном,
 Вода лилась из глотки льва,
 И по краям вились затейно
 Зеленых листьев кружева.

И на тебе был пеплум белый,
Спадая складками к ногам.
Но тот же радостно-несмелый
Был жест руки и здесь и там.
И ту же в светлом взоре ласку
Я видел вспыхнувшую вновь.
И там и здесь все ту же сказку
Сплетала нам с тобой Любовь.
И, встречи радостью овеян,
Ловя забытой жизни след,
Я пред тобой стоял рассеян,
Забыв ответить на привет.

13-ть двустиший

1

Ни в единой книжке ни единой строчки
Не прочтет мамаша так же, как и дочки.

2

День-деньской все те же бабьи пересуды,
Распиванье чая и мытье посуды.

3

Все лишь для показа, все лишь для отлички —
Вышивки, прошивки, цветики да птички.

4

Чашечки в буфете, на полу дорожки.
Восемь канареек и четыре кошки.

5

Печь с цветной лежанкой пышет душистым пылом,
Пахнет мытым полом и душистым мылом.

6

Все слова, что скажут, знаешь уж заране.
На окошках рдеют пышные герани.

7

Так оно снаружи, а за ним иное —
Мелким бесенятам тут раздолье злое.

8

Злоба, зависть, жадность, скука, лень и скупость —
И над всеми ними мертвенная тупость.

9

Все они свивают полумыслей нити,
Все плетут узоры гаденьких наитий.

10

Краски грязно-буры, склизки, лишь порою
Вдруг зардеет узел яркою звездой.

11

Завивают свары, вяжут вязь доуки,
Лишь глаза мигают да мелькают руки.

12

Хоть на пальцах когти, но искусны пальцы —
Похоть — как иголка, души — словно пяльцы.

13

Все скрепляют нитью крепкой, злой привычки,
Словно вышивают: цветики да птички.

Лемурия

Когда земля еще не затвердела
И мягок был ее коры покров,
Она была податлива, как тело.

Окутана парами облаков,
Что, ластясь к ней, ее собой скрывали
И тысячею радужных кругов

Свет солнца в мареве своем переломляли.
Из влажной почвы, дышащей огнем,
В извивах странных корчась, вырастали

Растения, стволы которых днем
Мясистых сучьев пальцы простирали,
Украшенные перистым листом,

А ночью их опять в клубок сжимали.
Цветов они не знали, только споры
В набухших струпьях яд семян скрывали.

И, не ища в земле себе опоры,
Змеясь, свисала с сучьев сеть корней,
Вбирая влагу в дыр отверстых поры.

Был человек тогда лишен костей,
Живя в парах горячей атмосферы,
Земли едва касался он, над ней

Скользя, как нетопырь. Уродливой химеры
Имел он вид — трехглазый, без ушей,
Со ртом лягушечьим, он волей мог без меры

Вытягивать все члены и в своей
Окраске тела выявлять все страсти
Своей души, вмиг придавая ей

Различный цвет. Чтоб избежать напасти,
Он мог раздуться шаром или вдруг
Стать змеем с кратером огнем палящей пасти.

Он был немым, и лишь единый звук
Мог издавать тоскующе-влекущий —
Призыв любви к толпе своих подруг.

Так было там вовне. Но дивной и зовущей
Была земля та там, где дух царит —
Над жуткой формою, в тумане вод живущей.

С ней связан, реял образ, что глядит,
Сияя красотой, сквозь Фидия творенье,
Где с телом дух в одно отныне слит,

В земную плоть окончив нисхождение.

Сонет

То не был сон, но близок был к нему, —
Покинувши себя, я на себя смотрела
И видела свое на ложе спящим тело —
Живого духа тесную тюрьму.

Оно спало. Я видела: ему
Так было тяжело, я его жалела,
Но все ж сойти в него не захотела —
Себя замкнуть в страдание и тьму.

Но изменилось внезапно все окрест
И предо мною вместо тела крест
Возник в смятении душевной катастрофы.

Клубящимся огнем в меня сошла Любовь,
Себя я в теле ощутила вновь
И поняла мистерию Голгофы.⁶⁰

Вода

Знай: вода — это ангелов светлых покров,
Ею к нам открывается дверь —
 Коли воля чиста
 И душа коль проста.
Ты все это на деле проверь.

Чашу чисту из дерева липова взяв,
Студеною водою налей,
 А затем четверговую
 Свечку восковую,
Поклонясь, засвети перед ней.

И гляди наскрозь воду, но только смотри,
Чтобы мысли в тебе не вились —
 На точку огнистую,
 Струйку лучистую,
Где огонь опрокинулся вниз.

Вот, как будто кипеть на огне собралась,
Побелев, замутилась вода,
 Но ты помни приказ —
 Не спускай с нее глаз,
Так сначала бывает всегда.

Это сила твоя окунулась в купель —
Человечий, адамовый пыл, —
 Это он чистоту,
 Той воды красоту,
Словно паром горячим, закрыл.

Но не бойся — ведь здесь, на земле, человек
Связан с грешною плотью всегда —
 Пропадет тот дурман,
 Разойдется туман,
И опять прояснится вода.

И увидишь: как словно пропала она,
И на месте ее пред тобой

Голубой небосвод,
Но и он пропадет,
И откроется горный покой.

В нем увидишь тех ангелов светлых, что нас
На земле охраняют от зла, —
Их ты можешь спросить,
Как тебе надо жить,
Чтобы жизнь твоя правой была.

Коль от чистого сердца твой будет вопрос,
На него ты получишь ответ, —
Все увидишь вперед,
Что судьба принесет
И зачем ты родился на свет.

Все откроет тебе ключевая вода,
Коль души сохранил чистоту,
Коли хочешь узнать,
Как греха избежать
И открыть свое сердце Христу.

Bateleur (1-e lame de Tarot)⁶¹

В глубинах нашей Земли сокрыт,
Скован весом, числом и мерой,
Древний Хаос. Его сторожит
Дух, что в крови человека горит
Творчества грозной химерой.

Как лавы потоки, земной костяк
Пробив, устремляются вверх, пылая,
Огнем озаряя окрестности, так,
В душу проникнув, молний зигзаг
Творчество чертит, сверкая.

Если его не сдержат мастерством,
Формы умелой сковав превосходством, —
Оно разольется палящим огнем,
Ужас и панику сея кругом
Безумия жутким уродством.

Хаос нас всех ведет вперед —
Он от Земли к звездам стремится,
Страшен его огнедышащий взлет,
Только сковав его, форма дает
Творчеству жизнью раскрыться.

Чем Земля нас держит в земном:
 Точные мера, вес и число, —
 Мы должны наполнить их этим огнем
 И, выковав новое, бросить на слом
 То, что уже отошло!

Так, сочетая две силы в одно, —
 Импульс и форму, идею и знак, —
 Стоит человек, этой цепи звено,
 Вскрывая то имя, что тайно дано
 Человеку в мистериях: маг.

L'Ermite (9-e lame de Tarot)⁶²

Ты идешь с фонарем, как и встарь,
 И светом твоим волшебный фонарь
 Не тела освещает, а души, —
 Да слышит имеющий уши.

Ты проходишь страну за страной,
 За городом город незримой тропой,
 Где бессильны пространство и время,
 Где снято их тяжкое бремя.

Незрим сокровенный твой путь —
 Сквозь злую, людскую, душевную жуть,
 Что метелью обстала кругом,
 Ты идешь со своим фонарем.

И нет этой выюге конца,
 Так же, как нету конца у кольца, —
 Вяжет, кружит и вьет
 Зависть людской хоровод.

Тянутся руки — отнять,
 Скрючены пальцы, чтоб крепче держать —
 Все захватить, взять себе
 В ненасытной и жадной алчбе.

Под ноги кинув, топтать
 Тех, кто упал, кто не смог устоять, —
 Жизнь — битва всех против всех,
 Все оправдает успех!

Зависть ведет хоровод
 И души, сцепившись, несутся вперед —
 Бьются на море и суше —
 Да слышит имеющий уши.

Все объяла проклятая хмарь,
 Стремясь погасить твой волшебный фонарь,
 Но бесстрашно ты ищешь в тревоге
 Те души, что помнят о Боге.

Затоптаны в грязь под ногами,
Они там ведомы иными путями,
И грядущее в них, а не в тех,
Что славят всесильный успех.

Их путь, как и твой, одиноч,
И путь их ведет в глубь земли, где росток
Зерна новой жизни сокрыт,
Где Бог его в тайне хранит.

Туда проникает лишь тот,
Кого к этой тайне сам Бог приведет,
И там, как то было и встарь,
Ему ангел вручает фонарь.

Чтоб он шел, пробиваясь вперед,
Сквозь слепых и озлобленных душ хоровод,
Призывая к себе тех, в ком дух
Еще жив, кто не слеп и не глух.

Кто ищет спасенья от зла,
Кто молит, чтоб помощь скорее пришла,
Взывая, тоскою объятый:
Укажи мне дорогу, Вожатый!

К ним ты незримым путем
Приходишь с волшебным своим фонарем,
Чей свет озаряет их души —
Да слышит имеющий уши.

Ауга

Так необычно сначала все это,
Удивительно и даже мало понятно —
Цветные потоки и полосы света,
Различные тусклые и яркие пятна.

Их не «видишь», не «замечаешь»,
Они не обычные, а совсем иные,
Их просто нежданно воспринимаешь
И знаешь: ну да, они вот такие.

При этом они живые и дышат —
То потускнеют, то проявятся,
Устремятся вниз иль сомкнутся, как крыша,
А то вдруг станут кругами свиваться.

Или внезапно лентою яркой
Вспыхнет луч колючий и пестрый,
Взметнется вверх и повиснет аркой,
Натруженно тонкий, четкий и острый.

Здесь каждая мысль, желанье, хотенье
Своим особым цветом сияет,
И всякая страсть, порыв, вожделенье
Свой поток отдельным узором сплетает.
Здесь человеческой души загадка
Обнажена, словно тело, и становится ясно,
Что в ней уродливо, зло и гадко
И что полно света и дивно прекрасно.
Здесь сила стала как бы пространством,
А качество словно вспыхнуло светом,
Но наш рассудок с привычным чванством
Ничего не хочет узнать об этом.
Вот, клубком ржаво-красным тлея,
Тусклые пятна кишат гурьбою —
Это похоть, жадным огнем свирепея,
Разъедает душу ненасытной алчбою.
В ужасе стынешь, страхом объятый,
Так отвратительно мерзко это,
Так ужасен и гадок этот проклятый
Живой сгусток гнойного света.
Но если душа победила все злое
И, к духу стремясь, его ищет повсюду, —
Она, словно небо утром весною,
Зовет нас к рожденья духовного чуду.
Все вокруг себя озаря сияньем,
Сверкая Жар-Птицей, раскинувшей крылья,
Она в нас будит иные желанья,
Иные мысли, иные усилья.
И об отчизне своей вспоминая,
За нею каждый вослед стремится,
Осознать не умея, но ощущая,
Что и в нем тоже жива Жар-Птица.

Недотыкомка

Прилез, завозился и с шорохом
Вздулся в углу пузырем —
Черным, бесформенным мороком,
Безлапым нетопырем.
Глаз себе сделал на темени,
Рот в животе провертел,
Нос сделать не было времени,
А может быть, и не сумел.

Сразу видать, что неопытен,
В людям впервые попал,
Не то так бы не был безропотен —
В углу пузырьком не торчал.
Сколько теперь их так мается,
Мечется около нас, —
Из сил выбиваясь, старается
Пролезть к нам хотя бы на час.

Верил: умрешь — все и кончится,
Душа же и дух — это ложь;
А вот как убили — стал корчиться:
Хоть тела-то нет, а живешь.

Пустой, без нутра, словно мумия,
Из жизни вдруг выкинут вон
Во тьму, в эту муку, в безумие,
Где заживо похоронен.

И силится с жаждой упорною
Протиснуться к людям опять —
Хоть так, недотыкомкой черною
В углу, в темноте постоять.

Но сколько ни напрягается —
Привычки в душе-то жить нет —
В нем все, как туман, растекается
В тоскливый, бесформенный бред.

Едва глаз наладит, от тела уж
Развеялась большая часть,
И вот, ничего не поделаешь,
Приходится снова пропасть.

И так, пустотою измученный,
Во тьме не живя и живет,
Пока, этой мукой наученный,
Он к духу пути не найдет.

Мохнатик II

...поиграй да назад отдай.

Заговор

Мне сказал мохнатик мой однажды:
— Слушай, надо бы тебе побольше знать.
Ну хоть то, что вашу вещь люблю
Нам к себе совсем не трудно взять.

Все ведь только частью в вашем мире,
А другой оно у нас — и вот

Надо вещь лишь вывернуть, и сразу
Ваша часть ее к нам перейдет.
Погляди, вот видишь эту штуку, —
Вы ее зовете карандаш.
Коль его я выверну как надо —
Он войдет в тот мир, который наш. —
И действительно, едва мохнатик лапкой
Что-то сделал с тем карандашом —
Он исчез тотчас же, как растаял,
В воздухе над письменным столом.
— Что, понять не можешь? Экий, право!
Брось своих привычных мыслей сушь!
Вы считаете пространство неизменным,
Но нельзя же верить в эту чушь.
В мире семь различных состояний,
А что есть пространство — это ложь...
Эх, сказал бы я тебе побольше,
Да пока на стоит — не поймешь.
Разве вот что: если ты захочешь
Карандаш опять себе вернуть, —
Как меня заставить это сделать?
Чем меня принудить как-нибудь?
А заставить нас вернуть любую
Вещь, что мы сташили поиграть,
Очень просто — надо ножку стула
Иль стола кругом перевязать.
Безразлично чем — веревочкой, тесемкой
Или ниткой, чем ни попадись.
Лишь бы то, что так перевязали,
Шло, по-вашему, вот эдак: сверху вниз.
А тогда та перевязь, конечно,
Ляжет поперек, и это нам
Станет так мешать владеть той вещью,
Что ее вернуть придется вам.
Только раз уж мы ее вернули,
Ту завязку нужно развязать,
А иначе мы заставим тут же
Эту вещь сломать иль потерять.
А теперь уж сам иши, в чем дело,
Чтоб душа твоя понять могла,
Почему для нас так много значит
Перевязанная ножка у стола. —
Тут мохнатик лапкой что-то сделал,
Что мелькнуло, словно тень в стекле,
И опять увидел я, как раньше,
Карандаш лежащим на столе.

Колдун

Только помер — обмыли,
припасенным одели,
глаза закрыли
и в гроб положили.
Панихиду отпели:
«Вечный покой подай ему там...» —
и потом по домам
разошлись.
А как утром сошлись —
вот те раз! —
повернулось тело в гробу.
Глаз
открыло,
губу
закусило
и, как напоказ,
изо рта глянул желтый и загнутый клык.
— Эге-ге! знать, старик
вправду был колдуном!
— Уже в том
сомневаться никак
не приходится:
коли кто был ведьмак,
так за ним это водится!
Закрестился народ.
— Ну, теперь он пойдет...
— Так и жди: наведет
на людей,
на скотину
падеж...
Бабы в страхе детей
оттеснили за спину
и прочь.
— В домовину
уж его не забьешь,
он
опять
кажду ночь
станет вон
выползать...
— Ведьмака ни земля, ни вода
не способна принять
никогда.
— Вот стряслася беда
над селом!

— Как его схоронить?
— Как, ужель самому
неизвестно? Колом
наскрозь брюку пробить.
Уж тогда
на сто лет
из могилы ему
никуда
хода нет!
В яму свалили,
коя обтесали,
забили,
поскорей закидали,
так бугром и оставили
и креста не поставили.
Только
толку не вышло
нисколько —
в рот ему дышло!

Что ни ночь, а уж он
у кого да нибудь побывал:
обезножел Семен,
у Никиты конь пал,
у Платоники боров пропал,
у Петра вдруг коровы
стали кровью доить...

Зашумели петровы:
— Надоть снова открыть
и его сжечь огнем!
— Значит, сила большая есть в нем!
— Слаб, знать, кол,
он его поборол!
— Надо средство, чтоб было почище!

И, галдя вперебой,
побежали гурьбой
на кладбище.

Раскопали, глядят:
свят, свят, свят!
— Всем глаза, знать, тогда он отвел!
Видят: тело
лежит,

как есть цело,
и осиновый кол
сбоку вбит.
А ведьмак
рот разинул вот так,
левый глаз
приоткрыл, попришурил,
звуку нет, а видать, что хохочет:
«Что, голубчики, ловко я вас
обмишурил!
Ну-ка сунься, кто хочет?»

Приглашение к танцу

Видишь столбик пыли,
Слышишь топот ног
Там, на перекрестке
Двух дорог?
На мохнатых лапках,
Хвост сцепив с хвостом,
Мы в пыли танцуем
Вчетвером.
Все быстрее танец,
Кружит, крутит, вьет,
Завивает нежить
Хоровод.
Вот пришла бумажка
С листиком вдвоем —
Мы теперь танцуем
Вшестером.
Всем гостям мы рады,
Рады всех позвать
Здесь на перекрестке
Танцевать
Танец наш так весел,
Крутит, вьется пыль,
Завивает сказки
Жуткой быль.
Как в Париже люди,
Чтобы лучше спать, —
Стали гильотиной
Убивать.
Головы в корзину
Прыгали, стуча,

Девушки влюблялись
В палача.
Голову на палку
Вздели, как кочан,
И кричали, звонко
Хохоча.
Брат донес на брата,
Дочь убила мать
И пошли к нам в гости
Танцевать.
Все на перекрестки
Прибежали к нам —
Пели Карманьола
С пляской там.
Вкусно пахло кровью,
Потом и вином
И летела кверху
Пыль столбом,
Мы гостям всем рады,
Вечно будем звать
В нами в злом угаре
Танцевать...
Вьется столбик пыли,
Бьется топот ног
Там, на перекрестке
Двух дорог!
Все быстрее танец,
Крутится, зовет,
Завивает нежить
Хоровод...

Сеанс

В уютной комнате у круглого стола
Уселись шестеро, сомкнув друг с другом руки.
Погашен свет. Молчат. Вот пробежали стуки,
И снова тишина нависла, как скала.
Стол покачнулся, и над ним, мерцаая,
Возник неясный свет и вновь пропал опять.
Вот медиум впал в транс, стал тяжело дышать.
Все оживились вдруг, удачу предвкушая.
И словно прорвалась плотина: все вокруг
Наполнил частый треск сухих и четких звуков

И, словно отвечая волнам стуков,
Стол ожил, описав по полу полный круг.
Вопросы задавать не успевая,
Один с другим перемешав ответ,
Где слово «да» перегоняло «нет»,
Порядок букв в алфавите смещая,
Напряженно следили все, чтоб вдруг
Магическая цепь не разорвалась...
Вот снова свет возник, белея, показалась,
Туманным облаком мерцая, пара рук.
Смешались имена: Лукреция, Поппея,
Безвестный Петенька, Наполеон,
Веков тревожа отзвучавший сон,
Пришли, призывом пренебречь не смея.
Что это все? Гипноз? Самообман?
Нет, — полумагия, а также полузнание,
Лишь ясновиденье вскрыть может основанья
Пути к духовному, что в спиритизме дан.
В напряженном кругу к себе зовущих волю
Сидящих за столом увидишь тех, что тела
Земного лишены, но чья душа хотела
С ним вечно слитой быть. И после смерти боль
Неутоленных похотей их мучит.
Другие же, что тоже трутся тут
И через медиума жизнь живых сосут, —
Не души, а страстей уже изжитых кучи,
В душевном брошенные, как ненужный труп,
Покинутый ушедшим дальше духом.
А третьи — это те, что всем внимают слухам,
Тому, что тут вершат, где человек так глуп,
Что хочет, движимый пороком любопытства,
Не видя, *кто* и *как* его зовет
Туда, где не одно лишь светлое живет,
Где много лжи, и злобы, и бесстыдства.
Безмордые, безлапые, лишь нюхом
Те третьи могут слушать и сосать
Людей живую жизнь, чтоб здесь, в душевном, стать
Тем, что им внушено их воли Темным духом.
Назвать себя любыми именами
Тут все они готовы, и ответ
Любой дать стуком иль неясный свет
Заставить тлеть, чтоб жадными губами
Пить жизни вкус, хоть так побыть в земном,
Таким желанном, снова проникая
К нему чрез тех, что, в магию играя,
Там в темной комнате усажены за столом.

Одержимый

Не всегда в человеке одна человечесья душа.
Доктора с важным видом скажут: «Это больной».
Приглядишься-ка получше к нему, не спеша,
И не только глазами, но также еще и душой

И начнешь понимать: человечесье тут бьется в тисках...
Схороненный ошибкой так бьется в могиле, в гробу.
Это ужаснее ужаса, это страшнее, чем страх,
Это пытка кошмаром, ставшим жизнью здесь наяву.

Человечье, живое тут захвачено мертвою тьмой.
Сознание сочтется лишь каплями, глухо звеня,
Тело стало застенком, оно стало тюрьмой,
Отделившей живого от солнца и ясного дня.

И в застенке том двое: один — это тот, что пришел,
Чтобы жить, как все люди, перешедшие к жизни порог,
А другой в миг зачатья его оттеснил и вошел
В это тело, но хозяина вытолкнуть все же не смог.

И ни тот, ни другой это тело себе оттягать
Не могут. Страшна, беспощадна и зла их борьба.
Не лечить надо тут, а проклятого вора изгнать,
Если это позволит их ставшая общей судьба.

А пока в этом теле их двое: человек и другой, —
Будет длиться борьба, свирепая в своей слепоте,
И изгнать эту тать можно силою только одной —
Только силой Того, кто за нас пострадал на кресте...

Кукла

Чертенок у девочки куклу стащил —
Уж больно понравилась кукла —
Он хвост ей приделал, а платье стащил.
К чему оно ей — по себе, знать, судил, —
Она ж теперь чертова кукла.

И стала та кукла игрушкой чертей,
Им это в диковинку было —
Игрушек ведь нет никаких у чертей,
Какие у нас, человеческих детей,
Чтоб в детстве нам весело было.

Поставили черти ее в уголок,
А дальше не знают, что делать.
Стащили подальше, в другой уголок,
Отгрызли с досады ей уха кусок,
Стоят и глядят: что бы сделать?

Таскали-таскали, измызгали так,
Что хвост оторвали и ногу.
Игра не выходит ни эдак, ни так,
Не могут игры с ней придумать никак —
Сидят, закрутив хвост за ногу.

А дело-то в том, что у куклы души
Ведь нет, а тогда как же мучить?
За что ухватиться, коль нету души.
Их когти на это одно хороши —
Коль надобно душу им мучить.

Так бедная кукла в углу и лежит,
Вся в саже, без толку и дела.
Закрыла глаза, словно чурка лежит,
Лишь редко чертенок какой пробежит,
Ругнет: «Ишь, все дрыхнешь без дела!»

И помнятся кукле затей детей,
Как «в гости» играли и «в люди»,
Как светлы и ласковы души детей...
Да, скверно в аду у мохнатых чертей,
Недаром боятся их люди.

Колдовство

Ab omni male libera nos Domine!

1

Долорес милый изменил, —
Посмотрим, кто сильнее?!
Надела шаль и в ночь ушла
К колдунье поскорей.

На перекресток не глядит —
Там светит огонек
И Матерь Божья сторожит
Скрещенье двух дорог.

Спустилась вниз, к реке, и вот
Среди лачуг, с трудом
При свете месяца нашла
Ей нужный старый дом.

Там, постучав, уселась ждать
На каменный порог,
Пока в решетчатом окне
Не вспыхнул огонек.

Скрипя, открылась дверь. Вошла,
Испуганно глядит,
Но ей о страшном ремесле
Ничто не говорит.

За занавесками кровать,
Два стула, шкаф и стол.
Под колпаком на очаге
Висит большой котел.

В окне кордовских мастеров
Свинцовый переплет,
Жаровня, кресло и на нем
Огромный черный кот.

Старуха новую свечу
Заправила в шандал:
«Скажи, красotka, он тебе
И раньше изменял?»

Забилось сердце. По ногам
Вдруг слабость потекла.
Откуда знает, что со мной
И для чего пришла?

Глядит, не видя. И рукой
Схватила за косяк...
«Садись-ка, милая, сюда,
На этот стул вот так.

Мне надо что-нибудь, на чем
Его была бы кровь, —
Так повелось, когда сплелись
Измена и Любовь.

Затем еще ты принесешь
Мне шелк его кудрей,
И, коли сможешь, раздобудь
Обрезки от ногтей.

Сейчас иди. Луна в ущерб
Сойдет дней через пять,
Тогда ты к ночи приходи
Ко мне сюда опять!»

Идет Долорес. Шаль черна,
Душа еще черней,
И стынет ревности стилет
Холодной болью в ней.

Луна, как мертвый рыбий глаз,
Повисла в вышине.
Идет, и тень за ней бежит,
Ломаясь, по стене.

На перекресток не глядит,
Там Дева в свете свеч
Стоит, и сердце Ей пронзил
Земных страданий меч.

2

Этот воск, что замешен мной кровью живой
С волосами, с кусками ногтей, —
Это больше не воск, это плоть, что была
В лоне матери старой твоей.

Ты родишься опять: вот твоя голова,
Вот и руки, и грудь, и живот,
И твой дух, повинуюсь призывным словам,
В это тельце на миг перейдет.

Все, что я прикажу, ты исполнишь теперь,
Там ты спишь на постели твоей,
Но душа твоя тут с этим тельцем слита
И покорна лишь воле моей.

Вот, красотка, бери-ка иглу и себя
Уколи ей, чтоб крови добыть.
А затем ты иглу ему в сердце вонзи,
Чтобы стал он тебя лишь любить.

Чтоб, проснувшись, он завтра вновь вспомнил тебя
 И к тебе возвратился бы вновь,
 Чтоб себя потерял, и искал, и желал
 Лишь тебя, твое тело и кровь.

Но за это должна ты, красотка, к себе
 Меня в повитухи позвать
 И отдать мне ту дочь, что родишь от него,
 И до гроба об этом молчать.

Не дрожи. Как родишь, так поймешь: не свое
 А мое ты отдашь мне за труд —
 Дочка будет в шерсти, и тебя за нее,
 Коль увидят соседи, — убьют.

Заклятье

Ключевую воду в чашу я налил —
 Я хрусталь живой в застывшем полонил.
 Обойдя, затеплил свечи перед ней —
 Опрокинулись во влаге пять огней.

Пало на воду заклатье, как покров, —
 Возмутив, заморозило силой слов.
 Зачарованный, притянут к чаше той,
 Задрожал в воде заклятой образ твой.

— Я зову тебя, ты слышишь: я зову!
 Ты придешь ко мне поутру наяву,
 Разлюбив его, забудешь, он не твой, —
 Вязью слов тебя вяжу я лишь со мной.

Для тебя свою я душу загубил
 И живое сердце в чаше полонил.

Карты

Жизнь — это в карты игра со старухой Судьбою:
 Черные пики ранят глубоко и метко,
 Залиты кровью, бубен щиты беззащитными стали,
 Словно кладбище, *трефы* теснятся, и тщетно
 Ищешь сердца пылающий пламень в душе опустевшей.
 Скольким, играя, ты роздал его. И с ужасом видишь:
 Вместо пламени *черви* могильные, кровью налившись,

Свились скользким клубком, присосавшись к сердцу,
Что только одно лишь сдала тебе в самом начале
Парка, костлявой рукой стасовавши колоду.
Много взяток ты взял, козыряя не в меру,
И вот теперь, под конец, доиграв, понимаешь —
Выйграть игру невозможно, коль козырем стали
Вместо пламени сердца кровавые, красные черви.

Башня

Нельзя одновременно быть поэтом, музыкантом,
Скульптором, воином, крестьянином, купцом,
Но нужно быть довольным тем талантом,
В котором ты замкнут твоей судьбы кольцом.

Лишь только в этом умножая знания,
Все совершенствуя себя, ты можешь стать
Воистину счастливым и страданья
Здесь, в этой жизни на земле, не знать.

Стать мудрым — это быть своим довольным Роком,
Не требуя того, что не дано,
В одном сосуде слив в смирении глубоком
С водою мудрости способности вино.

Сказанье Библии о башне Вавилона, —
Умей прочесть написанное там, —
Нам говорит, что Гордость есть препона
Стремленье человека к небесам.

Но Сатана не может примириться
С ведущим к небу нас Иеговой,
И долго будет человек стремиться
Считать себя обиженным Судьбой.

И, завистью своей измучив душу,
Чужой успех стараться погубить —
Всю землю взять себе, ее моря и сушу,
Стать выше всех и надо всем царить.

Бессильна Ложь, когда она нагая,
Но если Правду с ней смешаешь, то она
Зовет к себе, мечтою опьяняя, —
Такою смесью нас дурманит Сатана.

Закон духовного начала человека
 Есть равенство его и всех людей,
 И в духе мы всегда равны другим извека,
 И это чувствуем мы в глубине своей.

Закон душевного — свобода. Невозможно
 Творить и мыслить скованной душой.
 Она застынет в тесноте острожной,
 Придавлена могильною плитой.

А здесь, во внешнем мире, там, где семя
 Рождает плод и брату брат вослед
 Идет, где старшинство определяет Время,
 Иных законов, кроме *братства*, нет.

Нам это Сатана открыл не так, как надо, —
 Он все смешал, и вот дурмана дым
 Заставил верить человечье стадо,
 Что всяк подобен может стать другим.

И словно пламя, коль подбросят суши,
 Взметнулась Гордость, Завистью маня,
 Горит костер, и жжет тела и души,
 И вьется ввысь, как башня из огня.

Брак

И познал жену свою⁶³.

Не может яблоня нам груши принести,
 Не может лилии бутон раскрыться розой,
 И речь моя не может расцвести
 Не музыкой стиха, а слов привычных прозой.

Так, в жизнь входя, душа себе всегда
 Находит тело, что созвучно с нею,
 Что отразит ее, как зеркало пруда
 Лазурь небес недвижностью <?> своею.

И коль в тебе живет не похоть, а Любовь,
 То все в любимой, словно море сушу,
 Лицо, и взор, и жест — все вновь и вновь
 Тебя влекут познать за телом душу.

И каждый поцелуй, касанье, ласка тел
 Всегда ведут, коль души вместе слиты,

Туда, где тела нет, но дух, за тот предел,
Которым души от земного скрыты.

Вот почему в библейском «он познал»
Не похотью звучат письмен святые знаки,
Но мудростью того, кто это написал
О душах, слитых воедино в браке.

Насилие

Вот погляди: весенний этот луг
Истоптан выпущенным на кормление стадом.
Росла трава, цвели цветы, и вдруг
Вся радость жизни стала жутким адом.

Все исковеркано, растоптаны цветы,
С землей смешали их тяжелые копыта,
Безжалостно их нежные листы
Вонючим калом и слюной облиты.

Вот так же часто выглядит душа.
Умей лишь увидеть в ее потухшем взгляде
Той юной девушки, что, дивно хороша,
Вчера стояла в свадебном наряде.

Весь аромат души, бутоны белых роз,
Как в том букете, что ей подарили,
Завянув, сморщился, и капли жгучих слез
Сиянье глаз, смочив их, погасили.

Кто этот грех свершил? Кто выпустить посмел
На этот луг животных злое стадо?
Кто надругаться гнусно захотел
Над тем святым, чему молиться надо?

Ответ найдешь, как в ад сойдешь, туда,
Где семь грехов людские губят счастье,
И там в одном признаешь без труда
Виновного, чье имя: Сладострастье.

Ясновидение

Не верь, что путь души похож на взлет орла:
Все выше ввысь, с земною властью споря,
Пока его небес не примет синева,
Чтоб растворить в сияющем просторе.

Таким полет души бывает лишь тогда,
Когда, окончив путь, она покинет тело
И, став свободною, уходит навсегда
Из этой жизни и ее предела.

Ей больше нечего от этой жизни взять
И нечего ей дать, ненужной и изжитой.
Жизнь кончена. Душа не может лгать
И быть, как раньше, с этим телом слитой.

Но все совсем иначе, если нам
При жизни вскрыется для взора или слуха
Неведомое здесь земным очам,
Неслышимое для земного слуха.

Когда, на миг свободна от преград,
Душа заглянет в мир иной несмело,
Чтобы затем опять сойти назад
И стать слепой, опять вернувшись в тело,

То, возвратясь, она должна понять,
Что взлет ее не мог бы долго длиться,
Что ей теперь придется долго ждать,
Пока тот миг опять не повторится.

Но все ж, глядя в земную жизнь, она
Уже иное видит вокруг отныне,
И в памяти живет, как отзвук сна
Иль как мираж, влекущий нас в пустыне,

То, что она увидела. И вот
Иной, прозрачной стала жизнь земная,
И с каждым днем душа полнее узнает,
Как здесь ей воплотить святую правду Рая.

След

Где человек ступил ногой,
Его остался след —
Он связан с ним, с его душой,
И в этом месте под землей
Дрожит неясный свет.

Коль это видишь, можешь взять
Ты острый нож и им
То место вырезать, и снять
Тот след, и заговор сказать,
Его беря, над ним.

В ширинку новую его
Ты должен завернуть.
Но чтобы близко никого
Тут не случилось и того
Не видел кто-нибудь.

Коль все ты сделаешь как след, —
Иди скорей домой,
И ты за тем, чей вынул след,
Невидимый, пойдешь вослед
Не телом, а душой.

Что б он ни делал, ни желал,
О всем ты будешь знать,
Все может след, что ты украл,
Тебя, чтоб ты об этом знал,
В виденьи показать.

Он стал тебе незримо зрим,
Тот, чей ты вынул след,
И с ним теперь ты связан им,
Ему мы много причиним
С тобой различных бед.

Ты можешь порчей иль тоской
Его теперь поить,
Заставить мерзнуть в летний зной,
А то огнем гореть зимой
Или кого убить.

Но бойся жалости к нему:
Раз душу отдал нам.
Иначе — что наслал ему,
К тебе вернется самому,
И ты погибнешь сам.

Дружба

Поселился у меня мохнатик,
Бегает по комнате, какмышь.
Тела будто нет, лишь рот краснеет,
Хвостик будто есть, а поглядишь —

Ни хвоста, ни рта как не бывало,
Лишь глаза мигают тут и там.
Миг еще — и глаз уж нет, лишь лапки,
Топая, мелькают по углам.

— Ну чего, — я крикну, — развозился,
Топотней своей мешаешь всем,
Бегаешь вот ночью, непутевый,
Сгинь, мохнатый, ну тебя совсем!

Он мигнет глазами — их лишь видно —
И послушно втянется во мрак.
Станет тихо, скучно и неловко —
Ну зачем я раскричался так?

Он же маленький, совсем не понимает,
Что другим он может помешать.
Разыгрался, ну и начал бегать,
Ведь нельзя ж ему не поиграть.

Где теперь он, бедный, колобродит,
На кого мигалками глядит?
Там, в своем нетутошном, забился
В ихний угол и, поди, скулит.

Так мне жаль мохнатика тут станет,
А позвать назад не знаешь как.
И со злости я себя ругаю:
— Вот сиди теперь один, дурак!

Но мохнатик зла не помнит долго —
Чуть меня раскаянье возьмет,
Ан гляди, уж он опять прилезет
И тихонько глазом подмигнет.

— Что, пришел?! Ну-ну, прости, голубчик,
Я ведь это, право, не со зла.
Только трудно мне заснуть бывает,
Как ты примешься откалывать козла.

Угостил бы я для примиренья
Чем тебя, да вот не знаю чем.
Что вы, нетики, едите там, в том мире?
Неужель не кормитесь ничем?

Так беседуем мы: я и мой мохнатик,
А потом, как вдруг опять найдет, —
Обругаю бедного, и снова
Он в своем нетутошном замрет.

Обезьяны

Стары и мудры народы Востока, и много
Сможешь узнать ты у них и у них научиться,
Символы их понимая в их тайном значеньи,
Спросишь: как счастливо жизнь мне прожить? И покажут
Трех обезьян, что когда-то искусной рукою
Выточил древний художник-мудрец, воплотивши
В троице этой ответ на вопрос твой о жизни.
Три обезьяны, прижавшись спинами друг к другу,
Слившись в одно, повернули в три стороны лица —
Вправо одна, а другая, обратно, налево,
Третья же прямо к тебе. Но при этом все трое,
Хоть и подобны друг другу, однако, увидишь, —
Все же друг с другом в подобии этом не схожи.
Первая — лапами плотно закрыла глаза,
У второй же заткнуты пальцами уши, а третья,
Крепко прижав их, ладонями рот зажимает.
Так указывает мудрец, что когда-то их сделал,
Как надо жить, чтоб избежать несчастий и мирно,
Век свой скончавши, сойти непостыдно в могилу,
Память о жизни достойной оставив потомкам.

В сказочном

Неужели нас забыл ты?
А ведь в детстве так дружил.
Разве жить без сказок легче
Иль для сказок нету сил?
Не трудна в наш мир дорога,
Надо лишь ее сыскать —
Погляди в себя поглубже,
Может быть, найдешь опять.

Коли к нам прийти сумеешь,
То увидишь ряд чудес —
То, что было человеком,
Вдруг предстанет, словно лес.
 Зашумят дерев вершины,
 Зацветут в траве цветы —
 Это жизненную силу,
 Словно лес, увидел ты.

Все струится, тянет ветви,
Распускает лепестки,
И серебряным аккордом
Зазвучав, звонят ростки.
 А как вглубь проникнешь дальше,
 Коли глубже в лес войдешь, —
 То увидишь в нем избушку,
 Только входа не найдешь.

Та избушка — кладовушка
Всех желаний и страстей.
Все крутит — тебе ж задача:
Обуздать ее сумей.
 Вход-то есть, да только надо
 Знать волшебное словцо:
 «Стань, избушка, к лесу задом,
 Поверни ко мне крыльцо».

Поворотится избушка
На куриной на ноге,
На медвежьей толстой пятке,
На сафьянном каблуке.
 Как войдешь — признаешь сразу,
 Кто хозяйствует в избе —
 По ноге, метле иль ступе,
 Как увидится тебе.

Дальше надвое дорога,
Бабка строго сторожит:
Либо прочь с порога сгонит,
Либо с лаской приютит.
 Баньку вытопит, помоем,
 Станешь чист от всех грехов,
 Спать уложит на постели
 Из семи пуховиков.

И, коль по сердцу придешься,
То твоей судьбы клубком
Наградит, чтоб шел ты в жизни
Не плутая — прямоком.

Пляска Смерти

Разгулялась Смерть — косою острой
Днем и ночью, не переставая,
Косит старая людские жизни,
Ни усталости, ни отдыха не зная.
Любо ей размахивать косою.
Радует курносую работа —
С каждым взмахом прибывает силы,
С каждым шагом все растет охота.
Молнией коса ее сверкает,
Кости в ней играют перестуком.
Скалит зубы, улыбаясь, череп,
Радуюсь людским предсмертным мукам.
— Этих лет давно я дожидалась.
Урожай такой богатый редок.
Видно, скоро всю очишу землю,
Видно, так кошу я напоследок.
Нужно все скосить, чтоб не осталось
Ничего от этой злой крапивы,
Чтоб она своим проклятым ядом
Не глушила больше Божьей нивы.
И идет вперед скелет безгласный,
Над землей косою своей сверкая,
Очищая землю от бурьяна,
Ни усталости, ни отдыха не зная.

Деревянный камень

Жил-был в поле деревянный камень.
Нар<одная> сказка

Деревянный камень сыщешь — будешь знать,
Как в огонь нездешний душу превращать.
Много в камне этом скрыто тайных сил —
Многое узнает, кто его добыл.
Будешь знать, как солнца загорелся свет,
Как спустились люди на землю с планет,
Как сходили духи к женщинам Земли
И от их союза на Земле пошли
Древние герои — род полубогов,
Что в крови носили мудрость их отцов.
Деревянный камень до сих пор хранит
Память о богине, что звалась Лилит.
Тайну Черной Евы знает камень тот,

Кто его отыщет — сущность зла поймет.
 Но не в жизни скрыта тайна тайн всего,
 Не об этом надо спрашивать его.
 Нужно, чтобы камень тот в тебе расцвел
 Розою волшебной, чтобы ты нашел
 В этом камне силу, что сильнее греха,
 Что звучит поутру в крике петуха,
 Что приходит с Солнцем, согревая кровь,
 Что несет нам Мудрость, Крепость и Любовь,
 Что ведет нас к небу, как душа чиста,
 Что сошла на Землю в образе Христа.
 Как найти тот камень, где его искать?
 Деревянный камень — как его узнать?
 Ты спроси у сердца, — может, даст ответ,
 Коль еще таится в нем незримый свет.
 Коли оно помнит прошлое Земли,
 Как сердца людские, что цветы, цвели,
 Может, не навеки сердце у себя
 Превратил ты в камень, лишь себя любя,
 Может, сердце живо, может — только тронь, —
 Вспыхнув алой розой, вырвется огонь?
 И найдешь, овеян счастьем весны,
 Деревянный камень сказочной страны.

* * *

Нет больше сил терпеть и ждать,
 Когда пройдут години бедствий,
 Когда волна причин и следствий,
 Себя изжив, начнет спадать.
 Когда забрезжит вновь заря
 На дальнем крае небосклона,
 Сквозь тучи черные циклона,
 Обетованием горя.
 И светозарна, и тиха
 Повеет в мире воля духа,
 И явственно коснется слуха
 Клич предрассветный петуха.

Легенда

Я расскажу тебе теперь легенду,
 Которую рассказывали в Риме
 В подземных катакомбах христиане,
 Когда вновь принятому неопиту

Там объясняли смысл изображений,
Что были высечены кое-как на стенах.

Была там монограмма Иисуса,
Рисунки Рыб, Овна и Добрый Пастырь,
Несущий на своих плечах ягненка.
Что, заблудившись, выбился из стада,
И был рисунок петуха, который,
Раскрыв свой клюв, встречает криком утро.

Гляди и знай, — так говорил учитель,
Подняв светильник в уровень с рисунком, —
Когда Иисус был распят на Голгофе,
То в смертной муке спекшиеся губы
Ему хотели увлажнить, смочивши
Привязанною к трости мокрой губкой.

И, укуса вкусив, Спаситель, громко
Вскричав, скончался, покидая тело.
Но этот возглас предвещал для мира
Священную и радостную тайну:
Что кончилась отныне власть Субботы
И наступает утро Воскресенья.

Что мир спасен, что смерть побеждена
И человек теперь получит силу
Раскрыть свое любви Христовой сердце, —
Как роза раскрывает венчик солнцу, —
И, сбросив грешное наследие Адама,
Опять вернуться к Богу в райский сад.

Вот почему, услышав петуха,
Мы, идя утром вместе на молитву,
Вновь вспоминаем то, что совершилось
В шестом часу вблизи Иерусалима,
Когда Христос, своею крестной смертью
Смерть победив, нас всех от смерти спас.

Нежить

1

Только сядешь писать —
глядь
уж явилась хвостатая рать.

Тут как тут.
Поналезут, обсядут кругом,
и сидят,
и глядят,
ждут,
о ком
напишу что-нибудь.
Просят: ты обо мне не забудь!
Каждый силится вылезть вперед,
но другие его за хребёт
да за зад
живо тащат назад, —
тот куснет,
тот лягнет,
тот рванет,
и пищат,
и скрипят,
и ворчат,
и мяукают,
не заступишься — мигом застукают.
А покуда с ним маются,
втихомолку, бочком,
хвост загнув завитком,
уж другой там вперед пробирается —
носик сложит калачиком,
весь мохнатенький,
скорчится маленьким
мячиком —
лапки к пузу прижмет,
губы в точку сберет,
но его, в свой черед,
вмиг оттащат назад,
тумаком наградят,
а потом
хуже —
хвост завяжут узлом
да потуже.

2

Как-то я их спросил:
Почему вы из сил
Выбиваетесь
И ко мне вперебой
Вон оравой какой
Влезть стараетесь?

И в ответ, вереща,
Скрежеща и пища,
На меня налетая несмело,
Кто что знал и посмел,
Кто что мог и умел,
Рассказали они, в чем тут дело.

3

— Мы все, как знаешь сам, живем всегда среди вас...
— Постой, дай мне сказать, — мы из другого теста.
— Вот это верно! Слушай же, не место
А матерьял совсем другой у нас.
То, что у вас внутри... — Вот-вот, хотенье, страсть,
Ну, словом, это все, — оно у нас снаружи...
— Мы там, где ваших чувств различных скрыта часть,
Которую вы знаете, как книзу
Влекущую вас темную волну...
— Постой, дай мне, — все люди в старину
Нас знали. А теперь вы, словно по карнизу
Лунатики, бредете нам на смех
К влекущей вас луне, стремясь всползти все выше,
Пока вас смерть не сбросит с края крыши,
Разбив о мостовую, как орех.
И вот тогда, окончив жизнь земную,
К нам, к нежити, приходите сюда,
Но нам-то хочется, чтоб вы еще тогда,
Еще до смерти знали жизнь иную,
Затем, что там с горячей, красной кровью
Вам дан волшебный дар, который мир спасет...
Тот алый свет, что к вам нас всех влечет,
На вашем языке зовущийся Любовью.

* * *

В душе были осень и мрак. Под ногой
Шуршали сухие листья.
Но внезапно повеяло снова Весной
И стали сбываться мечты.

Как клочья сырого тумана, Печаль
Сползла, горячей стала кровь,
Открылась, сияя, грядущего даль,
И вспыхнула в сердце Любовь.

И сердце вдруг стало огромным, как мир,
И мир этот был голубым,
Безбрежным, как летнего неба эфир,
И море сверкало под ним.

Подобные мраморной лестнице, вниз
Сходили гряды облаков,
Сверкая на солнце, как чайки, вились
Крылатые образы снов.

К ним снизу, с земли, многоцветный ковер
Кустов, что огнями цвели,
Тянулся, сплетая в лучистый узор
Мечты и надежды земли.

И я в этом мире отныне живу
С тобою, любимый мой, вновь,
И это не грезы, не сон наяву,
Нет, мир этот — наша Любовь.

* * *

Вот два твоих снимка. И тот и другой
Непохожи, беспомощно врут.
И только лишь позу да платья покрой
В случайном ракурсе дают!

Бессилен бездушный, пустой аппарат
Увидеть тот радужный свет,
В чью ткань, как лучистый, звучащий наряд,
Твой облик незримо одет.

Так люди, и глядя на Солнце, во мгле,
Как звери слепые, бредут,
Не видя тех духов, что с Солнца Земле
Небесную мудрость несут.

И только Любовь нам прозренья дает
И делает видящим взгляд,
Иначе ты будешь слепым, словно крот,
Иль бездушный, пустой аппарат.

* * *

Нет в нашем теле ничего, что б было
Недолжным. «В образ Свой» создал его Господь,
И лишь до времени в нем похоть загрязнила
Незримый храм — его земную плоть.

И мы трудом упорным, неустанным
Должны в себе очистить Божий Дом,
И снова все в нас станет богоданно,
Просветлено сжигающим огнем.

Он прокалит все тело, сделав нас
Достойными живущего в нас духа,
И станет видимым незримое для глаз
И слышимым — сокрытое для уха.

И то, что раньше нас, как груз, тянуло вниз,
Что было похоти оплотом в нашем теле,
Вдруг вспыхнет чистотой благоуханных риз,
Какими боги нам их дать хотели.

Греховное, как рубище, спадет,
Вскрывая то, что нам дано извека, —
Вся грязь сгорит, вся похоть отойдет,
И человек в себе раскроет человека.

Полынь

Имя той звезде полынь⁶⁴.

Издrevле в землю, взрытую сохой,
С молитвою бросали люди зерна,
И вот, созрев, волною золотой
Шумело поле, с радостью покорно,

Колосьев бремя отдавая им, —
И люди ели хлеб, своим трудом добытый,
В котором Солнца свет с огнем земным
Был заключен, в зерне пшеничном скрытый.

Так хлеб земли, слив эти два огня,
В хлеб жизни превращался, наполняя
Людей земли влекущей силой дня —
Земное в них вновь к солнцу обращая.

И в таинствах всех храмов человек
Учился мудрости Пути Зерна священной:
Что нужно жертвовать собою, чтоб навек
Духовным колосом раскрыться во вселенной.

Но тот, кого зовут владыкой зла,
С усмешкой ждал, когда настанет время,
К которому людей его рука влекла,
Заводов и машин все умножая бремя.

И этот час пришел. Священное зерно,
Огонь Земли и Солнца, новой горд находкой,
Стал человек перегонять в вино,
Хлеб жизни горькой заменяя водкой.

И горьким стал отныне жизни вкус.
Подобная сжигающей пустыне,
Она легла путем не к Солнцу в Эммаус,
А к смерти горечи отравленной польни.

In aeternum

Так много надо мне сказать сегодня
О том, что видишь там, за гранью жизни,
В которой здесь мы Земле живем.
Не так уж долго мне осталось жить,
А потому часы и дни считаешь,
Как юношей считал, бывало, годы.
Вот почему так сильно дорожу
Я каждой нашей встречей и упорно
Все к той же теме возвращаюсь вновь.
Ведь все слова земного языка
Так неуклюжи и грубы, и надо
Так много их всегда тебе сказать,
Чтоб стало ясно то, что там, в том мире
Возможно пояснить окраской иль звучаньем
Лишь одного-единственного знака.
Но здесь наш ум бессилён охватить
Безмерность смысла, скрытого в подобном,
Таком простом и тонком начертаньи.
Не сетуй же, мой милый, на меня,
Что речь моя подчас косноязычна,
Сравненья же убоги и просты.
Ты знаешь, что в далеком Вавилоне
Жрецам известна тайна нисхожденья

В аид Иштар, когда она искала
Сошедшего в подземный мир Тамуза
И у своей сестры Эрешкигаль,
Владычицы умерших, выкупала
Его, чтоб снова возвратить земле.
Ты знаешь, что весною всякий год
Там празднуют возврат земле Тамуза,
Владыки всех плодоносящих сил.
Не таково сошествие к Плутону
Христа Спасителя. Тамуз Ему не равен.
Нет, Новый бог, сойдя на землю к нам,
Подобен стал нам, смертным, воплотившись
В такое же, как и у нас всех, тело.
Три года прожил в нем, был распят на кресте
И, умерев в мучениях, к Плутону
Сошел в аид. Но Он туда принес
То, что никто не приносил дотоле.
Здесь в землю с Ним, ей сообщая силу,
Сошло такое человеческое тело,
Которое, сойдя в аид, к теням,
Осталось все ж нетленным. И отныне
Земле навек та сила Им дана —
Вот почему издревле знак креста
Есть знак Земли, страдания и тела.
Гляди вокруг: растенья ствол всегда
Из почвы тянется все выше к солнцу,
Его лучам любовно раскрывая
Свои цветы, в которых дремлет тайна
Рождения семени и продолженья рода.
У человека ж это все не так.
Его поймешь ты верно, коль увидишь
В нем обращенное растение: мозг вверху,
А органы зачатья смотрят в землю.
Хребет животного протянут параллельно
Земле. Так вписывают крест
В вселенную все эти формы жизни,
Которые мы знаем на Земле, —
А знак семи — крылатый человек —
То образ Бога, чей приход на землю
Обещан смертным, как залог спасенья
От власти Ананке, несущей миру смерть.
И сочетание обоих этих знаков
В едином символе — содержит тайну
Спасенья мира. И оно всегда
Священным чтилось. В этом начертаньи

Жрецы Тамуза в древнем Вавилоне,
Осириса в Мемфисе, и у нас
Причастные к мистериям Деметры —
Все одинаково читали эту тайну
Схожденья Бога в наш земной предел,
Чтоб принести Земле и человеку-сыну,
Смерть победив, вернуться вновь к богам.

Летаргия

Безмолвно, неподвижное, как труп,
Лежит застывшее в сне летаргии тело.
Жизнь замерла. Неразлично скуп
Стук сердца, вздоха нет, и кожа посинела.
Лишь только в самой глубине зрачков
Возможно увидеть пульсацию сознания,
Почти неразличимый отблеск снов —
Галлюцинацию, которой нет названья.
Душа от тела отошла. Но смерть
Его не может взять. Уснувший ей не нужен.
И вот над ним простерлась мрака твердь,
Усыпанная зернами жемчужин
Нездешних звезд, лучи которых в нем
Сплетают сеть мерцающих созвездий,
В его душе. сжигая их огнем,
Распавшуюся цепь поступков и возмездий.
Так в этом теле, в темной глубине
Сознания, что живым проникло в область тленья,
Свершается в подобном смерти сне
Мистерия вторичного рожденья.
Тут смертный человек Исиды снял покров,
Его в себя земли взяла утроба,
Он в склепе сна ждет к пробуждёнью зов
Того, кто Лазаря к Себе позвал из гроба.

Часы

Две стрелки, круглый циферблат,
Колес зубчатый сцеп,
Как этот сложный механизм
Размеренно нелеп.
Лишь утопив полет души
В земном кошмарном сне,
Мог человек его создать
На радость Сатане.

Не зная жалости, часы
Зажали жизни ход
В однообразии минут,
В счисленья точный счет.
 Ты ждешь любимую — душа
 Летит навстречу ей.
 Клубясь огнем, светясь, спеша
 С ней слиться поскорей.
Иль ты в тюрьме, и казнь близка,
Душа застыла льдом,
И в страхе пятится назад
Ее холодный ком.
 Часам же это все равно,
 Как в нас душа живет,
 Они умеют лишь одно:
 Вести бездушный счет.
Любовь ли ждет тебя иль Смерть,
Что Рок тебе принес,
Им безразлично, и всегда
Размерен ход колес.
 Придумав их в недобрый час,
 Ты душу погубил,
 Когда ее свободный взлет
 Машине подчинил.
И стала жизнь твоя пустой,
Свобода умерла,
И вот часы за упокой
Звонят в колокола.
 Опомнись и верни тот счет,
 Где чувство господин,
 Где два и три сегодня пять,
 А завтра — сто один.

Р.К.

I

В пашню врезается плуг,
Тяжкое бремя труда
Не победить никогда
 Силою рук.
Ты изменил небесам,
Воля землей пленена,
Похоти жадной волна
 Стекает к ногам.

Неба далекого край
Замкнут, подобно стене,
И только ночью, во сне,
Помнится Рай.

II

Тянется к Солнцу цветок,
Пьет золотые лучи.
Они, как Любовь, горячи,
Чист их поток.
Сила желанья бежит
Вверх по стеблю до цветка
И, алым огнем лепестка
Вспыхнув, горит.
Пойми того, кто принес
В помощь твоей слепоте
Символ: на черном кресте
Семь алых роз.

Песня

В нас дух наш ищет воплощения в звуке,
Но тела власть в него свой призывок вносит
И искажает звука чистоту.
Так в нас рождается земное слово в муке,
Бессильно передать свой смысл, и просит
Вернуть ему былую красоту.
И чувство говор превращает в пенье,
Земное в слове ритму подчинив,
Созвучьем рифм дверь духу открывая,
Так в мертвой речи вновь звучит веленье
Живого духа, влившись, как мотив,
Костяк согласных гласными сжигая
И слово снова небу возвратив.

Болезнь

Тиф, оспа, менингит, психастения
И много всяких «измов» есть у нас,
Чтоб с умным видом те или другие,
Коль нужно, вытащить из памяти тотчас.

Все ясно. Прописать покой, диету, бром
Нас никогда не затруднит наука.

Глядеть не видя, быть всегда во всем
Самоуверенным — весьма простая штука.

А коль прописанный рецепт помочь не смог
И пациента приняла могила,
То следует изречь: «Ну что же, я не Бог,
Наука нам пока не все открыла!»

Но, если правду знать, не так все просто тут,
Заболевание с судьбою тесно слито,
И к исцелению иль к смерти нас ведут
Поступки прошлого, что в нас незримо скрыто.

Болезнь всегда дается нам Судьбой,
Как очищающий огонь, в нас расплавляя
Накопленное зло, душевной грязи гной,
Страданием и болью их сжигая.

Вот отступает я, беспамятство ведя,
Душевное вскипает жаром боли,
И в нем и в теле молнии чертя,
Сверкают духов огненные воли.

Как дерево, объятые огнем,
Узор ветвей горящих простирает
В ночное небо, что, как водоем,
Тревогу зарева спокойно отражает, —

Так отражен в духовном этой бой
Извивов пламени страстей и вождлений
С благою волею, секущей их собой,
Слепя лучами благостных велений.

Тут человек во власти высших сил,
Пережигающих его в плавильне печи,
Чтобы, очищенный, затем он распрямил
Ярмом грехов натруженные плечи.

Но если грязь в душевном столь сильна,
Что с нею в нем для жизни все сгорело
И для него жизнь больше не нужна, —
Наступит смерть, душа покинет тело.

И только в новой жизни та душа
Болезни дар — здоровье вновь находит,
Слепым инстинктом помня, что, греша,
Она себя к страданию приводит.

Гамаюн

Если ты животных любишь и жалеешь
И глядеть умеешь зрячею душой,
Многое увидишь вокруг себя тогда ты,
Коль в душе работать станешь над собой.

Ты поймешь: животный мир душе подобен,
Но не человеческой, а душе земной —
Это ее чувства, это ее страсти,
И сродни они все с нашею душой.

И, души порывы духу подчиняя,
Ты найдешь те силы, что тебе дадут
Покорять в животных их слепые воли,
Их тела немые, что вокруг нас живут.

Ты душой проникнешь в ту земную душу,
Там с зверями станешь, словно с братом брат,
Там с тобою рыбы, там с тобою птицы,
Там с тобою звери все заговорят.

Многое открыто им от человека,
Коль душа не видит, скрытое, как клад, —
Все тебе покажут, обо всем расскажут,
Вещими словами душу напоят.

И, узнав все это, станешь им подобен —
Будешь знать, что будет, что судьба несет, —
Знают это звери, знают это птицы,
Рыба же не знает и в былом живет.

И душа расправит радужные крылья,
Зазвучит, как гусли, перебором струн,
И увидишь чудо, что душа вдруг стала
Вещей, сладкогласной птицей Гамаюн.

Там

Все вокруг стало зыбко-прозрачным,
Как рисунки японских художников, —
Лишь намечено тонкою кистию.

Все ясней и привычней за видимым
Проступает иное, понятное
Не глазам, а душе, ставшей зрячею.

До чего ж все светло там и радостно,
До чего все любовно приветливо
И лучится зовушею ласкою.
Словно вышел поутру из комнаты
И стоишь среди сада весеннего
В зеленеющей солнечной ясности,
В слитой с небом ликующей радости.

Théâtre de<s> Marionettes

Жизнь пополам рассечена
Моя и всех других,
И ясно мне теперь видна
Иная правда в них.

Как будто сцена предо мной —
Театр живых fantoches,
И я гляжу, следя с тоской,
Как в жизнь вмешалась ложь.

Так сложен нитей переплет —
Запутан, скрещен, част,
И куклу каждую ведет
Отдельный невропасть.

Он строго следует тому,
Что в пьесе автор дал,
Все было б верным, как ему
Никто в том не мешал.

Но вижу я — мохнатых лап
Мелькают коготки,
И там, где нитей шелк ослаб,
Вмиг вяжут узелки.

Узлы сцепились меж собой,
Порвалась нитей связь,
И скачут куклы вперебой,
Бессмысленно крутясь.

И вместо радостной игры,
Где Счастье и Любовь

Несут небесные дары, —
На сцене льется кровь.

Безумен злой разгул fantoches...
Что ж им готовит Рок,
Когда их жизней нити Ложь
Запутала в клубок?

Сон

Мне снилась явь, но явь иного мира,
Где нету тьмы, но семицветный свет
Звучащей радугой поет в волнах эфира —
Цевницей нежною, как утренний рассвет.
Вся ввысь стремясь, в напряженном полете
Я землю кинула, вся отдана мечте,
Все позабыв в блаженно-дивном взлете
Все выше ввысь, к предельной высоте.
В руках, поднятых вверх над головой,
Несла я сердце, алой, теплой кровью
С краями вровень налитое мной,
И знала: эта кровь была моей любовью.
О, как боялась я в полете расплескать,
Не донести до врат алмазных Рая
Мою любовь, чтоб всю ее отдать
Тому, Извечному, кому ее несла я.
Незримый ярче свет, полет мой все быстрее,
Уже предел его ко мне все ближе... ближе...
О, Господи, внемли мольбе моей:
Возьми мою любовь, она Твоя, возьми же!

Феникс

Посмотри на прозрачный кристалл —
Эти точные, жесткие грани
Мысль твою прояснят, чтоб ты знал,
Что ты ошупью бродишь в тумане.
Что, когда ум вверяешь мечтам,
Ни на что не получишь ответа,
Доверяя лишь чувств облакам,
Замыкающих душу для света.
Только став властелином души,
Силой четкой, отточенной мысли
Можешь ты отогнать миражи,
Что, как марево рея, повисли.

И тогда ты увидишь, как слеп
Был и глух ты, бредя без дороги,
Словно труп, замурованный в склеп
Своих чувств, полных смутной тревоги.

Только мыслью, что духу тобой
Отдана, став основой веры,
Можешь ты вознестись над землей
В чистых духов небесные сферы.

И как здесь, проходя сквозь кристалл,
Солнца луч семицветно сияет,
Так и там все, что в духе узнал,
Яркой радугой вдруг засверкает.

Станет ясной душа и огнем
Загорится, звуча, как цевница,
И взлетит над священным костром
Мудрый Феникс — волшебная птица.

Сирин

Скажи, видал ли ты хоть раз, как в нашем теле
Сосудов кровеносных рдеет сеть,
Питая нас? Так вот, коли уметь
Не только знать, но применять на деле

Познание это, — можно отыскать
В душе тот путь, что нас тропой незримой
Приводит к купине неопалимой,
Чтоб мы могли растений мир понять.

Увидишь ты: горя и не сгорая,
Одеты пламенем дерева, каждый куст,
Пьют силу жизни тысячами уст,
Любовь цветами Солнцу открывая.

То, что у нас характер, жизни склад,
Сквозящий в нас сквозь наши формы тела,
Что часто похоть загрязнить сумела, —
Растения хранят, как чистый клад.

Вглядишься в цветок, листву, в узор ветвей
И ты поймешь, им душу открывая,
То, что в растениях струится, притекая
От недр земли и солнечных лучей.

И темных крыльев скорбь в земле раскинет ночь,
Тоски о всех больных, что здесь, в земной юдоли,
В страданиях корчатся, крича от жгучей боли,
И ты поймешь, чем можно им помочь.

Увидишь: словно божий сад, цветет
Живую жизнью человеچه тело,
И станет ясно, что в нем захирело,
Каких растений в нем недостает.

И соки трав, листвы или корней,
Что даст тебе растительное царство,
Ты для болящих превратишь в лекарство,
Их исцеляя мудростью своей.

И вспомнится тогда тебе старинный сказ
О птице, что полна заботы и печали,
И скинется душа, чьи силы мудры стали,
Той птицей Сирином — печальницей о нас.

Острие

К острию из железа мы питаем любовь —
Ведь острым железом проливается кровь.
Долго спало железо в красной руде,
В крови человека и в ржавой воде.
Все мы чтим Белиала с головою козла,
Одного из великих ликов вечного зла.
Это он человека научил добывать
Из земли ее кровь и оружие ковать.
Делать острые пики, и ножи, и мечи,
Чтобы крови потоки текли, горячи,
Чтобы с кровью из тел выходила душа,
Чтобы жизнь наша стала в аду хороша,
Чтоб, прильнув к свежей ране, могли мы сосать
Ароматной, кровавой струи благодать.
Чтоб война возрастала, готова нам пир,
На котором нажрется и последний вампир.
Коль корежит тебя от любви двух людей
Или хочешь поссорить неразлучных друзей —
Ты подбей, чтоб один дал другому свое
Как подарок какое-нибудь острие:
Нож, иль шпагу, иглу — это нам все равно —
Тут для нас в душу вмиг распахнется окно.
Не заботься сам дальше и нас не учи —
Подобрать к той душе мы сумеем ключи,
Тем железом невидимо душу насквозь
Мы проткнем, и вся дружба разлезется врозь,
Мы затопчем ее, ароматный цветок,
И посадим вонючий вражды корешок.
Для поливки у нас есть слюна, есть и пот —
Разрастется наш цветик — всю душу завьет,
И за эту работу, что ты тут нам дал,
Нас похвалит владыка вражды — Белиал.

Халда

Это был ребенок худой, бледный, с редкими, длинными, белокурыми волосами. Он, редко улыбаясь, шалил, ломал, шумел серьезно, как бы делая дело.

Т. Пассек. Из дальних лет. М., 1931

Если надо разбудить ребенка,
Чтоб он плачем взрослым стал мешать,
Мы то сделаем, — и он залется звонко,
Сколько ни качай — не станет спать.

Правда, должен быть он некрещеным
И рожденным походя, тогда
Будет жить по нашим в нем законам
Злой червяк — настырная халда.

С виду все в ребенке этом будет
Так же, как и у других ребят,
Только вот жалеть себя принудит,
А любить его не захотят.

Да еще, когда постарше станет,
Если пристально в глаза посмотришь ты,
Взгляд его тебя уж не обманет —
И увидишь злой подгляд халды.

Вырастет — тогда другое дело, —
Он полюбит все ломать и бить,
Чтобы все осколками летело,
Чтобы все согнуть и искривить.

С ним возни нам будет очень мало —
Нюхом сам поймет, чего хотим, —
Станет все он делать как попало
И скулить, чтоб восхищались им.

Долго жить не будет, невозможно
Нам халду надолго воплотить,
И поэтому он будет так тревожно
Все хотеть скорей осуществить.

И когда, напортив, сколько сможет,
Он внезапной смертью умрет,
Тот червяк-халда, что его гложет,
Разжирев, назад к нам приползет.

К ИСТОРИИ ЭЗОТЕРИЗМА СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

По самому своему происхождению никакое эзотерическое учение не может быть открыто сколько-нибудь широкому кругу людей. Тем более это касается условий, когда признание в том, что ты стремишься к постижению тайного знания, само по себе является поводом для обвинительного заключения. А как раз такая ситуация складывалась на территории Советского Союза начиная с середины двадцатых годов (впрочем, отдельные репрессии проходили и значительно ранее). Было смертельно опасно стремление к тайному знанию, но столь же опасно — и признание в создании или возобновлении деятельности группы, кружка, а тем более организации, которой так соблазнительно было приписать террористическую деятельность. Именно это делает столь редкими и особо ценными любые свидетельства о существовании подобных устремлений в подсоветские годы.

А в том, что они существовали, сомневаться не приходится: значительная часть членов чрезвычайно распространившегося в предреволюционные годы оккультистского круга не просто осталась в России, но и вполне лояльно отнеслась к революционным событиям. Однако настороженное отношение власти к любой форме религиозной или квазирелигиозной пропаганды (достаточно вспомнить страшную судьбу крестьян-толстовцев), позднее сменившееся стремлением даже простое исполнение обрядов превратить в криминальное деяние, изредка прощавшееся лишь неграмотным крестьянам, а также приписывание любой нелегальной (легализация же была возможна лишь при условии регистрации в органах ЧК/ГПУ) деятельности статуса преступной очень быстро превратили любую эзотерическую активность в деятельность потенциального мученика за свою веру.

Этим объясняется, с одной стороны — быстрая маргинализация и постепенное вымирание некоторых по необходимости овнешнен-

ных форм активности (любой читатель литературы 1920-х гг. без труда припомнит более чем скептическое изображение в ней спиритизма), а с другой — уход прочих форм в глубокое подполье, из которого извлечь было можно или далеко не простыми усилиями тайной полиции, или — уже спустя долгое время — совместным поиском историков. Нередко эти два направления даже оказываются параллельными, как в ряде трудов А. Л. Никитина, использовавшего для собирания сведений о существовании мистических орденов в двадцатые годы данные следственных дел¹. Естественно, обращение к материалам ГПУ, давая ряд сведений об истории организаций и судьбах отдельных людей, оказывается заведомо подчинено задачам кровавой мясорубки, ищущей в основном лишь повода для убийства; однако, и перед историками, независимыми от этих материалов, оказываются существенные проблемы, связанные именно с эзотеричностью значительного количества доступных документов. Эта эзотеричность может быть приоткрыта лишь совокупными усилиями историков, литературоведов, культурологов, историков философии и других специалистов. Но первым шагом на пути к таким анализам, как нам представляется, должно стать обнаружение сравнительно небольшого количества сохранившегося до нашего времени документов, в ряду которых находится и настоящая публикация.

1

Имя Андрея Белого в ряду русских писателей, поглощенных разного рода «тайными науками», выглядит одним из наиболее известных, и его отношениям с теософией, антропософией, розенкрейцерством посвящена уже обширная литература, которую мы здесь называть не будем ввиду ее довольно широкой известности. Напомним одну его фразу, произнесенную им еще в 1908 году и уже цитированную нами: «...эзотеризм присущ искусству: под *маской* (эстетической формой) таится указание на то, что самое искусство есть один из путей достижения высших целей»². Вряд ли можно выразиться яснее и определеннее.

И это убеждение держалось у него если не до самого конца жизни, то, во всяком случае, до последних ее лет. Созданный в 1928 г. текст под длинным названием «Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития» явственно демонстрирует не только приверженность автора идеалам символизма, но одновременно и идеалам эзотеризма, рассматриваемого в различных планах, находящих реальное подтверждение в самых разнообразных фактах биографии и творчества. В нашу задачу не входит подробный анализ этого текста; укажем лишь, что там впервые в достаточно краткой форме Белый экспли-

цировал свое представление о собственном жизненном пути, сделал его доступным не только узкому кругу знакомых, но предназначив для читателя, пусть в данное время и заведомо ограниченного. В сложном переплетении биографических фактов, трактовок собственных произведений, представлений о человеческих отношениях существеннейшее место им отведено контактам со многими людьми и организациями, теснейшим образом связанными с эзотерическими доктринами и оккультными фактами. Трудно сейчас представить, что говорили младшим современникам имена А. Р. Минцловой или Эллиса, но для себя Белый предпринял попытку отыскать этим людям место в своем духовном пути и определить, как они на него воздействовали.

Письмо, которое мы представляем читателю, является откликом человека именно поколения молодых, не бывших свидетелями героического этапа развития русского символизма.

Софья Гитмановна Спасская (в девичестве Каплун, 1901—1962) рано вошла в петроградскую культурную среду и сразу же стала весьма активной участницей разного рода предприятий, демонстрировавших ее пристальный интерес к духовным проблемам личности. В голодном и холодном Петрограде относительно благополучное существование (среди многочисленных родственников С. Г. были весьма влиятельные чиновники Б. Г. Каплун и Е. Я. Белицкий) давало почти безграничные возможности для погружения в те сферы переживаний, которые открывались слушателям Вольной философской ассоциации (где она была активным членом), участникам разных оккультных или эзотерических кружков (которые она не менее активно посещала), поклонникам антропософии и пр., и пр. И личность Андрея Белого была одной из тех путеводных звезд, которые вели ее по облюбованному пути.

Формально сообщается, что С. Г. Каплун-Спасская была скульптором. Нам трудно сейчас сказать, насколько талантливым было ее искусство, поскольку никаких работ ее мы не знаем. Но вряд ли будет преувеличением сказать, что главным произведением искусства, рожденным ею, была собственная личность, выковывавшаяся в разного рода эзотерических предприятиях. Напряженные духовные переживания, не ограничивающиеся официальными религиозными догматами и обрядами, будь то унаследованный от предков иудаизм или сделавшееся ориентиром христианство, составляли нерв ее жизни, — по крайней мере, на протяжении двадцатых годов. При этом вряд ли можно с уверенностью сказать о том, какая именно доктрина лежала в центре ее интересов. Из публикуемого письма мы узнаем о том, насколько интересна для нее была антропософия, — но, по воспоминаниям дочери, ни о каких специфически антропософских увлечениях С. Г. ей известно не было. В дневниках М. Кузмина двадцатых годов Спасская несколько раз упоминается в разных контек-

стах, причем один раз — достаточно определенно: «Над постелью Софьи Гитмановны знак Розенкрейцеров. Вот оно что!»³ Но, в свою очередь, в публикуемом нами письме нет ни малейшего упоминания о розенкрейцёрстве, к которому был прикосновенен не только Борис Зубакин, получивший в недавнее время имя «последнего русского розенкрейцера», но и сам Андрей Белый, на которого в 1909—1910 гг. сильнейшим образом воздействовала личность и проповедь А. Р. Минцловой, розенкрейцёрство проповедовавшей со страстью и изобретательностью. Можно предположить, что и в самом деле наиболее значительным в ее жизни предприятием была Вольфила, суть которой Белый видел «в свободном многообразии братски борющихся мировоззрений, ищущих свободно сложиться в культуру их круга»⁴.

Но для нас сейчас важнее даже не это, а ее реакция на «Почему я стал символистом...», где переплетаются многие чрезвычайно важные для эзотерического сознания советского времени темы.

Прежде всего это, конечно, тема индивидуального пути человека к той истине, которая скрыта от посторонних наблюдателей, но может быть обнаружена личностным усилием под воздействием открывающегося знания. Белый чрезвычайно убедительно рисует своим читателям (и не забудем, что эти читатели — не мы, уже довольно много знающие о его жизни и творчестве, а современники) естественность тех переживаний, которые его самого привели и к творчеству, и к разного рода идеологическим и социальным увлечениям, и к антропософии, представляющейся наиболее существенным, наиболее полным выявлением человеческих потенций. И даже недоразумения, связанные с внутренним устройством международного Антропософского общества, выразительно описанные в книге Белого, не могли его разубедить. Отчасти именно с этим связаны уговоры Спасской перестроить повествование, не акцентируя неприятности, а уделяя больше внимания проповеди и личности Доктора (еще об одной причине скажем ниже). И рядом с этим находим в письме рассказы о своем собственном мироощущении в обстоятельствах, когда все более и более крепнет убеждение: «Время жестокое, и хочется иметь ясные мысли, когда призовут к ответу. А это может быть всегда» (вполне естественно, что в тридцатые Спасская прошла лагеря). Те свидетельства о круге сочувственников, которые сохранены для нас письмом, являются бесценными, поскольку приоткрывают одну из сторон полуподпольной, а то и просто подпольной жизни Ленинграда второй половины двадцатых годов.

Второй слой вопросов, которые чрезвычайно сильно волнуют Спасскую, — рассказ об отношениях Белого и Блока, находящийся в противоречии с предыдущими версиями, известными ей как по печатным источникам, так и, вероятно, по устным выступлениям. Знакомая с Блоком, Спасская настаивает на естественности и органичности его пути, не подлежащего теперь критике задним числом.

И хотя это ею нигде не сформулировано в открытую (а может, и вообще так не осознавалось), Спасская тем самым уговаривает Белого открыть глаза на то, что существует и иная свобода, чем та, что он испытал сам, став еще в детстве символистом и оставшись им, пройдя через множество искусств, написанных книг и головокругительных перспектив. Она же ищет для себя возможности другого, не-беловского постижения той же реальности, в которой мысль Белого будет столь же важна, как и мысль Блока, и мысль Иванова-Разумника, и мысль собственная. При этом, конечно, существенно, что у этой свободной мысли есть свои границы, которые никак не совпадают с теми, что предписывает все более и более свирепеющая власть — не только конкретная, советская, но — как принцип — и всякая иная.

Трудно сказать, можно ли считать такое отношение какой-либо формой анархизма. Для Белого, который весьма выразительно описывает свое отношение к Советам и их дальнейшей трансформации, это состояние может быть описано как «толстовец-непротивленец»⁵. Как наименовала бы себя Спасская — не знаем, но откровенно чувствуется, что ее ужасала не всякая власть, а именно эта, властно распоряжающаяся (и с каждым днем все решительнее) жизнью и мыслями отданных ей на заклятие. Борьба за предельно возможную свободу внутреннего, духовного мира составляет нерв письма Спасской.

Наконец, существенно обратить внимание, как насыщена сама словесная ткань письма отблесками и откликами не только прочитанной книги Белого, но и переключками с прозой и дневниками Блока, диалогами с мнениями друзей, с разными точками зрения современников, с интенциями тех, кто видится как достойный собеседник. Естественно, главным тут является Белый, на чье повествование Спасская откликается, поэтому лучше всего читать это письмо, имея на памяти «Почему я стал символистом...» не только как давнее воспоминание, но и как постоянно актуализирующийся в процессе чтения текст.

Параллельно написал и отправил Белому свой отклик на «Почему я стал символистом...» и муж С. Г., поэт и будущий прозаик Сергей Дмитриевич Спасский (1898—1956), но это письмо в значительной своей части уже опубликовано⁶ и потому в научный оборот введено, тогда как письмо С. Г., едва ли не более интересное своим соединением непосредственных впечатлений от книги, серьезной внутренней полемики с несравненно более авторитетным собеседником и свидетельств о современном состоянии умов и общественных институций в эзотерической среде СССР двадцатых годов, — оставалось прочтенным.

Письмо хранится: ОР РГБ. Ф. 25. Карт. 23. Ед. хр. 4. Более поздние (тридцатых годов) письма Белого к Спасским опубликованы: Ново-Басманная, 19. М., 1990 (публ. В. С. Спасской и Н. Алексеева). По устному сообщению М. Л. Спивак, ряд писем Спасских со-

хранился в копиях К. Н. Бугаевой, но задача их публикации относится к будущему.

2

Второй текст, который мы хотели бы представить читателям, гораздо более загадочен. Прежде всего потому, что он стал известен нам в машинописном виде и без подписи автора.

Он дошел до нас в составе архива популярной в свое время артистки, малоизвестной писательницы и видной мартинистки Лидии Дмитриевны Рындиной (1882—1964), переданного в РГАЛИ (тогда еще ЦГАЛИ) после ее смерти, и, таким образом, несомненно ведет свое происхождение из документов русского рассеяния. Он представляет собою достаточно подробный рассказ как раз о тех событиях в жизни эзотерической России, о которых известно очень мало. Отметим, что в только что вышедшей книге А. И. Серкова, специально посвященной истории русского масонства (и довольно подробно описывающей историю русского мартинизма начала века), нет практически никакой информации об упоминаемых здесь событиях, огульно отнесенных автором к числу не имеющих отношения к теме его труда.

При той раздробленности и сугубой конспиративности более или менее формализованных эзотерических организаций, которая была характерна для советского времени, любое повествование об их деятельности представляет особую ценность, а печатаемый ныне текст, как кажется, дает основания для уже начатой исследователями реконструкции активности кружков, связанных с Г. О. Мебесом как Учителем.

Формальным поводом для связи двух публикуемых документов является свидетельство автора «Посвятительных орденов...» о том, что становившаяся центром притяжения для С. Г. Спасской Вольфила (или, как он ее называет, «Вольфил») находилась в поле пристального внимания Мебеса. Нам неизвестно, были на самом деле какие-либо контакты между ним и Белым или это одна из распространенных легенд, но, во всяком случае, можно вполне положиться на явно чувствуемое в статье представление о том, что большинство духовных течений, не подчинившихся идеологическим устремлениям советской власти (подобно «живой церкви»), вполне могли ощущать свое внутреннее родство и рассчитывать на живое сочувствие даже тех современников, которые при нормальных обстоятельствах были бы отделены непроходимой пропастью. К тому же рассказ о преследованиях ленинградских мистиков дает реальный исторический фон предчувствиям всегда возможной беды, которыми отличается письмо Спасской. «Дела ленинградских масонов» (а на самом деле — еще

и мартинистов, и розенкрейцеров) 1926—1927 гг. были актуализированы появившимися в 1928 году (когда, напомним, Спасская писала Белому) двумя большими газетными статьями, рассказывавшими об этих делах.

До сих пор мы знали о «деле ленинградских масонов» по газетным статьям 1928 г., по двум публикациям В. С. Брачева, основанным на материалах архива петербургского ГБ, и по статье А. Л. Никитина, пользовавшегося при рассказе о событиях 1926 года как опубликованными Брачевым документами, так собственными разысканиями в архивах репрессивных органов⁷. Теперь у нас появляется возможность взглянуть на дело глазами заинтересованного эзотерика.

На основании архивов Большого Дома вырисовывается следующая картина: расставшийся с Мебесом Б. В. Кириченко-Астромов основывает собственные масонские ложи и с мая 1925 года начинает сотрудничать с московским, а потом и ленинградским ОГПУ, предлагая использовать масонство для целей мировой революции. После этого он все же был арестован, дал подробные показания о членах известных ему мистических организаций, после чего к делу было привлечено изрядное количество людей, и был приговорен к трем годам лагеря. Вместе с ним туда же отправились и другие видные деятели оккультного движения, среди которых, безусловно, первенствующее место занимал Г. О. Мебес.

Печатаемый нами текст дает возможность не только увидеть происходившее глазами эзотерика, но и получить некоторые новые сведения о жизни заметных персонажей этого движения (прежде всего в Петербурге—Петрограде—Ленинграде), а также несколько гармонизировать ту картину, которая складывается после чтения документов ГПУ.

Согласно им, оккультный, мистический мир Ленинграда двадцатых годов был раздираем внутренними противоречиями, прежде всего связанными с неутоленной жадностью власти отдельных претендентов на учительство, а заодно и замешен на разного рода недостойных поступках членов различных лож. С чем это было связано — в общем, понятно: ГПУ в эти еще вегетарианские времена совсем не было выгодно выдвигать в качестве основного обвинения против подследственных их убеждения, гораздо важнее было представить их деятельность в окарикатуренном виде, что и было выполнено газетными уполномоченными ГПУ братьями Тур.

Потому-то в материалах следствия так упорно разрабатываются темы: «В чем конкретно заключалось обвинение Вас младшими братьями по смешиванию мистики с эротикой?», «Как масонство смотрит на половые отношения и семью?», «Как производились взносы?», «Какие мистические браки у вас совершались?», «Вмешивались ли в личную жизнь ученицы Штейнберг Марии Николаевны?» и т. п. И даже в высшей степени достойно ведший себя на следствии Мебес

рассказывал: «...один из них был исключен за болтовню, а другой (способный) — за морфиноманию <...> Роман Леонтовской с женатым человеком <...> возбуждал крайнее неудовольствие М. А. Н., которая делала предупреждения Л-ой...» и пр.

В восприятии же историка русской эзотерики деятельность ленинградских масонов, мартинистов и розенкрейцеров оказывается несущей добро и свет не только братьям, но и сторонним наблюдателям. Не нам судить, как совмещались эти две стороны деятельности орденов, но сам факт столь различного восприятия безусловно свидетельствует, что мистические ордена были привлекательны очень для многих людей, стремившихся найти в них опору для своих духовных исканий.

Именно в этом смысле представляется возможным включать в круг интересующих нас явлений и ставшую неожиданно популярной в последнее время фигуру Б. М. Зубакина⁸. Судя по всему, он стоял совершенно в стороне от сколько-нибудь институционализированных орденов, однако устремления его были, несомненно, ориентированы на ту же систему эзотерических ценностей, что и у деятелей различных посвяtitельных орденов. Трудно всерьез принять его систему самотитулования, приема новых членов в орден и пр., но несомненна значительная сила его оккультных переживаний, а также роль в биографии тех людей, которые впоследствии пришли к серьезной духовной работе в рамках традиционных организаций.

Мы полагаем, что и протест Спасской против подробного описания склок и свар в рядах Антропософского Общества вполне мог быть вызван не только естественным внутренним ощущением нравственно чистого человека, но и быть спровоцированным попытками приписать членам эзотерических общин разного рода нечистоплотные поступки. Ситуация, надо сказать, весьма напоминающая тактику КГБ в отношении диссидентов и линию тех, кто находился в центре внимания тайной полиции или сочувственно наблюдал за их деятельностью.

В остальном же текст, как кажется, говорит сам за себя, и нам остается лишь атрибутировать его. И задача эта оказывается вполне выполнимой.

Одним из самых продолжительных изданий русской эмиграции были сборники «Оккультизм и Йога», которые начали выходить еще в 1933 году в Белграде, потом место издания переместилось в Софию, а после войны — в парагвайскую столицу Асунсьон. Бессменным издателем их был доктор А. М. Асеев, состоявший в переписке с Л. Д. Рындиной и после ее смерти опубликовавший немало материалов, так или иначе связанных с ее жизнью и оккультной деятельностью. Одной из основных задач этих сборников было осуществление связи между сегодняшним поколением русских оккультистов и эзотериков и их предшественниками, часто остававшимися лишь в

памяти ближайших сподвижников. В том числе сборники писали (хотя и недостаточно подробно) о судьбах русских эзотериков, оставшихся в советской России и там чаще всего погибавших, подвергавшихся репрессиям, вынужденных тщательно маскироваться, и статья о посвятителных орденах была бы вполне на месте в каком-либо из этих сборников. Из слов автора становится очевидно, что статья в значительной ее части писалась им не по личным впечатлениям, а по письмам людей, хорошо знавших эзотерическую жизнь Москвы и Ленинграда двадцатых годов, явно переживших репрессии и впоследствии вырвавшихся в эмиграцию. Подобным приемом нередко пользовался сам издатель сборников, собирая разнородные сведения и излагая их в том порядке, который представлялся ему самому наиболее подходящим. Кстати, отметим, что обилие попутных примечаний характерно для стиля Асеева, насколько его можно себе представить.

Однако подобной статьи в «Оккультизме и Йоге» не появилось⁹. Мы знаем, что в 1955 г. Асеев напечатал в отсутствующем в московских и петербургских библиотеках номере журнала «Вестник Института по изучению истории и культуры СССР» статью с аналогичным названием («Посвятителные ордена в СССР»), которую, видимо, можно заочно отождествить с публикуемой нами¹⁰. Представляется весьма вероятным, что Асеев отправил статью Рындиной на просмотр и натолкнулся на решительные возражения. Дело в том, что в 1912 году она принимала самое активное участие в дезавуировании Мебеса как руководителя русских мартинистов, в результате чего «...Верховный Совет Ордена Мартинистов в Париже лишил петербуржцев всех званий, связанных с обществом <...> С переходом большей части петербургских мартинистов к независимым работам последняя, фактически иллюзорная нить, связывавшая их с масонством, была прервана. Возникшие впоследствии в их среде организации: Орден мартинистов Восточного послушания, Мертинезический разряд строго восточного послушания, Автономное русское масонство — безусловно относятся уже к парамасонским обществам»¹¹. Можно сомневаться, что Рындина помнила всю эпопею в подробностях, но вряд ли подлежит сомнению, что Мебес, о котором столь восторженно пишется в работе, представлялся ей самозванцем. И в этом случае представляется естественным для Асеева отказаться от идеи опубликовать свою статью в регулярно доставлявшемся Рындиной «Оккультизме и Йоге», передав ее в мюнхенский журнал¹². В противном случае она скорее всего получила бы оттиск из журнала.

Поскольку статья Асеева до сих пор не введена в научный оборот, мы полагаем резонным опубликовать ее по машинописи (не первый экземпляр) со вписанными от руки иностранными словами и незначительной правкой, которая хранится в РГАЛИ (Ф. 2074. Оп. 2. Ед. хр. 19. Л. 1—11). В тексте сохранен разноречивый в употреблении прописных букв, который может свидетельствовать о некоей традиции,

а также архаизированное написание слова «контрреволюция», придающее особую выделенность этимологии. Мы также перепечатаваем с небольшими сокращениями, касающимися уже известных текстов, статью А. М. Асеева «Оккультное движение в советской России» из сборника «Оккультизм и Йога» (Белград, 1934. Кн. третья), весьма малодоступную в России.

3

Письмо С. Г. Спасской к Андрею Белому

20-X-<19>28 г.
Детское Село

Дорогой Борис Николаевич,

Трижды прочла Вашу рукопись и очень жалею, что ее мне нужно отдать. Р. В.¹³ дал нам лишь на 2 дня, мы задержали ее на неделю для всех трех. Из-за желания иметь ее под руками во время моего письма и из-за того, что сейчас особенно задержана «придирками быта» (ликвидация пансиона, переезд в город, поиски комнаты), боюсь, что не смогу ответить так точно и так полно, как хотела бы. Я очень Вам благодарна, что Вы дали нам возможность ознакомиться с книгой. Весь тон ее, очень серьезный и искренний, темы ее, нам близкие и очень важные, и боль, с которой Вы писали ее и которую сумели передать Вашим читателям, — все это заставляет в себе самой пересмотреть и выяснить свое отношение к целому ряду тем; книга Ваша такова, что, несмотря на объективизацию материала, — материал исторический и личный только материал — я думаю, все прочитавшие ее сочтут себя задетыми. Это достоинство книги. Выяснить и сказать Вам, в чем чувствую я себя задетой и несогласной, хочу попробовать и я. Я хочу хотя бы бегло наметить свои отправные пункты (развить их подробно, м<ожет> б<ыть>, и не в моих силах сейчас) и сказать о них Вам. К этому меня обязывает и тема Вашей книги «Почему я стал символистом», и то, как она написана, и мое личное отношение к Вам — двойное, как А. Белому и Борису Николаевичу.

В 1917 году я в первый раз (мне было 16 лет) прочла первую для меня Вашу книгу «Петербург». Я прочтала ее в день и ночь, не отрываясь; меня она потрясла. Предчувствием гибели, любовью к России, языком, намеком на «что-то», мне неизвестное, но что мне необходимо было знать, всем этим вместе, исключительностью ее — я не могу сейчас в полном объеме восстановить мое первое впечатление. Но, прочитав, начала искать еще и еще книги мне до того дня неясного писателя Белого. Я читала все книги, часто не понимая ничего в теоретических статьях и почти плача от злости на это, но чужо во всех книгах что-то, всюду одно, что привлекало меня и что отвечало моему оформляющемуся мироощущению еще. Вот почти уж

11 лет я с любовью, напряженным вниманием и большим доверием прислушиваюсь ко всему, что пишет Белый. Я познакомилась с Вами, Б<орис> Н<иколаевич>. В скобках скажу, что я честно заработала знакомство с Вами. Приехав в Петербург в <19>19 году, я много справлялась о Вас, и моя идея и настойчивость заставили брата¹⁴ через Горького предложить Вам переехать в Петербург¹⁵. И это было не любопытство, а серьезная тревога о Вашей жизни в Москве, которую описывали очень тяжелой¹⁶. Тревога даже не за Вас лично (я Вас не знала), а за единственного человека, который *знал* о новой культуре, о новом человеке, знаменем жизни которого была борьба за новое сознание. Вас художника, Вас духовного революционера я ценила очень высоко. Антропософа — боялась. Жизнь подвела меня к антропософии. Огромную роль сыграли Ваши книги, Ваш курс «Антропософия как путь самопознания»¹⁷, Ваши рассказы о Р. Штейнере, общение с Вами. Вы, Борис Николаевич, личный ученик Доктора, 4 года проведенный около него, и Вы же, Андрей Белый, которому я привыкла верить и считать величайшим художником и мыслителем нашего времени за 3 года до того, как я узнала о Штейнере, — <к> кому, как не к Вам, обратить мое максимальнейшее доверие в самом интимном, самом главном и вскоре ставшем единственным — смыслом жизни, мировоззрением — в антропософии? Так отношусь я, конечно, не одна. Мы, не знавшие лично Доктора, чем определяется в будущем наш труднейший путь, не потому вовсе, что нам нужен учитель и мы хотим быть «паствой», конечно, мы, услышавшие об антропософии от Вас, в основном тоже будем помнить *Ваши* антропософическое мировоззрение, Ваш голос в антропософии.

И из-за этого, и из-за личного отношения к Вам, дорогой Борис Николаевич, я думаю, Вы поймете, что мои несогласия с некоторыми пунктами Вашей рукописи — несогласия не личные, а принципиальные, что не высказать их не могу и что я вправе рассчитывать на Ваше понимание.

Антропософия — это свобода.

И еще оговорка. В Вашей книге есть две музыкальные интерпретации одной и той же темы. В первой — тема книги звучит как Ваша личная тема, тема Вашей жизни, Ваших отношений с людьми, с символистами, с Блоком, антропософским обществом и Р. Штейнером, тема непонятости Вас.

Во второй интерпретации тема звучит как тема индивидуальная, социальная, что одно и то же, тема, следовательно, и наша в равной мере.

Вот о первом звучании, Вашем личном, я говорить не могу. Путь Вашей жизни трагичен и все же завиден. Вы писали когда-то мне из Берлина, что Вы хотели бы взять меня за руку и показать пейзаж Вашего душевного настроения. Вы сделали это сейчас. Я Вам очень бла-

годарна за доверие, которое никогда не забуду и постараюсь оправдать. Это важнейшее между людьми. Я принимаю Ваше доверие и сочувствую Вам. Я не могу этого сказать словами и я знаю, что Вы не примете это как жест самонадеянный меня («каблук на плече»¹⁸), стоящей перед ворохом ничего еще не сделанного в жизни за общее дело, по отношению к Вам, сделавшему так много во имя этого дела. Я пользуюсь сейчас словами, сбрасывая все вульгарные напластования на них, я говорю это Вам как бы «голыми» словами, в их перво-родном смысле.

Интерпретация вторая — социальная, и я, член социального организма, должна попытаться сказать о ней все, что я слышу в ней и как она звучит во мне.

И вот пересматриваю все затронутое Вами — символизм, общество, А<нтропософское> О<бщество>, индивидуальную непонятость, и слушаю, как это детонирует во мне.

Символистично ли мое восприятие жизни? Закон отражения жизни духовной в жизни физической, зеркальности физической жизни — реальны для меня. Акт познавательный дается через то, что у Вас «ни то, ни другое, ни третье» — символ¹⁹. У меня это третье — не синтез, который я всегда тоже расценивала как рационализм, нечто, выступающее единственно реальным в хаосе событий нашей действительности. Сознательно и внимательно строить действительность в соответствии с этим «нечто», протирать зеркало жизни — я называю реализмом. Так, например, когда я работаю с природы, я стараюсь не видеть поверхности, внешних случайностей рельефа, а хочу строить вещи изнутри, из ощущения степени напряженности *внутренней* силы, дающей форму и жизнь человеческому телу. Строение внутренних органов, нервной системы, например, или сердца никакой роли, конечно, не играют. От целого к частному, изнутри к поверхности, от размеров до формы ногтя в далеком будущем — вот каким мне мыслится процесс работы в скульптуре. Акт познавательный степени напряженности внутренней силы модели имманентен с актом познавательным при восприятии мира. И в мировоззрении, и в скульптуре я такое познание мира называю реализмом. Мне кажется, что мой реализм соприкасается с Вашим символизмом, а м<ожет> б<ыть>, и растет из него. В символизме именно Вашем ничто не вызывает во мне неприятия. Но символизм Беклина, Врубеля, Штука мне профессионально чужд и враждебен. Я только потому говорю об этом, что, продумав свое отношение к символизму, почувствовала, что свою работу в искусстве я привыкла называть реализмом. Это — визитная карточка, а не несогласие.

В вопросе о тактике Вы относитесь презрительно к прямому проводу, ведущему к расшибанию лбов²⁰. Моему темпераменту свойственен именно «прямой провод» и потому, по инерции, очевидно,

приятен. Я понимаю, однако, что Ваша тактика, тактика всей Вашей жизни, когда символизм, Ваше конкретное мировоззрение, проходил контрабандой, *но проходил всюду*. Ваша попытка «зажить социально»²¹, найти общий язык со всеми, с кем в данный отрезок времени было Вам по пути, тактика большой внутренней скромности, за непонимание которой Вам водружали «каблук на плечо», — тактика самая реальная, самая конкретная и действенная. Мне надо учиться ей, потому что я немного «вынь да положь». Но Ваша книга «Почему я стал символистом» выпирает из тактики Вашей. Она против нее. Когда я прочла ее, я подумала: для того, чтобы образ мыслей Бориса Николаевича дошел неизвращенным для людей, которые не знали Б. Н., какие груды воспоминаний следовало бы написать каждому, кто близко знал Б. Н., кому Б. Н. сам рассказывал о событиях всей своей жизни. Что нужно сделать, чтобы предотвратить улюлюканье, свист и злорадство по отношению ко всем тем, о ком в данной вариации после правдивого и внимательного просмотра всего материала памяти Белый говорит так зло и так презрительно. А если близкие Б. Н. не смогут, не захотят написать воспоминаний?

Кроме нас читал рукопись здесь еще Р. В. и Дм. Мих.²² Что думает Р. В. — я не знаю, он нам не сказал. Но, сообщая о рукописи, — он сказал: «Рукопись называется “Почему я стал символистом” или, вернее, “почему я ушел из антропософского общества»». С этим «или» я не согласна. Между этими двумя заглавиями я *не ставлю* знака равенства. Я говорю об этом не в укор Р. В. (хотя ему-то и можно было поставить в укор), а потому лишь, что вот пример одного из пониманий книги, человеком одним из самых близких ее автору.

И вот — какие могут быть даны комментарии человеком сведущим, близким, умным? Будут ли они соответствовать правдивому изложению отношения Белого к его теме не в одной акцентировке непонятости? Этого вы хотели достичь, когда писали книгу?

Вот вопросы, которые стали у меня.

Чуткий, близкий человек, *не антропософ* — извратит.

Антропософские тетки обоих полов — обидятся и возмутятся или, как Вы правильно заметили, «зааякают» и «заподдакают» (обмещанят)²³.

Бывший соратник-символист — оскорбится.

И только, м<ожет> б<ыть>, горсточка очень малая людей, которые знают и любят Белого, верят Белому и имеют свою точку зрения — примут так, как книга писалась.

Вы сами Вашей книгой сейчас заговорили тактикой «прямого провода», против которой Вы ополчились на страницах той же книги. Не считаете ли Вы, что «прямой провод» иногда неизбежен и необходим, навязывается временем?

Из-за него же (прямого провода) Вы браните Блока. Я не согласна с тем, что Вы в данной вариации говорите о Блоке²⁴.

Разве все хорошее, все, что раскрыло многим глаза на Блока, не Блока сомнительной «Прекрасной дамы», а на настоящего, слышавшего и знавшего по-своему о духовном мире, Вы говорили только «для ради надгробного слова»?²⁵ Блок свернул, Блок не прошел пути, который мог пройти, но Блок никогда не изменял, никогда не возводил в принцип своего падения и очень точно и горько учитывал свои ошибки. И расплачивался честно за них.

Мне кажется, что то, что для Вас символизм и антропософия — для Блока было искусство. Блок только художник (я уважаю художника). Вспомните запись в «Дневнике» — никаких символизмов, я сам художник, сам могу постоять за себя²⁶.

В разрезе Ваших личных отношений с Блоком — другом и соратником — Вам было нелегко узнать, что Вам с ним не по пути, но социальная большая значимость Блока, его чуткий слух и точный голос, его право на самостоятельный путь — отнимать у него нельзя.

Блок философски неграмотен, Блок — не воин, Блок произвел выбор между «пророком» и «поэтом» в пользу последнего²⁷, и, может быть, именно сознание выбора ускорило гибель его; потому что смерть его — гибель. Он знал это, сам рассказал об этом, сам указал выход для других. Вспомните, перечтите статью «О современном состоянии русского символизма». Статья исправлена в 1921 году (7 том издания «Эпохи») ²⁸. Не верьте «Дневникам» Блока. Заметка о выпитой бутылке рислинга в них есть²⁹, а записей о самом главном в то время для Блока отсутствуют так!. Без фактов в руках я все же утверждаю, что «Дневники» изуродованы. В 1922—23 г. я видела списки дневников, тоже для печати, тоже прошедших домашнюю цензуру, но все же там был целый ряд вещей, целый ряд выражений, которые я помню наизусть, которые отсутствуют в этом издании. Нам не дожидаться полных дневников. Домашняя цензура и бездарность и бестактность Медведева, единственного, кому доверила Любовь Дмитриевна архивы Блока, изуродовали «Дневники», и дай Бог, чтобы они вообще сохранились³⁰. В 1-м томе «Дневников» Блок антропософию называет шарлатанством, а помню, я читала о том, как Блок говорит об антропософии как о единственном возможном в наше время внутреннем пути человечества³¹. Блок как будто не отрицает сплетен Метнера о Вашем сумасшествии, но тут же говорит, что все, что исходит от Белого, значительно, очень ценно, хлопочет о «Петербурге» и непрестанно во всех своих статьях ссылается на Вас³². И не из личного к Вам расположения, а от очень высокой оценки Вашего образа мысли и Вашей художественной значимости. Мне самой в 1920 г. Блок говорил, что не успевает следить за диапазоном Вашей мысли, что он перестал понимать Вас. Вы оба, сыгравшие и сыгравшие в будущем огромную неповторимую роль в развитии русской культуры, — совсем разные.

Вы — сумели соединить и взрастить в себе художника с мыслителем и глашатаем новой культуры.

Блок (по его определению) — человек, служащий искусству и потому несвободный, «художник, — прямая обязанность которого показывать, а не доказывать»³³.

Вот отчего м<ожет> б<ыть> непонятость Ваша друг другом, непонятость двух «я», которая в социальном разрезе вырастает в трагедию... Всему Вашему рассказу о «попытках зажить социально» откликаюсь горячо. Я сама делала много таких попыток. Я была значительно младше моих братьев и сестер и росла одиноко, очень остро чувствовала свое одиночество и очень тянулась к коллективам. Все коллективы лопались. У меня не всегда получался скандал, не потому, вероятно, что у меня было с самого начала сформированное антропософско-реалистическое мировоззрение; но у меня есть слух на то, что «не» — не-правдиво, не-серьезно, не-свободно.

К Вольфиле³⁴ я подошла очень напряженно. Вольфила мне казалась соломинкой возможности «жить социально» после недавнего разочарования в анархизме — социальной, политической и моральной системе. Я в Вольфиле была, пока в ней не было «не». А потом они появились. Да, Борис Николаевич, Вольная Философская Ассоциация стала несвободной. Это привело к тому, что из Вольфилы выгоняли людей вместо того, чтобы с ними не соглашаться на территории Вольфилы. Пумпянского (какой он ни есть) выгнали³⁵. В Вольфиле вместо вольного духа появились тенденции и очень расплывчатые, и поэтому Вольфила кончилась раньше, чем в 1923 г.³⁶ М<ожет> б<ыть>, это вина не Вольфилы, а времени. Но без Вольфилы не стало Вольфильцев, Вольфильцы докатились до попутчиков и оправдания софистов, до беспредметного ораторского искусства.

Вольфила дышала воздухом 1919—21 годов, а затем пыталась синтезировать и — лопнула пустоцветом, без семян. А вот курс антропософских лекций в ней же³⁷ дал ядро петербургскому антропософскому молодняку, пусть пока еще антропософски безграмотному, но принимающему на себя всю ответственность своего мировоззрения, своего «да».

И наше «да» — будущему антропософскому — обществу, общине, группе — не знаю, но социальной антропософской единице. Вот у нас — у меня, Сергея Дмитриевича³⁸, Елены Юльевны³⁹, кроме внешних дружеских связей, ничего не сложилось с группой петербургских антропософов⁴⁰. Нам не по пути. Но нам троим — по пути. И мы знаем еще 3—4-х здесь, в Петербурге, еще не «членов» О<бщества> (какими они, очевидно, никогда и не станут уже), которым с нами по пути. Есть несколько человек из молодежи и в Москве (правда, увы, мы все уж приближаемся к 30-ти годам). Ваша нота в антр<опософии>, Кл. Ник.⁴¹, Ал. Серг.⁴² — в аккорде с нами. Но мы отличны от

Вас: мы не знали Доктора. И за всякими советами, Vorstand'ами, антропософскими группировками — нам нужно одно — чтобы до нас донесли подлинные слова доктора Р. Штейнера, чтобы нам сохранили лекции его, книги его, воспоминания о нем. Мы хотим живой образ «я» Доктора. Дело знавших Доктора сохранить и передать наследство Р. Штейнера; суметь использовать материал общения с Доктором и осветить им свою жизнь. Антропософия может и не называться антропософией в будущем, но мы не хотим миновать ее. Сейчас мы антропософы. И наряду с вопросами интимной работы у нас есть страшный и важный вопрос на очереди. Мы не верим Советской Власти, мы тоже верим в Советы и не верим во власть⁴³. Мы не верим ни в Западно-Европейские республики, ни в монархию, нам отвратительно государство. Но мы хотим *жить социальной жизнью*, и нам нужно построить, хоть мысленно пока, социальный организм, который удовлетворял бы нас. Путь к нему указан Р. Штейнером. Мы хотим идти этим путем.

Начать прокладку его могут и должны антропософы.

Постоянное «нет» — государству, современному русскому обществу, вообще всему и всем, всей нашей ужасной жизни (потому что мы лишены возможности расти и работать в полной мере наших сил), постоянное «нет» утомляет и изматывает. И мы можем позволить себе роскошь иногда бывать в среде, где хоть в основном мы можем рассчитывать на «да». А ведь такая среда у нас м<ожет> б<ыть> только антропософская. Даже профессиональной мы лишены.

В антропософской среде ведь не все же чудовища с бычачьими мордами. Ведь люди, ведь отдельные люди, м<ожет> б<ыть>, маленькие люди, которым нужны зачем-то антропософия и Р. Штейнер? Ну да, мещане, некультурные люди, снобы — но ведь это уже быт, быт, который нужно нам преодолеть, который заводится всегда и всюду, где только слегка отпустишь напряженность. Пожелать смерти А<нтропософскому> О<бществу> — хорошо, а что потом? А<нтропософское> О<бщество> отвратительно, антропософы чудовишно некультурны, если не могут отличить большого художника от «вахтера» и ученика⁴⁴. Но разогнать все и всех, отвратить всех от антропософов, а что же будет, когда мы все умрем? Кто передаст *дело* антропософии идущим за нами? Вот мы, не знавшие Доктора, уже в зависимости от Вас, знавших его, — дадите ли нам, расскажете ли? А я знаю людей, идущих к антропософии и получающих ее уже от нас. Как быть с ними и со следующими?

Мы не знаем западного Общества. Спасибо Вам, что Вы нам рассказали о его темных сторонах. Мы никакого пиетета к нему не питаем. Мы никакого особенного пиетета не питаем и к русским группам, потому что мы тоже принимали участие в их конструкции. И ответственность за их недостатки падает и на нас. Ну да, мы не спра-

вились с Обществом, мы его утопили в быту, в мещанстве, уюте — все равно антопософскому делу быть. Пример тому — Россия, где нет Общества, и все-таки есть антопософы, и число их растет. Неожиданно, провинциально, смешно и коряво, но очень искренно.

Недостатки, неудачи — Бог с ними, их не миновать; давайте удивляться удачам и увеличивать число их.

Как быть с Обществом? Оно больно, но боюсь сказать — неизлечимо. В наших русских условиях у нас выработалась своеобразная форма общения, форма подпольная, когда вот и письмо нельзя послать почтой и ждешь «оказии», мы ушли в глубь времени. Но может случиться, что нас снова вынесет на гребне волны, нам надо держаться, быть наготове; нам надо *загадать* нашу будущую жизнь. Пусть мечтателями мы сочиним себе новый «город Солнца»⁴⁵. Мы можем опять наделать при этом ошибок, но жизнь исправит их. Но загадать все же нужно.

С Вашим беспощадным расчетом с А<нтропософским> О<бществом>, с уподоблением его гробу доктора Штейнера⁴⁶ — я не могу согласиться. Я знаю, что к А<нтропософскому> О<бществу> нужно предъявлять требования максимальной, но, разрушая его, нужно знать, как построить его заново. Метод тактики антропософского движения должен приближаться к Вашему методу продвижения символизма. Для этого нужно быть антопософом, перестроить себя самого. Пока нам нужно западное Общество как технический аппарат. Вы думаете, они топят антопософию некультурностью, работами вроде Колиско?⁴⁷ Антопософию они не утопят, а с Колисками нужно бороться.

Я знаю, что Вы больше нас знаете все положительные стороны антропософского движения. Ваша книга «Почему я стал символистом» сознательно построена только о темном. Вы считаете нужным ее приписать к положительным главам, Вами написанным раньше. Что думаете Вы о настоящем, нашем, русском, что Вы думаете о будущем антропософского движения, антропософского социального организма — вот книга, которая явится естественным продолжением «Почему я стал символистом».

Как научиться нам владеть крыльями, как расправить их и создать воздушную среду для них?

Я написала далеко не все, что хотела; письмо кончаю уже в Петербурге, по переезде, успев не раз замотаться вконец и опять отойти. Рукописи Вашей у меня нет. Остался целый ряд тем, над которыми еще хочется подумать. Тема непонятости меня волнует. И в приложении к Вам особенно: нужно быть очень слепыми и очень предвзятыми людьми, чтобы обвинять Вас в измене символизму.

Вы всю свою жизнь сумели поставить под знак символа. Вы умеете раскладывать карты своей жизни и читать их. Это Вы умели де-

лать до Вашего знакомства с антропософией. Вы — символист в антропософии и жизни, и я очень хотела бы себе самой так соединить свою жизнь со своим внутренним делом, так соподчинить их, как это сделали Вы.

Так получилось, что в письме моем — только о несогласиях с Вами. Не уместилось ничего о том, что вызывает согласие и сочувствие. А этого немало. Так, о Вашем пути художника сквозь все непонимание, сквозь ужасное умолчание окружающих — я думаю как о пути титаническом. Ваш рассказ об этом пути помогает мне быстрее смотреть в будущее, не только свое, но и многих вокруг.

Кончаю письмо, бессвязное и, может быть, слишком эмоциональное. Но книга Ваша тоже насквозь эмоциональна.

Не боюсь его послать Вам, так как знаю, что Вы примете его так, как я его писала. Я писала его искренно: недоговаривать сейчас и по поводу Вами затронутых тем мне кажется невозможным. Время жестокое, и хочется иметь ясные мысли, когда призовут к ответу. А это может быть всегда.

Искренно любящая Вас

С. Спасская.

7-го ноября 1929 года

Ленинград, Васильевский Остров.

Проспект Пролетарской Победы

(б. Большой), д. 50, кв. 6.

<А. М. АСЕЕВ>

ПОСВЯТИТЕЛЬНЫЕ ОРДЕНА:

МАСОНСТВО, МАРТИНИЗМ И РОЗЕНКРЕЙЦЕРСТВО

После захвата государственной власти большевиками Орденские Посвятительные организации — масонские, мартинистские и розенкрейцерские — продолжали свое существование и деятельности своей не прекратили. Не прекратили несмотря на то, что работать приходилось в резко враждебном окружении, под постоянной угрозой разгрома и репрессий, вплоть до «высшей меры наказания». Ведь большевики относились крайне отрицательно как к масонству всех направлений и юрисдикций, так и к другим родственным организациям, считая их идеологически чуждыми буржуазными эгрегорами. В этом отношении особенно показательно постановление 4-го Конгресса Коммунистического Интернационала, состоявшегося в Москве в 1922 году. На этом конгрессе была вынесена особая резолюция, запретившая коммунистам не только принадлежать к каким-либо масонским ложам под угрозой немедленного исключения из партии

со всеми вытекающими отсюда последствиями, но и занимать ответственные посты в партии в течение не менее двух лет после разрыва всякой связи с масонством, если таковая существовала**⁴⁸.

Кто именно из членов Советского правительства принадлежал в это время к масонским организациям, — сказать трудно. Конечно, нельзя доверять указаниям антимасонской литературы, которая всех крупных коммунистов сплошь считает «жидомасонами». Не подлежит, однако, сомнению, что в прошлом масонами были Анатолий Луначарский, нарком просвещения, и Карл Радек; принадлежали раньше к масонству и один из крупнейших русских поэтов Валерий Брюсов (член коммунистической партии с 1920 года), и знаменитый писатель Максим Горький (Алексей Пешков). Ходили слухи, что масоном был некогда и Лев Троцкий⁴⁹.

Естественно, что упомянутая выше резолюция 4-го Конгресса Коммунистического Интернационала не была беспредметной — среди «старой ленинской гвардии» могло находиться некоторое число членов масонских организаций, как и среди государственных деятелей императорского периода, начиная с Петра Великого. По преданию, существовавшему среди русских Вольных Каменщиков конца 18-го века, сам Великий Император был основателем масонства в России**⁵⁰. Были масоны и среди членов Временного Правительства, например, Некрасов и адмирал Вердеревский, последний (ныне покойный) был Великим Мастером русских масонских лож во Франции⁵¹.

После Октябрьского переворота, ввиду враждебного отношения партии и правительства к масонским и родственным идеалистическим организациям, даже частные собрания их членов сделались крайне затруднительными и опасными. Изошренные большевистские методы сыска рано или поздно должны были обнаружить эти организации и ликвидировать их. В ВЧК был даже выделен специальный следователь по «масонским делам», но особенной деятельности не проявлял.

Такой период относительного благополучия продолжался несколько лет, — Вольные Каменщики, и Мартинисты, и Розенкрейцеры работали без особых помех. Правда, аресты отдельных членов были, но они производились, так сказать, в частном порядке, по соображениям политическим, а не в связи с их принадлежностью к посвященным организациям. Хотя некоторые ложи и принуждены были закрыться вскоре после революции («Крест и Роза» в Царском Селе, «Аполлон» в Петрограде, «Св. Иоанн» в Москве⁵²), но зато другие даже увеличили свои кадры и активизировали свою деятель-

* Клуб русских масонов в Англии. — Заметки о масонстве. Лондон, 1928, стр. 41.

** Там же, стр. 32.

ность. Возникли и новые ложи. О некоторых из них органы политического розыска не могли не знать через своих агентов, но до поры до времени присматривались к их деятельности и, не видя явно выраженной «контр-революции», поджидали с принятием решительных мер. Так продолжалось до 1926 года, когда посвятителем организациям был нанесен первый сокрушительный удар.

Как в самом начале нашего столетия, так и после Октябрьской революции общепризнанным вождем русского Масонства, Мартинизма и Розенкрейцерства был Григорий Оттонович Мебес, известный в оккультных кругах под своим литературным псевдонимом — «ГОМ»⁵³. Швед по происхождению, он был человеком огромного духовного потенциала, исключительных всесторонних знаний и большой реализационной власти. По профессии видный педагог, он имел чин действительного статского советника и до революции преподавал французский язык в Пажеском Корпусе в С. Петербурге и математику в старших классах Николаевского Кадетского Корпуса. Кроме того, был приглашен в качестве преподавателя к детям Великого Князя Константина Константиновича. Первые годы после революции он продолжал заниматься педагогической деятельностью, а потом вышел в отставку и стал получать небольшую пенсию⁵⁴. Не будет преувеличением сказать, что ГОМ был наиболее импозантной фигурой русского посвячительного движения западного направления, а потому о нем необходимо дать более подробные сведения.

ГОМ — автор «Энциклопедии Оккультизма», — книги, которая считается классической и является настольным руководством для многих русских посвячительных организаций. Полный титул ее:

Курс Энциклопедии <Оккультизма>, читанный Г. О. М. в 1911—1912 академическом году в городе С. Петербурге. Составила ученица* № 40 F.F.R.C.R.

Эта книга впервые увидела свет в С. Петербурге в 1912 году, в двух томах in 4°, а затем, в 1937—1938 гг., была переиздана в Шанхае (Китай) «Русским Оккультным Центром» и включает в себе /4/+407 страниц немного уменьшенного формата⁵⁵.

На обложке «Энциклопедии» фигурируют два красных кружка и латинские буквы F.F.R.C.R., которые даже среди оккультистов вызывают различные толкования, и поэтому необходимо пояснить их значение.

Два красных кружка представляют собой обозначение «Валета Пантаклей», или «Валета Кругов» (бубновая масть Минорных арканов). Это шифр младшей младшей <так!> степени Ордена Креста и Розы (56 Минорных арканов являются основой Розенкрейцерского посвящения).

* В рукописи изображены два красных кружка. — *Примеч. публ.*

«Энциклопедия» составлена по лекциям ГОМ его ученицей Ольгой Евграфовной Нагорной, которая числилась в Розенкрейцерской цепи под № 40. F.F.R.C.R. суть инициалы латинских слов *Famula Fraternitatis Rosae Crucis Rossicae*, что в переводе на русский язык означает — слуга Российского братства Розы (и) Креста.

О. Е. Нагорная также сыграла крупную роль в русском посвятельном движении. Ныне покойная, она работала преимущественно в области астрологии, в которой ее блестящая интуиция сочеталась с большой эрудицией и четкостью мысли, а потому составленные ею гороскопы представляли значительный интерес. В 20-х годах она работала в тесном контакте с Борисом Викторовичем Кириченко-Астромовым*, неволью сыгравшим весьма печальную роль в истории русского Посвятительного движения⁵⁶.

Кроме «Энциклопедии Оккультизма» ГОМ является автором многих других трудов посвятельного характера. Нам известны курсы его лекций: «Падения и Реинтеграции в свете христианского Иллюминизма». СПб., 1913 (литографировано на правах рукописи), «Курс Церемониальной Магии. Пять посвятельных тетрадей Ордена Мартинистов» (литографированное на правах рукописи), «Дополнение к «Энциклопедии Оккультизма». Рукописный анализ первой главы Апокалипсиса. Большой рукописный курс Младших арканов Таро.

По-видимому, кроме перечисленных выше, ГОМ принадлежат еще некоторые труды, названия которых нам не удалось пока восстановить. Из всех трудов ГОМ только «Энциклопедия Оккультизма» была напечатана типографским способом, очень небольшим тиражом, т. к. не предназначалась для широкой публики. Другие курсы были изданы в литографированном виде или же ходили по рукам в рукописных списках. Все труды ГОМ за исключением, до известной степени, «Энциклопедии», служили для внутреннего употребления членов Посвятительных организаций и в открытую продажу никогда не поступали. К сожалению, большинство этих ценнейших материалов было варварски уничтожено агентами ГПУ при разгроме русских Посвятительных организаций и едва ли может быть полностью восстановлено.

Фотографии ГОМ, к сожалению, не сохранилось, но есть описание его внешности по воспоминаниям одного из его учеников, в данное время находящегося в эмиграции. Он пишет:

«Вся внешность Григория Оттоновича производила впечатление внутренней силы. Крупный, с широкими плечами, немного сутулый, резкие черты лица, с тяжелым горбатым носом и густыми бровями, нависшими над спокойными и всегда внимательными серыми глазами, густыми усами и клинообразной бородкой. Цвет волос рыжий,

* В тексте документа — Киреченко. Исправляем написание по публикациям В. С. Брачева. — *Примеч. публ.*

с проседью. Обычно был одет в черный сюртук, манеры имел спокойные и несколько старомодные, говорил изысканно вежливо, зачастую вставляя в речь шутку»⁵⁷.

Как мы уже сказали, ГОМ был человеком большой, утонченной культуры и одним из крупнейших современных нам оккультистов, он руководил всеми тремя орденами — и масонским, и мартинистским, и розенкрейцерским. Эти три главные ветви русского Посвятительного движения существовали в виде отдельных и самостоятельных организаций, которые, однако, работали в тесном контакте между собою и значительное число братьев входило в качестве членов во все эти три Ордена. Мартинистская и Розенкрейцерская ложи находились в квартире ГОМ на Песках⁵⁸ и были прекрасно обставлены.

После Октябрьского переворота целому ряду учеников ГОМ удалось выбраться за границу и продолжить работу своего учителя.

В числе ближайших сотрудников ГОМ по линии масонской работы был Б. В. Кириченко-Астромов. В прошлом — капитан лейб-гвардии Финляндского полка; после революции он работал в качестве адвоката («член коллегии защитников», по советской терминологии) в Ленинграде. По имеющимся у нас сведениям, свое первое масонское посвящение он получил в Италии, еще до Первой мировой войны⁵⁹.

Вскоре после Октябрьского переворота ГОМ сильно сократил масонскую сторону своей деятельности, считая масонство по своей конструкции организацией сложной и громоздкой, а потому опасной в условиях советской действительности. Астромов же центром своей деятельности почитал именно масонство как таковое, а потому вышел из юрисдикции ГОМ и начал самостоятельную работу совместно с О. Е. Нагорной, бывшей мастером стула женской масонской ложи, организованной уже после революции.

Несколько позднее в Ленинграде организовалась еще одна отдельная и самостоятельная Розенкрейцеровская ложа, возглавляемая А. Н. Семигановским-Диальти, С. Ларионовым и В. И. Киселевым⁶⁰. Эта ложа была проникнута сильным влиянием так называемой «живой Церкви», идеями которой увлекался Семигановский. В конечном итоге Семигановский был хиротонисан во епископы, Ларионов принял священство, а Киселев диаконство. Однако Киселев вскоре отошел от упомянутой группы и был принят Астромовым в возглавляемую им масонскую ложу «Tres Stellae Nordicae» («Три Северные Звезды»). Последняя была создана из членов прекратившей свое существование ложи «Stella Nordicae» («Северная Звезда»), состоявшей ранее в юрисдикции ГОМ.

Астромов работал чрезвычайно энергично и вскоре основал еще три ложи:

1) «Leo Ardens» («Пламенеющий Лев») в Москве, — мастером стула этой ложи сделался Сергей Владимирович Палисадов; он же возглавлял и московскую мартинистическую ложу

2) »Delphinus» («Дельфин») в Тифлисе⁶¹ и

3) ложу в Киеве, название которой нам не удалось пока восстановить.

Все четыре перечисленные ложы управлялись автономной Великой ложей «Astrea Ruthenica» («Русская Звезда») 33-х степенной системы Шотландского ритуала. Великим Мастером ее был Астромов, одновременно возглавлявший в качестве Мастера Стула Ленинградскую ложу «Tres Stellae Nordicae».

Великая Ложа «Astrea Ruthenica» помещалась на Михайловской площади, напротив Михайловского театра, во втором этаже старинного дома, в квартире О. Е. Нагорной и ее приемной дочери, которая была замужем за Астромовым. Ложа занимала большой зал, традиционно обставленный, с драпировками голубого цвета; окна выходили на Михайловскую площадь.

Ложа «Tres Stellae Nordicae» находилась в квартире Астромова неподалеку от Владимирской церкви. Как ложа она была законспирирована, помещаясь в обычно обставленном кабинете с двумя окнами, одно из которых было всегда задернуто плотной занавеской. В нише этого окна со стеклами, закрытыми деревянным щитом, затянутым материей, помещался алтарь со всеми необходимыми по ритуалу предметами и символами. Во время ритуальных собраний нужно было только отдернуть занавес, превращая таким путем кабинет в ложу.

Конечно, при советской власти ложа работала строго конспиративно, собирались обычно не больше 5 человек зараз, и потому случалось, что члены одной и той же ложы друг друга не знали.

В начале советской власти свобода еще не была окончательно подавлена, и потому в 1922 году Астромову удалось прочитать в Ленинграде публичную лекцию на тему «Идеология Франк-Масонства», собравшую большую аудиторию⁶².

В этом же году известная исследовательница и историк русского масонства Тира О. Соколовская поставила инсценировку посвящения в 30-ю степень масонства по ритуалу «Блистательного капитула Феникса»⁶³. Инсценировка эта была построена на исторических материалах времен Императора Александра I-го, в сохранившихся костюмах эпохи и подлинном ритуале посвящения в степень Кадош. Она состоялась в помещении «Общества Ревнителю Истории» на Васильевском острове, вход был по пригласительным билетам; в числе присутствующих было много видных Петроградских масонов.

Примерно к этому же времени относится создание в Ленинграде Вольной Философской Ассоциации («Вольфил»), возглавлявшейся известным писателем Андреем Белым, — антропософом и личным учеником д-ра Рудольфа Штейнера⁶⁴. В «Вольфиле» доминировали явно выраженные идеалистические философские и мистические тенденции. Этой организацией очень интересовался ГОМ; он встречался и подолгу беседовал с глазу на глаз с Андреем Белым. Постоянно

бывали в «Вольфиле» и некоторые Петроградские масоны, принимая активное участие в его работе.

Были ли в СССР другие масонские, мартинистские и розенкрейцерские организации вне ГОМ и Астромова, — мы не имеем точных сведений, так как необходимость строгой конспирации в работе, буде такие ордена и существовали, делала связь между ними в Советской России чрезвычайно опасной и трудно осуществимой.

Масонские и другие родственные организации в СССР сравнительно безболезненно просуществовали до 1926 года. В этом году Астромов самолично решил легализировать масонское движение и с этой целью, не посоветовавшись с ГОМ, подал соответствующее прошение на имя Сталина⁶⁵. Результат последовал немедленно, — все Посвятительные организации, не только масонские, но и другие, — были разгромлены и обнаруженные члены арестованы. В первую очередь пострадал сам Астромов. В Ленинграде во время следствия члены Посвятительных организаций были заключены в ДПЗ (Дом Предварительного Заключение) на Шпалерной. Арестованный в Москве Мастер Стулажи «Leo Ardens» С. В. Палисадов сидел в Бутырской тюрьме. Всего по приблизительному подсчету было арестовано около 30 человек⁶⁶.

Вскоре состоялся и «суд» — скорый и немилостивый. Следственный материал был рассмотрен в *закрытом* заседании так называемой особой тройки ОГПУ в Москве, каковая вынесла *заочный* приговор. Это обычный способ расправы советской власти с неугодными элементами в так называемом «административном порядке». В этом самом «порядке» не только ссылают, но и расстреливают.

Все задержанные были обвинены в «участии в контр-революционных организациях» (§ 58 «Уголовного кодекса») и отправлены в ссылку — на советскую каторгу.

В отношении так называемой «контр-революции» в связи с Посвятительными Орденами в Советской России следует сказать, что в указанных организациях велась исключительно духовно-просветительная работа, даже разговаривать о политике избегали, опасаясь провокации. И все-таки удивляться такой расправе не следует, ибо советская власть, как известно, отличается крайней нетерпимостью и под ярлыком «контр-революции» вообще уничтожает в корне все ей неугодное и чуждое идеологически. Потому в СССР официально узаконен несуразный термин «пассивная контр-революция»*.

* К этой категории причисляют всех тех, которые хотя в настоящее время и не занимаются враждебной советской власти деятельностью, но могут заняться ею впоследствии, а потому, так сказать, на всякий случай лучше отправить их в концлагерь или расстрелять, благо придаться всегда есть к чему (бывший офицер, социально чуждый элемент и т. п.). В результате такой «профилактики» арестовывается и масса невинных людей, которые никогда не занимались политикой, — их, пожалуй, не меньше 90 % всех репрессированных лиц.

Русские Посвятительные Ордена как таковые были эзотерическими центрами и стояли в стороне от политики, не запрещая, однако, своим членам заниматься ею в индивидуальном порядке. Конечно, спиритуалистическое мирозерцание всех членов посвященных организаций было диаметрально противоположно официальному бездушному материализму, но тем не менее, подобно всем прочим гражданам, они принимали активное участие в общественной жизни страны и зачислялись на государственную службу, так как не государственных служб в СССР вообще не существует. Зачислялись на службу как инженеры, врачи, юристы и т. п.

В газете «Ленинградская Правда» этому разгрому был посвящен целый подвал, в котором с фанфарами и барабанным боем было объявлено о раскрытии органами ОГПУ масонских контр-революционных организаций, а русские масоны именовались «недожатыми колосьями на революционной ниве»⁶⁷.

С организаторами расправились достаточно сурово: Г. О. Мебес, Б. В. Астромов, С. В. Палисадов, В. Ф. Гредингер*, барон Б. Дризен и А. Н. Петров были сосланы на три года в Соловки⁶⁸, после чего, незадолго до окончания срока ссылки, переведены на «Медвежью Гору», входившую в систему Соловецкого лагеря. Затем они получили дополнительно 3-х летний срок, так называемый «минус двенадцать», — и отправлены на вольное поселение: Г. О. Мебес в маленький городок Усть-Сысольск, Астромов, барон Дризен, Петров и Гредингер — на Урал, Палисадов — в Ташкент. Остальные арестованные масоны, мартинисты и розенкрейцеры были сосланы в Сибирь (Нарымский край), некоторые отправлены в Среднюю Азию. После трех лет ссылки они были освобождены, но получили дополнительно на три года так называемый «минус шесть»** и поселились в мелких провинциальных городках.

Никто из арестованных в 1926 году не был расстрелян, но в ссылке погибли:

1) Георгий Васильевич Александров, в прошлом кавалерийский офицер. Умер в Череповце от разрыва сердца в возрасте около 30 лет. Был членом ложи «Tres Stellae Nordicae» в Ленинграде.

2) Григорий Оттонович Мебес, скончался в Усть-Сысольске, примерно 76 лет от роду⁶⁹.

После смерти ГОМ русские масоны передавали из уст в уста, что на его могиле вырос куст акации (масонский символ жизни). Одни

* В прошлом — полковник русской Императорской Армии, военный юрист, член ложи «Tres Stellae Nordicae», как и большинство других арестованных в Ленинграде масонов.

** «Минус шесть» — запрещение жить в шести главных центрах Советского Союза, а также в их областях, во всех крупных индустриальных центрах, пограничных зонах (сюда же входит весь Крым и весь Кавказ). Таким образом, «минус шесть» оставляет весьма скромный выбор мест, возможных для жительства.

говорили, что его посадил один из учеников, другие — что кустик появился сам, без содействия рук человеческих, как некогда на могиле Хирама...

Возможно, что это только легенда, но, во всяком случае, в Усть-Сысольске, несмотря на очень суровый климат, акация растет — это особый вид, называемый чилигой (*Caragana arborescens* L.). Чилига встречается в Сибири и в диком состоянии. Таким образом, акация-чилига могла вырасти на могиле ГОМ даже самопроизвольно, как символ и живое свидетельство того, что никакими насильственными мерами, расстрелами и ссылками нельзя убить свободную человеческую мысль, как нельзя задушить бессмертную истину.

Передавая нам эту легенду, один из сотрудников ГОМ, побывавший вместе с ним в ссылке, пишет: «Пусть эта легенда об акации на безвестной могиле Учителя послужит непреложным свидетельством верности долгу и преданности своим идеалам до последнего вздоха. И Григорий Оттонович продолжает жить в нас, его учениках, и будет жить в учениках наших учеников».

Так в 1926 году были разгромлены Посвятительные организации в СССР. Однако тогда арестовали далеко не всех членов этих организаций, очень многие остались на свободе. Ведь это происходило во время НЭПа, когда еще царила относительная мягкость нравов (конечно, весьма относительная). В Москве, например, был арестован только Палисадов — других не тронули*.

Оставшиеся на свободе члены Посвятительных организаций не пали духом и продолжали работать, — конечно, они принуждены были еще тщательнее законспирировать свою деятельность и уйти в глубокое подполье. В Москве их возглавил теперь Петр Михайлович Кайзер, который был учеником и правой рукой Палисадова⁷⁰. По профессии лингвист, преподаватель Московского Института Восточных языков. Однако в конце концов они были обнаружены ОГПУ через своих секретных агентов, — в 1929—1930 гг. последовала вторая волна арестов. На этот раз репрессии были усилены, рядовые члены были осуждены в концлагеря на более продолжительные сроки, а П. М. Кайзер был расстрелян. Его расстреляли, ибо наступили времена значительно более суровые, а он, невзирая на первый удар 1926 года, продолжал и развивал посвянительную работу. Его расстреляли за «контр-революцию», но в действительности таковой он не занимался и вообще стоял в стороне от всякой политики**.

* Такой счастливый исход следствия по делу Московских Посвятительных организаций произошел благодаря чрезвычайной осторожности, осмотрительности и стойкости С. В. Палисадова, принявшего всю «вину» на себя. В Ленинграде же при обыске у Астромова был захвачен список с именами членов организаций.

** Знаменательная бытовая деталь: престарелые родители Кайзера, узнав о расстреле сына, покончили жизнь самоубийством. Отец Петра Михайловича был вра-

Кайзера арестовали по чьему-то доносу. На следствии он держался мужественно и никого из своих близких сотрудников не выдал, а потому никто из людей, непосредственно с ним работавших, не пострадал.

Почти одновременно с Кайзером в Ленинграде были расстреляны два масона: Александр Сергеевич Гирс, бывший полковник Пограничной стражи, и барон Георгий Алексеевич Клодт, б<ывший> подпоручик Лейб-Гвардии Павловского полка.

Первый разгром Посвятительных организаций в 1926 году, как уже было нами упомянуто, ограничился Ленинградом, — в Москве пострадал только Палисадов. Но вторичный разгром 1929—30 гг. был произведен по всему Советскому Союзу и совпал с уничтожением «Северо-Кавказских Соединенных Штатов».

Арестованные в 1929—30 гг. члены Посвятительных организаций были осуждены на более продолжительные сроки заключения, чем первые жертвы 1926 г. По отбытии своей ссылки многие получили не только «минус шесть», но и «минус двенадцать», имевший вдвое больше ограничений, чем «минус 6»*.

Арестованных, как и в 1926 году, зачислили в категорию «контрреволюционеров», потому что официально в Советской России существует так называемая свобода совести, — следовательно, за мистику или за религиозные убеждения преследовать нельзя. Так обстояло дело и с церковными арестами. На самом же деле никакой политикой они не занимались и принадлежали к организациям чисто эзотерическим, мистическим.

чом — он впрыснул какой-то яд сначала своей жене, а потом и себе самому, по взаимному уговору. Мать Петра Михайловича сидела в кресле, отец стоял на коленях у ее ног. Так застала их смерть. Около них на столе была поставлена икона Божией Матери с зажженной перед нею лампадой. Когда в комнату вошли, то они оба были уже мертвы, но лампада еще не успела догореть. Какая страшная судьба и какая трагически красивая смерть...

Конечно, самоубийство осуждается и Церковью и Оккультизмом, — и тем не менее нельзя не признать, что воистину небывалое величие Духа явили эти Люди с большой буквы, большое, прекрасное сердце билось в их груди.

* Ссылные, проживавшие в «минус 12» и «минус 6», были отнесены в места поселения к разряду «административных политических ссылных» и на этом основании получали ежемесячно от местных властей 6 рублей и 25 копеек на пропитание. Естественно, что несмотря на дешевизну жизни в глухих отдаленных местах на эти деньги жить было невозможно. Обычно ссылных поддерживали оставшиеся на свободе родные и друзья, присылая продуктовые и вещевые посылки и деньги. Кроме того, сами ссылные ловили рыбу, собирали грибы и ягоды, давали уроки местным детям и молодежи и т. п. Отношение к ним со стороны местного населения было обычно сочувственным; масоны вскоре становились как бы членами семей, часто приглашались на семейные торжества, и когда по окончании срока ссылки уезжали, — их провожали торжественно и со слезами.

Из арестованных в 1929—30 гг. в ссылке (в Соловках) погибла Марианна Пургольдт, 27 лет от роду, — одаренная, многообещавшая оккультистка, член Ордена Мартинистов.

В состав советских Посвятительных организаций входили преимущественно бывшие офицеры, целый ряд профессоров, художники, писатели, артисты, представители старой интеллигенции, много интеллигентской молодежи, т. е. детей из старых интеллигентских семей. Были и иные. Так, например, в Москве в ложе у Палисадова состоял Бутовт, по профессии наборщик, — он впервые заинтересовался Сокровенным Знанием, набирая книги по Оккультизму.

После разгрома 1929—30 гг. посвятительная работа не прекратилась. Уцелевшие продолжали ее в индивидуальном порядке и небольшими ячейками по 2—3 человека, обычно между собою не связанными. Работа в большем масштабе сделалась невозможной, будучи равносильной верной гибели.

Мы не имеем права открыть, кто возглавил Ленинградских масонов, мартинистов и розенкрейцеров после разгрома 1929—30 гг., т. к. этому лицу удалось ускользнуть от следствия; возможно, что оно здравствует и по сей день — и продолжает свою работу на Общее Благо.

Насколько нам известно, еще никто не написал истории русских Посвятительных Орденов (масонских, мартинистских и розенкрейцеров) в советский период их существования. А между тем трагические и в то же время непоправимо прекрасные страницы их истории, окрашенные пролитой кровью, насыщенные муками, страданиями и жертвенным подвигом многих участников, — необходимо спасти от забвения. Ибо деятели его безусловно заслуживают общественной памяти и благодарности. Вечная память погибшим и слава живущим!

А. М. АСЕЕВ

ОККУЛЬТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

«В Новую Россию Моя первая весть!» — восклицает Учитель⁷¹. В Советской России оккультизм находится под запретом, но близко время, когда широко откроются границы нашей Родины, мощным потоком хлынет туда Сокровенное Знание и ученики Владыки «понесут слово Его простое о том, что принадлежит Великому Народу»⁷².

Мы, русские зарубежные оккультисты, работаем для будущего, живем для России. Поэтому мы должны знать, в каком положении находятся там ищущие, братья наши в духе и Истине, кому предназначена первая весть Верховного Патрона русского оккультизма.

Наши сведения об оккультизме в Советской России крайне скудны и отрывочны, но все-таки общая картина уже начинает выясняться; теперь мы можем отметить два основных этапа, через которые прошло там оккультное движение; резкой границей между ними лежит 1929 год.

Знаем, — ни октябрьский переворот, ни страшные годы военного коммунизма не убили русское оккультное движение. Первое двенадцатилетие после Революции в России существовало довольно много мистических и оккультных кружков; официально кружки эти, конечно, не были зарегистрированы, но активно работали и фактически не преследовались, хотя прекрасно осведомленное Г. П. У. не могло не знать об их существовании. Из старых оккультных организаций довольно активно работали теософы, хотя после революции они лишились большинства опытных своих руководителей, — ведь Совет Российского Теософического Общества почти целиком ушел в эмиграцию; теософы регулярно устраивали собрания, на которые приглашали и гостей, имели солидные библиотеки книг по Тайноведению, безбоязненно переписывались между собою (в Советской России переписка, конечно, перлюстрируется). Собирались почти открыто и антропософы. Работали также розенкрейцеры и некоторые масонские организации, хотя и были гораздо более законспирированы; возникли и новые оккультные содружества, преимущественно орденового типа, вроде «Братства Светлого Города», подробные сведения о котором опубликованы в русской зарубежной периодической печати М. М. Артемьевым.

Так продолжалось двенадцать лет. Правда, и в течение этого периода большевики уничтожали отдельные кружки и беспощадно расправлялись с их членами, но подобные случаи не были общим правилом, а только сравнительно редким исключением. Так поступали большевики с теми кружками, членов которых считали своими «классовыми врагами» и видели в их деятельности политическую окраску, — как известно, в Советской России разрешена только одна политическая партия — коммунистическая, все остальные считаются враждебными существующему строю и уничтожаются. Во всяком случае, до 1929 года массовых преследований не было.

Но вот наступил 1929 год. В этом году, совпавшем с началом пятилетки, начались преследования интеллигенции, и отношение большевиков к оккультно-мистическим содружествам резко изменилось. Все обнаруженные организации были закрыты, библиотеки и архивы конфискованы, члены подверглись суровым преследованиям, многие были даже сосланы в Соловки. В этом году временно прекратило свою деятельность «Братство Светлого Города», были разгромлены и «Северо-Кавказские Соединенные Штаты». <...> Несколько раньше было разгромлено и русское Братство Креста и Розы, причем многие братья были сосланы в Соловки, в том числе и духовный вождь Братства — Григорий Оттонович Мебес*.

* Тернист русский путь Братъев Креста и Розы. Невольно приходят на память слова из дневника одного неизвестного немца-розенкрейцера, сотрудника Новиковского кружка: «В Апокалипсисе есть место: я хочу прийти к тебе, но дух стра-

Итак, в 1929 году духовному движению в Советской России был нанесен сокрушительный удар. Многие организации совершенно прекратили свое существование, другие ушли в подполье и строго за-конспирировали свою деятельность. В 1929 году Сокровенное Знание ушло в глубину, с этого года члены оккультных организаций прекратили всякую внешнюю оккультную работу. Для рядовых обывателей Оккультизма в Советской России больше не существует; поверхностные наблюдатели могут видеть разве только наиболее грубые аспекты Великой Науки, граничащие с профанацией последней, — спиритизм и гипнотизм, которые очень распространены в больших городах Советской России; так, по сообщению «Вечерней Москвы», «в Москве наблюдается сильное увлечение спиритизмом и, несмотря на запрет, в одном из рабочих клубов производятся публичные сеансы массового гипноза»*.

*
* *
*

Издаются ли в Советской России книги по Сокровенному Знанию, существуют ли там оккультные библиотеки? Да, оккультные книги издаются, но... исключительно в рукописном виде, оккультные библиотеки существуют, но только подпольные, тайные. Остановимся на этом вопросе подробнее, насколько это позволяют нам ограниченные размеры журнальной статьи.

Первые четыре года после захвата власти большевиками печатание книг оккультного и мистического содержания *de jure* запрещено не было, но фактически издание их оказалось невозможным. Как мы знаем из статьи В. Ходасевича⁷³, большевики ввели прямую цензуру только в конце 1921 года, но сделали невозможным выход неудобных им книг другим путем. — Национализировав типографии и взяв на учет бумажные запасы, советское правительство присвоило себе

ны противодействует мне. Так теперь противодействует дьявол всем розенкрейцерам в России, чтобы в царстве тьмы удержать тьму». Дневник этот, написанный на немецком языке около 150 лет тому назад, найден был академиком Пекарским в бумагах И. П. Елагина, — первого *русского* «провинциального мастера всея России» (См.: «Дополнение к истории масонства в России XVIII столетия» академика П. Пекарского. СПб., 1869).

Правда, ни екатерининский разгром, ни указ императора Александра I о закрытии всех масонских лож не могли уничтожить розенкрейцеровства в России. Братство ушло в подполье и твердо продолжало свою работу вплоть до нашего времени. Но теперь большевики нанесли ему сокрушительный удар, от которого оно едва ли оправится. Конечно, такой мощный оккультный эгрегор не может исчезнуть бесследно; без сомнения, он лишь временно прекратит свое существование на физическом плане и после самоочищения и обновления породит новое оккультное содружество.

* Заметка эта воспроизведена «Возрождением», от 4-I-1931.

право распоряжаться всеми типографскими средствами. Для издания книги, журнала, газеты требовалось получить особый наряд на типографию и бумагу. Без наряда ни одна типография не могла приступить к набору, ни одна фабрика, ни один склад не могли выдать бумаги. И вот, прикрываясь бумажным и топливным голодом, большевики прекратили выдачу нарядов неудобным изданиям, мотивируя их закрытие не цензурными, а экономическими причинами. Таким образом, все антибольшевицкие газеты, а затем и журналы, а затем и просто частные издательства были постепенно уничтожены.

Если в течение первых четырех лет после октябрьского переворота и было издано несколько оккультных книг, то это могло произойти лишь нелегально, в качестве так называемых «безнарядных книг». По свидетельству В. Ходасевича, при известных связях можно было иногда добывать бумагу без всякого наряда и без наряда же печатать книги в типографиях. Такие книги появлялись на рынке, но на них имелись самые фантастические обозначения места издания: Амстердам, Антверпен, Филадельфия и т. п. Типография, разумеется, не была обозначена никогда.

И так, в конце 1921 года в Советской России была введена цензура, а в 1922 году был издан декрет, запрещающий печатание мистической литературы. Декрет этот до сих пор не отменен и со времени его опубликования до наших дней в Советской России открыто не издано ни одной книги по Сокровенному Знанию, кроме идеологически совершенно безобидных книжек по экспериментальной психологии, вроде «Самовнушения» Эмиля Куэ, брошюры Крафта Эбинга о гипнотизме и т. п. Но все-таки оккультные издания в Советской России существуют, правда, в весьма своеобразной и оригинальной форме.

- Они существуют в форме *подпольной рукописной* литературы, интересные сведения о которой мы находим в статье М. М. Артемьева, напечатанной в «Возрождении» от 15 и 16 февраля 1931 года. К сожалению, автор не останавливается специально на оккультной литературе, и о ней мы можем судить только по аналогии. <...>⁷⁴

*
* * *

«Благословенны препятствия, ими растем. — говорит Учитель. — Если гора будет совершенно гладкой, то не взойдете на вершину. Благословенны камни, разрывающие обувь нашу при восхождении!» (Агни Йога)⁷⁵.

Гонения и преследования, которым подвергаются религиозные и оккультные общества, в конечном итоге лишь способствуют усилению возносимых ими идей. Противодействие античного мира созда-

ло всемирное торжество христианства. Разгром Ордена Храмовников заставил уцелевших рыцарей уйти в подполье, а эгрегор его побудил к самоочищению и совершенствованию, и вот через 70—80 лет астроросом Темплиерской цепи породил первичное Розенкрейцерство, — наиболее чистое и мощное воплощение западной традиции. Примеры подобного рода многочисленны и общеизвестны. Все они доказывают наличие неумолимого оккультного закона, который повелительно требует, чтобы основание Общества было окроплено жертвенной кровью его сочленов, — только тогда оно будет жизненно, стойко и сильно. Образование подобных эгрегоров и происходит сейчас в Советской России.

Знаем, что до революции в области Сокров<енного> Знания у нас было создано мало ценного. Правда, Оккультизм, теософия, масонство были в моде и привлекали даже высших сановников Государства*. Скучающее в благоденствии русское общество жадно стремилось ко всему таинственному и чудесному. Количественно оккультное учение росло с каждым годом, но качественно оно оставляло желать много лучшего. Главный контингент ищущих составляли «книжные оккультисты», изучающие Тайноведение только как интересную область Знания, случайные любопытные, мянущие, что оккультные занятия делают их выше толпы, любители разговоров на оккультные темы, истерички, стремящиеся к таинственному ради приятного шекотания нервов. Но ищущие, для которых Сокровенное Знание было ценнее и дороже всех сокровищ мира, которые ради своих убеждений готовы были в любую минуту идти на подвиг, на жертву, — таких ищущих почти не было.

Теперь обстановка изменилась. Участие в оккультных кружках и пропаганда идей Сокровенного Знания грозит в Сов. России не только потерей службы и лишением пайка, а иногда и значительно хуже, — ссылкой в Соловки, даже расстрелом. Происходит суровый отбор. Нужно несломимое мужество, преданность и твердость, чтобы исповедовать Учение Света и проводить его в жизнь. Поэтому на Сокровенную стезю вступают теперь только стойкие, сильные, верные люди.

Важно не количество, а качество. Высшие духовные ценности творит не толпа, а избранное меньшинство. И теперь в Советской России эти избранные создали в окружающей атмосфере подавленности, злобы, ненависти и разложения осиянные белые ячейки, численно незначительные, но мощные и чистые, которые создают высшие духовные ценности и в подготовке грядущей славы нашей Родины играют большую и светлую роль.

Рготина. Август 1934.

* Как известно, в Царском Селе работала масонская ложа «Крест и Звезда» (Маргинистского Устава), к которой принадлежал император Николай II и его приближенные; оккультисты были почетными гостями при дворе и радушно принимались в Царской Семье — вспомним хотя бы Папюса и Мэтра Филиппа.

ИЗ МАСОНСКИХ РЕЧЕЙ ОБ ОККУЛЬТНЫХ ПРОБЛЕМАХ

Деятельность русских масонов по освещению истории самого этого движения и его контактов с другими квазирелигиозными организациями не только практически не изучена, но и сами документы опубликованы лишь в незначительной степени. Мы предлагаем вниманию читателей доклад видного масона, в прошлом заметного предпринимателя, а в годы эмиграции известного своей книгой «Москва купеческая» П. А. Бурышкина. Текст доклада хранится в бумагах С. К. Маковского, видного масона, в тридцатые годы принадлежавшего к парижской ложе «Юпитер»¹. Мы не знаем, каково было его положение в масонской иерархии пятидесятых и начала шестидесятых годов, однако сохранившиеся в бумагах черновики отчетов о трудах ложи² заставляют предположить, что он был мастером ложи. Среди многочисленных и разнообразных материалов, сохранившихся в его архиве, находится и привлечший наше внимание доклад, представленный машинописью с пропусками в некоторых местах иностранного текста (эти места обозначаются нами отточиями в угловых скобках) и без имени автора, которое, однако, устанавливается с полной несомненностью на основании сведений, сообщаемых докладчиком о себе.

Павел Афанасьевич Бурышкин (1887—1953) был не только историком московского купечества³, коллекционером⁴, но и историком русского масонства. А. И. Серков пишет: «По окончании войны работу по разбору масонских рукописей и книг, найденных в числе «невывезенных трофеев» или спрятанных в Марселе, возглавлял Петр <так!> Афанасьевич Бурышкин <...> Он не только прекрасно справился с возложенной на него задачей <...> но и начал большую работу по составлению истории русского масонства XX в.»⁵. Но данный его доклад выходит за пределы собственно исторических трудов, касаясь проблем более широкого плана. В связи с общей направленностью нашей книги оставляем непрокомментированными теологичес-

кие и историко-философские разыскания автора, а также его пассажи об истории внутрицерковной полемики о софианстве (материалы для такого комментария названы непосредственно в тексте доклада — прежде всего «История русской философии» прот. В. В. Зеньковского, где специальная глава во втором томе посвящена метафизике всеединства у Флоренского и С. Булгакова).

Доклад Бурышкина был сделан, по всей видимости, в 1952 г., поскольку в нем имеются ссылки на работу Зеньковского, вышедшую впервые в 1950 г., и на воспоминания Ф. Степуна, появившиеся в 1951 г. Источник публикации — РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 659. Л. 1—32. На л. 31—32, судя по всему, представлены дополнительные вставки, которые или были произнесены по ходу доклада, или предназначались для предполагавшейся его публикации. Однако в основном тексте не обозначены места, куда эти вставки должны были быть инкорпорированы.

П. А. Бурышкин

«РОЗЕНКРЕЙЦЕРОВСКИЕ ИСТОКИ СОФИАНСТВА»

Заглавие моего доклада «Розенкрейцеровские истоки Софианства» взято мною в кавычки. Это не мое утверждение или имеющий быть сделанным вывод, а характерное для противников Евлогианской церкви основное против нее обвинение. И Карловчане, и Московская Патриархия ставят ей в вину прежде всего ее масонский характер, что выявляется с особой четкостью, по их мнению, в приверженности к экуменическому движению и в софианской доктрине. А то и другое теснейшим якобы образом связано с Орденом Вольных Каменщиков. Думается, что нам небезынтересно посмотреть, как это обстоит на самом деле.

*

* *

Преп. Серафим Саровский говорил, что учить или проповедовать — это все равно что камешки с колокольни бросать. Трудно только эти камешки собрать и втащить на колокольню.

Собрать камешки, составляющие мозаику моего сообщения, было и для меня совсем не просто.

*

* *

В начале текущего столетия в России произошел — говоря словами Бердяева — настоящий культурный ренессанс⁶. Был пережит огром-

ный творческий подъем, веяние духа охватило русские души. Россия пережила расцвет поэзии и философии, пережила напряженные религиозные искания, мистические и оккультные настроения. Произошел знаменательный факт: изменилось сознание интеллигенции. Традиционное кредо левой части русского общества пошатнулось. От марксизма стали уходить к идеализму. Как говорит тот же Бердяев — Владимир Соловьев победил Чернышевского. Религиозные темы, которые долгое время были под запретом у интеллигенции, выдвинулись на первый план. Возникают религиозно-философские объединения, устраиваются собрания, где происходят встречи верхнего культурного слоя русской интеллигенции с представителями православного духовенства.

Возникает русская религиозная философия. Одно из наиболее примечательных выявлений культурного ренессанса в России — русская религиозная философия — вместе с тем является своего рода синтезом исканий и верований предшествующей эпохи. В ней слышатся слова и славянофилов и Достоевского, откровения и Н. Ф. Федорова и Влад. Соловьева. Ей близка дорогая русскому сердцу идея о мессианизме русского народа. Она продолжала верить в возможность пришествия новой эпохи в христианстве — эпохи Духа, которая и будет творческой эпохой. Для русской религиозно-философской мысли христианство есть прежде всего религия Духа.

Для русской философии характерна большая свобода мысли, несвязанность школьными традициями, философское обоснование исповедования веры, и в этом ее отличие от Запада, где существовало резкое разделение между богословием и философией и где религиозная философия была явлением редким.

Одной из основных устремленностей русской религиозной философии было отыскание истинного православия. Его пытались найти и в Святом Серафиме Саровском, любимом святом той эпохи культурного ренессанса, и в старчестве Оптиной пустыни. Обращались к греческой патристике и к учению гностиков. Основная идея русской религиозной философии — это идея Богочеловечества. Богочеловечество есть обожение твари. Богочеловечество осуществляется через Духа Святого. Русскую религиозную мысль интересовали космологические темы о Божественном и тварном мире, так как нет абсолютного различия между Творцом и творением. И в поисках раскрытия сущности связи между Божественным и тварным миром и сложилось характерное для русской религиозной философской мысли учение о Софии Премудрости Божией.

Софиологическая доктрина является одной из примечательных особенностей современной русской религиозно-философской мысли. И западному богословию и западному любу мудрию эта тема является далекой и чуждой. На новые откровения православного софианства католическая церковь ответила новым догматом о святой Деве Марии.

Между тем и русское, т. е. православное церковное софиологическое учение исходит из западных источников. Первые попытки раскрыть и обосновать учение о Софии Премудрости Божией сложились на Западе и оттуда они были принесены на русскую землю, где они дали не только мощные ростки, но и распустились пышным цветом. Религиозно-философская мистика всегда была ближе к русской душе и всей восточной церкви.

Для отыскания первых источников Софианства нужно идти далеко назад вглубь времен. Можно искать их и в Каббале, и в творениях Отцов Церкви, и среди гностиков. Но такая экзегеза лежит вне моего сегодняшнего сообщения. Дело в том, что в русской софиологической доктрине есть одна основная мысль, которая, как мы увидим ниже, является центральным пунктом всего учения. Это — понятие о Софии как о звене, связующем небесный и тварный мир, связи между Творцом и творением. И при сем София везде рассматривается как женственность, женское начало. Поэтому учение Каббалы (Зоар), где мудрость является вторым сефиротом Хохма, каковой есть начало мужское, не является отправной точкой софиологии. А третий сефирот Бина — женское начало — есть практический разум, *intelligence*.

Нельзя искать истоков софианства, хотя это настойчиво будет делать о. Павел Флоренский, — и в писаниях Отцов Церкви. Будут ссылаться на труды Св. Афанасия Великого, но его главной темой будет противопоставление понятия Божественной Премудрости как атрибута первой ипостаси Св. Троицы учению о Логосе. Правда, это противопоставление Софии и Логоса ляжет в основу софианства.

Ближе, конечно, учение гностиков. В системе и Базилида, и, главным образом, Валентина много места уделено эону Мудрости Ахамот. Есть уже противоположение Софии Небесной и Софии Земной <...> есть представление о Софии как о матери семи небес и о светоносной матери <...> но нет того, что в дальнейшем оставит основную сущность этой доктрины.

Основоположником софиологической доктрины в том понимании, которое свойственно русской религиозной философии, является Яков Беме — тевтонической философ. Беме принадлежит самое замечательное и, в сущности, первое в истории христианской мысли учение о Софии. Ему дана была тут совершенно оригинальная интуиция, и его софиология не может быть объяснена какими-либо позаимствованиями. Бемевское понимание Софии — преимущественно антропологическое, и София связана для него с чистым, девственным, целомудренным и благостным образом человека. София и есть чистота и девственность, образ и подобие Божий <так!> в человеке. Учение о Софии неотрывно у Беме от учения об андрогине, т. е. первичной целостности человека. Софиинность и есть, в сущности, андрогинность. Грехопадение и есть утрата Софии, а человеку

присуща София, т. е. Дева, которая после грехопадения улетела на небо. На земле возникла женственность — Ева. Она — дитя этого мира и создана для этого мира. Человек по своей вине утратил Деву и потерял андрогинность, которая есть образ и подобие Божие в человеке.

Учение Беме оказало большое влияние на религиозную философию и на романтическую философскую мистику. Весьма характерным является то, что ближе всего восприняли бемевское учение те мыслители, которые нашли особый отклик в России: Портэдж, Л. К. Сен Мартен и Баадер. Портэдж написал книгу, которая называется «София». И для него София Премудрость есть вечная Дева. Портэдж говорит, что София исцеляет раны, утоляет жажду находящихся во тьме. В глубокой бездне пробуждается мудрый дух. Та же мудрость действует внутри человека и является в нем обновляющей его силой. София есть всепроникающая Божественная энергия, и действие ее походит на действие Святого Духа. Для Портэджа София не сотворена — она внедрена в Св. Троицу. Премудрость, в сущности, есть чистая Божественность и едина со Св. Троицей. Благодаря Софии — новое небо и новая земля, но не вовне, а внутри человека.

Л. К. Сен Мартен испытал также несомненное влияние Беме, но по отношению к нему дело обстоит несколько сложнее. Бемовское учение о Софии переплетается у него с учением германского мистика 17-го века Гихтеля, где речь идет <...> с Софией, воплощающей премудрость на земле. Можно отметить, что этот трактат Гихтеля «Theosophia practica» вошел в число классиков французского Розенкрейцства.

Учение Баадера о Софии весьма близко, если не сказать более, к учению Беме. Благодаря грехопадению человека София потеряла свою телесную форму. Падение человека совершилось благодаря тому, что душа его отказалась проникнуть в «идею», которую Бог даровал ему в подруги, и, соединяясь с нею, стать единым творением. Идея Софии отделилась от человека и ушла в покойное небытие.

Учение Баадера надо рассматривать как ту посредствующую ступень, которая связывает Беме с Влад. Соловьевым.

Учение Влад. Соловьева о Софии связано с платоновским учением об идеях. София есть выраженная, осуществленная идея, говорит Соловьев. София есть тело Божие, материя Божества, проникнутая началом божественного единства. Учение о Софии утверждает начало божественной премудрости в тварном мире, в космосе и человечестве, оно не допускает абсолютного разрыва между Творцом и творением. София Премудрость Божия есть единая субстанция, всеединство, единство абсолютное.

Внутреннее проявление вечной субстанции по отношению к хаосу — тройка. Она, во-первых, актом всемогущества подавляет принципы, ей противоположные; во-вторых, идеей или основанием она

исключает хаос из истинного бытия, показав ложность хаоса; в-третьих, актом милости и благодати проникает в хаос и свободно возвращает его к единству. Итак, София или Мудрость Божия постоянно взывает к бытию бесчисленное множество возможностей из недр внебожественного существования и вновь поглощает их во всемогуществе истины и благодати Божьей.

Для придания Софии православного характера Соловьев указывает на иконы Св. Софии Премудрости Божией в Новгороде и в киевском Софийском соборе.

Но самым характерным для Соловьевского учения о Св. Софии является понимание ее как вечной женственности, внесение женственного начала в Божество. Это связано с наиболее интимными переживаниями самого Влад. Соловьева, выраженными главным образом в его стихах. Услышав внутренний призыв, он совершает таинственное путешествие в Египет на свидание с Софией, с Вечной Женственностью. Он описывает это в стихотворении «Три свидания»:

Не веруя обманчивому миру,
Под грубою корою вещества
Я осязал нетленную порфиру
И узнавал сиянье Божества...

Все видел я, и все одно лишь было,
Один лишь образ женской красоты.
Безмерное в его размер входило.
Передо мной, во мне одна лишь ты.

Еще невольник суетному миру,
Под грубою корою вещества
Так я прозрел нетленную порфиру
И ошутил сиянье Божества.

Видение Софии есть видение красоты Божественного Космоса, преображенного мира. Если София есть Афродита, то Афродита Небесная, а не мирская.

Соловьевское учение о Софии — вечной женственности, и стихи, посвященные ей, имели огромное влияние на поэтов-символистов начала XX века, и прежде всего на Александра Блока и Андрея Белого, которые верили в Софию и мало верили в Христа, — и это было огромным отличием их от Вл. Соловьева — и ждали третьего Завета, не признавая первого и второго. Но сама по себе тема Софии <...> их влекла, и если в их стихах она не отразилась, если можно так сказать, ортодоксально — цикл Блоковских стихов о «Прекрасной Даме» служит тому примером — то в переписке Блока и Белого она занимает весьма заметное место. И характерно то, что воззрения Блока окажутся весьма близкими тому, что будет впоследствии утверждать о. Сергей Булгаков. Так, в одном из писем Белому Блок писал,

что София в мистическом восприятии является душою мира, но она может раскрыться и как душа человечества, и мистические ее откровения будут гласом народным, и она выявится как душа народа, что Блок видел и по отношению России <так!>. А это связывает учение о Софии с идеей русского мессианизма.

В русском богословии софиологическая доктрина была впервые поставлена как отдельная конкретная тема о. Павлом Флоренским в его весьма известной, а в свое время весьма на шумевшей книге «Столп и утверждение истины». Его мало знают, и о нем нужно сказать несколько слов. Он окончил физико-математический факультет Московского университета и подавал большие надежды как математик. Но он был человеком весьма разносторонним: физик и филолог, богослов и философ, оккультист и поэт. Он вышел из философско-политического кружка Свенцицкого и Эрна. Пережив внутренний духовный кризис, пошел в Духовную Академию. Принял священство, чтобы ближе подойти к православию, приобщиться тайне. Его книга — диссертация <...> академией, где он стал профессором.

Для Флоренского в его философских построениях характерно чувство мистического единства природы, он мечтает понять единство всей твари и Бога. Он полагает, что есть корень целокупной твари — София, первоизданное естество твари, предшествующее миру. Но, в отличие от церковной традиции, о. Павел считает Софию премирным ипостасным собранием божественного первообраза. Тварная София — мистическая основа Космоса — есть ангел-хранитель твари, идеальная Личность мира; четвертый ипостасный элемент, входящий в полноту бытия Троичных недр по благословению Божию.

Приводя ряд текстов из Св. Афанасия Великого о различии Логоса — Божьей Премудрости, в нас существующей, о. Флоренский, также не сливая тварную Премудрость с Логосом, сближает понятие Софии с понятием Церкви и еще дальше с Божией Матерью как носительницей Софии или явлением Софии. И участвуя в жизни Триипостасного Божества, София входит в Троичные недра, а с Софией входит в сферу Абсолюта и сам космос, очищенный во Христе. Так смыкается Космос и Абсолют во всеединство, осмысливается духовное переживание полноты бытия. Такова в кратких словах основа софиологической доктрины о. Флоренского. Но он положил лишь первые начала, а оформление будет принадлежать о. Сергию Булгакову.

Излагать учение о. Сергия Булгакова и, в частности, его софиологическую доктрину, чрезвычайно трудно. С этим, по-видимому, согласны все, кто пытался это сделать, — и Бердяев, и Зеньковский, и даже его ближайший ученик и истолкователь Зандер. Происходит это потому, что книги его насыщены богатым содержанием и темы его творчества были разнообразны, глубоки и существенны. В частности, учение о Софии составляет содержание ряда его писаний, но оно пережило глубокую эволюцию. Софиологическая доктрина имеет два

варианта, весьма между собой различные: первый, изложенный еще в ранних писаниях — «Философия Хозяйства» и «Свет Невечерний», а второй — в трудах, начиная от «Агнец Божий», «Невеста Агнца», «Неопалимая Купина» и др. Поэтому имеются и противоречия, и много недоговоренности; учение о Софии до конца не доведено.

Наконец, самая терминология весьма осложняет возможность пересказа его учения. Термин София становится всеобъемлющим, а им и раньше всегда злоупотребляли системы, так или иначе связанные с гностиками.

Вот в кратких чертах софиологическое учение о. Сергия Булгакова как оно изложено у Зандера и отчасти у Зеньковского. Я буду стараться, когда возможно, говорить словами самого Булгакова. «Небо, склонившееся к земле и объемлющее собою землю, — это всеобхватывающее единство и покой вечности», — вот что является предметом всех созерцаний и умозрений о. С. Булгакова. Его мировоззрение характеризуется и им самим и его учениками как мысль о «Боге и Мире», но то не два учения, которые можно было бы противополжить одно другому в качестве богословия и философии, но та необходимая связь, то внутреннее единство, которые делают их неотделимыми друг от друга. Богословие Булгакова всегда стремится познать Бога в Его обращенности к миру. Философия же его всегда видит мир в его предстоянии Богу, и это дает ей ту просветленность и окрыленность, которые делают ее подлинным откровением о «небе на земле».

В словах «Бог и Мир» логическое ударение падает, таким образом, на союз «и». Он не просто соединяет два существующие независимо друг от друга понятия, но знаменует собою их необходимую и внутреннюю связь, их единство и нераздельность. Он не приводит к существующим до него реальностям, но сам является изначальным образом их бытия. Сам о. Булгаков отмечал, что в слове «и» сокрыта вся тайна мироздания, что понять и раскрыть смысл этого слова — значит достигнуть предела знания, охватить мир единым всепроникающим взглядом, увидеть связь, которая соединяет мир с Богом, понять мир как Божие царство, в силу и славу существующее всегда, ныне и присно и во веки веков.

Этой задаче и посвящено все творчество о. С. Н. Булгакова, которое может быть охарактеризовано как всестороннее и многообразное раскрытие идеи Софии. Ибо принцип всеобъемлющего единства, мировое «и» носит в его мышлении имя Премудрости Божией — Софии, которая является таким образом центральным понятием всего его мышления. И эта особенность мировоззрения о. Булгакова проходит красной нитью через все его творчество. Еще в своей диссертации «Философия Хозяйства», написанной вскоре после перехода от марксизма к идеализму, он говорил: «Душа мира, Божественная София, Плерома, *Natura naturans*, целокупное человечество — под разными личинами выступает это начало в истории мыс-

ли». Это вопрос об отношении абсолютного и относительного, единого и многого, дольного и горнего, Бога и Мира. Это противоположение, а вместе и соединение двух миров, имманентно мысли, составляет ее необходимую предпосылку, стремление же обойти или избежать каковую уничтожает самый объект мышления, делает его беспредметным.

Софиологическое мирозерцание можно определить как видение в мире Бога, как усмотрение в творении Творца, как непрестанное ощущение того «добро зело», которое составляет самую суть всего сотворенного мира. Это есть не только жажда и искание совершенства, присущие всем сторонам жизни человеческого духа, не только стремление к истине и красоте как к высоким, но недостижимым идеалам, но реальное, конкретное и положительное видение этого совершенства как присущего миру, как лежащего в основе его жизни и бытия.

София связывает вопрошания разума с верой в откровение; истина веры становится непосредственным ответом на вопросы мысли, философия насквозь пронизывается религией, а вера насыщается проблематикой.

В свете софийного познания Бог мыслится не как надмирная и непонятная в произволе сила, но как любящий Отец, бесконечно близкий своему творению и являющий свои Благость и Премудрость во всем, что вышло из его творческих рук.

Но Премудрость Божия, понятая как самооткровение Божества, не может ограничиться областью мира тварного. Она есть и в Боге и является Его природой, безличной <...> Божеством Бога, онтологически неотделимым, но логически неизбежно противопоставленным божественным Ипостасям. Это введение понятия Софии в недра Пресвятой Троицы неизбежно влечет за собой его разделение — ибо в противном случае тварный мир оказался бы частью Бога, — и от Софии Божественной отделяется София Тварная как иной образ ее бытия, как идеальная основа мира, единая с Софией Божественной в своей сущности, но различная в образе своего существования.

Основной тезис софиологии есть, что мир есть становящееся Божество, посему София Тварная есть инобытие Софии Божественной, и единство сущности и различие образов бытия Софии можно характеризовать как учение о единосущии Бога в мире.

В учении о. С. Булгакова встречается целый ряд определений Софии и Божественной и Тварной. София мыслится и как Премудрость, и как Любовь, и как Красота, и как Женственность, и как начало или Душа Мира.

Божественная София определяется первым долгом как Божия Премудрость, как совокупность божественных мыслей или представлений. Премудрость Божию нельзя мыслить ни как одно из свойств Божественного ума, ни как Его субъективную деятельность, ни как

идеальное, т. е. не существующее реально его содержание. «Бог изволит вещами», и все мыслимое Богом получает оттого абсолютное бытие. Поэтому и Премудрость Божия как содержание Божественной Мысли имеет свое трансцендентное миру бытие. В этом смысле София есть горний мир умпостигаемых вечных идей.

София является Премудростью с точки зрения Божественного созерцания, взятая же со стороны Божественного действия она есть Любовь. «Бог есть Любовь», — говорит Евангелие от Иоанна. В триединстве Божества Отец предвечно любит Сына, Сын — Отца, и эта взаимная любовь встречается и осуществляется в Св. Духе. Поэтому имя Троицы есть синоним любви, и сказать, что Бог есть любовь — значит исповедовать Триединство. Исходя из полноты Своей, Бог полагает рядом с собой новый объект своей любви — мир небожественный по природе, но причастный Божеству по дару любви. Этот мир, который по сравнению с имманентной полнотой внутритроицной любви является преизбытком любви, — и есть София.

Как красота София открывается в мире, она, т. е. красота, есть осязаемая Софийность мира. И если религия есть самосвидетельство и самодоказательство Бога, то красота есть самодоказательство Софии. Своим ликом, обращенным к Богу, София есть Его образ, идея, имя; обращенная <...> она есть вечная основа мира — небесная Афродита. Это понимание Софии как красоты непосредственно связывает учение о Булгакова с традицией Платона — Достоевского, поскольку в основе их метафизики лежит учение о Всеедине Красоте, которая спасет мир.

Как энтелехия мира в своем космическом лике София есть мировая душа, т. е. начало, связующее и организующее мировую множественность, *Natura naturans* по отношению к *Natura naturata*. Она есть та универсальная и инстинктивно бессознательная или сверхсознательная душа мира, которая обнаруживается в вызывающей изумление целесообразности строения организмов, бессознательных функциях, инстинктах родового начала, которая проявляет свое действие всякий раз, когда ощущается именно связанность мира, как бы она ни осуществлялась.

Для о. Булгакова космос есть живое, одушевленное целое, и потому он серьезно и настойчиво выдвигает понятие души мира, которая, содержа в себе все, является единосущим центром мира.

И, наконец, последний аспект Софии — вечная женственность. Святая София отдает себя Божественной Любви и получает ее дары, откровение Ее тайн. Но она только приемлет, не имея что отдать, она содержит лишь то, что получила. Самоотдаванием Божественной Любви она в себе зачинает все. И в этом смысле она женственно-восприимлюща, она есть Вечная Женственность. В Женственности — тайна мира. Мир в своем женственном начале уже зарожден ранее, чем сотворен. Благодаря этому София есть подлинное начало мира, нача-

ло Путей Божиих, Матерь всего существующего, идеальная основа бытия. Высшее и предельное воплощение Софии в человечестве явлено в образе святой женственности — Невесты и Матери, ставших Богоневестой и Богоматерью. Божия Матерь как воплощение Софии есть предел твари, высшее ее достижение. Учение о мире приобретает свое завершение, и софийная космология становится Мариологией.

Эти некоторые фрагментарные наброски софилогической доктрины о. С. Булгакова, думается мне, достаточны для целей моего дальнейшего изложения. Я не останавливаюсь даже на вопросе: является ли по этому учению Божественная София Четвертой Ипостасью и тем самым в Божество вводится женское начало, а Святая Троица превращается в Святую Четверику. Правда, этот сложный богословский вопрос был предметом острой полемики и объектом ожесточенных нападков со стороны противников о. Сергия. Но этом моменте строились главные обвинения и о. С. Булгакова, и покровительствовавшего ему Митрополита Евлогия в отпадении от истинного православия и даже от христианства вообще. Но эти обвинения лежат не в том плане, который находится в основе моего сообщения.

Все учение о. Сергия Булгакова вызвало, как уже сказано, ряд ожесточенных против него нападков, которые шли с двух, казалось бы противоположных, сторон. Сначала против него выступил Архиерейский Собор в Сремских Карловцах, потом выступила и Московская Патриархия, тогда еще находившаяся под руководством местоблюстителя патриаршего престола Митрополита Сергия. Засим последовало новое осуждение карловчан. Карловацкий собор еще с 1927 года осудил «ересь» о. Булгакова в особом послании Архиерейского Синода, в коем вообще шла речь о парижском Богословском Институте. По поводу этого послания Митрополит Евлогий предложил о. Булгакову и проф. Карташеву дать пространные объяснения. Это было выполнено, но в лагере противников и в монархической, и в церковной прессе нападки не прекратились. В 1932 г. Карловацкий Собор особым посланием осудил масонство и другие «еретические» учения, в том числе и Софианство.

В 1935 г. Московская Патриархия признала учение о. Булгакова чуждым православной церкви и опасным для духовной жизни и постановила предостеречь против него верных сынов церкви, о чем и сообщила особым указом Митрополиту Литовскому Елевферию

Митрополит Евлогий назначил расследование этого дела и опять предложил о. Булгакову дать объяснения по содержанию указа. В результате расследования Митрополит Евлогий вновь признал, что писания о. Булгакова не находятся в противоречии с учением православной церкви — у него лишь «мирской пафос».

В том же 1931 г. Карловацкий Собор вновь осудил «софианскую ересь» и потребовал публичного от нее отречения. На о. С. Булгакова и на Митрополита Евлогия было наложено «прещение», т. е. запрет

совершать богослужения. Митрополит Евлогий определению Карловацкого Собора не подчинился — не находился уже с Карловцами в церковном общении, но вновь, в третий раз предложил о. Булгакову дать свои объяснения. Последний это выполнил, отметив, что его книга «Свет Невечерний» написана как бы на соискание сана, что патриарх Тихон его знал и, по ее опубликовании, назначил о. Булгакова членом высшего церковного управления. В результате расследования Митрополит Евлогий остался при прежней своей точке зрения. Равным образом Карловацкий синод на 2-м всезарубежном Церковном Соборе по докладу архиепископа Болгарского Серафима еще раз осудил Софианство, признав его «гордыней» и «богоборчеством».

Московское совещание православной церкви 1948 г. Софианством не занималось, но устами Архиепископа Серафима, который, оставаясь в Болгарии, идеологически перекочевал из Карловиц в Москву, подтвердило обвинение.

В мою задачу не входит догматический анализ этого богословского спора. Но одна сторона в этой своеобразной дискуссии и составляет основную тему сегодняшнего изложения. Это вопрос об «источках софианства», который был поставлен с самого начала секретарем Архиерейского Собора графом Ю. П. Граббе в его докладе Синоду, представленном до послания 1927 г. и напечатанном под заглавием «Корни Церковной Смуты. Парижское братство Св. Софии и розенкрейцеры». Автор, используя воспоминания Андрея Белого, — о котором речь будет ниже — пытается установить розенкрейцеровские источники Софианства, восходя от времен Владимира Соловьева.

Эта же тема была еще более подробно развита в докладе графа П. М. Граббе <так!> о софианстве, представленном Второму Всезарубежному Церковному Собору, собравшемуся в 1938 г. в Сремских Карловцах. Выводом Ю. П. Граббе является утверждение, что учение о. Сергия Булгакова очень близко тому, которое развивали крайние представители Софианства еще в Москве до войны, а это показывает, какое большое влияние имели на о. Булгакова российские кружки, растившие семена «таинственной розы». Это особенно делается ясным, если принять во внимание, что о. Булгаков развил учение, высказанное о. Павлом Флоренским, еще ранее и более тесно, чем он, связанным с соловьевскими и софианскими кружками.

Посмотрим теперь, были ли такие кружки, где выращивались семена таинственной розы, и могли ли они оказать какое-либо влияние на ход развития русской религиозно-философской мысли. Нам нужно для сего вернуться вновь в область недавнего прошлого и посмотреть, какова была культурная жизнь Москвы на рубеже двух столетий и в годы перед первую мировую войной.

Об этой жизни уже много написано воспоминаний. Все без исключения писатели, начавшие в эту пору свое творчество, что-нибудь да написали об этом времени, когда, как говорит Бердяев, «веяние

духа охватило русские души». Наиболее ценными источниками являются свидетельства самого Бердяева, воспоминания Андрея Белого о Блоке и, в значительно меньшей степени, воспоминания Степуна, недавно напечатанные в Америке в «Новом Журнале»⁷.

В русских настроениях того времени нужно различать два периода. К концу XIX века в России возникли апокалиптические настроения, связанные с чувством наступления конца мира и явления антихриста, т. е. окрашенные пессимистически. Ожидали не столько новой христианской эры и пришествия царства Божия, сколько царства антихриста. Это было глубокое разочарование в путях истории и в существовании исторических заданий. Иногда хотели видеть в этом ожидании конца мира предчувствие крушения русской империи, русского царства.

На смену этим настроениям с началом XX века пришло ожидание пришествия царства Духа, вера в приближающееся наступление III-го Завета, предчувствие новой христианской эры. Вся жизнь была проникнута беспокойством, тревогой и ожиданием. Чувствовали, что что-то приближается, что перемены неизбежны и что прежний мир является обреченным.

Вот как описывает Андрей Белый эти настроения того времени: «Появились вдруг «видящие» среди невидящих. Они узнавали друг друга; тянуло делиться друг с другом непонятым знанием их, и они тяготели друг к другу, слагая естественно братство зари, воспринимая культуру особо: от крупных событий до хроникерских газетных заметок; интерес ко всему наблюдаемому разгорался у них, все казалось им новым, охваченным зорями космической и исторической важности⁸, борьбою света с тьмой, происходящей уже в атмосфере душевных событий, еще не сгущенных до явных событий истории, подготавливающей их; в чем конкретно события эти, — сказать было трудно, и «видящие» расходились в догадках — соглашались друг с другом на факте зари, нечто светит; из этого нечто грядущее развернет свои судьбы»⁹.

И далее он прибавляет:

«Символ «жены» стал зарею для нас — соединением неба с землею — сплетаясь с учением гностиков о конкретной премудрости, с именем новой музыки, сливающей мистику с жизнью»¹⁰.

Небезынтересно сопоставить эту оценку тогдашних настроений с той характеристикой времени, которая идет из недр нашего Ордена, точнее говоря — из кругов братства Креста и Розы.

Вот что можно прочесть у бельгийского историка Wittemans'a в его «Histoire du Rose-Croix». Цитирую в русском переводе.

«В конце 19-го века из центра Ордена Розенкрейцеров были дан призыв вновь сделать слышным мистический колокол братства, так как Орден полагает, что эволюция человечества подвинулась достаточно вперед, вследствие астральных условий, чтобы герольды и ду-

ховные помощники, носители *lux veritatis*, могли объявить зарю для Духа, поднимающуюся над миром».

Wittemans не приводит указаний, откуда он располагает такого рода данными. Но нужно признать, что совпадение довольно характерно.

Возвращаясь к настроениям Москвы первых лет текущего столетия, следует отметить огромное количество небольших группировок и кружков, которые в те годы сами собою слагались, жили некоторое время интенсивной жизнью, потом сходили на нет и уступали место другим. Кружки эти были философские, религиозные, литературные и политические. Был соловьевский кружок, собиравшийся у М. С. Соловьева, были «Аргонавты», где были сгруппированы символисты и, как тогда их называли, «декаденты». Был философский кружок Свенцицкого и Эрна, который пытался объединить, правда неудачно, религиозные искания с освободительным движением. Была «Свободная эстетика», где встречались деятели искусства и «меценаты». Из близких нам группировок был мартинистский кружок С. А. Соколова и московская ложа «Возрождение». Их влияние на жизнь того времени чувствовалось мало. Надо всем доминировало Религиозно-Философское Общество, где объединяли<сь> братья Трубецкие и Л. М. Лопатин. По внешности это был салон М. К. Морозовой, и в памятной многим гостиной ее дома на Смоленском бульваре происходили эти собрания. Были салоны Г. Л. Гиришман — филиал «Свободной Эстетики» и Е. И. Лосевой <так!>, приют для литераторов и художников. Там в 1906 г. познакомился я с Бердяевым¹¹.

Были, наконец, теософские и антропософские кружки, о которых сейчас и нужно сказать несколько слов.

Еще с конца прошлого века в Москве существовал теософский кружок К. П. Христофоровой. Там собиралась небольшая группа московских интеллигентов, интересовавшихся тайным учением — *la doctrine secrète* — Блаватской. Сама К. П. была большой ее поклонницей и, насколько помню, знала ее хорошо лично¹². Андрей Белый бывал в этом кружке, говорит о нем в своих воспоминаниях о Блоке, называет ряд имен, в частности Эртеля и А. Р. Минцлову. Бывали на этих собраниях человек до 35, читал лекции Эртель, здесь раз был Боборыкин, описавший это собрание в одном из своих романов. «Меня занимали не лекции, — говорит Белый, — а атмосфера, распространяемая некоторыми из теософов; и поражала всегда меня А. Р. Минцлова; стал приглядываться; к ней тянуло; я знал, что она близкая ученица Рудольфа Штейнера, которого хотя мало читал, но всегда уважал. В учениках и ученицах Штейнера чувствовалось нечто, отделяющее их от других теософов»¹³.

Эта Минцлова сыграла какую-то странную, но весьма значительную роль в дальнейшем развитии связанных с этим кружком настроений. Вот как говорит об этом эпизоде Андрей Белый в главе своих воспоминаний, озаглавленной «Случай с Минцловой».

«По приезде в Москву Киселев уведомляет меня: в Москве Минцлова и она меня ждет, должен немедленно де к ней отправиться я. (Остановилась она, как я помню, в квартире Сабашниковых, недалеко от Тверского бульвара.) Свидание с Минцловой было мне тягостно. Я все более не понимал ее крайне запутанного поведения: стремление образовать среди нас круг людей, изучающих духовное знание. Не понимал я намеков ее, что какие-то руководители духовного знания, о которых пока ничего она больше сказать не решается, появляются-де среди нас. Появление неизвестных поддерживало в нас все время атмосферу естественного напряжения и надежд, соединенных с опаскою: не замешались ли во все это дело отцы иезуиты, а к ним относились мы более чем отрицательно; но, с другой стороны, фантастические мифы Минцловой, вплетаемые в обыденную жизнь в связи с ссылками на оккультных братьев, внушали нам страх...

Во время бесед ее фигурировали какие-то «сокровенные педагоги», за нею следящие, изъявляющие намерение среди нас появиться. Кто же мог ими быть? Тамплиеры, масоны? Нет. Нет. Розенкрейцеры? Право, терялись в догадках. Смушало нас, что всегда потрясенная Минцлова несказанно¹⁴ чего-то боялась: не то нападения на нее сатанинских таинственных братьев, собирающихся разрушить светлую пряжу, которою переплетала она в орган¹⁵ светлого действия. Но преследования менялись; являлись откуда-то наблюдающие за нею «шпики», появлялись какие-то темные оккультические «татары» и появлялись не одобрявшие ее деятельности мартинисты, расширившие-де влияние среди избранного петербургского общества и среди иерархов; мне помнится, как она сообщила о своей беседе с одним из Великих Князей мартинистов, который будто бы поставил вопрос, как быть с нашей родиной? Эти страхи и эти таинственные происшествия будили в нас часто вопрос: кто стоит за ней? И почему ее общение с этим кем-то переполняет душу ужасом и истерикой.

Я отправился к ней со смятением и противоречивыми чувствами. Минцлова встретила меня и сообщила *такое*, что я стоял ошарашенный. Минцлова же скорее упала, чем села, в глубокое кресло и глядя перед собой большими выпуклыми голубыми глазами, напоминавшими мне не раз — и не мне лишь — глаза Е. П. Блаватской — в ней было всегда это сходство.

Я стоял, ошарашенный — она мне рассказывала о фактах, которые по сие время стоят перед душою моею неотвязным вопросом.

Читатель — о фактах тех не могу рассказать ничего я конкретного, все равно им поверить так трудно, а мне непонятны они. Я скажу лишь два слова о том, что она мне сказала, скажу отвлеченно, обще.

Сообщила, что миссия, ей порученная — возжечь к свету сердца, соединив их для мира духовного, — ею не исполнена; миссия-де провалилась потому, что ее неустойчивость и болезненность вместе с растущей среди нас атмосферой недоверия к ней расшатала все

«светлое дело» каких-то неведомых благодетелей человечества, за нею стоящих; а между тем она дала слово — им дала, — что возникнет среди нас Царство Духа; неисполнение слова падает на нее очень тяжело; ее удаляют они навсегда от людей и общений, которые протянулись между нею; она исчезает с того времени навсегда, и ее не увидит никто, она умоляет всех эти годы строго молчать о причинах ее окончательного исчезновения. Я так и не понял, что, собственно, означает исчезновение это: исчезновение: куда? В монастырь, в плен, в иные страны? Или же исчезновение из жизни? Но что-то подсказало, что на этот раз этот бред не есть «миф» и что мы никогда не увидим ее.

Мне запомнился день, когда я и Сизов провожали ее на вокзал с очень диким сомнением... Она стояла на площадке вагона, улыбалась значительно и махала руками. Поезд тронулся, последний вагон убежал, умалаясь до точки и исчез. Так исчезла она навсегда¹⁶.

Антропософский кружок в Москве возник примерно в 1910 году, примерно в то же самое время, когда Рудольф Штейнер порвал с теософским Обществом и образовал в Мюнхене свою собственную группу. Своим возникновением в Москве он в значительной степени обязан энергии моей сестры Н. А. Григорьевой <так!>¹⁷. Моя сестра с давнего времени, еще будучи гимназисткой Арсеньевской гимназии, была ревностной посетительницей христофоровского кружка. Там она стала ученицей Штейнера и была одной из первых, которые стали регулярно каждое лето ездить в Германию, где в том или другом городе Штейнер читал какой-нибудь цикл своих лекций — тогда это были комментарии к отдельным евангелиям. В 1910 г. моя сестра вышла замуж за моего университетского товарища Б. П. Григорова. Он был вместе с тем гейдельбергский доктор и человек немецкой школы. Так как он также увлекался штейнерианством, то при общении со Штейнером явился для него ценным для России сотрудником и переводчиком его творений. Штейнер назначил его первым «гарантом» для России. Помогли, конечно, — и немало, — большие материальные возможности моей сестры.

Московский штейнеровский кружок всегда собирался в доме моей сестры на Кудрях на Садовой¹⁸. Его ядро составляли штейнерианцы из кружка Христофорова <так!>, в числе их Петровская <так!>, Сизов, Андрей Белый, Трапезников, брат и сестра Сабашниковы, собирались от 20 до 30 человек¹⁹. Работами кружка в известной мере интересовался о. Сергей Булгаков, тогда еще приват-доцент Московского университета. О. Павел Флоренский проявлял значительный интерес и, как я хорошо помню по доходившим сведениям, неоднократно посещал эти собрания, происходившие еженедельно²⁰. Состояли они в чтении русского перевода — который делал большей частью Григоров — отдельных лекций Штейнера. Нужно сказать, что в те годы еще не было той большой антропософской литературы, написанной впоследствии

Штейнером. Руководители кружка находились в постоянном общении с Мюнхеном, где был тогда антропософический центр, и получали литографированные тексты новых поучений.

Московский антропософский кружок довольно скоро занял видное место среди местных интеллигентских группировок. Число участников увеличивалось, завязались связи с провинцией, образовалась филиальная группа в Петербурге, во главе которой стал Борис Леман, чиновник министерства торговли и промышленности²¹. Спрос на литературу был большой. Даже война, затруднившая непосредственное общение с Рудольфом Штейнером, не задержала роста. Да, насколько помню, какими-то окружными путями связь поддерживалась. Среди участников была уверенность, что это учение именно то, что нужно для России, и что они делают большое и нужное дело.

Эти настроения отразил Андрей Белый в своих стихах братьям-антропософам:

Мы взвиваем в мирах неразвезанный прах,
Угрожаем обвалами мертвенных лет;
В просиявших пирах, в отпылавших мирах
Мы — летящая стая горящих комет.

Завиваем из дали спирали планет;
Заплетаются нити судьбин и годин;
Мы — серебряный, зреющий, веющий свет
Среди синих, таимых, любимых годин.²²

Вот еще несколько строк из стихотворения, озаглавленного «Антропософия», с подзаголовком «Русская Будущность»:

Слепую мглу бунтующей стихии
Преобрази.
Я не боюсь: влекут Христософии
Твои стези.

Ты снилась мне, светясь... когда-то, где-то,
Сестра моя!
Люблю Тебя: Ты — персикова цвета
Цветущая заря.

.....
В Твоих глазах блистают: воды, суши;
Бросаюсь в них:
Из слов Твоих я просияю в души,
Как тихий стих.²³

Мне остается сказать еще несколько слов о связи штейнерианства и самого Штейнера с нашим Орденом и, в частности, с розенрейцством. Эти отношения представляют некоторую сложность.

В бытность свою главою немецкого филиала Теософического общества — в начале столетия — Штейнер, под влиянием Анни Безант, вступил в теософскую парамасонскую организацию, которая называлась Co-freemasonry.

Туда принимали и мужчин и женщин. Во главе был небезызвестный Leadbiter²⁴. С этой группой Штейнер, видимо, порвал, разойдясь с теософами.

Но потом он вступил в розенкрейцеровскую организацию в Германии, во главе которой стоял Yarker, один из наиболее признанных ортодоксальных и «легально посвященных» розенкрейцеров. В этой группировке он оставался также недолго, но получил там розенкрейцеровский диплом и считал себя легальным розенкрейцером. Вот что пишет он в своих мемуарах: «Ich nahm daher das Diplom des angedeuteten Gesellschaft, die in der von Yarker vertretener Strömung lag. Sie hatte der freimaurischen Formen der sogenannten Hochgrade. Ich nahm nichts, aber wirklich gar nichts aus dieser Gesellschaft mit» («Mein Lebensgang». S. 378).

Видимо, что Штейнер не совсем прав, говоря, что он «ничего не взял». Насколько известно, что считал <так!> себя подлинным розенкрейцером, написал ряд розенкрейцеровских мистерий и придавал большое значение, чтобы их таковыми и расценивали. Один из его главных учеников, Max Heindel, явился в дальнейшем основателем одной из американских розенкрейцеровских группировок.

Во всяком случае, все его ученики восприняли от него это влечение к розенкрейцерству, а отчасти к масонству. Московский кружок подготовлял перевод его мистерий и предполагал их постановку на домашней сцене. Насколько помню, помешала этому только война.

У московских антропософов было также известное общение и с масонством, но больше с масонской традицией, чем с масонской деятельностью того времени, но не нужно забывать, что русские ложи того времени были ложи Великого Востока. Но здесь характерно то, что это общение было, если можно так сказать, в плане церковном. В Москве были две «масонские» церкви: Почтамтская, Св. Арх. Гавриила, описанная у Писемского в «Масонах», и наша приходская Св. Антипия. (Об этом я узнал лишь в эмиграции от В. С. Иринева. Помню лишь, что мы никогда не могли понять, почему у ней у входа две колонны.) Вся их церковная жизнь была всегда связана с той или другой церковью. Это было характерно и для вольных каменщиков. Умиравших членов ложи «Возрождение» отпевали в церкви Св. Антипия.

*

* * *

Мне надлежит подходить к концу и попытаться сделать выводы ответов на поставленный вопрос <так!>: имеются ли у софианства ро-

зенкрейцеровские истоки? Вряд ли это можно утверждать, если не считать антропософию своего рода розенкрейцтерством, а самого Штейнера прежде всего рыцарем Креста и Розы. Но косвенное влияние, может быть, и было. Несомненно, во всяком случае, что в те годы перед первой войной розенкрейцтерство в Европе после его возрождения во Франции вновь вернулось к открытой деятельности — как говорят его приверженцы, вышло из подполья наружу.

И в русском ренессансе начала XX века его влияние, может быть, стало более ощутительно, так как многие близкие ему темы находили живой отклик в русской идее и в русской душе. И это было тем более сильно, что эта эпоха была временем предчувствия Царства Духа, тем временем, про которое Соловьев писал:

Знайте <же>: вечная женственность ныне
 В теле нетленном на землю идет.
 В свете немеркнущем новой богини
 Небо слилось с пучиною вод.
 Все, чем красна Афродита Мирская,
 Радость домов, и лесов, и морей, —
 Все совместит красота неземная
 Чище, сильней, и живей, и полней.²⁵

*
 * *
 *

Белый был один из тех, кто от теософии перешли к антропософии и от Блаватской к Штейнеру.

Говоря о своей переписке с Блоком, Андрей Белый отмечает, что главная тема писем есть теософия Вл. Соловьева, стремительно опрокинутая в атмосферу 1900—1904 годов, т. е. тема Софии, соединенной по-новому с человеком, доступной идеальному сознанию чутких... Антропософия Штейнера в 1912—1920 годах была Блоку чужда, он стоял далеко от себя 1903 года и не вникал в штейнерианство, чуждался его. Здесь отмечу:Grundlinien мировоззрения Соловьева естественно совпадают с антропософией, как она декларировалась Штейнером в 1912 году. По Соловьеву и Блоку, отвлеченная философия умерла, но София, премудрость, живая для древних философов, вновь приближается к существу человека, соединяется с ним, образует с ним Новый Завет и начало Завета.

Это же суть слова Штейнера при открытии Антропософского Общества. Антропософия наследует жизнь человека в Софии.

КОММЕНТАРИИ

Предисловие Русский модернизм и оккультизм Предварительные наблюдения

- 1 Отметим прежде всего монографию: *Mercier Alain. Les sources ésotériques et occultes de la poésie symboliste (1870—1914)*. P., 1969. Т. 1—2. В этом издании собран довольно обширный материал (особенно в первом томе применительно к французской литературе), однако осмыслен он, с нашей точки зрения, явно недостаточно. Назовем также книги: *Milner J. Symbolists and Decadents*. L., 1971; *Pierrot J. L'imaginaire décadente, 1880—1900*. P., 1977; *Marqueze-Pouey L. Le mouvement décadent en France*. P., 1986; *Birkett J. The Sins of the Fathers: Decadence in France 1870—1914*. L.; N.Y., 1986 и др. Из литературы, вышедшей в начале века, отметим две книги о связях Гюйсманса с оккультизмом: *Bricaud Jeanny. J.-K. Huysmans et le satanisme, d'après les documents inédits*. P., MCMXII; *Bricaud Jeanny. Huysmans occultiste et magicien*. P., 1913. О французском оккультном возрождении на фоне общеевропейских процессов см. также: *Webb James. The Flight from Reason*. L., 1971. Vol. 1 of «The Age of the Irrational» (второе издание этой книги, вышедшее под заглавием «Occult Underground», было нам недоступно).
- 2 *Starkie E. Arthur Rimbaud*. [N.Y., 1968] (и довольно многочисленные иные издания, как предыдущие, так и последующие).
- 3 *Геллер Леонид. Эзотерические элементы в социалистическом реализме: Тезисы // Orthodoxien und Häresien in den slavischen Literaturen / Beiträge der gleichnamigen Tagung vom 6.—9. September 1994 in Friburg / Hrsg. v. Rolf Fieguth. Wien, 1996 / Wiener slavistischer Almanach. Sonderband 41. S. 330. О герметизме на русском языке см. ныне: Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада / Пер. К. Богучкого. Киев; М., 1998; наиболее авторитетное исследование о гностицизме также появилось на русском языке: *Йонас Ганс. Гностицизм*. СПб., 1998.*
- 4 Там же. С. 330—331.

- 5 Письма Елены Рерих: 1929—1938. Новосибирск, 1992. Т. II. С. 433. Ср. в глоссарии, исходящем из круга последователей Рерихов: «Оккультизм <...> совокупность тайных наук, называемых герметическими и эзотерическими науками. Потому это понятие можно отнести к изучению каббалы, астрологии, алхимии, магии, восточным школам философии йоги и т. д. «Естественнознание» в области эзотерического» (*Рерих Е. И., Рерих Н. К., Ацев А. М. «Оккультизм и Йога»: Летопись сотрудничества. М., 1996. Т. II. С. 327*).
- 6 Белый и антропософия. Т. 6. С. 418—419.
- 7 Тухолка С. О тайнах мира (*Эдгар По*) // Изида. 1911, № 1 (октябрь). С. 1.
- 8 Краткий обзор темы см. в весьма поверхностной книге: *Berry Thomas E. Spiritualism in Tsarist Society and Literature. Baltimore: Edgar Allan Poe Society, 1985*. Более подробно мы говорим об этом в статье «Спиритизм Валерия Брюсова».
- 9 Среди стихов. С. 61.
- 10 РГБ. Ф. 386. Карт. 1. Ед. хр. 16. Л. 10 об. Запись относится к февралю 1902 г., когда Брюсов ездил в Петербург. Книга Миропольского была напечатана как раз в 1902 году.
- 11 Жизнь и смерть Нины Петровской / Публ. Э. Гарэтто // М и н у в ш е е. Т. 8. С. 61—62. Несколько подробнее о спиритизме Брюсова см.: *Grossman Joan D. Alternate Beliefs: Spiritualism and Pantheism among the Early Modernists // Christianity and the Eastern Slavs / Ed. by Boris Gasparov, Robert P. Hughes, Irina Paperno, and Olga Raevsky-Hughes. Berkeley e. a., [1995]. Vol. III: Russian Literature in Modern Times / California Slavic Studies. XVIII*.
- 12 РГБ. Ф. 386. Карт. 1. Ед. хр. 16. Л. 10—10 об. Отметим характерное именование христианства всего лишь «религиозным движением», что свидетельствует об отстраненном отношении Брюсова к нему, хотя, как показывает дневник, несколько ранее он вполне истово относится не только к православию, но и конкретно к церковности.
- 13 Брюсов. Дневники. С. 119. Как опубликованные, так и не вошедшие в единственное и чрезвычайно неисправное издание «Дневников» записи начала 1902 года свидетельствуют, что мистические интересы круга Мережковских (равно как и других знакомых), бывшие в это время чрезвычайно активными, вызывали у Брюсова решительное отталкивание.
- 14 Библиография работ о жизни А. Добролюбова собрана в биографической статье Е. В. Ивановой о нем (РП. Т. 2). Ср. также недавнюю ее статью: *Иванова Е. В. Александр Добролюбов — загадка своего времени. Статья первая // НЛО. 1997. № 27 и обширный раздел о Добролюбове в кн.: Эткиндр Александр. Хлыст: Секты, литература и революция. М., 1998. С. 264—282*.
- 15 РГБ. Ф. 109. Карт. 27. Ед. хр. 20. Квадратные скобки принадлежат автору письма.
- 16 Переписка. С. 59. Письмо от 7/20 ноября 1915.
- 17 Там же. С. 228.
- 18 О контактах Клюева и Блока см.: Письма Н. А. Клюева к Блоку / Публ. К. М. Азадовского // ЛН. Т. 92. Кн. 4; о контактах П. Карпова с символическими см.: Блок и П. И. Карпов / Публ. К. М. Азадовского // Александр Блок: Исследования и материалы. Л., 1991; Письмо Вячеслава Иванова к Пимену Карпову / Публ. Н. Котрелева // Русская мысль. Литературное приложение № 9 к № 3822 от 6 апреля 1990 (никак не можем рекомендовать читателям совершенно фантастические измышления С. С. Куняева, появившиеся в печати неоднократно). Тема мистического сектантства и его соотношения с русской литературой начала века в последнее время разработана А. Эткиндром (см. его упомянутую в примеч. 14 книгу). См. также: *Hansen-Löwe Aage A. Allgemeine Häretik, russische Sekten und*

ihre Literarisierung in der Moderne // Orthodoxien und Häresien in den slavischen Literaturen. (Отметим, что в данном сборнике вообще опубликовано немало материалов, касающихся интересующих нас проблем.)

- 19 Об описанной нами лишь бегло эволюции религиозных воззрений у Кузмина см. подробнее: *Богомолов Н. А., Малмстад Джон Э. Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха.* М., 1996. С. 46—72.
- 20 О теософии см. насыщенную существенными материалами и снабженную обширной библиографией книгу: *Сa g l s o n (1)*.
- 21 Текст опубликован Г. В. Обатниным: *Е ж е г о д н и к* на 1991 год. С. 142—154.
- 22 Письмо от 21 апреля 1909 // РГБ. Ф. 109. Карт. 30, Ед. хр. 8. Л. 8—9. Ср. также в письме от 30 апреля 1909: «И я хочу Вам написать снова, теперь, когда Вы заняты рефератом своим о Земле — — — «Тексты» у Вас есть все, что надо, есть у Вас сейчас, для этого реферата. Я скажу только несколько слов — Вы их уже знаете, конечно, но у меня есть сейчас это чувство необходимости *говорить*, которое заставляет иногда говорить — —

Почти помимо воли — — У Земли есть тело, душа и дух, И в *текстах* Евангельских очень часто говорится о душе, и теле, и духе Земли *без* точного указания на это, о чем говорит здесь Учитель.

Это я должна была сказать Вам, дорогой мой, т. к. при истолковании текстов это необходимо напомнить (Вы знали это сами, раньше, я знаю). А теперь — я буду дальше говорить о «Иерархиях» Вам. Каждая Иерархия Духов вселенских прикасается к Земле — к ее телу, душе или духу. Еще не было Мужа истинного, для Земли, который коснулся бы Ее *всей*, целиком. Кроме Иисуса Христа одного —» (Там же. Л. 18—18 об).

В дальнейшем при цитировании писем Минцловой мы, приводя ее орфографию и пунктуацию к современным нормам, сохраняем, однако, насыщенность текста многочисленными тире, которые могут исполнять самые разнообразные функции: «женского знака», знака эмоционального подъема, наконец (как предположил в частной беседе Г. В. Обатнин) могут служить неким подобием заполняющих пространство прочерков, используемых при записи медиумически получаемых текстов.

- 23 РГБ. Ф. 109. Карт. 27. Ед. хр. 11. Л. 4, 6—7.
- 24 РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 9. Л. 20—22 об. Под сокращением «Р. К.» имеется в виду слово «розенкрейцера».
- 25 Г у м и л е в Т. З. С. 18. Ср., однако, ниже, в главе «Гумилев и оккультизм», рассуждения о смысле этой полемики акмеистического манифеста с символизмом.
- 26 *Белый Андрей.* Пепел. СПб., 1909. С. 8. О контактах Белого с антропософией уже существует большая литература (см. библиографию на с. 467), начиная с известной книги Ф. Козлика. Однако гораздо хуже исследованы отношения Белого с теософией и другими формами оккультного знания, которые заслуживают пристального внимания, поскольку связь антропософии с теософией общеизвестна.
- 27 Библиографию существующих исследований см. в примечаниях к нашей книге. Отметим только статью: *Мейлах М. Б.* Об одном экзотическом подтексте «Стихов о неизвестном солдате» // *Столетие Манделъштама: Материалы симпозиума.* Tiffany, 1994, а также образец анекдотического литературоведения: *Набедрик Евгений.* Святое ремесло: Осип Манделъштам и оккультные источники // *Серебряный век.* Киев, 1994 / Приложение к журналу «Ренессанс».
- 28 См.: *С е р к о в.* Не указываем точной страницы, т. к. подобное представление не сформулировано автором безоговорочно и однозначно, а дик-

- туется всей логикой его работы, исключаяющей из рассмотрения логи, открывавшиеся по инициативе отдельных людей и не получавшие на то согласия от более высоких организаций.
- 29 Отметим, что, по мнению историка русского масонства и самого масона кн. В. Вяземского, «в 1822 году, т. е. до декабрьского восстания — указом масона, императора Александра I-го ложа́м было рекомендовано не собираться. Лишь в 1828 году <...> начинаются, опять-таки не запрещения, а очень строгий полицейский надзор. <...> Ничего похожего на *гонение*, которое, например, практикуется во всех странах за железным занавесом или в Испании — в России не было» (*Вяземский В.* Первая четверть века существования зарубежного масонства (Доклад, прочитанный в «Лотосе» 9 декабря 1957 г.) / Публ. Р. Герра // Новый журнал. 1985. Кн. 161. С. 232—233).
- 30 Там же. С. 233.
- 31 См., напр.: *Терапиано Ю.* Русские мартинисты // Русская мысль. 1965. 29 мая. № 2314.
- 32 Наиболее крупная — *Немировский А. И., Уколова В. И.* Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., [1994]. См. также: «А я? — я не хочу на память остаться сказкой сам себе...» (Корреспондент М. Горького Б. М. Зубакин) / Публ. Ю. М. Каган // М и н у в ш е е. Т. 20.
- 33 Прекрасное далеко. 1915. № 3. С. 36.
- 34 П е р е п и с к а. С. 269. Письмо от 17 декабря 1923. К сожалению, имя московского ученого осталось неизвестным. Ср. также в письме от 6 февраля 1924 (Там же. С. 284).
- 35 См., напр., недавно вышедшие книги: *Кураев А.* Сатанизм для интеллигенции. М., 1997; *Он же.* Окультизм в Православии. М., 1998.

МАЛЕНЬКАЯ МОНОГРАФИЯ

Anna-Roudolph

Впервые — НЛО. 1998, № 29. Печатается со значительными дополнениями.

- 1 В настоящее время имеется довольно значительное количество специфически оккультной литературы, описывающей интересующие нас вопросы со своей точки зрения и не могущей быть, таким образом, сколько-нибудь надежно верифицированной. Что же касается исследований научных, то здесь следует назвать прежде всего небольшое количество книг, появившихся на Западе. История существования оккультизма в Европе и Северной Америке во второй половине XIX и начале XX в. описана в двухтомной монографии Дж. Уэбба (*Webb J.* Occult Underground. La Salle (Ill.), 1974; *Webb J.* The Occult Establishment. La Salle, 1976). О влиянии оккультизма на европейскую литературу см.: *Mercier Alain.* Les sources ésotériques et occultes de la poésie symboliste (1870—1914). Т. 1. Le symbolisme français. P., 1969 (второй том этого исследования, посвященный символизму в европейских странах, отличается поверхностностью). Ср. также: *Fedjuschin V.* Russlands Sehnsucht nach Spiritualität: Theosophie, Anthroposophie, Rudolf Steiner und die Russen. Schaffhausen, 1988.
- 2 См., напр., примечания к статье «Магия слов», где названа масса книг из области оккультной литературы, в том числе сочинения Блаватской, Сент-

- Ива д'Альвейдра, Фабра д'Оливе, Э. Шюре, Э. Леви, Л. Менара и мн. др. (*Белый Андрей*. Символизм: Книга статей. М., 1910. С. 619—626; к сожалению, новейшие российские издания примечаний к статьям «Символизма» не воспроизводят, тем самым значительно обедняя переиздаваемые труды [См.: *Белый Андрей*. Символизм как миропонимание. М., 1994; *Белый Андрей*. Критика, эстетика, теория символизма. М., 1994. Т. 1—2]).
- 3 См.: *Мальмстад Дж.* Андрей Белый и антропософия // Минувшее: Исторический альманах. [Paris, 1988 — 1990] [Т.] 6, 8, 9; *Kozlik Frederic C.* L'influence de l'anthroposophie sur l'oeuvre d'Andrei Bielyi. F. a. M., 1981. Т. 1—2; *Andrej Belyj und Rudolf Steiner: Briefe und Dokumente.* Dornach, 1985; *Майдель Рената фон.* О некоторых аспектах взаимодействия антропософии и революционной мысли в России // Блоковский сборник. XI. Учен. зап. Тарт. ун-та. Тарту, 1990. Вып. 917; *Снивак М. Л.* Андрей Белый — Рудольф Штейнер — Мария Сиверс // Литературное обозрение. 1995. № 4/5; *Andrej Belyj. Symbolismus. Anthroposophie. Ein Weg / Hrsg., eingeleitet, mit Ammerkungen und einer Bibliographie v. Taja Gut.* Dornach, 1997. Отметим, что наш список, естественно, не претендует на сколько-нибудь исчерпывающую полноту.
 - 4 См. интересную, хотя лишь частично относящуюся к нашей теме статью: *Grossman Joan D. Valery Brjusov and Nina Petrovskaia: Clashing Models of Life in Art // Creating Life: The Aesthetic Utopia of Russian Modernism / Ed. by Irina Paperno & Joan Delaney Grossman.* Stanford, 1994. Отметим также малосодержательную брошюрку: *Молодяков Василий.* «Мой сон и новый, и всегдашний...»: Эзотерические искания Валерия Брюсова. Токио, 1996 (ср. нашу рецензию: НЛО. 1997. № 25).
 - 5 В вообще незначительной современной литературе о творчестве Бальмонта этой проблемы касается (чаще всего в чисто практических целях) В. Марков (*Markov Vladimir. Kommentar zu den Dichtungen von K.D. Bal'mont 1890—1909.* Köln; Wien, 1988).
 - 6 Возрождение. 1938. 27 мая. № 4133.
 - 7 *Белый Андрей.* На рубеже двух столетий. М., 1989; *Он же.* Начало века. М., 1990; *Он же.* Между двух революций. М., 1990.
 - 8 *Лавров А. В.* Мемуарная трилогия и мемуарный жанр у Андрея Белого // Белый Андрей. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 16.
 - 9 *Белый Андрей.* Между двух революций. С. 322.
 - 10 См., напр.: «В его описаниях лица даже второстепенные, которым он уделял страничку-две (Дягилев, Минцлова), встают перед читателем как живые, в немного шаржированных, карикатурных обликах, но такими Андрей Белый вообще видел всех людей, особенно тех, кого не любил» (*Андреева-Бальмонт Е. А.* Воспоминания. [М., 1997]. С. 340).
 - 11 До некоторой степени этот фрагмент связан с предшествовавшей редакцией мемуаров — «Воспоминаниями о Блоке» из журнала «Эпопея» (см.: *Белый о Блоке*).
 - 12 См. о нем.: Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т. 1. Императорская публичная библиотека. СПб., 1995.
 - 13 Некролог его — Новое время. 1904. 21 сентября (4 октября). № 10258 (перепечатан — Исторический вестник. 1904. Т. 98. № 11. С. 832).
 - 14 См. о нем: *Блюм А. В., Мартынов И. Ф.* С. Р. Минцлов и его библиофильская повесть // Альманах библиофила. М., 1975. Вып. 2; *Блюм А.* Мертвые души и живые книги // *Минцлов С. Р.* За мертвыми душами. М., 1991; *Кулаева Л. М.* Поклонение вечности // Библиография. 1992. № 5—6;

- С. Р. Минцлов: Библиография / Сост. Л. М. Кулаева // Там же. Отношения Анны Рудольфовны с братом, и без того не самые лучшие, основательно ухудшились после того, как он продал библиотеку отца и назвал сестре основательно заниженную сумму, чтобы, соответственно, отдать ей значительно меньше денег, чем она рассчитывала. Во всяком случае, так восприняла его действия сама Минцлова, о чем с негодованием писала Рубакину.
- 15 РГБ. Ф. 358. Карт. 254. Ед.хр. 26. Листы не нумерованы. Письмо от 12 августа н обозначенного, но или 1903-го или 1904 года. Ср.: «...отец ее, человек, по-видимому, умный и одаренный, принадлежал к материалистам и скептикам» (Зеленая Змея. С. 124).
- 16 У истоков русского штейнерианства / Публ. К. Азадовского и В. Купченко // Звезда. 1998. № 6. С. 164.
- 17 РГБ. Ф. 358. Карт. 254. Ед. хр. 26. Ср. в дневнике Волошина: «А<нна> Р<удольфовна> говорит о своем дяде (Compadon). О старых книгах, библиотеках» (Волошин. С. 246).
- 18 РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 7. Л. 47. Письмо от 11/24 марта 1909 г. из Берлина.
- 19 Там же. Л. 54 об—55 об. Письмо от 18/31 марта 1909 г.
- 20 РГАЛИ. Ф. 540. Оп. 1. Ед. хр. 105. Л. 5 об.
- 21 Брюсов. Дневники. С. 71 (запись дополнена по автографу: РГБ. Ф. 386. Карт. 1. Ед.хр. 15/1. Л. 42 об—43). 23 октября Брюсов сообщал А. А. Курсинскому: «Теперь жду из Крыма визионерку г-жу Минцлову, впрочем, женщину прекрасную, понимающую стихи» (ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 346 / Публ. Р. Л. Щербакова).
- 22 ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 843. Л. 43—43 об.
- 23 РГБ. Ф. 386. Карт. 1. Ед. хр. 15/2. Л. 7—7 об. Запись, ретроспективно фиксирующая события конца октября 1899 г.
- 24 Волошин. С. 234.
- 25 Зеленая Змея. С. 139. О том, что Минцлова присутствовала при этом и надолго запомнила эпизод, см.: *Белый Андрей*. Воспоминания о Штейнере. Paris, [1982]. С. 72.
- 26 РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 37—38.
- 27 РГБ. Ф. 386. Карт. 85. Ед.хр. 6., Л. 58—59. В небольшом недатированном тексте дневникового характера М. В. Сабашникова говорила еще о некоторых литературных интересах Минцловой: «Мы говорили об Novalis'e, кот<орого> она перевела, о «Пире» Платона, кот<орый> она перевела для меня, о греческом языке. <...> — Мне жаль, что Вам нравится так проза Метерлинка, он слашав. — Нет, — сказ<ала> она, — у него есть поразительные вещи. Он один из моих любимцев. <...> — А мне чужд Пушкин, — сказала она. Тогда мы заговорили о поэтах. — Вот смотрите, на этот остров ездил Theophile Gautier с Judith. Оказалось, что она обожает его. Тогда мы стали говорить о нем, о Flobert'e, Bодler'e и Goncour'ax <так!>. Какая молодость у Judith! (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. Ед.хр. 23. Л. 1 об—2). Отметим, кстати, интерес к Теофилю и Жюдит Готье, общий у Минцловой с Гумилевым: которого она почти наверняка встречала на «башне» Вяч. Иванова.
- 28 См.: «Однажды в Пале Рояль она описывала нам группы людей из времен, предшествующих революции, так красочно, что я спросила ее, откуда она все это знает. Она назвала несколько писателей, в том числе Гонкуров; я прочитала эти книги, но ничего подобного в них не нашла» (Зеленая Змея. С. 125).

- 29 РГБ. Ф. 386. Карт. 85. Ед. хр. 6. Л. 17—17 об. Письмо от 17 октября <1900>. Упоминаемые здесь статьи Брюсова — «Метод медиумизма» (Рибус. 1900. № 30. 23 июля; посланный Минцловой экземпляр с дарственной надписью Брюсова: «Многоуважаемой Анне Рудольфовне Минцловой в знак неизменной любви и преданности. Валерий Брюсов», — хранится: РГБ. Ф. 109. Карт. 42. Ед. хр. 20) и «Поэзия Владимира Соловьева» (Русский архив. 1900. № 8; перепечатана — С р е д и с т и х о в. С. 49—58).
- 30 См., напр.: «Валерий Яковлевич, спасибо Вам за письмо и стихи Бальмонта. Они очень замечательны и очень прекрасны. Я рада, что моя вера в него, мои ожидания (я одна из первых разгадала его) — оправдываются... Я употребила слишком смелое выражение, которое и беру обратно: *разгадать* поэта — нельзя. Можно понять и восхищаться его поэзией, преклоняться перед этим даром Духа святого — но больше ничего нельзя нам, простым смертным» (Письмо от 3 августа 1899 // РГБ. Ф. 386. Карт. 85. Ед. хр. 6. Л. 33); «Как буду рада, если Вы пришлете мне стихотворения Добролюбова. Одно из них, которое Вы читали в Крыму, до сих пор звучит у меня в ушах. А знаете ли Вы, что чем больше я вчитываюсь в Ваши стихи, тем сильнее на меня они производят впечатление? Недавно я открыла Ваше стихотворение «Далекий Сириус, холодный и немой...» Я не могу передать Вам, как оно подействовало на меня именно теперь, Валерий Яковлевич, я умоляю Вас, если у Вас есть новые стихи (а это наверно так), пришлите их мне. Быть может, я ошибаюсь, ни никогда ничто не производило на меня такого впечатления, как Ваши стихи (не все, конечно)» (Письмо от 30 марта 1900 // Там же. Л. 35 об—36); «Я Вам никогда не сумею сказать, Валерий Яковлевич, какое впечатление на меня сделала «Книга раздумий», присланная Вами. Я получила эту книгу как раз в тот момент, когда я думала о Вас, т<ак> ч<то> я даже вздрогнула, когда мне подали ее. Лучшая часть книги — это Ваша, т. к. Бальмонт здесь очень бледен, есть у него отдельные удачные строфы — и только. Очень хорош «Южный полюс луны». Это — удивительное стихотворение. А из Ваших — кроме двух, которых я не люблю, — трудно сказать, какое лучше. Меня поразило разнообразие, царящее в Ваших стихах. Да, целый мир заключен здесь, и даже больше, чем мир. «Глаза», «Ассаргадон», «На новый колокол», «Демоны пыли», «Тень» и т. д. И все это — написано одним человеком. Это хорошо. Как я рада, что знаю Вас. Вы очень большой поэт, и Вам суждено сказать нечто совсем новое. Знаете, я никогда не запоминаю стихов наизусть, но некоторые из Ваших я уже знаю. «А если он возвратится...» Я не могу стряхнуть с себя настроение этого безжалостного стихотворения. Скажите, отчего так подобраны здесь все третьи строки? Конечно, это сделано с умыслом, этот удар на первом через известные промежутки времени вызывает зрительную галлюцинацию» (Письмо от 21 декабря 1899 // Там же. Л. 60—61). В последнем случае речь идет о переводе из «Пятнадцати песен» М. Метерлинка, написанном трехударным дольником, непривычным в конце XIX века размером. Все третьи строки в строфе открываются глаголом в повелительном наклонении. В недавнее время текст перепечатан: Зарубежная поэзия в переводах Валерия Брюсова. М., 1994. С. 540—543 (с параллельным французским текстом). В комментарии С. И. Гиндина указано, что сам Брюсов был весьма доволен своим переводом.
- 31 Описания начального этапа этой болезни можно найти в письмах Минцловой к Н. А. Рубакину.

- 32 Wachtel. P. 119—120.
- 33 Не развиваем далее эту тему, поскольку ей посвящена печатаемая ниже специальная наша статья «Из предыстории «Лиры Новалиса» Вяч. Иванова».
- 34 РГБ. Ф. 386. Карт. 85. Ед. хр. 6. Л. 50.
- 35 Там же. Л. 46—47.
- 36 О первом переводе 24/5 мая 1905 г. Минцлова сообщила Сабашниковой: «“Портрет Дориана Грэя” я кончила, вчера только» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. Ед.хр. 87. Л. 3 об), а в контексте ее интереса к Уайльдуду существен пассаж из письма к М. А. Волошину от 30 августа 1905 г.: «Целые дни раздавалась музыка стихов Бальмонта — за 4 месяца он написал там «Только Любовь», 2-й и половину 3-его тома Шелли, перевел (благодаря мне, отчасти) «Балладу о Рэдингской тюрьме», т. е. я ему достала, с неожиданной для меня энергией, английский текст О. У.» (Там же. Оп. 3. Ед.хр. 843. Л. 12 об).
- 37 Золотое руно. 1906. № 7—9. С. 176—177.
- 38 Весы. 1906. № 8. Ликиардопуло писал: «Если далеко не удовлетворителен перевод «Портрета Дориана Грэя», то перевод «Intentions» из рук вон плох» (С. 65—66).
- 39 О Теософическом конгрессе: Письмо из Лондона // Искусство. 1906. № V—VI—VII. С. 152.
- 40 ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. Ед.хр. 87. Л. 50—50 об. Ек. Ал. — Е. А. Бальмонт, М. А. — Волошин. Н. Тароватый — редактор журнала «Искусство».
- 41 Волошин. С. 228.
- 42 Зеленая Змея. С. 125. Ср. в дневнике Волошина: «Разговоры <с Минцловой> о мистических предвестиях Великой револ. юции» (Волошин. С. 229). Любопытно в этом отношении письмо Минцловой к Волошину от 20 октября 1905 г.: «Марг<арита> Вас<ильевна> написала Вам уже о моем лорнете? Да. Если я приеду в Париж, если выдержит моя физическая оболочка (Шт<ейнер> немного боится за меня) — я Вам тогда скажу и покажу необычайные вещи. Вы увидите один из моментов вечности. Люди, которых нет уже, встанут перед Вами, Вы увидите и услышите время Великой Революции, когда я, с этой вещью, сохранившей в себе память прошлого, коснусь земли Парижа...» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 843. Л. 30 об).
- 43 Первоначальная публикация части их исследования (рассчитанного на несколько томов) появилась уже после завершения работы над нашей статьей: У истоков русского штейнерианства // Звезда. 1998. № 6. В связи с этим использование нами материалов из архива М. А. Волошина в ИРЛИ сведено к минимуму.
- 44 4 письма Штейнера к Минцловой 1906—1908 гг. см.: *Steiner Rudolph. Zur Geschichte und aus den Inhalten der ersten Abteilung der Esoterischen Schule 1904 — 1914: Briefe, Rundbriefe, Dokumente und Vorträge.* Dornach, 1984. За предоставление копий приносим сердечную благодарность М. В. Безродному.
- 45 РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед.хр. 9. Л. 20—22. Многозначие, завершающее цитату, принадлежит самой Минцловой. См. также ряд статей под одинаковым названием «Символизм в духовном мире», появившихся в журнале «Ребус» в № 25, 31 и 38 за 1906 г.
- 46 Впрочем, символисты предпочитали не афишировать точки пересечения своих теорий с оккультными. Характерно, что в статье, посвященной теориям символа и опубликованной в специальном журнале, рассчитанном

на выявление тайных начал в предметах изысканий, прямо об этом практически не говорится (см.: *Вертлиб Евгений*. О природе символа у Андрея Белого и Вячеслава Иванова // *Гнозис*. 1973. № III—IV).

- 47 *Успенский П. Д.* Внутренний круг: О последней черте и о сверхчеловеке (Две лекции). СПб., 1913. С. 100.
- 48 Там же. С. 144.
- 49 Брюсов Дневники. С. 93.
- 50 Письмо от 12 января 1907 // РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 1. Л. 5—8 об.
- 51 Недатированное письмо, написанное между 12 и 20 января 1907 // Там же. Л. 20—23 об.
- 52 Письмо от 20 января 1907 // Там же. Л. 11—14 об.
- 53 РГБ. Ф. 109. Карт. 24. Ед. хр. 11. Л. 1—2 об.
- 54 РГБ. Ф. 109. Карт. 31. Ед. хр. 13. Л. 1—2 об. Еще через несколько дней, 26 февраля, она дополняла: «Милая, дорогая, еще не время Вам уйти к тишине, к одиночеству. Чтобы прийти туда совсем готовой, в полном расцвете сил и красоты духа, надо много, много пройти еще. Надо сменить семь <так!> одежд, возжечь семь светильников, пройти 7 моментов, 7 «праздников» души — так называются они на тайном языке. Первый праздник — тоска о рождении... 2. Праздник ужаса. 3. Праздник любви. 4. Праздник слияния. 5. Праздник удовлетворения. 6. Праздник Посвящения. 7. Праздник Рождения... И тогда только ты придешь к тишине, пройдя сквозь огонь ужаса, через глубокие воды любви и прозрачный воздух удовлетворения.... Вы — на первой ступени еще.... *Никто из Вас*, самые гениальные, самые великие из Вас, не знают истинного ужаса, любви, слияния.... Вы все томитесь тоской о рождении, бьетесь о страшные стены ее... Если отсюда прямо броситься к одиночеству и тишине, можно навеки изувечить душу свою и тех, кто связан с тобой законом вечности... Это — один из голосов бездны, не поддавайся ему! Пропasti и кручи, они существуют не для падения, а для преодолений и победы... Дорогая, душа моя полна любви и нежности к Вам, благословения и молитвы о Вас» (Там же. Л. 3—4).
- 55 Уже после появления журнального варианта этой статьи была написана диссертация: *Глухова Е. В.* «Посвятительный миф» в биографии и творчестве Андрея Белого. М., 1998, где третья глава названа: «Розенкрейцство и русский символизм». Ср. также статью: *Глухова Е. В.* Источник одной цитаты у Андрея Белого // *Литературный текст: проблемы и методы исследования*. Тверь, 1998.
- 56 *Странден Д.* Герметизм: Его происхождение и основные учения (Сокровенная философия египтян). СПб., 1914. С. 84—85.
- 57 См., напр.: *Протасов Сергей*. Розенкрейцеры, их учение и задачи // *Изда*. 1911—1912. № 6—8.
- 58 Среди подобного рода произведений назовем прежде всего анонимную публикацию: Среди Розенкрейцеров: Приключения одного исследователя оккультизма // *Ребус*. 1904. № 40—41, 46—48, 51—52; 1905. № 1, 2—6, 8, 10—11, 13—17.
- 59 ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. Ед. хр. 87. Л. 108—108 об.
- 60 Там же. Л. 110—111. Письмо от 24/11 мая 1907. Ср. также опубликованный отчет о конгрессе и розенкрейцерском цикле Штейнера: *Alba [Каменная А. А.]* Теософическое движение // *Вестник теософии*. 1908. № 1. С. 60—61. Обсуждение вопроса о розенкрейцестве Штейнера см. в печатаемом нами далее докладе П. А. Бурышкина.
- 61 ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 844. Л. 58. Письмо из Кельна от 29/12 сентября 1906 г.

- 62 Максимилиан Волошин в Петербурге: осень 1906. Письма к М. В. Сабашниковой / Публ. В. П. Купченко // М и н у в ш е е. Т. 21. С. 321 (кажется, вернее было бы раскрыть аббревиатуру «Вяч. Ив.» как «Вячеслав Иванович»). См., впрочем, позднейшую запись Кузмина: «Ивановы познакомились с ней еще в Москве, где у нее было много друзей, да и она и жила в Москве, бывая только наездами в Петербург<е>...» (Кузмин. Дневник - 34. С. 111).
- 63 Цитируем (как и далее на протяжении всей книги) по тексту, приготовленному Н. А. Богомоловым и С. В. Шумихиным для публикации. К первой записи см. его позднейшие воспоминания: «Мне Ан<на> Р<удольфовна> давала уроки ясновиденья, причем впервые я узнал поразившие меня навсегда суждения, что воображение — младшая сестра ясновиденья, что не надо его бояться» (Кузмин. Дневник - 34. С. 111. Г. А. Морев в комментарии справедливо напоминает об использовании этой формулы в романе Кузмина о Калиостро).
- 64 *Белый Андрей*. Между двух революций. С. 316—317.
- 65 Белый о Блоке. С. 360.
- 66 Герцык. С. 120—122. Еще более неприязненно описание ее внешности у Н. Валентинова: «Она произвела на меня самое неприятное впечатление: толстый обрубок, грязные, желтоватые волосы, огромный, глупый лоб, узенькие свиные глазки и, главное — речи» (*Валентинов Н.* Два года с символистами. Stanford, 1969. С. 219).
- 67 Зеленая Змея. С. 123—124. Ср. также портрет Минцловой в «Самопознании» Н. А. Бердяева и в более раннем дневниковом наброске самой Сабашниковой: «Она немолодая уже девушка, у нее хронический насморк и п<о>т<ому> она говорит в нос, она неуклюжая, с большим лбом, плохо видит, очень рассеянная, еще — — она очень образованная — — — — видит судьбу по руке — — и телепатические способности у нее очень сильны» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. Ед.хр. 23. Л. 1). Ср. также откровенно неприязненный портрет, сделанный Кузминым в позднем дневнике (Кузмин. Дневник - 34. С. 111).
- 68 Волошин. С. 278. Запись от 25 ноября 1907 г.
- 69 РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 39—40.
- 70 Волошин. С. 261.
- 71 Богомолов. С. 95—96.
- 72 РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед.хр. 1. Л. 9—10 об. Датируется по почтовому штемпелю.
- 73 См. в поздней записи Кузмина: «...она говорила очень быстро и тихо, неуверенно и неубедительно, когда она говорила что-нибудь невпопад, она говорила «да, да, да, да» и сейчас же начинала лепетать совершенно противоположное тому, что только что говорила» (Кузмин. Дневник - 34. С. 111).
- 74 РГБ. Ф. 167. Карт. 22. Ед.хр. 16.
- 75 Там же. А. М. Метнер (урожд. Братенши) ушла от Э. К. Метнера к его брату, композитору Николаю Карловичу, что причинило немало страданий первому. Подробнее см.: *Ljunggren Magnus. The Russian Mephisto: A Study of the Life and Work of Emilii Medtner.* [Stockholm, 1994]. P. 36—37 passim. О свидании Минцловой с кем-то из великих князей см. также: «...мне помнится, как она сообщала, что будто бы она имела беседу с одним из великих князей, мартинистов, что будто бы этот последний поставил вопрос, как нам быть с нашей родиной и что делать с царем Николаем Вторым» (Белый о Блоке. С. 360).

- 76 Волошин С. 274.
- 77 ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. Ед.хр. 87. Л. 103 об — 104 об.
- 78 РГБ. Ф. 109. Карт. 15. Ед. хр. 9. Л. 39—39 об. Штемпель 11.10.1907.
- 79 Волошин С. 276.
- 80 Письма Елены Рерих: 1929—1938. Новосибирск, 1992. Т. II. С. 279—280. Впрочем, не исключено, что и в практике минцловских «посвященных» было нечто от откровенного шарлатанства. На это, как кажется, намекают записи М. Кузмина, итог которых можно подвести фразой: «Розенкрейцерство всегда мне казалось каким-то жалким маскарадом...» (Кузмин Дневник - 34. С. 111. Подробнее см.: Там же. С. 113). Обратим, впрочем, внимание, что во всех этих случаях имеется в виду розенкрейцерство «базарное», что совсем не исключает интереса к розенкрейцерству «истинному».
- 81 РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед.хр. 27. Л. 100—101.
- 82 См.: Богомолов С. 127—129; Кузмин М. Стихотворения. СПб., 1996. С. 698—699. Ср. также описание видения Андрея Белого во время медитации в декабре 1913 г. (Белый и антропософия Т. 6. С. 364—365), а также отчасти связанный с Минцловой эпизод, переданный Е. Ю. Рапп (*Бердяев Николай*. Самопознание: Опыт философской автобиографии. М., 1991. С. 309).
- 83 РГБ. Ф. 109. Карт. 43. Ед.хр. 6. Л. 75. Запись от 30 января 1908.
- 84 Там же. Л. 76. Датировано январем 1908. Другие записи видений — 3 и 4 февраля (л. 80—82), 4 и 9 апреля 1908 (л.84—85), январь 1908 (л. 115); 31 января (л. 116).
- 85 В оригинале: коллону.
- 86 Там же. Л. 77, 79; на л. 78 — зарисовка описываемого видения.
- 87 См. в письме М. А. Бородаевской к Иванову и В. К. Шварсалон: «Не завезли ли Вы нечаянно обруганного Вами Шюрэ? Нигде его не нахожу» (РГБ. Ф. 109. Карт, 13. Ед. хр. 67. Л. 5. Письмо с московским штемпелем. 11 октября 1913 г.).
- 88 РГБ. Ф. 109. Карт. 37. Ед. хр. 17. Л. 25—27. На л. 28—29 — другой вариант начала, л. 30 — набросок самого начала этого же письма, что свидетельствует о важности послания. Письмо не датировано, но оно явно относится к лету 1908 г., когда Шварсалон и Минцлова ждали Иванова и Замятнину в Судаче, а те откладывали приезд.
- 89 РГБ. Ф. 109. Карт. 20. Ед. хр. 7. Л. 6—6 об. Письмо от 22 мая. И. фон Гюнтер — немецкий поэт (живший в Митаве), переводчик, гостивший в это время на «башне».
- 90 Далее вписано сверху: «Читай одна это».
- 91 РГБ. Ф. 109. Карт. 20. Ед. хр. 3. Л 15—17.
- 92 Герцык С. 212. Запись от 5 октября 1908 г.
- 93 Там же. С. 359 (запятая после слова «мне» вставлена нами по смыслу). Евгения Антоновна — мачеха сестер Герцык.
- 94 Подробнее см. ниже, в статье «Вячеслав Иванов и Кузмин: к истории отношений». Для воспроизведения канвы отношений Кузмина к Минцловой весьма существен его дневник 1934 года, дающий ретроспективную оценку событий, фактическая сторона которых изложена нами.
- 95 Впервые опубликовано — Золотое руно. 1908. № 3—4, 5. В виде публичной лекции было произнесено дважды: 25 марта 1908 года в московском Литературно-художественном кружке и (возможно, в несколько ином варианте) 30 марта в московском Религиозно-философском обществе под названием «Символизм и религиозное творчество». Третья лекция, о ко-

- торой пишет Г. В. Обатнин (Вячеслав Иванов и смерть Л. Д. Зиновьевой-Аннибал: концепция «реализма» // Модернизм и постмодернизм в русской литературе и культуре / *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia V. Helsinki*, 1996. С. 145), нам неизвестна.
- 96 И в а н о в. Т. II. С. 537.
- 97 Приведем одно неизвестное свидетельство, принадлежащее М. М. Замятиной. 3 января 1909 г. она записала: «За обедом Вячесл<ав> выяснял свое отношение к Штейнеру. Вячеслав видит из Гегеля вытекающими три разветвления <?>: Тيوبингенское христианство — Марксизм, т<о> е<сть> Соц<иал>-дем<ократия> — и Штейнерьянство — Другое <так!> исток от — Гете, Шопенгауэр — Достоевский — Нитше — Соловьев — к Вячесл<аву> — То Аполлон, то Дионис» (РГБ. Ф. 109. Карт. 43. Ед. хр. 6. Л. 86). Однако для внешних наблюдателей отношение это выглядело, особенно в позднее время, решительно отрицательным. Добавим к ряду хорошо известных текстов еще один — из уже цитированного письма М. А. Бородаевской и Иванову и В. К. Ивановой-Шварсалон: «Читаем Штейнера, и только остается поражаться необычайной стройности его системы, но не Вам упрямцу это рассказывать» (РГБ. Ф. 109. Карт. 13. Ед. хр. 67. Л. 5 об). Ср. также теперь: «Иногда Ан<на> Р<удольфовна> читала по запискам какие-то лекции Штейнера. Вяч. Ив. взвизвался, как змей, и критиковал» (Кузмин и Дневник - 34. С. 111).
- 98 Письмо из Базеля от 3/16 сентября 1909 // РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 10. Л. 5 об—7 об.
- 99 Там же. Ед. хр. 7. Л. 1—3 об. Михаил Иванович Сизов (1884—1956) — друг Белого, антропософ; Софья Николаевна Шиль (1863—1928) — писательница и переводчица, пользовавшаяся псевдонимом Сергей Орловский; Клеопатра Петровна Христофорова (ум. 1934) — руководительница теософского кружка в Москве, близкая подруга Миншловой. Отметим, что творчество Бальмонта для Миншловой в это время по-прежнему оставалось чрезвычайно существенным в эзотерическом плане, тогда как для символистов, и для Иванова в том числе, оно уже скорее относилось к числу отодвинувшихся в прошлое.
- 100 Прямо сказано об этом в дневнике Кузмина 1934 года (С. 112).
- 101 См. ниже. С. 327.
- 102 Г е р ц ы к. С. 212—213.
- 103 Там же. С. 213.
- 104 Письмо от 27 января 1908 // РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 3. Л. 39 об—41. Обсуждение вопроса о масонстве Иванова см.: Кузмин и Дневник - 34. С. 110—111 и коммент. Г. А. Морева на с. 305—306.
- 105 Далее 6 строк зачеркнуто.
- 106 Письмо от 11 ноября 1908 // Там же. Ед. хр. 5. Л. 16—17 об.
- 107 Далее строка зачеркнута.
- 108 Далее строка зачеркнута.
- 109 «Я» подчеркнуто дважды.
- 110 Письмо от 12 ноября 1908 // Там же. Л. 18—22 об.
- 111 Письмо от 14 ноября 1908 // Там же. Л. 25—25 об. Аналогичный эпизод рассказан в письмах от 26 и 27 ноября (Там же. Л. 64 об—69 об).
- 112 Письмо от 15 ноября 1908 // Там же. Л. 26—27 об.
- 113 Ср. значительно (по масштабам знакомства) позже, в письме от 25 июля 1909 г.: «А кругом все осложняется и темнеет. «Восток» опять выступает, неожиданно и страшно. Мне приходится опять столкнуться с «ними», о ком так верно чувствует вещая, глухая душа Андрея Белого — хотя *ни слова* я

- с ним не говорила об этом и «о них»...» (РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед.хр. 9. Л. 14).
- 114 Там же. Л. 12—13 об.
- 115 Там же. Л. 38—41.
- 116 Там же. Л. 42 об.
- 117 История этого несостоявшегося предприятия подробно рассмотрена нами в статье «Из истории русской потенциальной журналистики» (Наст. изд.).
- 118 См.: СагIсон (1).
- 119 Письмо от 5 января 1908 // Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М., 1940. С. 225.
- 120 РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 6. Л. 7. 28 ноября 1908 г. Д. С. Мережковский читал в открытом заседании Религиозно-философского общества памяти В. С. Соловьева (в переполненной, судя по отчету, Большой аудитории Политехнического музея) лекцию о Лермонтове «Поэт сверхчеловечества». Некоторые дополнительные подробности см. ниже, в статье «К истории одного литературного скандала».
- 121 Там же. Л. 12. Имеющаяся здесь в виду заметка — неподписанный отчет, в котором писалось: «*Бугаев* страстно обрушивается на оппонентов, которые произносят «мертвые слова», но, не возражая им по существу, сыплет афоризмами вроде того, что в стихотворениях Лермонтова можно найти «отблеск Соловьевщины» (!), много распространяется о Соловьеве и очень мало о Лермонтове. Оратор имел успех у публики» (Русские ведомости. 1908. 29 ноября. № 227). Ср. в отчете той же газеты о последовавшей вскоре лекции Д. В. Филоσοфова в Литературно-художественном кружке: «<Белый> ...рисует беспомощное положение писателя, искренне стремившегося к выяснению высших духовных запросов человечности, среди окружающего моря беспринципности и обращается к публике с призывом защитить писателя от хулиганства в литературе и критике. <...> А. Белый порывается ответить, но слово берет Д. С. Мережковский <...> Среди шума А. Белый начинает взволнованно говорить на тему о легкомыслии публики <...> Чего смеетесь? Над собой смеетесь! — кричит А. Белый» ([Б. п.] В Литературно-художественном кружке // Русские ведомости. 1908. 4 декабря. № 281). К вопросу о сумасшествии Андрея Белого см. в воспоминаниях Н. Валентинова: «“Оккультистка” Минцлова была несомненно сумасшедшей, и она околдовала Белого» (Валентинов Н. Цит. соч. С. 219).
- 122 РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед.хр. 6. Л. 14 об—16 об. Отметим, что непосредственно перед этим, в ноябре, Иванов в подробном письме пытался объясниться с Мережковскими по принципиальным вопросам (В настоящее время переписка Иванова с Мережковским приготовлена к печати М. Цимборской-Лебодой и Н. А. Богомоловым)..
- 123 И в а н о в. Т. IV. С. 616. Впервые — Критическое обозрение. 1909. Вып. 2.
- 124 Белый и антропософия. Т. 8. С. 430—431.
- 125 Белый о Блоке. С. 341. Точное хронологическое прикрепление этого описания затруднительно: в «Касаниях к теософии» Белый записывает под 1908 годом: «С осени страшно интересуюсь теософией <...> Начинаю посещать лекции Эртеля в теософском кружке...» — что подтверждает датировки мемуаров. Однако «стансы книги “*Dzian*”, составляющие ядро «Тайной Доктрины», упоминаются им еще при описании 1905 г., а запись: «Начинаю читать “*Doctrine secrète*” — отнесена уже к 1909 г. (Белый и антропософия. Т. 9. С. 450).

- 126 Белый и антропософия. С. 450.
- 127 Хронология организационных работ Христианской секции восстановления Г. В. Обатниным (Ежегодник на 1991 год. С. 142).
- 128 Отметим, что в варианте мемуаров 1928 года («Почему я стал символистом...») Белый превратно истолковывал «покаяние» Иванова: «...в *«Мусагет»* является, как в Каноссу, покаявшийся *«грешник»* Вячеслав Иванов, ведомый нашей инспиратрисой, Минцловой; как не принять его, когда и он оказывается ее покорным учеником; мы не папы Григории...» (СКМ. С. 451).
- 129 Подчеркнуто дважды.
- 130 РГБ. Ф. 109. Карт. 10. Ед. хр. 20. Л. 6. Через несколько дней Иванов написал (и снова не отправил) второй вариант письма, где ту же мысль сформулировал следующим образом: «...я писал Вам, что обращаться к Андрею Белому по пустякам письменно — когда хотелось бы (и все *нельзя* по внутренним, глубоким и светлым причинам) говорить с ним только об ином и истинном — казалось мне неуместным и недожным» (Там же. Л. 8).
- 131 РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 52—53. Отметим, что в рецензии Иванова на «Пепел» ни о чем подобном речи нет.
- 132 Доводы М. В. Безродного, представленные им в докладе «В. Иванов в «Мусагете»» на конференции «Вячеслав Иванов и его время» в Вене в июле 1998 г. и в дискуссии после него, убедительными нам не представились. Однако обсуждение этого вопроса должно быть продолжено. Материалы к такому потенциальному обсуждению отчасти представлены в публикации: Лаппо-Данилевский Константин. набросок Вяч. Иванова «Евреи и русские» // НЛО. 1996. № 21.
- 133 Письмо Минцловой к Андрею Белому от 16 ноября 1909 г. // РГБ. Ф. 25. Карт. 19. Ед. хр. 17. Л. 35—36 об. «Штемпелеванная культура» — отсылка к статье: *Бугаев Борис*. На перевале. XIV. Штемпелеванная культура // Весы. 1909. № 9. Об «антисемитских» настроениях у Белого см. подробнее (в том числе и с цитированием того же письма): *Безродный Михаил*. О «юдобоязни» Андрея Белого // НЛО. 1997. № 28, а также в обстоятельной статье: *Постоутенко Кирилл*. Н. К. и Э. К. Метнеры: парадокс национальной самоидентификации (к публикации неизвестного письма А. Белого) // Опыты. 1994. № 1 (то же: *De Visu*. 1994. № 1/2, с иным подзаголовком: «К истории одного письма А. Белого»).
- 134 Подробнее об этом см. ниже, в статье «История одного литературного скандала».
- 135 Об этом эпизоде подробно рассказано далее, в статье «Из оккультного быта «башни» Вяч. Иванова», дополненной публикацией дневниковых записей В. К. Шварсалон, потому не будем более подробно на этом останавливаться.
- 136 РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 8. Л. 34 об—35. В воспоминаниях Белого эта сцена выглядит несколько иначе: «Я иду переулком; и думаю — о суете; затарарыкали колеса извозчика, обгоняя; гляжу — спина Минцловой (значит, вернулась она?); вспоминаю я лепет — мне в ухо (во время скандала в «Кружке»):

— Мы весною увидимся!

А спина улыбулася; от нее безо всякого объяснения брызнули струи тепла: над опущенным верхом извозчика; солнце сторукое попыталось явиться на свет — из спины; уж не знаю, — явилось ли, потому что я с места споткнулся о тумбу; прыжком очутился в пролетке; и — сел рядом с Минцловой; вздрогнуло толстое тело ее (не в мешке, а, представьте

себе, — в сером платье, в такой же жакетке); и повернулась вуаль василькового цвета, опущенная на лицо от соломенной шляпы, и будто она, покотившись по кривеньким переулкам, ждала появления меня рядом с нею в пролетке; без всякого удивления улыбнулась, подавши мне кончики пальцев в перчатке:

— Нам видетсяя надо.

— Когда?

— Да когда захотите, — у вас; но послушайте: гарантируйте, что никого я не встречу....» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 71—72).

- 137 Имеются в виду слова Белого: «Озаглавливая свою первую книгу стихов *«Золото в лазури»*, я вовсе не соединял с этой юношеской, во многом несовершенной книгой того символического смысла, который носит ее заглавие: *Лазурь* — символ высоких посвящений; *золотой треугольник* -- атрибут Хирама, строителя Соломонова храма. Что такое лазурь и что такое золото? На это ответят розенкрейцеры» (*Белый Андрей*. Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1966. С. 545; слово «посвящений» (вместо «просвящений») восстановлено по первой публикации).
- 138 РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 73—74.
- 139 Там же. Л. 102.
- 140 РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 9. Л. 6—7 об. О «Гельсингфорсе» см. ниже.
- 141 И в а н о в. Т. II. С. 787. Запись от 11 августа 1909 г.
- 142 РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 9. Л. 55—55 об.
- 143 И в а н о в. Т. II. С. 798. Отметим, что несколькими днями ранее Иванов писал о встрече с пасынком, С. К. Шварсаломом, переживавшим в это время нелегкую любовь к юрьевской проститутке: «Я был с ним интимен о себе как, быть может, никогда. Говорил откровенно о Маргарите, умолчал только о чувственном. О моих отношениях с Верой также, конечно, ничего не говорил» (Там же. С. 795—796).
- 144 Там же. С. 799.
- 145 См.: Там же. С. 801—802. Ср. также запись в дневнике В. К. Шварсалон от 23 сентября (Наст. изд. С. 334) и комментариев к ней.
- 146 Там же. С. 802. Сохраняем особенности правописания этой публикации.
- 147 РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 8. Л. 46—49.
- 148 Там же. Карт. 10. Ед. хр. 20. Л. 2—3.
- 149 РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 10. Л. 32—33 об.
- 150 РГБ. Ф. 109. Карт. 31. Ед. хр. 1. Л. 19—32. В настоящее время письмо от 9 октября полностью опубликовано В. И. Кейданом: В з ы с к у ю щ и е Г р а д а: С. 209—210. Упоминаемый здесь рассказ Н. Гернет — В свягом святых славян (Аркона в плену) // Вестник теософии. 1908. № 5/6. Перепечатан — Вестник теософии. 1994. № 1—2.
- 151 Б е л ы й и а н т р о п о с о ф и я. Т. 6. С. 402. В оригинале описание значительно подробнее; в частности, там есть старый калмык, ведущий войска из прошлого на современность. Ввиду того, что цитируемый текст «Материала для биографии» был начат в 1923 г., отчетливый намек на Ленина мог быть позднейшим наслоением. Рассказ М. В. Сабашниковой об этой поездке и переживаниях Белого см.: З е л е н а я З м е я. С. 247—248.
- 152 Письмо от 24 июля 1909 // РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 9. Л. 11—11 об.
- 153 Там же. Л. 15—17 об.
- 154 Там же. Л. 18—18 об.
- 155 Письмо от 23/5 марта 1909 из Кельна // РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 7. Л. 59 об—60 об.

- 156 Письмо от 21/3 марта 1909 // РГБ. Ф. 386. Карт. 85. Ед. хр. 6. Л. 3—4 об.
- 157 Письмо от 11 февраля 1909 // Там же. Л. 1—1 об.
- 158 Ср. записанный М. А. Волошиным «долгий разговор о Москве и литературных ненавистях: Брюсове, Эллисе, Белом» (Волошин. С. 269—270), в передаче которого, однако, трудно отличить его собственные мнения от высказываний Минцловой.
- 159 Письмо к Иванову от 16 октября 1909 г. из Нюрнберга // РГБ. Ф. 109. Карт. 31. Ед. хр. 1. Л. 42—43.
- 160 *Иванова Лидия*. Воспоминания: Книга об отце. [Paris, 1990]. С. 33—34. Об игре Минцловой см. также гораздо менее снисходительное мнение: «Минцлова за роялью, и поток бетховенских сонат. Не соблюдая счета, ритма, перемахивая через трудности, но с огнем, с убедительностью» (Герцык. С. 121). В отсутствие Минцловой эту функцию нередко исполнял М. Кузмин, оценивавший исполнительские таланты Минцловой уничижительно: «В тесном кругу она играла сонаты Бетховена. Играла она невероятно плохо, не туда попадая, без ритма, тыкаясь носом в ноты, будто гонимая ветром, бесформенно и хлипко, давая им (особенно 4-ой) какие-то мистические и наивные объяснения <...> Но музыка Ан<ны> Р<удольфовны> слушалась с таким благоговением и так обставлялась, что поневоле производила впечатление. <...> Сестры Герцык часто слушали эти сонаты, стоя на коленях» (Кузмин. Дневник - 34. С. 111).
- 161 РГБ. Ф. 109. Карт. 31. Ед. хр. 1. Л. 47—49 об.
- 162 См.: Богомолов. С. 91. Сохранился, однако, небольшой фрагмент недатированного письма, в котором Минцлова, по-прежнему сожалея об утрате первоначального текста и о внутренней для нее невозможности хоть как-то его восстановить, все же говорит несколько слов о том главном, что содержится в повести «Тридцать три уroda»: «На меня очень, очень сильное впечатление произвела эта вещь. Я не считаю ее очень совершенной по слову, Лидия моя. Тот огонь, которым жжет она — он пробивается насквозь, этот огонь, и уродует, искажает и затемняет минутами вечность форм, с огромной силой вызванных к жизни в этом творении. Но впечатление, сила страшная исходит от него. И что страшнее всего — эта сила в ту минуту, когда писалась эта повесть — еще не нашла разрешения себе, не нашла выхода себе.... Здесь передано (со страшной силой, повторяю) безумное волнение, отчаяние, искание в области пола, жгучий вопрос, не нашедший себе ответа и обращенный на тело, тело, тело физическое —» (РГБ. Ф. 109. Карт. 31. Ед. хр. 13. Л. 4 об—5).
- 163 РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 8. Л. 53—54.
- 164 РГБ. Ф. 109. Карт. 31. Ед. хр. 6. Л. 35—35 об.
- 165 См.: *Иванов Вяч. И.* Предисловие к повести Л. Д. Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три уroda» / Публ. Г. В. Обатнина // *De Visu*. 1993. № 9. Ныне перепеч. также: *Зиновьева-Аннибал Лидия*. Тридцать три уroda. М., 1999.
- 166 Первое действие комедии было опубликовано: Цветник Ор: Кошница первая. СПб., 1907. По рукописи РГБ вся пьеса целиком опубликована: *Театр*. 1993. № 5 (публ. Н. А. Богомолова; ныне воспроизведено в книге Зиновьевой-Аннибал, названной в предыдущем примечании). По сообщению А. Б. Шишкина, в Римском архиве Вяч. Иванова хранится текст «Певучего осла» с его правкой.
- 167 Письмо к Вяч. Иванову от 4 ноября 1909 // РГБ. Ф. 109. Карт. 31. Ед. хр. 2. Л. 1—2 об.
- 168 Белый о Блоке. С. 348.

- 169 РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 93—94. Об истории книгоиздательства «Мусaget» см., помимо названной выше книги М. Юнгтрена, содержательную книговедческую работу: *Толстых Г. А.* Издательство «Мусaget» // Книга: Исследования и материалы. М., 1988. Сб. LVI.
- 170 См., напр., в письме Минцловой Иванову от 29 марта 1910: «У меня был Гр. Ал. Рачинский — — — О нем я *не могу* сейчас рассказать — — — Да, *Вы* <подчеркнуто дважды> правы, любимый — — *Вы и А. Белый* в своих рассказах о Гр. Ал. Рачинском. Скажу только одно сейчас — — Гр. Ал. *понял* все и *знает* все — — — и сразу, прежде чем я сказала ему что-либо, *встал на помощь и защиту* меня <последнее слово подчеркнуто волнистой чертой> — — — *Он знает*, он знает великий и страшный оккультный закон, *отчего?* (в белой магии) сильнейшими являются *руки держащие*, чем *руки поднимающиеся* вверх — он знает, *что* <подчеркнуто дважды> значит «отрубить руки» — — Я благодарю Вас, Вячеслав, за то, что *Вы* мне показали на Гр.<игория> Ал.<ексеевича>» (РГБ. Ф. 109. Карт. 31. Ед. хр. 5. Л. 21—21 об; сходные отзывы в письмах Минцловой многократны). Ср. также в письме Рачинского Иванову от 22 мая 1910 г.: «Сейчас вернулся домой от Анны Рудольфовны: в немногих сказанных ею мне словах привет от Вас я почувствовал такую любовь ко мне и дружбу, что хочется хоть на бумаге обнять Вас и крепко, крепко поцеловать» (РГБ. Ф. 109. Карт. 33. Ед. хр. 44. Л. 2).
- 171 См.: «Петровский очень долго сидел у меня сегодня, рассказывал о «Мусagetе» — — (он ведь принимает там самое деятельное участие)» (Письмо Минцловой к Иванову от 28 декабря 1909 // РГБ. Ф. 109. Карт. 31. Ед. хр. 2. Л. 52).
- 172 См.: *Богомолов Н. А.* Заметки о русском модернизме // НЛО. 1997. № 24. С. 248—250.
- 173 См.: «— Меттнер — *не* в Москве, и у него, и у Киселева (это *тоже* один из приведенных ко мне А. Белым «Мусaget» и *очень* интересный человек) — У них обоих есть охрана и ограда — они оба женаты, и жены их — — очень светлые, благородные и сильные духом — — — Я очень близка с ними —» (Письмо Минцловой к Иванову от 1 января 1910 // РГБ. Ф. 109. Карт. 31. Ед. хр. 3. Л. 5 об — 7).
- 174 См.: «— Сегодня пришел ко мне М. И. Сизов — — у нас был очень смутный, далекий разговор — я его *очень* чувствую и слышу — — — он еще придет ко мне скоро; пока я еще только ориентируюсь в нем —
— Меня поразили его руки, эти знающие, помнящие руки, на которые пало забвение — — и весь он — странный и тоскующий, знающий о том, что «*невыносимо* дальше *так* быть» —
— Он знает и о «звездной вершинности над храмом чистоты» — —
При этом огромная сила, это полное и безусловное бесстрашие — вернее, абсолютная *невозможность* органическая никакого страха или трусости — — —
Но его я пока отстранила еще от себя — Прежде всего, я знаю, что у него есть жена, и я должна увидеть его жену, прежде чем решить, могу ли я быть с ним — — или же я должна отойти от него далеко (как это было уже с Бердяевым) — —» (Письмо Минцловой к Иванову от 3 марта 1910 // Там же. Ед. хр. 4. Л. 16 об—17 об).
- 175 Там же. Ед. хр. 3. Л. 1—2.
- 176 РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 117—122.
- 177 Подчеркнуто дважды.

- 178 РГБ. Ф. 109. Карт. 31. Ед. хр. 4. Л. 14—16 об. Приведем также свидетельство сторонних предприятно людей: «Рачинский смешил тем, что все время вставлял: мы с Борис Николаевичем теперь в такой фазе и т. д., таинственно и многозначительно намекал на свою прикосновенность к орденской мистике, к розенкрейцерству» (Письмо Е. К. Герцык к Вяч. Иванову от 14 января 1910 г. // Герцык С. С. 359. Слово «фазе» вместо «фразе» подставлено нами согласно смыслу); «Позавчера виделся с М<аргаритой> К<ирилловой> <Морозовой> <...> помянули Лидию Дмитривну и поговорили о Белом, Иванове, теософии, “розенкрейцерах-мусагетчиках”» (Письмо В. Ф. Эрн к Е. Д. Эрн от 3 апреля 1910 г. // Взыскующие Града. С. 258).
- 179 РГБ. Ф. 109. Карт. 39. Ед. хр. 2. Л. 52—53.
- 180 Изложение событий, связанных с докладом Иванова, см.: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 365—366.
- 181 Взыскующие Града. С. 254.
- 182 Подчеркнуто дважды.
- 183 РГБ. Ф. 109. Карт. 31. Ед. хр. 4. Л. 20—21.
- 184 ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 366.
- 185 Слово залито кляксой и читается предположительно.
- 186 РГБ. Ф. 109. Карт 31. Ед. хр. 4. Л. 24—25 об.
- 187 Специально этому вопросу посвящена статья «К истолкованию статьи Блока “О современном состоянии русского символизма”».
- 188 Отрывок — ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 369. Ср. там же (с. 368) письмо Е. К. Герцык, читавшей эту статью вместе с Минцловой, к Иванову.
- 189 РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед.хр. 27. Л. 127.
- 190 Лавров. С. 310.
- 191 Последние два слова подчеркнуты дважды.
- 192 РГБ. Ф. 109. Карт. 31. Ед. хр. 4. Л. 26—28 об.
- 193 РГБ. Ф. 25. Карт. 10. Ед. хр. 17. Л. 8—10 об. О «Великом Колоколе» см. в записи Е. К. Герцык от 3 октября 1908 г. (воспроизводятся слова Иванова): «Мечта о социализме и более справедливом устройении человечества одна дает нам право прислушиваться к гулу в душе Великого Колокола. Только если есть для всех путь к хлебу и правде, то мы — немногие — можем веять пожаром. Будет лучше и сытей большинство — и тогда только отделятся Братья Великого Колокола, вольно поющие, вольно спорящие...» (Герцык С. С. 210—211); E.S. — сокращение от «Esoterische Stunde», то есть «эзотерических уроков», которые Штейнер давал небольшому кругу избранных последователей. Белый писал: «Большим событием для меня было принятие нас с Асей в E.S. («Esoterische Stunde» — соборания для учеников, применяющих методы к себе духовной науки; здесь все указания д-ра <Штейнера> специальные, техничны; в «E.S.» допущены были не все члены А<нтропософского> О<бщества>» (Белый и антропософия. Т. 6. С. 353. Ср.: СКМ. С. 466). Сам Белый был принят в этот круг в мае 1913 года.
- 194 РГБ. Ф. 109. Карт. 31. Ед.хр. 5. Л. 20—22 об.
- 195 См. в ее письме к Э. К. Метнеру от 8/21 июля 1910 из Судака: «Милый Эмиль Карлович, если бы Вы знали, как тяжело и трудно мне здесь, все время ощущение, точно пломбируют зубы, от этих «умных» разговоров «сестер Герцык» — — Я должна, впрочем, сказать, что мне все здесь делают все, чтобы облегчить мое пребывание здесь, и они были очень взволнованы и потрясены моим быстрым, немедленным и «победным» (как выражается Евг. Герцык) приездом — — Но все же, как гвоздем по

- стеклу, режут меня постоянно все слова и мысли этих «возвышенных» натур — — — И насколько легко и радостно было мне на берегах Белого моря, в самой суровой обстановке и дисциплине последней строгости — — — настолько *трудно* мне здесь, каждый день, и мгновение, и час — —» (РГБ. Ф. 167. Карт. 14. Ед.хр. 28. Л. 24—24 об). Ср., однако, признание Е. К. Герцык в письме к В. Ф. Эрну от 31 июля: «...я много говорила с Минцловой <...>. Я была с нею раньше во вражде и теперь узнала ее впервые близко и по-новому» (В з ы с к у ю щ и е Г р а д а. С. 270).
- 196 Бердяев Николай. Самопознание. С. 173—174.
- 197 Письмо Иванову со ст. Джанкой от 18/5 августа 1910 // РГБ. Ф. 109. Карт. 31. Ед.хр. 6. Л. 36—37 об, 38 об.
- 198 Там же. Л. 41—41 об. Письмо от 20/7 августа.
- 199 РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 135—136.
- 200 Письмо от 18/31 августа 1910 // РГБ. Ф. 109. Карт. 31. Ед. хр. 6. Л. 43 об—45 об.
- 201 РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 136—137.
- 202 РГБ. Ф. 109. Карт. 31. Ед. хр. 6. Л. 43—43 об.
- 203 Бердяев Николай. Цит. соч. С. 174.
- 204 РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед.хр. 27. Л. 137. М. Кузмин вспоминал: «Минцлова в один прекрасный день исчезла. Вяч. сказал, что она «ушла» и больше мы ее не увидим. Оказалось, она превысила свои полномочия, что-то выболтала, была «оставлена» и утопилась в Иматре» (К у з м и н. Д н е в н и к - 34. С. 112). Источник этих сведений нам неизвестен и вряд ли может быть особенно авторитетным, т. к. Иванов мог достоверно обладать только теми сведениями, которые мы уже сообщили.
- 205 РГБ. Ф. 167. Карт. 22. Ед.хр. 18.
- 206 РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 137.
- 207 Белый и антропософия. Т. 9. С. 467.
- 208 Цит. по: Зеленая Змея. С. 366.
- 209 Полностью или частично письмо опубликовано по крайней мере трижды: Богомолов. С. 95—96; Из писем к В. И. Иванову и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал Н. А. и Л. Ю. Бердяевых / Вступ. ст., подг. писем и примеч. А. Б. Шишкина // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 138—140; В з ы с к у ю щ и е Г р а д а. С. 616—618 (по машинописной копии и без учета предшествующих публикаций).
- 210 См. его письмо к Иванову от 17 марта 1909 г., также неоднократно опубликованное: Новый мир. 1991. № 1. С. 231—232 / Публ. Р. А. Гальцевой (с неточностями); Богомолов. С. 92—93; Из писем к В. И. Иванову... С. 134—136; В з ы с к у ю щ и е Г р а д а. С. 176—178 (с неточной датой и с учетом только публикации Р. А. Гальцевой).
- 211 Волошин Максимилиан. Стихотворения и поэмы. СПб., 1995. С. 173.
- 212 См.: Толстая Е. Д. Буратино и подтексты Алексея Толстого // Известия АН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 2; Кацис Л. Ф. Кто такой Буратино? (Литеронетки в русской прозе 1920—1930-х годов) // Там же.
- 213 РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 124.
- 214 Помимо публикуемой ниже статьи «К истолкованию статьи Блока “О современном состоянии русского символизма”», см. также: Белый о Блоке. С. 369, 388, 455, 464.
- 215 РГБ. Ф. 25. Карт. 12. Ед.хр. 6. Л. 24 об—25. Недатированное письмо, относящееся, видимо, к концу 1913 года. Перевод «Феософии» был недавно переиздан (Ереван, 1990). Отметим также только что воспроизведенный минцловский перевод автореферата лекции Штейнера «“Фауст” Гете

- как изображение его эзотерического мировоззрения» (*Штайнер Рудольф*. Из области духовного знания, или антропософии: Статьи, лекции и драматическая сцена в переводах начала века. М., 1997).
- 216 См. (из не названных ранее): *Carlson (2)* (по указателю); *Wachtel Michael*. Viacheslav Ivanov: From Aesthetic Theory to Biographical Practice // *Creating Life: The Aesthetic Utopia of Russian Modernism*. Stanford, 1994; *Rizzi Daniela*. Из архива Н. А. Тургеневой: Письма Элліса, Белого и А. А. Тургеневой // *Europa Orientalis*. 1995. XVI: 2; *Вадимов Александр*. Жизнь Бердяева: Россия. Berkeley. 1993 (по указателю); *Купченко В.* Странствие Максимилиана Волошина: Документальное повествование. СПб., 1996 (по указателю).
- 217 РГБ. Ф. 109. Карт. 31. Ед. хр. 7. Л. 14 об.
- 218 Письмо от 18 марта 1908 // РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 3. Л. 13—14 об.

СТАТЬИ

Гумилев и оккультизм

- Объединены статьи: «Оккультные мотивы в творчестве Гумилева» (*De Visu*. 1992. № 0; ср. также тезисный вариант: Н. Гумилев и русский Парнас: Материалы научной конференции 17—19 сентября 1991 г. СПб., 1992) и «Гумилев и оккультизм: продолжение темы» (*НЛО*, 1997. № 26) с соответствующей редактурой и дополнениями.
- 1 Россия и славянство. 1931. 29 августа.
- 2 См.: *Эшельман Р.* Гумилевское «Слово» и мистицизм // *Русская мысль*. 1986. 29 августа, а также ряд статей в кн.: *Nikolay Gumilev (1886—1986)* / Ed. by S. Graham. Berkeley, 1987. Из работ, появившихся в последнее время, назовем: *Йованович М.* Николай Гумилев и масонское учение // Н. Гумилев и русский Парнас: Материалы научной конференции 17—19 сентября 1991 г. СПб., 1992. Часть наших наблюдений, присутствующих в данной работе, отразилась в статье: *Богомолов Н. А.* Читатель книг // *Гумилев Т. I* (далее все тексты Гумилева, за исключением особо оговоренных, цитируются по этому изданию). Некоторые небезынтересные наблюдения можно отыскать в чрезвычайно поверхностной книге: *Слободнюк С. Л.* «Дьяволы» «серебряного» века: Древний гностицизм и русская литература 1890—1930 гг.). СПб., 1998 (на переплете обозначено совсем иное название: «Идущие путями зла...»). Для характеристики компетентности автора приведем лишь одну цитату: «...об истинном дьяволе «серебряного века» не написано почти ничего» (С. 6). Меж тем существует подробнейшая работа: *Hansen-Löwe Aage A.* Der russische Symbolismus: Diabolische und mythopoetische Paradigmatik. I. Band. Diabolischer Symbolismus. Wien, 1989 (см. также на русском языке: *Хансен-Лёве А.* К типологии возвышенного в русском символизме // *Блоковский сборник*. Тарту, 1989. Вып. XII), значительно превосходящая объемом книгу С. Л. Слободнюка.
- 3 *Тайная Доктрина*. Т. 1. Кн. 2. С. 384—385. В дальнейшем мы будем ссылаться на это издание, воспроизводящее перевод Е. И. Рерих, впервые изданный в Риге в 1937 г., не исправляя ни странной временами орфографии, ни сомнительной пунктуации.

- 4 См. *Аверинцев С. С.* Системность символов в поэзии Вячеслава Иванова // Контекст 1989: Литературно-теоретические исследования. М., 1989.
- 5 Параллельно с нами влиянием прозы Хаггарда на творчество Гумилева занимался М. Баскер. См.: *Баскер М.* К разбору рассказов Н. С. Гумилева «Принцесса Зара» и «Дочери Каина» // Гумилевские чтения: Материалы международной конференции филологов-славистов. СПб., 1996. С. 140—144.
- 6 *Лонгинов М. Н.* Новиков и московские мартинисты. М., 1867. С. 83.
- 7 *Папюс.* Эзотерические беседы // Изида. 1912/1913. № 3 (ноябрь). С. 12—13. Ср.: также вполне сходную точку зрения: *Encausse G. (Papus).* L'occultisme et le spiritualisme. P., 1902. P. 111—129.
- 8 *Лу к н и ц к и й.* Т. I. С. 176.
- 9 Вестник литературы. 1920. № 8 (20). С. 11.
- 10 Там же.
- 11 Библиотека Александра Блока: Описание. Л., 1984. Кн. 1. С. 254. Об оккультных представлениях, касающихся друидов, см.: *Webb James.* The Flight from Reason. L., 1971. Vol. 1 of «The Age of the Irrational». P 150—152.
- 12 *Т а й н а я Д о к т р и н а.* Т. 2. Кн. 3. С. 396—397. Ср также: [Б. п.] Сон Рейдлера Гэггара // Ребус. 1905. № 13; [Б. п.] Райдер Хаггард // Ребус. 1907. № 44—45; *Кудрявцев Вл.* Райдер Хаггард (Забытый юбилей) // Оккультизм и Йога. Асунсион, 1958. Т. 19.
- 13 *Starkie E. Arthur Rimbaud.* N.Y., 1968 (и другие многочисленные издания).
- 14 ЛН. Т. 85. С. 691 / Публ. А. Н. Дубовикова.
- 15 *Лу к н и ц к и й.* Т. I. С. 189. Ср. еще одно воспоминание Ахматовой о беседе с Гумилевым в Бежецке в 1918 г.: «...Николай Степанович впадал в пророческий тон и говорил о том, что он будет жить в сердцах людей не только как поэт, а как-то иначе... Это поразило АА: ни до, ни после Николай Степанович никогда этой мысли не высказывал ей» (Там же. Т. II. С. 78). Трудно быть абсолютно уверенным, но кажется, что и там, и там могло иметься в виду приблизительно одно и то же.
- 16 *З а п и с н ы е к н и ж к и.* С. 639—640. Несколько по-другому записал аналогичное свидетельство П. Н. Лукницкий в 1926 году: «Николай Степанович вернулся из Африки в 1911 г. разочарованным, очень пессимистически настроенным... <...> с этого момента произошел резкий поворот в его отношении к экзотике <...> Николай Степанович говорил, что «золотой двери» нет, что всюду одно и то же, — безнадежно говорил...» (*Лу к н и ц к и й.* Т. II. С. 21, 27).
- 17 Наиболее подробно традиционная точка зрения на африканские путешествия Гумилева представлена в книге: *Давидсон Аполлон.* Муза странствий Николая Гумилева. М., 1992.
- 18 *Бальмонт К.* Морское свечение. СПб., 1910. С. 19. Впервые — Малые зерна. Мысли и ощущения // Весы. 1907. № 3. С. 51.
- 19 На основании дневника М. Кузмина хронология интересующих нас событий восстановлена Е. Е. Степановым (Николай Гумилев: Хроника // *Г у м и л е в.* Т. 3. С. 362—364).
- 20 Неизвестные письма Н. С. Гумилева / Публ. Р. Д. Тименчика // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1987. Т. 46. № 1. С. 63 (с опечаткой «теософии» вместо «геософии»).
- 21 РГБ. Ф. 109. Карг. 37. Ед.хр. 38. Л. 13—13 об. Показательно здесь упоминание Е. И. Дмитриевой (Черубины де Габриак) с ее оккультными интересами. Ср. также дневниковые записи Шварсалон, относящиеся к этому времени: *Б о г о м о л о в.* С. 331—333.

- 22 РГБ. Ф. 109. Карт. 47. Ед.хр. 26.
- 23 *Одоевцева Ирина*. Избранное. М., 1998. С. 245—246.
- 24 *Успенский П. Д.*. Внутренний круг: О «последней черте» и о сверхчеловеке (две лекции). СПб., 1913. С. 59. Далее следует сопоставление идей Ницше с теми, что зафиксированы в книге Э. Леви «*Dogme et Rituel de la Haute Magie*».
- 25 Там же. С. 83—84. Ср. в отчете о лекции: «Внешними чертами сверхчеловека являются свойства почти безграничной воли, сверхсознание (непосредственное получение знаний из божественного плана, образчиком которого у обыкновенного человека является экстаз), способность двойного зрения и, главным образом, мысленное творчество, то есть воспроизведение желаемой материальной вещи непосредственно из эфира. Некоторое представление о сверхчеловеке дают нам черты из биографий Пифагора, Аполлония Тианского и других лиц. Во всяком случае, оккультизм нас учит, что, после ряда перевоплощений, эволюция приводит человека к состоянию, предшествующему бесплотному существованию, по индуисткому эзотеризму состояние «*будды*» (озаренного), хотя такая стадия может быть пройдена на другой, подобной нашей земле, планете и при неизвестных нам условиях» (*А. В. Трояновский*). Сверхчеловек // Изда. 1912. № 5 (февраль). С. 17). Еще один отчет — *Новоселов Б. И.* Сверхчеловек // Ребус. 1912. № 18. Само появление двух подробных и сочувственных отчетов в скептически относившихся друг к другу журналах свидетельствует о существенности темы и выводов автора для русского оккультизма в самых различных изводах.
- 26 Обратим внимание, что и Т. и Ж. Готье входили в круг пристального внимания А. Р. Минцловой. М. В. Сабашникова в ранней (уже цитированной выше) дневниковой записи отмечала (начиная с реплики Минцловой): «“Вот смотрите, на этот остров ездил Theophile Gautier с Judith”. Оказалось, что она обожает его. Тогда мы стали говорить о нем, о Flober'e, Bodler'e и Goncour'ax <так!>. Какая молодость у Judith!» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. Ед.хр. 23. Л. 2).
- 27 О Гумилеве: Из дневников Павла Лукницкого // Литературное обозрение. 1989. № 6. С. 86. См. также в другой связи: «И донжуанством и странствованиями он лечил себя от того смертельного недуга, кот<орый> так тяжело поразил его и несколько раз приводил к попыткам самоубийства. В сущности, все рассказано в стихах всеми словами, такой молодой и неопытный поэт, конечно <...> еще не умел шифровать свои стихи» (За п и с ь н ы е к н и ж и к и. С. 288).
- 28 Ранняя редакция «Романтических цветов» цитируется далее по кн.: *Гумилев Н.* Стихотворения. Письма о русской поэзии. М., 1989.
- 29 Т а й н а я Д о к т р и н а. Т. 1. Кн. 2. С. 498—507. Отметим, что здесь же Блаватская говорит и о культе Древа, что также вполне может проецироваться на творчество Гумилева («Деревья» из сборника «Костер» и др.).
- 30 См.: *Basker Michael*. «Stixi iz snov»: art, magic and dream in Gumilev's *Romantičeskie cvety* // Nikolaj Gumilev 1886—1986. Berkeley, 1987. P. 55—56.
- 31 *Сегал Д.* Русская семантическая поэтика двадцать лет спустя // Russian Studies. 1996. Том II. № 1. С. 28; Зеркало [Тель-Авив]. 1996. № 3—4 (с подзагол. «...двадцать пять лет спустя»). С. 200.
- 32 ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 420 / Публ. Р. Д. Тименчика и Р. Л. Щербакова. Отметим, что в третьем томе «Тайной Доктрины», знакомство Гумилева с

- которым вполне можно подвергнуть сомнению, есть специальная глава «Опасности практической магии» с выпадами против Элифаса Леви, где прямо говорится: «Магия — это двойственная сила; нет ничего легче, как превратить ее в Колдовство, для этого достаточно одной злой мысли» (Т а й н а я Д о к т р и н а. Т. 3. Кн. 5. С. 64).
- 33 Жизнь Николая Гумилева: Воспоминания современников. Л., 1991. С. 31—32.
- 34 Там же. С. 32.
- 35 ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 422 (комментарий).
- 36 Папюс. Эзотерические беседы // Изида. 1913. № 11. С. 4—5.
- 37 См. письмо к Брюсову от 15 декабря 1908 г. (ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 488).
- 38 В о л о ш и н. С. 297. Запись от 22 июля 1909. В. Н. — вероятно, будущий муж Дмитриевой В. Н. Васильев.
- 39 Подробнее см. в статье «Об одной фракции «Цеха поэтов».
- 40 Отметим характеристику, которую дает одному из таких стихотворений — «Средневековью» — Д. Сегал: «История в этом тексте — это параллельное течение двух рядов событий: открытого, публичного, и закрытого, эзотерического. Эзотерический ряд истории — это не нечто вне- или сверх-человеческое, в нем царствуют те же законы причинности истории, что и в открытом ряду, его эзотеричность, сокровенность лишь дает возможность продолжения публичного ряда истории в те моменты, когда ей угрожает катастрофа, обеспечивая необходимую поправку. Параллельное существование эзотерического ряда истории, который характеризуется принципиально иными временными масштабами, иной хронологией и иной событийной наполненностью, чем ряд открытый, позволяет относиться к этому открытому ряду как к чему-то не столь самодовлеющему, позволяет выйти из состояния абсолютной зависимости от него и <...> надеяться на постоянное благотворное и благосклонное воздействие ряда эзотерического на ряд публичный» (Сегал Дмитрий. Осип Мандельштам: История и поэтика. Jerusalem; Berkeley, [1998]. Ч. I. Кн. 1. С. 349).
- 41 Тименчик Р. Д. Заметки об акмеизме. II // Russian Literature. 1977. Vol. V. № 3. P. 287.
- 42 Соколовская Т. Массонские системы // Массонство в его прошлом и настоящем. М., 1915. Т. 2. С. 63. Репринтное воспроизведение — М., 1990. Напомним также приводившуюся выше (см. с. 477) цитату из предисловия Андрея Белого к сборнику «Урна».
- 43 См., напр.: Иванов Вяч. Вс. Звездная вспышка: Поэтический мир Н. С. Гумилева // Гумилев Н. Стихи. Письма о русской поэзии. С. 30—32; Он же. Хлебников и наука // Пути в неизвестное: Писатели рассказывают о науке. М., 1986. Вып. 20. С. 406—409. Ср. также ниже в нашей статье.
- 44 Соколовская Т. Обрядность вольных каменщиков // Массонство в его прошлом и настоящем. Т. 2. С. 108—109.
- 45 Гумилев Николай. Неизданное и несобранное. Paris, 1986. С. 149. Письмо от 21 октября 1915.
- 46 Б е з а н т. С. 38.
- 47 См.: Баскерг Майкл. О «Пьяном дервише» Н. Гумилева // Вестник русского христианского движения. 1991. № 162—163.
- 48 Л у к н и ц к и й. Т. I. С. 278. Об эзотерических интересах С. Г. Каплун (в замужестве Спасской) см. в нашей книге далее.
- 49 Л у к н и ц к и й. Т. II. С. 39.
- 50 Л у к н и ц к и й. Т. I. С. 242.

- 51 *Eshelman Raoul*. «Dusha i telo» as a Paradigm of Gumilev's Mystical Poetry // Nikolaj Gumilev 1886—1986.
- 52 Ibid. P. 118—121. Представлению об «астральном теле» гораздо более соответствует описание в стихотворении Вл. Ходасевича «Эпизод» (о чем см. в нашей книге ниже).
- 53 *Штейнер Рудольф*. Θεοσοφία: Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека / Пер. А. Р. Минцловой. СПб., 1910. С. 11, 35 (перизд. — Ереван, 1990).
- 54 *Т а й н а я Д о к т р и н а*. Т. 1. Кн. 2. С. 692.
- 55 Там же. С. 378—379.
- 56 Там же. Т. 2. Кн. 3. С. 270.
- 57 Там же. Т. 1. Кн. 2. С. 396.
- 58 Там же. Т. 2. Кн. 3. С. 94—95.
- 59 См.: *Тименчик Р. Д.* Заметки об акмеизме. II // Russian Literature. 1977. Vol. 5. № 3. Ср., впрочем, у Вяч.Вс. Иванова: «Гумилев отдал дань — пусть в полушутливом тоне иронической (слегка пародийной) фантазии — тем опытам осмысления гласных, которые восходят к Рембо и нашли в русской поэзии его времени продолжение у Хлебникова» (*Иванов Вяч. Вс.* Звездная вспышка // Гумилев Н. Стихи. Письма о русской поэзии. С. 22).
- 60 *Т а й н а я Д о к т р и н а*. Т. 1. Кн. 2. С. 375.
- 61 Там же. Т. 2. Кн. 3. С. 249—250.
- 62 Там же. Т. 3. Кн. 5. С. 408. В этом разделе, озаглавленном «Ом», Блаватская пишет: «Эзотерическая Наука учит, что каждый звук в видимом мире пробуждает соответствующий звук в невидимых сферах и приводит в действие ту или другую силу на оккультной стороне Природы. Кроме того, каждый звук соответствует звуку и числу (некоторой силе духовной, психической или физической), и чувству на каком-то плане. Все они находят отголоски в каждом до сих пор развившемся элементе, и даже на земном плане...» (С. 423). Отметим весьма любопытное развитие темы «Ом», обнаруженное О. Роненом в поэме А. Безыменского «Социализм», написанной едва ли не к десятилетию смерти Гумилева — в 1931 г. (*Ронен О.* Лексические и ритмико-синтаксические повторения и «неконтролируемый подтекст» // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 3. С. 41—42).
- 63 *Белый Андрей*. Символизм. М., 1910. С. 619. Параллель была отмечена Р. Д. Тименчиком (Заметки об акмеизме. II. С. 282).
- 64 *Белый Андрей*. Символизм. С. 624—625.
- 65 Вяч.Вс. Иванов именует его «несколько неожиданным» (*Иванов Вяч. Вс.* Звездная вспышка. С. 32). Напомним также, что О. Мандельштам поставил две последних строфы «Слова» эпиграфом к своей статье «О природе слова» с рядом резких выпадов против «профессионального символизма».
- 66 *Белый Андрей*. Символизм. С. 436. О толстовском подтексте строк Гумилева см.: *Лотман Михаил*. Мандельштам и Пастернак (опыт контрастивной поэтики). [Tallinn, 1997]. С. 103. Пользуясь случаем, отметим, что в интересующем автора фрагменте мандельштамовской статьи «О природе слова» содержится еще ряд отсылок к стихам Гумилева последнего периода. Так, «второй Иисус Навин» — явная параллель к «Словом разрушали города», а «плоть и хлеб» в сочетании со «страданием» — столь же явно связаны с «Шестым чувством», где естественно сочетаются:

Прекрасно в нас влюбленное вино,
И добрый хлеб, который в печь садится

Кричит наш дух, изнемогает *плоть*,
Рождая орган для шестого чувства.

Вообще тема «Мандельштам и Гумилев» чрезвычайно существенна, но слишком далеко выходит на пределы нашего рассуждения.

67 И в а н о в. Т. II. С. 806—807.

68 Статья печаталась в «Весах» в №№ 7/9 за 1908 г., а в четвертом, пятом и шестом номерах были напечатаны рассказ, статья и подборка стихов Гумилева.

69 СКМ. С. 182. Курсив наш.

70 Там же. С. 178—179.

71 Там же. С. 195. Приносим сердечную благодарность А. М. Эткинду, обратившему наше внимание на этот пассаж.

72 Б е з а н т. С. 40—41.

73 «Только сейчас наконец — такова мысль Гумилева — под двойным объединенным воздействием природы и искусства это «шестое чувство» — чувство Красоты, эстетически-бескорыстного отношения к миру рождается, причем ощущение его рождения (как ощущение всякого рождения в природе и жизни) связано с ощущаемыми современными людьми тяжелыми испытаниями их духа и плоти» (*Фридендер Г. М. Пушкин. Достоевский. «Серебряный век»*. СПб., 1995. С. 436). Отметим, что возникновение шестого чувства Гумилев вовсе не относит к современности, ибо оно рождается «век за веком». Ср. в упоминаемой далее статье А. К. Жолковско-го: «Процесс этот растягивается на многие эры; однако, начавшись в прошлом и простираясь в будущее, он одновременно ощущается автором в своего рода настоящем продолженном времени».

74 См.: *Zholkovsky Alexander. Six Easy Pieces on Grammar of Poetry, Grammar of Love // Literary Tradition and Practice in Russian Culture*. Amsterdam, 1993. Русский вариант под заглавием «Грамматика любви (шесть фрагментов)» — в кн.: *Жолковский А. Инвенции*. М., [1995]. С. 105—122. Толкование, естественно, далеко не новое. Из наверняка известных Гумилеву текстов укажем хотя бы: «Чувство красивого — это божественное шестое чувство, еще так слабо понимаемое...» — воскликнул несравненный Эдгар. Нужно ли жалеть об этом? Поэты, шестым этим чувством обладающие, — и сколькими еще не названными! — не тем злополучны, что у людей сверхсчетных чувств нет или почти что нет, а тем, что им, Поэтам, с ребяческой невинностью непременно хочется всех людей сделать Поэтами» (*Бальмонт К. Морское свечение*. СПб. 1910. С. 16. Впервые — *Весы*. 1907. № 3. С. 49).

75 Тайная Доктрина. Т. I. Кн. 1. С. 143.

76 *Дю Прель Карл*. Магия как естествознание // *Ребус*. 1909. № 34. С. 1; № 35. С. 1—2. Одический — относящийся к сфере астрального тела.

77 *Ljunggren Magnus. The Russian Mephisto: A Study of the Life and Work of Emilii Medtner*. Stockholm, 1994. P. 130. При этом автор ссылается на работу: *Medtner Emil. Bildnis der Personlichkeit im Ramen des gegenseitigen Sich Kennenlernens // Die kulturelle Bedeutung der komplexen Kennenlernens*. Berlin, 1935. S. 579. Из других необязательных параллелей отметим также большую публикацию: Шестое чувство / Пред. Г. Сиджвика // *Ребус*. 1893. № 23—24. 26—29, которая представляет собою перевод материала, опубликованного в «Трудах Лондонского общества для психических исследований» (1890. Т. XVI).

- 78 О Гумилеве: Из дневников Павла Лукницкого. С. 88—89. Отметим также еще одну ахматовскую трактовку стихотворения: Лу к н и ц к и й. Т. II. С. 74—75.
- 79 *Гумилев Николай*. Стихотворения и поэмы. Л., 1988. С. 587.
- 80 Укажем также на забавную трактовку этого образа: «...в рамках этого исследования «путник», появлению которого предшествуют страшные знаменья, «путник», сопровождаемый демоническими орлом и львом, не кто иной, как сам... дьяволог» (*Слободнюк С. Л.* Цит. соч. С. 266—267).
- 81 *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра / Пер. А. Ачкасова. СПб., 1906. С. 248.
- 82 Там же. С. 446.
- 83 *Ronen Omry*. An Approach to Mandel'shtan. Jerusalem, 1983. P. 182.
- 84 Древняя и высшая магия: Теории и практические формулы / Пер. с франц. И. Антошевского. СПб., 1910. С. 64. Репринтное воспроизведение — М., 1990.
- 85 См. подробнее: Г у м и л е в. Т. I. С. 536.
- 86 См. подробный и убедительный анализ: *Козлов С. Л.* Любовь к андрогину: Блок — Ахматова — Гумилев // Тыняновский сборник: Пятые Тыняновские чтения. Рига; М., 1994. О преломлении андрогинной темы Блаватской в поздних стихах М. Кузмина см. в статье «Тетушка искусств».
- 87 Т а й н а я Д о к т р и н а. Т. 2. Кн. 3. С. 172.
- 88 Там же. С. 169.
- 89 Там же. С. 35.
- 90 Там же. С. 171.
- 91 Там же. С. 39.
- 92 Там же. Т. 3. Кн. 5. С. 269.
- 93 Там же. С. 261.
- 94 И в а н о в. Т. II. С. 595—596.
- 95 Г у м и л е в. Т. 3. С. 19.
- 96 И в а н о в. Т. II. С. 611. В свою очередь этот ивановский текст восходит к более ранним суждениям. Не указывая общеизвестных, приведем фрагмент дневниковой записи от 14 апреля 1910 г., на которую уже ссылались ранее: «С благодарностью и умилением обводи окрест взор свой, ибо ты видишь Бога. Все ценно, и великою куплено ценой. Выпей взглядом сукровицу греха, и ты увидишь за ней кровь Розы. Чтобы видеть лик вещей божественных, научись видеть божественность вещей: утверди божественность в вещах, и они явят тебе Лик божественного», — и далее почерком, напоминающим почерк покойной Зиновьевой-Аннибал: «Бог есть видение в вещах вселенского Слова. Светлое в них есть Бог» (Там же. С. 807). Чрезвычайно характерно здесь для контекста нашей работы сопряжение собственной мысли с оккультным прозрением.
- 97 *Блаватская Е. П.* Теософский словарь (полный). М., 1994. С. 357.
- 98 РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 8. Л. 69—70. Оперетта Кузмина опубликована: *Кузмин М.* Театр: В 4 т. (2 книгах). Berkeley, 1994. Кн. 2. Гумилев был на премьере оперетты в петербургском Малом театре 1 мая 1911 г., о чем вспоминала Ахматова: «АА и Николай Степанович в ложе с Вячеславом Ивановым на «Забаве дев» М. Кузмина в Малом театре» (Лу к н и ц к и й. Т. II. С. 28).
- 99 Б е з а н т. С. 46—47. Курсив наш. Ср. также обсуждение этой темы в статье «К истолкованию статьи Блока "О современном состоянии русского символизма"».
- 100 *Ходасевич Владислав*. Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 80.
- 101 Т а й н а я Д о к т р и н а. Т. 3. Кн. 5. С. 106.

Тетушка искусств Оккультные коды в поэзии М. Кузмина

Статья написана на основе предшествующих публикаций: Из комментария к стихам двадцатых годов // Богомолов; «Отрывки из прочитанных романов» // Там же; Тетушка искусств // Лотмановский сборник. М., 1997. Вып. 2.

- 1 Аполлон. 1910. № 7. Паг. 2-я. С. 37—38.
- 2 РГБ. Ф. 386. Карт. 91. Ед.хр. 13. Л. 4—4об.
- 3 См.: *Cheron G. Letters of V. Ja. Brjusov to M. A. Kuzmin // Wiener slawistischer Almanach. Wien, 1981. Bd. 7. S. 74.*
- 4 РГБ. Ф. 386. Карт. 91. Ед.хр. 13. Л. 5.
- 5 Обзор откликов см. в комментариях А. В. Лаврова и Р. Д. Тименчика // Кузмин М. Избранные произведения. Л., 1990. С. 500—502.
- 6 Получив от Брюсова книгу «Далекие и близкие», где впервые был напечатан этот отзыв, А. А. Кондратьев написал ему: «... многие критики списывают свое мнение с Вас, а руководствуются Вашими оценками — все...» (Письмо от 19 ноября 1911 // РГБ. Ф. 386. Карт. 90. Ед.хр. 8. Л. 26).
- 7 Среди стихов: С. 379.
- 8 Имеется в виду В. Ф. Нувель. См. его письмо к Кузмину из Парижа от 8 мая 1907 г. (Богомолов. С. 250—251).
- 9 РГБ. Ф. 386. Карт. 91. Ед.хр. 12. Л. 7—8. Курсив наш.
- 10 Подробнее см.: *Гаспаров М. Л. Художественный мир писателя: Тезаурус формальный и тезаурус функциональный (М. Кузмин, «Сети», часть третья) // Гаспаров М. Л. Избранные труды. М., 1997. Т. II; Harer Klaus. Michail Kuzmin: Studien zur Poetik der frühen und mittleren Schaffensperiode. Mn., 1993. S. 58—89.*
- 11 Богомолов. С. 236.
- 12 Здесь и далее дневник Кузмина цитируется по тексту, приготовленному для печати Н. А. Богомоловым и С. В. Шумихиным.
- 13 Князь Жорж — возлюбленный Кузмина, с которым они вместе ездили в 1894 году в Египет. На возвратном пути он умер в Вене. К сожалению, определить личность этого офицера конного полка нам не удалось, несмотря на немалые старания.
- 14 Девы — ученицы художественной школы Званцевой, находившейся в том же подъезде, что и «башня» Вяч. Иванова. В квартире Званцевой Кузмин некоторое время (в том числе и в интересующее нас) жил.
- 15 Богомолов. С. 214.
- 16 Подробнее см. в статье «Вячеслав Иванов и Кузмин: К истории отношений».
- 17 *Кузмин М. А. Собрание стихов. Мн., 1977. Т. III. С. 674.*
- 18 Предположение о влиянии этого романа на высокую русскую поэзию XX века см.: *Богомолов Н. А. Эротика и русский модернизм: Две заметки // НЛО. 1998. № 28.*
- 19 РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 430. Л. 227—228.
- 20 См.: *Шмаков Г. Блок и Кузмин (Новые материалы) // Блоковский сборник. Тарту. 1972. Вып. 2. С. 350; Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э. Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха. М., 1996. С. 18—19.*
- 21 Т. е. крышки колбы. — *Примеч. А. Н. Пыпина.*
- 22 Кажется, что-то пропущено или ошибочно написано. — *Примеч. А. Н. Пыпина.*
- 23 Т. е. чистилище. — *Примеч. А. Н. Пыпина.*

- 24 *Пыпин А. Н.* Русское масонство (XVIII и первая четверть XIX в.) / Ред. и примеч. Г. В. Вернадского. Пг., 1916. С. 495—497 (переизд. — М., 1997. С. 434—436). Впервые: *Пыпин А. Н.* *Nomunculus*. Эпизод из алхимии и из истории русской литературы // Почин: Сборник Общества любителей российской словесности на 1896 год. М., 1896.
- 25 См.: *Альтшуллер М.* Масонские мотивы «второго тома» (Университетские штудии А. А. Блока и их отражение в лирике 1904—1905 годов) // *Revue des études slaves*. 1982. № 4. С. 597—600.
- 26 Указано в списке произведений Кузмина 1920—1928 гг. // ИРЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед. хр. 319.
- 27 *Кузмин Михаил.* Дневник 1921 года / Публ. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина // М и н у в ш е е: Т. 12. С. 463. В связи с опубликованностью дневника за этот год, не даем более подробных цитат.
- 28 Явная отсылка к «Письмам русского путешественника»: «Щастливые Швейцары! всякой ли день, всякой ли час благодарите вы Небо за свое щастие...» (*Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 102).
- 29 Имеются в виду: ресторан «Альбер», нередко упоминаемый в стихах Кузмина (чаще всего как ностальгически вспоминаемое прошлое); Нижний Новгород, в котором или недалеко от которого он нередко проводил лето в начале века, вплоть до 1906 г.; станция Окуловка Новгородской губ., недалеко от которой находилась фабрика, где служил зять Кузмина П. С. Мошков и где Кузмин часто бывал; меценатка Кузмина Евдокия Аполлоновна Нагродская, в квартире которой он некоторое время жил (в дневнике регулярно выражается недовольство ею и многим, с ней связанным); лавка купца Казакова, завсегдаем которой Кузмин был в начале века; издатель Зиновий Исаевич Гржебин, услугами которого Кузмину, как и многим, нередко приходилось пользоваться после революции, преодолевая внутреннюю неприязнь. Кстати сказать, дневниковые записи Кузмина подтверждают то весьма нелестное мнение о Гржебине, которое сложилось у литераторов, вынужденных продавать ему права на издание своих произведений в первые годы после революции, и вносят существенные коррективы в ту благостную картину деятельности Гржебина, которая складывается в ряде недавних публикаций (см., напр.: Зиновий Гржебин и Максим Горький: Из истории послереволюционной издательской деятельности З. И. Гржебина / Предисл. Л. Юниверга // Евреи в культуре русского зарубежья: Сборник статей, публикаций, мемуаров и эссе / Сост. М. Пархомовский. Иерусалим, 1992. Вып. 1. С. 142—145; *Гржебина Е. З. И. Гржебин — издатель: По документам и воспоминаниям его дочери* // Там же. С. 146—168 (Впервые — *Solanus*. 1987. Vol. 1; еще одна публикация — *Опыты*. 1994. № 1); *Вайнберг И.* «Все будет оценено — не может быть иначе» // Там же. С. 169—192; Возвращаясь к имени Зиновия Исаевича Гржебина: Неизвестное письмо А. М. Горького В. И. Ленину / Публ. И. Вайнберга // Там же. Иерусалим, 1993. Вып. 2. С. 307—310).
- 30 См.: *Ronen Omry.* A Functional Technique of Myth Transformation in Twentieth-century Russian Poetry // *Myth in Literature*. Columbus (Ohio), [1984]. P. 114—116.
- 31 См.: *Масонство в его прошлом и настоящем* / Под ред. С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. М., 1914. [Т. 1]. С. 167—168.
- 32 *Тукалевский Вл. Н. И.* Новиков и И. Г. Шварц // Там же. С. 213.
- 33 Напомним уже цитированное рассуждение о связи герметизма с гностицизмом и розенкрейцерством (как восемнадцатого века, так и современ-

- ным): «... можно предполагать, что древнее герметическое мирозерцание окажется, быть может, той нейтральной почвой, на которой осуществится со временем примирение враждующих в настоящее время религии и науки. <...> Такое примирение веры с знанием, религии с философией и наукой, античного гуманистического мирозерцания с христианской мистикой или, выражаясь символически, Креста с Розой, было исконною мечтою возникшего в средние века Ордена Розенкрейцеров, являвшегося духовным наследником древней герметической и восточной мудрости, с одной стороны, и гностического, иоанновского христианства первых веков с другой» (*Странден Д.* Герметизм: Его происхождение и основные учения (Сокровенная философия египтян). СПб., 1914. С. 84).
- 34 Русская литература. 1991. № 2. С. 108—109 / Публ. Г. А. Морева. Курсив наш. Вероятно, следует особо отметить, что в свете этого знакомства с автором специальной работы «Символы Таро» следует более внимательно присмотреться к различным упоминаниям таро в стихотворениях Кузмина. Как сами принципы обращения к таро, так и значение отдельных карт, становящиеся предметом анализа Успенского, вполне могут быть истолкованы в качестве подтекстов поздних (начиная с «Нездешних вечеров») произведений Кузмина.
- 35 Кузмин М. Избранные произведения. Л., 1990. С. 544. Ср. недавно вышедшую книгу: *Comphausen Rufus C.* The Yoni: Sacred Symbol of Female Creative Power. [Rochester, Vermont, 1996].
- 36 Кузмин М. Арена. СПб., 1994. С. 426.
- 37 Кузмин М. Условности. Пг., 1923. С. 173.
- 38 Марков Владимир. О свободе в поэзии. СПб., 1993. С. 122.
- 39 См. суждение В. Маркова: «Если раньше это (консонантные повторы и корневые двойники. — Н. Б.) были преимущественно явления однострочные, захватывали начало слова, ограничивались одним согласным (или двумя) и не переплетались с другими способами звуковой инструментовки...» — и среди примеров нового отношения к звуку трижды фигурируют строки из «Первого Адама» (Цит. соч. С. 125).
- 40 Вообще говоря, мы не принадлежим к сторонникам теории «тотального анаграмматизма» даже в специально выбранных поэтических текстах, одно время довольно влиятельной (см., напр.: *Баевский В. С., Кошелев А. Д.* Поэтика Блока: анаграммы // Творчество А. А. Блока и русская культура XX века / Блоковский сборник III. Тарту, 1979 / Учен. зап. Тарт. гос. унта. Вып. 459. С. 50—75. Там же — библиография. Вместе с тем трудно отрицать, что звуковая насыщенность отдельных текстов приобретает время от времени особое качество, провоцирующее поиски соответствий звука и смысла, и в таком случае поиски анаграмматических построений, на наш взгляд, становятся закономерными.
- 41 *Гаспаров М. Л.* Первочтение и перечтение: к тыняновскому пониманию сукцессивности поэтической речи // Тыняновский сборник: Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988.
- 42 *Богомолов Н. А.* «Мы — два грозой зажженные ствола» // Анти-мир русской культуры: Язык, фольклор, литература. М., 1996. С. 318—319.
- 43 См. процитированный О. Дешарт отрывок из оставшейся в рукописи работы М. С. Альтмана «Ономастика в поэзии Вячеслава Иванова» (И в а н о в. Т. II. С. 764—765). Стихи Вяч. Иванова в дальнейшем цитируются по этому собранию сочинений.
- 44 Ср. в письме В. Я. Брюсова к З. Н. Гиппиус: «А что-то бедняк Городецкий! легко ли читать «Завесы» после «Эроса!»» (ЛН. М., 1976. Т. 85.

- С. 697; к слову «Завесы» Брюсов сделал примечание: «Стихи Вяч. Иванова озаглавлены «Завесы»: очевидно, имеются в виду завесы *раздвигаемые*»).
- 45 Так же — в списке стихотворений из рабочей тетради Кузмина (ИРЛИ. Ф. 172. Оп. 1. Ед.хр. 319; ср.: Тимофеев А. Г. Материалы М. А. Кузмина в Рукописном отделе Пушкинского дома // Ежегодник на 1990 год. СПб., 1993. С. 29) и в беловом автографе РНБ.
- 46 См.: Богомолов Н. А. Заметки о «Печке в бане» // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990.
- 47 Тайная Доктрина. Т. I. Кн. 2. С. 163.
- 48 Кузмин М. Арена. С. 426.
- 49 Тайная Доктрина. С. 57.
- 50 Тайная Доктрина. Т. II. Кн. 4. С. 567, 572—574. Ср. весьма сходное изложение в письме А. Р. Минцловой к М. А. Волошину от 20 октября <1905> (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед.хр. 843).
- 51 Там же. С. 575.
- 52 Издававшийся при ближайшем участии и, как можно предположить, под сильнейшим творческим воздействием Кузмина альманах назывался «Абраккас», само слово это завершает стихотворение «Базилид», а его истолкованию Кузмин посвящает специальную заметку, не опубликованную при жизни. Подробнее см.: Тимофеев А. Г. Вокруг альманаха «Абраккас» (из материалов к истории издания) // Русская литература. 1997. № 4.
- 53 Марков Владимир. Цит. соч. С. 122—123.
- 54 Тайная Доктрина. Т. II. Кн. 4. С. 580. Далее страницы этой части сочинения Блаватской указаны непосредственно в тексте.
- 55 Тайная Доктрина. Т. III. С. 277—279.
- 56 Там же. С. 279. Исправляем явную опечатку: в книге читается не «Иони», а «Ионы».
- 57 Тайная Доктрина. Т. I. Кн. 2. С. 65.
- 58 Так его фамилию транскрибировали переводчики двадцатых годов и сам Кузмин; нынешние издатели предпочитают писать «Майринк» (см., помимо цитируемого далее издания, книгу: Майринк Густав. Голем; Вальпургиева ночь. М.: Прометей, 1990). В дальнейшем мы будем употреблять новую огласовку фамилии.
- 59 Петров В. Н. Из «Книги воспоминаний» // Панорама искусств. М., 1980. Кн. 3. С. 156. Полный вариант воспоминаний см.: Петров В. Н. Калиостро: Воспоминания и размышления о М. А. Кузмине / Публ. Г. Шамова // Новый журнал. 1986. Кн. 163. С. 100.
- 60 Cheron G. Kuzmin's «Forel' Razbivaet Led»: The Austrian Connection // Wiener slawistischer Almanach. Wien, 1983. Bd. 12. S. 108. Ср. там же воспроизведение автографа.
- 61 См.: Богомолов. С. 174—178.
- 62 Malmstad John E., Shmakov G. Kuzmin's «The Trout Breaking through the Ice» // Russian Modernism: Culture and the Avant-Garde, 1900—1930. Ithaca; L., 1976; Малмстад Дж., Марков В. Примечания // Кузмин М. Собрание стихов. Мн., 1977. Т. III; Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В. Ахматова и Кузмин // Russian Literature. 1978. Vol. VI. № 3; Паперно И. Двойничество и любовный треугольник: поэтический миф Кузмина и его пушкинская проекция // Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin. Wien, 1989; Гаспаров Б. Еще раз о прекрасной ясности: эстетика М. Кузмина в зеркале ее символического воплощения в поэме «Форель разбивает лед» // Там же; Лавров А. В., Тименчик Р. Д. Комментарии // Кузмин М. Избран-

- ные произведения. Л., 1990; Тимофеев А. Г. Комментарии // Кузмин М. Арена: Избранные стихотворения. СПб., 1994.
- 63 *Майринк Густав*. Ангел Западного окна: Роман / Пер. с нем. Владимира Крюкова. Предисл. Ю. Стефанова; послесл. Е. Головина. СПб.: Terra incognita, 1992. Далее сноски на эту книгу даются в тексте. Следует отметить, что в данном издании никак не упоминается о связях романа и стихотворений Кузмина, и тем показателнее, что в переводе, делаемом без учета проекций романа на русскую поэзию, все-таки эти проекции обнаруживаются. Параллельно с нами (хотя и под несколько иным углом зрения) о соотношении «Форели» с «Ангелом Западного окна» писал А. М. Эткинд (Помнишь, там, в Карпатах? // НЛО. 1995. № 11; впоследствии вошло в его книгу «Содом и Психея: Очерки интеллектуальной истории Серебряного века», М., 1996).
- 64 Как любопытное совпадение отметим, что ему была посвящена часть большой статьи В. Я. Брюсова «Спиритизм до Рочестерских стуков», печатавшейся в журнале «Ребус».
- 65 *Кузмин М.* Избранные произведения. С. 547.
- 66 Напомним, что в кузминском «Первом ударе» вспоминается «медиум — забытый чех». По предположению Р. Д. Тименчика (см.: Памятные книжные даты. М., 1988. С. 160—161; ср. также: *Кузмин М.* Избранные произведения. С. 548), имеется в виду реальный медиум Ян Гузик, гастролировавший в Петербурге в 1913 г. Однако хотелось бы отметить, что на самом деле Гузик был не чехом, а поляком. Его биографию см.: Ребус. 1901. № 9. С. 95. Ср. описание его внешности и поведения, сделанное свидетелем сеансов в Москве в январе 1905 года: «Ян Феликсович Гузик, брюнет, среднего роста и сложения; склонность к нервности и малокровию — бледность лица и кожи и всегда влажные холодные руки; 29 лет от роду, женат с 23 лет, имеет троих детей и, сверх того, содержит сестру и престарелых родителей. Сдержан, робок, скромн, терпелив до *non plus ultra*, вынослив и скрытен <...> С детства живет в Варшаве, где служит рабочим на кожевенной фабрике Пфейфер. Грамотен; по-русски пишет очень плохо, по-польски — довольно складно» (*Шванвич Н.* О сеансах Яна Гузика в Москве (с 4 по 27 января 1905 г.) // Ребус. 1905. № 13. С. 3).
- 67 Имплицитное сопоставление текстов см.: *Лавров А. В.* «Другая жизнь» в стихотворении А. Блока «Было то в темных Карпатах...» // Сборник статей к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992.
- 68 Установлено Р. Д. Тименчиком; в цикле и в кинофильме есть прямые параллели.
- 69 См.: *Кузмин М.* Избранные произведения. С. 548.
- 70 С меньшим основанием можно относить к прототипической основе текста «Форели» отношения Кузмина с Н. Н. Сапуновым (при учете той функции, которую играет Темиров-Сапунов в повести «Картонный домик»), а гажке реально существовавший треугольник Кузмин — Князев — П. О. Богданова-Бельская.
- 71 См.: «Много бы я дал, чтобы узнать его мнение об этом приживале (Келли. — Н. Б.), который так или иначе, несмотря на явную абсурдность такого допущения, напоминает мне бессознательного медиума Бартлета Грина!» (с. 207; ср. также с. 451).
- 72 Как параллель комментаторы указывают лишь «ангела песнопений» из стихотворений А. Д. Радловой.
- 73 Кажется, до сих пор исследователями не отмечена практически неприкрытая полемика этих строк с теориями акмеистов.

- 74 Особенно очевидно это в стихотворении с важным в контексте нашего разговора заглавием «Ангел благовествующий» (цикл «Плен»).
- 75 В романе она неоднократно отождествляется с богинями Ночи и Луны (хотя вообще ее функции значительно шире: см. коммент. на с. 503—507), таким образом являясь частичной заместительницей Гекаты.
- 76 Ср. тему «близнеца» — «одиночки» в «Десятом ударе» «Форели».
- 77 Описание нового пространства, увиденного «белым глазом» Бартлета Грина, см. выше.
- 78 В черновике непосредственным продолжением этих строк является выразительное: «От двадцати до двадцати пяти».
- 79 И в а н о в. Т. II; *Иванов Вячеслав*. Стихотворения. Поэмы. Трагедия. СПб., 1995. Кн. 1.
- 80 Приведем лишь два фрагмента из писем А. Р. Минцловой к Вяч. Иванову, где она обсуждает с ним мистические проблемы, связанные с укоренением Кузьмина в оккультизме: «Кузьмину <так!> я написала уже, в ответ на 1-ое его письмо. И напишу еще раз (я получила его письмо, 2-ое, большое). Напишу на днях, через 2 дня, вероятно (я немного устала сейчас). Я очень люблю его и с радостью помогу ему, хотя, боюсь, это будет трудно.
- Вся трагедия его — в том, что он (невольно) переставил ступени, и прежде чем научиться *Vouloir*, вступил на ступень *Oser*, и теперь надо это привести в гармонию. Я помогу ему, конечно, т. к. я увидела его, и когда увидела — полюбила» (Письмо от 10 января 1908 // РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 2. Л. 30—30 об).
- «Я еще хочу написать Кузьмину сегодня. То, чего он не поймет в моем письме, — разъясните ему Вы. В случае с ним — как и в большинстве случаев — является мучительность *невозможности* ожидать полного повиновения. А ведь *только* это — вполне развязывает руки учителю. Возможность последних отречений, *не* связанная с властью *первых* требований, самых ничтожных, по-видимому, — для этого, чтобы преодолеть это, нужна, необходима такая исключительность природы, организации, — и *такая* сила любви, сопresentствующей, помогающей, быть может, — изнемогающей минутами, но вечно живой, горящей, как Пламень Купины — — У Кузьмина этого нет — — Все, что я могу, я постараюсь сказать ему сейчас — —» (Там же. Л. 37 об—38).
- 81 См. в письме к В. В. Руслову от 6 февраля 1908: «“Мудрая встреча” посвящена Вяч. Иванову, т. к. ему особенно нравится, но по-настоящему посвящается, как и все с весну 1907 г., тому лицу, имя которого Вы прочтете над “Ракетами” и над “Вожатым”» (Б о г о м о л о в. С. 214). Внутренне, таким образом, цикл обращен к В. А. Наумову.
- 82 *Гаспаров М. Л.* Избранные статьи. М., 1995.
- 83 *Harer Klaus.* Op. cit. S. 58—89.

К истолкованию статьи Блока «О современном состоянии русского символизма»

Впервые — Тыняновский сборник: Шестые, Седьмые, Восьмые Тыняновские чтения. М., 1998. Печатается с прибавлением постскриптума.

- 1 Письмо Иванова к А. А. Блоку от 25 марта 1910 // Из переписки Александра Блока с Вяч. Ивановым / Публ. Н. В. Котрелева // Известия АН

- СССР. Серия литературы и языка. 1982. Т. 41. № 2. С. 170. Там же, в комментарии публикатора подробно процитированы брюсовские соображения по поводу доклада.
- 2 Реконструкция этих возражений и ответов Иванова на них произведена в статье: *Кузнецова О. А.* Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова» (Обсуждение доклада Вяч. Иванова) // *Русская литература*. 1990. № 1. Там же названа основная литература по проблеме. К перечню добавим появившуюся позднее публикацию: *Богомолов Н. А.* Заметки о русском модернизме. 1. К реконструкции обсуждения доклада Вяч. Иванова о символизме // *НЛЮ*. 1997. № 24.
- 3 Б л о к. Т. 5. С. 426. В дальнейшем источники всех цитат из произведений Блока указываются непосредственно в тексте.
- 4 Ср. название отклика С. Городецкого: «Страна Реверансов и ее пурпурно-лиловый Бедкер» (Против течения. 1910. 15 октября).
- 5 *Максимов Д.* Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1981. С. 191. Ср. далее: «Мистическая символика и эзотерический, условный, не чуждый «красивости» язык блоковского доклада соответствовали содержанию этого выступления» (Там же. С. 436).
- 6 Из переписки Александра Блока с Вяч. Ивановым. С. 165.
- 7 Там же. С. 172.
- 8 Там же. С. 170.
- 9 Там же. С. 171. О важности этого письма, свидетельствует то, что оно было специально переписано М. М. Замятниной и копия осталась у Иванова. Некоторые соображения о его смысле см. ниже.
- 10 Письма Александра Блока к родным. М.; Л., 1932. Т. II. С. 69.
- 11 И в а н о в. Т. II. С. 806—807.
- 12 ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 365. Печ. с незначительными уточнениями по автографу (РГБ. Ф. 25. Карт. 19. Ед. хр. 17. Л. 10—10 об).
- 13 Там же. С. 368.
- 14 РГБ. Ф. 109. Карт. 31. Ед. хр. 6. Л. 11—13. Фрагменты приведены: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 369.
- 15 Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М., 1940. С. 233. Письмо от конца августа или начала сентября 1910.
- 16 Там же. С. 275.
- 17 РГБ. Ф. 25, Карт. 19. Ед. хр. 17. Л. 8—9 об.
- 18 РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 150.
- 19 Подробнее об этом см. в статье: Сагlson (1), а также выше, в статье «Anna-Rudolph».
- 20 РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 298. Описываемый Белым разговор относится к лету или осени 1912 г.
- 21 См. подробнее: Лавров С. С. 64—148; *Лавров А. В.* Мифотворчество «аргонавтов» // Миф — фольклор — литература. Л., 1978.
- 22 Александр Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 1. С. 318.
- 23 *Белый Андрей.* Между двух революций. М., 1990. С. 351.
- 24 И в а н о в. Т. II. С. 595.
- 25 Ср. у Блока: «...хочет сорвать в голубую полночь — “голубой цветок”» (Т. 5. С. 427). Обоснование связи Новалиса («голубой цветок» — несомненная отсылка к его творчеству) в восприятии Вяч. Иванова, его страстного пропагандиста со второй половины 1909 года, с оккультными мотивами см. в статье «Из предыстории «Лиры Новалиса» Вяч. Иванова».
- 26 Подробнее см.: Богомолов С. С. 127—130, а также комментарии к названным циклам в кн.: *Кузмин М.* Стихотворения. СПб., 1996. С. 698—

699. О видениях Иванова в это время см.: *Обатнии Геннадий*. Вячеслав Иванов и смерть Л. Д. Зиновьевой-Аннибал: концепция «реализма» // Модернизм и постмодернизм в русской литературе и культуре / *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia V. Helsinki, 1996.*
- 27 Б е з а н т. С. 44. Ссылки на это издание далее даются непосредственно в тексте с указанием страницы.
- 28 РГБ. Ф. 109. Карт. 31. Ед.хр. 7. Л. 54 об—55.
- 29 РГБ. Ф. 109. Карт. 43. Ед.хр. 6. Л. 77.
- 30 Об отличиях доклада Иванова от опубликованного текста статьи «Заветы символизма» см.: *Кузнецова О. А.* Цит. соч. С. 201, 207.
- 31 Из переписки Александра Блока с Вяч. Ивановым. С. 171.
- 32 «...В памяти эта эпоха запечатлелась навсегда»: Письма Ю. К. Терапиано к В. Ф. Маркову (1953—1966) / Публ. О. А. Коростелева и Ж. Шерона // *Ми н у в ш е е*. Т. 24. С. 299.

Из предыстории «Лиры Новалиса» Вяч. Иванова

Печатается впервые. Было прочитано на конгрессе общества «Convivium» (Вена, 1998).

- 1 W a c h t e l. P. 126. Роль и значение Новалиса в ивановском самоопределении бесспорны. Ср., напр., новейшее суждение: «Учителя Иванов мог бы выбрать и заочно (собственно, так он и выбирал Гете, Новалиса, других)» (*Иванов Вячеслав. Curriculum vitae* / Публ. и примеч. Н. В. Котрелева // *Сестры Аделаида и Евгения Герцык и их окружение: Материалы научно-тематической конференции в г. Судак 18—20 сентября 1996 года*. М. ; Судак, 1997. С. 193).
- 2 См. объявления в хронике «Русских ведомостей» за 25 и 30 марта. «Символизм и религиозное творчество» — название первой главки статьи.
- 3 РГБ. Ф. 109. Карт. 43. Ед. хр. 6. Л. 77.
- 4 Приведем описание лекции и дебатов после нее, сделанное В. К. Шварсалон в письме к М. М. Замятниной от 29 марта 1908 г.: «С Вульфom я поехала в Лит<ературно->Худ<ожественный> круж<ок>, а Вячеслав с А<нной> Р<удольфовной>. Народу было много очень — публика самая отвитительная <так!> (большею частью купеческие дамы и девицы), — Вячеслав стоял за пюпитром направо, а за зеленым столом председательствовал Валерий <Брюсов>, направо от него Белый, потом разные другие типы; Баженов (кот<орый>, впрочем, ушел с середины) и другие — В<ячеслав> читал очень спокойно и, по-моему, отчетливо — Хотя был безобразный шум в соседней зале от времени до времени, и барышни, говорят, хихикали сзади, а в газетах писали, что редко кто понял что бы то ни было, но все-таки многие говорят, что никогда В<ячеслав> не читал или писал так ясно и понятно, хотя и трудно, и что интерес все время поддерживался, как мне и кажется многие чувствовали — Читал В<ячеслав> часа 2 — потом стал говорить Белый (??? — философия, Rückert, норма и т. д.), даже В<ячеслав> признался и сказал, что его <сверху вписано: он В. > не понял и что В<ячеслав> совсем не желает сводить разговор на философские распри идеализма и реализма — У них вышел маленький, короткий, оживленный диалог, во время которого то один, то другой быстро вставали за пюпитр — Потом говорил юнец-полунемец *M. Schick* ужас-

- но глупо и не к теме, что В<ячеслав> ему и сказал. Еще один Добролюбцев (?) возражал интереснее об опасности для искусства обратиться к религии, и В<ячеслав> с ним говорил довольно долго, доказывая, что он не точно понял. Все говорят, что В<ячеслав> держался очень твердо, уверенно и спокойно, возражал очень ясно (по-моему) — Потом, как и в антракте, В<ячеслав> был окружен и говорил со всякими типами (Брюсовым и т. д.)» (РГБ. Ф. 109. Карт. 37. Ед. хр. 17. Л. 18 об. Письмо датируется по почтовому штемпелю. Вопросительные знаки в круглых скобках принадлежат Шварсалон; Rückert вместо напрашивающегося Rickett — очевидная ошибка автора). О диалоге Белого с Вяч. Ивановым см.: Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М., 1940. С. 230 (письмо Белого от 6 апреля). Резко отрицательным было впечатление Брюсова, писавшего Н. И. Петровской в Италию: «Вчера скучал томительно на реферате Вяч. Иванова» (Письмо от 26 марта / 8 апреля 1908 // ИМЛИ. Ф. 13. Оп. 3. Ед. хр. 39. Л. 4). Ср. также газетные отчеты: А. П<анкратов>. Лекция Вячеслава Иванова // Русское слово. 1908. 27 марта; Н. Стихии символизма // Голос Москвы. 1908. 29 марта. В первом из названных отчетов довольно подробно перечисляются названные Ивановым в лекции имена, однако Новалис там не упоминается.
- 5 W a c h t e l. P. 118. Цитируется дневниковая запись Брюсова от 15 марта 1897.
 - 6 Брюсов. Дневники. С. 71.
 - 7 РГБ. Ф. 386. Карт. 65. Ед. хр. 9. Л. 55—56 об. Год, как и во всех остальных письмах Минцловой к Брюсову, устанавливается по содержанию.
 - 8 Там же. Л. 48—48 об, 49 об.
 - 9 Там же. Л. 44 об—45.
 - 10 Там же. Л. 53—54 об. Имеющиеся здесь в виду мучительные обстоятельства — тяжелая болезнь отца, лишившегося рассудка. Письма Бальмонта к Брюсову из Меррекуля см.: ЛН. Т. 98. Кн. 1. С. 140—154.
 - 11 Каталог книгоиздательства «Скорпион». К началу 1902 г. С. 6. О смысле и контексте этих обещаний см. вступительную статью Н. В. Котрелева к публикации переписки Брюсова с С. А. Поляковым (ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 11—12).
 - 12 ЛН. Т. 98. Кн. 2. С. 218.
 - 13 Подробнее см.: Котрелев Н. В. Переводная литература в деятельности издательства «Скорпион» // Социально-культурные функции книгоиздательской деятельности: Сборник научных трудов. М., 1985.
 - 14 Несколько позже, в 1908 году, Рудольф Штейнер, ученицей которого была Минцлова, прочитал две лекции о Новалисе (см.: W a c h t e l. P. 119).
 - 15 Amendola e «La Voce» / A cura di G. Prezzolini. Firenze, 1974. P. 35. Цит. по: Котрелев Н. В. Итальянские литераторы — сотрудники «Весов» // Проблемы ретроспективной библиографии и некоторые аспекты научно-исследовательской работы ВГБИЛ. М., 1978. С. 137.
 - 16 Котрелев Н. В. Итальянские литераторы — сотрудники «Весов». С. 138.
 - 17 Недатированное письмо // РГБ. Ф. 386. Карт. 84, Ед. хр. 2. Л. 13 об. Имеющийся здесь в виду перевод вышел значительно позднее: Новалис. Гейнрих фон Офтердинген, посмертный роман / Пер. с нем. Зин. Венгеровой и Василия Гиппиуса. М.: Изд. К. Ф. Некрасова, 1914. Равным образом и «Фиаметта» в переводе М. Кузмина была опубликована только в 1913 году фирмой М. Г. Корнфельда.
 - 18 ЛН. Т. 85. С. 668.
 - 19 Золотое руно. 1906. № 7—9; Весы. 1906. № 8. Ср. гораздо более доброжелательные отзывы А. П. Печковского и А. И. Бачинского в журнале «Перевал» (1906. № 1. С. 55; 1906. № 2. С. 67—68).

- 20 Было указано в рекламных объявлениях «Альманаха книгоиздательства «Гриф»» (М., 1905) и во многих других рекламах того времени (см., напр: Ребус. 1904. № 28—29; Искусство. 1905. № 5—6—7). Отмечено также в вышеуказанной книге М. Вахтеля.
- 21 Напомним, что 10 ноября 1906 года она прибыла в Петербург и на следующий день встретила Волошиным, а еще через день познакомилась через него с Ивановыми. (Максимилиан Волошин в Петербурге: осень 1906. Письма к М. В. Сабашниковой / Публ. В. П. Купченко // М и н у в ш е е. Т. 21. С. 321). Впрочем, возможно, конечно, что само знакомство состоялось и ранее, но первое из известных нам писем Минцловой к Иванову, написанное 30 декабря 1906 года, свидетельствует об отношениях еще совсем не близких знакомых.
- 22 И в а н о в. Т. II. С. 549.
- 23 Там же. Т. IV. С. 740.
- 24 Там же. С. 182.
- 25 Там же. С. 256.
- 26 Там же. Т. II. С. 773. Далее страницы этой публикации дневника Иванова 1909 г. указываются непосредственно в тексте.
- 27 Акцент на этом сделан в комментариях Д. В. Иванова к публикации «Лиры Новалиса» в четвертом томе «Собрания сочинений» Иванова.
- 28 РГБ. Ф. 109. Карт. 31. Ед. хр. 2. Л. 32 об—33. Обратим внимание на возможно имеющие некоторое значение близкие параллели этим рассуждениям в поэзии и «Разговоре о Данте» О. Мандельштама. О. Ронен обозначает связь между «Разговором о Данте» и «Бельтом» Иванова (*Ronen Omry. An Approach to Mandel'stam. Jerusalem, 1983. P. 48; другие параллели см. там же, по указателю*).
- 29 *Асеев Ник.* Московские записки / Вступ. заметка, подг. текста и примеч. А. Е. Парниса // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 158.

Вячеслав Иванов и Кузмин: к истории отношений

Впервые — Вопросы литературы. 1998. № 1. Печатается с дополнениями.

- 1 И в а н о в Т. II. Отметим, что в публикации есть отдельные неточности, а кроме того, она не включает летних писем 1906 года Иванова к жене, Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, в Швейцарию, которые являются интегральной частью дневника. Письмо Иванова и фрагменты дневника Кузмина опубликованы Ж. Шероном: *Wiener slawistischer Almanach. Wien, 1986. Bd. 17.*
- 2 Первая опубликована: Б о г о м о л о в; вторая — *Philologica. 1995. Vol. I. № 1/2; третья — Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990.*
- 3 НЛО. 1994. № 10. С. 123—129.
- 4 Запись из дневника Кузмина опубликована дважды: ЛН. Т. 92. Кн. 2. С. 151 (публ. К. Н. Суворовой по оригиналу), а также в указанной в примеч. 1 публикации Ж. Шерона (по машинописной копии).
- 5 *Wiener slawistischer Almanach. Bd. 17. S. 409.* Цитируем дневник здесь и далее по архивному оригиналу, подготовленному к печати С. В. Шумихиным и нами.
- 6 ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 243.

- 7 Отметим, что в публикации Ж. Шерона имеется еще одно упоминание Иванова за эти дни, относящееся, однако, к недоразумению: названный 17 февраля «Иванович» — на самом деле не Иванов, а певец Иованович.
- 8 Именно этим объясняется отсутствие Кузмина на первых заседаниях Академии стиха, с удивлением отмеченное М. Л. Гаспаровым (см.: *Гаспаров М. Л. Лекции Вяч. Иванова о стихе в Поэтической Академии 1909 г.* // НЛО. 1994. № 10. С. 90).
- 9 Подробнее см.: *Malmstad John E. «Real» and «Ideal» in Kuzmin's «The Three»* // *For SK: In Celebration of the Life and Career of Simon Karlinsky*. Berkeley, 1994.
- 10 Ныне об отношении Кузмина к «башне» см. в кн.: Кузмин. Дневник - 34.
- 11 Богомолов. С. 330.
- 12 ИРЛИ. Ф. 172, № 321. Листы не нумерованы.
- 13 РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед.хр. 29. Л. 4 об — 5. «Ангельский день», то есть именины Кузмина, были 8 ноября. С. С. — Сергей Сергеевич Позняков. Говоря о Блоке, Кузмин имеет в виду его статью «Письма о поэзии» (Золотое руно. 1908. № 7—9). О «чистке» стиха «Комедии о Мартиньяне» нам ничего не известно, равно как и составителю единственного авторитетного издания пьес Кузмина А. Г. Тимофееву (*Кузмин М. Театр: В 4 т.* (2 кн.). Berkeley, 1994. Т. I—III). Книга Кузмина, выхода которой он ждал, — «Комедии», издававшиеся «Орами». «Мои Сережи» — помимо Познякова, еще и С. А. Ауслендер.
- 14 Здесь и далее проза Кузмина цитируется по изд.: *Кузмин М. Проза*. Berkeley, 1984—1990. «Двойной наперсник» напечатан в т. VIII, а «Покойница в доме» вошла в т. IV.
- 15 *Иванова Лидия*. Воспоминания. Книга об отце. Paris, 1990. С. 34.
- 16 *Белый Андрей*. Между двух революций. М., 1990. С. 321.
- 17 *Зеленая Змея*. С. 124.
- 18 Богомолов. С. 207.
- 19 Подробнее см.: Там же. С. 246—250 и др.
- 20 Там же. С. 332.
- 21 Подробнее см.: Там же. С. 127 и далее. Отметим, что по недосмотру в тексте книги перепутана дата цитируемой здесь дневниковой записи: конечно, названное там 2 октября является очевидной ошибкой.
- 22 Подробнее см. в статье «Appa-Rudolph».
- 23 *Новый мир*. 1990. № 1. С. 231 / Публ. Р. А. Гальцевой. Цит. по: Богомолов. С. 92, где текст выверен по архивному оригиналу. Ср. также новейшую публикацию: Из писем к В. И. Иванову и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал Н. А. и Л. Ю. Бердяевых / Публ. А. Б. Шишкина // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. О контактах Иванова и Бердяева в эти годы см. специальную статью: *Chichkine A. Le banquet platonicien et soufi à la tour peterbourgeoise: Berdjaev et Vjaceslav Ivanov* // *Cahiers du monde russe*. 1994. Vol. XXXV. № 1/2.
- 24 Подробнее см. ниже, в публикации «Из оккультного быта «башни» Вяч. Иванова».
- 25 См. в тексте позднего дневника Кузмина, которого мы не знали, работая над статьей: «Я уже говорил, у Ивановых бывал по несколько раз на дню Наумов, в которого я был влюблен. <...> Роману этому очень покровительствовала Минцлова и всячески уничижала С. С. Познякова. Все это мне в конце концов поднадоело, и я по совету Сомова написал повесть «Двойной наперсник», где не только замаскированно изобразил ситуацию,

- но даже целиком вывел А<нну> Руд<ольфовну>. Повесть появилась летом. Я в то время поссорился с сестрой, уехал из Окуловки и жил в Знаменской гостинице с то убежавшим, то возвращавшимся Позняковым. А тут и Вяч. Обиделся на повесть, и мы еле-еле помирились...» (Кузмин. Дневник - 34. С. 112).
- 26 Тексты двух ее писем см. в предисловии к нашей книге.
- 27 Теософия и Богостроительство. Стенограмма заседания Религиозно-философского общества 24 ноября 1909 г. // Вестник теософии. 1910. № 2. С. 83.
- 28 РГБ. Ф. 109. Карт. 11. Ед. хр. 40. Л. 3 об—4. Письмо от 2 мая н. ст. 1910 из Парижа.
- 29 РГБ. Ф. 109. Карт. 31. Ед. хр. 2. Л. 3. М. Я. Сиверс — секретарь Немецкого отделения Международного Теософического общества, впоследствии — жена Рудольфа Штейнера.
- 30 Там же. Л. 16—16 об.
- 31 Там же. Л. 41—45 об. (нумерация архивных листов нарушает последовательность изложения). Подробнее о Русском Теософическом обществе, А. А. Каменской и Минцловой см. работу: Carlson (2).
- 32 Богомолов. С. 139—150.
- 33 Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». СПб., 1912. Кн. 17. Приносим сердечную благодарность А. А. Данилевскому, указавшему нам этот текст. Обратим внимание, что в «Двойном наперснике» Вельтман характеризует Веткину: «Небольшая, черненькая, смелый вид, но зеленая, очень зеленая, без томления духа, знаете?»
- 34 См.: Богомолов. С. 139—144.
- 35 Дымов О. Цит. соч. С. 12. Автор не раз говорит о ее «низком лбе», но тем самым противоречит себе: как нетрудно представить, отсутствие или незаметность бровей увеличивают размеры лба.
- 36 Там же. С. 118.
- 37 Кузмин. Дневник - 34. С. 113.

Из истории русской потенциальной журналистики начала XX века

Впервые — Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 1997. № 6. Печатается с небольшими сокращениями редакционного характера.

- 1 См.: Богомолов. С. 67, 99—116.
- 2 См. о конфликтах внутри «Трудов и дней» и «Золотого руна» обстоятельные статьи А. В. Лаврова (Русская литература и журналистика начала XX века: 1905—1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 203—207, 138—152 и др.), о противоречиях внутри редакции «Аполлона» — переписку его редакторов и сотрудников, собранную в публикации: Переписка Вяч. Иванова с С. К. Маковским / Публ. Н. А. Богомолова, С. С. Гречишкина, О. А. Кузнецовой // НЛЮ. 1994. № 10.
- 3 О внутренней истории «Весов» см. две фундаментальные работы: *Азадовский К. М., Максимов Д. Е.* Брюсов и «Весы»: К истории издания // ЛН. Т. 85. С. 237—324; *Лавров А. В., Максимов Д. Е.* «Весы» // Русская литература и журналистика начала XX века. С. 65—136. О редакционной истории «Гиперборея» известно гораздо меньше (см., прежде всего, «Заметки на полях» Р. Д. Тименчика в репринтном воспроизведении двух пер-

вых номеров журнала — Л., 1990), однако даже по этому немногому чувствуется известное напряжение. Наглядно же свидетельствует о нем отказ от выпуска специального номера, посвященного символизму (несколько подробнее см.: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 418).

- 4 Так, например, в журнале «Джентльмен и моды» должна была быть опубликована весьма существенная анкета об отношении ряда крупных литераторов к проблемам моды. См. об этом в письме С. М. Городецкого в редакцию «Биржевых ведомостей»:

«Месяца полтора тому назад писателей обходил один литератор с просьбой дать ответ на анкету о мужском костюме, предпринимаемую новым журналом «Джентльмен и моды».

На анкету нельзя, собственно говоря, не ответить: — это если не долг, то необходимая любезность перед обществом.

Анкета о мужской моде, естественно, нашла особенный отклик в среде неутомимых борцов за новое искусство, за новую жизнь, за новый быт: откликнулись проф. Е. Аничков, Вячеслав Иванов, Андрей Белый — серьезно откликнулись.

Что же оказывается? Объявляя о журнале, портновская редакция записала всех лиц, любезно ответивших на анкету, себе в сотрудники, участники, чуть ли не в закройщики!

Передержка эта глубоко возмутительна. Между ответом на анкету и сотрудничеством нет ничего общего, и рекламные стремления смешать эти две вещи должны вызвать гневный отпор» (Неожиданная метаморфоза (Письмо в редакцию) // Биржевые ведомости. 1912. 24 апреля. № 12903. Веч. вып.). Существенно не только заинтересованное отношение значительных писателей к сугубо, казалось бы, коммерческому предприятию, но также и то, что письмо Городецкого фиксирует несколько существенные особенности журналистики предреволюционного десятилетия: отношение к анкетам, так часто появлявшимся на газетных и журнальных страницах, ко включению того или иного писателя в список сотрудников, а также и к снятию границ между изданием осуществившимся и еще не осуществленным, — письмо писалось в тот момент, когда журнал еще не вышел и не было ясно, появится он или нет. Отметим, что в достаточно редком единственном номере журнала (он отсутствует в московских библиотеках и на его реальность указал нам Г. В. Обатнин) анкета была опубликована, а списка сотрудников не было.

- 5 См.: ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 414.
- 6 Минц З. Г. А. Блок в полемике с Мережковскими // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1981. Вып. 535. Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики. Блоковский сборник IV. С. 157—163.
- 7 Из переписки Александра Блока с Вяч. Ивановым / Публ. Н. В. Котрелева // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1982. Т. 44. № 2. С. 173—174. См. также указанную выше статью А. В. Лаврова о «Трудах и днях».
- 8 См.: Московская литературная и филологическая жизнь 1920-х годов: Машинописный журнал «Гермес» / Публ. М. О. Чудаковой, Г. А. Левинтона и А. Б. Устинова // Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990 (публикация включает меморанды заметки Б. В. Горнунга, указатель содержания «Гермеса» и письма Горнунга к М. А. Кузмину); Поливанов К. М. Машинописные альманахи «Гиперборей» и «Мнемозина»: Указатель содержания // De Visu. 1993. № 6; Богомолов Н. А. К «Архивографии» 6-го номера // De Visu. 1993.

- № 7. Описание машинописного экземпляра «Мнемозины» см.: Осенний аукцион книг: Каталог / Сост. П. А. Дружинин и А. Л. Соболев. М., [1995]. С. 113—114.
- 9 «Серрапионовы братья» в собраниях Пушкинского Дома: Материалы. Исследования. Публикации. СПб., 1998. С. 155—159 (материал подготовлен Т. А. Кукушкиной).
- 10 См. напр., описание чрезвычайно интересного второго номера журнала «Остров», фактически в свет не вышедшего: Второй номер журнала «Остров» / Публ. А. Г. Терехова // Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994.
- 11 Довольно подробно в этом отношении исследована история горьковского журнала «Беседа», прекратившегося из-за репрессивной политики большевиков на 6/7 номере. См. *Вайнберг И.* Берлинский журнал Горького «Беседа», его издатель С. Г. Каплун, поэт В. Ф. Ходасевич и др. // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1995. Т. 4; *Он же.* «Беседа» // Литературная энциклопедия русского зарубежья, 1918—1940. Т. 2: Литературные центры и периодические издания. Ч. 1. М., 1996; *Он же.* Жизнь и гибель берлинского журнала Горького «Беседа» (по неизвестным архивным материалам и неизданной переписке // НЛО. 1996. № 21.
- 12 Мы придерживаемся той точки зрения, что альманахи и сборники в начале XX века весьма часто брали на себя функцию периодических изданий, о чем свидетельствует, кстати сказать, и вполне резонное стремление историков журналистики рассматривать сборники «Знания», альманахи «Шиповника» и пр. как периодические издания. При таком подходе существенное значение, например, приобретают поиски первого альманаха группы «Московский Парнас», до сих пор неизвестного историкам литературы и книги (по сведениям из краткой биографии поэта Н. Церуковского он назывался «Отец Дюшен». См.: Писатели современной эпохи: Биобиблиографический словарь / Изд. подготовил Н. А. Богомолов. М., 1995. Т. II. С. 211). Попытка реконструкции невышедшего сборника «Северный Гафиз» предпринята нами в статье «Петербургские гафизиты» (Богомолов. С. 86—88).
- 13 *Ямпольский И. Г.* Валерий Брюсов и первая русская революция // ЛН. Т. 15. С. 314.
- 14 Письмо от 4 августа 1907 / Публ. С. С. Гречишкина, Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова // ЛН. Т. 85. С. 502, 504.
- 15 См. в письме Иванова от 7 ноября 1908: «Благодарю тебя за вести из-за границы, за эти письма, в которых опять послышалась мне старинная нотка внутренней близости <...> С радостью прежней расслышал я в твоих строках какой-то призыв к обновленному сближению (интимному, не деловому)...» (Там же. С. 513).
- 16 Подробная история «Ор» еще не написана (наиболее систематизированные сведения находятся в статье О. А. Бригадновой «К истории создания сборника стихотворений М. А. Волошина “Звезда-полынь”», ставшей нам известной в рукописи). О том, что издательство нуждалось в меценатах, свидетельствует недатированное письмо В. С. Гриневиц, обращенное «В издательство “Оры”»: «Милостивый Государь
Прилагаю два пая, кот<орые> покорнейше прошу вложить в издаваемый Вами сборник стихов.
С глубоким уважением
Вера Гриневиц» (РГБ. Ф. 109. Карт. 17. Ед. хр. 21. Л. 34).
- 17 См.: Богомолов. С. 263.

- 18 Там же. С. 303. Впервые — ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 293.
- 19 Там же. С. 307. Прочитировано также в «Литературном наследстве» с неверной датой (перепутан месяц), являющейся повторением описки автора.
- 20 Там же. С. 308.
- 21 См. также: Герцык. С. 120.
- 22 ЛН. Т. 85. С. 507.
- 23 См. о кружке Христофоровой специальный раздел в кн.: Carlson (2). Р. 88—94.
- 24 РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 5. Л. 7—8 об.
- 25 РГБ. Ф. 109. Карт. 35. Ед. хр. 22. Л. 2 об.
- 26 РГБ. Карт. 30. Ед. хр. 22. Л. 46—47. Письмо от 17 ноября. Под буквами Р. К. Иванов и Минцлова подразумевали розенкрейцерство. О попытках Минцловой создать розенкрейцерское братство в России см.: Carlson (2). Р. 92—93, а также выше, в статье «Anna-Rudolph».
- 27 Там же. Л. 56 об—58. А. А. — руководительница Российского Теософического общества и издательница журнала «Вестник теософии» Анна Алексеевна Каменская (1867—1952), писавшая под псевдонимом Альба. Об обществе «Русская Теософия» данных у нас нет. О создании РТО М. Карлсон сообщает, что оно было официально зарегистрировано 30 сентября 1908 г., а учредительное собрание состоялось 17 ноября 1908 г., в день 33-й годовщины основания Всемирного Теософического общества Е. П. Блаватской и полковником Олькоттом (Carlson (2). Р. 59). Дата «17 ноября» особенно выделена Минцловой, т. к. 17 октября скончалась Л. Д. Зиновьева-Аннибал, а 17 марта — день именин Вяч. Иванова.
- 28 Далее одна строка зачеркнута.
- 29 Слово подчеркнуто дважды.
- 30 Там же. Л. 50—64. Надежда Алексеевна Строганова — близкая московская приятельница Минцловой, ее муж — профессор ботаники в Московском университете. Алеша — Алексей Васильевич Сабашников (1883—1954), специалист в области сельского хозяйства, антропософ, брат М. В. Сабашниковой-Волошиной. «Anna-Rudolph» — сама Минцлова. Книга Р. Штейнера «Теософия» (в оригинале писалось через начальную «фиту») в переводе Минцловой была издана в 1910 г. Евгения — Евгения Казимировна Герцык (1878—1944) — переводчица, автор «Воспоминаний», сестра поэтессы А. К. Герцык. Михаил Александрович Эртель (ум. в нач. 1920-х гг.) — сын писателя А. И. Эртеля, член кружка «аргонавтов», теософ и антропософ. Вера Степановна Гриневич (ум. не ранее 1939) — приятельница Иванова и знакомая Минцловой.
- 31 РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 7. Л. 9 об.
- 32 Там же. Л. 30 об—31, 32.
- 33 Там же. Л. 65.
- 34 Там же. Ед. хр. 8. Л. 5 об.
- 35 См.: *Анненский И. Ф.* Письма к С. К. Маковскому / Публ. А. В. Лаврова и Р. Д. Тименчика // *Ежегодник* на 1976 год; *Переписка В. И. Иванова с С. К. Маковским.* С. 139 и далее.
- 36 РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 5. Л. 10 об—11.
- 37 *Силард Лена.* Роман Андрея Белого между масонством и розенкрейцерством // *Россия/Russia. Venezia, 1991.* [Vol.] 7.
- 38 Опубликовано Г. В. Обатниным (*Ежегодник* на 1991 год. С. 161—164).
- 39 Подробнее см.: *Соболев А. Л.* Мережковские в Париже (1906—1908) // *Лица: Биографический альманах.* [Вып.] 1. М.: СПб., 1992; *Богомолов.* С. 97, 251.

40 Зеленая Змея. С. 139.

41 См.: *Соболев А. Л.* Цит. соч. С. 344—345.

42 *Белый Андрей.* Воспоминания о Штейнере. Paris, 1982. С. 72.

43 РГБ. Ф. 109. Карт. 29. Ед. хр. 91. Л. 8—9 об.

История одного литературного скандала

Печатается впервые.

1 *Белый Андрей.* Между двух революций. М., 1990. С. 517.

2 Там же. С. 233.

3 Там же. С. 234.

4 Даты из биографии Белого, приводимые в статье, устанавливаются по «Хронологической канве жизни и творчества» (Л а в р о в).

5 РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 6. Л. 7. Лекция Д. С. Мережковского, о Лермонтове, которая имеется здесь в виду, состоялась в конце ноября 1908 г. О поведении Белого во время этой лекции см.: «...на счастье для Лермонтова г. Андрей Белый сыграл в прениях роль <...> андерсеновского мальчика по отношению к голому королю. Г. Белый имел мужество заявить референту, что внешняя «красивость» еще отнюдь не означает внутренней красоты — красоты истинной оригинальности и логической правды» (*Нич. Мережковский о Лермонтове // Голос Москвы. 1908. 30 ноября. № 278*). Ср. в «берлинской» редакции «Начала века»: «Приехавши к Мережковским, не мог передать им моих еще новых узваний и чувств; видел: сами они одержимы; смотрел на Д. С.; и вставало: большой человек — теми крыльями, на которых летает; а крылья — подвешаны; выкрикивает громким голосом часто огромные вещи, которых действительный смысл ему вовсе не ведом; в последний приезд Мережковских в Москву наблюдал я, как он, одержимый словами, которые кто-то через него выдувает, словами не собственными, поднимал вокруг себя бури и хаосы; и хотелось крикнуть:

О, страшных песен сих не пой,
Под ними хаос шевелится.

Но он: не расслышал бы!» (РГАЛИ, Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 49. Искажение в цитате из Тютчева принадлежит Белому).

6 Там же. Л. 14 об—16 об.

7 Письмо С. Н. Булгакова А. С. Глинке (Волжскому) от 12 декабря 1908 // *В з ы с к у ю щ и е Г р а д а*. С. 182—183.

8 Подробнее см.: *Белый Андрей.* Начало века. М., 1990. С. 351—352.

9 *Белый Андрей.* Между двух революций. С. 319.

10 См. подробнее в обстоятельной статье: *Постутенко Кирилл.* Н. К. и Э. К. Метнеры: парадокс национальной самоидентификации (к публикации неизвестного письма А. Белого) // *Опыты.* 1994. № 1 (то же: *De Visu.* 1994. № 1/2, с иным подзаголовком: «К истории одного письма А. Белого»), где опубликовано письмо Белого к Н. К. Метнеру, утверждающее: «В Вашем инциденте вижу я продолжение *серии скандалов*, которые **они** нам устраивают. Вот за последние два года в русской литературе град скандалов, устраиваемых еврейскими литературными критиками и антрепренерами: 1) Скандал с писателем Чириковым. 2) Скандал с Куприным. 3) Скандал с Блоком. 3) Скандал в кружке со мной. 5) Эллисовский инцидент. Провокаторское войско надвигается на нас со всех сторон» (*Опыты.* С. 109—110; *De Visu.* С. 46—47).

- 11 *Валентинов Н.* Два года с символистами. Stanford, 1969. С. 219.
- 12 *Безродный Михаил.* О «юдобоязни» Андрея Белого // НЛО. 1997. № 28. Вообще пафос этой весьма ценной как документальными данными, так и многими интерпретациями статьи, как нам представляется, слишком в малой степени учитывает экономический аспект проблемы. «Жидовство» издателей и редакторов столь же отчетливо воплощалось у Белого за пару лет до интересующего нас эпизода в фигуре Н. П. Рябушинского, а вообще, как кажется (и как наглядно показано самим же М. В. Безродным), в зависимости от обстоятельств получало самые разнообразные этнические и национальные воплощения — от японцев до «хохлов». Отсюда же исходит и противопоставление евреев «жидам», и многие другие особенности разбираемых автором текстов.
- 13 См.: Л а в р о в. С. 215—250.
- 14 См. фрагмент этого письма, опубликованный А. В. Лавровым (Русская литература и журналистика начала XX века 1906—1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 133).
- 15 РГБ. Ф. 109. Карт. 10. Ед.хр. 20. Л. 6. Письмо от 11 января 1910. Слово «такое» подчеркнуто дважды.
- 16 См.: Русские ведомости. 1909. 14 января. № 10. Примечателен тон заметки об этом докладе в «Раннем утре»: «...г. Абрамович прочел довольно-таки скучный доклад о Ф. Сологубе и А. Блоке. Публики было не очень много, возражали вяло, — вообще Вторник можно назвать неудачным» (14 января, № 16).
- 17 [Б. п.] Религия и литература // Русские ведомости. 1909. 28 января. № 22; Ср.: [Б. п.] Лекция А. П. Давыдова // Русское слово. 1909. 27 января (10 февраля). № 21.
- 18 [Б. п.] Скандал в Литературно-художественном кружке // Русское слово. 1909. 28 января (10 февраля). № 22.
- 19 Там писалось: «Весьма оживленный обмен мнений, перешедший скоро в полемику декадентов и их противников, затянулся за полночь» (Русские ведомости. 28 января. № 22).
- 20 [Б. п.] Религиозное народничество декадентов // Русские ведомости. 1909. 29 января. № 23. Н. Урусов — явная ошибка хроникера или опечатка, имеется в виду журналист Н. Н. Русов (1884 — не ранее 1942), впоследствии довольно известный беллетрист (отметим, что его отец был незаконным сыном кн. Урусова).
- 21 [Б. п.] Вчерашний «вторник» // Раннее утро. 1909. 28 января. № 22. В нем есть две колоритные подробности, отсутствующие в других сообщениях: «Возмущенная публика долго не расходилась, вступив в объяснения с председателем заседания г. Соколовым-Кречетовым и упрекала его в придирчивости к одним и снисходительности к другим. Г. Тищенко просит председателя проводить его, так как он боится оскорбления действием».
- 22 Письмо В. К. Шварсалон к М. М. Замятниной от 29 января 1909 (РГБ. Ф. 109. Карт. 37. Ед.хр. 17. Л. 21—22 об). В тексте имеется приписка, которую трудно отнести к определенному месту: «Вяч<с>слав сделал свое заявление и оставался все время в полнейшем спокойствии».
- 23 РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед.хр. 27. Л. 56—59.
- 24 *Яблоновский Сергей.* Мимикристы // Русское слово. 1909. 29 января (11 февраля). № 23.
- 25 Письмо от 29 января 1909 // ЛН. Т. 85. С. 520.
- 26 РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 7. Л. 11—12 об.
- 27 Там же. Л. 13 об—15 об.

- 28 *Musca* [Ф. Г. Мускатблит]. «Герои» и «толпа» // Раннее утро. 30 января. № 24.
- 29 Раннее утро. 1909. 29 января. № 23.
- 30 П е р е п и с к а. С. 85 (письмо от 3 декабря 1916 г.).
- 31 *Мамонтов Серг.* Об упадочниках // Русское слово. 1909. 6 (19) февраля. № 29.
- 32 Так, уже в 1921 г. Н. Н. Русов вспоминал среди примечательных эпизодов своей биографии: «В те же годы я частенько ораторствовал в Соловьевском Рел<игиозно>-Фил<ософском> Общ<естве> при Булгакове и Свенцицком, а также в Лит<ературно>-Худ<ожественном> Кружке (помню яркое заседание на докладе Вяч. Иванова с моей речью, на которую он рассердился и хотел уходить из зала, и с обмороком А. Белого после слов Бурнакина)» (РНБ. Ф. 207. № 79. Л. 3—4. Письмо к Э. Ф. Голлербаху от 8 февраля 1921 г. с подробным автобиографическим очерком).
- 33 *Белый Андрей.* Стихотворения и поэмы. М.; Л., 1966. С. 543.
- 34 Там же. С. 545.
- 35 РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед.хр. 27. Л. 73.

Об одной фракции «Цеха поэтов»

Впервые — *Studia Slavica Helsingiensia et Tartuensia. V. Модернизм и пост-модернизм в русской литературе и культуре.* Helsinki, 1996. Печатается с небольшими дополнениями и исправлениями.

- 1 *Тименчик Р. Д.* Заметки об акмеизме. [I] // *Russian Literature.* 1974. № 7/8; *Он же.* По поводу «Антологии петербургской поэзии эпохи акмеизма» // *Russian Literature.* 1977. Vol. 5. № 4. В качестве одной из необходимых разработок назovem: *Азадовский К. М. Н. А. Клюев и «Цех поэтов»* // *Вопросы литературы.* 1987. № 4. См. также недавнюю работу: *Лекманов О.* Книга об акмеизме. М., 1998.
- 2 См. также: *Тименчик Р. Д.* К изучению круга авторов журнала «Гиперборея» // *Тыняновский сборник: Пятые Тыняновские чтения.* Рига, М., 1994.
- 3 См. его стихи в № 1, 2, 5/6 за 1909 г. Среди довольно многочисленных стихотворений, могущих быть связанными с оккультизмом в его первом сборнике «Стихотворения. Сборник первый» (СПб., 1908), особо отметим «Мистический сонет» (С. 7). См. также фрагменты его писем к Вяч. Иванову, опубликованные нами: *Богомолов Н. А. Addenda* // *НЛО.* 1996. № 19. Наиболее подробные биографические сведения (без указаний на связанность с оккультизмом) см. в статье Д. М. Магомедовой (РП. Т. 1), предисловии Т. Пахмусс к его книге «У Финского залива» (Хельсинки, 1990) и небольшой заметке Б. Хеллмана (*Nikolaj Gumilev 1886—1986: Papers from the Gumilev Centenary Symposium / Ed. by Sheelagh Duffin Graham. Berkeley, 1987. P. 148—151*). По сообщению Б. Хеллмана, сделанному в частной беседе, интерес к теософии Гарднер сохранял до конца жизни.
- 4 Публикации в № 7/8 и 11 за 1912, 4—6 за 1913 г. Отметим также неподписанную рецензию на «Вег» (*Вестник теософии.* 1914, № 2). В биографической литературе, которая фактически исчерпывается двумя статьями А. Г. Меца (РП. Т. 1; *Лица: Биографический альманах.* М.; СПб., 1990. Вып. 1) упоминания о сотрудничестве с журналом имеются, но получают беглую оцен-

- ку: «...как можно судить по факту публикаций в журнале «Вестник теософии», Гедройц отдала дань этому, модному в то время среди столичной интеллигенции, псевдофилософскому увлечению» (Лица. С. 293).
- 5 Едва ли не все научные интересы Грааль-Арельского, описанные Т. Л. Никольской (РП. Т. 2), вписываются в круг самого пристального внимания оккультистов. Джордано Бруно, о котором писал Арельский, в частности, был весьма почитаем ими. «Научность» вообще была важной составной частью теософических изысканий.
 - 6 См. в ст. К. М. Поливанова (РП. Т. 1). Искусственные международные языки, в том числе эсперанто, весьма интересовали теософов и оккультистов разного толка.
 - 7 *Немировский А. И., Уколова В. И.* Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1995. С. 126. Здесь же Зубакин упоминает, что был членом «Общества поэтов», т. е. весьма известной по ряду мемуаров «Физы».
 - 8 *Тименчик Р. Д.* Заметки об акмеизме. [I]. С. 37.
 - 9 Библиография, состоящая из 54 названий, в числе которых 18 «статей идеологического характера», мистерия, 10 прозаических произведений, 20 стихотворений и 5 переводов, составленная А. М. Асеевым, опубликована: *Оккультизм и Йога. Асунсион (Парагвай)*. 1960. Т. 23. С. 92—94. В приложении к библиографии указаны статьи памяти Рудниковой, публиковавшиеся на страницах «Оккультизма и Йоги», а также список ее неизданных произведений, находящихся в портфеле редакции, часть из которых была впоследствии опубликована.
 - 10 См.: *Струве Г. П.* Александр Кондратьев по неизданным письмам // Istituto universitario orientale. Sezione slava. Napoli, 1969. Vol. XII. Перепечатанные Асеевым письма Кондратьева к нему хранятся в архиве Струве в Гуверновском институте (Стэнфорд). Отметим, что стихотворение Кондратьева «Баный Чур» было опубликовано в «Оккультизме и Йоге» (1955. Т. 14). Несколько подробнее об Асееве см. ниже, в примечаниях к публикации «К истории эзотеризма советской эпохи».
 - 11 См. о нем подробнее ниже, в публикации «К истории эзотеризма советской эпохи».
 - 12 Из известных нам публикаций Елачича отметим: *Елачич де Бужим Гавр.* Светлая песнь (Венок сонетов) // На чужбине: Журнал-альманах. Ревель 1921. Май. Вып. 1. Видимо, нелишне будет сказать, что Елачич родился в 29 марта 1894 г. в семье действительного статского советника, окончил 1-ю Петербургскую гимназию, с 1911 учился в Петербургском университете и был участником Венгерского семинария (9 апреля 1915 читал доклад «Стихотворные переводы из Корнуэля»). См.: *Пушкинист: Историко-литературный сборник / Под ред. проф. С. А. Венгерова.* Пг., 1916. [Вып.] II. С. 289 — 290.
 - 13 В следующем номере «Оккультизма и Йоги» было опубликовано письмо Надежды Елачич, второй жены Г. А., комментирующее эту фразу, которое процитируем с сокращениями: «Чтобы у читателей не создалось ложное представление о дорогом мне образе Гавриила Александровича Елачича, я прошу Редакцию поместить следующее мое разъяснение. Развод супругов произошел по инициативе Гавриила Александровича, благодаря чему Нина Павловна получила возможность выйти замуж за барона Искуля. Но дружеские отношения между Ниной Павловной и Гавриилом Александровичем продолжались все остальные 20 лет их жизни. <...> Характерным примером их переписки, как личной, так и идеологической,

- может послужить отрывок «Из письма» и три стихотворения, помещенные в том же 23-ем сборнике <«Оккультизма и Йоги»>. И письмо, и стихотворения, как эти, так и часть из тех, что «хранятся в портфеле Редакции», сохранились в бумагах покойного Гавриила Александровича среди другой его переписки с Ниной Павловной, были вывезены мною и пересланы в Редакцию для Сборника, посвященного памяти Нины Павловны» (*Елачич Надежда*. Письмо в редакцию // *Оккультизм и Йога*. Асунсион (Парагвай), 1960. Т. 24. С. 126).
- 14 Одна из фотографий, изображающих Рудникову пишущей, сидя на песке у моря, помещена в той же книге.
 - 15 Недавнюю публикацию сочинений Рудниковой, основанную на неизвестных источниках, см.: *Рудникова Н. П.* Сокровенная мудрость Египта. Солнечный путь. Арканы Таро. М., 1995.
 - 16 *Асеев А. М.*, д-р. Светлой памяти Н. П. Рудниковой // *Оккультизм и Йога*. Асунсион (Парагвай) 1960. Т. 23. С. 3—7.
 - 17 Затрудняемся объяснить странные расхождения в сведениях относительно сына Рудниковой от второго брака.
 - 18 *Срезневская-Зеленцова К.* Воспоминания о Н. П. Рудниковой // *Оккультизм и Йога*. Асунсион (Парагвай). 1960. Т. 23. С. 9—13.
 - 19 Письма Елены Рерих 1932—1955. Новосибирск, 1993. С. 201—202. Письмо от 10.05.37.
 - 20 *Рерих Е. И., Рерих Н. К., Асеев А. М.* «Оккультизм и Йога»: Летопись сотрудничества. М., 1996. Т. II. С. 179. Письмо от 21 июля 1937.
 - 21 См.: *Культура русской диаспоры: Саморефлексия и самоидентификация / Материалы международного семинара. [Tartu, 1997]. С. 375—376* (комментарии Г. М. Пономаревой к републикации статьи Ю. Иваска «Письмо из Ревеля»).
 - 22 *Тименчик Р. Д.* Заметки об акмеизме. С. 37.
 - 23 *Гумилев Т. З.* С. 18.
 - 24 Намеренно говорим в самом широком смысле. Вероятно, уход Клюева из «Цеха» должен был особенно опечалить Гумилева, поскольку таким образом отпадала важнейшая составная часть целокупного представления о мире. Молодой А. Н. Толстой (недаром вычеркнутый из списка цеховиков) и П. Радимов, конечно, не могли в этом смысле служить ему заменой, равно как и ориентированный на малороссийские мотивы В. Нарбут.
 - 25 Подробно о футуристической составляющей гумилевской поэзии см.: *Тименчик Р. Д.* Заметки об акмеизме. II // *Russian Literature*. 1977. Vol. V. № 3.
 - 26 Об истории этого эпитета см. рассказ Ахматовой, записанный Л. К. Чуковской: *Чуковская Лидия*. Записки об Анне Ахматовой. М., 1997. Т. 1. С. 173—174.
 - 27 Вероятно, для Гумилева было весьма существенным пока что с трудом поддающееся выявлению влияние поэзии М. Л. Лозинского, и в этом смысле он также может быть представлен как важнейшая составляющая. Ср. тонкие наблюдения: *Сегал Д.* Поэзия М. Лозинского: Символизм и акмеизм // *Russian Literature*. 1983. Vol. 13. № 4. Письма Гумилева к Лозинскому опубликованы Р. Д. Тименчиком: *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. 1987. Т. 46. № 1, ответные письма (среди которых не лишним будет отметить эзотерические обертоны разговора о биографических ямбах самого Лозинского и Гумилева) см.: *Гумилев Николай*. Неизданное и несобранное / Сост., ред. и коммент. М. Баскера и Ш. Гре-ем. Paris, 1986.

Об одном из источников диалога Хлебникова «Учитель и Ученик»

Впервые — Терентьевский сборник. М., 1998. Вып. 2. Печатается с дополнениями.

- 1 Мы цитируем текст «Учителя и Ученика» по новейшему критическому изданию: *Хлебников Велимир*. Творения / Сост., подг. текста и коммент. В. П. Григорьева и А. Е. Парниса. М., 1986.
- 2 См., напр.: *Lanne Jean-Claude*. Velimir Khlebnikov poète futurien. P., 1983. Т. I. P. 39—50; *Дуганов Р.* Поэт, история, природа // Вопросы литературы. 1985. № 10; *Арензон Е.* К пониманию Хлебникова: Наука и поэзия // Там же; *Иванов Вяч. Вс.* Хлебников и наука // Пути в неиздаваемое: Писатели рассказывают о науке. М., 1986. Сб. 20; *Vroon Ronald*. Velimir Khlebnikov's *Otryvki iz dosok sud'by*: Notes on the Publication History and Three Rough Drafts // Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman. Stanford, 1994 и многие другие работы, сколько-нибудь полное перечисление которых не входит в нашу задачу. О некоторых оккультных параллелях к текстам Хлебникова см.: *Каиц Л. Ф.* Велимир Хлебников и Лев Карсавин: Об одной философской параллели к «языку богов» // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 55. 1996. № 4.
- 3 Наиболее подробная на сегодняшний день биография Лемана (под «черным словом» Дикс) принадлежит перу К. М. Поливанова (РП. Т. II). См. также в нашей книге публикацию «Между Леманом и Диксом».
- 4 Изиды. 1911. № 6. С. 8. Отметим, что в течение 1911 г. Леман довольно активно сотрудничал в «Изиде»; предполагалось, судя по журнальным анонсам, сотрудничество и еще более значительное, но по неизвестным нам причинам оно не состоялось. Последняя зафиксированная нами публикация — рассказ «Обман», подписанный «Б. Л.» в № 2 (ноябрь) сезона 1911/1912 г.
- 5 Там же. С. 10.
- 6 Изиды. 1911. № 9—10. С. 12. Далее диалог Лемана цитируется по этому источнику без специальных отсылок.
- 7 Буквально: «В истинной перемене». — *Примеч. автора*.
- 8 Хлебниковские чтения: Материалы конференции 27—29 ноября 1990 г. СПб., 1991.
- 9 Т а й н а я Д о к т р и н а. Т. 2. Кн. 1. С. 89. По мнению Лорена Дж. Лейтона, комбинирование цифр 3 — 7 — 1 является конститутивным признаком для «Пиковой дамы», при этом восходящим к каббалистической традиции: «В эзотерической традиции, тесно связанной с Каббалой, 3, 7 и 1 — числа магические, «каббалистические». Они играют важную роль в масонской символике и таких карточных системах, как Таро...» (*Лейтон Лорен Дж.* Эзотерическая традиция в русской романтической литературе. Декабризм и масонство. СПб., МСМХСV. С. 144).
- 10 См., напр.: Т а й н а я Д о к т р и н а. Т. 2. Кн. 4. С. 583—588.
- 11 *Тименчик Р. Д.* Заметки об акмеизме. II // Russian Literature. 1977. Vol. V. № 3.
- 12 Более подробное исследование этого вопроса см. в статье «Гумилев и оккультизм» в данной книге.
- 13 Далее в тексте следует еврейская буква, о которой в примечании сказано: «Хет — восьмая буква еврейского алфавита».
- 14 Исследование солнечного (называемого еврейским) алфавита, состоящего из 22 букв. Составлено по Архерометру Сент Ив д'Альвейдра — док-

тором А. Е. С. / Перев. Д. И. Карабановича // Изида. 1912. № 6 (март). С. 20.

- 15 См., напр.: *Радван-Рыпинский Е. В.* Всемирный язык Эсперанто // Изида. 1912. № 4 (январь).

Из комментария к стихотворениям Ходасевича

Публикуется впервые.

- 1 *Ходасевич Владислав.* Собрание сочинений. М., 1996. Т. 1. С. 507—508.
- 2 Помимо издания, указанного в примеч. 1, еще и в книге: *Ходасевич Владислав.* Стихотворения. Л., 1989. С. 379. Ср. также комментарии Дж. Мальмстада и Р. Хьюза (*Ходасевич Владислав.* Собрание сочинений. Алп Арвог, 1983. Т. 1. С. 309—310) и Евг. Беня (*Ходасевич Владислав.* Колблемый треножник. М., 1991. С. 622).
- 3 Б е з а н т. С. 44, 52—53.
- 4 *Сар-Динош [Л. Л. ф. Фелькерзам].* Выделение астрального тела // Изида. 1911. № 7 (апрель). С. 19.
- 5 Новые опыты с астральным телом (Последние работы А. де Роша) // Ребус. 1904. № 3—4. С. 4—5.
- 6 Б е л ы й и а н т р о п о с о ф и я. Т. 6. С. 434—35. Воззрения Белого непосредственно связаны с теорией Р. Штейнера (еще бывшего теософом), нашедшей отражение в книге «Феософия: Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека», переведенной на русский язык А. Р. Минцловой (ср. также в разделе «Гумилев и оккультизм»).
- 7 См. цитаты, приведенные в кн.: *Катанян В.* Маяковский: хроника жизни и деятельности. М., 1985. С. 138—139.
- 8 В книге ее воспоминаний находим такие строки: «В доме, некогда принадлежавшем славянофилу Хомякову и сохранившем обстановку начала 19 века, вернувшаяся из эмиграции супружеская чета обставила футуристических поэтов и художников. Там я познакомилась со многими из них, в том числе с Владимиром Маяковским» (З е л е н а я З м е я. С. 262).
- 9 Из хроники газеты «Мысль» (*Катанян В.* Цит. соч. С. 138).
- 10 Подробнее см.: *Мальмстад Джон.* По поводу одного «не-некролога»: Ходасевич о Маяковском // Седьмые Тыняновские чтения: Материалы для обсуждения. Рига; М., 1995—1996.
- 11 Б е л ы й и а н т р о п о с о ф и я. Т. 9. С. 410.
- 12 Там же. С. 421.
- 13 Ср. у Ходасевича развернутый пейзаж, после которого следует: «Самого себя Увидел я в тот миг, как этот берег...»
- 14 Ср. тему водного пространства и лодки у Ходасевича.
- 15 Так, до мельчайших подробностей, описывает Ходасевич оставленное им физическое тело.
- 16 Б е л ы й и а н т р о п о с о ф и я. Т. 9. С. 434—435.
- 17 Подробнее см.: *Богомолов Н. А.* Рецепция поэзии пушкинской эпохи в лирике В. Ф. Ходасевича // Пушкинские чтения. Таллинн, 1990. С. 175. Напомним, что имплицитное сопоставление Ходасевича с Баратынским содержится в статье Белого «Рембрандтова правда в поэзии наших дней (о стихах В. Ходасевича)» (Записки мечтателей. 1922. № 5. С. 139), а использование образов «Последней смерти» для характеристики своего ми-

- роошущения находим в его письме к Иванову-Разумнику 1925 года (П е р е п и с к а. С. 319. Публикаторами письмо датируется началом марта).
- 18 Белый и антропософия. Т. 8. С. 430—431.
- 19 То же. Т. 6. С. 360.
- 20 Записки мечтателей. 1922. № 5. С. 136. Отметим здесь мимолетное утверждение первенства Клюева над Гумилевым, в духе тогдашних воззрений Иванова-Разумника. «Озеро Чад», конечно, прямая отсылка к стихотворению Гумилева «Жираф», откуда Иванов-Разумник взял название своей статьи «Изысканный жираф» с очень резкой оценкой Гумилева как поэта (в его книге «Творчество и критика». Пг., 1922).
- 21 Там же. С. 139.
- 22 Ходасевич Владислав. Собр. соч. Т. 1. С. 512.

МАТЕРИАЛЫ

Спиритизм Валерия Брюсова *Материалы и наблюдения*

Первоначальный вариант части статьи (под заглавием «К семантике слова «декадент» у молодого Брюсова») — Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990. Печатается в значительно расширенном виде.

- 1 РГБ. Ф. 386. Карт. 1. Ед.хр. 12. Л. 3. Далее ссылки на материалы из этого архива даются сокращенно и непосредственно в тексте, с указанием номера картона, единицы хранения и листа. Михаил Евдокимович Бабурин — жених Масловой.
- 2 Брюсов. Дневники. С. 12.
- 3 Гречишкин С. С. Ранняя проза Брюсова // Русская литература. 1980. № 2.
- 4 Стихотворение датировано: 22 веч<ером>, 23 в гимн<азии> 10. <18>92. В дневнике стихотворение записано 23 октября (1. 12. Л. 3).
- 5 Датировано: 29.11.
- 6 К этому сокращению комментаторы делают примечание: «...за криптонимом «Б.», упомянутым в разных пунктах плана, может скрываться и Барсуков (отец героя — лицо вымышленное), и М. Е. Бабурин (лицо реальное, жених Е. А. Красковой — Лели). Окончательно нельзя исключить, что это сам Брюсов, выводимый под собственным именем...» (Наше наследие. 1997. № 43—44. С. 128 / Комментар. С. И. Гиндина и А. Маньковского). Рискнем высказать предположение, что Б. — некий собирательный образ декадента, вбирающий в себя как реальные черты Брюсова, так и юного идеального символиста, каким он выделялся в 1895 году.
- 7 Там же.
- 8 По всей видимости, здесь имеются в виду какие-то из двух событий 1895 года, нашедших отражение в дневнике Брюсова. 25 февраля он записывал: «В четверг <23 февраля> был у меня Емельянов-Коханский и увел меня смотреть нимфоманку. Мы поехали втроем в №, и там она нас обоих довела до изнеможенья — дошли до «минеток». Расстались в 5 час. (Девуца не только нимфоманка, но и очень хорошенькая. И, видимо, вообще психически ненормальная.) Истомленный, приехал домой и нашел письмо от другой Мани (ту — нимфоманку — тоже звали Маней) и поехал на свидание; опоздал на целый час, но Маня ждала. После ночи оргий я был

- нежен, как Рауль; поехали мы в Амер<иканское> кафе, и Маня совсем растаяла от моих ласк. Я сам был счастлив» (1. 13/2 Л. 6 об—7), а 8 апреля — «В четв<ерг> <6 апреля> устроили с Ем<ельяновым-> Кох<анским> декадентскую попойку. Были в зав<едении> и пользовались двумя девицами по очереди» (Там же. Л. 8 об).
- 9 Наше наследие. С. 128.
- 10 *Grossman Joan Delaney. Alternate Beliefs: Spiritualism and Pantheism among the Early Modernists // Christianity and the Eastern Slavs / Ed. by Boris Gasparov, Robert P. Hughes, Irina Paperno and Olga Raevsky-Hughes. Vol. III. Russian Literature in Modern Times. Berkeley; Los Angeles; L., [1995].*
- 11 См.: *Кравченко Виктория. Вестники русского мистицизма. М., 1997. С. 26—79.* Не разделяя убежденности автора этой книги в истинности медиумических явлений, не можем не отметить, что ее проекция некоторых убеждений Вл. Соловьева на спиритические теории является довольно убедительной.
- 12 Характерна география мест, где происходили спиритические сеансы и мистические явления, описываемые корреспондентами журнала «Ребус» в 1892—1893 гг.: Царское Село, Ромны, Арзамас, Одесса, Тотьма, Псков, Проскуров, не говоря уж о Петербурге и Москве.
- 13 См., напр., ряд материалов спиритического журнала «Ребус», связанных с деятельностью о. Иоанна Кронштадтского: Исцеление // Ребус, 1892. Т. XI. № 1; Случай исцеления отцом Иоанном // Там же. № 8; По молитве отца Иоанна Кронштадтского // Там же. № 42; Слово отца Иоанна Кронштадтского <на освящении гомеопатической аптеки> // Там же. № 48 и др.
- 14 См., напр.: *Ордынский А. Сибирские шаманы // Там же. № 27—28; Чары шаманов (Отрывок из путевых впечатлений П. П. Инфантьева в стране вогулов) // Там же. 1893. Т. XII. № 1—2.*
- 15 О пристальном интересе того же «Ребуса» к теософии свидетельствуют многие материалы, собранные в книге: *S a r l s o n (2). P. 22—37/ Особенно см. такие материалы, как: Н. О. Что такое теософия? // Ребус. 1900. Т. XIX. № 44; Из письма Е. П. Блаватской к редактору «Ребуса» // Там же. № 50 и мн. др.*
- 16 См., например, более позднюю статью: *Флоренский П. Спиритизм как антихристианство // Новый путь. 1904. № 3 (перепечатано: Флоренский Павел. Соч.: В 4 т. М., 1994. Т. 1).*
- 17 Письма Елены Рерих: 1932—1955. Новосибирск, 1993. С. 62.
- 18 Из письма Е. П. Блаватской к редактору «Ребуса» // Ребус. 1900. № 50. С. 488—489.
- 19 Из предисловия к поэме А. Л. Миропольского «Лествица», названного «Ко всем, кто ищет» (С р е д и с т и х о в. С. 61). Дж. Д. Гроссман совершенно справедливо заметила, что под «новыми мистиками» понимаются в первую очередь Мережковские.
- 20 Там же. С. 68.
- 21 Б р ю с о в. Д н е в н и к и. С. 93.
- 22 Частично опубл.: Там же. С. 90—91.

Из оккультного быта «башни» Вяч. Иванова

Впервые — *Europa Orientalis. 1997. Vol. XVI, № 2. Печатается с изменениями и дополнениями.*

1 См.: *Webb J. The Occult Establishment. La Salle (Ill.), 1976.*

- 2 Вряд ли можно сомневаться, что и в менее значительных городах, и в провинции существовали оккультные центры (например, Теософское общество имело активно действующие отделения в Киеве, Смоленске и Калуге), но сведения о них гораздо менее доступны. Приведем лишь одно довольно случайно попавшее в наши руки свидетельство. 19 июля 1920 г. из Юхнова Смоленской губ. В. Я. Брюсову писала Надежда Михайловна Никифорова (род. 1898): «Я невежественна, хотя ищущая, как умею. В мире много абсолютных ценностей — это мне сказала Библия, Христос; здесь есть маленький кружок лиц, интересующихся антропософией. — вошла и в него» (РГБ. Ф. 386. Карт. 96. Ед. хр. 20. Л. 1 об).
- 3 *Потемкин А.* Оккультизм и шарлатаны в Петербурге // Биржевые ведомости. 1912. 25 февраля. № 12806. Веч. вып. Отметим, что в 1912 г. целый ряд статей, посвященных оккультизму и масонству, напечатал в «Биржевых ведомостях» П. Д. Успенский.
- 4 Подробнее см. в ст. «Вячеслав Иванов и Кузмин: к истории отношений». Там же приведены и цитаты из писем А. А. Каменской к Иванову.
- 5 Блок Т. 7. С. 202. 49—50. В Москве же Гузик пользовался широкой популярностью, причем именно в литературных кружках. Так, в хронике под заглавием «По пути» спиритуалистического журнала «Ребус» писалось: «В самом непродолжительном времени ожидается приезд в Москву известного варшавского медиума Янека Гузика; предполагается организовать целый ряд сеансов при строго-оформленных условиях. Душою предприятия являются лица, стоящие во главе редакции книгоиздательства <так!> «Гриф»» (1904. № 49—50. С. 4). После этих гастролей Гузика тот же журнал посвятил им несколько существенных статей, среди которых отметим: *Давыдов А.*, секретарь сеансов. Сеансы медиума Янека в Москве: Заметки и краткие выдержки из сеансовых протоколов // Ребус. 1905. № 11; в заметке говорилось, что протоколы сеансов находятся в редакции «Ребуса», а среди участников назван — «г. Б-в», за которым мы, как представляется, без особого риска ошибиться можем видеть В. Брюсова; *Чистяков П.* По поводу организации сеансов с Янеком в Москве // Там же. № 14. Особенно подробные и интересные в нашем контексте сведения см.: «В декабре минувшего года стало известным, что глава книгоиздательства «Гриф» пригласил в Москву на ряд сеансов много уже лет известного Варшавского медиума для физических явлений г-на Гузика. <...> Г-н Гузик — «Янек» не только сильный, но и единственный профессиональный медиум в России — за смертью С. Ф. Самбора... <...> В итоге получился кружок приблизительно из 36 лиц, желавших видеть и исследовать медиумические явления. Сеансов было 10; последние 7 происходили в обширной прекрасной квартире безгранично любезного, радушного и достойного всяческой симпатии и уважения Алексея Степановича Хомякова (Новинский бульвар, собств. дом) <...> Г-н «Гриф» и его помощники положили много труда и энергии для объединения участников и упорядочения сеансов. <...> Далее дается характеристика участников сеансов: «Состав. Кружок, с 5-го сеанса разделившийся на две врозь сеансировавших группы, — состоял приблизительно из 40 лиц; интеллигентные люди обоего пола в возрасте от 20—55 лет, приблизительно, и разных профессий и характеров.

Отношение к спиритизму и сеансам. Очень различное: от экзальтированного легковерия и иллюзионерства и от уравновешенного благоговения и серьезного желанья увидеть и исследовать, — через различные оттенки искания истины и колебания на этом пути, далее, через низкопроб-

ный скептицизм и желание свести все к фокусу и подделке, — вплоть до праздного любопытства, насмешки и — увы!.. даже некоторой склонности к флирту включительно: от олимпийского спокойствия до раздражительного нетерпения. <...>

Отношение друг к другу. Также очень разнообразное: От пылкой сердечности и старинной дружбы, через все оттенки симпатии и равнодушия случайного мимолетного знакомства; затем через все степени взаимного недоброжелательства и неуважения и вплоть до безоблачного, импонирующего неуважения к личности и взглядам соучастников. Случаев такого неуважения было, правда, очень мало, но все же они имели место. <...>

Отношение к медиуму. Общий тон — полное пренебрежение. В лучшем случае для медиума он как человек и медиум просто не существовал для участников. <...> Медиум никому не был интересен: к нему поворачивались спиной, с ним вообще не разговаривали, даже не называли его имени, которое не трудилось и узнавать, а просто относились свысока произносимую кличку «Пан» <...>» (*Шванвич Н.* О сеансах Яна Гузика в Москве (с 4 по 27 января 1905 г.). // Там же. № 12. С. 3—5. В № 13 — окончание заметок).

6 См.: Л а в р о в. С. 311.

7 РГБ. Ф. 25. Карт. 22. Ед.хр. 26. Л. 29 об—30. К последнему слову автором сделано примечание: «А в то же время в Пет<ербурге> Чинский проливает направо и налево оккультизм и по оккультизму читаются лекции в Соляном городке». О Ч. И. фон Чинском, заподозренном в неких криминальных поступках, в то время много писалось, в том числе в журнале «Ребус», внимательным читателем которого Сизов, сам активный спирит и автор книги «Цезарь Ломброзо и спиритизм: Исторический и критический очерк» (М., 1913; вышла под псевдонимом М. Седлов), наверняка был. Ныне см.: С е р к о в (по указателю).

8 См.: *Лавров А. В.* Мифотворчество «аргонавтов» // Миф — фольклор — литература. Л., 1978. Ср. также английский перевод переработанного текста этой статьи: *Creating Life: The Aesthetic Utopia of Russian Modernism.* Stanford, 1994. P. 158—166. Несколько измененная точка зрения на аргонавтизм, рассматриваемый в контексте биографии и жизнетворческой практики Белого, см.: Л а в р о в. С. 64—148.

9 Из письма А. Р. Минцловой к В. И. Иванову от 23 января 1909 // РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед.хр. 7. Л. 7 об—9 об. «Алеша», о котором идет здесь речь, — брат М. В. Сабашниковой (подробнее о нем см. ниже).

10 З е л е н а я З м е я. С. 183—184.

11 Один из дневничков такого рода, посвященный отношениям Шварсалон с М. А. Кузминым, в которого она была долго и, естественно, безответно влюблена, недавно опубликован нами: Б о г о м о л о в. С. 310—337.

12 См.: З е л е н а я З м е я. С. 145—184; В о л о ш и н. С. 261—284 (существенный фрагмент, опущенный в данной публикации, см.: *Искусство Ленинграда.* 1989, № 3. С. 97—98); *Дешарт О.* Введение // И в а н о в. Т. I. С. 98—106; *Она же.* Парерга и паралипомена // Там же. Т. II. С. 764—807.

13 Письмо из Флоренции с московским штемпелем 22.3.08 // *Богомоллов Н. А.* Итальянские письма Нины Петровской // Русско-итальянский архив. Trento, 1997. С. 133.

14 Подробнее см. в статье «Вячеслав Иванов и Кузмин: к истории отношений».

15 З е л е н а я З м е я. С. 176. Ср. описание этого разговора в подробном письме Минцловой к Иванову от 26 февраля / 11 марта 1909 из Берлина:

«Маргарита на меня произвела впечатление большой просветленности и тишины, большой красоты духовной. Мы с ней говорили весь день почти вчера — —

Я сразу поставила ей вопрос: *Как* она хочет, чтобы я говорила с ней? Потому что можно говорить «по букве или по духу», как выразился кто-то. Но Маргарита захотела говорить со мной вполне, как можно больше сказать и услышать.

Тогда я ей стала рассказывать все, с прошлой осени, предупредив ее, что я буду умалчивать о 2—3 вещах, вернее, пунктах, о которых не имею права, не считаю себя вправе говорить. И затем, до странности легко, свободно, радостно, легкими беглыми штрихами я очертила ей все, что было, — рассказала о Декабре 1908 года, когда Вы написали ей письмо, хотели приехать для свидания с ней в Москву — сказала о моем противодействии и затем согласии на это, выразившемся в письме, тоже хранящемся на Башне, вместе с письмом Вашим — — Затем о зиме прошлой, о Вашем свидании с Марг. Ал. весной — потом о Судаке, об *этом* я рассказала ей *очень* подробно, т. к. она получила очень бессовестные, лживые рассказы о лете в Судаке — Конечно, я не сказала об Аде того, что я считаю тайной, *не мне* принадлежавшей и о которой я не говорю никогда — — — но зато рассказала без утайки Маргарите *все* про Июль и Август месяцы, как было все, т. к. Маргарита, например, знала об эпизоде с Костей Герцык (за обедом, в Судаке) — — более чем неточно. Я восстановила *всю* истину здесь, до точности, и рассказала *все* про эти два месяца (Июль и Август), умолчав только о последней низости Ади (о чем говорить не должно).

Затем мы говорили с Маргаритой об этом тяжелом вопросе — о том, что произошло между нами потом, из-за портрета Лидии. М. кротко, тихо сказала мне, что она писала этот портрет, все время думая о смерти, неотступно желая умереть как только окончит портрет этот — — «Какие силы через меня действовали, я не знаю», — с глубокой скорбью сказала она — — Но конечно и несомненно, что ничего темного она не хотела и не звала —

Мы с ней объяснились до конца здесь. Она рассказала, что как раз в это время она была прямо затравлена и замучена, как зверь большой, разными сплетнями и лживыми вестями и была совсем сумасшедшей, когда написала мне то жестокое, безумное письмо — — — К Вам М. относится с величайшей нежностью, но очень спокойно и совсем отрешенно. Она горит вся совсем другим сейчас — — К Вам огромная, глубокая любовь. Я рада, что увидела ее. Она говорит, что у нее снята большая тяжесть с души моими словами» (РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 7. Л. 23—25 об). Далеко не все обстоятельства, о которых идет речь в письме, нами могут быть сейчас поняты. Марг. Ал. — мать Сабашниковой (см. ниже); в Судаке была дача семейства Герцык; Адя — А. К. Герцык. О портрете Л. Д. Зиновьевой-Аннибал работы Сабашниковой также см. ниже.

16 Письмо из Москвы от 27 мая 1909 // РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 8. Л. 28—28 об.

17 РГБ. Ф. 109. Карт. 15. Ед. хр. 10. Л. 9—9 об.

18 И в а н о в. Т. II. С. 774. Телеграмма от Сабашниковой сохранилась в архиве Иванова.

19 Там же. С. 776.

20 Там же. С. 777.

21 Там же. С. 777—778.

22 Недатированное письмо Сабашниковой к Иванову, относящееся к апрелю 1910 // РГБ. Ф. 109. Карт. 15. Ед. хр. 10. Л. 3—3об.

- 23 Ср. в приведенном выше фрагменте воспоминаний Сабашниковой: «В Петербурге на вокзале меня встретила Миншлова и передала письмо от Вячеслава. Как вычурны и ненатуральны были эти строчки! Я поехала прямо в «башню». Был полдень, но мне пришлось ждать, пока Вячеслав встанет».
- 24 В цитированном письме Иванов предлагал: «...мы вместе с Верой и б. м. с А. Р. обдумаем, не поехать ли втроем куда-нибудь за город на то время, пока Вы здесь» (Иванов. Т. II. С. 778).
- 25 О переводах Иванова из Новалиса подробно см.: Wachtel.
- 26 Первоначально — «подробный».
- 27 Речь идет о портрете Л. Д. Зиновьевой-Аннибал работы М. В. Сабашниковой, который висел на «башне». Она вспоминала о нем: «В Риме я написала портрет Лидии в позе Моисея Микеланджело. Я начала его в красном — ее цвет при жизни. Но торжественная серьезность картины требовала темно-лиловых тонов. <...> Вячеслав уже в Крыму получил написанный мною портрет Лидии. Миншлова мне писала, что при виде его он в первый раз заплакал. Он велел через нее передать мне, что он «преклоняется перед художницей, создавшей это великое произведение». От официальности и преувеличенности этого ответа мне было невыразимо больно» (Зеленая Змея. С. 166, 175). В письме от 12 сентября 1908 (по новому стилю) Сабашникова писала Иванову: «Великая радость для меня то, что Вы приняли на хранение портрет. Скорблю о происшедшем недоразумении. Он для Вас и Ваш, и только Ваше чувство решит, как Вы будете с ним поступать» (РГБ. Ф. 109. Карт. 15. Ед. хр. 10. Л. 3). Судя по ранее процитированному письму Миншловой к Иванову, портрет не удовлетворял ни ее, ни Иванова. Какое-то время он висел на «башне» занавешенным, о чем см. в письме Миншловой к Иванову, написанном 28 февраля или 1 марта 1909 в Берлине: «Еще одно, о Маргарите. Мы с ней *вообще* объяснились относительно портрета и ее писем тогда. Но я должна сказать, что когда я рассказала ей о том, что портрет занавешен и никому не показывается теперь — она очень, очень радовалась этому и все повторяла: «Ах, как это хорошо!»» (РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 7. Л. 47). В настоящее время портрет принадлежит Д. В. Иванову.
- 28 См. в письме Сабашниковой к Иванову, процитированном в предыдущем примечании: «Я обращалась в «Весы» и «Зол<отое> Руно» с просьбой поместить в октябре мою статью «О границах трагического», посвященную «Трагическому зверицу» и Ее личности. Мне казалось, что будет хорошо, чтобы такая статья появилась как бы со стороны и чтобы автор остался неизвестным (Вам особенно). Но, не получая ответа от людей, кот<орых> просила это устроить, и сознавая в душе, что эта статья как по размерам, так в особенности по духу не подходит к журналам, прошу <у> Вас позволения прислать ее Вам, чтобы Вы решили ее участь, совершенно не считаясь уже со мной, т. е. спокойно вернув ее обратно, если она Вам не понравится» (Там же. Л. 6—7 об).
- 29 Ольга Николаевна Анненкова (1884—1949), двоюродная сестра упоминаемого далее Б. А. Лемана, известная теософка и антропософка. Сабашникова писала о ней в своих воспоминаниях (С. 146 и др.).
- 30 О музыкальных талантах Миншловой см. выше, в статье «Anna-Rudolph».
- 31 См. в дневнике Иванова: «Ее устами говорит Ш.; elle est possédé par lui» (Иванов. Т. II. С. 779). К тому времени Сабашникова довольно долгое время уже была ученицей Р. Штейнера.

- 32 Sonetenkranz — «Венок сонетов», написанный на смерть Л. Д. Зиновьевой-Аннибал и вошедший в книгу «Cor ardens». См. в дневнике Иванова запись разговора с Сабашниковой: «Почему не нравятся мои сонеты — не эстетически, а субстанциально? — Потому что вы в них бальзамируете. — Самого себя, в таком случае. — Именно. Вечность мумии. Вы восприняли причислить себя к лику святых! — Я читал многим, никто не воспринял так — все были достаточно чисты и чувствовали светлое. — Vous êtes profondément impure. — Вы сатанистка в глубине души; я не встречал такой дерзкой профанации. Безличный, змеинный яд. Здесь нет ничего личного» (Иванов. Т. II. С. 770).
- 33 В. К. Шварсалон в это время довольно регулярно переводила хроники для журнала «Аполлон». См. письма Е. А. Зноско-Боровского к ней (РГБ. Ф. 109. Карт. 24. Ед. хр. 67).
- 34 См. примеч. 28. Судьба этой статьи неизвестна.
- 35 Богдановщина — имение Сабашниковых, куда летом 1907 г. М. В. приглашала Иванова и Зиновьеву-Аннибал, но они от приезда отказались.
- 36 Алексей Васильевич Сабашников (1883—1954) — специалист в области сельского хозяйства, антропософ.
- 37 Сергей Константинович Шварсалон (1887 — не ранее 1940) — старший сын Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от первого брака. О его судьбе в после-революционной России см. справку К. М. Азадовского (*Азадовский К. М. Эпизоды // НЛО. 1994. № 10. С. 134*).
- 38 Александра Михайловна Петрова (1871—1921) — близкий друг М. А. Волошина с юношеских лет. Подробнее о ней см.: Письма М. А. Волошина к А. М. Петровой / Предисл., публ. и примеч. В. П. Купченко // Максимилиан Волошин. Из литературного наследия. I. СПб., 1991.
- 39 Никакой информацией об этом человеке мы не обладаем.
- 40 Леман Борис Алексеевич (писал стихи под псевдонимом Борис Дикс, 1882—1945) — поэт, известный в Петербурге мистик, антропософ. Подробнее о нем см. в публикации «Между Леманом и Диксом».
- 41 Константин Константинович Шварсалон (1892?—1918?) — младший из детей Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от первого брака.
- 42 Возможно, В. К. Шварсалон пропустила слово, и следует читать: «Может быть, и Мар<гарита> <пустить> не приходит».
- 43 См. в дневнике Иванова запись, сделанную, по всей видимости, вечером этого дня (датирована 6 июля): «Трудно и страшно описывать беспощадную битву этих дней, безжалостную, жестокую рубку зеленеющего и нежного, но ядовитого и обитаемого злостными демонами, проклятого леса. Кажется, что я добиваю что-то мучительно живучее, умирительно глядящее и с последнею злобой пытающееся ужалить смертельным жалом. Как многоголовая змея, как гидра, у которой одна за другой отрубаются головы, извивается, клубится и надувается черной отравленной кровью, приподымаясь и вытягиваясь для нового нападения, эта колдунья, которая упрямятся и не уходит, и, быть может, надеется утопить меня. <...> Вечер с М. и А. Р., которая едва движется под тяжестью переживаемого. 4-ая симфония, мучительно противоположная совершающемуся; ужас чтения Евангелия Маргаритой. Во время паузы несколько страниц из «Колеш», где каждое слово нетленный пламень и меч пронзающий, огненный — слезы. Все время попытки злоупотреблять ее именем со стороны колдуньи и ее мудростью, посягновения и покушения. Молюсь Лидии об изгнании этого лика темной силы, мне ненавистного ныне, несмотря на все усилия мои пребыть верным обету общения в свете и любви братской.

Лидия, помоги изгнать ее и погубить, а — быть может, спасти этими копиями света веры Христовой и любви к тебе, и в тебе сильнейшей смерти, смертию твоею нашу смерть попирающей. Аминь» (И в а н о в. Т. II. С. 779. Далее идет запись изменившимся почерком, как бы от лица Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, а затем большой перерыв, до 1 августа).

44 Маргарита Алексеевна Сабашникова (1860—1933) — мать М. В. Сабашниковой.

45 Это письмо (без даты, с пометой «Среда») сохранилось: «Дорогой, милый мой, пишу Вам несколько строк всего, т. к. *очень* занята, и здесь тетя, которая уезжает через 1 час назад, в Ораниенбаум, и с которой я должна переговорить сейчас же.

Маргарита уезжает завтра, в четверг, в 5 ч. дня. На башню она не поедет. Сегодня вечером будет дома, т. что в случае, если Вы захотите, приезжайте сегодня. Обнимаю Вас и люблю. А. Р.» (РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 8. Л. 62).

46 Точки в оригинале.

47 См. недатированное письмо Минцловой (помета — «Воскресенье»): «Дорогой мой, любимый, я не приеду к Вам сегодня. Очень устала и погода мучительная какая-то. Приеду завтра вечером на башню и останусь ночевать, т. к. много надо говорить с Вами, и слишком утомительны эти переезды, два в один вечер — —

Попросите «аббата» не играть сегодня оперетку, пусть он сыграет ее при мне, завтра, ведь он не очень любит ее играть так часто (мне показалось так). А я ее «обожаю», эту, самую невероятную изо всех опереток! Если когда-нибудь, в том «воплощении» моем у меня будет время (в чем я сомневаюсь!), я напишу очень серьезный, «мозгологический» этюд об этой оперетке Кузмина, которую я считаю *chef-d'oeuvre* 'ом нелепости и верхом совершенства — —

Все это я берусь доказать самым неопровержимым образом, с начала и до конца — от замысла (*не* от Кузмина исходящего, о «Птице-Мужчине», о Птице Таинственной) — Птице-Орел — с ней Иоанн — эмблема царей Земли — и знак их Преходящности, их Временности, их «Астральности» (т. к. время — тайна, и рождение *времени* исходит от брака *физического с астральным* — —

Все это — по поводу оперетки Кузмина?!

До завтра. Любимый, прекрасный, светлый, приветствую Вас. Люблю Вас. А. Р.» (Там же. Л. 69—70. Опущены не имеющие прямого отношения к сюжету работы несколько фраз. На л. 69 сделана приписка: «(Если можно, не читайте это письмо *вслух* при Кузмине — я Вам скажу потом, отчего так)»).

48 Речь идет об оперетке Кузмина «Забава дев», которая с осени шла в Малом театре. Опубликована: *Кузмин М.* Театр: В 4 т. (2 кн.). Berkeley, 1994. Кн. 2. Ср. также: *Иванова Лидия.* Цит. соч. С. 34.

49 Минцлова в конце концов уехала 22 июля (дата дается по дневнику М. А. Кузмина).

50 Кассандра — прозвище Александры Николаевны Чеботаревской (1869—1925), сестры Анастасии Николаевны Чеботаревской, жены Ф. Сологуба.

51 В оригинале — «интендент».

52 В. К. Шварсалон 18 июля написала письмо Кузмину, переложенное Ивановым в стихи (опубликованы: *Кузмин. Дневник - 34.* С. 314—315). Но Иванов имел в виду какое-то из двух к тому времени написан-

ных стихотворных обращений Кузмина к В. К. Шварсалон. Одно из них было опубликовано («Петь начну я в нежном тоне...» из книги «Осенние озера»), а другое осталось в рукописи и опубликовано в том же издании (С. 313—314) по рукописи, бывшей комментатору книги недоступной.

53 Возможно, имеется в виду К. Д. Бальмонт.

54 Возможно, имеется в виду С. М. Соловьев.

55 У В. К. Шварсалон спутаны даты: среда была не 23, а 22 июля, потому запись и должна быть датирована этим числом.

56 23 сентября 1909 г. была среда, а не четверг.

57 Имеется в виду письмо из Нюрнберга от 29 августа / 11 сентября: «Дорогой мой, пишу Вам теперь из N<ürnberg>, куда я приехала вчера днем. Вчера вечером я узнала о решении. Уйти... Уйти от земли, т<ак> к<ак> сейчас — оказалось невозможным действовать на земле так, как надо и должно.... Я Вам напишу подробно, любимый, через 2—3 дня (мне придется еще остаться здесь 4—5 дней, из-за разных дел, связанных с этим уходом). Я знала это. Я ждала это, уже 5—6 недель — и все же, как мучительная неожиданность этот приговор упал на меня — — —

Но, конечно, это так надо... Это только первые минуты так страшно — — — и так мучительно больно — — — Мне нужно еще многое сказать Вам, до моего отъезда отсюда.

От Вас я не получила ни слова за эти 5 недель — — — Сейчас, любимый, радуюсь этому, т<ак> к<ак> <1 нрзб> нет, писать не могу сейчас, безумно, безумно за эти часы устала — Люблю Вас бесконечно, любимый — —

А. Р.

Написать уже Вам мне теперь — — нельзя. Возможно одно лишь, как чудо — если это письмо придет скорее, скорее к Вам — — тогда Вы еще могли бы, быть может, послать мне телеграмму (Nürnberg, Postlagernd) — чтобы я могла еще раз услышать Ваш голос, на земле — — Напишу Вам «деловое» письмо на днях — сейчас, это не письмо....

А. Р.» (РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед. хр. 9. Л. 55—56 об).

58 См. письмо от 30 августа: «Дорогой Вячеслав, вчера я послала Вам первое письмо из Нюрнберга — но сейчас уже явились некоторые осложнения, с которыми придется считаться. Сегодня я получила телеграмму от К. П. Христовой — и ряд ужасных писем от нее. Она — ничего не знает еще, но она — совсем обезумела, по-видимому. Она мне телеграфирует, что она хочет ехать в Германию, немедленно — — Я ей ответила телеграммой, где прошу точного сообщения, когда она выезжает — — Если только будет какая-либо возможность, если мне дозволено будет это — — я бы хотела увидеть ее, постараться успокоить ее, что-либо сделать для нее — — —

Я надеюсь, что мне можно будет сделать это — — — Любимый, простите за эти бледные, безжизненные слова, — я онемела совсем теперь и не умею, не могу говорить — —

Посылаю письмо, т<ак> к<ак> спешу идти на собрание «наше», где мне и придется просить о разрешении и отсрочке, чтобы помочь К<леопатре> П<етровне> —

Люблю Вас безгранично. В N<ürnberg> пробуду еще до среды этой — т<о> е<сть> до 2/15-го Сентября, днем — — Буду извещать Вас, теперь, эти дни, о каждом мгновении. Nürnberg прекрасен несказанно, как дивная гробница — — где спят и грезят давно ушедшие цари — Но я почти не вижу его, т<ак> к<ак> слишком много —

А. Р.» (Там же. Л. 57—58 об).

- 59 Текст этого письма см. в дневнике: И в а н о в. Т. II. С. 801—802.
 60 Приводим выдержки из этих писем (обозначенных номерами 25 и 26, что обозначает не общее количество писем, а лишь относящихся к данной поездке в Германию)

«Базель. 11/24.IX.09. Ночь.

Мой любимый, дорогой, попытаюсь теперь ответить на Ваше письмо, хоть немного. Да... я выбрала, *свободно* — уход, с Ними. Потому что не видела — не вижу — — — возможности *остаться* на Земле, без Них. У меня была полная свобода выбора в этом. Но, *выбрав* уже — я подчиняюсь самым строгим требованиям и тяжелым условиям. Сейчас я — *frater latae observantiae*. *Только* это... И поэтому когда до меня донесся безумный вопль Христофоровой и я вдруг почувствовала, что я могу быть еще нужна на земле — — я *должна* была просить «Dispens» у Тех, кто выше меня — — — <...>

Вячеслав, я уже вошла в монастырь, я монахиня уже — последний обет я произнесу, когда вернусь из России, в октябре — Все, что я могу дать Вам еще — *все*, что надо Вам сейчас — — я Вам передам при свидании. Любимый, Вы *не* будете оставлены, никогда. Т<ак> к<ак> я оставляю горячее, глубокое свидетельство, что Вы — *всегда* были самым верным, самым безусловным учеником — — все, что свершилось, было по моему разрешению и dispens'у — — И *моя*, *только моя* одна вина в том, что мне не удалось сделать то, что *так* было близко и возможно. Поэтому я *знаю*, что Вы *не можете* быть покинуты или оставлены. *Со мной* — — конечно, Вам нельзя уже больше идти на Земле... Я блистательно доказала свою неумелость и непрактичность на физич<еском> плане. Но... именно тогда, когда я уйду от земли — для Вас, любимый, и явится всеильная поддержка и свет — — — Уйти от Вас! — Я не могу и не хочу, потому что *в Вас* — — —

Non est derelictus — — —

Benedictus — — —

(*Одежды новые у моря золотого*)

Для меня великой радостью была весть от Вас. Благословляю Вас... Иду к Вам, мой сын, мой ученик, прекраснее которого я не знаю никого на земле... Но я знаю также — что я не сумела, не смогла дать Вам все, что Вы должны получить. Это закончит другой за меня — Тот, кто придет к Вам, когда я уйду — — — <...>

Что касается Ваших возражений по поводу слов в моем письме о St<ei>ner — — Любимый, Вячеслав дорогой, эти слова — в их нелепой бессвязности — *мои* <подчеркнуто жирной чертой>, и ничьи иные... Это был просто крик отчаяния, *мой, личный*, после одной из лекций St<ei>ner>..... и сегодня опять, такой же точно вопль муки и страдания вырывается у меня... Ваши примечания к *этим* словам моим — и те «следствия», которые Вы из них выводите — совсем неверны. *Вполне*, безусловно, с негодованием отвергаю *это* толкование моих слов! Конечно, виною тому моя «эмоциональность». Не буду больше говорить ничего, теперь, в письме, кроме самого точного, делового — — —

Что касается «Земли» — — и взгляда на Нее — — сейчас, пока я держусь от — — — —

Почему я в Базеле?

- 1) Потому что *Они* дали мне поручение посмотреть на St<ei>ner>, на его *пер-*

вые шаги после полного разрыва с Ними — — — (РГБ. Ф. 109. Карт. 30. Ед.хр. 10. Л. 19—22)

«Базель. 15/28.IX.09.

Вячеслав, любимый, мне еще тяжелее сейчас, оттого что я не могу говорить — — я до такой степени онемела, теперь, — что все мои попытки написать хоть что-либо до того невнятны и глухонемы, что от них рождаются *только* «недоразумения»... Целую Вас и люблю. Не буду стараться больше продолжать объяснять что-либо — — — это ведь бесполезно. Я не умею говорить... Благословляю Вас. Увижу Вас скоро — — — Я хотела уехать из Базеля дня на 3—4, чтобы хоть немного отдохнуть — — но потом осталась — — Здесь *никого больше нет* из теософов... То чувство безумного отвращения и ужаса, которые внушает мне Базель — это великое ежеминутное страдание, которое я испытываю здесь — конечно, необходимо для меня больше, чем счастье и тишина и свет монастыря — — — И, кроме того — — здесь есть одна очень тяжелобольная, для которой эти 3—4 дня моих в Базеле теперь — — значат *очень* многое — я ее не видела один день (*из-за других дел, не личных моих*) — и ей стало настолько хуже, что опять вернулась опасность, по-видимому миновавшая уже — — —

В эту субботу (19 сент<ября> *русск<ого стиля>*) я буду в Берлине, буду ждать там от Вас ответа и указания, т<ак> к<ак> я совсем не знаю, *как* мне увидиться с Вами — — — любимый, любимый мой — — — вся последняя часть Вашего письма — — — те *примечания*, которые Вы сделали к моей — *очень* неудачной фразе, чисто эмоциональной фразе — — это все *не так, не то* совсем — — —

Примите во внимание, дорогой мой, что мне — *очень* трудно и тяжело теперь. И я *не могу* перечитывать, переписывать, составлять своих писем — —

Каждое письмо к Вам — для меня является целой *эпохой* жизни — об этом нельзя рассказать — Тишина <?>, радость рассвета, все счастье увидеть Вас, говорить с Вами — — затем проступает другое, иное уже, исходящее от Вас, из Вашей среды — и, т<ак> к<ак> я *не умею* здесь ориентироваться, физически — я начинаю теряться, бормотать, изнемогать, метаться беспомощно и... глупо — — —

А потом, в конце письма — это *полная* усталость и глубокая тоска — оттого, что я *не сумела* сказать Вам то, что у меня есть, что *надо* Вам передать — — Вячеслав... Как я боготворю Лидию за то, что в Ней нет ни одной «швейцарской» черты — — ни грубости, ни придиричивости мелкой, ни мешанского, узкого самолюбия, ни упрямства —

Вероятно, во французской Швейцарии, в Женеве, это иначе все, чем здесь, в Базеле — здесь такая тяжеловесность *духа*, такая неповоротливость, тупость и непробудность — — —

Эти 2 недели здесь — — для меня были сплошной агонией и пыткой непрерывной.... Я проклинаю ее... я понимаю *все* сейчас — — —» (Там же. Л. 23—26 об).

- 61 Клеопатра Петровна Христофорова (ум. 1934) — руководительница московского оккультного кружка, в который входил, между прочим, Андрей Белый.
- 62 Судя по тексту дневника, В. К. Шварсалон знала не одно письмо Минцловой из Базеля, а достаточное их количество, однако, вероятно, слабо ориентировалась в них и в той сложной гамме переживаний, которые Миншлова обрушивала на голову Иванова.

Между Леманом и Диксом

Печатается впервые.

- 1 Дикс Б. Стихотворения. [СПб.], 1909. С. нумеров. Датировано декабрем 1908 г.
- 2 Письмо к Е. Я. Архиппову от 1 марта 1921 г. См.: На чердаке старого московского дома (Об архиве Е. Я. Архиппова) / Сообщение К. Н. Суворовой // Встречи с прошлым. М., 1988. Вып. 5. С. 153. О преподавании истории древнего Востока в Краснодарском университете см. письмо Лемана к А. А. Блоку от 15 июня 1921 г. (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 309. Л. 3).
- 3 Б л о к. Т. 8. С. 208.
- 4 Приведем сохранившуюся пародию Дикса на стихи Кузмина, опубликованные в 1906 г.:

Перв<ое> стих<отворение> из цикла «В сундуке»

Ах, сундуки, начиненные столькими,
 Столькими поколениями предков.
 Ваши стенки мне кажутся жесткими,
 Жесткими для нас, подобных субъектов.
 Мы сидели неподвижно во мраке,
 Во мраке с «амфофилом стенающим»,
 Разбирая любовные знаки,
 Невидимые нас не находящим.
 Ах, сундуки, где мои предки жили послушно,
 Где они любили и любя умирали,
 В вас сидеть так отраднo, мудро и так душнo:
 В вашей тиши с амфофилом
 Мы счастье узнали.

Перевод с Александрийского

Б. Дикс.

(РГБ. Ф. 109. Карт. 42. Ед. хр. 53. Л. 5—5 об. На л. 4—4 об — черновик. В нем ст. 4: Ах, слишком жесткими для подобных субъектов; ст. 5: Мы сидим...)

- 5 По сообщению Я. В. Леонтьева, ознакомившегося в архиве ФСБ с делом Черубины де Габриаки, она была арестована в апреле 1927 г. в связи с делом Лемана, обвинявшегося в сотрудничестве с белогвардейским правительством и приговоренного к трем годам концлагеря.
- 6 В ожидании захвата немцами Петрограда Блок записывал: «Слухи о немецких требованиях. Ожидание Штейнера среди петербургских оккультистов (О. Д. Форш, Б. А. Леман), <...> Леман о том, что России пора собираться, а Германии — плавиться...» (Б л о к. ЗК. С. 406). По рекомендации Блока Леман был принят на службу в ТЕО Наркопроса (ЛН. Т. 92. Кн. 5. С. 216).
- 7 *Черубина де Габриаки*. Исповедь. М., 1998. С. 271.
- 8 РГБ. Ф. 109. Карт. 29. Ед. хр. 17. Об отношении Лемана к Иванову см. в уже цитированном письме его к Е. Я. Архиппову: «...я не люблю его, в нем много деланности, кафедры, самолюбования, но много и настоящего, только очень уже он «использует» настоящее свое и по-английски пишет /с большой буквы, а играет в русского — это создает плохое чернокнижие, умное, талантливое, но — плохое» (Встречи с прошлым. С. 153). Существует также еще несколько писем Лемана к Иванову (Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 50), которая описана архивистами как письма Б. А. Лазаревского.

На самом деле лишь визитная карточка без надписи действительно при-
слана Лазаревским, все же остальные письма принадлежат Леману.

- 9 В первом томе «Собрания стихов» К. Бальмонта (М., 1905) на этой стра-
нице напечатано следующее стихотворение:

Ночью мне виделся Кто-то таинственный,
Тихо склонялся Он, тихо шептал;
Лучшей надеждою, думой единственной,
Светом нездешним во мне трепетал.

Ждал меня, звал меня долгими взорами,
К небу родимому путь открывал,
Гимны оттуда звучали укорами,
Сон позабытый все ярче вставал.

Что от незримых очей заслонялося
Тканью телесною, грезами дня,
Все это с ласкою нежной склонялося,
Выше и выше манило меня.

Пали преграды, и сладкими муками
Сердце воскресшее билось во мне,
Тени вставали и таяли звуками,

Тени к родимой влекли стороне.
Звали Эдема воздушные жители
В царство, где Роза цветет у Креста.
Вот уж я с ними... в их тихой обители...
«Где же я медлил?» — шептали уста.

- 10 Первые два стихотворения, существенные в контексте нашей книги сво-
ими посвящениями, извлечены из книги «Стихотворения» (СПб., 1909),
третье публикуется по тексту из письма к Вяч. Иванову от 8 мая 1906 г
(РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед.хр. 50) с пояснением: «Простите, пожалуйста,
что я беспокою Вас, но мне очень хочется послать Вам стихотворение,
которое я написал для Вас. Я, конечно, не смею посвящать его Вам, т. к.
оно не так хорошо, чтобы я решился сделать это, но все же, я надеюсь,
Вы не рассердитесь на меня». Вообще пристрастие Лемана к посвящениям
стихотворений было особенно отмечено современниками. С. М. Городец-
кий писал В. Пясту в мае 1906 г.: «Из новостей: появление нового поэта:
Леман. Специализируется на посвящениях Мусатову, Блоку, Иванову, Бе-
лому и т. д.» (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 246). Первые два из упоминаемых Горо-
децким стихотворений были опубликованы в «Золотом руне» (1906. № 7/9),
три, посвященных Иванову и Белому, впервые публикуются здесь.
- 11 РГБ. Ф. 25. Карт. 18. Ед.хр. 13. Не публикуются несколько деловых за-
писок, отвечающих на вопросы Белого, связанные с переводом денег за
границу для жены (Леман служил в министерстве торговли и промышлен-
ности), а также недатированное письмо, где Леман просит помочь ему до-
стать издание второй симфонии. Свое отношение к послеоктябрьскому
творчеству Белого Леман описывает в цитированном письме к Е. Я. Ар-
хиппову (Встречи с прошлым. С. 152 — 153). Ср. также: П е р е п и с к а.
С. 354—355.
- 12 Никаких сведений об этом вечере нам обнаружить не удалось. По всей
видимости, он не состоялся.
- 13 Выставка, организованная С. П. Дягилевым, проходила в Петербурге в
Екатерининском зале на М. Конюшенной в феврале 1906 г. Целый зал ее

- был отведен картинам покойного В. Э. Борисова-Мусатова (с чем, видимо, связаны стихи Лемана, посвященные его памяти). Иллюстративный «Обзор выставок 1906 года», где репродукции с картин «Мира искусства» занимали почетное место, см.: Золотое руно. 1906. № 5—6. Там воспроизводился бакстовский портрет С. П. Дягилева.
- 14 См. в написанном в тот же день письме Лемана к Блоку: «Я никогда не писал стихов, но недавно под впечатлением Вашей книги написал стихотворение...» (ЛН. Т. 92. Кн. 3. С. 246).
 - 15 Портрет Белого работы Бакста был воспроизведен в первом номере «Золотого руна» за 1907 г.
 - 16 Стихотворение «Поповна» (под заглавием «Поповна и семинарист») было опубликовано в 4-м номере «Золотого руна» за 1906. Вошло в книгу Белого «Пепел».
 - 17 Второго портрета Белого в номерах «Золотого руна» за 1906 г. воспроизведено не было.
 - 18 Нурок А. П. (1860—1919) — музыкальный критик, член кружка «Вечера современной музыки».
 - 19 Судя по всему, Блок не дал даже предварительного согласия на участие в вечере. 18 марта Леман писал ему: «Спасибо за Ваше письмо. Надеюсь, что слова “не буду” Вы позволите считать опиской, оставляя фразу: “Буду читать на вечере”» (РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 309. Л. 1).
 - 20 Речь идет о первом выпуске альманаха (СПб., 1906).
 - 21 Имеются в виду следующие произведения: *Ремизов А. Кикимора* // Северные цветы: Альманах кн-ва «Скорпион». М., 1905; *Дымов О. Погром* // Дымов О. Солнцеворот. М., 1906; *Городецкий С. Симфония* // Весы. 1906. № 6; *Городецкий С. Весна (Монастырская)* // Золотое руно. 1906. № 10 (все эти стихотворения вошли в его первую книгу «Ярь»).
 - 22 Какое именно прозаическое произведение Белого имеется в виду — сказать трудно, т. к. под этим заглавием в 1906—1907 гг. Белый ничего не опубликовал. Сборник статей «Арабески» вышел значительно позже (М., 1911). Не исключено, что имеется в виду писавшаяся в конце марта и начале апреля статья «Феникс» (Весы. 1906. № 7).
 - 23 Ольга Николаевна Анненкова (1884—1949) — кузина Лемана, переводчица, антропософка. Письма Лемана к ней см. ниже. Ее рецензий в «Вессах» обнаружить не удалось.
 - 24 Сергей Александрович Поляков (1874—1943) — переводчик, меценат «Весов» и издательства «Скорпион».
 - 25 Доктор Петр Николаевич Васильев, в то время — муж второй жены Белого, К. Н. Бугаевой.
 - 26 Имеются в виду работавшие в Дорнахе М. В. Сабашникова (1882—1973), А. С. Петровской (1881—1958) и Т. Г. Трапезников (1882—1926).
 - 27 О судьбах московских антропософских организаций этого времени см.: *Жемчужникова М. Н. Воспоминания о Московском Антропософском обществе* / Публ. Дж. Мальмстада // М и н у в ш е е. Т. 6.
 - 28 Борис Павлович Григоров (1883—1945) — экономист, председатель Московского Антропософского общества.
 - 29 Петроградская антропософская ложа, руководившаяся сперва Леманом и Васильевой, в 1920-е — одним Леманом.
 - 30 Этот очерк нам неизвестен. См. упоминание о нем ниже, в письме к О. Н. Анненковой от 28 декабря 1942 / 1 января 1943 г.
 - 31 Николай Николаевич Белоцветов (1892—1950) — поэт, переводчик драм Р. Штейнера. Упомянутое его произведение нам неизвестно.

- 32 ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 777. Печатаются лишь избранные письма, демонстрирующие характер взаимоотношений Лемана и Волошина. Приносим искреннюю благодарность М. М. Павловой за помощь в подготовке писем к печати.
- 33 В книге стихов Б. Дикса есть еще одно стихотворение, посвященное Волошину (с. 27—28).
- 34 Не исключено, что речь идет о драме О. Виль де Лиль Адана «Аксель», которой Волошин увлекался, а впоследствии перевел.
- 35 Далее следует сонет «Magnificat», опубликованный в книге Дикса (с. 33—34) с посвящением М. В. Сабашниковой.
- 36 Венок сонетов Волошина.
- 37 О помощи, которую Леман оказывал летом 1909 г. М. В. Сабашниковой см. в публикации «Из оккультного быта «башни» Вяч.Иванова». Е. О. Волошина (1850—1923) — мать М. А.
- 38 В первом номере журнала «Аполлон» (1909) были напечатаны стихотворения Волошина «Дэлос», «Созвездья» и «Полдень», цикл стихотворений Н. С. Гумилева «Капитаны» (между прочим, написанный во время пребывания с Е. И. Дмитриевой в Коктебеле) и «Ледяной трилистник» И. Ф. Анненского (также начала печататься его статья «О современном лиризме»).
- 39 Речь идет о Е. И. Дмитриевой (впосл. Васильевой) и ее отношениях с Волошиным после раскрытия псевдонима, дуэли Волошина с Гумилевым и прочих тяжелых для участников событий конца 1909-го и начала 1910 г.
- 40 Стихотворение Волошина (впервые опубликованное в книге «Стихотворения», за присылку которой Леман его благодарит), посвященное «Б. А. Леману» и тесно связанное с оккультными теориями.
- 41 Речь идет об популярных в теософских кругах книгах М. Коллинз «Свет на пути» (перевод Е. Писаревой был опубликован отдельным изданием в 1905 г., перевод П. Н. Батюшкова был опубликован в сборнике «Свободная созесть» [М., 1906. Кн. 1]), Е. Блаватской «Голос безмолвия» (перевод Е. Писаревой в кн. «Вопросы теософии» (СПб., 1907. Вып. 1) и отдельное издание — Калуга, 1908) и Р. Штейнера «Как достигнуть познания высших миров» (перевод А. В. Борнио печатался в 1907—1909 гг. в журнале «Теософская жизнь» и был издан отдельно (Смоленск, б.д.), перевод В. Лалетина печатался в журнале «Вестник теософии» в 1908—1909 гг.).
- 42 Это сочинение А. Фабра д'Оливе (1768—1825), сколько мы знаем, на русский язык не переводилось. Пожелание Лемана очевидно связано с вышеупомянутым его интересом к гебраистике (видимо, в ее оккультном изводе, весьма популярном в той среде, к которой в 1910—1911 гг. принадлежал Леман).
- 43 Текст стиха: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его».
- 44 В оригинале — «разведить», так что возможно чтение и «разводить».
- 45 Речь идет о выполненном К. П. Победоносцевым переводе известной книги «De imitatio Christi» (первое издание перевода — СПб., 1896).
- 46 РГБ. Ф. 743. Карт. 13. Ед. хр. 4.
- 47 Речь идет о Надежде Афанасьевне Григоровой (1885—1964), жене Б. П. Григорова (см. о нем выше).
- 48 Екатерина Алексеевна Бальмонт (1867—1950) — вторая жена К. Д. Бальмонта. О. Н. Анненкова была ее ближайшей подругой и, видимо, кем-то вроде компаньонки.
- 49 Имеется в виду А. С. Петровский.
- 50 Подразумеваются записи лекционных циклов Р. Штейнера, широко ходившие в рукописях.

- 51 Речь идет о следующих книгах: *Штейнер Р.* Мистерии древности и христианство. М., 1913 (более известен перевод Анненковой, вышедший в 1917 г. под заглавием «Христианство как мистический факт и мистерии древности»); *Он же.* Порог духовного мира. М., 1917; *Он же.* Рождество: Размышление о жизни-мудрости (Vitaesophia). М., 1918; *Коллинз М.* Когда солнце движется на север. М., 1914.
- 52 Явный намек на высылку.
- 53 Возможно, Татьяна Алексеевна Полиевктова, подруга Е. А. Бальмонт и О. Н. Анненковой (см. фотографию их троих в кн.: *Бальмонт-Андреева Е. А.* Воспоминания. М., [1996]. С. 361).
- 54 *Николаев Ю.* [Ю. Н. Данзас]. В поисках за божеством: Из истории гностицизма. СПб., 1913.
- 55 *Штейнер Р.* Из летописи мира. М., 1914.
- 56 Оторван край листа.
- 57 Виктор Борисович Шкловский (1893—1984) в годы войны сотрудничал с Алма-Атинской киностудией, куда была эвакуирована часть Мосфильма.
- 58 Речь идет, судя по всему, о Наталье Эрнестовне Радловой (в замуж. Казанской, 1886—1938) и о детском писателе Александре Викторовиче Минихе (ум. 1941).
- 59 С Самуилом Яковлевичем Маршаком (1887—1964) Леман был знаком по Екатеринодару первых послереволюционных лет (см. в письме Лемана к А. А. Блоку от 15 июня 1921 г., где он упоминает «Д-ра Фрикена», т. е. Маршака).
- 60 В другом варианте последняя строка — «И тайну поняла мистерии Голгофы».
- 61 См. объяснение этого ключа Таро в популярном изложении: «I ключ называется *Фокусник* (le bateleur). Рисунок изображает стоящего юношу в коротком кафтане. Одна рука его протянута к небу, а другая — к земле, символизируя правило Гермеса: «quod superius sicut quod inferius». Вся фигура юноши графически напоминает первую еврейскую букву алеф <знак>. На голове у него берет (шапка) в виде знака бесконечности и вечности <изображение>. В руке он держит жезл, а на столе перед ним положены: чаша, меч и монета. Этот ключ обозначает принцип, дух, активное начало» (*Тухолка С. Таро* (Его символы и соответствие с Астрологией) // *Изида*. 1911/1912. № 6 (март 1912). С. 3).
- 62 См. в том же пояснении: «IX ключ *Пустынник* (l'ermite). Рисунок изображает закутанного в плащ старца; одной рукой он опирается на палку, а в другой держит светильник, укрывая его под плащом. Ключ этот символизирует уединение, мудрость и приобретенную трудом опытность» (Там же. С. 5).
- 63 Быт., 4, 1 (цитируется неточно).
- 64 Откр., 8, 11 (с небольшой неточностью).

К истории эзотеризма советской эпохи

Впервые — Литературное обозрение. 1998. № 2. Печатается с дополнениями.

- 1 В наиболее подробной форме результаты этих исследований изложены в следующих работах: *Никитин А.Л.* Тамплиеры в Москве // *Наука и ре-*

- лигия. 1992. № 4—12; 1993. № 1—4, 6, 7; *Он же*. Мистические ордена в культурной жизни Советской России // *Russian Studies*. 1995. I, 4. Ныне перепечатано: *Никитин А. Л.* Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России: Исследования и материалы. М., 1998.
- 2 *Белый Андрей*. Пепел. СПб., 1909. С. 8.
- 3 Запись от 9 мая 1926 г. Цит. по: *Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э.* Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха. М., 1996. С. 270.
- 4 СКМ. С. 478.
- 5 СКМ. С. 475.
- 6 Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 646—648.
- 7 Ленинградские масоны и ОГПУ: Протоколы допросов. Вещественные доказательства / Подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.С. Брачева // *Русское прошлое: Историко-документальный альманах*. СПб., 1991. Кн. 1; Петербургские мартинисты 1910—1925 годов: Документы архива Министерства безопасности Российской Федерации / Публ. В.С. Брачева // *Отечественная история*. 1993. № 3 (далее при ссылках на эти материалы указывается только название издания и страницы); *Никитин А. Л.* Мистические общества и ордена в России: 20—30-е годы // *Россия и гнозис: Материалы конференции*. Москва, ВГБИЛ, 26—27 марта 1996 года. М., 1996 (см. также в его книге).
- 8 См. о нем в первую очередь книгу: *Немировский А. И., Уколова В. И.* Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., [1994]. О научной состоятельности этой книги нам доводилось писать: *Богомолов Н. А.* Дилетанты // *Eugora Orientalis*. 1996. XV: 1.
- 9 Мы пользовались комплектом «Оккультизма и Йоги» Славянской библиотеки в Хельсинки, поскольку в московских библиотеках он отсутствует. Заметим, что после обнаружения публикуемой статьи мы не имели возможности вновь обратиться к комплекту сборников и навести дополнительные справки.
- 10 Указано в его примечании к публикации рецензии Л.Н. Черткова на 55-й выпуск «Оккультизма и Йоги» (Оккультизм и Йога. Асунсион, 1976. Кн. 61. С. 153). Согласно книге «Материалы к сводному каталогу периодических и продолжающихся изданий российского Зарубежья в библиотеках Москвы (1917—1990 гг.)» (М., 1991) в московских библиотеках отсутствует тот № 3 (16) за 1955 год, где была опубликована статья, а согласно «Сводному каталогу русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга (1917—1995) / Изд. 2-е, испр. и доп.» (СПб., 1996) в петербургских хранилищах такой журнал вообще не числится.
- 11 *Серков* в. С. 81—82.
- 12 Отметим, что среди занятий парижской масонской ложи Северная Звезда в 1933 г. было сообщение «Тайные орденские течения в советской России от 1922 по 1927» (*Серков* в. С. 195).
- 13 Разумник Васильевич Иванов (Иванов-Разумник, 1878—1946). Белый сообщил ему о появлении такой рукописи в письме от 3 мая 1928 г.: «...у меня есть для Вас рукопись-ремингтон под заглавием «Почему я стал символом и почему я не перестал им быть», эта 134-страничная «мемория» о том, почему все коллективы разлагаются, как я в личном опыте 30-летия убедился: под коллективами же я разумею коллективы, принимающие форму умершего «общества»; никакого «общества» во вчерашнем смысле слова быть не может; само понятие «общество» в недавней буржуазной форме — стало трупом, а ритмы общества-общины в новом смыс-

- ле еще не сложились. Этот дневниковый ход мысли писал для двух-трех близких; и для Вас в том числе; мой экземпляр для Вас есть. Но не судьба его Вам послать до осени» (Переписка. С. 597). Судя по всему, Иванов-Разумник получил рукопись во время своей поездки в Москву в начале сентября.
- 14 Борис Гитманович Каплун (1894 — 1937), служивший на высоких постах в Петросвете. Выразительный портрет его в начале 1920 г. нарисован К. Чуковским: «Это приятный — деликатными манерами — тихим голосом, ленивыми жестами — молодой сановник. Склонен к полноте, к брюшку, к хорошей барской жизни. Обитает в покоях министра Сазонова. У него имеется сытый породистый пес, который ступает по коврам походкой своего хозяина. <...> Словом, еще два года — и эти пролетарии сами попросят — ресторанов, кокоток, поваров, Монте-Карло, биржу и пр., и пр. и пр.» (Чуковский К. Дневник 1901—1929. М., 1991. С. 136; ср.: Там же. С. 153—154).
 - 15 Имеется в виду приезд Белого в Петроград в феврале 1920 г., когда он пробыл там до начала июля. Предшествовал этому приезду эпистолярный диалог с М. Горьким, суть которого, однако, была не в приглашении приехать в Петроград, а в просьбе Белого ходатайствовать о предоставлении ему возможности уехать в Германию. См.: Крюкова Алиса. М. Горький и Андрей Белый: Из истории творческих отношений // Андрей Белый: Проблемы творчества. М., 1988. С. 292—295.
 - 16 См., напр., в воспоминаниях В.Ф. Ходасевича: «Военный коммунизм пережил он <Белый>, как и все мы, в лишениях и болезнях. Ютился в квартире знакомых, топя печурку своими рукописями, голодая и стоя в очередях. Чтобы прокормить себя с матерью, уже больною и старою, мерил Москву из конца в конец...» (Ходасевич Владислав. Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 57—58). В этом контексте имеет смысл отметить, что Спаская в столь же голодном Петрограде опекала мать Белого, туда приехавшую (см.: Переписка. С. 344).
 - 17 Этот курс Белый читал в петроградской Вольной Философской ассоциации с 15 мая по 30 июня 1920 г. (Белый и антропософия. Т. 9. С. 480).
 - 18 В тексте Белого этот образ означает рассчитанное панибратство (СКМ. С. 433 и далее).
 - 19 Описанию присущего ему с детства символизма как того, «что ни *то* и ни *это*, но *третье*» (СКМ. С. 418), Белый посвятил значительную часть книги.
 - 20 Отсылка к следующему месту текста: «...я же в предисловии подчеркиваю *три смысла* «Симфонии». Идеино-символический ее лозунг: близится «новое»; сатирический лозунг: «Не лупите к новой культуре по прямому проведению догматов и мистики: расшибете лбы...» (СКМ. С. 463).
 - 21 СКМ. С. 455 (вообще тема стремления к социальному бытию и его осмыслению развивается на многих страницах книги).
 - 22 Дмитрий Михайлович Пинес (1891—1937) — исследователь творчества Белого и Блока.
 - 23 См.: СКМ. С. 493.
 - 24 О сложности отношений с Блоком речь идет у Белого прежде всего на с. 441—445 и 462 СКМ.
 - 25 В книге Белый говорит по поводу своих воспоминаний о Блоке: «...я в этих воспоминаниях себя слишком преумалил «для ради» надгробного слова над свежей могилой» (СКМ. С. 442). Здесь он имеет в виду прежде всего

- свою речь на 58-м открытом заседании Вольной Философской ассоциации 28 августа 1921 (опубл.: Памяти Александра Блока: Андрей Белый, Иванов-Разумник, А. З. Штейнберг. Пг., 1922; переизд.: Томск, 1996. Ср. также публ. в кн.: Б е л ы й о Б л о к е). Об этой речи и реакции на нее современников см.: *Лавров А. В.* «Романтика поминования»: Андрей Белый о Блоке // Б е л ы й о Б л о к е. С. 8—10. Но, вероятно, в этих словах можно расслышать и отголосок недовольства двумя более поздними версиями своих воспоминаний о Блоке — из журналов «Записки мечтателей» (перепеч. в кн.: Александр Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 1) и «Эпопея» (составила ядро книги Б е л ы й о Б л о к е).
- 26 См.: «Пора развязать руки, я больше не школьник. Никаких символизмов больше — один, отвечаю за себя, один — и могу еще быть моложе молодых поэтов «среднего возраста», обремененных потомством и акмеизмом» (Б л о к. Т. 7. С. 216 (дневниковая запись от 10 февраля 1913; Спасская знала ее по изданию — Дневник Александра Блока. Л., 1928. Т. 1. С. 177)).
- 27 См. в статье «О современном состоянии русского символизма»: «Что же произошло с нами в период «антитезы»? Отчего померк золотой меч, хлынули и смешались с этим миром лилово-синие миры <...> Произошло вот что: были «пророками», пожелали стать «поэтами». <...> Мы вступили в обманные заговоры с услужливыми двойниками; мы силами рабских дерзновений превратили мир в Балаган...» (Б л о к. Т. 5. С. 433).
- 28 В кратких примечаниях к статье «О современном состоянии русского символизма» (Собрание сочинений Александра Блока. Берлин: Эпоха, 1923. Т. 7. С. 346) указано, что статья была напечатана в журнале «Аполлон» и отдельной брошюре в 1921 году. Согласно данным комментаторов наиболее авторитетного собрания сочинений, изменений в статье при повторной публикации Блок не делал.
- 29 Белый писал: «...Блок <...> все объяснения обмолчал в “Дневнике”, куда он заносил мелочи: вплоть до заявлений о том, что “выпил бутылку рислинга”, легенду же Метнера, обидную для меня, без оговорок закрепил в “Дневнике”» (СКМ. С. 462). Дневниковую запись Блока, имеющуюся здесь в виду, см.: Б л о к. Т. 7. С. 80 (запись от 3 ноября 1911). Ср.: Дневник Александра Блока. Т. 1. С. 30.
- 30 Об истории издания «Дневника Александра Блока» (Л., 1928. т. 1—2) см.: *Гришунин А. Л.* Исповедь правдивой души // Блок А. Дневник. М., 1989. С. 17—20. Появление этого издания (как и первого тома «Писем Александра Блока к родным») сильно повлияло на воспоминания Белого об истории его взаимоотношений с Блоком. С особенной остротой неприятие блоковского дневника выразилось у Белого в письме к Иванову-Разумнику от 26 апреля 1928 г. (П е р е п и с к а. С. 587—590). См. также: *Белый Андрей.* Письма к П. Н. Медведеву / Предисл., публ. и примеч. А. В. Лаврова // Взгляд: Критика. Полемика. Публикации. М., 1988; *Fleishman L.* Bely's Memoirs // *Andrey Bely: Spirit of Symbolism* / Ed. by John E. Malmstad. Ithaca, 1987; *Лавров А. В.* Мемуарная трилогия и мемуарный жанр у Андрея Белого // Белый Андрей. На рубеже двух столетий. М., 1990.
- 31 См.: «Разговоры <у М. И. Терешенко> были о Штейнере и А. Белом, о «шарлатанстве», которого боится Михаил Иванович» (Запись от 26 ноября 1912 // Б л о к. Т. 7. С. 184; Дневник Александра Блока. С. 142). Ср. также запись от 20 января 1913 (Б л о к. Т. 7. С. 209—210. Дневник Александра Блока. С. 170—171). Оценки антропософии в положительном смысле нам не удалось найти в наиболее полных на сегодняшний день изда-

- ниях блоковских дневников (помимо 7-го тома восьмитомного собрания сочинений, еще и подготовленное А. Л. Гришуниним издание, названное в примеч. 30).
- 32 Сведения о том, что Блок ходатайствовал о романе Белого «Петербург», Спасская могла найти в его дневниковых записях от 23—25 февраля 1913 (Б л о к. Т. 7. С. 223—225: Дневник Александра Блока. С. 185—186). Ссылки на Белого находим в статьях Блока «Безвременье» (1906), «О реалистах» (1907), «Пеллеас и Мелизанда» (1907), «Литературные итоги 1907 года» (1907), «Три вопроса» (1908), «О театре» (1908), «Мережковский» (1909), «О современном состоянии русского символизма» (1910), «Пламень» (1913), «Судьба Аполлона Григорьева» (1915), «Памяти Леонида Андреева» (1919), «Владимир Соловьев и наши дни» (1920). Отметим вместе с тем и достаточно критические отзывы Блока в статьях «О лирике» и «О современной критике».
- 33 Незначительно перефразированная первая фраза статьи Блока «О современном состоянии русского символизма»: «Прямая обязанность художника — показывать, а не доказывать» (Б л о к. Т. 5. С. 425).
- 34 О Вольфиле (Вольной Философской ассоциации) см. подробное исследование Е. В. Ивановой «Вольная Философская ассоциация: Труды и дни» (Е ж е г о д н и к на 1992 год), а также: *Белоус В. Г.* Петроградская Вольная Философская Ассоциация (1919—1924) — антитоталитарный эксперимент в коммунистической стране. М., 1997. Белый писал о своем отношении к Вольфиле на с. 477—478 СКМ.
- 35 Лев Васильевич Пумпянский (1894—1940) — философ и литературовед. О его взаимоотношениях с Вольфилой см.: *Белоус В. Г.* «На перекрестке»: Л. В. Пумпянский и Вольфила // Вопросы философии. 1994. № 12; П е р е п и с к а. С. 265. О полемике между Белым и Пумпянским во время одного из заседаний Вольфилы см.: *Максимов Д.* Русские поэты начала века. Л., 1986. С. 356 (ср. также: П е р е п и с к а. С. 232). О духе непримиримости, время от времени вспыхивавшем в Вольфиле даже в первые годы ее существования, см., напр., в письме Белого к Иванову-Разумнику от 8 апреля 1921 (П е р е п и с к а. С. 219—228).
- 36 О закрытии Вольфилы см.: *Иванова Е. В.* Цит. соч. С. 22. По ее данным, отказ в регистрации Вольфилы относится к маю 1924 г.
- 37 Судя по всему, имеется в виду курс Белого «Антропософия как путь самопознания» (см. выше, примеч. 17).
- 38 С. Д. Спасский (1898—1956) — поэт и прозаик, муж С. Г. Спасской.
- 39 Е. Ю. Фехнер (1900—1985) — искусствовед, член-соревнователь Вольфилы. См. о ней подробнее: «Зов многолюбимый...»: Андрей Белый и Е. Ю. Фехнер / Предисл., публ. и примеч. А. В. Лаврова // Литературное обозрение. 1989. № 9.
- 40 О группе петербургских антропософов 1920-х годов (в отличие от московской, известной по мемуарам: *Жемчужникова М. Н.* Воспоминания о Московском антропософском обществе (1917—1923 гг.) / Публ. Дж. Мальмстада // М и н у в ш е е. Т. 6) данных у нас практически нет (некоторые сведения приводятся в комментариях С. В. Казачкова и Т. Л. Стрижак к кн.: З е л е н а я З м е я. С. 404—408). Достоверно известно о знакомстве Спасской с одним из членов антропософской группы — Б. Е. Рапгофом. См. его дарственную надпись на книге: *Евгеньев Борис.* Заря: Вторая книга стихов 1915—1921. Пб., 1921: «Дорогой Софии Гитмановне от преданного автора. Декабрь 1921 г.» (Книга находится в собрании автора). К

- более ранней петербургской группе, руководившейся Б. А. Леманом, Белый в конце двадцатых годов относился сугубо отрицательно: «...плоды петербургской «эзотерической общественности» сделались не одним крахом в годах» (СКМ. С. 473). Согласно показаниям Е. И. Васильевой (Дмитриевой) во время ареста 1927 года, предшествовавшего ее высылке в Ташкент, в Ленинграде существовали 4 антропософских кружка: ее самой, Б. А. Лемана и его жены, Л. П. Владимировой (Брюлловой) и Б. Е. Рапгофа (сведения сообщены Я. В. Леонтьевым).
- 41 Клавдия Николаевна Бугаева (урожд. Алексеева, в первом браке Васильева, 1886—1970) — вторая жена Белого, видная антропософка. См. о ней предисловие Дж. Малмстада в кн.: *Бугаева К. Н.* Воспоминания о Белом. Berkeley, 1981. С. 9—30, а также в недавней публикации: *Бугаева (Васильева) К. Н.* Дневник. 1927—1928 / Предисл., публ. и примеч. Н. С. Малинина // *Лица: Биографический альманах.* М.; СПб., 1996.
- 42 Алексей Сергеевич Петровский (1881—1958) — близкий друг Белого с начала века, видный антропософ.
- 43 Отклик на следующее место книги Белого: «...декрет как *власть* лозунга виделся мне лишь гребнем пены вставшей волны; и этот лозунг — «*Вся власть Советам!*»; советы же — ассоциация лабораториек всяческих опытов строительства жизни <...> *власть* видел я лишь в *моменте* советской индукции (снизу вверх); и жаждал раскрытия принципа текучементальной власти, верней, *властей*, поднимаемых и утопляемых, как гребни волн, в недрах стихии живовластных *Советов* <...> Когда же мне стало ясным, что <...> *власть-лозунг* перерождается в обычную *власть* и в этом перерождении становится из *власти Советов* советскою *властью*, стало быть, *властью* обычною <...> я был выброшен из политики туда, где я пребывал вечно: в антигосударственность» (СКМ. С. 474—475). Спасская, видимо, процирует это место рассуждений Белого на популярный лозунг времен гражданской войны (в том числе и Кронштадтского восстания 1921 года) — «Советы без коммунистов».
- 44 Тема «вахтера» (которым Белый был во время строительства «Гетеанума») подробно развита в его книге (СКМ. С. 468 и далее).
- 45 Книга Т. Кампанеллы (1568—1639), почитаемая в теософских и антропософских кругах.
- 46 См.: «Рудольф Штейнер вступал в «Общество», как в свой физический гроб» (СКМ. С. 482).
- 47 Сд-ром Эугеном Колиско (1893—1939) Белый ожесточенно полемизировал в своей книге (СКМ. С. 490—492).
- 48 Пересказывается (довольно точно) фрагмент «Политической резолюции по французскому вопросу» IV Конгресса Коминтерна (Коммунистический Интернационал в документах: Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ 1919—1932. М., 1933. С. 347—348). Отметим, что эта резолюция широко не оглашалась и в сборнике материалов конгресса, вышедшем по его окончании, напечатана не была. Формально резолюция относилась к французским коммунистам, однако на деле она применялась к любым членам коммунистических партий.
- 49 Серьезная литература по истории масонства не обладает сведениями о членстве кого-либо из названных людей в орденах. В частности, о принадлежности к масонству Троцкого вряд ли возможно говорить, поскольку именно он был инициатором принятия той резолюции IV Конгресса Коминтерна, которая упомянута в примеч. 48. См.: IV Всемирный Конг-

- ресс Коммунистического Интернационала. 5 ноября — 3 декабря 1922 г.: Избранные доклады, речи и резолюции. М.; Пг., 1923. С. 347—349.
- 50 А. М. Асеев обсуждал вопрос о масонстве Петра I в специальном примечании к статье Л. Н. Черткова (Оккультизм и Йога. Асунсион, 1976. Кн. 61. С. 146—148).
- 51 Николай Виссарионович Некрасов (1879—1940) был министром путей сообщения и министром финансов Временного Правительства. Контр-адмирал Дмитрий Николаевич Вердеревский (1873—1947) — морской министр. По данным А. И. Серкова он был канцлером консистории «Россия» с 1927 года, в 1931—1934 гг. возглавлял парижскую ложу «Юпитер».
- 52 О масонской (мартинистской) ложе «Крест и Роза» (чаще — «Роза и Крест»), иногда также встречается название «Крест и Звезда») и участия в ней императора Николая II и/или его ближайшего окружения см.: *Бурыйш-кин Пав.* Филипп — предшественник Распутина // Новый журнал. 1955. Кн. XL. С. 191—192; *Вяземский Владимир.* Первая четверть века существования зарубежного масонства // Новый журнал. 1985. Кн. 161. С. 234. Отметим, что автор новейшей и производящей впечатление наиболее документально обоснованной «Истории русского масонства» А. И. Серков считает эти сведения недостоверными. Под именем «Аполлон», видимо, имеется в виду руководившаяся Мебесом «Великая ложа Аполлония Тианского», часто именовавшаяся просто «Аполлония». Мартинистская ложа «Св. Иоанн» возникла во Владимире, потом была перенесена в Москву. Руководил ею П. М. Казначеев, а Л. Д. Рындина была активным членом.
- 53 Подробнее о деятельности Мебеса (1868—1930) см. в названных выше публикациях В. С. Брачева и в книге А. И. Серкова (С. 77—84).
- 54 Известно, что Мебес окончил физико-математический факультет Петербургского университета. До ареста он работал учителем математики во 2-ой ленинградской совтрудошколе.
- 55 «Энциклопедия оккультизма» неоднократно переиздавалась как в русском рассеянии, так и в России в 1990-е годы.
- 56 О. Е. Иванова-Нагорнова названа в одной из публикаций В. С. Брачева наместным мастером ложи «Золотой колос».
- 57 Ср. гораздо менее дружелюбное описание его внешности, сделанное одним из воспитанников по Пажескому корпусу (Серков. С. 78).
- 58 Квартира Мебеса находилась на углу Греческого пр. и 5-й Рождественской ул.
- 59 По данным В. С. Брачева Астромов родился в 1883 г. в Воронежской губ., учился на восточном факультете Петербургского университета, принимал участие в русско-японской войне. С 1905 г. он жил в Италии, учился на юридическом факультете Туринского университета, был учеником Ч. Ломброзо. В 1909 г. стал масоном в ложе «Авзония», принадлежавшей «Великому Востоку Италии». Действительно служил в Финляндском полку, участвовал во взятии Зимнего дворца. Перед арестом был фининспектором губоно.
- 60 Об Анатолии Николаевиче Семигановском см. в показаниях Мебеса на следствии: «...Семигановский действительно два раза на моих глазах и под моим контролем руководил опытами по отгадыванию мысли или образа <...> Семигановский был исключен за болтовню, присвоение себе не присущего ему авторитета и распространение ложных слухов...» (Отечественная история. С. 190). О его карьере в обновленческой церкви см. также в статье А. Л. Никитина «Мистические общества и ордена в России». Сергей Дмитриевич Ларионов в показаниях Астромова назван руководителем

- «Внутренней (эзотерической) церкви». Он был осужден на три года лагерей вместе с Астромовым и другими. К тому же кружку отнесен Астромовым и Борис Львович Киселев (Отечественная история. С. 184).
- 61 По данным В. С. Брачева (Русское прошлое. С. 254), и «Пламенеющий Лев» и «Дельфин» были ленинградскими ложами, мастером стула в первой из них был упоминаемый далее Асеевым Б. П. Дризен, во второй — Михаил Михайлович Петров. С. В. Полисадов (по документам его фамилия писалась именно так) был мастером стула московской ложи «Гармония» и заместителем Астромова как генерального секретаря Великой Ложи «Astrea Ruthenica».
- 62 Лекция состоялась 15 июня 1923 г. в бывшей Петершуле. Отчет см.: Красная газета. 1923. 16 июня. Веч. вып.
- 63 Об этой инсценировке Тиры Оттовны Соколовской (1888—1942) см.: Серков С. 88, а также в работе Л. Н. Черткова (Оккультизм и Йога. Кн. 61. С. 141—143. В последнем тексте также опубликовано письмо Астромова к Соколовской и приведены некоторые факты биографии Астромова).
- 64 Андрей Белый был членом-учредителем и председателем Вольфилы.
- 65 Автор несколько путает суть и последовательность событий: В мае 1925 г. Астромов явился в приемную ОГПУ в Москве и предложил свое сотрудничество; с июня он несколько раз давал показания, 15 августа подал в ОГПУ докладную записку «Русское автономное масонство», после чего начал свертывать деятельность подчиненных ему лож. В начале 1926 г. последовали аресты, и лишь после этого, 11 февраля, Астромов, находившийся тогда в Доме предварительного заключения, написал письмо Сталину (Русское прошлое. С. 274—276).
- 66 По данным В. С. Брачева, обвинение было предъявлено 21 человеку.
- 67 О публикациях в «Ленинградской правде» и «Красной газете» см.: Отечественная история. С. 182; Русское прошлое. С. 252.
- 68 Постановлением Особого совещания при коллегии ОГПУ от 18 июня 1926 г. Б. В. Астромов, Г. О. Мебес, В. Ф. Гредингер, С. Д. Ларионов и А. А. Клименко были приговорены к трем годам лагерей. По данным В. С. Брачева Полисадов вообще не привлекался по данному делу, однако А. Л. Никитин по данным центрального архива ФСБ установил факт его ареста. Астромов после отбытия срока был арестован повторно и постановлением «тройки» от 24 августа 1928 г. был сослан в Сибирь на 3 года.
- 69 Мебесу в 1930 году было не 76 лет, а всего 62 года.
- 70 См.: «Что касается других членов ложи «Гармония», то некоторые из них (П. М. Кейзер, П. Н. Киселев, М. Г. Попов) были арестованы позднее, в 1930 году они проходили по делу «Русского национального союза» <...> и тогда же были расстреляны» (Никитин А. Л. Мистические общества и ордена в России. С. 63). Краткую справку о Петре Михайловиче Кейзере-Ясмане (1896—1930) и его фотографию см.: Расстрельные списки. Вып. 2. Ваганьковское кладбище 1925—1936. М., 1995. С. 74.
- 71 См.: Агни Йога: В 6 т. М., 1992. Т. 1. Листы сада Мории: Зов; Листы сада М.: Озарение; Община. С. 8.
- 72 Там же. С. 38.
- 73 Имеются в виду воспоминания «Книжная палата» (Возрождение. 1932. 10Ю 17 ноября. № 2718, 2723 (перепеч.: Ходасевич Владислав. Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4).
- 74 Ныне статья М. Артемьева (хотя и по другому источнику) дважды перепечатана А. Л. Никитиным (Russian Studies. 1995. I. 4; Никитин А. Л.

Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в Советской России. М., 1997), почему мы ее изложение не воспроизводим.

75 Агни Йога. Т. II. Агни Йога; Беспредельность. С. 107.

Из масонских речей об оккультных проблемах

Печатается впервые

- 1 О его масонской деятельности см.: Серков (по указателю).
- 2 РГАЛИ. Ф. 2512. Оп. 1. Ед. хр. 536.
- 3 См. краткое предисловие П. Паламарчука к репринтному воспроизведению его книги «Москва купеческая» (М., 1990).
- 4 См.: *Полунина Надежда, Фролов Александр*. Коллекционеры старой Москвы: Иллюстрированный биографический словарь. М., 1997. С. 73—76.
- 5 Серков. С. 18. Более подробная характеристика трудов Бурьшкина по истории масонства дана им же (С. 29—37). Обратим внимание на единственную, сколько нам известно, опубликованную работу Бурьшкина этого плана — «Филипп — предшественник Распутина» (Новый журнал. 1955. Кн. 40).
- 6 Очевидно, ссылка на название шестой главы книги Н. А. Бердяева «Самопознание» (впервые — Париж, 1949). Сходно, но все-таки несколько отлично называется одна из его статей — «Русский духовный ренессанс начала XX века и журнал «Путь» // Путь. 1935. № 49.
- 7 Имеются в виду «Самопознание» Н. А. Бердяева, «Воспоминания о Блоке» Андрея Белого (Эпопея. 1922—1923. № 1—4; перепеч.: Белый о Блоке) и два отрывка из мемуаров Ф. Степуна «Бывшее и несбывшееся»: Москва накануне войны 1914 года // Новый журнал. 1951. № 26; Москва и Петербург накануне войны 1914 года // Новый журнал. 1951. № 27.
- 8 В тексте Бурьшкина: возможности.
- 9 Белый о Блоке. С. 32. Как правило, Бурьшкин цитирует Белого с решительными сокращениями и большими неточностями, из которых мы отмечаем только наиболее существенные, искажающие смысл.
- 10 Там же. С. 33.
- 11 Ввиду достаточно широкой известности большинства перечисленных Бурьшкиным кружков и обществ, не перечисляем литературы о них, отсылая хотя бы к комментариям А. В. Лаврова к мемуарной трилогии Белого. Генриетта Леопольдовна Гиршман (1885—1970) и Евдокия Ивановна Лосева (урожд. Чижова, 1881—1936) — известные московские меценатки и держательницы салонов.
- 12 Сведений о знакомстве К. П. Христофоровой с Е. П. Блаватской у нас нет.
- 13 Белый о Блоке. С. 341.
- 14 В тексте Бурьшкина: «не сказала».
- 15 У Бурьшкина вместо слова «орган» — пропуск.
- 16 Белый о Блоке. С. 359—361.
- 17 По непонятной причине Бурьшкин путает фамилию своей сестры, Надежды Афанасьевны Григоровой (1885—1964), и, соответственно, ее мужа Бориса Павловича (1883—1945). О ней подробнее см.: *Бурьшкин П. А.*

- Москва купеческая. М., 1991. С. 226—227. В дальнейшем мы исправляем написание фамилии.
- 18 На Садово-Кудринской, д. 6, помещалось Антропософское общество и в 1918 г. жил Андрей Белый с А. С. Петровским.
 - 19 Биографические сведения об А. С. Петровском, М. И. Сизове, Т. Г. Трапезникове, М. В. и А. В. Сабашниковых см. на с. 474, 517, 524 нашей книги.
 - 20 Сведения о посещении П. А. Флоренским и С. Н. Булгаковым заседаний московского антропософского кружка см. также в книге Бурышкина (С. 227).
 - 21 См. о нем публикацию «Между Леманом и Диксом».
 - 22 Стихотворение Андрея Белого «Антропософам» из книги «Звезда» (Пг., 1922. С. 62), судя по всему, цитируется Бурышкиным по памяти, с множеством ошибок.
 - 23 Там же. С. 68—69, без подзаголовка.
 - 24 Ледбитер Чарльз Вебстер (1847—1934) — один из руководителей Теософского общества.
 - 25 Из стихотворения Вл. Соловьева «Das Ewig-Weibliche».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А. и Б., сотрудник(и) журнала
«Ребус» 309
- А. Е. С., д-р. 510
- Абеляр П. 54
- Абрамович Н. Я. 243, 505
- Августин Блаженный 54
- Аверинцев С. С. 114, 483
- Аврелий Марк 363
- Агринота 308
- Агриппа Неттесгеймский 308
- Адамов А. Г. 7
- Азадовский К. М. 35, 211, 464, 468,
470, 500, 506, 517
- Азеф Е. Ф. 73
- Александр I 434, 441, 466
- Александр III 26
- Александров Г. В. 436
- Алексеев Н. 416
- Альтман М. С. 491
- Альтшуллер М. Г. 490
- Амендола Дж. 207, 497
- Амфитеатров А. В. 224
- Анджелико (Фра Джованни да
Фьезоле, Беато Анджелико) 127
- Аничков Е. В. (Эничков) 229, 312,
501
- Анненкова О. Н. 221, 314, 320, 324,
326, 330, 337, 341, 346, 351, 360—
363, 516, 524—526
- Анненский И. Ф. 124—125, 352,
503, 525
- Антоновский Ю. М. 139
- Антошевский И. К. 488
- Аполлоний Тианский 265, 484, 532
- Апулей 309
- Арбенина (Гильдебрандт) О. Н. 157,
172, 177
- Арельский Г. см. Грааль-Арельский
- Арензон Е. 509
- Артемов М. М. 440, 442, 533
- Архиппов Е. Я. 522—523
- Асеев А. М. 256—259, 261, 419—
421, 429—443, 464, 507—508,
532—533
- Асеев Н. Н. 210, 498
- Ауслендер С. А. 68, 147, 215, 229,
315, 499
- Афанасий Великий 447, 450
- Ахматова (Горенко) А. А. 117—118,
122, 130, 133, 138, 176, 255—256
- Ачкасов А. Н. 149, 488
- Баадер Ф. К. фон 448
- Бабурин М. Е. 280, 511
- Баевский В. С. 491
- Баженов Н. Н. 240, 496
- Бакст (Розенберг) Л. С. 524
- Бальзак О. де 97
- Бальмонт (урожд. Андреева) Е. А.
28, 34, 46, 109, 206, 360—361,
467, 470, 525
- Бальмонт К. Д. 15, 19, 24, 26—28, 31,
35, 61, 89, 108—109, 119, 206, 331,
337—338, 467, 469—470, 474,
483, 487, 497, 519, 523, 525
- Барадюк 306
- Баратынский Е. А. 275, 510
- Бартнев Ю. П. 9
- Баскер М. (Basker M.) 113, 124,
483—485, 508
- Батюшков П. Н. 32, 525
- Бачинский А. И. 497
- Безант А. (Besant A.) 13, 33—35, 44,
129, 136, 144, 194—197, 270—271,
357, 462, 485, 487—488, 496, 510
- Безродный М. В. 242, 470, 476, 505
- Безыменский А. И. 486
- Беклемишев А. см. Киссин С. В.
- Беклин А. 423
- Белицкий Е. Я. 414
- Белкин В. П. 218
- Белоус В. Г. 530
- Белоцветов Н. Н. 348, 524
- Белый Андрей (Бугаев Б. Н.) 7, 10—
12, 15, 18—19, 24—26, 28—29, 35,
44—47, 51, 53, 60—61, 66, 68—77,
84—87, 92—97, 99—109, 133—
136, 188—193, 197—198, 208, 217,
225, 237—254, 270, 272—276,
312—313, 316, 332—333, 337,

- 343—348, 413—418, 421—429,
434, 449, 455—460, 462, 464—
468, 471—482, 485—487, 495—
497, 501, 503—506, 510—511, 514,
523—524, 527—531, 533—535
- Беме Я. 208, 359, 447—448
- Бенуа (Venois) (урожд. Кинд) А. К.
218
- Бенуа А. Н. 45
- Бень Е. М. 510
- Берберова Н. Н. 25, 270
- Бердяев Н. А. 72, 78, 97, 103—104,
107, 109, 219—221, 245—247,
445—446, 450, 455—457, 472—
473, 479, 481—482, 499, 534
- Бердяева (урожд. Рапп) Л. Ю. 78, 97,
104, 246, 481, 499
- Березин А. см. Ланг А. А.
- Бескин М. М. 251—253
- Бетхер Л. 297
- Бетховен Л. ван 82, 85, 89—90, 478
- Биндасова В. П. 281
- Блаватская Е. П. 13, 36, 46—48, 62,
71, 114, 118, 124, 131—134, 136,
140—141, 144, 166—172, 259,
267—268, 293—294, 354, 457—
458, 462, 466, 482—488, 492, 509,
512, 525, 534
- Блок А. А. 19, 25, 68, 72—73, 100,
102, 109, 117, 156, 176, 186—199,
215, 227, 243, 249, 252, 312, 337,
415—416, 422, 424—426, 449—
450, 456—457, 462, 464, 467, 472,
475, 478, 480—481, 483, 488—491,
493—497, 499, 501, 505, 513,
522—524, 526, 528—530, 534
- Блок Л. Д. 51, 199, 312, 425
- Блюм А. В. 467
- Боборыкин П. Д. 457
- Богаевский К. Ф. 358
- Богданова-Бельская (урожд. Старын-
кевич) П. О. 493
- Богомолов Н. А. 211, 270, 465, 472—
473, 475, 478—479, 481—483,
489—492, 494—495, 498—503,
506, 510, 514, 527
- Богущий К. 463
- Бодлер Ш. (Baudelaire Ch.) 122, 468,
484
- Боккаччио (Боккаччо) Дж. 207
- Борджиа Ц. (Ч.) 45
- Борисов-Мусатов В. Э. 523—524.
- Борнио А. В. 525
- Бородаевская М. А. 473—474
- Боткина, владелица имения 357
- Боттичелли С. (А. Филиппеппи) 351
- Брачев В. С. 418, 432, 527, 532—533
- Бригаднава О. А. 502
- Брик О. М. 158
- Брик (урожд. Каган) Л. Ю. 158
- Бруни Н. А. 256
- Бруно Дж. 30, 54, 507
- Брюсов В. Я. 8—10, 15, 24, 28—33,
37, 60, 87—88, 91, 118, 121, 125,
146—148, 186, 204—207, 214,
227—228, 230, 238, 241, 249—
250, 271, 276, 279—309, 312, 315,
430, 464, 467—469, 471, 478, 485,
489, 491—493, 496—497, 500,
502, 511—513
- Брюсов Я. К. 227
- Брюсова (урожд. Рунт) И. М. 205—
206
- Бугаева (урожд. Егорова) А. Д. 102,
109, 528
- Бугаева (урожд. Алексеева, в первом
браке Васильева) К. Н. 417, 426,
524, 531
- Булгаков С. Н. 445, 449—455, 459,
504, 506, 535
- Бурлюк Д. Д. 273
- Бурлюк Н. Д. 263
- Бурнаков А. А. 245, 248, 506
- Бурышкин П. А. 444—462, 471, 532,
534—535
- Бутлеров А. М. 302
- Бутовт, наборщик 439
- Бюхнер Л. 17
- Вагнер Р. 30, 175, 187
- Вадимов А. (Цветков А. В.) 109, 482
- Вайнберг И. И. 490, 502
- Валентин 161, 447
- Валентинов (Вольский) Н. В. 241,
472, 475, 505
- Варшинский, иезуит 313
- Василид (Базилид) 447
- Васильев В. Н. 126, 485
- Васильев П. Н. 347, 524
- Вахтель М. (Wachtel M.) 31, 109,
203—204, 210, 470, 482, 496—
498, 516
- Венгеров С. А. 507
- Венгерова З. А. 207, 218, 290—291,
497
- Венгерова И. А. 218

- Вердеревский Д. Н. 430, 532
 Верн Ж. 176
 Вернадский Г. В. 490
 Вернер З. 208
 Вертлиб Е. 471
 Верховский Ю. Н. 207
 Верхоустинский Б. А. 256
 Вилье де Лиль Адан О. 525
 Вилькина (в замуж. Минская) Л. Н. 218
 Владимирова (Брюллова) Л. П. 531
 Власова Н. В. 10
 Волжский см. Глинка А. С.
 Волошин М. А. 15, 19, 24, 26, 28—29, 35, 45, 47, 49, 52—53, 58, 63, 104—109, 121, 126, 130, 145—146, 237, 314, 325—326, 336—337, 349—360, 468, 470, 472—473, 478, 481—482, 485, 492, 498, 507, 514, 517, 525
 Волошина Е. О. 45, 351, 355, 358—359, 525
 Врубель М. А. 188, 199, 423
 Врхлицкий Я. 253—254
 Вульф, московский знакомый Ивановых 496
 Вундт В. 300
 Вяземский В. Л. 466, 532
- Гальвани Л. 300
 Гальцева Р. А. 481, 499
 Гарднер В. Д. 127, 255, 262, 314, 506
 Гарэтто Э. 464
 Гаспаров (Gasparov) Б. М. 175, 464, 492, 512
 Гаспаров М. Л. 163, 183, 298, 289, 491, 494, 499
 Гегель Г. В. Ф. 474
 Гедройц С. (Гедройц В. И.) 127, 255, 507
 Геллер Л. 6, 463
 Гельмонт Я. Б. ван 74
 Георге С. 208
 Герасимов М. П. 276
 Гермес Трисмегист 66, 162, 166, 463, 526
 Гернет Н. К. 82—83, 85, 477
 Герра Р. 466
 Герцык А. К. 46, 56—58, 62, 103, 189—190, 478, 480—481, 496, 503, 515
 Герцык В. К. 58
- Герцык Е. А. 58, 62, 67, 103, 189, 473, 515
 Герцык Е. К. 46, 56—58, 62, 67, 103, 189, 233, 242, 472—474, 478, 480—481, 496, 503, 515
 Гершензон М. О. 241, 247—248
 Гете И. В. 33, 51, 88, 203, 274, 495
 Гильфердинг А. Ф. 153
 Гиндин С. И. 469, 511
 Гиппиус Вас. В. 497
 Гиппиус Вл. В. 263
 Гиппиус З. Н. 9—11, 29, 69—71, 118, 147, 226, 232—233, 237—238, 240—242, 250, 296, 464, 475, 491, 501, 503—504, 512
 Гиппиус Н. Н. 11
 Гиппиус Т. Н. 11—12
 Гирс А. С. 438
 Гиршман Г. Л. 457, 534
 Гихтель 448
 Глебова-Судейкина О. А. 177
 Глинка (Волжский) А. С. 504
 Глухова Е. В. 471
 Гоббс Т. 166
 Гоголь Н. В. 176, 199
 Годунов Ф. 213
 Голенищев-Кутузов А. А. 212
 Голенищев-Кутузов И. Н. 113
 Голлербах Э. Ф. 506
 Головин Е. 493
 Г. О. М. см. Мебес Г. О.
 Гомер 30, 251
 Гонкур Э. и Ж. (Goncourt E. & J.) 468, 484
 Гончарова А. С. 30, 71
 Горнунг Б. В. 501
 Городецкий С. М. 49, 52, 143, 147, 209, 256, 276, 315, 346, 491, 495, 501, 523—524
 Горький М. (Пешков А. М.) 28, 422, 430, 466, 490, 502, 528
 Готье Ж. (Gautier J.) 122, 468, 484
 Готье Т. (Gautier Th.) 30, 122, 468, 484
 Гофман М. Л. 149, 184, 215—218, 337
 Грааль-Арельский (Петров С. С.) 127, 256, 507
 Граббе П. М. 455
 Граббе Ю. П. 455
 Гредингер В. Ф. 436, 533
 Грем Ш. (Graham S.D.) 482, 506, 508

- Гречишкин С. С. 285, 500, 502, 511
 Гржебин З. И. 158, 207, 490
 Гржебина Е. З. 490
 Григорий VII, папа 476
 Григоров (Григорьев) Б. П. 109, 348, 459, 524—525, 534
 Григорова (урожд. Бурышкина) Н. А. 360—383, 459, 525, 534
 Григорьев Б. П. см. Григоров Б. П.
 Григорьев В. П. 509
 Гриневич В. С. 233—234, 502—503
 Гришунин А. Л. 529—530
 Гроссман Дж. Д. (Grossman J.D.) 279, 293, 464, 467, 512
 Гузик Я. (Я. Ф.) 312, 493, 513—514
 Гумилев Л. Н. 142
 Гумилев Н. С. 15, 19, 108, 113—144, 157, 177, 256, 262—263, 268, 276, 352, 465, 468, 482—488, 502, 506, 508—511, 525
 Гурджиев Г. И. 19
 Гуревич Л. Я. 188
 Гюго В. 30
 Гюисманс Ж. -К. (Huysmans J.-K.) 463
 Гюнтер И. фон 56—57, 121, 473
 Давидсон А. Б. 483
 Давыдов А. 243, 505, 513
 Данзас Ю. Н. (псевд. Ю. Николаев) 361, 526
 Данилевский А. А. 500
 Девис 306
 Делла-Вос-Кардовская О. Л. 125
 Дешарт (Шор) О. А. 211, 491, 514
 Джемс (Джеймс) В. (У.) 302
 Ди Дж. 173—181
 Дикман М. И. 190
 Дикс Б. см. Леман Б. А.
 Дмитриева Е. И. (в замуж. Васильева, псевд. Черубина де Габриак) 108, 199, 121, 126, 130, 219, 314, 337—338, 352—354, 356, 358—359, 483, 485, 522, 524—525, 531
 Добролюбов А. М. 10, 12, 31, 464, 469
 Добролюбцев 497
 Досекин Н. В. 9—10
 Достоевский Ф. М. 244, 254, 446, 453, 474, 487
 Дризен Б. П. 436, 533
 Дружинин П. А. 502
 Дубовиков А. Н. 483
 Дуганов Р. В. 267, 509
 Дурнов М. А. 31
 Дымов О. (Перельман О. И.) 222—223, 346, 500, 524
 Дю Прель (Дюпрель) К. 136—137, 271, 487
 Дягилев С. П. 467, 523—524
 Е. Д. 209
 Евгеньев Б. см. Рапгоф Б. Е.
 Евлогий, митрополит 454—455
 Елагин И. П. 441
 Елачич (Елачич де Бужим) Г. А. 256—257, 259, 507
 Елачич (в замуж. Шварц) Е. Г. 257—260
 Елачич Н. 507—508
 Елачич Н. Г. 257, 260
 Елевферий, митрополит 454
 Елизавета I, королева Англии 173—174, 176—177, 179
 Емельянов-Коханский А. Н. 511—517
 Есенин С. А. 276
 Жемчужникова М. Н. 524, 530
 Жолковский А. К. (Zholkovsky A.) 136—137, 487
 Жорж, князь 150, 489
 Жуковский Д. Е. 189—190
 Замятнина М. М. 54—57, 197, 204, 212, 318, 473—474, 495—496, 505
 Зандер Л. А. 450—451
 Званцева Е. Н. 489
 Зеньковский В. В. 445, 450—451
 Зиновьева-Аннибал Л. Д. 42—43, 49—51, 53, 55—56, 61, 63, 78, 89—91, 98, 107, 149, 151, 164, 183—184, 201, 203—204, 207, 209—210, 212, 218—220, 228—229, 236, 314—315, 317—320, 324—325, 327, 471, 474, 478, 480—481, 488, 496, 498—499, 503, 515—518, 521
 Знаменский Д. В. 10
 Зноско-Боровский Е. А. 188, 517
 Зубакин Б. М. 16—17, 256, 415, 419, 466, 507, 527
 Иванов Вяч.Вс. 485—486, 509
 Иванов Вяч.И. 10, 13—15, 19, 26—27, 36—37, 42—43, 45—47, 49, 51—74, 76—105, 107—110, 114,

- 119, 121, 135, 141—143, 147—149,
151, 163—164, 172, 182—194,
196—225, 227—238, 240—254,
264, 270, 272—273, 311—334, 336,
338—342, 464—465, 470—483,
485, 487—489, 491—492, 494—
503, 505—506, 512—523
- Иванов Г. В. 223, 255, 262—263, 312
- Иванов Д. В. 498, 516
- Иванов-Разумник (Иванов Р. В.) 18,
215, 416, 421, 424, 464, 466, 506,
511, 523, 527—530
- Иванова А. В. 78
- Иванова А. Н. 52
- Иванова (Дмитревская) Д. М. 78
- Иванова Е. В. 464, 530
- Иванова Л. В. 56, 89, 478, 499, 518
- Иванова-Нагорнова О. Е. см. Нагор-
ная О. Е.
- Иваск Ю. П. 508
- Инкуль А. В. 257—260, 507
- Инфантьев П. П. 512
- Иоанн Кронштадтский 512
- Иованович М. Э. 499
- Иринеев В. С. 461
- Йованович М. 127, 482
- Йонас Г. 463
- Каблуков С. П. 10
- Каган Ю. М. 466
- Казаков Г. М. 490
- Казачков С. В. 530
- Казин В. В. 276
- Казначеев П. М. 532
- Кайзер П. М. см. Кейзер-Ясман П.
М.
- Калидаса 153
- Калиостро А. (Дж. Бальзамо) 160,
472, 494
- Кальман И. 176
- Каменская А. А. (псевд. Alba) 13,
221, 222, 231, 312, 471, 500, 503,
513
- Кампанелла Т. 531
- Кандинский В. В. 15
- Каплун Б. Г. 414, 422, 528
- Каплун С. Г. см. Спасская С. Г.
- Карабанович Д. И. 510
- Карамзин Н. М. 490
- Каратыгин В. Г. 212
- Карлсон М. (Carlson M.) 68, 109,
465, 475, 482, 495, 500, 503, 512
- Карпов П. И. 12, 464
- Карсавин Л. П. 509
- Карташев А. В. 10, 454
- Катанян В. А. 510
- Кафка Ф. 172
- Кацис Л. Ф. 481, 509
- Кейдан В. И. 477
- Кейзер-Ясман (Кайзер) П. М. 437—
438, 533
- Кеплер И. 47
- Кириченко-Астромов Б. В. 418,
432—437, 532—533
- Киселев В. И. (Б. Л.) 433, 533
- Киселев Н. П. 93, 96, 103, 458, 479
- Киселев П. Н. 533
- Киссин С. В. (псевд. А. Беклемишев,
Муни) 338
- Кит-р 293
- Клименко А. А. 533
- Клодт Г. А. 438
- Клюев Н. А. 12, 263, 276, 464, 506,
508, 511
- Князев В. Г. 177, 493
- Ковалевский М. М. 62
- Козлов С. Л. 488
- Койранский А. А. 9
- Колиско Э. 428, 531
- Коллинз М. 354, 360—361, 525—526
- Колоколов А. 12
- Колумб Х. 300
- Кольридж С. -Т. 177
- Коммиссаржевская В. Ф. 190, 199,
223
- Кондратьев А. А. 256, 489, 507
- Коневской И. (Ореус И. И.) 31
- Константин Константинович, в. кн.
431
- Корнфельд М. Г. 497
- Коростелев О. А. 496
- Корчагин А. И. 212
- Котрелев Н. В. 187, 464, 494, 496—
497, 501—502
- Кошелев А. Д. 491
- Кравченко В. В. 512
- Крафт-Эбинг Р. 442
- Красков А. А. 280—281, 283, 289
- Краскова В. А. 280—281, 283
- Краскова М. И. 380—291, 283
- Кречетов С. (Соколов С. А.) 9, 247,
312, 457, 505
- Кривич В. (Анненский В. И.) 188
- Крижанич Ю. 266
- Крукс У. 302

- Крюков В. 493
 Крюкова А. М. 528
 Кублицкая-Пиоттух А. А. (урожд. Бекетова, в первом браке Блок) 187—188, 193, 337
 Кудрявцев Вл. 483
 Кудрявцев К. Д. 221
 Кузмин М. А. 12, 15, 19, 26, 45, 54, 56—58, 61, 68, 91, 108, 119, 121, 143—185, 193—194, 197, 107, 107, 311—224, 229, 236, 263, 315—316, 329—331, 336—337, 4140415, 465, 472—474, 478, 481, 483, 488—495, 498—503, 513—514, 518—519, 522, 527
 Кузнецов П. В. 253
 Кузнецова О. А. 495—496, 500
 Кукушкина Т. А. 502
 Кулаева Л. М. 467—468
 Кунрат Г. 74
 Куняев С. С. 464
 Куприн А. И. 504
 Купченко В. П. 35, 109, 468, 470, 472, 482, 498
 Кураев А. 466
 Курдюмов В. В. 263
 Курсинский А. А. 468
 Куэ Э. 442
- Лавров А. В. 25, 100, 161, 175—176, 240, 298, 313, 467, 480, 489, 492—493, 495, 500—503, 505, 514, 529—530, 534
 Лазаревский Б. А. 523
 Лалетин В. 525
 Ланг А. А. (псевд. А. Березин, А. Л. Миропольский) 8—10, 29, 281—286, 292, 297, 312, 464, 512
 Ланге Т. -Н. 89
 Ландау (возможно, Ляндау К. Ю.) 158
 Лаппо-Данилевский К. Ю. 476
 Ларионов С. Д. 433, 532—533
 Ласман, д-р 258
 Ласская, член Русского спиритуалистического общества 309
 Леви Э. (Lévi E., наст. имя А.-Л. Констан), 6, 7, 114, 125, 484—485
 Левинтон Г. А. 501
 Ледбитер Ч. В. 461, 535
 Лейтон Л. Дж. 509
 Лекманов О. А. 506
- Леман Б. А. (Дикс Б.) 78, 81, 96, 149—150, 184, 264—266, 314—315, 324, 326, 329—330, 333, 335—411, 460, 509, 516—517, 522—526, 531, 535
 Леман П. П. 358
 Ленин Н. (Ульянов В. И.) 477, 490
 Леонардо да Винчи 339
 Леонтовская 419
 Леонтьев Я. В. 522, 531
 Лермонтов М. Ю. 199, 475, 504
 Ликиардопуло М. Ф. 33, 1è46, 207, 470
 Лодж О. Дж. 302
 Лозинский М. Л. 129, 508
 Ломброзо Ч. (Ц.) 308, 532
 Лонгинов М. Н. 116, 483
 Лопатин Л. М. 457
 Лосева (Лосьева) Е. И. 457, 534
 Лосьева см. Лосева Е. И.
 Лотман М. Ю. 486
 Лотман Ю. М. 493
 Лохвицкая М. А. 87
 Луис П. (Louys P.) 153—154
 Лукницкий П. Н. 117, 130, 138, 483—485, 488
 Луначарский А. В. 430
 Львова Ю. Ф. 130
- Магомедова Д. М. 506
 Майдель Р. фон 467
 Майринк (Мейринк) Г. 172—182, 492—493
 Маковский С. К. 119, 121, 140, 225, 235, 444, 500, 503
 Максимов Д. Е. 187, 495, 500, 530
 Максимов С. В. 212
 Малевич К. С. 15
 Малезиано 308
 Малинин Н. С. 531
 Малларме С. 124
 Малмстад (Мальмстад, Malmstad) Дж. 109, 152, 161, 165, 180, 465, 467, 489, 492, 499, 510, 524, 527, 529—531
 Мамонтов С. С. 253, 506
 Мандельштам О. Э. 15, 102, 255, 465, 485—488, 498
 Маньковский А. В. 511
 Мариво П. К. де Шамблен де 148
 Марков В. Ф. (Markov V.) 152, 161—162, 165, 169, 180, 198, 467, 491—492, 496

- Мартынов И. Ф. 467
 Маршак С. Я. 363, 526
 Маслов П. К. 148, 218
 Маслова Е. А. 280—282, 285, 289, 297, 511
 Маяковский В. В. 273, 276, 510
 Мабес Г. О. (псевд. Г. О. М.) 257—261, 417—420, 431—437, 440, 507, 532
 Медведев П. Н. 425, 529
 Медьнский Г. А. 7
 Мейер А. А. 10—11
 Мейерс 302
 Мейлах М. Б. 465
 Мейринк Г. см. Майринк Г.
 Мельгунов С. П. 490
 Менар Л. 134, 467
 Мережковский Д. С. 8—11, 29—30, 69—71, 91, 147, 226, 232—233, 237—238, 240—242, 250, 312, 464, 475, 501, 503—504, 512, 530
 Метерлинк М. 206, 308, 468—469
 Метнер (урожд. Братенши) А. М. 51, 472, 479
 Метнер Н. К. 50, 93, 103, 472, 476, 504
 Метнер Э. К. (Meditner E.) 26, 50—51, 93—97, 103, 106, 109, 225, 274, 425, 472, 476, 479—480, 487, 504, 529
 Мец А. Г. 306
 Микельанджело Буонарроти 161, 516
 Миллоти (Миллотти) В. Д. или Н. Д. 253
 Мильтон Дж. 67
 Минц З. Г. 501
 Минцлов Р. И. 26, 467
 Минцлов Р. Р. 26, 31, 206, 467—468, 497
 Минцлов С. Р. 26, 467—468
 Минцлова А. Р. 13—14, 19, 21—110, 126, 130, 141, 143—144, 149—150, 152, 164, 183—184, 188—194, 196—210, 215—217, 219—224, 230—238, 240—243, 246—250, 254, 261, 275, 313—334, 336—337, 341, 414—415, 457—458, 465—482, 484, 486, 492, 494—500, 503, 510, 514—521
 Миропольский А. Л. см. Ланг А. А.
 Михаил, еп. (Семенов П. В.) 10
 Мухин (Миних А. В.?) 362, 526
 Молешотт Я. 17
 Молодяков В. Э. 467
 Моммзен Т. 60
 Морев Г. А. 160, 474, 491
 Морозова М. К. 7, 272, 457, 480
 Мошков П. С. 158, 213, 215, 490
 Мошкова (урожд. Кузмина, в первом браке Ауслендер) В. А. 213, 215
 Мошкова В. П. 213
 Мунн см. Киссин С. В.
 Мурнау Ф. 176
 Мускатблит Ф. Г. (псевд. Musca) 506
 Мусоргский М. П. 212
 Н. 497
 Н. О. 512
 Набедрик Е. 465
 Нагорная (Иванова-Нагорнова) О. Е. 432—434, 532
 Нагродская Е. А. 158, 223—224, 490
 Наполеон Бонапарт 300
 Нарбут В. И. 508
 Наумов В. А. 149—151, 184, 215, 218, 494, 499
 Некрасов К. Ф. 497
 Некрасов Н. А. 249
 Некрасов Н. В. 430, 532
 Немировский А. И. 466, 507, 527
 Никитин А. Л. 413, 418, 526—527, 532—533
 Никифорова Н. М. 513
 Николаев Ю. см. Данзас Ю. Н.
 Николай II 51, 443, 472, 532
 Никольская Т. Л. 507
 Нилендер В. О. 93, 96, 103, 106
 Ницше (Нитше) Ф. 86, 121—122, 135—136, 138—140, 474, 484, 488
 Нич, псевд. 504
 Новалис (Novalis; Ф. фон Харденберг) 31, 203—210, 319—320, 470, 496—497, 516
 Новиков Н. И. 54, 74, 92, 490
 Новоселов Б. И. 484
 Нувель В. Ф. 148—149, 212, 218, 229, 489
 Нурок А. П. 524
 Обатнин Г. В. 54, 465, 474, 476, 478, 495, 501, 503
 Одоевлева И. (Гейнике И. Г.) 121, 484
 Олькотт Г. 503
 Ордынский А. К. 512

- Орловский С. см. Шиль С. Н.
 Ортега-и-Гассет Х. 18
 Охорович Ю. 303
- Павлова М. М. 525
 Пайпер, медиум 306
 Паладино Е. 288
 Паламарчук П. 534
 Палисадов см. Полисадов С. В.
 Панкратов А. 497
 Паперно И. (Rareto I.) 464, 467, 492, 512
 Папос (Ж. Анкосс) (Papus, G. Encausse) 7, 114, 116—117, 125—126, 160, 443, 483, 485
 Парацельс (Ф. А. Т. Б. ф. Гогенгейм) 51
 Парнис А. Е. 498, 509
 Пархомовский М. 490
 Пассек Т. П. 410
 Пастернак Б. Л. 273, 486
 Пахмусс Т. А. 506
 Пекарский П. П. 441
 Перовская С. Л. 47
 Перцов П. П. 9
 Песков д-р, член Русского спиритуалистического общества 309
 Петр I 430, 532
 Петров А. Н. (М. М.) 436, 533
 Петров В. Н. 172, 492
 Петрова А. М. 324, 517
 Петрово-Соловово М. 297, 302
 Петровская Н. И. 9, 312, 315—316, 464, 467, 497, 514
 Петровский А. С. 53, 93, 96, 99—100, 102—103, 347—348, 360, 426, 459, 479, 524—525, 531, 535
 Печковский А. П. 9, 497
 Пинес Д. М. 424, 528
 Писарев Б. Н. 296
 Писарева Е. Ф. 525
 Писемский А. Ф. 461
 Пифагор Самосский 41, 484
 Платон 172, 453, 468
 Плиний Старший 308
 Плотин 54
 По (Поэ) Э. 8, 64, 464
 Победоносцев К. П. 358, 525
 Позняков С. С. 212—215, 499—500
 Поливанов К. М. 501, 507, 507
 Полиевктова Т. А. 361, 526
- Полисадов (Палисадов) С. В. 433, 435—439, 533
 Полунина Н. 534
 Поляков С. А. 346, 497, 524
 Пономарева Г. М. 508
 Пошлавский Б. Ю. 15
 Попов Б. 9
 Попов М. Г. 533
 Портедж (Пордедж) 448
 Постоутенко К. Ю. 476, 504
 Потебня А. А. 30
 Потемкин А. 513
 Потемкин П. П. 147, 207, 263
 Потресов см. Яблоновский С. В.
 Преццолини Дж. 207, 497
 Пржебыский 245
 Прибытков В. И. 293—294
 Проскурин П. Л. 7
 Протасов С. 471
 Пумпянский Л. В. 426, 530
 Пургольдт М. 439
 Пушкин А. С. 176, 249, 468, 487
 Пыпин А. Н. 154, 489—490
 Пяст (Пестовский) В. А. 523
- Рагон 141
 Радван-Рыпинский Е. В. 510
 Радек К. Б. 430
 Радимов П. А. 508
 Радлова А. Д. 493
 Радлова Н. Э. 362, 526
 Рамзес II, фараон 54
 Рапоф Б. Е. (Евгеньев Б.) 530—531
 Рапп Е. Ю. 473
 Распутин (Новых) Г. Е. 224, 532, 534
 Рачинский Г. А. 76, 93, 96, 99, 103, 190, 479—480
 Ребиков В. И. 9
 Рейхенбах 271
 Рембо (Римбо) А. 5, 188—119, 122, 290—291, 483, 486
 Ремизов А. М. 206, 214—215, 346, 524
 Ремизова С. П. 10—11, 96, 214
 Рерих Е. И. 7, 261, 293, 464, 473, 482, 508, 512
 Рерих Н. К. 261, 464, 508
 Ризци (Rizzi) Д. 109, 482
 Розанов В. В. 10, 219
 Ронен О. 139, 159, 486, 488, 490, 498
 Роша А. де 271—272, 306, 510
 Рубакин Н. А. 26—27, 468—469

- Рудникова (Рудникова-Иксуль) Н. П. 127, 256—262, 507—508
 Рудольф II, император 110, 174
 Русинко Э. 113
 Руслон В. В. 151, 218, 494
 Русов Н. Н. 243—244, 246, 248, 505—506
 Рындина (наст. фам. Брылкина, в замуж. Соколова) Л. Д. 250, 417, 419—420, 532
 Рябушинский Н. П. 225, 505
- С. 282
- Сабашников А. В. 232, 250, 313, 324, 333, 458—459, 503, 514, 517, 535
 Сабашникова М. А. 106, 326, 333, 458, 515, 518
 Сабашникова (в замуж. Волошина) М. В. 27, 29, 34—35, 44—45, 47, 49, 51—53, 74, 76, 81, 106, 203, 209—210, 217, 220, 237—238, 273, 314—331, 333, 347—348, 350—351, 358—359, 458—459, 468, 470, 472, 477, 481, 484, 498—499, 503—504, 510, 514—518, 524—525, 530, 535
 Саблин С. М. 281—283
 Савитри 319
 Савонарола Дж. 64
 Садовской Б. А. 226
 Сазонов С. Д. 528
 Самбор С. Ф. 296, 513
 Санд Ж. (А. Дюпен) 129, 176
 Сапунов Н. Н. 493
 Сар-Диноил (Л. Л. фон Фелькерзам) 510
 Сведенборг Э. 30, 306
 Свентицкий (Свенцицкий) В. П. 69, 240, 450, 457, 506
 Сегал Д. М. 124, 484—485, 508
 Седлов М. см. Сизов М. И.
 Семека А. В. 159
 Семенов (Семенов-Тянь-Шанский) Л. Н. 12
 Семигановский-Диальти А. Н. 433, 532
 Сен-Мартен Л. К. 227, 360—361, 448
 Сент-Ив д'Альвейдр (d'Alveydre) 466—467, 509
 Серафим, архиепископ 455
 Серафим Саровский 445—446
- Сергий, митрополит, вполн. Патриарх 454
 Середин (правильно Средин) А. А. 250
 Серков А. И. 16, 417, 444, 465—466, 514, 527, 532—534
 Сиверс М. Я., фон 221, 467, 500
 Сигибер 308
 Сиджвик Г. 487
 Сидоров Н. П. 490
 Сизов М. И. 60, 93, 99, 103, 105—106, 312, 459, 474, 479, 514, 535
 Сизова М. И. 60, 479
 Силард Л. 237, 503
 Симон Волхв 6
 Скалдин А. Д. 127, 223, 255, 262
 Слободнюк С. Л. 482, 488
 Словацкий Ю. 153—154
 Соболев А. Л. 502—503
 Соколов С. А. см. Кречетов С.
 Соколова Л. Д. см. Рындина Л. Д.
 Соколовская Т. О. 127, 434, 485, 533
 Сократ 14, 309
 Соловьев Вл. С. 30—31, 65—66, 72—73, 203, 240, 290—291, 347, 446, 448—449, 455, 462, 469, 474—475, 512, 530, 535
 Соловьев М. С. 457
 Соловьев С. М. 76, 199, 331, 519
 Сологуб Ф. (Тетерников Ф. К.) 162, 215, 243, 276, 505, 518
 Сомов К. А. 26, 45, 218, 328, 499
 Спасская В. С. 414, 416
 Спасская (урожд. Каплун) С. Г. 130, 414—419, 421—429, 485, 502, 528—531
 Спасский С. Д. 416, 426, 530
 Спивак М. Л. 416, 467
 Срезневская-Зеленцова К. 259—261, 508
 Сталин (Джугашвили) И. В. 533
 Старки Э. (Starkie E.) 5, 188—119, 473, 483
 Степанов Е. Е. 120, 483
 Степун Ф. А. 445, 456, 534
 Стефанов Ю. Н. 493
 Стокер Б. 176
 Странден Д. В. 43, 221, 471, 491
 Стрижак Т. Л. 530
 Стриндберг А. 199
 Строганов А. Н. 28, 56, 232, 503
 Строганова Н. А. 28, 56, 232, 503

- Струве Г. П. 256, 507
 Суворова К. Н. 498, 522
 Судейкин С. Ю. 177
 Судейкина О. А. см. Глебова-Судейкина О. А.
 Сырейшикова Е. А. 297—298, 309—310
- Танеев В. И. 28, 102
 Тароватый Н. Я. 35, 470
 Тастевен Г. Э. 230
 Терапиано Ю. К. 198, 466, 496
 Терехов А. Г. 502
 Терещенко М. И. 529
 Тернавцев В. А. 10
 Тик Л. 208
 Тильдехайм 308
 Тименчик Р. Д. 127, 161, 175, 255—256, 268, 483—486, 489, 492—493, 500, 503, 505—509
 Тимирязев К. А. 28, 250
 Тимофеев А. Г. 161, 167, 492—493, 499
 Тихон, патриарх 455
 Тищенко Ф. Ф. 240, 244—248, 505
 Толстая Е. Д. 481
 Толстая (урожд. Дымшиц) С. И. 218
 Толстой А. К. 30
 Толстой А. Н. 108, 481, 508
 Толстой Л. Н. 47
 Толстых Г. А. 479
 Топоров В. Н. 492
 Трапезников Т. Г. 347—348, 459, 524, 535
 Триоле (урожд. Каган) Э. Ю. 158
 Троцкий (Бронштейн) Л. Д. 430, 531
 Троцкий С. В. 215
 Трояновский А. В. 484
 Трубещкие Е. Н., С. Н. 457
 Тукалевский Вл. 490
 Тумповская М. М. 130
 Тур, братья (Л. Д. Тубельский и П. Л. Рыжей) 418
 Турбин В. М. 243, 245
 Тургенев И. С. 280
 Тургенева А. А. 107, 199, 276, 480, 482, 523
 Тургенева Н. А. 102, 482
 Тухолка С. 8, 464, 526
 Тютчев Ф. И. 504
- Уайльд О. 32—33, 35, 207, 470
 Уатт Дж. 302
- Уколова В. И. 466, 507, 527
 Урусов Н. см. Русов Н. Н.
 Успенский П. Д. 19, 36, 121—122, 160, 471, 484, 491, 513
 Устинов А. Б. 501
- Фабр д'Оливе А. 354, 356—357, 467, 525
 Федоров Н. Ф. 446
 Фехнер Е. Ю. 426, 530
 Филипп, мэтр 443, 532, 534
 Филон Александрийский 358
 Философов Д. В. 10, 71, 233, 237—238, 475
 Фихте И. -Г. 30, 208
 Флоренская О. А. —11
 Флоренский П. А. 445, 447, 450, 455, 459, 512, 535
 Форш О. Д. 522
 Фофанов К. М. 290
 Фридлиндер Г. М. 136, 487
 Фробениус Л. 18
 Фролов А. 534
- Хавский Б. Н. 27
 Хаггард Г. -Р. 115—116, 118, 140, 483
 Хансен-Леве А. (Hansen-Löwe A. A.) 464, 482
 Харер К. (Hager K.) 184, 489, 494
 Харнак (Гарнак) А. фон 6
 Хаусхофер К. 19
 Хейслоп (Хислоп) 302
 Хеллман Б. 506
 Хлебников В. В. 19, 263—269, 335, 485—486, 509—510
 Ховина, жена В. Р. Ховина 158
 Ходасевич В. Ф. 15, 19, 25, 37, 144, 162, 239, 270—276, 297, 338, 441—442, 486, 488, 502, 510—511, 528
 Ходжсон В. 302—303, 306
 Хомяков А. С., славянофил 510
 Хомяков А. С. (XX век) 513
 Христофорова К. П. 60, 67, 71, 76—77, 230, 234—235, 246, 250, 309, 334, 457, 459, 474, 503, 519—521, 534
 Хьюз Р. (Hughes R.) 464, 510, 512
- Цельнер И. К. Ф. 302
 Церукавский Н. В. 502
 Цетлины М. Л. и М. О. 270, 272—273, 276

- Цивьян Т. В. 492
 Цимборска-Лебода М. 475
- Чеботаревская Ал. Н. 331, 518
 Чеботаревская Ан. Н. 518
 Чернышевский Н. Г. 446
 Чинский Ч. И. фон 514
 Чертков Л. Н. 527, 532—533
 Чехов М. А. 15
 Чириков Е. Н. 504
 Чистяков П. А. 308, 513
 Чичерин Г. В. 153—154
 Чудакова М. О. 501
 Чуковская Л. К. 508
 Чуковский К. И. 528
 Чулков Г. И. 229, 346
 Чурленис М. К. 337
- Шайкевич А. Е. 160
 Шамиссо А. фон 207
 Шванвич Н. 493, 514
 Шварсалон В. К. 55—57, 61, 78, 98,
 101, 119—121, 191, 197, 204, 109,
 213, 215, 217—220, 245—246,
 316—315, 317—334, 473—474,
 476—477, 483, 496—497, 505,
 514, 517—519, 521
 Шварсалон К. К. 216, 324—326, 517
 Шварсалон С. К. 56, 78, 119, 324—
 325, 477, 517
 Шварц В. 258
 Шварц И. Г. 490
 Шелли П. -Б. 470
 Шеллинг Ф. -В. 208
 Шерон Ж. (Cheron G.) 172, 211, 489,
 492, 496, 498—499
 Шиль С. Н. (псевд. Сергей Орловс-
 кий) 60, 474
 Ширяева М. П. 292, 511—512
 Шишкин А. Б. 478, 481, 499
 Шкловский Вик. Б. 362, 526
 Шмаков Г. Г. 489, 492
 Шмидт А. Н. 106
 Шопенгауэр А. 474
 Шпенглер О. 18
 Штейн С. В. фон 125
 Штейнберг А. З. 529
 Штейнберг М. Н. 418
 Штейнер Р. (Steiner R.) 19, 29, 31,
 33, 35, 44—45, 54, 59—60, 63,
 67—68, 75, 85, 92, 96, 106, 108—
 110, 130—131, 191, 230—238, 246,
 274—276, 316, 322—323, 325,
 327, 330—331, 333—334, 348,
 354, 360—361, 415, 422, 427—428,
 434, 457, 459—462, 466—468,
 470—471, 474, 480—482, 486,
 497, 500, 503—504, 510, 516, 520,
 522, 524—526, 529, 531
- Штинде С. 11
 Штук Ф. фон 423
 Шуман Р. 54
 Шумихин С. В. 472, 489—490, 498
 Шюре Э. 55, 467, 473
- Шербаков Р. Л. 468, 484
 Шукин С. И. 230
- Эглингтон 287
 Эйрик Рыжий (Эйрик Рауди) 175
 Эллис (Л. Л. Кобылинский) 15, 19,
 47, 73, 76, 96, 98, 103, 106, 200,
 241, 249—250, 414, 478, 482, 504
 Эльзон М. Д. 138
 Эренбург И. Г. 273
 Эрн В. Ф. 97—98, 450, 457, 480—
 481
 Эрн (урожд. Векилова) Е. Д. 97, 480
 Эртель А. И. 67, 503
 Эртель М. А. 67, 233, 457, 475, 503
 Эткинд А. М. 464, 487, 493
 Эшельман Р. (Eshelman R.) 113, 130,
 482, 486
- Юм 287
 Юнг К. -Г. 124, 137
 Юнггрен М. (Ljunggren M.) 109, 472,
 479, 487
 Юниверг Л. И. 490
 Юркун Ю. И. 157, 177
- Яблоновский (Потресов) С. В. 240,
 243, 245, 248, 505
 Ямпольский И. Г. 502
- Berry Th. E. 464
 Birkett J. 463
 Bricaud J. 463
 Bulau 30
- Comphausen R.C. 491
- Deubner 205
- Fedjuschin V. 466
 Fieguth R. 463

- Flaubert G. 153, 468, 484
Fleishman L. 509, 529
- Guaita S. de 7
Gut T. 467
- Heindel M. 461
- Keats J. 30
Kozlik F.C. 465, 467
Köstlin 153
- Lanne J.-C. 509
Lecomte de Lisle 153
Leopardi G. 30
- Marqueze-Pouey L. 463
Mercier A. 463, 466
Milner J. 463
- Pierrot J. 463
Punnenda Narayana Sinha 33
- Raevsky-Hughes O. 464, 512
Rickert H. 496—497
- Schick M. 496
Schwartz 153
Scott-Elliott 27
Sludd R. 40
- Vergilius 364
Vroon R. 509
- Wittemans, бельгийский историк
457—457
- Webb J. 463, 466, 483, 512
- Yarker 461

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Безант — *Безант Анни*. Древняя мудрость: Очерк теософических учений / Пер. Е. Писаревой. М., 1992.
- Белый и антропософия — Андрей Белый и антропософия / Публ. Дж. Мальмстада // М и н у в ш е е. Т. 6, 8, 9 (с указанием тома)
- Белый о Блоке — *Белый Андрей*. О Блоке. Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи / Вступ. ст., сост., подг. текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 1997.
- Тайная доктрина — Блаватская Е. П.: Синтез науки, религии и философии Е. П. Блаватской, автора «Разоблаченной Изиды» / Пер. Елены Рерих. [М., 1993]. Т. 1. Космогенезис. Книга 1—2.; Т. 2. Антропогенезис. Книга 3—4; Т. 3 / Пер. А. П. Хейдока.
- Блок — *Блок Александр*. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960—1963 (буквами ЗК обозначается издание: *Блок Александр*. Записные книжки 1901—1920. М., 1965).
- Богомолов — *Богомолов Н. А.* Михаил Кузмин: статьи и материалы. М., 1995 / НЛО: Научное приложение. Вып. III.
- Брюсов. Дневники — *Брюсов Валерий*. Дневники 1891—1910 / Подг. к печ. И. М. Брюсовой; примеч. Н. С. Ашукина. М., 1927 / Записи прошлого.
- Взыскующие Града — Взыскующие Града: Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В. И. Кейдана. М., 1997.
- Волошин — *Волошин Максимилиан*. Автобиографическая проза; Дневники / Сост., статья, примеч. З. Д. Давыдова, В. П. Купченко. М., 1991 / Из литературного наследия.
- Герцык — *Герцык Евгения*. Воспоминания / Сост., текстология, вступ. ст., примеч. Т. Н. Жуковской. М., 1996.
- Гумилев — *Гумилев Николай*. Соч.: В 3 т. М., 1991.
- Ежегодник — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома (с указанием года).
- Записные книжки — Записные книжки Анны Ахматовой (1958—1966) / Сост. и подг. текста К. Н. Суворовой; вступ. ст.: Э. Г. Герштейн; научное консультирование, вводные заметки, указатели В. А. Черных. М.; Torino, 1996.
- Зеленая Змея — *Волошина Маргарита (М. В. Сабашникова)*. Зеленая Змея: История одной жизни / Пер. М. Н. Жемчужниковой; предисл. С. О. Прокофьева; коммент. С. В. Казачкова и Т. Л. Стрижак. М., 1993.
- Иванов — *Иванов Вячеслав*. Собр. соч. Брюссель, 1971—1987. Т. I—IV.

- ИМЛИ — Рукописный отдел Института мировой литературы РАН.
ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома).
- Кузмин. Дневник - 34 — *Кузмин М.* Дневник 1934 года / Под ред., со вступ. ст. и примеч. Глеба Морева. СПб., 1998.
- Лавров — *Лавров А. В.* Андрей Белый в 1900-е годы: Жизнь и литературная деятельность. М., 1995 / НЛО: Научное приложение. Вып. IV.
- ЛН — Литературное наследство (с указанием тома).
- Лукницкий — *Лукницкий П. Н.* Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. Т. I: 1924—1925 гг. Paris, 1991; Т. II: 1926—1927. Париж; М., 1997.
- Минувшее — Минувшее: Исторический альманах (с указанием тома).
- НЛО — Новое литературное обозрение (журнал).
- Переписка — Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст. и коммент. А. В. Лаврова и Джона Мальмстада; подг. текста Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Джона Мальмстада. СПб., 1998.
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.
- РП — Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. М., 1989—1994. Т. 1—3.
- РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
- РНБ — Отдел рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки.
- Серков — *Серков А. И.* История русского масонства 1845—1945. СПб., 1997.
- СКМ — *Белый Андрей.* Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и примеч. Л. А. Сугай. М., 1994 / Мыслители XX века.
- Среди стихов — *Брюсов Валерий.* Среди стихов: Манифесты, статьи, рецензии / Подг. текста Н. А. Богомолова и Н. В. Котрелева; вступ. ст. и коммент. Н. А. Богомолова. М., 1990.
- Carlson (1) — *Carlson Maria.* Ivanov — Belyj — Minclova: The Mystical Triangle // Cultura e memoria: Atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjaceslav Ivanov: Testi in italiano, francese, inglese. [Firenze, 1988]. Vol. I.
- Carlson (2) — *Carlson Maria.* «No Religion Higher than Truth»: A History of the Theosophical Movement in Russia, 1875—1922. Princeton, [1993].
- Wachtel — *Wachtel Michael.* Russian Symbolism and Literary Tradition: Goethe, Novalis, and the Poetics of Vyacheslav Ivanov. [Madison, 1994].

Содержание

Предисловие	
Русский модернизм и оккультизм	5
Маленькая монография	
Anna-Rudolph	23
Статьи	
Гумилев и оккультизм	113
Тетушка искусств. Оккультные коды в поэзии М. Кузмина	145
К истолкованию статьи Блока	
«О современном состоянии русского символизма»	186
Из предыстории «Лиры Новалиса» Вяч. Иванова	203
Вячеслав Иванов и Кузмин: к истории отношений	211
Из истории русской потенциальной журналистики начала XX века	225
История одного литературного скандала	239
Об одной фракции «Цеха поэтов»	255
Об одном из источников диалога Хлебникова «Учитель и Ученик»	264
Из комментария к стихотворениям Ходасевича	270
Материалы	
Спиритизм Валерия Брюсова. <i>Материалы и наблюдения</i>	279
Из оккультного быта «башни» Вяч. Иванова	311
Между Леманом и Диксом	335
К истории эзотеризма советской эпохи	412
Из масонских речей об оккультных проблемах	444
Комментарии	463
Указатель имен	536
Условные сокращения	548

Николай Алексеевич Богомолов

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА НАЧАЛА XX ВЕКА
И ОККУЛЬТИЗМ

Редактор *Е. Шкловский*
Корректор *Е. Чеплакова*
Верстка *В. Дзядко*

ООО «НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
129626, Москва,
абонентный ящик 55
тел. (095) 976-47-88
факс (095) 977-08-28
e-mail: nlo.ltd@g23.relcom.ru

ЛР № 061083 от 6.05.1997

Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Офсетная печать. Печ. л. 35. Тираж 2000 экз.
Отпечатано с оригинал-макета в ППО «Известия»
103798, Москва, Центр, Пушкинская пл., 5. Зак. 5292.

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
В 1998 г. вышли:

Серия «Критика и эссеистика»

А. Немзер. ЛИТЕРАТУРНОЕ СЕГОДНЯ. О РУССКОЙ ПРОЗЕ. 90-Е

Книгу известного критика составили его отклики на наиболее приметные явления отечественной прозы последних лет. Среди героев книги более 70 писателей (романистов, рассказчиков, эссеистов, мемуаристов) разных поколений, придерживающихся разных эстетических принципов с В. Астафьев и А. Слаповский, Г. Владимов и А. Дмитриев, А. Битов и О. Ермаков, Ю. Давыдов и В. Пелевин. Многие разборы и оценки, предложенные Андреем Немзером в пору его работы литературным обозревателем сперва «Независимой газеты», а затем газеты «Сегодня», вызвали шумную критическую полемику. Книга может служить путеводителем по новейшей русской прозе и будет интересна самому широкому кругу читателей.

М. Харитонов. СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ. Эссе.

«Эта книга в основном... родилась из заметок, которые я ведунного лет, чаще всего на мелких листках, напоминающих фантики, конфетные обертки, на чистой стороне которых любил записывать мелькнущую мысль или впечатление герой моего романа «Линия судьбы, или Сундучок Милашевича» — так пишет об этой книге лауреат Букеровской премии (1992) Марк Харитонов. На ее страницах он размышляет о своем времени и о человеческой жизни, об искусстве и литературе, вспоминает об ушедших друзьях — поэте и правозащитнике Илье Габае, историке Н. Эйдельмане, скульпторе Вадиме Сидуре, поэте Давиде Самойлове и др.

В. Кулаков. ПОЭЗИЯ КАК ФАКТ. Статьи о стихах

Владислав Кулаков — один из немногих исследователей, занимающихся сегодня изучением литературной ситуации в России второй половины XX столетия. В основе этой книги — концепция «бронзового» века русской литературы, согласно которой 1950—80-е годы были в ней, прежде всего в поэзии, периодом подъема и расцвета, сопоставимого с «золотым», пушкинским, и серебряным веком. Этот подъем автор прямо связывает с художественными достижениями неофициальной литературы, так называемым андеграундом, и подробно рассматривает неформальные поэтические группы, школы и направления тех лет (лианозовцев, группу Черткова, смогистов, концептуалистов и др.). Художественный язык, выработанный в предыдущие десятилетия, по наблюдению автора, мощно воздействует на все явления сегодняшней литературной жизни.

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
В 1998-1999 гг. вышли:

Серия «Россия в мемуарах»

Л.Н. Энгельгардт. ЗАПИСКИ

Автор, генерал-майор, описывает свое детство, воспитание и обучение, службу у Г.А. Потемкина (своего дальнего родственника), придворный быт 1787-х гг., участие в русско-турецкой войне 1787—1791 гг., подавление польского восстания 1794 г., порядки в армии при Павле I и т.д. По ходу изложения он создает яркие портреты ряда военных и государственных деятелей, в том числе Г.А. Потемкина, П.А. Румянцева, А.В. Суворова и др.

М.А. Дмитриев. ГЛАВЫ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МОЕЙ ЖИЗНИ

Впервые публикуемая книга не уступает по своим литературным и познавательным достоинствам лучшим образцам русской мемуарной прозы. Пытливый и цепкий взор автора запечатлевает усадьбу сибирского помещика и московский благородный пансион при университете, а затем и сам университет 1810-х гг., московский театр 1820-х гг., суд и уголовные процессы того времени, литературную жизнь 1820-1840-х гг.

Н.А. Варенцов. СЛЫШАННОЕ. ВИДЕННОЕ. ПЕРЕДУМАННОЕ.
ПЕРЕЖИТОЕ

Воспоминания видного московского предпринимателя и общественно-го деятеля Н.А. Варенцова (1862—1947) охватывают период с середины XIX в. по 1905 г., в них описывается история становления и развития крупнейших московских фирм, банков, торговых домов, даны яркие характеристики их владельцев; книга содержит также бытовые зарисовки купеческой жизни Москвы и изложение драматических и анекдотических событий из жизни московских предпринимателей.

В.Н. Харузина. ПРОШЛОЕ. ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСКИХ И
ОТРОЧЕСКИХ ЛЕТ

В.Н. Харузина (1866—1931), первая русская женщина, получившая звание профессора этнографии, демонстрирует в своих впервые публикуемых мемуарах не только профессиональную наблюдательность и незаурядную память, но и блестящие литературные способности, которые позволили ей создать выразительную картину быта и нравов московского купечества второй половины XIX века.

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
В 1996—1998 гг. вышли:

Серия «**Научная библиотека**»

Игорь П. Смирнов. **РОМАН ТАЙН «ДОКТОР ЖИВАГО»**

Исследование известного литературоведа Игоря П. Смирнова посвящено тайнописи в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго». Автор стремится выявить зашифрованный в нем опыт жизни поэта в культуре, взятой во многих измерениях — таких, как история, философия, религия, литература и искусство, наука, пытается заглянуть в смысловые глубины этого значительного и до сих пор неудовлетворительно прочитанного произведения.

Б. М. Гаспаров. **ЯЗЫК, ПАМЯТЬ, ОБРАЗ.**
ЛИНГВИСТИКА ЯЗЫКОВОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

В книге известного литературоведа и лингвиста исследуется язык как среда существования человека, с которой происходит его постоянное взаимодействие. Автор поставил перед собой цель — попытаться нарисовать картину нашей повседневной языковой жизни, следуя за языковым поведением и интуицией говорящих, выработать такой подход к языку, при котором на первый план выступил бы бесконечный и нерасчлененный поток языковых действий и связанных с ними мыслительных усилий, представлений, воспоминаний, переживаний. В центре исследования — коммуникативный и духовно-творческий аспекты языковой деятельности.

НЕИЗДАННЫЙ ФЕДОР СОЛОГУБ

Крупнейший поэт, прозаик, драматург, теоретик театра и публицист, Федор Сологуб (1863—1927) более чем за 40 лет творческой деятельности оставил обширное литературное наследие, большая часть которого остается неопубликованной. В настоящий сборник вошли его стихотворения 1878—1927, драма «Отравленный сад», «Афоризмы», трактат «Достоинство и мера вещей». Биографический раздел представлен комплексом текстов, характеризующих взаимоотношения Сологуба с женой — Ан. Н. Чеботаревской, воспоминаниями о писателе и др. материалами.

Н. Букс. **ЭШАФОТ В ХРУСТАЛЬНОМ ДВОРЦЕ.**
О русских романах Владимира Набокова

Исследование французского литературоведа посвящено шести романам В. Набокова русского периода («Король, Дама, Валет»), «Камера обскура», «Приглашение на казнь» и «Дар» «Машенька», «Подвиг» и «Дар»).

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

В 1998-1999 гг. вышли:

Серия «Научная библиотека»

А. Эткинд. **ЖЛЫСТ. Секты, литература и революция**

Книга известного литературоведа и культуролога посвящена взаимодействию религиозного инакомыслия в России с культурой. Автор исследует особенности русского утопического сознания, прослеживает судьбы русского сектанства (хлысты, скопцы, духоборы, молокане и др.), которое породило уникальные идеи и формы жизни, давало свои ответы на духовные и общественные вопросы, находившиеся в центре внимания интеллигенции и политических партий.

А. Строев. **«ТЕ, КТО ПОПРАВЛЯЕТ ФОРТУНУ».**

Авантюристы Просвещения.

Книга посвящена знаменитым литераторам, побывавшим в XVIII в. в России: Казанове, Каллистро, д'Эону, Бернардену де Сен Пьеру, Чуди, Фужеру де Монброну, братьям Занновичам и др. Поскольку искатели приключений сознательно превращают свою жизнь в произведение искусства, их биографии рассматриваются как единый текст и сопоставляются с повествовательными моделями эпохи. Путешествуя в социальном, литературном и географическом пространстве, авантюрист соблазняет общество и преобразует мир, предлагая планы утопических государств.

И. Паперно. **САМОУБИЙСТВО КАК КУЛЬТУРНЫЙ ИНСТИТУТ**

Книга известного литературоведа посвящена исследованию самоубийства не только как жизненного и исторического явления, но и как факта культуры. В работе анализируются медицинские и исторические источники, газетные хроники и журнальные дискуссии, предсмертные записки самоубийц и художественная литература (романы Достоевского и "Дневник писателя"). Хронологические рамки — Россия 19-го и начала 20-го века.

М. Могильнер. **МИФОЛОГИЯ «ПОДПОЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА»**

Книга посвящена исследованию радикальной мифологии начала века, под влиянием которой находилась дореволюционная леворадикальная интеллигенция. Автор выявляет корни этой мифологии, многие из которых обнаруживаются в художественной литературе того времени. Анализ литературных произведений, героями которых были подпольщики, террористы, профессиональные революционеры и пр., позволяет проследить связь идеалов и ценностей радикальной интеллигенции с политикой, социальное функционирование соответствующих мифов.

Серия «Историческая библиотека»

«СУЩЕСТВОВАНИЯ ТКАНЬ СКВОЗНАЯ...» Борис Пастернак
Переписка с Евгенией Пастернак (дополненная письмами
к Е.Б. Пастернаку и его воспоминаниями)

Переписка Бориса Пастернака с первой женой составлена его старшим сыном и сопровождается его воспоминаниями об обстановке, в которой протекала семейная жизнь родителей. Лирическая высота любовной трагедии не снижена переданными в письмах тяжестью нищенского быта коммунальной квартиры 1920-х гг. и трудностями свободной творческой работы писателя и художницы, которые стали в конце концов причиной их расставания в 1931 г. В их переписку естественным образом включается взрослеющий сын, восстанавливающий в памяти свои разговоры с отцом, совместные занятия и прогулки и волею судеб ставший в наше время биографом и издателем.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Е. А. БОРАТЫНСКОГО.
1800—1844 Составитель А.М. Песков.

Эта книга является опытом хронологической систематизации всех известных к сегодняшнему дню фактов жизни и творчества великого русского поэта Е.А. Боратынского. Более половины из 1400 дат Летописи — это даты либо уточненные, либо впервые введенные в научный оборот. Зафиксированы все документально подтверждаемые случаи общения Боратынского с А.С. Пушкиным, А.А. Дельвигом, П.А. Вяземским, В.А. Жуковским, И.В. Киреевским и другими писателями первой половины XIX века. В Летопись включены полные тексты всех известных к настоящему времени писем поэта.

ВИДОК ФИГЛЯРИН

Агентурные записки и письма Ф.В. Булгарина в III отделение.
Составитель А.И. Рейтблат.

В книге впервые в полном объеме публикуются письма и агентурные записки популярного журналиста и писателя Ф.В. Булгарина в III отделение (за 1826—1856 гг.). Записки воспринимаются как своеобразные репортажи «скрытой камерой» о закулисных сторонах русской жизни того времени, фактах и слухах, обычно остающихся неизвестными современникам и потомкам. Книга содержит информацию о литературе, журналистике, театре, цензуре, общественном мнении, секретной полиции, армии, управленческом аппарате и т.д.; среди ее героев Николай I и Пушкин, П. Вяземский и Н. Полевой, М. Погодин и А. Ермолов, М. Сперанский и А. Грибоедов. Книга содержит обширную вступительную статью, подробные комментарии и аннотированный указатель имен.

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
В 1998 г. вышли:

Серия «Филологическое наследие»

М.К. Азадовский и Ю.Г. Оксман.
ПЕРЕПИСКА

В книге представлен сохранившийся корпус переписки двух выдающихся ученых-филологов, историков русской литературы и общественной мысли – Марка Константиновича Азадовского (1888–1954) и Юлиана Григорьевича Оксмана (1895–1970). Письма охватывают 1944–1954 гг. (от возвращения Оксмана с Колымы до смерти Азадовского), драматическое десятилетие советской истории, когда диктат сталинского режима более всего был направлен на идеологию и культуру (ждановские постановления по литературе и искусству, борьба с «низкопоклонством и космополитизмом»). Научная и литературная тематика тесно сплетена в письмах с обсуждением общественных проблем, трагических поворотов в судьбах русской интеллигенции. Письма снабжены обширным научным комментарием, являющимся уникальным путеводителем по истории отечественной науки послевоенных лет. Издание адресовано филологам, историкам, политологам, специалистам по истории науки и общественной мысли.

И.Д. Ермаков. **ПСИХОАНАЛИЗ ЛИТЕРАТУРЫ. ПУШКИН.
ГОГОЛЬ. ДОСТОЕВСКИЙ**

В книгу известного ученого И.Д. Ермакова, одного из основателей русской психоаналитической школы, входят его исследования по русской литературе: книги о Пушкине (1923) и Гоголе (1924), неопубликованная монография о Достоевском; впервые печатается Автобиография ученого, небольшая подборка его эссенцистических текстов, написанных в 1930-е годы.

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
В 1999 г. вышли:

Серия «Критика и эссеистика»

Г. Чхартишвили. ПИСАТЕЛЬ И САМОУБИЙСТВО

Книга посвящена всестороннему исследованию одной из самых драматичных проблем человечества — феномена самоубийства. Рассматривая исторический, юридический, религиозный, этический, философский и иные аспекты «худшего из грехов», книга уделяет особое внимание судьбам литераторов-самоубийц — не только потому, что писателей относят к так называемой «груше высокого суицидального риска», но еще и потому, что homo scribens является наиболее ярким и удобным для изучения носителем видовых черт homo sapiens. Последняя часть книги — «Энциклопедия литературицида» — содержит более 350 биографических справок о писателях, добровольно ушедших из жизни.

Серия «Научная библиотека»

О. Проскурян. ПОЭЗИЯ ПУШКИНА, ИЛИ ПОДВИЖНЫЙ ПАЛИМПЕСТ

В книге рассматривается эволюция поэзии Пушкина в ее диалоге с русской поэтической традицией. Встреча Жуковского, Батюшкова и Ивана Баркова в «Руслане и Людмиле»; пародические подтексты южных поэм; Владимир Ленский как поэт-порнограф; деконструкция элегии и баллады в поэзии 1820-х годов; превращение мифа о священном государстве в миф о сакральной личности в поздней пушкинской лирике — таковы некоторые из тем новой монографии. В «Приложениях» вошли работы, в которых показана связь панталонов, фрака и жилета с полемикой о старом и новом слоге («Евгений Онегин»). Понимание интертекстуальности, предложенное автором, во многом полемично по отношению к постструктуралистскому (и особенно деконструктивистскому) литературоведению.

«Художественная серия»

А. Пятигорский. ВСПОМНИШЬ СТРАННОГО ЧЕЛОВЕКА...

Новый роман известного философа и культуролога, автора получившего широкий резонанс романа «Философия одного переулочка». В прозе А. Пятигорского сочетается парадоксальность художественного мышления и глубина психологического анализа, социальная зоркость и своеобразная художественная историсофия, интеллектуальная рефлексия и проникновенный лиризм.

НОВОЕ литературное обозрение

Теория и история литературы, критика и библиография

Периодичность 6 раз в год

Главный редактор — Ирина Прохорова

«Новое литературное обозрение» — первый российский независимый филологический журнал, свободный как от государственного идеологического диктата, так и от узкоцеховых пристрастий. «НЛО» ставит своей задачей максимально полное и объективное освещение современного состояния русской литературы и культуры, пересмотр устаревших категорий и клише отечественного литературоведения, осмысление проблем русской литературы в широком мировом культурном контексте.

«НЛО» уделяет большое внимание информационным жанрам: хронике культурной жизни России и зарубежья (конференции, симпозиумы, чтения), обзорам и тематическим библиографиям книжно-журнальных новинок, презентации новых трудов по теории и истории литературы.

Координаты редакции «НЗ»:

Почтовый адрес: Москва, 129626 абонент. ящик 55

тел: (095) 976 — 4788

факс: (095) 977 — 0828

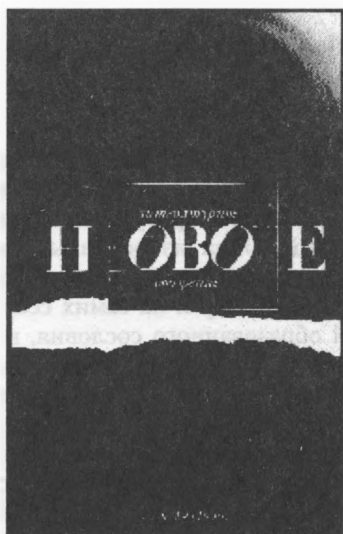
E-mail: nlo.ltd@g23.relcom.ru

электронная версия журнала: http://www.book_mekka.ru

Оформить подписку на 1999 год вы можете в любом почтовом отделении Российской Федерации по каталогам следующих агентств:

Агентство «Сегодня-пресс»: подписной индекс 39356
(в объединенном каталоге Почты России «Подписка-99»)

Агентство «Роспечать»: подписной индекс 47147 (на I полугодие)
подписной индекс 48947 (на весь год)

НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ Запас

Очерки нравов культурного сообщества

Периодичность 6 раз в год

«НЗ» — журнал об интеллигенции и для интеллигенции, своего рода интеллектуальный дайджест, форум разнообразных идей и мнений. Одна из основных задач «НЗ» — объективный анализ того запаса идей и воззрений на мир и на самих себя представителей образованного сословия, который почти всегда воспринимался как безусловная данность, как аксиома. Среди вопросов и тем, обсуждаемых на страницах журнала: интеллигенция и власть; интеллигенция и деньги; институции гуманитарной мысли, интеллигенция и другие сословия; культовые фигуры, властители дум; новые исторические мифологемы; метрополия — диаспора, парадоксы национального сознания за границей; религиозные и этнические проблемы; проблемы образования; столица — провинция и др.

Координаты редакции «НЗ»:

Почтовый адрес: Москва, 129626 абонент. ящик 55

тел: (095) 976 — 4788

факс: (095) 977 — 0828

E-mail: nlo.ltd@g23.relcom.ru

электронная версия журнала: http://www.book_mekka.ru

Оформить подписку на 1999 год вы можете в любом почтовом отделении Российской Федерации по каталогам следующих агентств:

Агентство «Сегодня-пресс»: подписной индекс 42756
(в объединенном каталоге Почты России «Подписка-99»)

Агентство «Роспечать»: подписной индекс 45683 (на I полугодие)

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА НАЧАЛА XX ВЕКА И ОККУЛЬТИЗМ

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

ISBN 5-86793-068-8

9 785867 930684